Том Клэнси. Охота за "Красным Октябрем"

The Hunt for Red October
Джек Райан #3
Перевод: И.Почиталин
OCR: "Online-Library", http://www.bestlibrary.ru/

Ралфу Чатему, командиру подлодки, который всегда говорил правду, а также всем подводникам

Мне хочется выразить искреннюю благодарность за советы и техническую информацию Майклу Шелтону, бывшему летчику ВМС США; Лэрри Бонду, чья военная игра "Гарпун" используется при подготовке офицеров резерва ВМС; докторам Джерри Стернеру и Крейгу Джешке, а также капитан-лейтенанту Грегори Янгу.

Все действующие лица этого романа за исключением Сергея Горшкова, Юрия Падорина, Олега Пеньковского, Валерия Саблина, Ганса Тофте и Гревилля Винна, представляют собой плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами как ныне здравствующими, так и умершими, является чисто случайным. Имена, события, диалоги и взгляды - плод воображения автора и не могут быть истолкованы как происходившие в реальной жизни. Все, что высказано в этой книге, нельзя рассматривать как точку зрения Военно-морских сил США или любых других государственных учреждений.

День первый

Пятница, 3 декабря

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Капитан первого ранга Военно-морского флота СССР Марк Рамиус был одет соответственно арктическим условиям, обычным для базы подводных лодок Северного флота в Полярном: пять шерстяных свитеров, а поверх - непромокаемый комбинезон. Черный от копоти портовый буксир развернул нос его подводной лодки на север, в сторону канала. Док, внутри которого два последних долгих месяца находился "Красный Октябрь", теперь снова стал наполненным водой бетонным ящиком, одним из тех, что предназначены для укрытия подводных ракетоносцев стратегического назначения от суровых арктических погод. Моряки и портовые рабочие, собравшиеся на краю дока, наблюдали за выходом в море подводной лодки в принятой у русских манере - молча и без восторгов.

- Малый вперед, Комаров, - скомандовал капитан. Буксир отвернул в сторону, и Рамиус посмотрел на корму, за которой от мощного потока, отбрасываемого двумя бронзовыми винтами, яростно бурлила вода. Капитан

буксира помахал рукой, и Рамиус поднял руку в ответ. Буксир справился со своей несложной работой быстро и умело. "Красный Октябрь", подводная лодка типа "тайфун" <В книге автор применительно к военным кораблям и летательным аппаратам употребляет классификацию НАТО.>, направился теперь к главному судоходному каналу - выходу из Кольского залива.

- А вот и "Пурга", товарищ командир. - Григорий Комаров показал на ледокол, который будет сопровождать их до моря.

Рамиус кивнул. Предстоящий двухчасовой переход по заливу потребует не столько особого искусства, сколько просто терпения. Дул холодный северный ветер, единственный, что господствует в этой части света. Поздняя осень в этом году выдалась на удивление погожей, и снега, глубина которого здесь обычно измеряется метрами, выпало немного. Неделю назад на Мурманское побережье обрушился свирепый шторм, который разрушил арктические паковые льды, так что присутствие ледокола было действительно необходимо. "Пурга" будет расчищать путь для подлодки, расталкивая льдины, которые может занести за ночь на фарватер. Будет совсем некстати, если такая замерзшая глыбина морской воды случайно выведет из строя новейший подводный ракетоносец советского военно-морского флота.

По широкому заливу катились крутые волны, подгоняемые свежим ветром. Порой они перехлестывали через овальный нос "Красного Октября", скатываясь потоками с плоской ракетной палубы перед отвесной черной стеной рубки, или "паруса", как называют рубку подводники. Поверхность грязной воды была подернута слоем нефти, оставленной здесь бесчисленными судами. При низких здешних температурах испаряться она не способна, и на скалистых берегах залива остаются черные полосы, словно тут купался неопрятный великан. А ведь и впрямь удачное сравнение, подумал Рамиус. Советскому великану нет дела до грязи, которую он оставляет на поверхности земли. Рамиус учился морскому делу мальчишкой на рыбачьих судах, не покидавших прибрежных вод, и хорошо понимал, как важно быть в ладу с природой.

- Увеличить обороты до одной трети, - произнес он. Комаров передал команду капитана в машинное отделение по телефону на мостике. Шум воды за бортом усилился, и "Красный Октябрь" двинулся следом за "Пургой". Капитан-лейтенант Комаров был на "Красном Октябре" штурманом, а до перевода на него служил портовым лоцманом и занимался проводкой крупных военных кораблей, которые базировались по обеим берегам широкого залива. Оба офицера наблюдали за ледоколом, который двигался в трехстах метрах впереди. На юте ледокола приплясывали от холода матросы, один из них даже был в белом фартуке корабельного кока. Всем хотелось стать свидетелями первого выхода в море могучего ракетоносца, да и вообще матросы рады всему, что способно хоть как-то нарушить монотонное течение их службы.

В другое время такой эскорт вызвал бы раздражение Рамиуса - фарватер здесь был широким и глубина не вызывала опасений, - но не сегодня. Лед - дело серьезное. Да и все остальное было не менее важным для капитана.

- Ну вот, товарищ командир, мы снова выходим в море во имя защиты нашей родины! - Капитан второго ранга Иван Юрьевич Путин высунул голову из люка и, как всегда, без разрешения поднялся на мостик с неловкостью сухопутного моряка. На крошечном ходовом мостике, где стояли командир, штурман и

безмолвный впередсмотрящий, и без того было тесно. Путин занимал должность замполита - заместителя командира корабля по политической части. Все, что он делал, совершалось во славу Родины, Отечества - эти слова были для русских святыми, как и имя Ленина, которого волей Коммунистической партии просто обожествляли.

- Ты прав, Иван Юрьевич. - Голос Рамиуса звучал приветливо, никак не отражая его истинных чувств. - Одно удовольствие провести пару недель в море, особенно после дока. Место настоящего моряка в море, а не на суше, где его постоянно теребят бюрократы. Да и эти работяги в грязных сапогах изрядно надоели, снуют повсюду. Ну, и согреемся наконец.

- Вы считаете, что сейчас холодно? - недоуменно спросил Путин.

Уже в который раз Рамиус подумал, что Путин истинный замполит. Его нарочито громкий голос и самоуверенная манера держаться никому ни на минуту не позволяют забыть, кто он такой. Идеальный политрук, но человек в высшей степени не безопасный.

- Я слишком долго плаваю на подводных лодках, мой друг, так что привык к умеренной температуре и надежной палубе под ногами. - Путин не заметил скрытого намека на свою слабость - его перевели на подводные лодки после того, как выяснилось, что хроническая морская болезнь не позволяет ему служить на эсминцах. А может быть, еще и потому, что замполит не страдал клаустрофобией, боязнью замкнутого пространства, невыносимой для многих внутри подводных лодок.

- Подумать только, Марк Александрович, сейчас в Горьком розы цветут!

- Что вы имеете в виду, товарищ замполит? - спросил Рамиус, не отрываясь от бинокля. Был полдень, но солнце едва поднялось из-за горизонта на юго-востоке, отбрасывая оранжевые косые лучи и пурпурные тени на отвесные скалистые берега вдоль залива.

- Морозные розы, разумеется, - громко рассмеялся Путин. - В такой день у детей и женщин расцветает румянец во всю щеку, пар от дыхания, а водка особенно хороша! Вот бы сейчас туда!

Этому подонку надо в Интуристе работать, подумал Рамиус, только вот Горький закрыт для иностранцев. Сам он бывал там дважды. Горький показался ему обычным советским городом - ветхие дома, грязные улицы, серые, плохо одетые люди. Как и в большинстве советских городов, зима там - лучшее время года. Под снегом не видно грязи. Рамиус, полулитовец по национальности, вынес куда более приятные воспоминания о месте, где вырос, прибрежном селении с рядами чистеньких построек - наследии ганзейских времен.

Находиться на борту советского военного корабля - больше того, командовать им - было в высшей степени необычно для нерусского. Однако отец Марка, Александр Рамиус, был видным партийным деятелем, правоверным коммунистом и служил Сталину верой и правдой. Когда Советский Союз в 1940 году оккупировал Литву, Рамиус старший активно участвовал в арестах недовольных, священников, владельцев фабрик и магазинов, а также всех тех, кто оказались неугодными новому режиму. Арестованных вывезли неизвестно куда, и теперь даже Москва могла всего лишь гадать о постигшей их судьбе. Когда год спустя на страну напали немцы, Александр пошел на фронт, стал комиссаром, отличился в боях под Ленинградом. В 1944 году он вернулся на

родную землю с передовыми частями Одиннадцатой Гвардейской армии и начал беспощадно карать всех тех, кто сотрудничали с немцами или кого в этом подозревали. Отец Марка был просоветски настроенным человеком, и Марк испытывал за него глубокий стыд. Здоровье матери было подорвано длительной блокадой Ленинграда, и она умерла при родах. Мальчика растила бабушка, мать отца, жившая в Литве, в то время как сам отец важно расхаживал по Центральному комитету партии в Вильнюсе в расчете на повышение и перевод в Москву. В конце концов это свершилось. Он был уже кандидатом в члены Политбюро, когда скоропостижно умер от сердечного приступа.

Но с именем отца у Марка было связано не только чувство стыда. Видное положение родителя позволило ему достичь нынешнего собственного высокого положения. И сейчас Марк намерен был осуществить свой план, считая, что возмездие окажется достаточным, чтобы упокоить души тысяч соотечественников, погибших еще до его рождения.

- Там, куда мы идем, Иван Юрьевич, еще холоднее.

Путин похлопал капитана по плечу. Интересно, его расположение ко мне притворное или искреннее? - подумал капитан. Пожалуй, это все же не игра. Будучи честным человеком, Рамиус не мог отказать этому низкорослому крикливому типу во всех человеческих чувствах.

- Скажите, товарищ командир, почему, выходя в море, вы всегда с такой радостью покидаете родные берега?

По лицу Рамиуса, скрытому биноклем, скользнула улыбка.

- У моряка, Иван Юрьевич, одна родина, зато две жены. Вам этого не понять. Вот и сейчас я отправляюсь к своей второй жене, холодной и бессердечной, которой принадлежит моя душа. - Рамиус замолчал, лицо его сделалось жестким. - Тем более что теперь это моя единственная жена.

Путин осекся, и это не ускользнуло от внимания капитана. Замполит присутствовал на похоронах и по-настоящему плакал, когда сосновый полированный гроб скользнула печь крематория. Для него смерть Натальи Богдановны Рамиус была волей судьбы, но еще и безжалостным перстом Божьим, существование которого он так настойчиво отрицал. Рамиус же считал смерть жены преступлением отнюдь не Бога, а государства. Бессмысленным, чудовищным преступлением, которое требовало возмездия.

- Льдина! - впередсмотрящий протянул руку в направлении опасности.

- Дрейфующие льды, откололись от правого берега, а возможно, от ледника на восточной стороне. Пройдем без труда, - отозвался Комаров.

- Товарищ командир, радиограмма из штаба флота, - донесся из динамика металлический голос.

- Читайте, - приказал Рамиус.

- Район учений свободен. Вражеские суда не обнаружены. Действуйте согласно приказам. Подпись: Коров, командующий Северным флотом.

- Принято, - отозвался Рамиус. Раздался щелчок, и динамик отключился. - Значит, американцев поблизости нет?

- Вы сомневаетесь в информации командующего флотом? - спросил Путин.

- Надеюсь, он прав. - Рамиус ответил вполне искренне, чему замполит не очень поверил. - Но вы ведь помните, что нам говорили при инструктаже.

Путин переминался с ноги на ногу. Возможно, и от холода.

- Я имею в виду американские подлодки - 688-е, типа "лос-анджелес", Иван Юрьевич. Помните, что сказал один из их офицеров нашему разведчику? Такая подлодка может подкрасться к, китихе и трахнуть ее, прежде чем она это почувствует. Интересно, каким образом КГБ получил такую информацию? Не иначе тут не обошлось без какой-нибудь прелестной шпионки, блондинки, тощей как вобла, в западном вкусе, такие особенно нравятся империалистам... - проворчал капитан, делая вид, что испытывает удовольствие от собственной шутки. - Скорее всего, американский офицер просто прихвастнул, чтобы произвести впечатление. Да и наверняка был навеселе, как это водится у моряков. И все-таки нам следует остерегаться американских "лос-анджелесов" и новых британских "трафальгаров". Они представляют для нас немалую опасность.

- У американцев хорошие инженеры, товарищ командир, - заметил Путин, - но не следует преувеличивать их способности. Американская технология не такая уж и потрясающая. Наша лучше, - закончил он.

Рамиус задумчиво кивнул, думая о том, что замполитам не грех иметь хоть какое-то представление о кораблях, на которые их посылает служить партия.

- Иван Юрьевич, уж у вас-то на Волге знают, что, не спросившись броду, не мечутся в воду. Впрочем, не тревожьтесь. С нашей подлодкой мы им нагоним жару.

- Совершенно верно, товарищ командир. - Путин снова похлопал Рамиуса по плечу. - Я сказал в Главном политуправлении, что "Красный Октябрь" в надежных руках.

Оба офицера - и Рамиус и Комаров - не сдержали улыбки. Вот ведь сукин сын, подумал капитан, он еще осмелился сказать в присутствии моих подчиненных, что якобы имеет право судить о моей профессиональной подготовке как командира корабля! А сам и с резиновым плотом в тихую погоду не управится! Жаль, что ты не доживешь до времени, когда тебе пришлось бы взять свои слова обратно, товарищ замполит, и провести остаток дней за совершенную ошибку в ГУЛАГе. Пожалуй, ради этого стоило бы сохранить тебе жизнь.

Через несколько минут волнение усилилось, и подлодка начала переваливаться с борта на борт. На высоте рубки качка ощущалась еще сильнее, и Путин нашел предлог, чтобы поспешно спуститься вниз. Сухопутная крыса. Рамиус переглянулся с Комаровым, который глазами улыбнулся в ответ. Их молчаливое презрение к замполиту свидетельствовало о не слишком большой приверженности к советскому образу мыслей.

Следующий час плавания промелькнул быстро. По мере приближения к открытому морю волнение увеличивалось и сопровождающий их ледокол теперь уже бросало на волнах. Рамиус с интересом наблюдал за "Пургой". Ему не доводилось плавать на ледоколах, вся его служба прошла на подводных лодках - здесь было комфортнее, хотя и опасней. Впрочем, он привык к опасности, и теперь многолетний опыт сослужит ему свою службу.

- Вижу бакен, товарищ командир, - произнес Комаров, указывая направление. Красный зажженный бакен раскачивался на волнах.

- Центральный пост, сообщите глубину, - произнес Рамиус в трубку телефона.

- Сто метров под килем, товарищ командир.

- Увеличить обороты до двух третей, лево руля десять градусов. - Рамиус

посмотрел на Комарова. - Сообщи на "Пургу" о перемене курса и проследи, чтобы они не повернули в нашу сторону.

Комаров взял маленький фонарь-мигалку и просигналил на ледокол. Подводный ракетоносец начал медленно увеличивать скорость, преодолевая инерцию своей огромной массы в тридцать тысяч тонн. Наконец мощные двигатели разогнали "Красный Октябрь", и вода, рассекаемая форштевнем, образовала трехметровую пенящуюся арку; волны от нее перекатывались через палубу, разбиваясь об отвесную стену рубки. "Пурга" отвернула вправо, уступая путь ракетоносцу.

Рамиус посмотрел в сторону кормы на отвесные утесы Кольского залива. Тысячелетия назад они обрели такую форму под безжалостным напором гигантских ледников. Сколько раз за двадцать лет службы на Краснознаменном Северном флоте доводилось ему смотреть на этот широкий залив с его скалистыми берегами? Сейчас он видит их в последний раз. Так или иначе он не вернется обратно. Что ждет его впереди? Рамиус откровенно признался себе, что это его не особенно волнует. Может быть, то, что говорила ему в детстве бабушка о Боге и вознаграждении за честно прожитую жизнь, действительно правда. Он очень надеялся на это; как было бы замечательно, если бы Наталья не ушла навсегда. Как бы ни сложилось теперь, пути назад нет. В последнем мешке с почтой, переданном на берег перед самым выходом в море, он оставил письмо. Возврат теперь исключен.

- Комаров, просигналь на "Пургу": погружаемся в... - капитан посмотрел на часы, - в тринадцать двадцать. Операция "Октябрьский мороз" начинается в соответствии с графиком. Можете приступать к другим обязанностям. Вернемся в назначенный срок.

Комаров передал сообщение на ледокол, нажимая на кнопку сигнального прожектора. Оттуда мигом последовал ответ, и Рамиус без помощи сигнальщика прочитал световые вспышки: ЕСЛИ ТОЛЬКО КИТЫ НЕ СХАРЧАТ ВАС. СЧАСТЛИВОГО ПУТИ, "КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ".

Рамиус поднял трубку телефона, нажал на кнопку вызова радиорубки и приказал передать аналогичное сообщение в штаб флота в Североморске. Затем он вызвал центральный пост.

- Глубина под килем?

- Сто сорок метров, товарищ командир.

- Приготовиться к погружению. - Рамиус повернулся к впередсмотрящему и приказал ему спуститься внутрь подлодки. Молодой матрос направился к люку. Наверно, он рад был покинуть мостик и снова оказаться в тепле, но приостановился у люка и еще раз посмотрел на небо, затянутое облаками, и на исчезающие вдали скалистые утесы. Выход в море на подводной лодке всегда одновременно волнует и печалит душу моряка.

- Очистить мостик. Примешь на себя управление, Григорий, когда спустишься в центральный пост.

Комаров кивнул и исчез внутри рубки. Капитан остался один.

Рамиус в последний раз окинул внимательным взглядом горизонт. Солнце едва виднелось за кормой, над головой нависли свинцовые тучи, море вокруг казалось черным, только белели гребешки на вершинах волн. Неужели я сейчас прощаюсь с миром? - подумал капитан. Если так, то я предпочел бы увидеть под

занавес что-нибудь повеселее.

Прежде чем скользнуть по ведущему вниз трапу, он осмотрел затвор люка, потянул за цепочку, закрывающую его, и убедился, что автоматическое устройство герметизации сработало надежно. Восьмиметровый спуск внутри паруса к прочному корпусу <Прочный корпус - внутренний герметичный корпус подводной лодки из толстых листов металла. Между наружным и прочным корпусами находятся балластные цистерны.> лодки, еще два трапа - и центральный пост. Мичман задраил второй люк и резким движением сильных рук повернул до предела запорное колесо.

- Григорий? - произнес Рамиус.

- Полный порядок, - отрывисто бросил штурман, указывая на пульт погружения. Датчики герметизации корпуса светились зеленым светом - корпус надежно задраен. - Все системы проверены. Лодка готова к погружению.

Капитан лично провел визуальный осмотр датчиков механических, электрических и гидравлических систем, кивнул, и вахтенный мичман открыл щит управления клапанами продувки.

- Погружение, - скомандовал Рамиус и прошел к перископу, где сменил своего старпома Василия Бородина.

Комаров нажал на кнопку, и во всех помещениях подлодки прозвучал пронзительный сигнал, эхом отразившийся от корпуса ракетоносца.

- Заполнить главные балластные цистерны. Плоскости горизонтальных рулей вниз на десять градусов, - приказал Комаров, внимательно наблюдая за тем, чтобы каждый матрос точно исполнял его распоряжения.

Рамиус прислушивался к происходящему в центральном посту, но не следил за действиями моряков. Комаров был лучшим молодым офицером, когда-либо служившим под его началом, и уже давно завоевал полное доверие капитана.

Корпус "Красного Октября" наполнился шумом воздуха, вырывающегося из открытых клапанов продувки, размещенных в верхней части балластных цистерн. В цистерны, вытесняя воздух, поддерживавший плавучесть подлодки, хлынул поток воды. Процесс погружения требовал времени, потому что в корпусе подводного ракетоносца находилось множество таких цистерн, каждая из которых была разделена на отдельные ячейки. Рамиус отрегулировал перископ и увидел, как черная вода за бортом на короткое время превращается в пену.

"Красный Октябрь" был самой большой и самой современной подводной лодкой из всех, какими доводилось командовать Рами-усу, но у нее имелся один крупный недостаток. На ней была мощная двигательная установка и новый практически бесшумный движитель <Движитель - устройство для преобразования энергии двигателя в работу, расходуемую на преодоление сопротивления при движении. У кораблей движителем является гребной винт.>, который, надеялся Рамиус, сможет сбить с толку как американские, так и советские подводные лодки, однако ее водоизмещение было столь велико, что она, подобно раненому киту, слишком медленно меняла глубину погружения. Лодка медленно всплывала и еще медленнее погружалась.

- Перископ ниже уровня воды. - Рамиус не сразу отошел от прибора. - Убрать перископ, - скомандовал он.

- Проходим сорок метров, - доложил Комаров.

- Выровнять лодку на сотне метров.

Теперь Рамиус наблюдал за работой своих матросов. При первом погружении холодок пробегает по коже даже у опытных моряков, а его команда наполовину состояла из недавних деревенских парней, прибывших на "Красный Октябрь" прямо с подготовительных курсов. Корпус подлодки потрескивал от давления окружающей воды, и к этому тоже надо привыкнуть. У нескольких молодых матросов побледнели лица, но ребята стояли на своих боевых постах, стараясь не подавать виду, что им не по себе.

Комаров приступил к процедуре выравнивания подлодки на заданной глубине. Слушая четкие команды капитан-лейтенанта, Рамиус следил за ним с гордостью, словно за собственным сыном. Комаров был первым, кого он посвятил в свои планы. Моряки в центральном посту безукоризненно повиновались ему. Через пять минут подводный ракетоносец замедлил погружение на глубине девяноста метров, плавно опустился еще на десять и остановился точно на сотне.

- Молодец, капитан-лейтенант. Прими управление на себя. Снизить обороты до одной трети. Акустикам прослушивать глубины в пассивном режиме. - Рамиус направился к выходу из центрального поста, дав знак Путину следовать за ним.

Итак, началось.

Сопровождаемый Путаным, Рамиус направился в сторону кормы к офицерской кают-компании. Капитан открыл дверь и, пропустив вперед замполита, запер ее за собой. Просторная для подводной лодки офицерская кают-компания находилась перед камбузом, рядом с каютами офицеров. Переборки ее были звуконепроницаемыми, а на двери был установлен замок: проектировщики знали - не все сказанное здесь предназначено для рядового состава. Весь офицерский состав подлодки мог собраться тут за обеденным столом, тем более что по меньшей мере трое офицеров постоянно находились на вахте. В этом же помещении помещался и сейф с секретными приказами - именно здесь, а не в каюте командира, где ее владелец, воспользовавшись одиночеством, может попытаться тайком вскрыть их. На дверце сейфа имелись два цифровых замка. Одну комбинацию доверили Рамиусу, другую - замполиту. Впрочем, так ли это было необходимо, если Путин несомненно знал содержание приказов. Рамиусу они тоже были известны, хотя и не во всех деталях.

Пока Путин наливал чай, капитан сверил свои часы с корабельным хронометром, висевшим на переборке. Еще пятнадцать минут до того, как он должен открыть сейф. От предупредительности Путина Рамиусу стало не по себе.

- Еще две недели в заточении. - Позвякивая ложечкой, замполит помешивал чай.

- Американцы проводят под водой и по два месяца. Правда, их подводные лодки намного комфортабельней, - отозвался Рамиус. Несмотря на огромные размеры "Красного Октября", его команда размещалась в условиях, которые мало отличались от тюремных. Экипаж состоял из пятнадцати офицеров, в распоряжении которых находились довольно удобные каюты, которые размещались в кормовой части лодки, и сотни матросов, спавших на рундуках и койках в носовом кубрике перед ракетным отсеком. "Красный Октябрь" казался таким большим лишь снаружи, внутри же его двойной корпус был до отказа забит снаряжением, необходимым для выполнения боевых задач:

ракетами, торпедами, атомным реактором со вспомогательным

оборудованием, огромным резервным дизельным двигателем и длинными рядами никель-кадмиевых батарей, расположенных за пределами прочного корпуса, размеры которого в десять раз превосходили корпус американских лодок. Управлять таким кораблем и поддерживать его в исправном состоянии - тяжелейшая задача для столь маленького экипажа, при том что широкое применение автоматики делало "Красный Октябрь" самым современным кораблем Военно-морского флота СССР. Возможно, поэтому-то команде и не требовались хорошие койки, так как матросам доводилось спать в них всего по пять-шесть часов в сутки.

Рамиуса устраивал состав команды. Половина экипажа состояла из новобранцев, у которых это первый серьезный выход в море, да и остальные, более опытные матросы, мало что понимали. В отличие от экипажей подводных лодок западных ВМС сила команды Рамиуса заключалась скорее в одиннадцати мичманах, чем в старшинском составе. Все они были специалистами, получившими специальное образование и обучение, готовыми беспрекословно выполнять приказы своих офицеров. А вот офицеров Рамиус подобрал сам.

- Неужели вам тоже хочется пропадать в море по два месяца? - поднял брови Путин.

- Мне приходилось плавать по два месяца, когда я служил на дизельных подлодках, Иван Юрьевич. Место моряка - в море. Наша задача - внушать страх империалистам. Вряд ли мы добьемся этого, стоя на приколе в Полярном. Просто "Октябрь" не может находиться в море больше двух недель, потому что после этого срока резко снижается работоспособность людей. Через две недели этот детский сад будет не более чем скопищем бездумных роботов. - Именно на этом и строил свой расчет Рамиус.

- Что же, достаточно команде вкусить капиталистической роскоши, и мы избавимся от всех трудностей? - усмехнулся Путин.

- Истинный марксист всегда объективен, товарищ замполит, - осек его Рамиус, наслаждаясь мыслью, что это его последний спор с парторгом. - С точки зрения объективности все, что помогает нам успешно решать поставленные задачи, - это хорошо, а все, что мешает, - плохо. Трудности должны закалять человеческую душу и повышать мастерство, а не притуплять его. Разве плавание на борту подводной лодки само по себе не суровое испытание?

- Но не для вас же, Марк Александрович. - Путин поднес к губам стакан с чаем.

- Я - моряк, в отличие от моей команды. Большинство из ребят никогда не станут моряками. Это деревенские парни, мечтающие стать рабочими и перебраться в город. Следует идти в ногу со временем, Иван Юрьевич. Эти парни иные, чем были мы в их годы.

- Пожалуй, - согласился Путин. - Вы никогда не бываете довольны, товарищ командир. Наверно, люди, подобные вам, и являются двигателями прогресса, заставляют всех нас идти вперед.

Оба хорошо знали, почему советские подводные лодки проводят так мало - всего пятнадцать процентов времени - в море, и это не имело никакого отношения к удобствам, с которыми размещалась команда. На "Красном Октябре" находилось двадцать шесть ракет типа "морской ястреб", СС-Н-20, каждая из которых несла по восемь разделяемых боеголовок индивидуального наведения

мощностью в пятьсот килотонн. Эти ракеты были способны уничтожить двести городов. Бомбардировщики наземного базирования могли проводить в воздухе считанные часы, затем им приходилось возвращаться на аэродромы. Ракеты, размещенные вдоль главных советских железнодорожных магистралей, протянувшихся с Запада на Восток, находились под контролем военизированных частей КГБ, готовых принять экстренные меры, если какой-нибудь командир ракетного полка вдруг осознает, какая гигантская мощь в его руках. А вот подводные ракетоносцы уже по определению находятся вне всякого контроля с суши, и их задача только в том, чтобы оставаться невидимыми.

Размышляя об этом, Рамиус изумлялся тому, что правительство вообще решилось обзавестись кораблями такого типа. Их экипажам приходилось безоговорочно полностью доверять. Вот почему они выходили в море реже западных кораблей такого же класса, и, когда находились в море за пределами контроля с суши, на борту рядом с командиром всегда был замполит - что-то вроде второго капитана, на которого каждый раз оглядывались, одобряет ли он приказ.

- Неужели, Марк Александрович, вы решились бы на двухмесячный поход с этой деревенщиной?

- Вы ведь знаете, я предпочитаю иметь дело с полуобученными новобранцами. Их легче переучивать. К тому же у меня свой собственный способ делать из этих парней настоящих моряков. Возможно, я тут грешу культом личности!

Путин засмеялся и закурил сигарету.

- Вы думаете, об этом неизвестно, Марк Александрович? Но лучше вас у нас на флоте нет учителя, да и ваша преданность ни у кого не вызывает сомнений.

Это было правдой. Рамиус воспитал сотни офицеров и матросов. Теперь они служили на других подводных лодках, любой командир подлодки мечтал заполучить их к себе. Не менее парадоксальным было и то, что ему удалось окружить себя ореолом доверия в обществе, где люди вообще редко доверяли друг другу. Разумеется, Рамиус был преданным членом партии, сыном видного партийного деятеля, гроб с телом которого несли в последний путь три члена Политбюро, Путин поднял кверху палец.

- Вас следовало бы назначить начальником одного из высших военно-морских училищ, товарищ командир, - авторитетно изрек он. - Там вы могли бы лучше проявить свои способности на благо нашего государства.

- Нет, Иван Юрьевич, я - моряк. Всего лишь моряк, а не школьный учитель, что бы там ни говорили обо мне. Умный человек знает пределы своих способностей. - А смелый использует предоставившиеся возможности, подумал капитан. Все офицеры, находящиеся сейчас на борту "Красного Октября", в прошлом служили под его командованием, исключение составляли трое молодых лейтенантов, но и они будут исполнять приказы командиров так же беспрекословно, как все сопливые матросы, как и корабельный доктор, от которого мало что зависит.

Хронометр пробил четыре часа.

Рамиус встал, подошел к сейфу и набрал свою комбинацию из трех цифр. Путин последовал его примеру, и капитан потянул ручку на круглой дверце

сейфа. Внутри лежал запечатанный конверт из плотной бумаги, а также четыре книги с ключами к шифрам и координатами целей для корабельных ракет. Рамиус достал конверт, затем закрыл дверцу сейфа, повернул ручки обоих цифровых замков и снова сел.

- Итак, Иван Юрьевич, как вы полагаете, в чем суть наших приказов? - подчеркнуто высокопарно спросил Рамиус.

- Выполнять свой долг, товарищ командир, - в тон улыбнулся Путин.

- Совершенно верно. - Рамиус сломал восковую печать на конверте, извлек оперативный приказ на четырех страницах и быстро прочитал. Ничего сложного.

- Нам приказывают следовать в квадрат 54-90, где состоится встреча с нашей ударной подлодкой "В. К. Коновалов" - ее командиром недавно назначен капитан второго ранга Туполев. Вы знакомы с Виктором Туполевым? Нет? Виктор будет изображать противника, намеренного вторгнуться в наши воды, и мы проведем четырехдневные учения по обнаружению и слежению. Туполев попробует преследовать нас - если сумеет. - Рамиус усмехнулся. - Парни из дивизиона ударных подводных лодок все еще не могут найти способ, как обнаруживать нашу подлодку с ее новым движителем. Не удастся это и американцам. Мы должны ограничить свои действия квадратом 54-90 и прилегающими к нему. Это несколько упростит задачу Виктора.

- Но вы не допустите, чтобы он нас обнаружил?

- Нет, разумеется, - фыркнул Рамиус. - Обнаружить нас? Виктор когда-то учился у меня. Нет, Иван Юрьевич, противнику никогда нельзя уступать, даже во время учений. Уж настоящий-то противник нам точно не уступит! Стараясь отыскать нас в морских глубинах, Туполев приобретает практику, столь необходимую для поиска вражеских подводных ракетоносцев. Впрочем, у него неплохие шансы обнаружить нас - в конце концов, район учений ограничен девятью квадратами, а это всего лишь сорок тысяч квадратных километров. Посмотрим, чему он научился, плавая вместе с нами, - ах да, в то время вы еще не служили со мной. Туполев плавал у меня на "Суслове".

- Мне кажется, вы чем-то разочарованы?

- Нет, ничуть. Эти четырехдневные учения с "Коноваловым" будут интересными. - Вот ведь мерзавец, подумал Рамиус, ты отлично знал содержание приказов и слышал, разумеется, о Викторе Туполеве. Брехло проклятое! Пора действовать. Путин докурил сигарету, допил чай и поднялся. - Значит, мне снова выпало счастье наблюдать за действиями искусного командира подводной лодки, который будет водить за нос бедного мальчика. - Он повернулся к двери. - Я считаю... - Замполит не успел закончить фразу. В тот момент, когда он сделал шаг от стола, капитан сильным пинком сбил его с ног. Путин упал навзничь, Рамиус вскочил, сильные жилистые руки моряка схватили замполита за голову и ударили затылком об острый металлический угол обеденного стола. Быстрым движением Рамиус нажал на его грудь. Послышался сухой треск, и позвоночник замполита сломался на уровне второго шейного позвонка, там, где обычно ломается шея у повешенного.

Все произошло мгновенно. Путин попытался было крикнуть, безмолвно открыл рот, но тут же закрыл его, успев судорожно вдохнуть последний глоток воздуха - словно рыба, выброшенная на берег. Широко открытые глаза уставились на Рамиуса. В них не было даже боли - всего лишь удивление.

Капитан осторожно опустил тело на плитки пола.

В последний миг на лице умирающего мелькнуло понимание, и тут же взгляд померк. Рамиус протянул руку и нащупал пульс. Прошло почти две минуты, прежде чем сердце замполита остановилось. Убедившись, что тот мертв, капитан взял со стола чайник и пролил на палубу немного воды так, чтобы капли попали и на ботинки лежащего. Затем он поднял тело, положил его на стол и распахнул дверь.

- Доктора в кают-компанию, быстро! - прокричал он. Медпункт находился совсем рядом, и Петров появился через считанные секунды. Следом из центрального поста прибежал старпом Бородин.

- Я пролил чай, и он поскользнулся, - тяжело дыша и делая вид, что массирует сердце Путина, произнес Рамиус. - Мне не удалось удержать его, и Иван Юрьевич ударился головой о край стола.

Петров отстранил капитана, развернул тело замполита, вспрыгнул на стол и встал возле него на колени. Разорвав ворот рубашки, он заглянул в глаза Путина. Зрачки были расширенными и неподвижными. Врач ощупал голову, шею и с мрачным лицом спустился со стола.

- Товарищ Путин мертв. Перелом шеи. - Доктор пальцами закрыл веки покойному замполиту.

- Нет! Не может быть! - вскрикнул Рамиус. - Минуту назад он был жив! - Командир зарыдал. - Это я виноват. Я хотел удержать его, но не успел. Это моя вина! - Капитан рухнул в кресло и закрыл лицо ладонями. - Моя вина, - повторял он, качая в отчаянии головой и как бы стараясь взять себя в руки. Представление получилось на славу.

Петров бережно положил руку ему на плечо.

- Это несчастный случай, товарищ командир. Такое случается даже с опытными людьми. Вы тут ни при чем.

Рамиус тихо выругался. Казалось, самообладание возвращается к нему.

- Неужели ничего нельзя сделать? Петров покачал головой.

- Это невозможно даже в самом лучшем советском госпитале. При переломе шейных позвонков смерть наступает практически мгновенно - зато безболезненно, - добавил врач в качестве утешения.

Рамиус выпрямился, глубоко вздохнул, черты его лица словно окаменели.

- Товарищ Путин был отличным моряком, верным сыном партии и прекрасным офицером. - Боковым зрением он уловил, как невольно скривились губы его старпома. - Товарищи, происшедшая трагедия не помешает нам выполнить приказ! Доктор Петров, распорядитесь, чтобы тело нашего товарища поместили в морозильную камеру. Знаю, это жестоко, но он заслужил, чтобы его предали земле со всеми военными почестями, в присутствии его близких и товарищей по службе. Это будет после нашего возвращения в порт.

- Мы сообщим о случившемся в штаб флота? - спросил Петров.

- Это невозможно. Приказ предписывает соблюдать строжайшее радиомолчание. - Рамиус передал доктору оперативные распоряжения, которые извлек из кармана кителя. Это не был приказ, который находился в корабельном сейфе. - Откройте третью страницу.

Глаза Петрова расширились от удивления.

- Мне хотелось бы доложить о трагедии, но в нашем приказе ясно сказано:

после погружения не выходить в эфир ни по какому поводу.

Петров вернул документ командиру.

- Очень жаль. Но ничего не поделаешь. Приказ есть приказ.

- И мы выполним его.

- Да, конечно, - согласился доктор. - И сам замполит настоял бы на этом.

- Смотрите, Бородин: в соответствии с инструкцией я снимаю с шеи товарища замполита ключ от пусковых ракетных установок. - Рамиус опустил в карман ключ на цепочке.

- Я занесу это в судовой журнал, - сурово отозвался старпом. Петров привел санитара, тело замполита отнесли в медпункт и там поместили в пластиковый мешок на молнии. Затем санитар с двумя матросами перенесли его через центральный пост в ракетный отсек, расположенный в носовой части подлодки. Дверь в морозильную установку находилась на нижней ракетной палубе. Коки убрали часть продуктов, и мертвое тело замполита осторожно положили в угол. Тем временем врач со старпомом составили список личных вещей Путина, один экземпляр пошел в его личное дело, другой подшили в корабельный журнал, а третий поместили в коробку, которую опечатали и оставили в медпункте.

В центральном посту среди притихших моряков Рамиус принял командование. Он приказал вахтенному офицеру лечь на курс двести девяносто градусов в направлении на северо-запад. Квадрат 54-90 находился к востоку от подлодки.

День второй

Суббота, 4 декабря

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

На советском флоте принято, что командир корабля объявляет экипажу приказы командования и обращается с призывом выполнить их, как подобает настоящим советским морякам. Затем текст приказа вывешивается у Ленинской комнаты, чтобы все прочитали его и с вдохновением приступили к выполнению своих обязанностей. На больших надводных кораблях в Ленинской комнате обычно проводятся политзанятия. На "Красном Октябре" для этой цели служило крохотное помещение корабельной библиотеки недалеко от кают-компании. Здесь хранились партийные издания и другие материалы идеологического характера. Рамиус распорядился вывесить полученный приказ для всеобщего обозрения на следующий день после выхода в море, чтобы команда могла войти в ритм предстоящего похода и привыкнуть к условиям подводного плавания. Одновременно он провел беседу с командой, стараясь воодушевить и ободрить людей. Обычно у Рамиуса это хорошо получалось. Сказывалась обширная практика. В 8.00, сразу после того как заступила утренняя вахта, он вошел в центральный пост и извлек из кармана несколько листков.

- Товарищи, - произнес он в микрофон, - к вам обращается ваш командир. Вы все знаете, что наш дорогой товарищ и сослуживец, капитан второго ранга Иван Юрьевич Путин трагически погиб вчера в результате несчастного случая.

Полученный приказ не позволяет нам сообщить об этом в штаб флота. Товарищи, мы посвятим этот поход памяти нашего сослуживца Ивана Юрьевича Путина - настоящего моряка, преданного коммуниста и храброго офицера.

Товарищи! Офицеры, старшины и матросы "Красного Октября"! Мы получили приказ командования Краснознаменного Северного флота произвести окончательное испытание нового бесшумного движителя. Нам приказано направиться на запад, миновать мыс Нордкап на севере Норвегии, марионеточного государства, которое служит интересам американских империалистов, и затем повернуть на юго-запад, в сторону Атлантического океана. Мы пройдем через все гидролокационные сети противника так, чтобы они не обнаружили нас! Этот поход явится подлинным испытанием нашей подлодки и ее исключительных возможностей. Боевые корабли советского флота принимают участие в крупнейших учениях, стремясь обнаружить нас и одновременно сбить с толку корабли западных держав. Наша первейшая задача состоит в том, чтобы избежать всякого обнаружения кем бы то ни было. Мы дадим американцам хороший урок, продемонстрируем высочайшее достижение советской технологии, урок, который они не скоро забудут! В соответствии с полученным приказом мы продолжим поход на юго-запад, обогнем побережье Америки, бросив вызов их новейшим и самым лучшим ударным субмаринам и выиграв. Затем проследуем к нашим кубинским братьям по социалистическому лагерю и станем первым кораблем на новой сверхсекретной базе атомных подводных лодок, которую мы построили за два года под самым носом у американцев на южном берегу Кубы. Вспомогательное судно со всеми необходимыми припасами уже на пути к острову Свободы, и мы встретим его там.

Товарищи! Если мы сумеем достичь Кубы незамеченными - а я в этом не сомневаюсь, - всем офицерам, матросам и старшинам будет предоставлен недельный - недельный! - отпуск. Вы сможете побывать в гостях и подружиться с нашими братьями по социалистическому лагерю на этом прекрасном острове. Мне доводилось бывать там, и я могу подтвердить: все, что пишут о Кубе, соответствует действительности. Это на самом деле настоящий райский остров с теплыми ветрами и пальмами. Там вас ждут верные и преданные друзья. - В последнем случае Рамиус имел в виду женщин. - Затем мы вернемся на родину, повторив пройденный маршрут. К тому времени, разумеется, империалисты уже будут знать от своих пронырливых шпионов и самолетов-разведчиков, кто мы и как попали на Кубу. Наше руководство предусмотрело и это. По пути домой мы снова приложим все силы, чтобы избежать обнаружения. Тем самым мы дадим понять империалистам, что советские военными моряки не лыком шиты, что мы способны в любой момент незамеченными подобраться к их берегам. Пусть уважают Советский Союз! Товарищи! Сделаем все, чтобы первое плавание "Красного Октября" осталось незабываемым событием нашей жизни!

Рамиус оторвал взгляд от листков с приготовленным текстом и увидел, что вахтенные в центральном посту обмениваются довольными взглядами. Советским военным морякам редко доводилось бывать в других странах, а посещение иностранного государства, даже союзного, атомной подводной лодкой - вообще неслыханное событие. Более того, Куба для русских столь же экзотичная страна, как Таити, земля обетованная с белыми песчаными пляжами и смуглыми девушками. Рамиус знал, что в действительности все обстоит иначе. Он не

только читал в "Красной Звезде" и других советских газетах о прелестях службы на острове, но и видел это своими глазами.

Капитан сменил страницы. С хорошими новостями покончено. Теперь очередь за плохими.

- Товарищи! Офицеры, старшины и матросы "Красного Октября"! - В предчувствии неприятностей все насторожились. - Наше плавание будет трудным. От нас потребуется напряжение всех наших сил. Мы должны соблюдать строжайшее радиомолчание и особенно четко выполнять свои обязанности. Награду получает только тот, кто ее заслужил. Каждый офицер и каждый матрос на борту корабля, от командира до новобранца, должен выполнить свой социалистический долг с предельной ответственностью! Мы добьемся успеха, если будем работать сплоченно и дружно, как и надлежит настоящим советским людям. Я обращаюсь к вам, молодые матросы, впервые вышедшие в море: беспрекословно повинуйтесь приказам ваших офицеров, мичманов и старшин. Овладевайте своими специальностями и точно выполняйте порученные вам обязанности. На корабле не бывает маловажной работы, не бывает незначительных поручений. Здесь все отвечают друг за друга и жизнь каждого из вас зависит от работы товарища. Выполняйте свой долг, четко следуйте приказам офицеров, и по завершении плавания вы станете настоящими советскими моряками! У меня все. - Рамиус убрал большой палец с кнопки микрофона и повесил его на крючок. Неплохое выступление, подумал он, в нем есть и сладкий пряник и ощутимый кнут.

В кормовом камбузе старшина замер на месте, прижав к себе теплый каравай хлеба и удивленно глядя на динамик, прикрепленный к переборке. Странно. Разве такими должны были быть у них предписания? Может быть, их изменили в последнюю минуту? Мичман нарушил ход его мыслей и приказал вернуться к работе, довольно улыбаясь и посмеиваясь от мысли о недельном увольнении на берег после прибытия на Кубу. Он был немало наслышан о страстных кубинках, и теперь радовался возможности проверить, так ли это на самом деле.

Рамиус задержался в центральном посту.

- Интересно, есть ли здесь американские лодки? - задумчиво произнес он.

- Действительно, товарищ командир, было бы неплохо выяснить это, - согласился капитан второго ранга Бородин, стоявший на вахте. - Включить гусеницу?

- Действуйте.

- Стоп машина, - приказал Бородин.

- Стоп машина, - отрепетовал старшина-рулевой и передвинул ручку машинного телеграфа в положение "стоп". Тут же стрелка телеграфа, управляемая из машинного отделения, передвинулась в такое же положение - приказ получен и выполнен. Глухой рев турбин стих.

Бородин снял телефонную трубку и нажал на кнопку, соединяющую центральный пост с машинным отделением.

- Товарищ старший механик, приготовьтесь включить гусеницу.

Это не было официальным названием новой движительной системы. У нее вообще не было названия, всего лишь номер проекта. Прозвище "гусеница" дал ей молодой инженер, принимавший участие в ее разработке. Ни Рамиус, ни Бородин не знали почему, но, как это нередко бывает в подобных случаях,

название прижилось.

- Установка готова к пуску, - через несколько секунд доложил стармех.

- Открыть люки на корме и на носу, - скомандовал Бородин. Вахтенный мичман протянул руку к щиту управления и поочередно щелкнул четырьмя переключателями. Сигнальные лампочки над каждым сменили красный свет на зеленый.

- Люки открыты, товарищ капитан, - доложил он.

- Включить гусеницу. Постепенно увеличить скорость до тринадцати узлов.

- Слушаюсь, постепенно увеличить скорость до тринадцати узлов, - отрепетовал старший механик.

Внутри корпуса подлодки, где на короткое время воцарилась тишина, возник новый звук. Рев двигателей был теперь тоном ниже и разительно отличался от обычного. Шумы, доносящиеся из реакторного отсека - главным образом от циркуляционных насосов, прогоняющих воду через систему охлаждения, - стали почти неслышными. Гусенице для работы не требовалось большой мощности. На боевом посту мичмана стрелка указателя скорости, опустившаяся до пяти узлов, поползла вверх. В носовом кубрике, втиснутом перед ракетным отсеком, несколько спящих матросов зашевелились на своих койках, потревоженные прерывистым ревом и жужжанием электромоторов, находившихся всего в нескольких метрах, за прочным корпусом. Но матросов так вымотал этот первый день плавания, что они тут же снова заснули, не теряя ни единой драгоценной минуты отдыха.

- Гусеница работает нормально, товарищ командир, - доложил Бородин.

- Отлично. Рулевой, курс двести шестьдесят градусов, - приказал Рамиус.

- Слушаюсь, курс двести шестьдесят. - Рулевой повернул штурвал влево.

Ударная подлодка "Бремертон"

В тридцати милях к северо-востоку от "Красного Октября" американская подлодка "Бремертон" только что всплыла из-под паковых льдов и шла курсом два-два-пять. "Бремертон", ударная подводная лодка типа 688, занималась сбором электронной информации в Карском море, но получила приказ направиться на запад, к побережью Кольского полуострова. Предполагалось, что русский ракетоносец не выйдет в море еще неделю, и шкипер "Бремертона" испытывал раздражение из-за очередной путаницы в разведданных. Если бы "Красный Октябрь" вышел в море в соответствии с расписанием, "Бремертон" ждал бы его у выхода из Кольского залива и сразу же сел бы ему на хвост. Правда, американские гидроакустики несколько минут назад все равно сумели засечь советский ракетоносец, хотя "Бремертон" и шел со скоростью четырнадцать узлов.

- Мостик, вызывает гидропост.

Капитан третьего ранга Уилсон поднял трубку.

- Мостик слушает.

- Мы потеряли контакт, сэр. Пару минут назад его гребные винты остановились и смолкли. Мы слышим шумы с востока, но подводный ракетоносец исчез.

- Понятно. Возможно, он перешел в режим медленного дрейфа. Будем

красться следом. Оставайтесь настороже, старшина. - Капитан Уилсон прошел к прокладочному столику, размышляя над происшедшим. Два офицера из группы слежения и управления огнем только что установили пеленг на контакт и теперь смотрели на командира, ожидая, что он скажет.

- На их месте я опустился бы к самому дну и начал медленно кружить вот здесь. - Уилсон обвел карандашом место, где только что находился "Красный Октябрь". - Давайте подкрадемся к нему. Сбавим скорость до пяти узлов и постараемся снова восстановить контакт, ориентируясь на шум его реактора. - Уилсон повернулся к вахтенному офицеру. - Сбавить скорость до пяти узлов, - приказал он.

- Слушаюсь, шкипер.

Североморск, СССР

В здании Главного почтамта Североморска сортировщик почты недовольно посмотрел на водителя грузовика, который швырнул ему на стол большой брезентовый мешок и ушел. Шофер опоздал с доставкой почты, впрочем, не то чтобы действительно опоздал - этот идиот за пять лет еще ни разу не приехал вовремя, подумал служащий. Была суббота, и сортировщик не испытывал ни малейшего желания работать. Сорокачасовую рабочую неделю ввели в Советском Союзе всего несколько лет назад, но, к сожалению, эти перемены не затронули такие жизненно важные сферы обслуживания, как почта. Вот и приходится по-прежнему вкалывать шесть дней в неделю вместо пяти, а платят гроши. Позор, думал он, и даже часто высказывался по этому поводу дома, сидя с приятелями за картами, а особенно под водку с огурчиком.

Сортировщик развязал шнурок и перевернул мешок - на стол вывалилось несколько мешков поменьше. Нет смысла спешить, решил служащий. Месяц только начинается, впереди еще несколько недель, чтобы перенести положенную норму писем и бандеролей из одной части помещения в другую. В Советском Союзе все состоят на государственной службе и есть даже поговорка: пока начальство делает вид, что платит, мы делаем вид, что работаем.

Вскрыв небольшой мешок с почтой, он извлек оттуда официального вида конверт, на котором значилось: Москва, Главное политическое управление Военно-морского флота. Служащий ощупал конверт. Наверно, с одной из подводных лодок, что стоят в Полярном, на другой стороне залива. Интересно, о чем там? - подумал сортировщик, развлекаясь игрой, которой грешат почтовики всего мира. Может, там сообщение о готовности к последнему и решительному бою с империалистами? А может, список коммунистов, что вовремя партвзносы не уплатили? Или того лучше - заявка, дополнительные фонды на туалетную бумагу требуют?

Поди догадайся! Ох уж эти подводники! Считают себя фу-ты ну-ты - даже новобранцы из деревни. Еще вчера щи лаптем хлебали, а себе туда же...

Сортировщику исполнилось шестьдесят два года. Во время Великой отечественной войны он служил в гвардейском танковом корпусе на Первом украинском фронте, которым командовал маршал Конев. Вот это было делом настоящего мужчины, - мчаться в бой на огромной бронированной машине, давить немецких пехотинцев, что жмутся в своих окопах. Когда требовались

решительные действия против этих слизняков, мы делали все! А что теперь? Посмотреть хотя бы на моряков: живут себе на своих роскошных кораблях - царские харчи, теплые койки. Не то что мы - грелись по ночам за выхлопной трубой дизельного танка, да и за это место надо было еще побороться. Как все перевернулось! А моряки так просто стали почище князей, пишут пачки писем и называют это военной службой. Избалованные сопляки, они знать не знают, что такое нужда. А уж сколько претензий! Напишут какую-нибудь чепуху и требуют срочной доставки. Слюнявые письма своим девкам - всего-то делов, а ты тут сиди по субботам, сортируй, не покладая рук, чтобы эти писульки вовремя попали к их бабам, хотя все равно ответа раньше, чем через две недели, не будет. Да, былого не вернешь...

Небрежным движением сортировщик отбросил письмо на дальний край стола, к мешку с почтой, предназначенной для отправки в Москву, но промахнулся, и письмо упало на бетонный пол. Ну и что? Ну, попадет на поезд днем позже. Какая разница. Куда важнее сегодняшний хоккей. Вечером потрясная игра, начало сезона - ЦСКА встречается с "Крылышками". Он поспорил на бутылку водки, что "Крылышки" выиграют.

Морроу, Англия

"Огромная популярность Хэлси сослужила ему дурную службу. За славой легендарной храбрости народного героя, адмирал затушевал в памяти последующих поколений свои выдающиеся интеллектуальные способности и острый инстинкт игрока, что..." Джек Райан нахмурился, глядя на экран компьютера. Слишком похоже на докторскую диссертацию, а он уже написал ее. Райан решил было стереть с жесткого диска весь абзац, но потом передумал. Эти рассуждения годятся в качестве вступления. Как они ни плохи, но могут послужить отправной точкой для того, что ему хочется сказать. Почему вступление всегда самая трудная часть исторического труда? Вот уже три года он работал над книгой "Сражающийся моряк" - биографией адмирала флота Уильяма Хэлси <Уильям Ф. Хэлси (1882-1959) - американский адмирал, командовал тихоокеанскими флотами США, принимал участие в морских сражениях с японским флотом во время второй мировой войны.>. Почти весь текст был записан на полудюжине гибких дисков, лежащих рядом с компьютером "Эппл".

- Папа? - На Джека смотрели глаза дочери.

- Как поживает сегодня утром моя маленькая Салли?

- Хорошо, папочка.

Райан посадил девочку к себе на колени, предусмотрительно отодвинув кресло подальше от клавиатуры компьютера. Салли уже неплохо владела компьютерными играми и учебными программами, и порой ей приходило в голову, что она вполне справится и с папиным компьютером. Однажды это привело к потере двадцати тысяч слов электронной рукописи, что стоило Салли изрядной трепки.

Девочка положила головку на плечо отца.

- Грустная ты какая-то. Что беспокоит мою малышку?

- Понимаешь, папочка, скоро Рождество.., а вдруг Санта-Клаус не знает нашего нового адреса? Ведь в прошлом году мы жили в другом месте.

- А-а, понимаю. Ты боишься, что он не найдет тебя?

- Ага.

- Почему же ты не спросила меня раньше? Конечно, он придет сюда. Обещаю.

- Обещаешь?

- Честное слово.

- Хорошо. - Салли поцеловала отца и выбежала из комнаты смотреть свои мультфильмы по "гели", как называют телевизор в Англии.

Райан был рад, что она прервала его работу, напомнив о кое-каких делах до отлета в Вашингтон. Где же.., ах да, вот. Он достал из ящика стола дискету и вставил ее в прорезь компьютера. Сняв информацию с экрана, Райан принялся составлять список рождественских подарков, затем вывел его на принтере и положил листок в бумажник. Что-то в это субботнее утро ему не работалось. Он решил поиграть с детьми. Ведь почти всю будущую неделю ему придется провести в Вашингтоне.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Советская подлодка "В. К. Коновалов" ползла над песчаным дном Баренцева моря со скоростью три узла. Сейчас она находилась в юго-западном углу квадрата 54-90 и в течение последних десяти часов дрейфовала с юга на север и обратно, ожидая прибытия "Красного Октября", чтобы приступить к учениям "Октябрьский мороз". Капитан второго ранга Виктор Алексеевич Туполев неторопливо прохаживался вокруг перископа в центральном посту своей небольшой ударной подлодки. Он ждал, когда появится его бывший учитель, надеясь кое-что продемонстрировать ему. Туполеву довелось прослужить два года под командованием "профессора". Это были интересные годы, и хотя порой поведение бывшего командира казалось Виктору несколько циничным - особенно по отношению к партии, - у него не было ни малейших сомнений по поводу его высочайшего профессионального мастерства и неисчерпаемого запаса хитрости, столь важной для подводника.

Впрочем, сам Туполев сейчас мало в чем уступал бывшему учителю. Был одним из его лучших учеников, сам стал командиром подводной лодки, а с недавних пор под его началом новейшая ударная подлодка типа "альфа", одна из самых быстроходных в мире. Месяцем раньше, когда Рамиус занимался доводкой "Красного Октября" после ходовых испытаний, Туполев с тремя своими офицерами слетал на Каспийское море, где познакомился с экспериментальным прототипом субмарины, на которой испытывалась новая движительная система. Тридцать два метра длиной, с дизельной двигательной установкой и электрическими моторами для подводного плавания, она специально была построена там, далеко от океанских просторов, чтобы сохранить ее в тайне от любопытных глаз противника. Лодка находилась в закрытом доке, куда не могли заглянуть всепроникающие фотообъективы американских разведывательных спутников. Туполев сразу понял, что Рамиус принимал участие в разработке гусеницы и сразу узнал руку Мастера. Обнаружить субмарину, оборудованную такой движительной системной, будет чертовски трудно, однако все-таки возможно. После недельного слежения за экспериментальной моделью, проводимого на

севере Каспия с использованием катера с электрическим двигателем и буксируемой пассивной гидролокационной системой - лучшей из когда-либо созданных в стране, - Туполев пришел к выводу, что сумел найти слабое место новой лодки. Не то чтобы это был серьезный порок, но этим можно воспользоваться.

Разумеется, успех не был гарантирован. Ему предстояло преследовать не только подлодку, но и опытнейшего капитана, командующего ею. Туполев прекрасно знал район предстоящих учений - здесь преобладают изотермические воды и практически нет слоя температурного скачка, под которым может укрыться субмарина. Район находится достаточно далеко от устьев крупных рек северного побережья России, и потому здесь не приходится беспокоиться об участках воды различной солености, так мешающих работе гидролокаторов. "Коновалов" был оснащен лучшей гидроакустической системой, созданной в СССР, - ее скопировали с французской DUUV-23 и, по словам разработчиков, даже несколько усовершенствовали.

Туполев намерен был применить американскую тактику медленного дрейфа: поддерживать минимальную скорость, при которой его лодка слушается руля, соблюдать полную тишину и ждать, пока "Красный Октябрь" пересечет их курс. Затем он будет следовать за ракетоносцем, фиксировать в бортовом журнале все изменения курса и скорости соперника и через несколько недель, когда они сравнят данные журналов, учитель увидит, что его бывший ученик одержал верх; Давно пора показать, что и Рамиуса можно превзойти.

- Что там у гидроакустиков? - Туполев устал ждать. Терпение не принадлежало к числу его достоинств.

- Ничего нового, товарищ командир. - Старпом указал на крест, обознающий на карте положение "Рокоссовского", подводного ракетоносца типа "дельта", за которым они уже несколько часов следили в районе учений. - Наш приятель продолжает описывать круги на малой скорости. Вы не считаете, что он делает это с целью запутать нас? А может, капитан Рамиус специально договорился о прибытии сюда "Рокоссовского", чтобы усложнить нашу задачу?

Эта мысль уже приходила в голову Туполеву.

- Возможно, но сомневаюсь. Учения организованы по личному указанию адмирала Корова. И наши приказы и Рамиуса находились в запечатанных конвертах. Правда, Коров - старый друг нашего Марка. - Туполев подумал и решительно качнул головой. - Нет. Коров - честный человек. Думаю, Рамиус двигается с минимальной скоростью, старается заставить нас нервничать, вынудить на ошибку. Ему известно, что наша задача - обнаружить его, и потому планирует свои действия соответственно. Он может попытаться войти в квадрат с той стороны, где мы его никак не ожидаем, - или хочет заставить нас думать так. Вам не довелось служить под его командованием, товарищ лейтенант. Это старая хитрая лиса, он поседел на подводных лодках. Будем продолжать патрулирование в таком же режиме еще четыре часа. Если за это время мы не обнаружим его, перейдем в юго-восточный угол квадрата, а оттуда направимся к центру. Вот так.

Туполев и не рассчитывал, что с легкостью обнаружит Рамиуса. Этого еще не удавалось ни одному командиру ударной подлодки. Виктор решил, что будет первым, и сложность задачи послужит лишним доказательством его мастерства.

Через год-другой он надеялся стать новым Мастером.

День третий

Воскресенье, 5 декабря

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

"Красный Октябрь" жил вне реального времени. Не было восходов и закатов, не было и дней недели. В отличие от надводных кораблей, где часы переставляют в соответствии с поясом, в котором они в данный момент находятся, на подводных лодках живут по единому времени. Для американских субмарин это "Zulu" - время по Гринвичу, а для советских - московское время, на час опережающее солнечное с целью экономии электроэнергии.

Рамиус появился в центральном посту, когда утро было уже в разгаре. Ракетоносец шел теперь курсом два-пять-ноль со скоростью тринадцать узлов, находясь в тридцати метрах от дна в западной оконечности Баренцева моря. Через несколько часов морское дно резко уйдет вниз на чудовищную глубину, и подводная лодка сможет погрузиться еще глубже. Взглянув на карту и на ряды бесчисленных приборов, что протянулись на обеих переборках, Рамиус сделал запись в бортовом журнале.

- Лейтенант Иванов! - резко окликнул он младшего вахтенного офицера.

- Да, товарищ командир? - Иванов был самым молодым офицером на корабле, недавним выпускником Высшего военно-морского училища подводного плавания имени Ленинского комсомола, бледным, худым и энергичным парнем.

- Я собираю старших офицеров в кают-компании. Вы будете выполнять обязанности вахтенного офицера. Это ваше первое плавание, Иванов. Как вы себя чувствуете?

- Намного лучше, чем рассчитывал, товарищ командир, - ответил Иванов, чуть покривив душой.

- Прекрасно, товарищ лейтенант. Я считаю необходимым давать младшим офицерам как можно больше самостоятельности, чтобы они могли приобрести опыт командования. Вот почему на время, пока старшие офицеры будут заняты еженедельными политзанятиями, командовать кораблем будете вы! На вас ложится ответственность за безопасность ракетоносца и его команды! В училище вы приобрели все необходимые знания, а мои инструкции записаны в бортовом журнале. Если будет обнаружена какая-то подводная лодка или надводный корабль, немедленно сообщите мне и тут же начинайте маневр уклонения. Вопросы?

- Вопросов нет, товарищ командир. - Иванов вытянулся по стойке смирно.

- Отлично. - Рамиус улыбнулся. - Павел Ильич, вы навсегда запомните этот момент, как один из самых замечательных в своей жизни. Я знаю это, потому что до сих пор помню свою первую вахту. Не забудьте о полученных приказах и своих обязанностях!

Глаза юноши гордо сверкнули. Печально, что его ждет такая судьба, с сожалением подумал Рамиус, все еще ощущая себя учителем. Судя по первому впечатлению, у этого Иванова задатки хорошего офицера.

Рамиус резко повернулся и направился на корму, к каюте врача.

- Доброе утро, доктор.

- Доброе утро, товарищ командир. Пора на политзанятия? - Петров держал в руках описание новой рентгеновской установки.

- Совершенно верно, товарищ врач, но у меня есть для вас поручение, так что вы не сможете принять участие в политзанятиях. Пока старшие офицеры заняты в кают-компании, вахту в центральном посту и в машинном отделении несут три молодых офицера.

- Вот как? - Глаза Петрова расширились от удивления. За несколько лет плавания на подлодках такое он слышал впервые.

- Успокойтесь, доктор, - улыбнулся Рамиус. - Я успею вернуться в центральный пост за двадцать секунд, да и стармех Мелехин окажется у своего драгоценного реактора в считанные секунды. Рано или поздно молодые офицеры должны привыкать к самостоятельности. Пусть это произойдет как можно раньше. Так вот, прошу вас понаблюдать за ними. Я знаю, что у них достаточно знаний для выполнения своих обязанностей, но мне нужно убедиться в их психологической устойчивости. Если за ними будет следить Бородин или я, они будут чувствовать себя скованными. К тому же мне важно услышать мнение опытного медика, понимаете?

- А-а, вы хотите, чтобы я понаблюдал, как они ведут себя, получив возможность действовать самостоятельно. Понимаю.

- Совершенно верно. Без наблюдения со стороны старших офицеров, их непосредственных начальников, - кивнул Рамиус. Молодым офицерам следует предоставить такую возможность, однако она не должна быть неограниченной. Если вы заметите что-то, что вызывает у вас сомнение, тут же сообщите мне. Надеюсь, трудностей не возникнет. Мы в открытом море, кораблей поблизости нет, и атомный реактор работает с минимальной мощностью. Первое испытание для молодых офицеров должно быть простым. Придумайте какой-нибудь повод, чтобы наведываться к ним и не спускайте глаз с этих детей. Задавайте вопросы о том, чем они занимаются, проявите интерес. Петров рассмеялся.

- Вы и меня хотите кое-чему научить, товарищ командир? Мне говорили о вас в Североморске. Хорошо, я все сделаю. Но это первое политзанятие, которое я пропущу за последние годы.

- Судя по вашему личному делу, Евгений Константинович, вы можете читать лекции даже членам Политбюро. - Что отнюдь не свидетельствует о твоих медицинских познаниях, добавил про себя Рамиус.

Капитан направился в кают-компанию, где уже собрались офицеры, его единомышленники. Стюард поставил на стол чайники с чаем и черный хлеб с маслом. Рамиус посмотрел на угол стола. Пятна крови были давно смыты, но он точно помнил, как они выглядели вчера. В этом, подумал он, заключается разница между ним и человеком, которого он убил. Тот бы не угрызался. Перед тем как занять место во главе стола, он повернулся и запер дверь. Офицеры выпрямились, но не встали - в кают-компании было слишком тесно, чтобы, отодвинув кресла, приветствовать своего командира.

Во время плавания политзанятия проводились по воскресеньям. Обычно это было делом Путина. Он читал передовицы из "Правды", цитировал высказывания Ленина, после чего шло обсуждение уроков, которые следовало извлечь из

прочитанного. Все это весьма походило на церковную службу.

Теперь, после смерти замполита, его обязанности перешли к командиру корабля. Однако Рамиус сомневался, что тема сегодняшних занятий предусматривалась Уставом корабельной службы. Каждый офицер в кают-компании являлся участником заговора и был посвящен в его подробности. Рамиус рассказал о тех незначительных изменениях, которые понадобилось внести в уже оговоренные планы, а также о посланном письме.

- - Значит, пути назад нет, - констатировал Бородин.

- Мы согласовали план действий еще до выхода в море. Остается идти до конца. - Присутствующие отреагировали на его слова именно так, как он ожидал - спокойно. Другого и быть не могло. Все они были холостяками; ни у кого из них не осталось дома ни жены, ни детей. Каждый был членом партии, каждый пользовался доверием политорганов. Партийные взносы до конца года были уплачены, партбилеты хранились там, где надлежало хранить их преданным коммунистам - у сердца. И всех объединяла глубокая неудовлетворенность советским режимом, а некоторых даже ненависть к нему.

План впервые возник вскоре после смерти Натальи. Ярость, которую Рамиус почти бессознательно подавлял на протяжении всей жизни, выплеснулась наружу с такой силой и страстью, что сдерживать ее дальше он просто не мог. Многолетняя привычка к самоконтролю, сдержанность и холодное презрение позволили ему скрывать свои чувства, а многолетний морской опыт позволил найти достойный выход своей ненависти.

Марк еще не пошел в школу, когда впервые узнал от товарищей по играм правду о том, чем занимался его отец Александр Рамиус в Литве в сороковом году и после сомнительного освобождения от немцев в сорок четвертом. Дети повторяли то, о чем тайком шептались их родители. Однажды Марк пересказал отцу услышанное от своей подружки, и к несказанному ужасу мальчика отец девочки исчез. За эту невольную оплошность Марка сочли доносчиком. Заклейменный позорной кличкой за свое преступление - которое, как учило государство, вовсе не было преступлением, - мальчик осознал всю тяжесть своей вины и больше никогда ничем не делился с отцом.

В те годы, когда формировалась личность ребенка, старший Рамиус возглавлял Центральный комитет Коммунистической партии Литвы в Вильнюсе, а мальчика, оставшегося без матери, отдал на воспитание бабушке, своей матери, что было обычным в стране, разоренной жесточайшей четырехлетней войной. Александр, ее единственный сын, еще юношей ушел из дома и стал одним из красных латышских стрелков, составлявших охрану Ленина, а она продолжала жить по старинке и до 1940 года ежедневно ходила в костел к мессе. Она не забыла религиозных традиций, в которых была воспитана. В памяти Рамиуса навсегда сохранился образ пожилой седой женщины, которая рассказывала ему на ночь интересные сказки - он тогда и не подозревал, что это были библейские притчи. Было бы слишком опасно водить Марка в костел - отдельные костелы еще продолжали действовать, - но все же бабушка сумела окрестить мальчика по римско-католическому обряду. Она никогда не рассказывала об этом внуку - риск был слишком велик. Советская власть самым жестоким образом подавляла католицизм в прибалтийских республиках. Когда Марк вырос, он понял, что марксизм-ленинизм слишком ревнивое богоучение, чтобы терпеть соперников.

В вечерних рассказах бабушки Хильды, основанных на библейских сюжетах, всегда говорилось о добре и зле, добродетели и вознаграждении за нее. Ребенку они казались всего лишь интересными сказками, но он никогда не говорил о них с отцом, потому что догадывался уже тогда, что отец не потерпит этого. Когда Рамиус-старший снова взялся за воспитание сына, религиозное образование поблекло в его сознании, но полностью так и не исчезло.

Еще мальчиком Марк скорее чувствовал, чем понимал, что советские коммунисты пренебрегают основными человеческими нуждами. С годами это обретало все более конкретную форму. Благо народа - высокая цель, но, отказывая человеку в душе, в ее бессмертии, марксизм лишил его основ человеческого достоинства и личностных ценностей. Он также отмел в сторону объективные мерки правосудия и этики, которые, понял юноша, представляют собой основное наследие религии для цивилизованного мира. У Марка появились собственные представления о добре и зле, отличные от официальных, проповедуемых государством. Это позволило ему обрести свои критерии для оценки и собственного поведения и поведения окружающих. Но их он тщательно скрывал. Однако это удерживало его наподобие якоря и, как и якорь, скрывалось в глубине.

Ни у кого и в мыслях не было, какой душевный разлад поселился в сознании мальчика, никто даже не заподозрил этого. Как и все советские дети, Марк стал октябренком, а затем и пионером. В начищенных башмаках и кроваво-красном галстуке он принимал участие в обязательных парадах, знаменующих годовщины боевых побед Советской армии, замерев по стойке смирно, прижимая к груди бездействующий автомат, стоял в торжественном карауле у Вечного огня рядом с могилой Неизвестного солдата. Торжественность таких церемоний не была для него формальной. С малолетства он был уверен, что мужественные воины, у могил которых он отдавал салют, с таким же беззаветным героизмом отдали свои жизни, какой он видел в бесконечных фильмах о недавней войне, не сходивших с экранов местного кинотеатра. Они воевали против ненавистных фашистов, защищая женщин, детей и стариков, оставшихся в тылу. И он гордился тем, что он сын крупного партийного деятеля, как в старой России дети из дворянских семей гордились древностью своего рода. С тех пор как он помнил себя, он без конца слышал, знал, что партия - это душа народа, что единство партии, народа и нации - это святая троица советской власти, хотя первая составляющая все-таки важнее двух остальных. Его отец вполне вписывался в кинематографический образ партийного аппаратчика. Он был суровым, но справедливым. Марк редко видел его дома, за грубоватой внешностью отца скрывалась добрая душа, он осыпал сына подарками и следил за тем, чтобы он пользовался всеми привилегиями, подобающими сыну видного партийного деятеля.

Хотя со стороны Марк казался образцовым советским ребенком, в душе мальчик силился понять, почему то, чему учили его школа и отец, так разнится с уроками его детства. Почему некоторые родители не позволяют своим детям играть с ним? Почему вслед ему нередко слышится слово "стукач", этот грубый и жестокий синоним слова "осведомитель"? Отец и коммунистическая партия учили, что информировать - акт патриотизма, но, когда в раннем детстве он

поступил так, все отвернулись от него. Слушать насмешки товарищей было горько, но он ни разу не пожаловался отцу, зная, что это плохо кончится.

Что-то было явно не так, но что именно? Марк решил, что найти ответ на этот вопрос он должен самостоятельно. Так по своему образу мыслей он превратился в индивидуалиста, а следовательно, тем самым совершил самый тяжкий проступок для советского общества. Внешне образцовый сын крупного партийного функционера, он вел себя крайне осторожно, соблюдая все правила игры и стараясь поступать так, как от него этого ожидали. Он выполнял свои обязанности перед партийными организациями, неизменно вызывался на самую трудную работу, чего обычно ждут от тех представителей молодежи, что рассчитывают быть принятыми в партию. Ведь членство в партии, понимал Марк, - единственный способ добиться успеха и благополучия в Советском Союзе. Он стал хорошим спортсменом, но не в командных видах спорта, а в легкой атлетике, где мог выступать в одиночку и оценивать личные достижения других. С течением времени он начал поступать таким же образом во всех своих начинаниях, холодно и беспристрастно наблюдая за действиями сограждан, а потом и офицеров, скрывая за маской безразличия истинные чувства.

Однажды летом, когда Марку шел восьмой год, в его жизни произошло событие, навсегда изменившее дальнейшую судьбу мальчика. Поскольку в деревне, где он жил у бабушки, никто не хотел играть с "маленьким стукачом", он стал ходить на берег к рыбачьим лодкам. Каждое утро разношерстная флотилия старых деревянных лодчонок выходила в море на промысел (неизменно под неусыпным оком пограничных катеров МГБ - так назывался тогда КГБ), собирая скромную дань с Балтийского моря. Улов, доставленный на берег, пополнял скудный рацион жителей деревни белковой пищей и приносил рыбакам кое-какой доход. На одной из лодок плавал старый рыбак, как его звали, капитан Саша. Он служил еще офицером на царском флоте, вместе с матросами участвовал в восстании на крейсере "Аврора", чей выстрел изменил судьбу мира. Лишь много лет спустя Рамиус узнал, что экипаж крейсера позже выступил против Ленина и этот мятеж был жестоко подавлен красногвардейцами. За свое участие в мятеже капитан Саша провел двадцать лет в лагерях, откуда его выпустили лишь в начале Великой отечественной войны, когда стране потребовались опытные моряки для проводки судов в порты Мурманска и Архангельска. Союзные конвои доставляли туда оружие, снаряжение, продовольствие и все то, без чего не может действовать современная армия. Пребывание в ГУЛАГе многому научило моряка: он ответственно выполнял порученную ему работу, ничего не требуя взамен. После окончания войны ему была дарована свобода, если можно это так назвать, - право заниматься тяжелым трудом под неусыпным наблюдением властей.

Когда Марк познакомился с дядей Сашей, тому было уже за шестьдесят. Это был почти лысый мужчина со все еще крепкими мускулами, зоркими глазами моряка и нескончаемым запасом захватывающих историй, которые он рассказывал мальчику, не сводившему с него изумленных глаз. В русско-японскую войну дядя Саша служил гардемарином под началом знаменитого адмирала Макарова, который командовал Тихоокеанской эскадрой в Порт-Артуре. Макаров был, наверно, самым знаменитым флотоводцем в российской истории, его жизнь патриота, исследователя, тактика-новатора была настолько безупречной, что советское

правительство даже назвало его именем ракетный крейсер. Сначала старый моряк с осторожностью относился к мальчику - деревня была полна слухов об этом сыне крупного партийного деятеля, - но потом разглядел в нем то, чего не видели все остальные. Мальчик, у которого не было друзей, и моряк, лишенный семьи, стали товарищами. Дядя Саша часами рассказывал Марку о своей службе на флагманском корабле адмирала Макарова - броненосце "Петропавловск" - и о своем участии в единственном морском сражении, где русские победили ненавистных японцев. По пути в порт броненосец подорвался на мине и адмирал погиб. После этого дядя Саша командовал отрядом из матросов "Петропавловска", уцелевших при взрыве броненосца, и был трижды награжден за проявленную в боях храбрость. Однако приобретенный им опыт - тут дядя Саша назидательно поднимал палец - раскрыл ему глаза на бесчестную продажность прогнившего царского режима и побудил вступить в один из первых на флоте судовых советов, хотя это грозило гибелью от руки агентов секретной царской полиции - охранки. Он поведал мальчику свою версию Октябрьской революции. Это был захватывающий рассказ человека, лично принимавшего в ней участие, но старый моряк предусмотрительно умалчивал обо всем дальнейшем.

Дядя Саша позволил мальчику выходить с ним в море, преподал ему первые навыки морского дела. И мальчик, которому не исполнилось еще и девяти, решил навсегда связать свою судьбу с морем. Там он ощущал свободу, которой никогда не чувствовал на земле. В море была романтика, особенно притягательная для мужающего паренька. Море таило свои опасности, но за те летние месяцы, что он провел с дядей Сашей, мальчик понял, что умение, знания и дисциплина способны победить любую опасность, что опасность не страшна для человека, готового встретить ее лицом к лицу. Позднее Марк часто задумывался над тем, какую пользу принесли ему те летние месяцы, и о том, каким замечательным командиром мог бы стать дядя Саша, если бы судьба не помешала ему.

В конце того длинного балтийского лета Марк рассказал отцу о дяде Саше и даже познакомил его со старым морским волком. Рамиус старший был весьма тронут всем тем, что сделал старый моряк для его сына, и устроил перевод его на должность капитана новой крупной рыбачьей шхуны, а еще продвинул его в очереди на получение квартиры. Марк едва не поверил в то, что партия способна и на добрые дела, и сам был горд тем, что совершил добрый поступок. Однако в первую же зиму дядя Саша умер, так и не успев воспользоваться этой добротой. Лишь много лет спустя Марк понял, что даже не знает фамилии своего друга. После жизни, отданной бескорыстной службе отечеству, дядя Саша так и остался человеком без роду-племени.

В тринадцать лет Марк переехал в Ленинград и поступил в Нахимовское училище. Там он принял решение, что тоже станет профессиональным морским офицером. Его влекла та неизбывная тяга к приключениям, что издревле притягивала юношей к морю. Нахимовское училище было подготовительной школой, где воспитывались мальчики, решившие посвятить жизнь морской службе. В то время советский военно-морской флот сводился главным образом к береговой охране, предназначенной для защиты побережий страны, но это не смущало Марка. Отец убеждал его посвятить себя партийной деятельности, где юношу ожидала стремительная карьера, жизнь, полная комфорта и всяческих привилегий. Однако Марк хотел прокладывать собственную дорогу в жизни, не

пользуясь отраженным светом влиятельного отца, "освободителя" Литвы. Морская карьера казалась ему полной романтики и приключений и так привлекала его, что он готов был даже служить советской власти. В советском флоте еще не выработались настоящие традиции, и Марк рассчитывал, что сумеет найти там свое место и расти вместе с флотом. Многие соученики походили на него, и если не отличались инакомыслием, то по крайней мере были способны на собственное мнение, что весьма необычно для такого строго контролируемого общества. Юноша расцвел - впервые в жизни у него появились единомышленники.

Незадолго до окончания училища нахимовцев познакомили с разновидностями кораблей советского флота, и Рамиус сразу безраздельно влюбился в подводные лодки. В то время они были маленькими и грязными, пропитанными вонью, которая исходила из забортных емкостей, которыми пользовались матросы для отправления естественных нужд. Но в то же время подводные лодки были единственной наступательной силой флота, а Марк с самого начала хотел находиться на переднем крае. Из лекций по истории он узнал, что подводные лодки дважды в истории едва не покончили с Британской морской империей и подорвали экономику Японии. Это пришлось ему по сердцу, как и то, что американцы разделались с японским военно-морским флотом, из-за которого едва не погиб его первый наставник, дядя Саша.

Марк с отличием окончил Нахимовское училище, был первым в выпускном классе и получил позолоченный секстан за успехи в теоретической навигации. Как первому ученику ему предоставили возможность самому выбрать училище, чтобы продолжить образование. Он остановил свой выбор на Высшем военно-морском училище подводного плавания имени Ленинского комсомола - знаменитом "подплаве". Уже в то время ВВМУПП готовило кадры для советского подводного флота.

Пять лет, проведенные в училище, были самыми трудными в его жизни, тем более что он поставил перед собой задачу не просто успешно закончить учебное заведение, а сделать это с блеском.

Из года в год он был первым в классе по всем предметам. Его курсовая о политическом значении советской военно-морской мощи привлекла внимание Сергея Георгиевича Горшкова, в то время командующего Балтийским флотом и восходящей звезды Военно-морского флота СССР. Горшков дал указание, чтобы работу опубликовали в "Морском сборнике" - главном военно-морском журнале страны. Статья была образцом передовой партийной мысли - высказывания Ленина цитировались там шесть раз.

К этому времени отец Марка стал кандидатом в члены Президиума, как называлось тогда Политбюро ЦК КПСС. Он очень гордился своим сыном. Рамиус старший был неглупым человеком, понимал, что за советским военно-морским флотом будущее и перед сыном открываются блестящие возможности, и всячески помогал его продвижению по службе.

К тридцати годам Марк женился и стал командиром своей первой подводной лодки. Наталья тоже была дочерью члена ЦК, видного дипломата. Он объехал с семьей весь мир. Наталья не отличалась крепким здоровьем. У них не было детей, и три беременности закончились выкидышами, причем последний едва не убил ее. Хрупкая прелестная женщина, по российским меркам весьма образованная, Наталья помогла мужу усовершенствовать его неплохой

английский, привлекая к чтению книг английских и американских писателей - разумеется, вполне политически благонадежных, главным образом западных левых. Но встречались среди этих книг и произведения настоящей литературы - Хемингуэя, Марка Твена, Эптона Синклера. Наталья и морская служба составляли всю жизнь Рамиуса. Годы супружества, разделенные вехами долгих разлук и радостных встреч, только укрепили их любовь.

Когда в Советском Союзе началось строительство первых атомных подлодок, Рамиус оказался на верфях и принялся осваивать методы проектирования и постройки стальных акул. Скоро его уже знали как требовательного и взыскательного приемщика, вникающего в каждую мелочь. Он понимал, что от работы сварщиков и слесарей, нередко пьяных, зависит его собственная жизнь. Он стал еще и специалистом по атомной энергетике, потом в течение двух лет плавал старпомом, а затем получил в командование атомную подлодку. Это была ударная подлодка - первая неуклюжая попытка советских инженеров создать боеспособную подлодку с большим радиусом плавания, которая могла угрожать западным флотам и линиям коммуникаций. Не прошло и месяца, как на однотипной подлодке у берегов Норвегии произошла крупная авария реактора, и Рамиус первым прибыл к месту катастрофы. В соответствии с полученным приказом он успешно спас экипаж и затем затопил вышедшую из строя подлодку, чтобы не дать западным флотам раскрыть ее секреты. Обе задачи он выполнил четко и грамотно, что удивляло в столь молодом командире. Того же он всегда добивался и от своих подчиненных и отмечал их мастерство. Командующий флотом придерживался такой же точки зрения, и вскоре Рамиуса назначили командиром новой подлодки типа "чарли-1".

Именно такие моряки, как Рамиус, должны были бросить вызов американским и английским подводникам. Правда, у него не было особых иллюзий на этот счет. Он знал, что у американцев давние традиции морских сражений - достаточно сказать, что еще при Екатерине Второй их знаменитый адмирал Джоунз служил в российском флоте. Американские подводники прославились своим коварством уже во время второй мировой войны, и Рамиус столкнулся с воевавшими людьми, которые познали весь ужас подводных сражений и сумели преодолеть и его и врага. Смертельная игра в прятки, которую ему довелось вести с ними, была не из легких, тем более что американские подлодки конструктивно намного опережали советские. Но и в ту пору Рамиусу удавалось побеждать.

Он постепенно научился играть по американским правилам, уделяя особое внимание тщательной подготовке своих офицеров и матросов. Экипажи его подлодок редко прибывали к нему хорошо подготовленными - это оставалось самым серьезным недостатком советского военно-морского флота, - но если другие командиры проклинали своих подчиненных за допущенные ошибки, Рамиус терпеливо поправлял их, учил избегать промахов. Его первая подлодка типа "чарли" получила прозвище "Вильнюсская академия". Отчасти это было шутливым намеком на его полулитовское происхождение - хотя он родился в Ленинграде от русской матери, что нашло отражение в паспорте, - но главным образом признанием того, что молодые офицеры, прибывающие на его корабль плохо подготовленными, пройдя его школу, готовы были к самостоятельной службе и после этого часто становились командирами подводных лодок. То же относилось

и к матросам, проходившим у него срок обязательной службы. Рамиус не допускал дедовщины и унизительного обращения с молодыми матросами, характерных для советских вооруженных сил. Он считал, что его задача - воспитание моряков, и на его подлодке процент матросов, изъявляющих желание остаться на сверхсрочную службу, был намного выше, чем у других командиров. Девятая часть всех мичманов на подлодках Северного флота были профессионалами, воспитанными Рамиусом. Командиры других подводных лодок с удовольствием брали к себе его старшин, а многие из его матросов поступали в офицерские военно-морские училища.

После восемнадцати месяцев напряженной работы и тщательной подготовки команды Рамиус на своей "Вильнюсской академии" был готов к "охоте на лис". Он обнаружил в Норвежском море американскую подлодку типа "тритон" и в течение двенадцати часов неотступно преследовал ее. Позднее он с удовлетворением узнал, что вскоре после этого "тритоны" были выведены из состава Военно-морских сил США, поскольку там пришли к выводу, что эти неуклюжие громадины оказались не в силах конкурировать с новейшими советскими подлодками. Всякий раз, когда Рамиус наталкивался на дизельные подводные лодки англичан и норвежцев, заряжающие свои аккумуляторы под шноркелем <Шноркель - устройство с выхлопной и всасывающей трубами, позволяющие дизельной подводной лодке идти в погруженном состоянии при работающем дизеле.>, он принимался преследовать их, часто обстреливая мощными гидроакустическими импульсами, от которых сотрясались их корпуса. Однажды ему даже удалось обнаружить американский подводный ракетоносец, и он сумел почти два часа поддерживать контакт с ним, прежде чем американцы, подобно призраку, растворились в черных океанских глубинах.

Стремительное развитие советского военно-морского флота и растущая нужда в квалифицированных офицерах помешали Рамиусу поступить в академию Фрунзе в начале своей карьеры. При обычных обстоятельствах обучение в этой академии считалось необходимым условием для успешного продвижения по служебной лестнице во всех родах войск Советского Союза. Академия имени Фрунзе, которая находилась в Москве, неподалеку от древнего Новодевичьего монастыря, была названа в честь героя революции и являлась главным учебным заведением для всех, кто стремились к военной карьере. И хотя сам Рамиус этой академии не кончал, блестящего командира-практика пригласили туда на должность преподавателя. Столь редкое назначение было его собственной заслугой, отец уже отношения к новому назначению сына не имел. И для Рамиуса это было особенно важным.

Начальник военно-морского факультета академии любил представлять Рамиуса слушателям как "нашего лучшего испытателя подлодок". Лекции Рамиуса стали необычайно популярными не только среди морских офицеров, обучающихся в академии, но и среди всех тех, кто интересовались историей флота и военно-морской стратегией. По выходным, которые он проводил на государственной даче своего отца в поселке Жуковка-1, Рамиус писал наставления по действиям подводных лодок и обучению личного состава, а также составил описание идеальной ударной подлодки. Некоторые идеи, выдвигаемые Рамиусом, не совпадали с официальной точкой зрения на развитие военно-морского флота, и хотя они вызывали некоторое раздражение у его

бывшего опекуна Горшкова, ставшего теперь главнокомандующим Военно-морского флота СССР, однако нельзя сказать, чтобы старый адмирал выражал особое неудовольствие по этому поводу.

Рамиус предлагал, чтобы офицеры-подводники плавали на кораблях одного класса в течение нескольких лет - в идеале на одной и той же подлодке, - что поможет им лучше овладеть своей профессией и постичь все особенности корабля. Не следует переводить лучших командиров подводных лодок, считал он, на штабную работу. При этом он хвалил распространенный в армии обычай оставлять полевых командиров на своих должностях до тех пор, пока им этого хотелось, и намеренно противопоставлял эти традиции практике, принятой во флотах империалистических государств. Рамиус подчеркивал необходимость более глубокой подготовки кадров, продления срока службы призывников и улучшения условий жизни личного состава подводных лодок. Одни его предложения нашли сочувственный отклик у командования, тогда как другие были отвергнуты, и Рамиус понял, что ему не светят адмиральские звезды. К тому времени это его уже не интересовало. Он был влюблен в свои подводные лодки и не променял бы их на командование соединением боевых кораблей или даже флотом.

Расставшись с Академией имени Фрунзе, Рамиус действительно начал испытывать подводные лодки. Теперь он был капитаном первого ранга и ему поручали ходовые испытания первой подлодки каждого нового проекта. После окончания испытаний Рамиус досконально знал все достоинства и недостатки новой подлодки, разрабатывал оперативные правила и методы подготовки команд. Он руководил ходовыми испытаниями первой "альфы", первых "дельт" и "тайфунов". Если не считать одного невероятного происшествия на "альфе", карьера Рамиуса представляла собой цепь непрерывных успехов.

Одновременно он стал наставником молодых офицеров. Ему часто приходила в голову мысль о том, что подумал бы дядя Саша, увидев его в роли учителя, передающего навыки сложной профессии подводника. Многие из его учеников сделались потом командирами, однако таких, у кого морская карьера не состоялась, оказывалось больше. Рамиус был требовательным, но и заботливым командиром, он в равной мере уделял внимание и тем, кто проявляли способности и желание учиться, и тем, кто такими качествами не обладали. Однако последних он отказывался продвигать по службе и давать им хвалебные характеристики, даже если их отцы занимали высокие должности. В этом крылась еще одна причина, почему ему не светили адмиральские звезды. Когда дело касалось службы, у него не было любимчиков, и с десяток сыновей высокопоставленных партийных деятелей получали неудовлетворительные характеристики при всей своей активности на еженедельных политзанятиях. Большинство из них в дальнейшем стали замполитами. Благодаря своей неподкупной честности и порядочности Рамиус завоевал у командования репутацию офицера, на которого можно положиться. И всякий раз, когда требовалось решить особенно трудную задачу, первым называлось имя Рамиуса.

Со временем вокруг него собралась группа молодых офицеров, которых они с Натальей буквально усыновили. Молодежь заменяла им детей, которых у них так и не появилось. Особое внимание Рамиус проявлял к молодым людям, у которых, как и у него самого, возникали скрытые сомнения в правильности пути, по которому партийное руководство вело страну. Если только Марк

убеждался, что перед ним свой человек, он открыто говорил на самые злободневные темы. Всем, кто колебались в определении политической линии, кто были недовольны положением в стране, он давал один и тот же совет: "Вступай в партию". Все офицеры, разумеется, были комсомольцами, и Рамиус убеждал их сделать следующий шаг. Такой была цена за карьеру морского офицера, и почти все молодые офицеры, которых влекла романтика корабельной службы, платили ее. Самому Рамиусу благодаря влиянию отца удалось вступить в партию в восемнадцать лет - это был самый молодой возраст для члена партии. Его выступления на партийных собраниях точно отражали линию партии. Это совсем нетрудно, терпеливо убеждал он молодых офицеров. Нужно всего лишь повторять то, что говорит партия, лишь слегка меняя местами слова. Это куда проще, чем вести корабль, - достаточно только посмотреть на замполитов! Рамиус приобрел известность как командир, подчиненные которого были отличными специалистами и верными проводниками линии партии. Он лучше всех других на флоте умел вовлекать молодых офицеров в партию.

И тут случилось несчастье - скончалась его жена. В это время он находился на берегу, что не было особенно необычным для командира подводного ракетоносца. У него была собственная дача в лесу к западу от Полярного, свой автомобиль "Жигули", служебная машина с водителем и многочисленные привилегии, полагавшиеся ему и по занимаемому положению и унаследованные от отца. Словом, он принадлежал к партийной элите, поэтому, когда Наталья пожаловалась на боли в брюшной полости, он, вполне естественно, обратился в клинику Четвертого главного управления, обслуживающую исключительно привилегированных больных, - и это оказалось роковой ошибкой. В народе на этот счет говорят: полы паркетные, врачи анкетные. В последний раз он видел жену на каталке, когда ее везли в операционную, - она ободряюще улыбалась ему.

Вызванный хирург приехал в клинику с опозданием, он был пьян, и ему пришлось слишком долго дышать чистым кислородом, чтобы протрезветь, прежде чем приступить к простой операции по удалению воспаленного аппендикса. Воспаленный орган лопнул, как только хирург начал вскрывать наружную ткань, чтобы добраться до него. Тут же стремительно развился перитонит, осложненный неуклюжими усилиями хирурга исправить ошибку - в спешке он задел скальпелем кишку.

Наталье назначили лечение антибиотиками, но в тот момент в клинике нужные препараты кончились. Обычно в системе Четвертого управления использовались импортные антибиотики, чаще всего французские, а тут пришлось прибегнуть к отечественным лекарствам. Советские антибиотики - "плановые" препараты. В их производстве, как и во всей советской промышленности, широко распространена практика перевыполнения плана с целью получения премии, и сверхплановая продукция нередко минует отделы контроля за качеством. Так и партия антибиотиков, произведенных сверх плана, не прошла необходимой проверки. На следующий день Марк узнал, что ампулы, скорее всего, содержали вместо антибиотика дистиллированную воду. Наталья впала в глубокий шок, затем последовала кома и смерть.

Рамиус с горечью вспоминал похороны, организованные с должной торжественностью. На печальную церемонию собрались офицеры из команды его

ракетоносца и больше сотни других моряков, ставших друзьями за годы службы Рамиуса на Северном флоте, родственники Натальи и представители местного комитета партии. Известие об отцовской смерти застало Марка в плавании и не явилось для него слишком тяжелым ударом - он представлял себе масштабы преступной, как сознавал теперь, деятельности отца. А вот смерть жены стала личной катастрофой. Когда-то, вскоре после свадьбы, Наталья пошутила, что каждому моряку нужен человек, к которому ему хочется вернуться, как каждой женщине надо кого-то ждать. Все было так просто и одновременно невероятно сложно, потому что за пятнадцать лет совместной жизни два умных человека узнали сильные и слабые стороны друг друга и стали от этого еще ближе.

Наблюдая за тем, как под печальные звуки классического реквиема гроб катится в печь крематория, Марк ощутил желание помолиться за душу жены в надежде, что бабушка Хильда права и что за стальной дверью и языками пламени все не кончается. И лишь в этот момент он понял всю тяжесть утраты: государство отняло у него нечто большее, чем жену, оно лишило его возможности смягчить горе молитвой, лишило всяческой надежды - пусть иллюзорной - когда-нибудь снова увидеть ее. Наталья, нежная и добрая, была единственным близким ему человеком после того памятного балтийского лета, проведенного с дядей Сашей. И теперь это счастье быть рядом ушло навсегда. Проходили недели и месяцы, а воспоминания о ней продолжали мучить его: то мелькнет на улице или в магазине Мурманска похожая прическа, то померещится знакомая походка, то покажется родным смех - и за всем этим каждый раз вставал образ жены, а когда он начинал думать об утрате, то терял волю, столь нужную морскому офицеру.

Наталья Богдановна Рамиус погибла от руки хирурга, который оказался пьян во время дежурства, - на флоте такой попал бы под военный трибунал. Но здесь Марк даже не мог привлечь его к суду, потому что хирург тоже был сыном высокопоставленного партийного чиновника и имел могущественных покровителей. Жизнь Натальи могли спасти лекарства, однако импортных средств не хватало, а советские были ненадежными. Никто не поплатился за ее смерть - ни врачи, ни фармакологи. Эта мысль неустанно стучала у него в мозгу, питая его ярость, до тех пор пока он не принял решение, что заставит государство заплатить за свершившееся.

Понадобилось несколько недель, чтобы план оформился у него в сознании. План стал результатом многих лет профессиональной подготовки Марка и его умения просчитывать нештатные ситуации. Когда после двухлетнего перерыва строительство "Красного Октября" возобновилось, Рамиус знал, что будет назначен его командиром. Он принял участие в разработке новой движительной системы и в обстановке абсолютной секретности провел испытания уменьшенной модели подлодки на Каспийском море. Он обратился с рапортом об освобождении его от занимаемой должности, чтобы посвятить все время строительству и оснащению "Красного Октября", набору и подготовке офицерского состава для этой гигантской подводной лодки, чтобы как можно быстрее ввести ее в строй. Командующий Краснознаменным Северным флотом, не лишенный человеческих чувств и плакавший на похоронах Натальи, удовлетворил эту просьбу.

Рамиус уже знал, кого из офицеров выбрать на будущий ракетоносец. Каждый из них являлся выпускником "Вильнюсской академии", а многие были и

"сыновьями" Натальи и Марка. Все эти люди были обязаны Рамиусу своим опытом и положением; все проклинали неспособность своей страны строить подводные лодки, достойные настоящих подводников; все, вступив в партию, еще больше разочаровались в советской власти, убедившись, что для дальнейшего продвижения по службе нужно поступиться принципами, продать душу и тело государству, превратиться в высокооплачиваемых попугаев в черных кителях, для которых каждое партийное выступление было неотделимо от изнурительного самоконтроля. Для большинства этих офицеров унизительное членство в партии не принесло ожидаемых плодов. На флоте существовало три пути для успешной служебной карьеры. Офицер мог стать замполитом и превратиться в парию, презираемого остальными. Мог стать умелым навигатором и рассчитывать на место командира подлодки. Наконец, мог приобрести техническую специальность, что сулило положение и немалые деньги, но в этом случае командование кораблем ускользало от него. Стармех на военном судне мог быть по воинскому званию выше командира, но все равно оставался подчиненным.

Рамиус обвел взглядом офицеров, сидевших за столом. Большинству путь наверх был заказан, несмотря на очевидный опыт и членство в партии. Двое вышли из доверия из-за незначительных проступков в молодости - в одном случае даже в возрасте восьми лет. Командир ракетной боевой части был евреем, и хотя его родители являлись верными членами партии, верящими в торжество коммунизма, ни им, ни их сыну не доверяли. Старший брат другого офицера протестовал против ввода советских войск в Чехословакию в 1968 году и навлек несчастье на всю семью. Мелехин, старший механик, равный с Рамиусом по воинскому званию, не сумел продвинуться дальше просто потому, что командование предпочитало держать отличного офицера в должности командира боевой части подлодки, что требовало глубоких знаний и опыта. Бородин, вполне готовый принять командование кораблем, однажды обвинил замполита в гомосексуализме, а тот был сыном начальника политуправления Северного флота. Словом, у каждого офицера для государства был свой порок.

- А если нас обнаружат? - спросил Комаров.

- Сомневаюсь, что даже американцам это удастся при работающей гусенице. А уж нашим подлодкам не по зубам. Не забывайте, друзья, что я принимал участие в проектировании и строительстве этого корабля, - напомнил Рамиус.

- Что с нами будет? - пробормотал офицер-ракетчик.

- Сначала нужно выполнить главную задачу. Офицер, который заглядывает слишком далеко, спотыкается о шнурки собственных ботинок.

- Нас будут искать, - не удержался Бородин.

- Разумеется, - улыбнулся Рамиус. - Но когда узнают, где мы, будет слишком поздно. Наша задача, товарищи, заключается в том, чтобы избежать обнаружения. И мы добьемся этого.

День четвертый

Понедельник, 6 декабря

Штаб-квартира ЦРУ

Райан шел по коридору верхнего этажа штаб-квартиры Центрального разведывательного управления в Лэнгли, штат Виргиния. Он миновал уже три контрольно-пропускных пункта, и никто не попросил его открыть запертый кейс, прикрытый форменным пальто защитного цвета - подарком одного офицера Королевского флота, - которое он нес в той же руке.

Его дорогой костюм английского покроя, купленный по настоянию жены в магазине на Севилл-Роу, не был консервативным, но в то же время не выглядел и ультрамодным. У него в шкафу висело несколько таких костюмов, он носил их с белыми рубашками и полосатыми галстуками соответственно цвету. Его респектабельность подчеркивали обручальное кольцо и университетский перстень, а также дорогие часы на еще более дорогом золотом браслете. Райан не придавал особого значения собственной внешности, тем более что его работа заключалась в том, чтобы отыскать подлинный смысл, скрытый за наружной оболочкой.

В нем самом тоже не было ничего приметного: рост чуть выше шести футов, чуть полноватый от недостатка движения из-за капризов английской погоды. Взгляд голубых глаз казался обманчиво рассеянным; нередко их хозяин был погружен в мысли и двигался, словно на автопилоте, обдумывая содержание своей очередной книги или перебирая в уме материал для нее. Райана интересовало мнение лишь тех, кто были ему близки; отношение остальных не имело для него значения. Как не имела значения и слава. Он считал, что его жизнь и без того достаточно сложная - намного более сложная, чем думали многие. Круг интересов Райана ограничивался его женой, которую он любил, двумя детьми, которых обожал, работой, которая постоянно подвергала испытаниям его интеллектуальные способности, и немалыми финансовыми возможностями, позволяющими вести независимый образ жизни и выбирать в ней собственный путь. Жизненный путь, выбранный Райаном, пролег через его работу в ЦРУ. Официальный девиз Центрального разведывательного управления гласил: "Правда сделает тебя свободным". Сложность, напоминал он себе хотя бы однажды на день, состояла в том, чтобы отыскать эту истину, и хотя Райан сомневался, что сумеет когда-нибудь достичь в этом особых высот, он испытывал молчаливую гордость от сознания, что способен проникать в суть сложнейших проблем, разгадывая их по частям.

Кабинет заместителя директора ЦРУ по разведывательной деятельности занимал весь угол верхнего этажа с окнами, выходящими на лесистую долину Потомака. Здесь Райану предстояло миновать еще один контрольный пункт.

- Доброе утро, доктор Райан.

- Привет, Нэнси. - Райан улыбнулся женщине. Нэнси Каммингз работала здесь секретарем вот уже двадцать лет, сменила восьмерых заместителей директора ЦРУ по разведывательной деятельности и, говоря по правде, очень может быть, разбиралась в разведывательной работе не хуже политических выдвиженцев из соседнего кабинета. Положение мало отличалось от того, что существует в любой крупной фирме: боссы приходят и уходят, а хорошие секретари остаются.

- Как семья, доктор? Готовятся к Рождеству?

- Да, вот только Салли очень беспокоится. Боится, что Санта-Клаус не знает о нашем переезде и не сумеет отыскать ее в Англии. Но, полагаю, он ее

отыщет, - улыбнулся Райан.

- Дети такие милые, пока маленькие. - Она нажала на скрытую кнопку. - Вас ждут, доктор Райан, проходите.

- Спасибо, Нэнси. - Райан повернул ручку двери, охраняемую электронным механизмом, и вошел в кабинет заместителя директора по разведывательной деятельности.

Вице-адмирал Джеймс Грир сидел в своем кресле, откинувшись на его высокую спинку, и читал досье. На огромном письменном столе красного дерева лежали аккуратные стопки папок с красными полосами на краях и различными шифрами на обложках, обозначающими уровень секретности.

- Привет, Джек! - произнес он через весь кабинет. - Хочешь кофе?

- С удовольствием, сэр, спасибо.

Джеймсу Гриру было шестьдесят шесть лет. Он провел всю жизнь на флоте и теперь продолжал работать, несмотря на пенсионный возраст, как и Хаймен Риковер <Адмирал Х. Риковер - создатель американского атомного флота.>, хотя работать с Гриром было намного легче. Он был из "мустангов", то есть стал офицером, начав службу с матроса, благодаря незаурядным способностям был принят в Военно-морскую академию и на протяжении следующих сорока лет продвинулся до звания вице-адмирала с тремя звездами на погонах <В американском ВМФ у контр-адмирала две звезды на погонах, у вице-адмирала - три.>. Сначала Грир командовал подводными лодками, затем посвятил себя разведывательной работе. Он был требовательном начальником, проявлял заботу о тех подчиненных, которые обнаруживали способности и вызывали его симпатию. Райан принадлежал к числу таких счастливчиков.

К немалому неудовольствию Нэнси, адмирал Грир предпочитал сам готовить кофе, и на тумбочке за его столом стояла кофеварка, так что ему достаточно было повернуться в кресле, чтобы дотянуться до нее. Райан налил себе чашку - скорее это была кружка морского образца, без ручки. Грир варил настоящий морской кофе, крепкий, со щепоткой соли.

- Ты не проголодался, Джек? - Грир достал из ящика стола коробку из-под печенья. - У меня есть сладкие булочки.

- Спасибо, сэр. Я ничего не ел во время перелета. - Райан взял булочку вместе с бумажной салфеткой.

- Все еще не любишь летать? - Грир лукаво улыбнулся. Райан опустился в кресло напротив адмирала.

- Полагаю, пора бы привыкнуть. "Конкорд" мне нравится больше, чем широкофюзеляжные самолеты. По крайней мере бояться приходится не так долго.

- Как домашние?

- Спасибо, сэр, все в порядке. Салли пошла в первый класс и ей нравится в школе. А маленький Джек бродит по всему дому. Кстати, булочка очень вкусная.

- Рядом с моим домом открылась новая кондитерская. Прохожу мимо нее каждое утро. - Адмирал выпрямился в кресле. - Итак, что привело тебя сюда?

- Фотографии нового советского подводного ракетоносца, вот - "Красный Октябрь", - небрежно произнес Райан и отпил глоток кофе.

- Вот как? И что хотят взамен наши английские друзья? - В голосе Грира звучало подозрение.

- Им хочется ознакомиться с новыми приборами Барри Сомерса, улучшающими качество фотоизображения. Для начала не с самими приборами, а только с обработанными снимками. Мне кажется, это неплохая сделка, сэр. - Райан знал, что в ЦРУ нет фотографий новой подлодки. У оперативного управления не было ни своего агента на верфи в Северодвинске, ни надежного человека на базе подводных лодок в Полярном. Более того, ряды "бетонных амбаров" для укрытия подлодок, построенных на советских базах по образцу крытых немецких доков времен второй мировой войны, делали беспомощными и разведывательные спутники с их фотосъемкой из космоса. - У меня здесь десять кадров, сделанных под косым углом, по пять кадров носовой и кормовой частей подлодки, а также кадры с каждой стороны, еще не проявленные, так что Сомерс может с них начать. Мы еще не взяли на себя никаких обязательств, сэр, но я сказал сэру Базилу, что вы обдумаете его предложение.

Адмирал что-то проворчал под нос. Сэр Базил Чарлстон, глава английской разведывательной службы, был мастером quid pro quo <Одно вместо другого (лат.)>, Он нередко предлагал поделиться со своими более могущественными друзьями источниками информации, а месяц спустя просил что-нибудь взамен. Разведывательные игры часто напоминали примитивную рыночную торговлю.

- Чтобы воспользоваться новой системой совершенствования снимков, Джек, нам нужна камера, которой произвели фотографирование.

- Я знаю. - Райан извлек фотоаппарат из кармана пиджака. - Это усовершенствованная дисковая камера "Кодак", по мнению сэра Базила, последнее слово в шпионской фотосъемке, плоская и делает снимки отличного качества. Ее, как он сказал, можно спрятать в кисете для табака.

- Откуда ты знал, что нам понадобится камера?

- Вы хотите сказать, когда Сомерс пользуется лазерами, для того чтобы...

- Райан! - рявкнул адмирал. - Что тебе известно об этом?

- Не волнуйтесь, сэр. Помните еще в феврале меня пригласили для обсуждения проблемы новых пусковых шахт для ракет СС-20 на китайской границе? Там присутствовал Сомерс, и вы попросили меня отвезти его в аэропорт. По дороге он принялся восторженно болтать об этом великом открытии, над которым будет работать на Западе, и не переставал говорить до самого порта Даллеса. Из того немногого, что я понял, Сомерс пропускает лазерные лучи через объектив фотоаппарата и получает математическую модель объектива. В результате он может взять экспонированный негатив, разложить изображение на первоначально поступающие в него световые лучи и затем с помощью компьютера прогнать изображение через теоретически смоделированный на нем же объектив для получения идеального снимка. Впрочем, не исключено, что я что-нибудь и напутал. - По лицу Грира он видел, что все понял правильно.

- Сомерс слишком много болтает.

- Я предупредил его об этом. Но после того как человека прорвало, не затыкать же ему рот?

- А что известно британцам? - спросил Грир.

- Об этом можно только гадать, сэр. Сэр Базил спросил меня, и я ответил, что вопрос не по адресу, - ведь я специалист по экономике и

истории, а в физике - профан. Я сказал, что нам понадобится камера, но это было ему известно. Он достал ее из ящика стола и передал мне. Так что от меня сэр Базил ничего не узнал, сэр.

- Интересно, с кем еще разговаривал Сомерс? Ох уж эти гении! Живут в собственном безумном мирке и даже не задумываются о последствиях. Иногда он ведет себя, как маленькое дитя. А ты ведь знаешь о первом правиле безопасности: вероятность раскрытия секрета пропорциональна квадрату числа людей, посвященных в него. - Это было любимым высказыванием Грира.

Зазвонил телефон.

- Грир слушает.., хорошо. - Адмирал повесил трубку. - Сюда поднимается Чарли Давенпорт - ты предложил пригласить его. Должен был приехать еще полчаса назад. Наверно, это из-за снегопада. - Он махнул рукой в сторону окна. Уже выпало два дюйма снега и еще ожидали к вечеру. - Стоит упасть одной снежинке в этом городе, и все движение замирает.

Райан рассмеялся. Грир, уроженец штата Мэн на северо-западе, никак не мог понять проблем Вашингтона.

- Значит, Джек, ты считаешь, что фотографии стоят такой цены?

- Нам хотелось получить эти снимки уже давно, особенно после того, как об этой подлодке начали поступать такие противоречивые сведения. Решать вам с судьей, но мне кажется, что за подобный товар цена не такая уж и высокая. Фотографии очень интересные.

- Следует завести своих людей на этой проклятой верфи, - проворчал Грир. Райан не знал, почему оперативное управление допустило такой промах. К полевым операциям он проявлял мало интереса. По призванию Райан был аналитиком, и его не интересовало, каким образом добывают материалы, попадающие ему на стол. - Базил ничего не говорил тебе о своем человеке? Райан улыбнулся и отрицательно покачал головой.

- Нет, сэр, да я и не спрашивал его об этом. Грир одобрительно кивнул.

- Доброе утро, Джеймс!

Райан повернул голову и увидел вице-адмирала Чарлза Давенпорта, директора Управления военно-морской разведки, следом за которым вошел капитан первого ранга.

- Привет, Чарли. Ты знаком с Джеком Райаном?

- Хелло, Райан.

- Мы встречались, - заметил Райан.

- Познакомьтесь, это капитан Казимир.

Райан пожал руки пришедшим. Несколько лет назад он встретился с Давенпортом, когда делал доклад в военно-морском колледже в Ньюпорте, штат Род-Айленд. Тогда во время обмена мнениями Давенпорт здорово погонял его. Ходили слухи, что с ним трудно работать. Давенпорт был раньше морским летчиком, и его лишили права управлять самолетом после того, как он промахнулся мимо троса аэрофинишера и врезался в предохранительный барьер. Говорили, что с тех пор он так и не простил нанесенную ему обиду. Не простил кому? Этого никто не знал.

- Должно быть, погода в Англии такая же отвратительная, как и здесь, Райан. - Давенпорт бросил свою адмиральскую шинель на пальто Райана. - Вижу, вы где-то сперли шинель офицера Королевского флота.

Райан успел полюбить свое новое пальто.

- Эту шинель мне подарили, сэр, она очень теплая.

- Боже милостивый, да вы и говорите теперь по-британски. Джеймс, парню пора возвращаться домой.

- Будь с ним повежливее, Чарли. Он привез тебе подарок. Налей-ка себе кофе.

Казимир поспешил наполнить кружку для своего босса, затем сел справа от него. Райан заставил их немного подождать, прежде чем открыл свой кейс, достал оттуда четыре папки, оставил одну себе, а остальные три роздал.

- Говорят, вы работаете там довольно успешно, Райан, - заметил Давенпорт. Джек слышал о его переменчивом характере - то он ведет себя дружески, то выходит из себя. Возможно, это помогает ему лишать подчиненных состояния душевного покоя. - О, Господи! - Давенпорт открыл свою папку.

- Господа, перед вами "Красный Октябрь". Эти снимки любезно предоставила нам британская секретная служба, - торжественно произнес Райан.

Фотографии в папках были подобраны попарно, по четыре каждого из отпечатков размером четыре дюйма на четыре, а под ними те же фотографии, но увеличенные до размера десять на десять дюймов. Снимки были сделаны под острым углом, скорее всего, с края ремонтного дока, в котором стоял ракетоносец после ходовых испытаний. Фотографии были подобраны попарно - с носа и с кормы, с носа и с кормы.

- Как видите, господа, освещение было неважным, так что качество снимков оставляет желать лучшего. Фотографировали миниатюрной камерой, заряженной цветной пленкой чувствительностью четыреста единиц. Первая пара фотографий подверглась нормальной обработке, чтобы установить уровень освещения. Вторая проявлена обычными средствами с увеличением яркости. Третья подверглась цифровому улучшению качества цвета, а четвертая - цифровому улучшению четкости изображения. У меня есть непроявленные кадры каждого изображения, которые будут переданы для обработки Барри Сомерсу.

- Вот как? - Давенпорт поднял на мгновение голову. - Очень любезно со стороны британцев. Какова цена? - Грир объяснил условия предлагаемой сделки. - Плати, - заявил Давенпорт. - Снимки стоят того.

- Джек предлагает то же самое.

- Еще бы, - усмехнулся Давенпорт. - Ты же знаешь, что он работает на них.

Слова директора Управления военно-морской разведки задели Райана за живое. Ему нравились англичане, работать с их разведывательным сообществом было интересно, но он никогда не забывал о своей родине. Джек сделал глубокий вдох, стараясь взять себя в руки. Давенпорт любил подкалывать людей, и, если Джек попадется на провокацию, он сочтет себя победителем.

- Полагаю, сэр Джон Райан по-прежнему имеет хорошие связи по другую сторону океана? - язвительно продолжал Давенпорт.

Дворянский титул Райан получил в награду за то, что предупредил нападение террористов на двух членов королевской семьи в районе лондонского парка Сент-Джеймс. Тогда он был простым туристом, американским простаком за границей, задолго до того, как его пригласили на службу в ЦРУ. То обстоятельство, что Райан, не подозревая того, сумел предотвратить убийство

столь важных особ, принесло ему больше известности, чем он мог ожидать, но одновременно и привлекло внимание множества англичан, причем нередко весьма видного положения. Благодаря этим знакомствам Райан стал ценным человеком для ЦРУ и получил предложение войти в состав англо-американской группы связи. Так он установил хорошие деловые отношения с сэром Базилом Чарлстоном.

- У нас там немало друзей, сэр, и некоторые из них оказались столь любезны, что предоставили нам эти материалы, - холодно ответил Райан.

Давенпорт смягчился.

- Ну хорошо, Джек, тогда сделай одолжение. Я согласен: чтобы тот, кто передал нам вот это, получил кое-что в качестве рождественского подарка. Объясни теперь, что тут на этих снимках?

Для несведущего это были фотографии обычной атомной подводной лодки. Стальной корпус выглядел тупым с одного конца и заостренным с другого. О масштабе можно было судить по фигуркам рабочих, стоящих на палубе дока, - лодка была огромной. В кормовой части, по сторонам плоского отростка, который русские называли бобровым хвостом - по крайней мере так говорилось в разведывательных сводках, - виднелись два бронзовых гребных винта. Корма с гребными винтами выглядела самой обычной и не привлекала особого внимания - за исключением одной детали.

- Что это за люки? - спросил Казимир.

- Гм. Огромная стерва. - Давенпорт, по-видимому, не расслышал вопроса. - На первый взгляд футов на сорок длиннее, чем мы предполагали.

- Примерно на сорок четыре. - Давенпорт не нравился Райану, но, судя по всему, адмирал знал свое дело. - Сомерс проведет более точные измерения. И на два метра шире, чем остальные "тайфуны". Несомненно, это дальнейшее развитие ракетоносцев типа "тайфун", но...

- Вы правы, капитан, - прервал Райана Давенпорт. - Что это за люки?

- Поэтому я и приехал сюда. - Райан давно ожидал этого вопроса. Сам он мгновенно обратил внимание на люки, как только впервые взглянул на снимки. - Я не знаю этого и англичане тоже.

У "Красного Октября" на корме и в носу виднелось по два люка, каждый метра два диаметром, хотя они и не были абсолютно круглыми. Во время фотосъемки они были закрыты и отчетливо виднелись лишь на четвертой паре фотографий.

- Торпедные аппараты? Нет, вот они, все четыре у продольной оси подлодки. - Грир достал из ящика стола увеличительное стекло. В век компьютерного анализа фотоснимков это показалось Райану умилительным анахронизмом.

- Ты ведь подводник, Джеймс, кто разберется в этом лучше тебя? - заметил Давенпорт.

- С тех пор прошло больше двадцати лет, Чарли. - Грир превратился из кадрового офицера-подводника в профессионального разведчика еще в начале шестидесятых. На кителе капитана первого ранга Казимира, заметил Райан, красовались крылышки морского летчика, так что понятно, почему он благоразумно молчал - он не был "ньюком", не плавал на атомных лодках.

- Значит, это не торпедные аппараты. Они расположены ближе к продольной

оси, как и полагается, тогда как люки дальше от нее.., да и поперечные размеры люков футов шести-семи. Может, это пусковые установки для новых крылатых ракет, которые разрабатываются русскими?

- Специалисты Королевского флота придерживаются именно такого мнения. Мне удалось переговорить с их аналитиками из разведки. Однако я сомневаюсь. Зачем устанавливать на стратегическую платформу ракеты, предназначенные для борьбы с надводными кораблями? Мы так не делаем, а ведь приступили к разработке подводных ракетоносцев гораздо раньше. Смотрите, люки симметричны по отношению к продольной оси лодки. Невозможно запустить ракеты со стороны кормы - люки слишком близко к гребным винтам.

- Направлены в сторону буксируемых гидроакустических датчиков, - кивнул Давенпорт.

- Да, согласен, это возможно, если работает только один винт. Но зачем им два люка? - задал вопрос Райан. Давенпорт недовольно посмотрел на него.

- Русские любят дублировать механизмы.

- Два люка в носу, два в корме - пожалуй, можно согласиться, что они предназначены для запуска крылатых ракет. Могу согласиться и с тем, что через такой люк можно выпустить буксируемую гидроакустическую антенну. Но два комплекта люков в точности одинакового размера? - Райан покачал головой. - Слишком явное совпадение. Думаю, это нечто новое. По этой-то причине они и прерывали строительство "Красного Октября". Русские придумали для своего ракетоносца что-то новое, и два года ушло у них на изменение формы корпуса, чтобы он мог вместить это. Обратите внимание, что они еще добавили и шесть ракетных пусковых шахт.

- Это всего лишь точка зрения, - заметил Давенпорт.

- За то мне и платят.

- Ну хорошо, Джек, что это, как ты считаешь? - спросил Грир.

- Представления не имею, сэр. Я ведь не инженер. Адмирал Грир неторопливо обвел взглядом находившихся в кабинете, улыбнулся и откинулся на спинку кресла. - Итак, господа, здесь присутствует девяносто лет военно-морского опыта плюс этот молодой дилетант. - Он кивнул в сторону Райана. - О'кей, Джек, ты что-то задумал. Почему ты лично привез эти фотографии?

- Я хотел бы показать их одному человеку.

- Кому именно? - Грир подозрительно наклонил голову.

- Скипу Тайлеру. Кто-нибудь из вас знаком с ним?

- Я знаю его, - кивнул Казимир. - В Аннаполисе он учился классом ниже меня. Но с Тайлером что-то случилось - он был ранен или пострадал от чего-то?

- Да, - подтвердил Райан. - Лишился ноги в автомобильной катастрофе. Только получил назначение на должность командира подлодки типа "лос-анджелес", как в него врезался пьяный водитель. Сейчас Скип преподает в Военно-морской академии и Управление морских систем все время привлекает его в качестве консультанта - технический анализ, изучение конструкции кораблей. Он получил степень доктора в Массачусетсе и обладает весьма нестандартным мышлением.

- У него есть допуск к секретной работе? - спросил Грир.

- Самый высокий или даже почище - благодаря работе в Кристалл-Сити.

- У тебя есть возражения, Чарли?

Давенпорт нахмурился. Тайлер не входил в разведывательное сообщество.

- Это тот парень, что занимался анализом тактико-технических данных нового "Кирова"?

- Совершенно верно, сэр, теперь и я вспомнил о его работе, - отозвался Казимир. - Он и Сондерс из Управления морских систем.

- Отличная работа. У меня нет возражений.

- Когда ты встретишься с ним? - спросил Грир у Райана.

- Сегодня, если не возражаете, сэр. Мне все равно нужно съездить в Аннаполис - забрать кое-что из дому и сделать рождественские покупки.

- Вот как? Купить пару кукол? - поинтересовался Давенпорт. Райан посмотрел прямо в глаза адмиралу.

- Да, сэр, именно кукол. Моя дочурка заказала лыжницу Барби и несколько кукольных платьев от Джордаша. Вам никогда не доводилось выступать в роли Санта-Клауса, адмирал?

Давенпорт понял, что ему не смутить Райана. Молодой человек не был его подчиненным и умел сохранять спокойствие. В конце концов, Райан всегда мог повернуться и уйти. Адмирал попробовал зайти с другой стороны.

- Вам говорили в Англии, что "Красный Октябрь" вышел в море в прошлую пятницу?

- Да? - Эта новость застала Райана врасплох. - Я думал, что отплытие намечено через неделю.

- И мы так считали. Им командует Марк Рамиус. Слышали о таком?

- Кое-что. Англичане говорят, что Рамиус - опытный командир.

- Не просто опытный, - заметил Грир. - У них он едва ли не лучший подводник, настоящий морской волк. На него было заведено внушительное досье в разведывательном управлении Министерства обороны. А кого послали следить за ним, Чарли?

- "Бремертон". Эта подлежа находилась довольно далеко и занималась сбором электронной информации, когда Рамиус вышел в море, но ей передали приказ идти за ним. Шкипер "Бремертона" - Бад Уилсон. Помнишь его отца?

- Рыжего Уилсона? - засмеялся Грир. - Спрашиваешь! Это был подводник от Бога! А насколько хорош его сын?

- Говорят, отличный парень. Рамиус, пожалуй, лучший подводник у русских, зато у Уилсона подлодка 688-го проекта. К концу недели мы сможем открыть новую страницу в деле о "Красном Октябре". - Давенпорт встал. - Нам пора, Джеймс. - Казимир поспешил за шинелями. - Мне можно забрать с собой эти снимки?

- Забирай, Чарли. Только не вешай их на стену, даже в качестве мишени для стрел. Ты тоже уезжаешь, Джек?

- Да, сэр.

Грир поднял трубку телефона.

- Нэнси, через пятнадцать минут доктору Райану понадобится машина с водителем. Хорошо. - Он положил трубку и подождал, пока уйдет Давенпорт. - Нет смысла рисковать жизнью на заснеженном шоссе. К тому же после года в Англии ты, наверно, поедешь по левой стороне дороги. Значит, тебе нужна

лыжница Барби?

- У вас ведь были только мальчики, сэр? С девочками - совсем другое дело. - Райан улыбнулся. - Надо знать мою маленькую Салли.

- Папина дочка?

- Да. Пусть Господь поможет тому, кто женится на ней. Можно оставить эти фотографии у Тайлера?

- Надеюсь, сынок, что ты в нем не ошибаешься. Да, оставь - только в этом случае он должен найти для них надежное место.

- Понял, сэр.

- При езде по таким дорогам вернешься, наверно, поздно вечером. Ты остановился в "Мариотте"?

- Да, сэр. Грир задумался.

- Скорее всего, я задержусь допоздна. Загляни сюда, перед тем как лечь спать. Не исключено, мне понадобится кое-что обсудить с тобой.

- Непременно, сэр. Спасибо за машину. - Райан встал.

- Отправляйся за своими куклами, сынок.

Грир посмотрел вслед Райану. Ему нравился этот парень, который не боялся иметь свою точку зрения. Отчасти это объяснялось его финансовой независимостью и тем, что и у его жены тоже было некоторое состояние. У такой независимости есть свои преимущества. Райана не подкупишь и не застращаешь. Он всегда может вернуться к своим книгам, к своей истории. За четыре года игры на бирже он сумел заработать огромные деньги. Он рисковал, скупая акции компаний, балансирующих на грани краха, и всегда оставался в выигрыше, а потом бросил все это, заявив, что больше не хочет искушать судьбу. Грир не верил этому объяснению. Он считал, что Райану просто стало скучно - скучно делать деньги. Адмирал покачал головой. Теперь своим талантам разгадывать выигрышные комбинации Райан нашел применение в ЦРУ, быстро став лучшим аналитиком Грира, а его британские связи удваивали ценность молодого сотрудника. Джек мог мигом перелопатить кучу данных и извлечь именно те несколько фактов, которые представляют интерес. А такое для ЦРУ было редкостью. Управление по-прежнему тратило слишком много средств на сбор информации, считал Грир, и недостаточно - на ее изучение. В работе аналитиков не было того внешнего блеска и романтического ореола, которыми Голливуд наделяет тайных агентов, действующих за рубежом. Однако Джек умел анализировать сообщения, полученные от оперативников, а также данные, почерпнутые из технических источников. Он не боялся принимать решения и высказывать свое мнение, нравилось ли то его начальникам или нет.

Иногда это раздражало старого адмирала, но в целом ему импонировали подчиненные, к которым он испытывал уважение. В ЦРУ и так с избытком тех, кто только и способны целовать задницу боссам, подумал Грир.

Военно-морская академия США

При том, что левая нога у него была ампутирована выше колена, Оливер Уэнделл Тайлер сохранил внешность весельчака и вкус к жизни. Его жена могла это подтвердить. За четыре года после ухода с военной службы в семье их прибавилось еще трое детей и это к тем двоим, что у них уже были, а сейчас

они ждали шестого.

Райан нашел Тайлера за столом в Риковер-холле, здании научно-технического факультета академии. Он проверял работы курсантов.

- Как дела, Скип? - спросил Райан, опершись плечом о дверную раму. Его водитель из ЦРУ остался в вестибюле.

- Привет, Джек! А я думал ты в Англии. - Тайлер "вскочил на ногу", как он сам выражался, - и запрыгал навстречу Райану, чтобы пожать ему руку. Его протез вместо ступни кончался квадратным резиновым наконечником и немного сгибался в коленном суставе. Шестнадцать лет назад Тайлер выступал полузащитником во второй команде "Все звезды", и мышцы его были не менее твердыми, чем алюминий и фибергласс в искусственной ноге. От рукопожатия Тайлера поморщилась бы даже горилла. - Как ты тут оказался?

- Прилетел поработать кое над чем и сделать кое-какие покупки. Как поживает Джин, как твои.., сколько их там? Пятеро?

- Пять и две трети.

- Опять? Джин следовало бы кастрировать тебя.

- Она такого же мнения, но у меня и без того не хватает деталей. - Тайлер рассмеялся. - Думаю, это компенсация за все годы монастырской жизни на атомной подлодке. Иди сюда, присаживайся.

Райан устроился на краю стола, открыл кейс и протянул Тайлеру папку.

- Мне хотелось показать тебе кое-какие фотографии.

- О'кей. - Тайлер открыл папку. - Чья это?.. Русская, конечно! Ну и большая же стерва. Судя по форме корпуса - ракетоносец типа "тайфун", только сильно модифицированный. Двадцать шесть пусковых ракетных установок вместо обычных двадцати. И кажется длиннее. Более плоский корпус. И шире?

- На два или три метра.

- Слышал, ты работаешь в ЦРУ. Наверно, не можешь об этом распространяться?

- Похоже на то. И ты в жизни не видел этих фотографий, Скип. Понятно?

- Понятно. - В глазах Тайлера мелькнуло веселье. - Так на что ты хочешь, чтобы я не смотрел?

Райан достал из папки увеличенные снимки.

- Взгляни вот на эти люки, в носу и на корме.

- Ага. - Тайлер положил снимки перед собой, один рядом с другим. - Очень большие, метра по два, расположены попарно в носу и в корме. Выглядят симметричными относительно продольной оси. Это не пусковые установки крылатых ракет, а?

- На подводном ракетоносце? Ты бы разместил их на стратегическом ракетоносце?

- Русские - странный народ, Джек, их проектировщики мыслят весьма своеобразно. Это те самые парни, что построили крейсер типа "Киров" с атомным реактором и паровой двигательной установкой на дизельном топливе. Гм.., два гребных винта. Кормовые люки не могут быть предназначены для буксируемой гидролокационной антенны - она будет мешать работе винтов.

- А если они остановят один винт?

- Русские поступают так с надводными кораблями для экономии топлива, а иногда - и с ударными подлодками. Управление двухвинтовым подводным

ракетоносцем с одним выключенным винтом дело, наверно, весьма сложное. Говорят, что лодки типа "тайфун" и без того плохо поддаются управлению, а лодки с непредсказуемым поведением очень чувствительны к мощности, передаваемой на винтомоторную группу. Может случится, что ее начнет бросать из сторону в сторону, так что придерживаться заданного курса будет непросто. Ты заметил, что люки на корме сближаются?

- Нет.

Тайлер поднял голову.

- Черт побери! Как я сразу не сообразил?! Да это же водометная движительная система! От этих курсантских работ у меня явное размягчение мозгов.

- Движительная система?

- Мы приглядывались к ней - лет двадцать назад, когда я еще здесь учился. Впрочем, дальше экспериментов дело не пошло. Система оказалась недостаточно эффективной.

- Расскажи поподробнее.

- Эта система называется туннельной. Знаешь гидроэлектростанции в западных штатах? Это же по большей части плотины. Вода падает на колеса турбин, вращающих генераторы. А теперь создано несколько новых гидроэлектростанций, которые действуют вроде как наоборот. Их устанавливают в подземных реках, и текущая вода вращает импеллеры, а уже те в свою очередь вращают генераторы вместо модифицированного мельничного колеса. Импеллер - крыльчатка - походит на гребной винт, только в движение его приводит вода, а он сообщает движение судну за счет отбрасывания воды. Существуют и другие незначительные технические различия, но ничего существенного. Пока тебе все понятно?

Так вот, при этой движительной системе все происходит наоборот. Вода всасывается в носовой люк, а затем импеллеры выбрасывают ее через кормовое отверстие, и образовавшаяся водная струя приводит в движение корабль. - Тайлер замолчал и нахмурился. - Насколько я помню, при этой системе на каждый туннель требуется больше одного импеллера. Эту систему подвергли испытаниям в начале шестидесятых годов и построили экспериментальную модель, прежде чем окончательно отказаться от нее. Одним из недостатков ее явилось еще и то, что один импеллер действует не так эффективно, как несколько. Что-то тут связанно с обратным давлением. Это был новый принцип, и возникли неожиданные трудности. В конце концов, если я не ошибаюсь, смонтировали четыре импеллера, и установка, должно быть, походила на осевой компрессор в турбореактивном двигателе.

- Почему от нее отказались? - спросил Райан, делая пометки в блокноте.

- Главным образом из-за недостаточной эффективности. Независимо от мощности двигателей в трубы можно засосать всего лишь ограниченный объем воды. Кроме того, подобная движительная система занимает много места. От этого недостатка вроде бы удалось отчасти избавиться, установив новый тип электрического индукционного двигателя, но даже в этом случае внутри корпуса находится масса дополнительных механизмов. На подлодках мало места, даже на громадинах вроде вот этой. Удалось добиться предельной скорости примерно в десять узлов, а это слишком мало, несмотря на то что при использовании такой

установки почти полностью исчезали кавитационные шумы.

- Кавитационные шумы?

- Когда гребной винт с большой скоростью вращается в водной среде, позади задней кромки лопасти образуется участок пониженного давления. При этом часть воды испаряется, превращаясь в массу воздушных пузырьков. Они быстро исчезают под давлением воды, вода рвется на их место и с силой бьет по лопастям гребного винта. Это приводит к нескольким нежелательным последствиям. Во-первых, увеличивается шум, а подводники всячески стараются избегать его. Далее, кавитация вызывает вибрацию, что тоже крайне вредно. На старых пассажирских лайнерах, например, вибрация в районе кормы порой доходила до нескольких дюймов. Требуются колоссальные силы, чтобы заставить вибрировать корабль водоизмещением в пятьдесят тысяч тонн! Такие силы ведут к преждевременному разрушению корпуса. Наконец, многократно повторяющиеся гидравлические удары приводят к интенсивному износу лопастей. Большие гребные винты выдерживают всего несколько лет эксплуатации. Вот почему в прошлом их устанавливали на втулках осей, вместо того чтобы отливать как единое целое. Вибрация мешает главным образом надводным кораблям, и в конце концов удалось избежать разрушения винтов путем совершенствования технологии отливки. Так вот, туннельная движительная система позволяет избежать кавитации. Вернее, кавитация по-прежнему возникает, но шум от нее почти полностью поглощается в туннеле. Это большое достижение. Проблема, однако, заключается в том, что невозможно заставить подлодку развить высокую скорость без значительного увеличения размеров туннеля, а это практически неосуществимо. Пока одна исследовательская группа занималась туннельным движителем, другая работала над совершенствованием формы гребного винта. Сегодня винт подводной лодки очень велик и потому способен придавать ей высокую скорость при малом количестве оборотов. При уменьшении числа оборотов гребного винта кавитация исчезает. Кроме того, кавитация уменьшается с глубиной погружения. На глубине в несколько сотен футов давление воды препятствует образованию воздушных пузырьков.

- Тогда почему бы русским просто не скопировать форму нашего гребного винта?

- По-видимому, по нескольким причинам. Форма винта должна соответствовать определенным очертаниям корпуса подлодки и работе двигательной установки, так что копирование не станет для них автоматическим решением проблемы. К тому же значительная часть проектирования все еще осуществляется эмпирическим путем, все тот же метод проб и ошибок. Проектирование формы гребного винта намного труднее, чем, например, проектирование профиля крыла самолета, потому что поперечное сечение лопасти резко меняется от одной точки к другой. Кроме того, думаю, еще одной причиной является то, что их металлургическая технология отстает от нашей - вот почему реактивные и ракетные двигатели русских менее эффективны, чем американские. Поэтому в новых проектах огромное внимание уделяется высокопрочным сплавам. Это узкая область, и я тут могу говорить только в общих чертах.

- Итак, по твоему мнению, речь идет о бесшумной движительной системе, способной развивать скорость не выше десяти узлов? - Райану хотелось уяснить

все как можно точнее.

- Это приблизительная цифра. Тут не обойтись без компьютерного моделирования, чтобы получить более точные данные. Не исключено, что материалы на этот счет все еще хранятся где-то в лаборатории Тейлора. - Тайлер имел в виду исследовательскую лабораторию Управления морских систем на северном берегу реки Северн. - Вероятно, эти данные до сих пор остаются секретными, и мне придется отнестись к ним весьма критически.

- Почему?

- Эти исследования проводились двадцать лет назад. Экспериментировали только с пятнадцатифутовой моделью - для такой работы подобные размеры слишком малы. Не забудь, что они и тут натолкнулись на серьезное препятствие - обратное давление, о котором я говорил. Вполне возможно, что это было не единственным препятствием. Думаю, они пробовали использовать компьютерное моделирование, но даже в этом случае техника математического моделирования в то время была очень примитивной. Чтобы повторить сегодня эти исследования мне придется запросить старые данные и программы из лаборатории Тейлора, проверить их и затем составить новую программу, основанную вот на этой конфигурации корпуса. - Скип постучал пальцем по фотографиям. - После этого для прогона программы мне понадобится доступ к большому универсальному компьютеру.

- Но ты можешь сделать это?

- Конечно. Мне нужны точные размеры этой крошки, но я уже занимался такой работой для парней из Кристалл-Сити. Самым трудным будет получить машинное время. Мне нужен самый мощный компьютер.

- Постараюсь раздобыть тебе такой.

- Постараюсь - недостаточно убедительно, Джек. Расчеты необходимые для решения такой проблемы, можно произвести только на компьютере "Крей-2", самом совершенном. Чтобы сделать то, о чем ты говоришь, нужно математически смоделировать поведение миллионов мельчайших частиц воды, обтекающей со всех сторон - а в нашем случае и сквозь - корпус подводной лодки. НАСА пришлось проделать аналогичную работу со своим "шаттлом" - космическим челноком. Сама по себе работа не такая уж и сложная - трудность заключается только в объеме. Расчеты простые, но основаны на миллионах действий в секунду. Это означает, что решить проблему может лишь большой "Крей" с его быстродействием, а их существует всего несколько. По-моему, один такой в Хьюстоне у НАСА. Пара в Норфолке у ВМС - они пользуются такими компьютерами для исследования проблем противолодочной обороны. О них можешь забыть. Еще один есть, кажется, у ВВС в Пентагоне, а остальные в Калифорнии.

- Но ты мог бы это сделать?

- Конечно.

- Тогда берись за дело, Скип, а я постараюсь обеспечить тебя машинным временем. Как долго ты провозишься?

- Это зависит от того, что за материалы у Тейлора. Неделю, а может, и меньше.

- Сколько ты хочешь за работу?

- А, брось, Джек! - Тайлер махнул рукой.

- Скип, сегодня понедельник. Проверни работу к пятнице, и мы заплатим

тебе двадцать тысяч. Ты стоишь этих денег, а нам информация нужна позарез. Согласен?

- Договорились. - Они пожали руки. - Могу я оставить себе фотографии?

- При условии, что ты найдешь надежное место для хранения. Никто не должен их видеть, Скип. Никто.

- В кабинете суперинтенданта есть хороший сейф.

- Хорошо, но и он не должен их видеть.

- Суперинтендант - бывший подводник. Ему это не понравится, - покачал головой Тайлер. - Ну да ладно.

- В случае сомнений пусть позвонит адмиралу Гриру. Вот по этому телефону. - Райан передал карточку Тайлеру. - Если я тебе понадоблюсь, найдешь меня по этому же номеру. Если меня не окажется на месте, попроси, чтобы тебя соединили с адмиралом.

- Теперь скажи мне, насколько это все важно?

- Очень важно. Ты - первый, кто сумел разумно объяснить назначение этих люков. Поэтому-то я и приехал к тебе. Если тебе удастся создать математическую модель движителя, это будет чертовски полезным. И вот еще что, Скип: тут требуется крайняя деликатность. Стоит кому-нибудь увидеть эти снимки, и я окажусь в дерьме.

- Ладно, Джек, я все понял. Ну что ж, раз ты дал мне жесткий срок, нужно браться за работу. Увидимся.

Обменявшись с Райаном прощальным рукопожатием, Тайлер достал блокнот и принялся составлять список того, что ему необходимо сделать. Райан вышел из здания в сопровождении водителя. Он помнил, что на шоссе номер 2, ведущем прямо из Аннаполиса, есть магазин игрушек, а ему нужна была кукла для Салли.

Штаб-квартира ЦРУ

Райан вернулся в Лэнгли к восьми вечера, быстро миновал охранников и оказался в кабинете Грира.

- Ну что, Джек, тебе удалось раздобыть пловчиху Барби? - Грир поднял голову.

- Барби-лыжницу, - поправил его Райан. - Да, сэр. Неужели вам никогда не доводилось быть Санта-Клаусом?

- Дети слишком быстро выросли, Джек. Даже мои внуки уже вышли из этого возраста. - Грир повернулся за кофе. Интересно, когда он спит? - подумал Райан. - У нас есть кое-какие новости по поводу "Красного Октября", - заметил адмирал. - По-видимому, русские проводят крупные учения по противолодочной обороне в северо-восточной части Баренцева моря. Полдюжины противолодочных самолетов, группа фрегатов и ударная подлодка типа "альфа" прочесывают весь район.

- Наверно, учения, связанные с поиском и обнаружением. Так вот. Скип Тайлер утверждает, что эти люки предназначены для новой движительной системы.

- Вот как? - Грир откинулся на спинку кресла. - А ну рассказывай.

Райан достал свои записи и кратко пересказал все то, что услышал от Тайлера.

- Скип говорит, что сумеет создать компьютерную модель движителя и проверить его эффективность, - закончил он.

- Сколько времени ему на это понадобится? - с интересом спросил адмирал.

- До конца недели, наверно. Я сказал, что, если он сумеет закончить работу к пятнице, мы заплатим ему. Вы считаете, двадцать тысяч не слишком много?

- А все это принесет нам пользу?

- - Если ему удастся получить исходные данные, то несомненно, сэр. Скип - умный парень. В конце концов, докторские степени в Массачусетском технологическом не раздают просто так, а на своем курсе в академии он был в числе пяти лучших выпускников.

- Ты считаешь, эта работа стоит двадцати тысяч долларов из наших средств? - Грир славился тем, что крайне неохотно расставался с казенными деньгами.

Райан приготовил ответ заранее.

- Если бы мы пошли обычным путем, сэр, то нам пришлось бы обратиться к бандитам с Кольцевой. - Райан имел в виду консультационные фирмы, расположенные на дороге, опоясывающей Вашингтон. - Они содрали бы с нас раз, в пять или десять больше и в лучшем случае выдали бы информацию к Пасхе. Атак мы можем получить то, что нам нужно, пока подлодка еще в море. Если возникнут трудности с оплатой, сэр, я расплачусь сам. У меня создалось впечатление, что вам нужно получить эту информацию как можно скорее, а лучше Тайлера этого никто не сможет сделать.

- Ты прав.

Уже не впервые Райан обходил бюрократические рогатки. В прошлом это сходило с рук, а Гриру в первую очередь требовались результаты.

- О'кей, значит, у русских появился новый подводный ракетоносец с бесшумным движителем. Что все это значит для нас?

- Ничего хорошего. Мы всегда исходили из того, что наши ударные подлодки способны обнаружить и преследовать их ракетоносцы. Черт побери, ведь именно поэтому русские согласились на наше предложение держаться в пятистах милях от берегов друг друга, и по этой причине русские почти все время держат свои подводные ракетоносцы в портах. В данном случае ситуация может измениться. Кстати, я не обратил внимания, из какого материала изготовлен корпус "Красного Октября"?

- Из стали. Для титана он слишком велик, стоил бы несметных денег. Ты ведь знаешь, во что им обходятся "альфы".

- Да, слишком дорого для того, чем они располагают. Нет смысла строить сверхпрочный корпус, чтобы сунуть туда потом шумный двигатель. Глупо.

- Пожалуй. Впрочем, было бы неплохо иметь подлодки с такой скоростью. Как бы то ни было, если у них действительно есть бесшумная движительная система, они смогут прокрасться на наш континентальный шельф.

- И тогда возможен запуск по низкой траектории, - сказал Райан. Это был один из самых опасных сценариев атомной войны, при котором ракеты морского базирования запускаются с расстояния в несколько сотен миль от цели. Вашингтон расположен всего в ста милях от побережья Атлантического океана.

Несмотря на то что ракета, стремительно летящая по низкой траектории, в значительной мере теряет точность попадания, несколько таких ракет, выпущенных в сторону американской столицы, взорвутся над нею уже через несколько минут после пуска, так что президент не успеет принять ответные меры. А если русским удастся так быстро покончить с президентом, нарушится система командования, и у Советов будет время, чтобы вывести из строя американские ракеты наземного базирования, - никто не возьмет на себя ответственность дать команду об их запуске. Подобный сценарий представляет собой стратегический вариант обычного уличного ограбления, подумал Райан. Грабитель никогда не хватает жертву за руки - он стремится ударить по голове. - Вы считаете, что "Красный Октябрь" построен именно с такой целью?

- Не сомневаюсь, это было у них на уме, - заметил Грир. - Нам бы это точно пришло в голову. Ну что ж, там у нас "Бремертон", которому приказано следить за "Красным Октябрем", а если полученные от Тайлера сведения окажутся полезными, мы постараемся принять ответные меры. Как ты себя чувствуешь?

- Я на ногах с половины шестого по Лондону. Тяжкий был день, сэр.

- Ты прав. Ладно, Афганистаном займемся завтра утром. Отправляйся спать, сынок.

- Слушаюсь, сэр. - Райан встал и взял пальто. - Спокойной ночи.

Через пятнадцать минут он доехал до "Мариотта". Войдя в номер Райан допустил ошибку - включил телевизор. Начинался ночной репортаж футбольного матча, который передается по понедельникам. Цинциннати играл с Сан-Франциско, два лучших трехчетвертных игрока лиги встретились друг с другом. В Англии он соскучился по американскому футболу и потому выдержал почти три часа, прежде чем заснул, забыв выключить телевизор.

Центр управления СТАН

Если не принимать во внимание, что все здесь были в военной форме, то можно было бы подумать, что находишься в центре управления полетами НАСА. Шесть длинных рядов кресел с пультами и перед каждым телевизионный: экран с клавиатурой, как у пишущей машинки, а также с множеством светящихся пластиковых кнопок, циферблатов, гнезд для наушников и ручек настройки аналоговых и цифровых систем. У пульта номер пятнадцать сидел старший техник-океанограф Дек Франклин.

Здесь помещался Атлантический центр Службы гидроакустического наблюдения (СГАН). Снаружи здание выглядело неприметным, унылое строение с бетонными стенами без окон, огромной коробкой для системы кондиционирования воздуха на плоской крыше и аббревиатурой "СГАН" синего цвета над ухоженным, но теперь уже начавшим желтеть газоном. За дверями всех трех входов стояли, не привлекая к себе внимания, вооруженные морские пехотинцы. В подвальном помещении были установлены два суперкомпьютера "Крей-2", обслуживаемых двадцатью сотрудниками, а за зданием виднелись три отражателя наземных антенн космической связи, обеспечивающих непрерывный контакт со спутниками. Техники, сидящие за пультами управления, и компьютеры в подвальном помещении были связаны с датчиками Службы гидроакустического наблюдения с помощью

электронных коммуникационных систем как через спутники, так и посредством наземных каналов.

Во всех мировых океанах и особенно в проливах, которые приходилось миновать советским субмаринам для выхода в открытое море. Соединенные Штаты и другие страны НАТО развернули сети, состоящие из сотен исключительно чувствительных гидроакустических датчиков. Эти датчики, объединенные в систему обнаружения и оповещения, получали и передавали немыслимый объем информации. Чтобы помочь операторам обработать и проанализировать эту информацию, пришлось создать совершенно новое поколение электронно-вычислительных машин, получивших название суперкомпьютеров. Аппаратура СГАН поразительно успешно решала поставленную перед ней задачу. Ничто не могло пересечь обслуживаемый датчиками барьер, не будучи обнаруженным. Даже почти бесшумные американские и британские ударные подлодки обычно регистрировались чувствительными датчиками, лежащими на морском дне. Их периодически обновляли; у многих были теперь собственные процессоры, которые вели предварительную обработку принимаемых сигналов, прежде чем передать их дальше, что облегчало нагрузку на суперкомпьютеры центра управления и позволяло быстрее и точнее классифицировать цели.

На пульт Франклина поступали данные от цепи датчиков, установленных у берегов Исландии. Он отвечал за район шириной в сорок морских миль, причем его сектор частично перекрывал секторы, расположенные к востоку и западу от него, так что теоретически три оператора вели постоянное наблюдение за всеми секторами установленного там барьера. В случае получения сигнала о контакте Франклин сначала уведомлял о нем соседей, затем печатал доклад на терминале своего компьютера, и его сообщение тут же высвечивалось на главном экране в центре управления. Старший дежурный офицер имел право - и часто им пользовался - преследовать контакт различными средствами - от надводных кораблей до противолодочной авиации. После двух мировых войн американские и британские офицеры осознали необходимость держать открытыми морские линии коммуникаций.

Несмотря на то что это тихое, похожее на мавзолей здание было закрыто для широкой публики и здесь не происходило никаких драматических событий, связанных с военной жизнью, дежурящие тут операторы выполняли обязанности исключительной важности для Обороны своих стран. В случае войны без помощи СГАН население целых государств могло быть обречено на голод.

Франклин откинулся на спинку своего вращающегося кресла, задумчиво попыхивая старой вересковой трубкой. В зале царила мертвая тишина. Но и без этого пятисотдолларовые наушники надежно изолировали Франклина от окружающего мира. В течение двадцати шести лет он служил на эсминцах и фрегатах в звании главного старшины. Подводные лодки и подводники были для него противником независимо от того, под каким флагом плавали и какую форму носили.

Вдруг одна его бровь приподнялась, а почти лысая голова склонилась на бок. Затяжки стали реже. Франклин протянул правую руку к панели управления и выключил сигнальные процессоры, чтобы услышать сигнал независимо от компьютера. Это не помогло. Шумовой фон был слишком сильным. Он снова включил систему фильтрации звука. Затем попытался ввести изменения в азимут.

Датчики СГАН были спроектированы таким образом, что позволяли вести триангуляцию с помощью выборочного использования датчиков, которыми он мог управлять по отдельности: сначала получить один пеленг, затем прибегнуть к соседнему и вычислить таким образом координаты. Шум от контакта был едва слышным, н9 находился, по мнению Франклина, не слишком далеко от линии обнаружения. Франклин запросил информацию через терминал своего компьютера. В районе, откуда доносился шум, находилась подводная лодка "Даллас". Попался! - улыбнулся главный старшина. Донесся новый шум, низкочастотный рев, Он продолжался несколько секунд, затем постепенно исчез. Совсем не такой уж и тихий. Странно, почему он не услышал его, перед тем как включить азимут приема? Франклин положил трубку и принялся за регулировку.

- Главный старшина! - послышался в наушниках голос старшего дежурного офицера.

- Слушаю, капитан.

- Вы не могли бы пройти в центр управления? Мне хочется, чтобы вы прослушали кое-что.

- Иду, сэр. - Франклин неслышно встал. Капитан третьего ранга Куэнтин служил когда-то командиром эсминца и теперь находился на временной службе, одержав победу над раком. Почти одержав, поправил себя Франклин. Химиотерапия убила злокачественную опухоль, но вместе с тем у капитана исчезли почти все волосы, а его кожа превратилась в прозрачный пергамент. Жаль, подумал главный старшина, Куэнтин - хороший парень.

Центр управления возвышался на несколько футов над залом, так что сидящие в нем офицеры видели всех дежурных операторов и главный тактический экран на дальней стене. От зала его отделяла стеклянная перегородка, и здесь можно было разговаривать, не мешая операторам. Франклин увидел, что Куэнтин сидит у своего командного пульта - отсюда он мог подключиться к любому оператору.

- Как поживаете, капитан? - Главный старшина заметил, что Куэнтин немного прибавил в весе. Пора бы уж. - Вас что-то интересует, сэр?

- Да, в сети гидроакустических датчиков Баренцева моря. - Куэнтин передал Франклину наушники. Главный старшина в течение нескольких минут прислушивался к доносящимся звукам, но не сел рядом с капитаном. Подобно многим, он опасался, что рак заразен.

- Черт побери, они развили там бурную деятельность. Слышу пару "альф", одну "танго", "чарли" и несколько надводных кораблей. В чем дело, сэр?

- В том же районе находится и "дельта", но она только что всплыла и выключила двигатели.

- Всплыла, шкипер?

- Точно. Сначала они стегали ее активными гидролокационными импульсами, затем эсминец запросил "дельту" по "гертруде".

- Понятно. Значит, это учения по обнаружению и преследованию, и подлодка их проиграла.

- Может быть. - Куэнтин потер глаза. Он выглядел усталым. Капитан много работал, а прежней выносливости не стало. - Но "альфы" продолжают вести гидролокацию в активном режиме и теперь, как вы слышали, направляются на запад.

- А-а. - Франклин задумался. - Значит, они ищут другую подлодку. Может быть, тот "тайфун", который должен был выйти в море?

- Я тоже подумал об этом. Вот только ракетоносец направляется на запад, а район учений расположен к северо-востоку от Кольского залива. Мы недавно потеряли его на сети гидроакустического обнаружения. Сейчас поисками занимается "Бремертон".

- Должно быть, опытный капитан, - предположил Франклин. - Снизил мощность двигательной установки до минимума и движется по инерции.

- Пожалуй, - согласился Куэнтин. - Вот что, старшина, перейдите на контрольный пост барьера СГАН у Нордкапа и попробуйте отыскать русский ракетоносец. Реактор у него продолжает функционировать, так что шум не мог прекратиться. Операторы, что работают у нас на том секторе, молодые. А я временно переведу одного из них на ваш пост.

- Будет исполнено, шкипер, - кивнул Франклин. Большинство операторов, находившихся на дежурстве, по-прежнему не имели достаточного опыта и привыкли работать на кораблях. Работа на СГАН требует особой тонкости. Куэнтин промолчал, а Франклин и без того понял, что ему следует проверить всех операторов на постах группы Нордкапа и в случае необходимости кое-что им посоветовать, прослушивая их каналы.

- Вы услышали "Даллас"?

- Да, сэр. Очень тихо, но он, по-моему, пересекал мой сектор, направляясь северо-западным курсом к "Таможне". Если послать туда "Орион", его еще можно обнаружить. Не хотите припугнуть?

Куэнтин улыбнулся. Он тоже не испытывал к подлодкам особо нежных чувств. - Нет, учения "Ловкий дельфин" уже кончились, старшина. Просто занесем в журнал и сообщим его шкиперу, когда он вернется домой. Между прочим, отличная работа. Вы ведь знаете репутацию "Далласа". Мы вообще не должны были его услышать.

- Вот еще, - фыркнул Франклин.

- И сообщите, что удастся обнаружить. Дек.

- Слушаюсь, шкипер. Держитесь, ладно?

День пятый

Вторник, 7 декабря

Москва

Кабинет был не из лучших в Кремле, но вполне устраивал его хозяина. Адмирал Юрий Ильич Падорин приехал на службу как обычно, в семь утра, проведя ночь в своей шестикомнатной квартире на Кутузовском проспекте. Большие окна кабинета выходили на кремлевскую стену, не будь ее, адмирал видел бы Москва-реку, покрытую сейчас сплошным льдом. Падорина это не особенно огорчало, хотя сорок лет назад он впервые отличился именно на реке, командуя канонерками, которые перевозили боеприпасы через Волгу в Сталинград. Теперь Падорин был начальником Главного политического управления ВМФ. Командовал людьми, а не кораблями.

По пути в кабинет он кивнул секретарю, мужчине лет сорока. Тот вскочил и последовал за адмиралом, чтобы помочь ему снять шинель. Китель Падорина украшали многочисленные орденские планки, которые венчала "Золотая Звезда" Героя Советского Союза, высшая воинская награда в стране. Он получил ее еще веснушчатым двадцатилетним парнишкой. Под Сталинградом. Вот это были дни, подумал Падорин, сколько раз пришлось переправляться с одного берега на другой, то и дело уклоняясь от бомб с германских пикирующих бомбардировщиков, от беспорядочного артиллерийского огня, когда фашисты пытались потопить его корабли... Как и у большинства людей, в памяти адмирала ужасы войны, захороненные временем, стерлись в памяти.

Было утро вторника, и перед Падориным на столе лежала стопка почты. Секретарь принес ему чайник с горячим чаем и стакан - обычный стеклянный стакан, как принято у русских, в металлическом подстаканнике, в данном случае серебряном. Падорин прошел длинный и трудный путь, прежде чем добился привилегий, положенных обладателю этого кабинета. Он опустился в кресло и прочитал сначала разведывательные сводки, информационные экземпляры которых рассылались каждое утро и каждый вечер руководителям оперативных управлений советского ВМФ. Политрукам нужно быть в курсе текущих событий, знать замыслы империалистов, чтобы подготовить личный состав к исходящей от них опасности.

Затем пришла очередь официальной почты из Главного штаба ВМФ и Министерства обороны. Падорин имел полный доступ к первой, а вот корреспонденция, поступающая из Министерства обороны, проходила тщательный отбор, поскольку каждый род войск старался как можно меньше делиться информацией о своей деятельности. Сегодня почты было немного. Накануне на совещании, проведенном вечером понедельника, обсудили почти все, что предстояло сделать на этой неделе, и Падорин уже дал своим подчиненным необходимые указания по исполнению поручений, относящихся к его ведомству. Он налил себе второй стакан чаю и открыл новую пачку сигарет без фильтра, которые привык курить. Несмотря на микроинфаркт, перенесенный им три года назад, адмирал так и не оставил этой привычки. Он перевернул листок календаря - отлично, до десяти никаких совещаний.

Под пачкой корреспонденции он обнаружил официального вида конверт с Северного флота. По номеру в верхнем левом углу Падорин понял, что он с "Красного Октября". Кажется, что-то он сегодня уже слышал о нем.

Падорин еще раз просмотрел оперативные сводки. Значит, Рамиус не прибыл в район учений? Адмирал пожал плечами. Подводные ракетоносцы умеют ускользать от обнаружения, и ничего удивительного, решил старый адмирал, если Рамиус сумел уйти от хвостов. Подумать только, сын Александра Рамиуса, а страдает звездной болезнью, появилась опасная мания величия: одних офицеров из своих воспитанников удерживает при себе, от других отказывается, добивается их перевода. Правда, те, кого Рамиус считал непригодными к строевой службе, становились потом превосходными замполитами, да и опыта и знаний у них было больше, чем у обычных политруков. Даже тут за Рамиусом нужен глаз да глаз. Иногда Падорину казалось, что Рамиус больше моряк, чем коммунист. С другой стороны, его отец был образцовым членом партии, героем Великой Отечественной войны. Несомненно, он пользовался исключительным авторитетом, хотя и был литовцем. А сын? Годы безупречной службы и членства

в партии. Он славился вдохновенными выступлениями на партсобраниях и публиковал время от времени блестящие очерки. Сотрудники из военно-морского отдела ГРУ, советской военной разведывательной службы, докладывали, что на Западе его считают искусным и опасным противником. Отлично, подумал Падорин, пусть эти мерзавцы боятся наших моряков. Он снова посмотрел на конверт.

"Красный Октябрь" - какое удачное название для советского военного корабля! Он назван так не только в честь Октябрьской революции, навсегда изменившей судьбы мира, но и в честь тракторостроительного завода имени Красного Октября. Сколько раз рассветным утром Падорин смотрел на запад, в сторону Сталинграда, чтобы убедиться, что завод, ставший символом стойкости советских воинов, сражающихся с гитлеровцами, по-прежнему стоит. На конверте виднелась пометка "лично", и потому секретарь вопреки обычаю не вскрыл его вместе с остальной почтой. Адмирал достал из ящика стола нож, который использовал для вскрытия писем. Это был памятный нож. Когда жаркой августовской ночью 1942 года под вражеским огнем затонула его первая канонерка, Падорину удалось доплыть до берега, и там на него набросился немецкий пехотинец, никак не ожидавший, что изнуренный матрос может оказать ему сопротивление. Однако нож глубоко вошел в грудь фашиста, причем с такой силой, что половина лезвия осталась в теле врага. Позднее механик заточил сломанное лезвие. Это уже не был настоящий кинжал, но для Падорина он остался драгоценной реликвией.

Письмо начиналось обращением "Товарищ адмирал!", но эти слова, напечатанные на машинке, были зачеркнуты и на их месте от руки было написано "Дядя Юра". Рамиус так называл его в шутку много лет назад, когда Падорин был начальником политуправления Северного флота. "Спасибо за доверие и за предоставленную мне возможность командовать столь великолепным кораблем!" Правильно благодарит, подумал адмирал, понимает, что одной многолетней безупречной службы, чтобы командовать такой подлодкой, мало...

Что? Падорин остановился и начал читать сначала. Он забыл о сигарете, дымящейся в пепельнице, пока не закончил страницу. Что это? Шутка? Рамиус известный шутник, но за эту шутку он заплатит. Это уж слишком! Падорин перевернул страницу.

"Это не шутка, дядя Юра. Прощайте.
Марк."

Отбросив письмо, адмирал посмотрел в окно. Там была видна Кремлевская стена, которая хранит в себе прах многих верных сынов партии. Нет, такого не может быть, он что-то не понял. Падорин начал читать снова. Руки его дрожали.

У Падорина была прямая телефонная связь с адмиралом Горшковым, в обход секретарей и помощников.

- Товарищ адмирал, это Падорин.
- Доброе утро, Юра, - послышался голос главнокомандующего.
- Мне нужно немедленно увидеться с вами. Возникла проблема.
- Что такое? - В голосе Горшкова прозвучала нотка подозрения.
- Обсудим при личной встрече. Я выезжаю. - Обсуждение случившегося по

телефону было исключено. Падорин знал, что все разговоры прослушиваются и записываются на пленку.

Ударная подлодка "Даллас"

Гидроакустик второго класса Роналд Джоунз, по наблюдениям его командира, находился в свойственном ему состоянии прострации. Молодой студент-недоучка, выгнанный из колледжа, сидел с закрытыми глазами у своего стола, склонившись вперед и расслабившись. На его лице застыло отсутствующее выражение, с которым он обычно слушал на своем дорогом кассетном магнитофоне какую-нибудь запись Баха. Джоунз относился к числу тех, кто классифицируют магнитофонные записи по их недостаткам: здесь рваный ритм рояля, не во время вступила флейта, плывет французский рожок. С таким же критическим вниманием он прислушивался к звукам, доносящимся из морских глубин. Во всех флотах мира подводников считают людьми со странностями, а сами подводники относятся к гидроакустикам, как к людям не от мира сего. А потому и необычное поведение их переносят вполне спокойно. Старпом любил рассказывать о старшем акустике, с которым он плавал в течение двух лет и который нес службу на подводных ракетоносцах, патрулировавших практически один и тот же район на протяжении всей его службы. Акустик этот настолько свыкся с горбачами, проводившими там летний сезон, что называл китов по именам. -Выйдя на пенсию, он был приглашен на работу в океанографический институт в Вудс-Хоуле, где к его таланту относились не с улыбкой, а с благоговением.

Тремя годами ранее Джоунза попросили оставить Калифорнийский технологический институт, где он учился на втором курсе, в середине очередного семестра. Молодого парня исключили за остроумную проделку, которыми по справедливости славятся студенты этого учебного заведения, - правда, выходка Джоунза вышла за обычные невинные рамки. И вот теперь он служил на флоте, чтобы скопить деньги и продолжить учебу. Джоунз уже заявил, что собирается защищать докторскую диссертацию по кибернетике и обработке сигналов и в качестве благодарности за досрочную демобилизацию сразу же по получении ученой степени поступит на работу в научно-исследовательскую лабораторию ВМС. Лейтенант Томпсон верил этому. Когда шесть месяцев назад его перевели на "Даллас", он прочитал личные дела всех своих подчиненных. Коэффициент умственного развития (Ай-Кью) у матроса Джоунза был немыслимо высок и составлял 158, что весьма отличало его от остальных членов команды. ,У него было спокойное лицо и грустные карие глаза. Женщины считали его неотразимым. При увольнении на берег Джоунз развивал столь бурную деятельность, что она привела бы в изнеможение взвод морских пехотинцев. Лейтенант не понимал этого. Сам он пользовался славой лучшего футболиста в Аннаполисе. Но чем этот худосочный юнец, слушавший Баха, мог привлекать девиц, Томпсон не понимал.

Американская ударная подлодка "Даллас" типа 688 находилась в сорока милях от побережья Исландии и приближалась к выделенному ей району патрулирования, носившему название "Таможня". Лодка запаздывала с прибытием на двое суток. Неделю назад она принимала участие в маневрах НАТО под кодовым названием "Ловкий дельфин", начало которых задержалось на несколько

суток из-за отвратительной погоды в Северной Атлантике, худшей за последние двадцать лет, что помешало кораблям, участвовавшим в маневрах, прибыть в назначенное время. Во время учений "Даллас", действовавший совместно с кораблем "Свифтшуэр" Британского Королевского флота, воспользовался бушевавшим штормом, чтобы проникнуть к эскадре воображаемого противника и нанести ей немалый урон. Это было очередной блестящей операцией для "Далласа" и его шкипера, капитана третьего ранга Барта Манкузо, одного из самых молодых командиров подводных лодок в американском военно-морском флоте. За операцией последовал визит вежливости; на базу Королевского флота - место стоянки "Свифтшуэра" в Шотландии, так что американские подводники все еще приходили в себя после банкета, данного в их честь английскими моряками... Теперь им предстояло другое задание, новая игра подлодок в глубинах Атлантики. В течение трех недель "Даллас" будет осуществлять надзор за движением по Первой красной дороге.

Последние четырнадцать месяцев новые советские подлодки стали использовать необычную, но весьма эффективную тактику, позволяющую им избавляться от преследования американских и британских субмарин. К юго-западу от Исландии русские подлодки проходят в глубинах Атлантического бассейна вдоль срединно-океанического хребта Рейкьянес. Расположенные с интервалами от пяти миль до полумили друг от друга, эти подводные вершины из хрупких вулканических пород, образующих острые утесы, своими размерами могут сравниться с Альпами. Их пики возвышаются под бушующими волнами Северной Атлантики до глубины около тысячи футов. До конца шестидесятых годов подводные лодки не решались даже приблизиться к этим вершинам, не говоря уже о том, чтобы углубиться в мириады извилистых проходов между ними. На протяжении семидесятых гидрографические суда советского военно-морского флота постоянно находились в этом районе - при любой погоде, во все времена года они исследовали глубины и провели здесь тысячи промеров. Затем, за четырнадцать месяцев до того, как "Даллас" вышел в очередное патрулирование, американская подлодка типа "лос-анджелес" преследовала советскую ударную подлодку типа "виктор-II". Этот "Виктор" обогнул побережье Исландии и при подходе к Рейкьянесскому хребту ушел на большую глубину. Американский "лос-анджелес" последовал за ним. "Виктор" шел со скоростью восемь узлов до тех пор, пока не миновал первую Пару подводных вершин, известных под неофициальным названием "Близнецы Тора". И тут советская подлодка внезапно помчалась полным ходом на юго-запад. Шкипер "лос-анджелеса" сделал отчаянную попытку преследовать "Виктора", но был вынужден прекратить преследование, испытав тяжелое потрясение. Несмотря на то что американские субмарины типа 688 обладают большей скоростью, чем старые "Викторы", преследование кончилось полной неудачей - советская подводная лодка просто не сбавила ход и, как выяснилось позднее, продолжала мчаться с прежней скоростью в течение пятнадцати часов.

Сначала все это не показалось слишком уж опасным. На подводных лодках установлены исключительно точные инерциальные системы навигации, способные определить координаты подлодки с ошибкой, не превышающей нескольких сотен ярдов от одной точки до другой. Однако "виктор" огибал подводные утесы с такой уверенностью, словно его шкипер видел их перед собой, подобно тому как

истребитель мчится вдоль ущелья, чтобы скрыться от зенитных ракет. "Лос-анджелес" не видел утесы.. При скорости, превышающей двадцать узлов, его пассивные и активные гидролокационные системы, включая эхолот, становились почти бесполезными. Таким образом оказалось, что "лос-анджелес" пытается преодолеть извилистые проходы между подводными скалами вслепую. Позднее его шкипер сообщил в своем рапорте, что это напоминало попытку ехать в автомобиле с закрашенными окнами, ориентируясь только по карте и секундомеру. Теоретически это было возможно, но шкипер "лос-анджелеса" быстро понял, что допустимая погрешность инерциальной навигационной системы составляет несколько сотен ярдов; гравитационные помехи еще более ухудшали "местную вертикаль", что в свою очередь отрицательно влияло на определение места лодки с помощью инерциальной системы. Но хуже всего было то, что карты, которыми располагал командир подлодки, предназначались для надводных судов. Было известно, что все, что находится на глубине больше нескольких сотен футов, может оказаться нанесенным на карту с ошибкой, измеряемой милями. По какой-то причине до последнего времени никто не задумывался над этим обстоятельством. Расстояние между подводными пиками скоро стало меньше накапливающейся навигационной ошибки - рано или поздно субмарина должна была врезаться в горный склон на скорости, превышающей тридцать узлов. Командир "лос-анджелеса" прекратил преследование, и "виктор" скрылся от него.

Первоначально высказали мнение, что у Советов тщательно подготовлен и рассчитан какой-то особый путь, по которому их субмарины могут следовать на высокой скорости. Русские капитаны славились пристрастием к безумным выходкам и, возможно, в данном случае они полагались на комбинацию инерциальной системы, магнитного компаса и гирокомпаса, настроенных на какой-то особый курс. У этой гипотезы не нашлось особых сторонников, и через несколько недель стало точно известно, что советские субмарины, мчащиеся через извилистые подводные каньоны Рейкьянеса следуют разными проходами. Единственное, на что оказались способными американские и британские подлодки, это, пересекая хребет, периодически делать остановки для определения координат с помощью акустических средств и затем снова двигаться вперед, пытаясь догнать русских. Однако советские субмарины никогда не останавливались, так что 688-е и "трафальгары" не могли тягаться с ними.

"Даллас" достиг района "Таможни" и начал ожидать появления русских подлодок, наблюдая за входом в проход, получившим название Первой красной дороги, и прослушивая морские глубины в надежде уловить хоть какие-то признаки того технического новшества, которое позволяет русским подлодкам с такой лихостью проноситься через подводный гребень. До тех пор пока американцам не удастся создать нечто подобное, им оставались только три неприятных возможности: либо по-прежнему терять контакт с русскими субмаринами, либо расставлять свои дорогие ударные подлодки у всех известных выходов с дороги, либо пойти на создание совершенно новой линии СТАН.

Джоунз находился в трансе уже десять минута - дольше обычного. Как правило, ему удавалось разобраться с контактом намного быстрее. Матрос откинулся на спинку кресла и закурил.

- У меня есть кое-что, мистер Томпсон.

- Что именно? - спросил лейтенант, опершись плечом о переборку.

- Не знаю точно. - Джоунз достал вторую пару наушников и передал их офицеру. - Вот послушайте, сэр.

Томпсон сам имел степень магистра по электронике и был специалистом в области проектирования акустических систем. Он закрыл глаза и сконцентрировал все внимание на доносящемся звуке. Это был очень слабый низкочастотный гул или шелест. Лейтенант не мог определить точнее. Он продолжал слушать в течение нескольких минут, затем снял наушники, положил их на стол и покачал головой.

- Я услышал его полчаса назад на боковой антенне, - сказал Джоунз. Он имел в виду вспомогательную систему многофункционального акустического локатора BQQ-5. Его главным компонентом являлся купол диаметром восемнадцать футов, расположенный в носовой части подлодки. Этот купол мог использоваться как в пассивном, так и в активном гидролокационном режиме. Новой частью системы были секции пассивных датчиков, вытянувшиеся на двести футов по обеим сторонам корпуса. Они напоминали чувствительные органы на теле акулы, воспринимающие малейшие колебания воды вокруг нее, только были изготовлены руками человека.

- Я услышал эти звуки, затем потерял их, услышал снова и опять потерял, - продолжал Джоунз. - Это не шум гребных винтов, его издают не киты и не рыбы. Что-то вроде воды, текущей по трубе, только этот странный гул то пропадает, то появляется снова. Как бы то ни было, пеленг на него примерно два-пять-ноль. Это означает, что контакт где-то между нами и Исландией, так что он не может быть слишком далеко.

- Посмотрим, на что он походит. Может быть, вот это поможет нам.

Джоунз снял с крючка на переборке провод с двумя штыковыми контактами. Он воткнул одну вилку в гнездо на своем акустическом пульте, а вторую - в гнездо соседнего осциллоскопа. В течение нескольких минут оба моряка регулировали приборы, стараясь выделить сигнал. В конце концов они получили нерегулярную синусоидальную волну, которая удерживалась на экране осциллоскопа всего несколько секунд и потом исчезала.

- Нерегулярная волна, - задумчиво произнес Томпсон.

- Да, странно. Звучит как регулярная, но выглядит по-другому. Вы понимаете, что я хочу сказать, мистер Томпсон?

- Нет, у вас слух лучше моего.

- Это потому, что я слушаю настоящую музыку. Ваша рок-музыка губит слух.

Томпсон понимал, что Джоунз прав, однако выпускник Аннаполиса вовсе не обязан выслушивать нравоучения от рядового матроса. Пристрастие к записям периода расцвета Дженис Джоплин было личным делом лейтенанта и никого не касалось. - Действуйте дальше, - приказал он.

- Слушаюсь, сэр. - Джоунз выдернул вилку из гнезда осциллоскопа и воткнул ее в панель слева от акустического пульта, рядом с терминалом компьютера.

Во время последних регламентных работ на "Далласе" установили весьма своеобразную игрушку, которая действовала вместе с его акустической системой BQQ-5. Она называлась BC-10 и представляла собой самый мощный компьютер, когда-либо установленный на борту подводной лодки. Несмотря на то что

компьютер не превышал размерами письменный стол, он стоил больше пяти миллионов долларов, и быстродействие его было восемьдесят миллионов операций в секунду. В нем использовались недавно разработанные шестидесятичетырехбитные микросхемы и новейшая конфигурация процессора. Объем его памяти без труда мог обеспечить нужды целого соединения подводных лодок. Через пять лет каждая ударная подлодка на флоте будет оснащена подобным компьютером. Его назначение было таким же, как и у гораздо более крупной системы акустического наблюдения, САН: обрабатывать и анализировать акустические сигналы; компьютер ВС-10 отфильтровывал окружающие шумы и естественные шумы моря, выделяя звуки искусственного происхождения. Он способен был не только классифицировать их, но и определять названия кораблей по их индивидуальным акустическим сигнатурам, подобно тому как можно опознать человека по отпечаткам пальцев или тембру голоса.

Не менее важным, чем сам компьютер, было его программное обеспечение. Четыре года назад будущий доктор геофизики, сотрудник геофизической лаборатории Калифорнийского технологического института, завершил разработку программы из шестисот тысяч этапов, предназначенной для предсказания землетрясений. Программа рассматривала проблему выделения поступающего сигнала из окружающих шумов. С ее помощью можно было преодолеть главную трудность, с которой сталкивались сейсмологи: отделить случайный шум, постоянно регистрируемый сейсмографами, от действительно необычных сигналов, которые предсказывают колебания земной коры.

Министерство обороны сначала использовало эту программу для нужд управления техническими средствами ВВС. Там выяснилось, что программа идеально подходит для регистрации ядерных взрывов в любой точке земного шара в соответствии с договорами о контроле за вооружениями. Исследовательская лаборатория военно-морского флота в свою очередь переработала эту программу уже для своих нужд. И если программа не совсем отвечала требованиям, предъявляемым к методам предсказания землетрясений, то она оказалась вполне удовлетворительной для анализа акустических сигналов. На флоте эта программа стала известна как Алгоритмическая система обработки сигналов, АСОС.

ЗАДЕЙСТВОВАТЬ АСОС, - набрал Джоунз команду на клавиатуре, и ее текст тут же появился на экране терминала.

ГОТОВО, - мгновенно ответил компьютер.

ПУСК.

ПРИСТУПИЛ К ОБРАБОТКЕ, - отозвался компьютер.

Несмотря на фантастическую скорость компьютера ВС-10, требовалось время, чтобы осуществить все шестьсот тысяч операций программы, перемежающихся многочисленными циклами возврата, и, исключив естественные звуки на основе критериев случайных профилей, зафиксировать аномальный сигнал. Прошло двадцать секунд - вечность для компьютера. На экране появился ответ. Джоунз нажал на клавишу, чтобы получить его распечатку с принтера.

- Гм. - Джоунз оторвал лист бумаги: АНОМАЛЬНЫЙ СИГНАЛ ОЦЕНИВАЕТСЯ КАК ПЕРЕМЕЩЕНИЕ МАГМЫ. На языке АСОС это означало что-то вроде: успокойся, поживем - увидим.

Томпсон улыбнулся. Несмотря на всю шумиху, поднятую на флоте в связи с появлением новой системы, она не пользовалась особой популярностью у

моряков.

- Помните, что писали в газетах, когда мы были в Англии? Что-то относительно сейсмической активности вокруг Исландии, подобной той, при которой давным-давно, еще в шестидесятые, из моря вырос остров.

Джоунз опять закурил. Он был знаком со студентом, разработавшим первоначальный вариант этого недоноска, известного теперь под названием АСОС. Одна из проблем заключалась в том, что у системы была дурацкая особенность анализировать не те сигналы, которые требовались заказчику. К тому же, поскольку эта система была изначально разработана для исследования сейсмических явлений, Джоунз подозревал, что у нее есть склонность истолковывать аномалии как явления, происходящие в земной коре. Акустику не нравилось, что в программном обеспечении могут скрываться первоначальные приоритеты, от которых исследовательская лаборатория военно-морского флота так и не сумела до конца избавиться. Одно дело пользоваться компьютером как инструментом, помогающим тебе, и совсем другое - позволить ему думать за тебя. К тому же постоянно обнаруживались все новые и новые звуки моря, которых никто прежде не слышал, не говоря уже о том, чтобы подверг классификации.

- Начать с того, сэр, что для сейсмического явления частота звука недостаточно низкая. Может быть, попробовать проследить за этим контактом с помощью Р-15? - Джоунз имел в виду буксируемую антенну, состоящую из пассивных датчиков, которую на малой скорости "Даллас" тащил за собой.

Тут с неизменной кружкой кофе в руке в гидропост вошел капитан третьего ранга Манкузо. Томпсон подумал, что у командира пугающая способность появляться именно там и в тот момент, когда что-то не так. Неужели у него по всей лодке установлена аппаратура прослушивания?

- Проходил вот мимо, - небрежно заметил Манкузо, - и решил заглянуть. Что здесь происходит в такой прекрасный денек?

Командир оперся плечом о переборку. Это был невысокий мужчина, всего пяти футов восьми дюймов, всю жизнь боровшийся с расширяющейся талией и теперь проигрывающий эту битву: кроме того, что он не в силах был отказать себе вкусно поесть, лодка лишала его и достаточного движения. Вокруг его темных глаз лучились веселые морщинки, которые всегда становились глубже, когда он водил за нос другую подлодку.

Неужели сейчас день? - удивился Томпсон. На корабле были установлены шестичасовые вахты, каждая третья вахта была твоя, что создавало удобный рабочий график, но после нескольких вахт тебе приходилось нажимать кнопку на часах, чтобы выяснить, какой сегодня день недели и число, в противном случае можно было перепутать записи в вахтенном журнале.

- Шкипер, Джоунз обнаружил странный сигнал на боковой антенне. Компьютер считает, что происходит перемещение магмы.

- А наш Джоунзи не согласен с этим. - Слова Манкузо не прозвучали как вопрос.

- Да, сэр, не согласен. Я не знаю, что это такое, но не сомневаюсь, что это не перемещение магмы.

- Опять споришь с машиной?

- Видите ли, шкипер, АСОС функционирует исправно почти всегда, но

случается, что выдает дерьмо. - Такой эпитет среди электронщиков был почти приговором. - Начать с того, что частота не соответствует звукам перемещения магмы.

- Ну хорошо, а ты что думаешь?

- Не знаю, капитан. Это не шум гребных винтов, но это и не естественный звук из тех, что мне доводилось слышать. А в остальном... - Даже после трех лет службы на атомных подлодках Джоунза не переставало удивлять неформальное обсуждение проблем с командиром. Команда "Далласа" была одной большой семьей, хотя и походила на семью первых переселенцев, поскольку всем приходилось много и тяжко трудиться. Командир был отцом. Старпом, по общему мнению, - матерью. Офицеры - старшими детьми, а матросы срочной службы - малышами. Главное заключалось в том, что командир был всегда готов прислушаться к твоему мнению, если оно у тебя имелось. Для Джоунза это было особенно важно.

- Ну ладно, продолжай слушать, - задумчиво кивнул Манкузо. - В конце концов, деньги за эту штуку плачены.

Джоунз улыбнулся. Однажды он самым подробным образом рассказал командиру, как переделал бы все это исключительно дорогое и сложное оборудование в лучшую стереосистему мира. На это Манкузо ответил, что тут особого ума не требуется, потому что акустическая аппаратура только в гидропосту стоит больше двадцати миллионов долларов.

- Господи! - Младший техник подскочил на своем стуле. - Кто-то только что резко увеличил скорость.

Джоунз был старшим на акустической вахте. Два других акустика тоже заметили новый сигнал, и Джоунз подключил свои наушники к гнезду буксируемой антенны. Тем временем оба офицера молча стояли рядом, не вмешиваясь в действия акустиков. Перед тем как взяться за настройку своей аппаратуры, Джоунз достал блокнот и записал время появления контакта. BQR-15 был самым чувствительным гидроакустическим приемником на корабле, но для только что появившегося контакта такая чувствительность не требовалась.

- Черт побери, - пробормотал Джоунз себе под нос.

- Это "чарли", - заметил младший техник. Джоунз отрицательно покачал головой.

- Нет, "Виктор". В этом можно не сомневаться. Русская подлодка типа "Виктор". Число оборотов соответствует скорости в тридцать узлов - резкое увеличение кавитационных шумов, буравит огромные дыры в воде и ему наплевать, кто слышит все это. Пеленг ноль-пять-ноль. Шкипер, вокруг нас хорошие воды и сигнал очень слабый. Он далеко. - Пока это было самым точным определением, на которое решился Джоунз. "Далеко" означало, что русская подлодка находится за пределами десяти миль. Джоунз снова склонился над аппаратурой и продолжил настройку. - Мне кажется, что мы знакомы с этим парнем. Это у него погнутая лопасть на гребном винте. Издает шум, словно на винт намотана цепь.

- Переключите шумы на динамик, - произнес Манкузо, обращаясь к Томпсону. Ему не хотелось отрывать акустиков от работы. Лейтенант тут же ввел команду в бортовой компьютер BC-10.

Благодаря четкости и идеальному воспроизведению звука прикрепленный к

переборке динамик в любом магазине стереоаппаратуры пошел бы за четырехзначную цифру; как и все остальное на борту 688-х подлодок, он относился к лучшему, что можно было получить за деньги. Пока Джоунз регулировал настройку, из динамика доносился вой кавитационных шумов, пронзительный визг, вызываемый погнутой лопастью гребного винта, и более низкий рев реакторной установки "Виктора", работающей на полной мощности. Затем Манкузо услышал, как заработал принтер.

- Подводная лодка типа "виктор-1", номер шесть, - произнес Томпсон.

- Совершенно верно, - кивнул Джоунз. "Вик-шесть", пеленг по-прежнему ноль-пять-ноль. - Он воткнул вилку микрофона в гнездо корабельной связи. - Мостик, говорит гидропост, у нас контакт. Тип "виктор", пеленг ноль-пять-ноль, приблизительная скорость тридцать узлов.

Капитан Манкузо выглянул в коридор и обратился к вахтенному офицеру лейтенанту Пэту Манньону:

- Пэт, приведи в готовность группу слежения и управления огнем.

- Слушаюсь, командир.

- Одну минуту! - Джоунз поднял вверх руку. - Еще один контакт! - Он повернул ручки настройки. - Подводная лодка типа "чарли". Черт возьми, он тоже буравит воду винтом. Чуть к востоку, на пеленге ноль-семь-три, обороты винта соответствуют скорости двадцать восемь узлов. Этого парня мы тоже встречали. Совершенно верно, это "чарли-два", номер одиннадцать. - Джоунз сдвинул один наушник и повернулся к Манкузо. - Шкипер, может быть, у русских на сегодня назначены гонки подводных лодок, а?

- Мне не сообщали об этом. Правда, мы не получаем здесь русские спортивные газеты, - усмехнулся Манкузо, неторопливо помешивая кофе в кружке и скрывая мысли, лихорадочно проносящиеся у него в голове. Что за чертовщина? Пройду-ка посмотрю, что происходит. Молодцы, парни.

Он прошел в центральный пост. Здесь несли обычную ходовую вахту. Манньон управлял лодкой вместе с младшим офицером и семью матросами. Офицер по управлению боевыми действиями вводил данные с анализатора движения цели в компьютер "Марк-117". Другой офицер занимался слежением за целью. Ничего необычного. Вахта выполняла свои обязанности четко и спокойно, что приходит с опытом, достигнутым годами постоянной боевой подготовки. В то время как другие рода войск занимались учениями, выбирая своих союзников или собственные подразделения в качестве условного противника, копирующего тактику армий Восточного блока, ударные подлодки Военно-морских сил США вели игры с настоящим противником, причем постоянно. Подводники действовали в ситуации, которую без преувеличения можно назвать боевой.

- Итак, у нас появилась компания, - заметил Манньон.

- Пока они довольно далеко, - отозвался лейтенант Чарлз Гудман. - Пеленги на них совсем не меняются.

- Мостик, говорит гидропост, - донесся голос Джоунза. Манкузо взял трубку.

- Мостик слушает. Что у тебя, Джоунзи?

- Еще один контакт, сэр. "Альфа-три", пеленг ноль-пять-пять. Мчится полным ходом. Шум, как от землетрясения, сэр, но слабый.

- "Альфа-три"? А-а, наш старый друг "Политовский". Давненько не

встречались. Что еще у тебя?

- Только предположение, сэр. Уровень шума этой лодки сначала менялся, затем стал постоянным словно она делала поворот. Думаю, она направляется к нам, но ручаться не могу. Кроме того, доносятся шумы с северо-востока. Слишком неясные, и разобраться в них пока трудно. Продолжаем работать.

- О'кей, Джоунзи, у тебя неплохо получается. Действуй.

- Стараемся, командир.

Манкузо улыбнулся, кладя трубку, и взглянул на Манньона.

- Знаешь, Пэт, иногда мне кажется, что Джоунзи немного колдун.

Манньон смотрел на прокладку, которую вел Гудман, подстраховывая компьютерное наведение на цель.

- Он отличный акустик, вот только ему кажется, что это мы работаем на него.

- Сейчас мы действительно работаем на него. - Джоунз был их глазами и ушами, и Манкузо был доволен, что у него такой классный специалист.

- Как дела, Чак? - спросил командир у лейтенанта Гудмана.

- Пеленг на все три контакта по-прежнему не меняется, сэр. - Это означало, что они, по-видимому, движутся в сторону "Далласа". Кроме того, при такой ситуации американские подводники не могли вычислить расстояние до контактов, что лишало их возможности взяться за решение огневой задачи. Не то чтобы кто-то собирался начать боевые действия, но такова была цель учений.

- Пэт, давай выйдем на оперативный простор - миль на десять к востоку, - негромко скомандовал Манкузо. Для такого маневра существовало две причины: во-первых, при этом устанавливалась базисная линия, с помощью которой можно было рассчитать расстояние до вероятной цели. Во-вторых, при большей глубине улучшается акустика и перед ними открывается зона дальней конвергенции. Пока штурман отдавал команды, командир смотрел на карту, оценивая тактическую ситуацию.

Бартоломео Манкузо был сыном парикмахера, который каждую осень закрывал свою парикмахерскую в Сисеро, штат Иллинойс, и отправлялся охотиться на оленей в Мичиган. Барт сопровождал отца в этих охотничьих экспедициях, застрелил первого оленя в двенадцать лет и после этого успешно охотился ежегодно до поступления в Военно-морскую академию. Убивая оленей, он не испытывал угрызений совести. Став офицером атомной подводной лодки, Манкузо познакомился с куда более увлекательной игрой - теперь он охотился за людьми.

Через два часа в радиорубке подлодки прозвучал сигнал вызова на канале сверхнизкой частоты, СНЧ. Подобно всем атомным субмаринам, "Даллас" тащил за собой длинную проволочную антенну, настроенную на передатчик СНЧ в центральной части Соединенных Штатов. У этого канала была удручающе узкая полоса частот. В отличие от телевизионного канала, способного передавать тысячи единиц информации в секунду, радиограммы по этому каналу поступали очень медленно, по одной букве каждые тридцать секунд. Дежурный радист терпеливо ждал, пока переданное сообщение не будет записано на пленку. Затем он прокрутил его на большой скорости, сделал новую запись и передал офицеру связи, который уже стоял рядом, держа в руках книгу кодов.

Вообще-то принятая шифровка была некодированной, а составленной одноразовым шифром. Каждые шесть месяцев печаталась книга, которую раздавали всем шифровальщикам атомных подводных лодок, она была заполнена произвольно выбранными комбинациями букв для каждой буквы алфавита. Каждая кодированная группа из трех наугад выбранных букв соответствовала заранее выбранному слову или фразе в другой книге. Для расшифровки радиограммы вручную потребовалось меньше трех минут, и после завершения работы ее доставили командиру в центральный пост.

NGH.....JPR.....YTR
КОМПОДАНТ подлодкам в Атлантике передает
OPY.....TBD.....QEQ.....GER
Возможен приказ широкомасштабной передислокации
MAL.....ASF.....NME связи неожиданной операцией Красного флота
TYQ.....ORV.....HWZ
Характер неизвестен ждите сообщения СНЧ связь по ССОИ

КОМПОДАНТ - командующий Подводным флотом Военно-морских сил США в Атлантике вице-адмирал Винсент Галлери был главным командиром Манкузо. Судя по всему, старик рассматривал возможность переброски всех своих сил, что являлось отнюдь не ординарным событием. Следующий сигнал оповещения - ААА - зашифрованный, конечно, - предупредит "Даллас", что нужно подвсплыть на перископную глубину, чтобы поднять антенну над поверхностью воды и получить более подробные указания через ССОИ - Систему спутниковой связи и обмена информацией, замкнутую на геосинхронный спутник связи, предназначенный исключительно для подводных лодок.

Тактическая ситуация прояснялась, хотя Манкузо не мог судить о стратегии происходящего. Перемещение на десять миль к востоку позволит ему рассчитать расстояние до трех первых контактов и еще до одной "альфы", появившейся всего несколько минут назад. Первый из них, "вик-6", находился теперь в пределах досягаемости его торпед, одна из которых, Марк-48, уже вела его, тогда как командир русской подлодки не мог знать о присутствии "Далласа" в этом районе. Таким образом "вик-6" был оленем на прицеле винтовки Манкузо, но охотничий сезон еще не начался.

По скорости "Даллас" немного превосходил "Викторов" и "чарли", а уступающая ему размерами "альфа" опережала его на десять узлов. Зато американские субмарины этого типа при скорости до двадцати узлов двигались почти бесшумно. Это было венцом в проектировании и строительстве подводных лодок, результатом десятилетий напряженной работы. Однако бесшумное передвижение, позволяющее избегать обнаружения противником, приносило пользу лишь в том случае, если охотник был способен одновременно обнаружить цель. Гидроакустические системы теряли свою эффективность, как только несущая их платформа увеличивала скорость. При двадцати узлах BQQ-5 "Далласа" сохраняла всего лишь двадцать процентов эффективности, чего было явно недостаточно. Подводные лодки, мчащиеся от одной точки к другой, "слепнут" на время броска и не представляют опасности для противника. В результате тактика ударных

подводных лодок очень напоминает действия пехотинца в бою. У солдата такие действия называются "беги и прячься", а у субмарины - "мчись и дрейфуй". Обнаружив цель, подлодка делает бросок, занимает более выгодную позицию, сбрасывает скорость, чтобы заново обнаружить цель, и опять мчится вперед до тех пор, пока не выйдет на огневой рубеж. Цель, преследуемая подводной лодкой, тоже не стоит на месте, и, если субмарине удастся опередить ее и занять позицию по курсу движения цели, ей останется всего лишь подождать, пока жертва приблизится на расстояние точного выстрела, подобно тому как ждут свою добычу огромные хищные звери.

От подводника требуется не только мастерство, но и инстинкт, артистизм, абсолютная уверенность в себе и агрессивность профессионального боксера. Манкузо обладал всеми этими качествами. Он потратил пятнадцать лет на совершенствование мастерства подводника, наблюдая за поведением командиров подлодок; будучи молодым офицером, внимательно слушал частые обсуждения за круглым столом, принятые на подводном флоте, на которых проходил обмен опытом. На берегу он проводил время на различных тренажерах, посещал семинары, сравнивал записи и мнения с другими офицерами-подводниками. Бывая на борту надводных кораблей и противолодочных самолетов, старался постичь, как его "враги" охотятся за подводными лодками.

Жизнь подводников подчинялась простому принципу: существует два типа кораблей - подводные лодки и.., цели. За кем придется охотиться "Далласу"? - подумал Манкузо. За русскими подводными лодками? Ну что ж, если игра заключается в этом и русские будут продолжать носиться по морю, как делают это сейчас, задача будет несложной. Вместе со "Свифтшуэром" Королевского флота он только что одержал верх над экспертами по противолодочной обороне НАТО, чьи страны полагались на то, что они смогут поддерживать открытыми морские коммуникации. Его подлодка и ее команда ничем не уступали лучшим в мире. Джоунз продемонстрировал, что является одним из самых искусных гидроакустиков флота. Манкузо чувствовал себя готовым приступить к выполнению поставленной задачи, какой бы она ни была. Как это случается в день открытия охотничьего сезона, все остальные соображения отступили на второй план. Манкузо превратился в часть смертоносного оружия.

Штаб-квартира ЦРУ

Было 4.45 утра, и Райан дремал на заднем сиденье "шевроле", принадлежавшего Центральному разведывательному управлению, которое везло его сейчас в Лэнгли. Когда он прилетел из Англии? Двадцать часов назад? Что-то вроде того. За это время он успел встретиться со своим боссом, повидаться со Скипом, купить подарки для Салли и проверить, как обстоят дела в доме. Там вроде бы все в порядке. Он сдал его преподавателю Военно-морской академии и, хотя мог бы получить арендную плату впятеро больше, не хотел, чтобы в его доме устраивали буйные вечеринки. Преподаватель был набожным человеком, приехал из Канзаса и хорошо справлялся с обязанностями хранителя.

Пять с половиной часов сна за последние - тридцать? Что-то вроде этого; Райан чувствовал себя слишком усталым, чтобы взглянуть на часы. Как несправедливо. Бессонница губительна для мышления. Однако убеждать себя в

этом бессмысленно, и еще бессмысленнее убеждать адмирала.

Через пять минут Райан вошел в кабинет Грира.

- Извини, что пришлось разбудить тебя, Джек.

- Ничего, сэр, все в порядке, - прозвучала ответная ложь. - Что случилось?

- Подойди ближе и налей себе кофе. Нам предстоит длинный день.

Райан бросил пальто на диван, подошел к кофеварке и налил кружку кофе, приготовленного по морскому рецепту. Он решил обойтись без сахара и сливок. Уж лучше стерпеть горький вкус, но зато ощутить взбадривающее действие кофеина.

- Можно где-нибудь побриться, сэр?

- Гальюн вон там, в углу, за дверью. - Грир протянул ему желтый лист телекса. - Взгляни на это.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
102200 ГРИНВИЧ*****38976
ИНФОРМАЦИОННЫЙ БЮЛЛЕТЕНЬ АГЕНТСТВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ОПЕРАЦИИ КРАСНОГО ФЛОТА

СООБЩЕНИЕ СЛЕДУЕТ В 083145 ПО ГРИНВИЧУ СТАНЦИИ СЛЕЖЕНИЯ АНБ (стерто) (стерто) И (стерто) ЗАРЕГИСТРИРОВАЛИ РАДИОПЕРЕДАЧУ ПО КАНАЛУ СНЧ ИЗ ЦЕНТРА СНЧ КРАСНОГО ФЛОТА В СЕМИПАЛАТИНСКЕ ХХ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ ДЕСЯТЬ
МИНУТ ХХ ШЕСТЬ ГРУПП ХХ
РАДИОГРАММА ПО КАНАЛУ СНЧ РАСЦЕНИВАЕТСЯ КАК "ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ" ДЛЯ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КРАСНОГО ФЛОТА В МОРЕ ХХ В 090000 ПО ГРИНВИЧУ ПЕРЕДАНА РАДИОГРАММА "ВСЕМ КОРАБЛЯМ" ИЗ ГЛАВНОГО ЦЕНТРА СВЯЗИ ШТАБА КРАСНОГО ФЛОТА В
ТУЛЕ И ЧЕРЕЗ СПУТНИКИ ТРИ И ПЯТЬ ХХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЧАСТОТЫ: ВЧ, СВЧ И УВЧ ХХ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПЕРЕДАЧИ 39 СЕКУНД С ДВУМЯ ПОВТОРЕНИЯМИ ИДЕНТИЧНОГО
СОДЕРЖАНИЯ ПЕРЕДАННЫМИ В 091000 ПО ГРИНВИЧУ И В 092000 ПО ГРИНВИЧУ ХХ РАДИОГРАММА СОСТОИТ ИЗ 475 ПЯТИЗНАЧНЫХ КОДОВЫХ ГРУПП ХХ РАДИОГРАММА
АДРЕСОВАНА СЛЕДУЮЩИМ СОЕДИНЕНИЯМ: СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ, БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ И ЭСКАДРА В
СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ ХХ ВНИМАНИЕ ОНА НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ
ПОВТОРЯЮ НЕ РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ НА ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ ХХ ПЕРЕДАНЫ МНОГОЧИСЛЕННЫЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ОТ АДРЕСАТОВ НАХОДЯЩИХСЯ В ВЫШЕУПОМЯНУТЫХ
РАЙОНАХ ХХ АНАЛИЗ ПРОИСХОЖДЕНИЯ И ПЕРЕГОВОРОВ ПОСЛЕДУЕТ ПОЗЖЕ ХХ ПОКА НЕ
ЗАВЕРШЕН ХХ НАЧИНАЯ С 100000 ПО ГРИНВИЧУ СТАНЦИИ СЛЕЖЕНИЯ АНБ (стерто) (стерто) И (стерто) ЗАРЕГИСТРИРОВАЛИ ВОЗРОСШУЮ ИНТЕНСИВНОСТЬ ПЕРЕГОВОРОВ ПО

ВЧ И СВЧ НА БАЗАХ КРАСНОГО ФЛОТА В ПОЛЯРНОМ СЕ-ВЕРОМОРСКЕ ПЕЧЕНГЕ ТАЛЛИНЕ
КРОНШТАДТЕ И ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ ХХ КРОМЕ ТОГО ПЕРЕГОВОРЫ ПО
ВЧ И СВЧ С КОРАБЛЕЙ КРАСНОГО ФЛОТА В МОРЕ ХХ ДОПОЛНЕНИЯ СЛЕДУЮТ ХХ ОЦЕНКА:
ОТДАН ПРИКАЗ О ПРОВЕДЕНИИ КРУПНОЙ НЕЗАПЛАНИРОВАННОЙ РАНЕЕ ОПЕРАЦИИ КРАСНОГО
ФЛОТА КОРАБЛИ СООБЩАЮТ ГОТОВНОСТИ И СОСТОЯНИИ ХХ

КОНЕЦ БЮЛЛЕТЕНЯ

РАЗОСЛАНО АНБ

102215 ПО ГРИНВИЧУ

КОНЕЦ КОНЕЦ

Райан посмотрел на часы.

- Оперативно поработали парни в АНБ, да и наши дежурные офицеры здорово потрудились, оповестив всех так быстро. - Он осушил кружку и пошел к кофеварке за новой порцией. - Есть что-то относительно анализа радиопереговоров?

- Вот. - Грир передал ему второй листок телекса. Райан быстро просмотрел его.

- Задействовано много кораблей. Должно быть, это почти все, что находятся у них сейчас в море. А вот от кораблей в портах что-то мало.

- Там наземные линии связи, - заметил Грир. - Те, что находятся в портах, могут связаться со штабом морских операций в Москве по телефону. Между прочим, ответы на радиограммы центра поступили от всех кораблей, находящихся у них в море в Западном полушарии. Всех без исключения. Как ты объяснишь это?

- Так, посмотрим. Мы заметили повышенную активность в Баренцевом море. Похоже, там проводятся противолодочные учения среднего масштаба. Возможно, русские решили расширить их. Впрочем, это не объясняет возросшую активность в Балтийском и Средиземном морях. Может быть, военная игра?

- Нет. Они закончили маневры "Алый шторм" всего месяц назад.

Райан кивнул.

- Это верно, обычно русским требуется пара месяцев для оценки полученных данных. Да и кто захочет проводить военные игры в это время года? Погода отвратительная. Они когда-нибудь проводили крупные военные игры в декабре?

- Крупные - нет, но большинство сигналов подтверждения о получении указаний центра передано с подводных лодок, сынок, а им наплевать, какая погода на поверхности моря.

- Ну что ж, принимая во внимание еще и некоторые другие обстоятельства, можно назвать ситуацию зловещей. Нет информации о содержании радиограммы?

- Нет. Русские пользуются такими же компьютерными шифрами, как и мы. Если специалисты в АНБ и сумели их разгадать, мне об этом не сообщили. - Теоретически Агентство национальной безопасности функционирует под номинальным руководством директора ЦРУ, однако на деле оно ни с кем не считается и действует самостоятельно. - В этом и заключается анализ радиообменов, Джек, - нужно попытаться разгадать намерения русских, выясняя, кто с кем разговаривает.

- Верно, сэр, но когда все разговаривают со всеми...

- Да.

- Кто еще приведен в состояние повышенной боевой готовности? Армия? Войска ПВО?

- Нет, только флот. Подлодки, надводные корабли и морская авиация.

Райан потянулся.

- Тогда похоже, что это учения, сэр. Правда, чтобы разобраться в происходящем нам понадобится больше информации. Вы говорили с адмиралом Давенпортом?

- Это уже следующий этап. Пока не было времени. Я едва успел приехать, побриться и включить кофеварку. - Грир опустился в кресло, вставил телефонную трубку в аппарат селекторной связи и начал нажимать кнопки.

- Вице-адмирал Давенпорт, - послышался отрывистый голос.

- Привет, Чарли. Это Джеймс. Ты уже получил сообщение АНБ-976?

- Конечно, но меня вызвали не из-за него. Несколько часов назад у нашей сети СГАН поехала крыша.

- Вот как? - Грир посмотрел на телефон, затем перевел взгляд на Райана.

- Совершенно верно. Едва ли не каждая русская подлодка, находящаяся в море, внезапно выжала до пола педаль газа - и все почти разом.

- Что именно они предприняли, Чарли? - спросил Грир.

- Мы все еще пытаемся разобраться с этим. Похоже, куча русских подлодок устремились в Северную Атлантику. Их соединения в Норвежском море мчатся на юго-запад. Три лодки из эскадры в западной части Средиземного моря тоже, но здесь картина пока туманная. Все прояснится через несколько часов.

- Какие силы находятся у них вблизи наших берегов, сэр? - спросил Райан.

- Вас тоже разбудили, Райан? Отлично. Здесь у русских два старых "новембера". Один занимается сбором электронной информации у мыса, другой занял позицию у Кингс-Бея и доставляет массу неприятностей. В тысяче миль к югу от Исландии замечена лодка типа "янки", судя по первоначальным сводкам, она направляется на север. Это ошибка, наверно. Перепутали пеленг на обратный, не правильно расшифровали данные - что-нибудь вроде этого. Сейчас проверяем. Кто-то напортачил, не иначе, потому что раньше она шла на юг.

- Как относительно других русских ракетоносцев? - поинтересовался Райан.

- Их "дельты" и "тайфуны" остаются в Баренцевом море и в Охотском, как всегда. О них ничего нового. Да, конечно, там у нас ударные подлодки, но Галлери не хочет, чтобы они нарушали радиомолчание, - и он прав. Так что в настоящее время мы располагаем всего лишь одним сообщением о заблудившемся "янки".

- Какие шаги мы предприняли, Чарли? - спросил Грир.

- Галлери привел свои лодки в состояние повышенной боевой готовности на случай передислокации. И мне сообщили, что НО-РАД чуть повысил уровень боеготовности. - Давенпорт имел в виду Объединенную систему противовоздушной обороны североамериканского континента. - Штабы КОМАТФЛОТа и КОМТИХФЛОТа уже на ногах и носятся кругами - как и следовало ожидать. Несколько добавочных Р-3 подняты в воздух и прочесывают море у берегов Исландии. Пока ничего больше. Сначала надо выяснить, что затеяли русские.

- О'кей, держи меня в курсе событий.

- Как только узнаю что-то новое, сразу сообщу. Надеюсь, что и ты...

- Непременно. - Грир выключил телефон и погрозил пальцем Райану. - Не вздумай заснуть, Джек.

- С таким кофе? - Райан поднял кружку.

- Гляжу, ты не проявляешь особого беспокойства.

- Пока не вижу особых оснований для этого, сэр. У них там сколько сейчас - час дня? Может быть, какой-нибудь адмирал, скажем, сам старина Сергей, решил проверить готовность своих парней. Вряд ли он так уж доволен результатами "Алого шторма" и решил расшевелить кое-кого, включая нас, разумеется. Черт побери, ведь их армия и ВВС остались в стороне, а можно не сомневаться, что, если бы русские замышляли какую-нибудь мерзость, другие рода войск уж точно знали бы об этом. Нам придется понаблюдать за ними, но пока нам вряд ли стоит... - Райан едва не сказал "ударяться в панику", но вовремя сдержался и закончил:

- Беспокоиться.

- Тебе сколько было во время Пирл-Харбора?

- Отцу исполнилось девятнадцать, сэр. Он женился только после войны, и я не был первым маленьким Райаном. - Джек улыбнулся. Грир знал все это и без его объяснений. - Насколько припоминаю, вы тоже не были тогда в годах.

- Служил матросом второго класса на линкоре "Техас". - Грир не принимал участия в той войне. Вскоре после ее начала его приняли в Военно-морскую академию. Затем выпуск, подготовка на курсах офицеров-подводников - и война почти завершилась. Подлодка Грира подошла к японскому побережью через день после капитуляции Японии. - Но ты знаешь, что я имею в виду.

- Да, конечно, сэр. Именно поэтому у нас созданы ЦРУ, РУ-МО, АНБ и кое-что еще. Если русским удастся застать нас врасплох, может быть, их Маркс действительно чего-то стоит.

- Все эти подлодки, направляющиеся в Атлантику...

- Меня больше радует, что их "янки" идет на север. У Давенпорта было достаточно времени, чтобы убедиться в этом, просто он, наверно, не хочет верить в уход русского ракетоносца без подтверждения. Если бы Иван собирался предпринять что-то отчаянное, этот "янки" направлялся бы на юг. Ракеты на их старых подлодках не обладают достаточной дальностью. Скоро все прояснится. К счастью, сэр, вы умеете готовить хороший кофе.

- А как относительно завтрака?

- Было бы неплохо. Если нам удастся закончить с афганскими делами, я мог бы вылететь обратно уже завтра - то есть сегодня.

- Может, и вылетишь. Пожалуй, это научит тебя спать в самолетах.

Завтрак принесли через двадцать минут. Как Грир, так и Райан привыкли к плотным завтракам, и еда оказалась на удивление вкусной. Обычно пища, приготовленная в кафетерии ЦРУ, была весьма посредственной, как и во всех правительственных учреждениях. Райан подумал, что на этот раз, когда обслуживать приходилось немногих, ночная смена не пожалела усилий. А может, просто послали за готовым завтраком в соседний ресторан.

Давенпорт позвонил без четверти семь.

- У меня проверенная информация. Все русские ракетоносцы возвращаются домой. Мы сумели проследить за двумя "янки", тремя "дельтами" и "тайфуном". С "Мемфиса" поступило донесение, что "дельта", за которой он следил, помчалась домой со скоростью в двадцать узлов после пребывания в районе патрулирования на протяжении пяти суток, а потом Галлери запросил "Куинфиш". Тот же ответ - похоже, что все ракетоносцы возвращаются на базы. Кроме того, у нас есть фотографии со спутника "Биг-Берд", пролетевшего над Кольским заливом - на этот раз он не был закрыт облаками, - и на них ясно видны несколько надводных кораблей с яркими тепловыми сигнатурами, словно они разводят пары перед выходом в море.

- А что там с "Красным Октябрем"? - спросил Райан.

- Ничего. Может быть, у нас ошибочная информация, и он просто не вышел в море. Такое случается не впервые.

- А вам не кажется, что с ним могло что-то произойти? - задумчиво произнес Райан.

Давенпорт уже подумал об этом.

- Действительно, это объясняет необычную активность на севере, но что происходит на Балтике и в Средиземном море?

- Два года назад у нас исчез "Тэллиби", верно? - напомнил Райан. - Командующий морскими операциями разозлился до такой степени, что приказал организовать учения по спасению для всех кораблей в обоих океанах.

- Пожалуй, - согласился Давенпорт. Во время того провала было пролито столько крови, что в Норфолке она доходила едва не до колен. Маленькая ударная подлодка "Тэллиби", единственная лодка такого типа, пользовалась репутацией корабля, который преследует злой рок. Тогда в орбиту злого рока попади многие, - Как бы то ни было, сейчас все выглядит далеко не так страшно, чем пару часов назад. Русские не отзывали бы свои подводные ракетоносцы, планируй они что-то против нас, правда? - заметил Райан.

- Вижу, Джеймс, что Райан по-прежнему играет у тебя роль предсказателя?

- Потому он и получает тут деньги, Чарли.

- Все-таки это выглядит странно, - продолжал Райан. - Зачем отзывать все ракетоносцы? Они поступали таким образом когда-нибудь раньше? И как насчет ракетоносцев в Тихом океане?

- Об этом мне еще ничего не известно, - отозвался Давенпорт. - Я послал запрос КОМТИХФЛОТу, но они пока не отозвались. Что касается второго вопроса, то русские еще ни разу не отзывали сразу все ракетоносцы, но иногда проводили одновременную передислокацию своих подлодок. Возможно, это сейчас и происходит. Я ведь сказал, что они направляются в сторону портов, а не в порты. Точно узнаем лишь через пару дней.

- А вдруг они боятся, что одна из лодок пропала? - высказал

предположение Райан.

- Вряд ли нам так повезет, - фыркнул Давенпорт. - Русские не потеряли ни одного ракетоносца после того "гольфа", который мы подняли у Гавайских островов. Тогда вы учились еще в школе, Райан. Рамиус слишком хороший командир, чтобы допустить подобное.

Капитан Смит с "Титаника" тоже был не так уж плох, подумал Райан.

- Спасибо за информацию, Чарли. - Грир положил трубку. - Похоже, ты был прав, Джек. У нас нет оснований для беспокойства. Давай запросим данные по Афганистану - и просто так, забавы ради, после окончания работы глянем на фотографии советского Северного флота, о которых говорил Чарли.

Через десять минут прибыл рассыльный с тележкой, доставивший документы из центрального архива. Грир относился к числу людей, которые предпочитают лично просматривать исходные данные. Это устраивало Райана. Он знал нескольких аналитиков, которые основывали свои доклады на выборочной информации, и адмирал жестко отчитывал их за это. Документы на тележке содержали данные, полученные из разных источников, однако для Райана самыми убедительными были радиоперехваты тактических переговоров русских, сделанные службами прослушивания на пакистанской границе и, подозревал он, собственно в Афганистане. Судя по сведениям о подготовке и ходе развития операций советских войск, ничто не указывало на вероятность скорого ухода русских из Афганистана, как предсказывалось в двух статьях, недавно опубликованных в "Красной звезде", и сообщалось несколькими разведывательными источниками в СССР. Грир и Райан провели три часа, оценивая полученные данные.

- Мне кажется, что сэр Базил уделяет слишком много внимания политической информации и недостаточно - сведениям, получаемым нашими постами прослушивания. Нет ничего необычного в том, что Советы не информируют полевых командиров о событиях в Москве, такое случается сплошь и рядом, но в целом картина не кажется мне достаточно ясной, - высказал свою точку зрения Райан.

Адмирал посмотрел на него.

- Тебе платят за ответы, не за вопросы, Джек.

- Видите ли, сэр, суть дела заключается в том, что Москва ввела свои войска в Афганистан по ошибке. Мы знаем это из докладов как военной разведки, так и политической. Развитие событий подтверждает подобные выводы. По моему мнению, они не знают, что сейчас предпринять. В таких случаях ход мыслей бюрократа склоняется к тому, чтобы не предпринимать ничего. Таким образом, полевые командиры получают приказ продолжать боевые действия, пока партийные боссы лихорадочно ищут выход из создавшегося положения и стараются прикрыть свои задницы, чтобы их не обвинили в том, что они втянули страну в эту мясорубку, - Хорошо, теперь мы знаем, что нам ничего не известно.

- Да, сэр. Мне это тоже не нравится, но говорить что-нибудь иное - значит лгать.

Адмирал фыркнул. В Лэнгли служило немало сотрудников разведки, готовых дать ответ, даже не зная вопроса. Райан был здесь еще новичком, а потому, если не знал ответа, то говорил об этом четко и недвусмысленно. Грир надеялся, что с течением времени это в нем не изменится.

После ланча прибыл рассыльный с пакетом из Национального управления

фоторазведки. В пакете находились фотографии, сделанные в первой половине дня разведывательным спутником КН-11, дважды пролетевшим над Кольским заливом. В течение некоторого времени такие фотографии больше не будут поступать - это объяснялось орбитальной механикой и в общем-то отвратительной погодой над Кольским полуостровом. На первом комплекте фотографий, сделанных при дневном свете сразу после получения сигнала "МОЛНИЯ" из Москвы, виднелись корабли, стоящие на якоре или у причалов. В инфракрасных лучах многие из них ярко светились благодаря внутреннему теплу - это указывало, что их паровые котлы или газотурбинные двигательные установки действовали. Второй комплект состоял из снимков, сделанных во время следующего пролета под очень острым углом. Райан внимательно просмотрел фотографии.

- Вот это да! В море вышли крейсеры "Киров", "Москва", "Киев", три "кары", пять фрегатов "креста", четыре больших противолодочных корабля "кривак", восемь эсминцев "удалой" и пять "современных"!

- Значит, ты говоришь, это операция по поиску и спасению? - Грир пристально посмотрел на Райана. - Взгляни на нижнюю часть фотографии. Все быстроходные танкеры последовали за ними. В море вышла основная группа ударных сил Северного флота, а если им понадобились танкеры, значит, они собираются пробыть там некоторое время.

- Давенпорт мог бы рассказать нам о происходящем более подробно. И все же их подводные ракетоносцы направляются домой. На этих фотографиях не видно десантных судов, только боевые корабли, причем новейшие, те, которые обладают наибольшим радиусом плавания и высокой скоростью.

- И несут на борту самое современное вооружение.

- Верно, - кивнул Райан. - К тому же на подготовку к выходу в море они потратили всего несколько часов. Если бы они планировали операцию заранее, сэр, мы узнали бы об этом. Должно быть, все произошло только сегодня. Любопытно...

- У тебя появилась английская привычка говорить слишком сдержанно, Джек. - Грир встал. - Мне хочется, чтобы ты остался здесь еще на день.

- О'кей, сэр. - Райан посмотрел на часы. - Вы не будете возражать, если я позвоню жене? Не хочу, чтобы она ехала в аэропорт встречать самолет, на котором меня не будет.

- Конечно. А после этого поезжай в РУМО, - Грир имел в виду Разведуправление Министерства обороны, - и поговори с одним парнем, который раньше работал у меня. Выясни, какую оперативную информацию получают они о выходе русских в море. Если это учение, мы скоро узнаем об этом, и ты еще успеешь вернуться завтра домой со своей Барби-пловчихой.

Кукла была Барби-лыжницей, но на этот раз Райан промолчал.

День шестой

Среда, 8 декабря

Штаб-квартира ЦРУ

Райан уже не раз бывал в кабинете директора Центрального разведывательного управления - проводил иногда брифинги и передавал личные послания от его превосходительства сэра Базила Чарлстона самому директору ЦРУ. Кабинет был больше, чем у Грира, из окон открывался прекрасный вид на долину Потомака, а над интерьером поработал дизайнер, явно знакомый с прошлым директора. Раньше Артур Мур был судьей Верховного суда Техаса, и потому кабинет отражал традиции Юго-запада. Судья сидел вместе с адмиралом Гриром на диване возле огромного окна, из которого открывалась живописная панорама. Грир жестом подозвал Райана к себе и вручил ему папку.

Она была из красного пластика и защелкивалась на замок. По краям шла белая лента, а в центре обложки была простая бумажная наклейка с надписью "ТОЛЬКО ДЛЯ ДОПУЩЕННЫХ ПО КАТЕГОРИИ А. ИВА". Ни первое, ни второе не было чем-то странным. В подвале штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли находился компьютер, который произвольно выбирал названия простым прикосновением к клавише. Это не позволяло иностранному агенту догадаться о смысле операции по ее наименованию. Открыв папку, Райан прежде всего посмотрел на оглавление. По-видимому, существовало всего три экземпляра документа, названного "ИВА", и на каждом стояли инициалы владельца. Документ ЦРУ, размноженный только в трех экземплярах, был настолько необычным, что Райан, обладающий высшей степенью допуска "ТУМАННОСТЬ", еще ни разу не сталкивался с чем-либо подобным. Судя по суровым лицам Мура и Грира, они были двумя из тех троих, что обладали допуском по категории "А"; третьим, решил Райан, являлся заместитель директора ЦРУ по оперативной деятельности, еще один техасец по имени Роберт Риттер.

Райан перевернул страницу с оглавлением. Доклад был ксерокопией документа, отпечатанного на механической пишущей машинке, судя по числу перебитых опечаток, непрофессиональной машинисткой. Если Нэнси Каммингз или другой личной секретарше с высокой степенью допуска не разрешили работать с ним... Райан поднял голову.

- Все в порядке, Джек, - сказал Грир. - Ты только что получил допуск к "ИВЕ".

Райан сел и, несмотря на волнение, начал медленно и внимательно читать доклад, осмысливая каждое слово.

Кодовая кличка агента была "Кардинал". За все время существования ЦРУ он являлся самым высокопоставленным агентом в советской иерархии, о таких агентах слагаются легенды. Кардинал был завербован более двадцати лет назад Олегом Пеньковским. Еще одна легендарная личность - теперь он мертв, - Пеньковский был тогда полковником ГРУ, советской военной разведки, более мощной, активной и разветвленной разведывательной организации, чем американское РУМО - Разведывательное управление Министерства обороны. По занимаемой должности он имел доступ ко всем данным, связанным с вооруженными силами, - от структуры командования Советской армии до оперативной готовности советских межконтинентальных ракет. Информация, которую он сумел передать через своего английского связника Гревилла Уинна, оказалась исключительно ценной, и западные страны стали полагаться на нее - слишком полагаться. Пеньковского разоблачили во время кубинского ракетного кризиса 1962 года. Именно его информация, запрошенная и высланная с огромным трудом

и в невероятной спешке, позволила президенту Кеннеди сделать вывод, что Советский Союз не готов к стратегическому противостоянию и не пойдет на военное столкновение. Эти сведения позволили президенту загнать Хрущева в угол, из которого тот не смог выбраться. Знаменитая уверенность Кеннеди, которую приписывали его стальным нервам, была, как и во многих подобных случаях на протяжении истории, следствием того, что он знал карты противника. Этим преимуществом американского президента одарил бесстрашный агент, с которым Кеннеди так и не довелось встретиться. Пеньковский слишком поспешно отреагировал на срочный запрос из Вашингтона, а он находился под подозрением, и это сыграло свою роковую роль. Пеньковский заплатил за измену собственной жизнью. Однако о том, что за ним ведется более пристальная слежка, чем это принято в обществе, где следят за каждым, первым узнал Кардинал. Он предупредил Пеньковского, но было уже слишком поздно. Когда стало ясно, что полковника не удастся вывезти из Советского Союза и спасти, Пеньковский настоял на том, чтобы Кардинал выдал его. Таким образом, по иронии судьбы смерть этого мужественного разведчика укрепила доверие к человеку, которого он сам и завербовал.

Деятельность Кардинала была окутана такой же тайной, как и его имя. Являясь старшим советником и доверенным лицом одного из членов Политбюро, Кардинал часто выступал в роли его полномочного представителя в советском военном истеблишменте. Таким образом, он имел доступ к политическим и военным тайнам исключительной важности. Вот почему поступающая от него информация была столь ценной - и, как ни парадоксально, не менее подозрительной. Те немногие опытные сотрудники ЦРУ, которые знали о его существовании, не исключали вероятности того, что в какой-то момент длительной карьеры американского агента его мог перевербовать один из тысяч контрразведчиков КГБ, чья единственная обязанность заключалась в слежке за всеми и каждым. По этой причине материалы, поступающие от Кардинала всегда подвергались тщательной проверке и сравнению с информацией других агентов и других источников. Тем не менее Кардинал сумел пережить многих мелких агентов, и его роль в советской иерархии не уменьшалась, а скорее наоборот.

Кодовая кличка "Кардинал" была известна в Вашингтоне только трем руководителям ЦРУ. В первый день каждого месяца компьютер произвольно выбирал новое название для поступающих от него материалов, и это название циркулировало всего лишь в высшем эшелоне офицеров и аналитиков Центрального разведывательного управления. В этом месяце данные от Кардинала проходили под кодовым названием "ИВА". Прежде чем с крайней неохотой ознакомить тех, кто находятся за стенами ЦРУ, с содержанием поступившей информации, ее перерабатывали так же тщательно, как делает это со своими доходами мафия, чтобы скрыть их источники. Были также приняты уникальные меры по обеспечению безопасности Кардинала. Из опасений, что криптографы могут раскрыть его личность, донесения Кардинала передавались только из рук в руки, их никогда не передавали по радио или по наземным линиям связи. Да и сам Кардинал проявлял предельную осторожность - он многому научился на примере судьбы Пеньковского. Информация передавалась от Кардинала через нескольких посредников прямо сотруднику ЦРУ, возглавлявшему московскую резидентуру. Кардинал пережил двенадцать резидентов; у одного из них, ушедшего в

отставку, был брат - член ордена иезуитов. Каждое утро этот священник, преподающий философию и теологию в Фордхэмском университете в Нью-Йорке возносил молитву за безопасность и душу человека, имени которого не знал и никогда не узнает. Как никому не дано знать, может быть, это тоже способствовало тому, что Кардинал оставался в живых и продолжал свою работу.

Четырежды Кардиналу предлагали вывезти его из Советского Союза, но он неизменно отказывался. Для одних это свидетельствовало о том, что он двойной агент, а для других служило несомненным доказательством того, что, подобно большинству самых талантливых агентов, он руководствуется побуждениями, известными лишь ему одному, и поэтому, как и большинство самых талантливых агентов, он, возможно, немного не в себе.

Документ, который сейчас читал Райан, находился в пути двадцать часов. Пять часов понадобилось для того, чтобы доставить пленку в американское посольство в Москве, где она тут же попала в руки резидента. Опытный оперативник и бывший репортер газеты "Нью-Йорк тайме", он работал под прикрытием должности пресс-атташе. Резидент сам проявил пленку в собственной фотолаборатории. Через тридцать минут после того, как пленка попала к нему, он изучил пять проявленных кадров с помощью увеличительного стекла и послал в Вашингтон "молнию", в которой говорилось, что донесение Кардинала в пути. Затем с помощью портативной пишущей машинки резидент перенес содержание с пленки на легковоспламеняющуюся бумагу, переводя текст с русского на английский. Эта мера предосторожности уничтожила почерк агента, а перевод, неизбежно ведущий к перефразированию текста, устранил все характерные особенности его манеры говорить. После этого резидент сжег пленку и поместил донесение в металлическую коробку, похожую на портсигар. Внутри нее находилось крохотное пиротехническое устройство, которое срабатывало при попытке не правильно открыть коробку или даже при сильном толчке - так уже произошло дважды, когда коробку случайно роняли. Теперь глава резидентуры отнес коробку неотлучно находившемуся в здании посольства дипкурьеру, уже имевшему билет на рейс "Аэрофлота" в Лондон. Через три часа, прибыв в лондонский аэропорт Хитроу, курьер быстро пересел на "Боинг-747" авиакомпании "Пан-Американ", летящий в Нью-Йорк, откуда челночным рейсом авиакомпании "Истерн" прибыл в Национальный аэропорт Вашингтона. В восемь утра дипломатическая почта оказалась в здании Государственного департамента. Там офицер ЦРУ забрал коробку, немедленно привез в Лэнгли и передал заместителю директора по разведывательной деятельности. Коробку в присутствии заместителя директора открыл инструктор управления технических служб ЦРУ. Заместитель директора снял три копии на персональном ксероксе у себя в кабинете и сжег в пепельнице лист бумаги с первоначальным текстом. Случалось, такие меры предосторожности вызывали улыбку у некоторых новоиспеченных заместителей директора по разведывательной деятельности. Но улыбка исчезала сразу же при чтении первых строк.

Закончив читать донесение, Райан вернулся ко второй странице и перечитал ее снова, изумленно покачивая головой. Этот документ "ИВА" в который раз убедил его, что ему вовсе не хочется знакомиться с методами получения разведывательной информации. Райан закрыл папку и вернул ее адмиралу Гриру.

- Господи, сэр.

- Джек, я знаю, что, возможно, излишне предупреждать тебя об этом, но то, что ты только что прочитал не должен знать никто - ни президент, ни сэр Базил, ни сам Господь Бог, если Ему захочется спросить тебя, - ни одна душа без личного разрешения директора ЦРУ. Это понятно?

- Да, сэр. - Райан кивнул головой, словно школьник. Судья Мур достал из кармана пиджака сигару и закурил, глядя через пламя спички в глаза Райана. Ходили слухи, что в свое время судья был потрясающим офицером. Он служил с Гансом Тофте во время войны в Корее и сыграл тогда важную роль в осуществлении одной из легендарных операций ЦРУ - исчезновении норвежского судна с грузом медикаментов и медицинским персоналом для китайцев. В результате китайским войскам пришлось на несколько месяцев отложить наступление, что спасло жизни тысяч американцев и их союзников. Но операция оказалась весьма кровопролитной. Весь китайский медперсонал и норвежская команда судна погибли. В простой математике войны столь ничтожные потери значили мало, однако в моральном отношении операция была сомнительной. По этой ли или по другой причине, но Мур вскоре ушел с государственной службы, вернулся в родной Техас, стал адвокатом и проявил в зале суда незаурядные способности. Его карьера оказалась поразительно успешной, он стал знаменитым v богатым юристом, затем получил назначение на высокую должность судьи в апелляционном суде. Три года назад ему предложили вернуться в ЦРУ, ценя его абсолютную личную честность и опыт в "черных" операциях. За внешностью западно-техасского ковбоя - которым он, кстати, никогда не был, но старался поддерживать это впечатление - у судьи Мура вместе со степенью доктора юриспруденции, полученной в Гарварде, скрывались исключительная проницательность и блестящая логика.

- Итак, что вы думаете об этом, доктор Райан? - спросил Мур в тот момент, когда в кабинет вошел заместитель директора ЦРУ по оперативной деятельности. - Привет, Боб, иди сюда. Мы только что показали Райану досье "ИВА".

- Вот как? - Риттер подвинул кресло, одним движением заперев Райана в углу. - И каково же мнение адмиральского любимчика по этому поводу?

- Господа, я исхожу из того, что вы считаете полученную информацию достоверной, - осторожно сказал Райан, заметив, что все трое дружно кивнули. - Если бы эти сведения были доставлены лично архангелом Михаилом, я усомнился бы в их подлинности, но раз вы считаете источник надежным... - Он понимал, что им требовалось его мнение, однако все осложнялось тем, что заключение, к которому он пришел, было слишком невероятным. Ну что ж, решил Райан, до сих пор я всегда честно выражал свою точку зрения...

Он перевел дух и высказал свое мнение.

- Очень хорошо, доктор Райан, - удовлетворенно кивнул судья Мур. - Сначала мне хотелось бы услышать от вас, какие еще могут быть варианты, а затем постарайтесь отстоять свою точку зрения.

- Самая очевидная альтернатива, сэр, не нуждается в обсуждении. К тому же русские могли сделать это еще с пятницы, и все-таки не решились на такой шаг, - произнес Райан негромким и убедительным тоном. Он научил себя объективности. Райан рассмотрел четыре возможных варианта один за другим,

стараясь детально проанализировать каждый. Сейчас не время привносить личные оценки в суждения. Он говорил в течение десяти минут.

- Полагаю, существует еще одна возможность, господин судья, - закончил он. - Это может оказаться дезинформацией, направленной на то, чтобы найти и устранить источник. Я не могу оценить вероятность этого.

- Нам приходила в голову эта мысль. Хорошо, раз уж вы зашли так далеко, скажите, что порекомендовали бы нам в оперативном плане.

- Сэр, адмирал может сообщить вам о том, какую позицию займет военно-морской флот, лучше меня.

- Это я и сам понимаю, молодой человек, - рассмеялся Мур. - Но мне хочется узнать ваше мнение.

- Господин судья, будет совсем непросто принять решение по такому вопросу - слишком много переменных, слишком много случайностей, способных помешать выбранному курсу действий. Но я бы сказал - да. Если это возможно, если мы сумеем обдумать все детали, стоит попытаться. Самым трудным вопросом станет возможность использования наших собственных сил. У нас достаточно кораблей?

- Наши силы ограничены, - отозвался Грир. - Один авианосец "Кеннеди". Это я проверил. "Саратога" в Норфолке, неисправность в машинном отделении. Правда, авианосец Королевского флота "Инвинсибл" только что принимал участие в маневрах НАТО и вышел из Норфолка вечером понедельника. На нем находится, по-моему, адмирал Уайт, он командует небольшим боевым соединением.

- Лорд Уайт, сэр? - поднял брови Райан. - Граф Уэстонский?

- Вы знакомы? - поинтересовался Мур.

- Да, сэр. Наши жены в хороших отношениях. Прошлой осенью, в сентябре, я был с ним на охоте - охотились на куропаток в Шотландии. Он умеет командовать, и я слышал, что у него отличная репутация моряка.

- Ты полагаешь, что нам могут понадобиться британские корабли, Джеймс? - спросил Мур. - Если так, придется посвятить его во все подробности. Однако сначала нужно проинформировать нашу сторону. Сегодня в час дня состоится заседание Совета национальной безопасности. Райан, вы приготовите документы и лично проведете брифинг.

- Но у нас мало времени, сэр, - растерянно произнес Райан.

- Вот Джеймс утверждает, что вы превосходно работаете в напряженных ситуациях. Докажите это. - Судья посмотрел на Грира. - Возьми экземпляр документов, которые Райан приготовит для выступления на Совете национальной безопасности и приготовься лететь в Лондон. Таково решение президента. Если мы хотим воспользоваться их кораблями, нам придется рассказать им о том, что происходит. Поэтому понадобится встреча с премьер-министром, а это твоя задача, Джеймс. Боб, возьмись за проверку полученной информации. Поступай так, как считаешь нужным, но "ИВА" не должна быть скомпрометирована.

- Понял, - ответил Риттер. Мур посмотрел на свои часы.

- Встретимся здесь, у меня, в половине четвертого - в зависимости от того, как пройдет заседание. Райан, у вас девяносто минут. Беритесь за дело.

Для чего я им понадобился? - не мог понять Райан. В ЦРУ ходили слухи, что судья Мур скоро покинет пост директора и займет почетную должность посла, может быть, в Лондоне, достойная награда для человека много

сделавшего для сближения США с Великобританией. Если судья уйдет, его кабинет, скорее всего, займет адмирал Грир. За ним преимущество возраста - он не сможет занимать эту должность в течение длительного времени - и дружеских связей на Капитолийском холме. У Риттера нет ни того, ни другого. Он слишком много и слишком открыто жаловался на конгрессменов, допускавших утечку конфиденциальной информации относительно его операций и его агентов, в результате чего люди гибли лишь потому, что некоторым членам Конгресса хотелось продемонстрировать за коктейлем свою влиятельность. Кроме того, Риттер открыто враждовал с председателем Специального комитета по вопросам разведки.

При таких перестановках в руководстве ЦРУ и внезапном доступе к столь новой и фантастической информации... Что может все это значить для меня? - подумал Райан. Уж не собираются ли они сделать меня новым заместителем директора по разведывательной деятельности? Но ведь у меня нет для этого достаточного опыта работы - хотя лет через пять или шесть...

Хребет Рейкьянес

Рамиус посмотрел на пульт, чтобы представить картину происходящего. "Красный Октябрь" шел на юго-запад по маршруту номер восемь, самому западному из всех разведданных. Советские подводники нарекли его "железной дорогой Горшкова". Скорость ракетоносца была тринадцать узлов. Рамиусу и в голову не приходило, что это число несчастливое, он был чужд предрассудков. Они будут идти этим курсом и с такой скоростью еще двадцать часов. Комаров сидел за спиной командира у пульта гравитометра подлодки, а позади него виднелась большая развернутая карта. Молодой капитан-лейтенант непрерывно дымил, прикуривая одну сигарету от другой, и, казалось, нервничал, помечая на карте координаты лодки. Рамиус не беспокоил его. Комаров знал свое дело, а через два часа его сменит Бородин.

В киле "Красного Октября" был установлен особой чувствительности прибор, называемый градиометром. В общих чертах он представлял собой два больших свинцовых груза, находящихся в сотне ярдов один от другого. Компьютерно-лазерная система измеряла расстояние между ними с точностью до долей ангстрема. Изменения этого расстояния, или латеральные движения грузов, указывали на перемены окружающего гравитационного поля. Штурман сравнивал эти исключительно точные величины с величинами, нанесенными на карту. При правильном использовании гравитометров в корабельной инерциальной системе навигации местоположение подлодки можно определить с точностью до сотни метров - половины длины корабля.

Чувствительные системы, точно измеряющие массу, устанавливались теперь на всех советских подлодках, где было возможно их разместить. Рамиус знал, что молодые командиры ударных подлодок пользовались ими, для того чтобы на большой скорости проходить по "железной дороге". Это неплохо для самолюбия командира, считал Рамиус, но предъявляет излишние требования к штурману. Его подобное безрассудство не привлекало.

Может быть, не следовало отправлять письмо... Нет, все в порядке, отправленное письмо заставило сжечь за собой корабли. А сенсорные приборы на

ударных подлодках недостаточно чувствительны, чтобы обнаружить "Красный Октябрь", пока он пользуется бесшумной движительной системой. Рамиус не сомневался в этом, он перепробовал все. Его лодка достигнет места назначения, он сделает то, что хотел, и никто, ни его соотечественники, ни даже американцы, не смогут помешать этому. Вот почему он недавно прислушался к реву двигательной установки "альфы", прошедшей в тридцати милях к востоку от него, и улыбнулся.

Белый дом

Они ехали в служебном автомобиле судьи Мура. Это был белый "кадиллак" с водителем и телохранителем, у которого под приборной доской лежал наготове заряженный автомат "узи". Водитель повернул с Пенсильвания-авеню направо, в Экзекьютив-драйв. Это было, скорее, место для парковки машин, чем улица, здесь стояли автомобили высших чиновников и журналистов, имеющих аккредитацию в Белом доме и в здании Экзекьютив-офис, "Старом ГосДепе", этом блестящем образце бюрократического гротеска, возвышающемся над президентским особняком. Водитель плавно въехал в оставленное пустым место для особо высокопоставленных лиц, выскочил из машины и открыл дверцу, после того как охранник внимательным взглядом окинул все вокруг. Судья первым вышел из "кадиллака" и направился вперед, Райан последовал за ним и вдруг заметил, что идет слева от директора ЦРУ и в полушаге сзади, тут же вспомнив, что именно так должен идти младший офицер, следуя за своим начальником, - его научили этому в Куантико. Насколько младшим он будет на предстоящем совещании, подумалось Райану.

- Тебе приходилось бывать здесь, Джек?

- Нет, сэр. Мур улыбнулся.

- Ах да, ты же вырос здесь неподалеку. Вот если бы учился где-то подальше, вас уже не раз сюда бы свозили.

У входа морской пехотинец распахнул перед ними двери, а внутри агент Секретной службы, проверив документы, записал в служебный журнал их имена. Мур кивнул и пошел дальше.

- Совещание будет в кабинете, сэр?

- Нет, в рабочей комнате внизу. Там удобно, и помещение хорошо подготовлено для этого. Слайды, нужные тебе, уже на месте и заложены в проектор. Нервничаешь?

- Да, сэр, конечно.

- Успокойся, парень, - усмехнулся Мур. - Президент уже давно интересуется тобой. Еще с тех пор, как ты пару лет назад подготовил доклад о терроризме. Кроме того, я показывал ему еще и твои исследования об операциях русских подводных ракетоносцев и о положении в их военно-промышленном комплексе. Короче говоря, ты увидишь, что он - хороший парень. Только будь внимателен, когда он начнет задавать вопросы. Президент не упустит ни слова, и у него редкий дар попадать вопросами в самую точку.

Мур свернул и начал спускаться по лестнице. Райан не отставал, и через три пролета они оказались у двери, ведущей в коридор. Повернув налево, они подошли еще к одной двери, возле которой стоял агент Секретной службы.

- Добрый день, судья. Президент скоро придет.

- Спасибо. Со мной доктор Райан, я ручаюсь за него.

- Хорошо. - Агент открыл дверь.

Против ожиданий Райана помещение выглядело довольно обычно. Комната вряд ли была больше Овального кабинета, располагавшегося несколькими этажами выше. Дорогие деревянные панели скрывали, по-видимому, бетонные стены. Эта часть Белого дома была полностью перестроена при Трумэне. Райан увидел, что для него уже подготовлено место на небольшой деревянной кафедре перед ромбоидальным столом, чуть правее его. На стене позади висел экран. В записке, лежащей на кафедре, говорилось, что проектор на столе уже заправлен слайдами, фокусировка его отрегулирована, а также приводился перечень слайдов, доставленных из Национального управления фоторазведки.

Большинство приглашенных на совещание уже находились в зале - все члены Объединенного комитета начальников штабов и министр обороны. Райан вспомнил, что государственный секретарь в своем увлечении челночной дипломатией мотается где-то между Анкарой и Афинами в попытках урегулировать новый кризис, возникший на Кипре. Эта вечная заноза на южном фланге НАТО снова дала знать о себе, когда греческий студент сбил на автомобиле турецкого ребенка и толпе достало несколько минут, чтобы растерзать его. К концу дня пострадало пятьдесят человек, и мнимые союзники снова готовы были вцепиться в горло друг другу. Теперь два американских авианосца крейсировали в Эгейском море, и госсекретарь прилагал массу усилий, пытаясь успокоить обе стороны. Плохо, разумеется, что погасли две юные жизни, но вряд ли стоит из-за этого мобилизовывать армии обеих стран.

За столом сидели также генерал Томас Хилтон, председатель Объединенного комитета начальников штабов, и Джеффри Пелт, советник президента по национальной безопасности, надменный мужчина, с которым Райан встречался несколько лет назад в Центре стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета. Пелт просматривал бумаги и донесения. Начальники штабов дружески беседовали между собой, и тут начальник корпуса морской пехоты, подняв голову и увидев Райана, встал и подошел к нему.

- Вы Джек Райан? - спросил генерал Дейвид Максуэлл.

- Да, сэр.

Максуэлл был невысоким широкоплечим мужчиной, настолько полным энергии, что, казалось, от ежика его коротких волос исходят искры. Он внимательно осмотрел Райана, прежде чем пожать ему руку.

- Рад познакомиться, сынок. Ты здорово отличился в Лондоне. Укрепил репутацию корпуса. - Генерал имел в виду инцидент с ирландскими террористами, во время которого Райан едва не погиб. - Вы действовали там быстро и умело, лейтенант.

- Спасибо, сэр. Мне просто повезло.

- Хорошим офицерам всегда везет. Слышал, у вас есть интересные новости.

- Да, сэр. Думаю, вы приехали сюда не напрасно.

- Нервничаете? - Генерал увидел ответ на лице Райана и слегка улыбнулся. - Успокойся, сынок. Все, кто присутствуют в этом проклятом погребе, надевают штаны точно так же, как и ты. - Он дружески шлепнул Райана по животу и вернулся к своему креслу. Там Максуэлл что-то прошептал адмиралу

Даниэлу Фостеру, командующему морскими операциями. Тот посмотрел в сторону Райана и затем продолжил прерванный разговор.

Президент вошел в зал через минуту. Все встали. Он сел в кресло справа от Райана, что-то сказал Пелту и повернулся к директору ЦРУ.

- Приступим к делу, господа. Насколько я понимаю, у судьи Мура есть для нас какие-то новости.

- Спасибо, господин президент. Господа, сегодня произошло любопытное событие, имеющее отношение к операции советского военно-морского флота, которая началась вчера. Я попросил доктора Райана сделать сообщение относительно происходящего.

Президент повернулся к Райану и посмотрел на него испытующим взглядом.

- Начинайте, - коротко произнес он.

Райан отпил ледяной воды Из стакана, стоящего в углублении деревянной кафедры. В его распоряжении было дистанционное управление проектором и несколько указок. Отдельная яркая лампочка освещала подготовленные им заметки. На страницах виднелась масса поправок и исправлений, сделанных от руки, - времени на то, чтобы перепечатать материал, не осталось.

- Спасибо, господин президент. Господа, меня зовут Джек Райан, а предметом моего сообщения будет недавно возросшая активность советского флота в Северной Атлантике. Прежде чем приступить к указанной теме, мне хотелось бы дать некоторые пояснения. Это займет несколько минут. В случае, если возникнут вопросы, задавайте их сразу.

Райан включил проектор, и свет над экраном автоматически погас.

- Эти фотографии любезно предоставлены нам британской разведкой, - начал он. Внимание всех присутствующих было приковано к нему. - Корабль, который вы видите на экране, - подводная лодка советского военно-морского флота "Красный Октябрь", вооруженная баллистическими ракетами. Она сфотографирована агентом британской разведки в доке, на базе советского подводного флота в Полярном, недалеко от Мурманска, на севере России. Как видите, это очень большая подводная лодка длиной около 650 футов и шириной около 85, и мы оцениваем ее подводное водоизмещение в 32 тысячи тонн. Эти цифры примерно сопоставимы с размерами линейного корабля времен первой мировой войны.

Райан поднял указку.

- Помимо того, что эта подводная лодка значительно превосходит размерами наши ракетоносцы типа "огайо", вооруженные ракетами "Трайдент", у нее есть еще и некоторые технические отличия. На борту советского подводного ракетоносца находятся двадцать шесть ракет вместо двадцати четырех, как у наших подводных лодок такого же класса. Ранее построенные подлодки типа "тайфун", послужившие прототипом для "Красного Октября", несли всего двадцать ракет. Этот подводный ракетоносец вооружен новыми баллистическими ракетами СС-Н-20 "морской ястреб", запускаемыми из подводного положения. Такие ракеты работают на твердом топливе, имеют дальность действия примерно шесть тысяч морских миль и несут восемь боеголовок индивидуального наведения, причем каждая обладает тротиловым эквивалентом примерно в пятьсот килотонн. Это те же самые боеголовки, которые устанавливаются на баллистических ракетах СС-18 наземного базирования, но в данном случае одна

ракета несет меньше боеголовок. Как видите, пусковые установки расположены перед рубкой - мы называем ее парусом, - а не за ней, как у наших ракетоносцев. Передние рули глубины убираются в пазы корпуса, тогда как у нас они установлены на парусе. У "Красного Октября" два гребных винта; у наших подлодок - один. Наконец, корпус советского ракетоносца имеет приплюснутую форму, вместо цилиндрической, как у нас. Он заметно сплющен в верхней и нижней частях.

Райан включил следующий слайд. На нем виднелись рядом два снимка - носа и кормы.

- Эти кадры прислали непроявленными. Их проявили в Национальном управлении фоторазведки. Обратите внимание на люки в носу и в корме. Англичан они особенно озадачили и по этой причине в начале недели мне позволили доставить фотографии сюда. В ЦРУ мы тоже не смогли разобраться в назначении этих люков, и было принято решение обратиться к независимому консультанту.

- Кто принял такое решение? - послышался сердитый голос министра обороны. - Черт побери, мне даже их не показали!

- Мы получили снимки только в понедельник, Берт, - напомнил судья Мур, стараясь умиротворить министра обороны. - А фотографии, что на экране, вообще были проявлены всего четыре часа назад. Райан назвал имя эксперта, и Джеймс Грир одобрил его. Я согласился с его мнением.

- Имя эксперта - Оливер У, Тайлер. Доктор Тайлер - бывший морской офицер, который занимает сейчас должность профессора инженерного факультета Военно-морской академии и работает консультантом в Управлении морских систем. Он является специалистом в области анализа советской военно-морской техники. Скип, доктор Тайлер, пришел к выводу, что эти люки являются входными и выпускными отверстиями новой бесшумной движительной системы. В настоящее время он разрабатывает компьютерную модель такой системы, и мы надеемся к концу недели получить от него информацию. Эта система интересна сама по себе. - Райан кратко объяснил услышанное от Тайлера.

- Хорошо, доктор Райан. - Президент наклонился вперед. - Вы только что рассказали нам, что Советы построили новый подводный ракетоносец, который, как они считают, будет трудно обнаружить нашим морякам. Вряд ли это столь важная новость. Продолжайте.

- "Красным Октябрем" командует Марк Рамиус. Это литовское имя, хотя, по нашему мнению, в его паспорте указана русская национальность. Его отцом был высокопоставленный партийный деятель, а сам он является одним из лучших командиров на подводном флоте русских. На протяжении последних десяти лет он проводил испытания прототипов всех советских подлодок. "Красный Октябрь" вышел в море в прошлую пятницу. Нам неизвестно точное содержание полученных им приказов, но обычно их подводные ракетоносцы - я имею в виду те, что несут на борту новые баллистические ракеты дальнего радиуса действия, - не выходят за пределы Баренцева моря и соседних районов, где они находятся под защитой противолодочных самолетов наземного базирования, надводных кораблей, а также их ударных подлодок. Примерно в полдень воскресенья по местному времени мы обратили внимание на возросшую поисковую активность в Баренцевом море. Тогда мы предположили, что там проводятся учения по противолодочной

обороне, а к концу понедельника это походило на испытание новой движительной системы "Красного Октября".

Всем вам известно, что вчера утром произошло резкое увеличение активности советского военно-морского флота. Почти все морские корабли, входящие в состав их Северного флота, находятся сейчас в море. Их сопровождают советские быстроходные танкеры. Дополнительные вспомогательные суда вышли из баз Балтийского флота, а также из западной части Средиземного моря. Еще более тревожным является то обстоятельство, что почти все атомные подводные лодки, входящие в состав Северного флота - самого большого флота русских, - устремились в Северную Атлантику. В число этих подлодок входят и три подлодки из Средиземного моря, поскольку лодки, патрулирующие там, относятся не к Черноморскому, а к Северному флоту. Теперь нам кажется, что мы знаем причину происшедшего.

Райан щелкнул переключателем проектора, и на экране появился новый слайд. На нем демонстрировалась оперативная ситуация в Северной Атлантике, от Флориды до Северного полюса. Советские корабли были помечены красным.

- Мы полагаем, - продолжал Райан, - что в день выхода в море командир "Красного Октября" Рамиус отправил письмо адмиралу Юрию Ильичу Падорину, начальнику Главного политического управления ВМФ. Мы не знакомы с содержанием письма, но результаты можно увидеть на экране. Все это началось меньше чем через четыре часа после получения письма адмиралом. Пятьдесят восемь атомных подводных лодок и двадцать восемь крупных надводных кораблей направляются к нашим берегам. Такая реакция всего за четыре часа представляется поразительной. Сегодня утром мы узнали о содержании полученных ими приказов.

Господа, в приказах говорится, что эти корабли должны обнаружить "Красный Октябрь" и в случае необходимости потопить его. - Райан выдержал эффектную паузу. - Вы видите, что советские надводные корабли находятся сейчас вот здесь, примерно на полпути между Европейским континентом и Исландией. Их подлодки, особенно эти, направляются на юго-запад к побережью Соединенных Штатов. Обратите внимание, что на Тихоокеанском побережье обеих стран не отмечено никакой необычной активности - если не принимать во внимание тот факт, что советские подводные лодки с баллистическими ракетами на борту отозваны на свои базы в обоих океанах.

Вот почему, хотя мы и не знаем, что написал капитан Рамиус в своем письме, имеющиеся у нас данные позволяют сделать определенные заключения. Следует предположить, что "Красный Октябрь" направляется в нашу сторону. Если исходить из того, что его скорость от десяти до тридцати узлов, он может находиться сейчас в любом пункте вот этого района - от Исландии до нашего побережья. Прошу обратить внимание на то, что ему удалось успешно избежать обнаружения всеми четырьмя заграждениями СГАН.

- Одну минуту. Вы утверждаете, что русским кораблям был дан приказ потопить одну из их собственных подводных лодок?

- Да, господин президент.

Президент посмотрел на директора ЦРУ.

- На эту информацию можно положиться, судья?

- Да, господин президент, мы считаем ее надежной.

- Ну хорошо, доктор Райан. Мы ждем, что вы скажете дальше. Итак, что собирается предпринять этот ваш Рамиус?

- Господин президент, на основании имеющейся у нас агентурной информации мы пришли к выводу, что команда "Красного Октября" ведет свой корабль сюда, чтобы попросить у Соединенных Штатов политическое убежище.

На мгновение в зале воцарилась мертвая тишина. Члены Совета национальной безопасности обдумывали слова Райана, а тот слышал только, как жужжит вентилятор внутри проектора, и поспешил положить руки на кафедру, чтобы десять человек, присутствующих в зале и не спускающих с него глаз, не видели, что они дрожат.

- Любопытный вывод, доктор. - Президент улыбнулся. - Постарайтесь убедить нас в этом..

- Господин президент, имеющиеся у нас данные не позволяют сделать иного заключения. Решающим фактором является, конечно, то, что Советы отозвали все остальные подводные ракетоносцы. Никогда раньше они не делали этого. Далее, они отдали приказ потопить свой новейший и самый мощный подводный ракетоносец, они преследуют его, поэтому напрашивается вывод, что подлодка покинула предписанный ей район патрулирования и направляется сюда.

- Ну хорошо. Что еще?

- Сэр, в своем письме Рамиус мог предупредить их, что намерен произвести запуск ракет - в нас, в китайцев, вообще в кого угодно.

- Но вы так не думаете?

- Нет, господин президент. У баллистических ракет СС-Н-20 дальность действия шесть тысяч миль. Это означает, что он мог поразить любую цель в Северном полушарии сразу после того, как вышел в море. Для этого у Рамиуса было шесть суток, но он этого не сделал. Более того, если бы письмо содержало угрозу о запуске ракет, то он не мог исключить вероятность того, что Советы постараются заручиться нашей помощью в попытке отыскать и потопить его. В конце концов, если наши системы слежения обнаружат момент пуска баллистических ракет с ядерными боеголовками в любом направлении, ситуация очень быстро станет крайне напряженной.

- Вы понимаете, конечно, что он может запустить ракеты в обоих направлениях и начать таким образом третью мировую войну, - заметил министр обороны.

- Да, господин министр. В этом случае станет ясно, что мы имеем дело с безумцем - и даже не одним. На наших подводных ракетоносцах пять офицеров должны принять единодушное решение о запуске ракет и действовать одновременно. Такое же число офицеров принимает решение и на советских подводных лодках. По политическим причинам процедура подготовки к пуску ядерных ракет у них еще сложнее нашей. Пять или более человек, которые одновременно приходят к решению покончить с земной цивилизацией? - Райан покачал головой. - Такое представляется крайне сомнительным. Да и опять же Советы проявили бы здравый смысл, сообщили бы нам об опасности и попросили о помощи.

- Вы в самом деле считаете, что они сообщили бы нам? - спросил доктор Пелт. По его тону можно было судить о том, что он сам думает по этому поводу.

- Это скорее психологический вопрос, сэр, чем технический, а я занимаюсь главным образом проблемами технической разведки. В этом зале есть люди, которые встречались со своими советскими коллегами и сумеют ответить на этот вопрос лучше меня. Но я так отвечу вам: да, полагаю, что они сообщили бы нам о подобной опасности. Для них это было бы единственно разумным решением, и хотя я не считаю поведение Советов абсолютно разумным по нашим меркам, по своим собственным они ведут себя вполне рационально. Слишком высоки ставки, чтобы затевать столь рискованную игру.

- Да уж! - пробормотал президент. - Есть другие возможные варианты?

- Несколько, сэр. Это может оказаться всего лишь крупномасштабным учением, направленным на то, чтобы проверить свое умение перекрыть наши линии морских коммуникаций и нашу способность защитить их, причем и то и другое без длительной подготовки. Мы отвергаем этот вариант по нескольким причинам. Начать с того, что недавно у них завершились осенние учения под названием "Алый шторм". К тому же на этот раз они используют только атомные подводные лодки. Судя по всему, дизельные лодки не вышли в море, поэтому ясно, что русские придают особую важность скоростным данным кораблей. Есть и практические соображения: в это время года они не проводят крупных учений.

- Почему? - спросил президент. Вместо Райана на этот вопрос ответил адмирал Фостер.

- Господин президент, погодные условия в это время года там исключительно плохие. Даже мы не планируем учения при такой погоде.

- Мне кажется, я припоминаю, что мы только что участвовали в учениях НАТО, адмирал, - заметил Пелт.

- Совершенно верно, сэр, к югу от Бермуд, где погода намного лучше. Если не считать учений по противолодочной обороне у Британских островов, в остальном маневры "Ловкий дельфин" проводились на нашей стороне Атлантики.

- Хорошо, вернемся к тому, что еще может предпринять их флот, - распорядился президент.

- Видите ли, сэр, не исключено, что это вовсе не учения. Это может оказаться настоящей операцией, началом войны против НАТО с использованием обычных видов оружия, без атомного, первым этапом, направленным на то, чтобы нарушить наши морские линии коммуникаций. Если так, то русским удалось достигнуть полной стратегической внезапности, и вот теперь они отказываются от нее, действуя настолько открыто, что мы не можем не обратить на это внимания и не принять решительных мер. Более того, никакие другие рода войск у них не проявляют соответствующей активности. Советская армия и военно-воздушные силы, а также Тихоокеанский флот занимаются обычной подготовкой - если не считать полеты разведывательных самолетов морской авиации.

Наконец, это может оказаться провокацией или попыткой отвлечь нас, заставив сконцентрировать внимание на одном, пока они готовятся предпринять что-то неожиданное в другом регионе мира. Если дело обстоит именно так, то русские ведут себя очень странно. Стремясь спровоцировать кого-то, вряд ли следует делать это прямо под носом у противника. Атлантика, господин президент, по-прежнему остается нашим океаном. На этой карте вы видите, что мы располагаем базами в Исландии, на Азорских островах, повсюду на нашем

Атлантическом побережье. У нас союзники по обеим сторонам океана, и при желании мы способны установить полное господство в воздухе. В численном отношении русский флот огромен, он больше нашего в некоторых критически важных областях, но Советы не могут проецировать свою силу подобно нам - по крайней мере пока - и уж во всяком случае не у наших берегов. - Райан сделал глоток воды из стакана.

Таким образом, господа, мы являемся свидетелями того, как один советский подводный ракетоносец вышел в море, тогда как все остальные лодки такого класса отозваны на базы в обоих океанах. Нам известно, что их флот, находящийся в море, получил приказ потопить эту подлодку, и, судя по всему, они преследуют ее в нашем направлении. Как я уже сказал, это единственное разумное объяснение, которое не противоречит фактам.

- Сколько человек в составе экипажа этой подлодки, доктор? - спросил президент.

- По нашему мнению, сэр, около ста десяти.

- Значит, вы считаете, что все сто десять моряков единодушно приняли решение просить политическое убежище в Соединенных Штатах. В принципе это возможно, - президент поморщился, - но вряд ли правдоподобно.

У Райана уже был готов ответ.

- Подобный прецедент однажды произошел, сэр. Восьмого ноября 1975 года "Сторожевой", советский ракетный фрегат типа "кривак", попытался уйти из Риги, столицы Латвии, на шведский остров Готланд. Замполит корабля Валерий Саблин возглавил мятеж рядовых матросов. Они заперли офицеров в каютах и вышли в море на предельной скорости. Им едва не удалось добиться успеха. Советские военные корабли и авиация атаковали "Сторожевой" и заставили его остановиться в пятидесяти милях от шведских территориальных вод. Еще два часа - и они оказались бы в безопасности. Саблин и двадцать шесть других мятежников были преданы суду военного трибунала и приговорены к расстрелу. За последнее время мы получили несколько сообщений о мятежных выступлениях на советских кораблях - особенно на подводных лодках. В 1980 году советская ударная подлодка типа "эхо" всплыла у берегов Японии. Ее командир заявил, что на борту пожар, однако на фотографиях, сделанных разведывательными самолетами морской авиации - как нашими, так и японскими, - не было видно ни дыма, ни пострадавших от огня предметов, выброшенных за борт подлодки. Тем не менее члены экипажа, находившиеся на палубе, казались пострадавшими, что подтверждало мнение о происшедшем мятеже. Мы неоднократно получали и другую, может быть, не столь очевидную информацию. Я готов признать, что этот случай является исключительным, но наши выводы безусловно основываются на определенных прецедентах.

Адмирал Фостер сунул руку в карман и достал сигару в прозрачной обертке. Его глаза сверкнули от пламени спички.

- Знаете, я почти готов поверить этому, - сказал он.

- Тогда поделитесь с нами почему, адмирал, - произнес президент. - Приведенные доводы пока не убедили меня.

- Господин президент, большинство мятежей на кораблях возглавляют офицеры, а не рядовые матросы. Причина этого проста: матросы не в состоянии управлять кораблем. Более того, офицеры обладают достаточной подготовкой и

знакомы с морской историей, которая гласит, что успешные мятежи на кораблях возможны. Оба эти фактора особенно применимы к советскому флоту. Что, если на "Красном Октябре" мятеж подняли одни офицеры?

- А вся остальная команда просто согласилась с ними? - язвительно заметил Пелт. - Зная, что ждет их и членов их семей? Фостер несколько раз пыхнул сигарой.

- Вам приходилось бывать в море, доктор Пелт? Не приходилось? Тогда представьте себе, что вы отправились в кругосветный круиз на борту, скажем, лайнера "Куин Элизабет-11". В один прекрасный день вы оказываетесь где-то посреди Тихого океана - но как вы узнаете где именно? Вам это неизвестно. Вы знаете лишь то, что говорят офицеры. Да, конечно, если вы знакомы с началами астрономии, вам, можем быть, с точностью до нескольких сотен миль удастся определить широту. Имея хорошие часы и немного разбираясь в сферической тригонометрии, вы даже сумеете сделать предположение о своей долготе, опять же с точностью до нескольких сотен миль. Пока ясно? Это на корабле, откуда видно небо. А эти парни находятся на подводной лодке. Звезд оттуда не увидишь. Предположим, в мятеже принимают участие офицеры - даже не все. Каким образом команда узнает, что происходит? - Фостер покачал головой. - Никак. Даже нашим матросам это не под силу, а у них подготовка намного лучше, чем у русских. Не забудьте, что почти все русские матросы призывники обязательной воинской службы. На атомной подводной лодке вы полностью отрезаны от окружающего мира. У вас нет радио - за исключением СНЧ и УНЧ, а передачи на этих частотах зашифрованы и поступают через офицера связи. Значит, он должен быть в числе заговорщиков. То же самое относится к штурману. Как и мы, русские пользуются инерциальной навигационной системой. Мы обнаружили одну из их систем, сняли с подлодки типа "гольф", которую подняли у Гавайских островов. И в этой системе данные тоже зашифрованы. Старшина считывает цифры с приборов, и штурман из книги получает координаты подлодки. В советских сухопутных войсках, в армии, карты являются секретными документами. То же самое относится и к их военно-морскому флоту. Рядовые матросы не имеют доступа к картам, им никто не сообщает, где находится корабль. А на подводных ракетоносцах это соблюдается с особой строгостью, верно? Вдобавок ко всему эти парни - матросы-работяги. Когда подлодка в море, они света белого не видят в прямом и переносном смысле, трудятся от четырнадцати до восемнадцати часов в сутки. Все это молоденькие парни, призванные на обязательную воинскую службу, и подготовка их очень слабая. Им поручают выполнять одну или две несложных обязанности, и они должны в точности следовать приказам. У русских требуют от людей выполнять порученную работу механически и думать как можно меньше. Вот почему при проведении сложных ремонтных работ видно, как офицеры берутся за инструменты. У рядовых матросов нет ни времени ни желания расспрашивать своих офицеров о том, что происходит на корабле. Они исполняют свои обязанности и полагаются на то, что все будут поступать точно так же. В этом и заключается морская дисциплина. - Фостер стряхнул пепел с сигары. - Так вот, сэр, стоит привлечь к заговору офицеров - возможно, даже и не всех, - и мятеж может оказаться успешным. Завербовать десять или двенадцать недовольных намного легче, чем вовлекать в дело сотню.

- Легче, это верно, но совсем не так просто, - возразил генерал Хилтон. - Боже милосердный, у них на борту по крайней мере один замполит и, кто знает, сколько еще тайных сотрудников службы безопасности. Неужели вы думаете, что в таком мятеже примет участие партийный работник?

- А почему нет? Вы ведь слышали, что сказал Райан, - восстание на фрегате возглавил замполит корабля.

- Да, и после этого была проведена перестройка всего политического управления, - отозвался Хилтон.

- К нам все время перебегают сотрудники КГБ - все до единого члены партии, - заметил Фостер. Было ясно, что ему нравится мысль о мятеже на русском ракетоносце.

Президент молча слушал говорящих, затем повернулся к Райану.

- Доктор Райан, вам удалось убедить меня в том, что подобное теоретически возможно. А что по этому поводу думает делать ЦРУ?

- Господин президент, я аналитик, а не...

- Мне хорошо известно, кто вы, доктор Райан. Я знаком с вашей работой. Вижу, что у вас есть свое мнение. Я хочу услышать его.

Райан даже не посмотрел на судью Мура.

- Надо захватить ее, сэр.

- Просто так? Захватить и все?

- Нет, господин президент, наверно, не просто так. Тем не менее Рамиус может всплыть через день-другой у побережья Виргинии и попросить политического убежища. Нам следует быть готовым к такой возможности, сэр, и, по моему мнению, принять его следует с распростертыми объятиями.

Райан заметил, что все члены Объединенного комитета начальников штабов дружно закивали, соглашаясь с ним. Наконец-то у него появились союзники.

- Весьма рискованная позиция, доктор Райан, - добродушно заметил президент.

- Вы хотели узнать мое мнение, сэр. Скорее всего, все будет не так просто. Эти "альфы" и "Викторы", судя по всему, мчатся к нашим берегам полным ходом и почти наверняка попытаются блокировать подходы к ним - по сути установят блокаду нашего Атлантического побережья.

- Блокада, - поморщился президент, - мерзкое слово.

- Судья, - произнес генерал Хилтон, - а не приходило ли вам в голову, что это может оказаться дезинформацией, направленной на то, чтобы раскрыть высокопоставленного агента, от которого поступили эти сведения?

На лице судьи Мура появилась притворно сонная улыбка.

- Конечно, генерал, - лениво ответил он. - Но если это дезинформация, то поразительно похожая на правду. Доктору Райану было поручено провести брифинг, исходя из предположения, что полученные нами сведения точны. В противном случае я беру на себя всю ответственность.

Да хранит вас Бог, судья, подумал Райан, снова подивившись столь высокому положению источника "ИВА" в Москве.

- В любом случае, господа, - продолжил судья, - нам придется отреагировать на необычайную активность советского флота независимо от того, является наш анализ точным или нет.

- Вы пытаетесь получить подтверждение этой информации, судья? - спросил

президент.

- Да, сэр, мы работаем над этим.

- Отлично. - Президент выпрямился в кресле, и Райан отметил, каким твердым стал голос. - Судья прав. Нам придется отреагировать на эти действия, независимо от их намерений. Господа, к нашим берегам направляется советский военно-морской флот. Что вы советуете предпринять?

Первым ответил адмирал Фостер.

- Господин президент, в настоящий момент наш флот выходит в море. Все корабли, готовые к действиям, уже в море или будут в море к завтрашнему вечеру. Мы отозвали наши авианосцы из Южной Атлантики и сейчас ведем перегруппировку атомных подводных лодок, чтобы противостоять этой опасности. Сегодня утром мы подняли в воздух наши патрульные самолеты Р-3С "Орион". Им помогают британские "нимроды" с баз в Шотландии. Все эти самолеты образовали воздушную завесу над советскими надводными кораблями. А вы, генерал? - Фостер повернулся к Хилтону.

- В данный момент самолеты наблюдения и раннего оповещения Е-3А "сентри" типа АВАКС патрулируют воздушное пространство над советскими военными кораблями вместе с "орионами" Дэна. Их сопровождают "иглы", истребители F-15, базирующиеся в Исландии. К этому времени в пятницу в наше распоряжение поступит эскадрилья бомбардировщиков Б-52 с базы ВВС Лоринг в штате Мэн. Эти бомбардировщики будут вооружены ракетами "воздух-корабль", типа "гарпун", и начнут барражировать над русскими кораблями, сменяя друг друга. Как вы понимаете, они не предпримут никаких агрессивных действий, - улыбнулся Хилтон. - Цель их присутствия - продемонстрировать нашу озабоченность. Если советские корабли продолжат движение в сторону американских берегов, мы перебросим тактические подразделения ВВС на восточное побережье и, если вы одобрите это, сможем незаметно мобилизовать части национальной гвардии и резервные эскадрильи, - Как вы собираетесь осуществить это, не привлекая внимания? - спросил Пелт.

- Доктор Пелт, нами с этого воскресенья запланирована учебная подготовка нескольких частей национальной гвардии на базе Неллис в Неваде. Это плановая переподготовка, ничего необычного. Теперь вместо Невады эти части будут переброшены в штат Мэн. Базы принадлежат Управлению стратегической авиации и по своим размерам смогут принять эти части. Там гарантирована безопасность.

- Сколько авианосцев в нашем распоряжении? - спросил президент.

- В данный момент только один "Кеннеди", сэр. У "Саратоги" на прошлой неделе разобрали для ремонта главную турбину, так что месяц потребуется на ее замену. "Нимиц" и "Америка" находятся сейчас в Южной Атлантике - "Америка" возвращается из Индийского океана, "Нимиц" направляется в Тихий. Не повезло. Может быть, отозвать один авианосец из Средиземного моря?

- Нет. - Президент покачал головой. - Положение на Кипре остается слишком взрывоопасным. Да и нужно ли это? Если случится что-то.., неприятное, мы сможем справиться с их надводным флотом теми силами, которые имеются сейчас в нашем распоряжении?

- Да, сэр, - отозвался генерал Хилтон. - Доктор Райан прав:

Атлантика - наш океан. Одни только ВВС могут выделить более пятисот

самолетов для участия в этой операции, и еще триста-четыреста у ВМС. Если начнется какая-нибудь стрельба, советский флот ждет скорый и неминуемый конец.

- Мы, разумеется, примем все необходимые меры, чтобы не допустить этого, - негромко заметил президент. - Сегодня утром сведения о происходящем просочились в прессу. Перед самым ланчем звонил Бад Уилкинз из "Тайме". Если американский народ раньше времени узнает о масштабе происходящего... Ты что-то хочешь сказать. Джефф?

- Господин президент, предположим, что анализ доктора Райана верен. Я не вижу, что мы сможем предпринять в отношении "Красного Октября", - сказал Пелт.

- Что?! - выпалил Райан. - Извините, сэр.

- Мы ведь не можем украсть русский подводный ракетоносец.

- Это почему? - произнес Фостер. - Черт побери, у нас немало их танков и самолетов.

Члены Объединенного комитета начальников штабов снова закивали.

- Одно дело - самолет с летчиком или двумя, адмирал. И совсем другое - атомная субмарина с двадцатью шестью баллистическими ракетами на борту и командой больше сотни человек. Естественно, мы можем принять офицеров, которые попросят политического убежища.

- Итак, вы говорите, что, если эта подлодка все-таки войдет в Норфолк, - вмешался Хилтон, - мы просто вернем ее русским? Боже мой, Пелт, на ней двести ядерных боеголовок! Неужели вы не понимаете, что когда-нибудь им может придти в голову использовать эти проклятые штуки против нас. Скажите, вы уверены, что хотите вернуть все это русским?

- Такая подводная лодка стоит миллиард долларов, генерал, - неуверенно произнес Пелт.

Райан увидел улыбку налицо президента. Верно говорили, что он любитель оживленных дискуссий.

- Судья, а каковы юридические аспекты этого дела? - поинтересовался президент.

- Существует закон адмиралтейства, господин президент. - На лице Мура отразилось беспокойство. - Мне никогда не доводилось заниматься такой практикой, приходится вспоминать то, чему учили нас на юридическом факультете. Закон адмиралтейства относится к категории jus gentium, международного права, одни и те же положения теоретически применимы ко всем странам. Американские и британские адмиралтейские суды постоянно цитируют решения друг друга. Однако я не знаю, каковы права мятежного экипажа.

- Судья, в данном случае мы имеем дело не с мятежом или пиратством, - заметил Фостер. - Насколько я помню, правильный юридический термин, применимый в данном случае, "баратрия". Если мятеж - это восстание членов корабельного экипажа против законных властей, то баратрия - намеренные действия капитана, офицеров или команды, причиняющие ущерб судну или грузу. Как бы то ни было, вряд ли юридическая казуистика применима в ситуации, где затрагивается проблема ядерного оружия.

- И все-таки следует подумать об этом, адмирал, - задумчиво произнес президент. - Как сказал Джефф, речь идет об исключительно ценном корабле,

который юридически является собственностью русских, и они будут знать, что корабль находится у нас. Думаю, мы едины во мнении, что в происходящем замешаны не все члены команды. Если это так, то те из них, кто не принимали участия в мятеже - или баратрии, как вы называете это, - захотят вернуться домой, когда все кончится. Нам ведь придется отпустить их, правда?

- Придется? - Генерал Максуэлл рисовал что-то в своем блокноте. - Неужели придется?

- Генерал, - в голосе президент звучала сталь, - мы не пойдем на то, повторяю, не пойдем на то, чтобы заключить в тюрьму или ликвидировать людей, единственное желание которых состоит в том, чтобы вернуться домой к своим семьям. Это понятно? - Он обвел взглядом сидящих за столом. - Если русским станет известно, что подводная лодка у нас, они потребуют ее возвращения. А они узнают об этом от членов команды, которые изъявят желание вернуться домой. Да и в любом случае, как спрятать такой огромный корабль?

- Не исключено, что это возможно, - осторожно заметил Фостер. - Но команда действительно осложняет дело. Полагаю, нам представится возможность осмотреть подводную лодку?

- Вы имеете в виду карантинную инспекцию, проверку пригодности судна к плаванию в открытом море, может быть, таможенный контроль на отсутствие наркотиков, контрабанды?.. - Президент усмехнулся. - Думаю, это можно устроить. Но мы слишком забегаем вперед. Прежде следует решить массу вопросов. Как относительно наших союзников?

- Здесь только что был английский авианосец. Мы сможем им воспользоваться, Дэн? - спросил генерал Хилтон.

- Почему бы и нет, если они согласятся. Совсем недавно закончились совместные противолодочные учения к югу от Бермуд, и англичане проявили себя с наилучшей стороны. Мы могли бы привлечь "Инвинсибл", четыре эскортных корабля и три ударные подлодки. Сейчас соединение полным ходом движется домой.

- Им известно о происходящем, судья? - спросил президент.

- Если только англичане сами догадались. Информация поступила к нам всего несколько часов назад. - Мур ничего не сказал о том, что у сэра Базила есть свой агент в Кремле. Райан тоже не знал об этом, до него доходили только отрывочные слухи. - С вашего разрешения, сэр, я попросил адмирала Грира приготовиться к вылету в Англию, чтобы проинформировать британского премьер-министра о развитии событий.

- А почему не послать ему...

Судья Мур отрицательно покачал головой.

- Господин президент, эти сведения.., ну, скажем, их можно передавать только через доверенное лицо.

На лицах присутствующих отразилось удивление.

- Когда он вылетает?

- Сегодня вечером, если вы не против. Вечером с базы Эндрюз отправляется пара рейсов с высокопоставленными пассажирами на борту. Делегации конгрессменов. - Заседания Конгресса закончились, и, как принято, конгрессмены отправляются в увеселительные поездки за казенный счет. Ознакомительные командировки, Рождество в Европе.

- Генерал, нельзя ли побыстрее? - президент посмотрел на Хилтона.

- Можно послать VC-141, "Локхид-джетстар", он почти такой же скоростной, как и 135-й, будет готов через полчаса.

- Действуйте.

- Слушаюсь, сэр, отдам приказ прямо сейчас. - Хилтон встал и направился к телефону в углу зала.

- Судья, сообщите Гриру, чтобы он подготовился. На самолете его будет ждать сопроводительное письмо для передачи премьер-министру. Я сейчас напишу его. Адмирал, вам нужен авианосец "Инвинсибл"?

- Да, сэр.

- Я попрошу предоставить его вам. Далее, что мы скажем нашим людям, находящимся в море?

- Если "Красный Октябрь" просто войдет в гавань - ничего, но если нам понадобится установить с ним связь...

- Извините, судья, - заметил Райан, - по-видимому, мы будем вынуждены сделать это. Русские ударные подлодки, наверно, достигнут нашего побережья раньше "Красного Октября". В такой ситуации придется предупредить Рамиуса - хотя бы ради того, чтобы спасти мятежных офицеров. Русские попытаются найти и потопить беглецов.

- Пока даже мы не обнаружили "Красный Октябрь". Почему вы считаете, что русским это удастся? - недовольно спросил Фостер.

- Они сами построили лодку и знакомы с ее особенностями, адмирал. Не исключено, что им легче будет это сделать.

- Разумное предположение, - согласился президент. - Это означает, что кто-то должен отправиться и проинструктировать командиров кораблей. Мы ведь не можем передать такие сведения по радио, как вы считаете, судья?

- Господин президент, источник информации настолько ценен, что мы должны принять все меры, чтобы не допустить его раскрытия. Это все, что я могу сказать здесь, сэр.

- Хорошо. Кто-нибудь вылетит для инструктажа. Далее, нам придется поговорить о случившемся с Советами. Пока они могут настаивать, что действуют в своих территориальных водах. Когда их корабли минуют Исландию?

- Если не изменят курс, завтра вечером, - ответил Фостер.

- Ладно, подождем еще день. Может быть, они отзовут свои корабли, и мы сумеем проверить это. Судья, я настаиваю на том, чтобы получить подтверждение этой фантастической истории в течение двадцати четырех часов. Если завтра к полуночи они не повернут обратно, в пятницу утром я приглашу к себе в кабинет советского посла Арбатова. - Президент повернулся к начальникам штабов. - Господа, не позже второй половины завтрашнего дня представьте мне планы, предусматривающие все возможные варианты развития событий. Снова встретимся здесь завтра в два. И еще одно: происходящее хранить в полной тайне, всякая утечка информации недопустима. Без моего ведома все сказанное здесь не должно выйти за пределы этого зала. Если прессе что-либо станет известно, покатятся головы виновных. Что у вас, генерал?

- Господин президент, чтобы разработать такие планы, - произнес Хилтон, опускаясь в кресло, - нам придется привлечь некоторых старших командиров и

часть оперативного персонала. И уж, несомненно, не обойтись без адмирала Блэкборна.

Адмирал Блэкборн занимал должность главнокомандующего морским флотом в Атлантике.

- Мне надо подумать об этом. Я сообщу вам свое решение через час. Кто из сотрудников ЦРУ знает о происходящем?

- Четыре человека, сэр. Риттер, Грир, Райан и я. Это все.

- Пусть так и останется. - В течение нескольких последних месяцев президента преследовали скандалы, связанные с утечкой информации.

- Слушаюсь, господин президент.

- Совещание окончено.

Президент встал. Мур обошел стол, рассчитывая задержать его на пару минут. В зале остался также доктор Пелт. Остальные вышли. Райан остановился у двери снаружи.

- Все прекрасно. - Генерал Максуэлл схватил его за руку и подождал, пока отойдут остальные. - По-моему, у тебя поехала крыша, но ты определенно разбередил душу Дэну Фостеру, - проговорил он тихо. - Нет, больше того: он теперь просто горит желанием заполучить эту подводную лодку. - Низенький генерал усмехнулся. - А если нам удастся добиться этого, думаю, мы сумеем переубедить президента и организовать дело так, что ее команда исчезнет. Ты ведь помнишь, что судье однажды это уже удалось. - Генерал кивнул Райану и удалился. От одной мысли об исчезновении команды по спине Райана пробежали мурашки.

- Джек, зайди к нам на минуту, - послышался голос Мура.

- Вы ведь историк, Райан? - спросил президент, проглядывая сделанные им записи. Джек даже не заметил, что президент все время совещания не выпускал из рук карандаша.

- Да, господин президент. По крайней мере согласно диплому. - Райан пожал протянутую президентом руку.

- Вы хорошо чувствуете аудиторию, Джек. Могли бы стать неплохим адвокатом и выступать в суде. - Президент завоевал отличную репутацию в бытность прокурором штата. В начале карьеры мафия даже пыталась убить его. Покушение оказалось неудачным, но в дальнейшем принесло ему немалые политические дивиденды. - Вы блестяще провели брифинг.

- Спасибо, господин президент. - Райана явно смутила похвала.

- Судья говорит, что вы знакомы с командующим британским соединением, что недавно вышло в море.

Такой поворот в разговоре оказался для Райана полной неожиданностью.

- Да, сэр. Это адмирал Уайт. Мы вместе охотились, и наши жены приятельствуют. Он близок к королевской семье.

- Отлично. Нам нужен человек, который мог бы проинструктировать нашего командующего флотом и затем встретиться с британским адмиралом - если мы хотим получить поддержку их авианосца. Судья считает, что с вами следует послать адмирала Давенпорта. Так вот, сегодня вечером вы полетите на "Кеннеди", а затем на "Инвинсибл".

- Господин президент, но я...

- Перестаньте, доктор Райан. - На лице Пелта появилась кислая улыбка. -

Вы идеально подходите для такого поручения. Имеете доступ к секретной информации, знакомы с британским адмиралом, командующим их эскадрой, и сами специалист по морской разведке. Лучшей кандидатуры не подобрать. Скажите, как по-вашему, флот действительно очень хочет получить этот "Красный Октябрь"?

- Да, конечно. И не только посмотреть на русский ракетоносец, а изучить всю его механику, разобрать на части. Да это будет неслыханным успехом разведки - крупнее не бывает.

- Это верно. А не слишком рьяно они стремятся к этому?

- Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, - заметил Райан, хотя отлично понял, что хотел сказать Пелт. Советник по национальной безопасности был любимцем президента, но в Пентагоне его недолюбливали.

- Они способны предпринять шаги, которые могут иметь нежелательные последствия.

- Доктор Пелт, если вы полагаете, что кадровый офицер способен...

- Он не говорит этого, - перебил президент. - По крайней мере не так прямо. Доктор Пелт хочет сказать, что было бы полезно, чтобы в проведении этой операции принял участие штатский человек, способный снабжать меня независимой информацией.

- Сэр, но вы не знаете меня.

- Мне довелось читать ваши аналитические доклады. - Глава исполнительной власти улыбнулся. О президенте говорили, что он способен по желанию включать и выключать свое обаяние, словно ослепительный прожектор. Райан почувствовал, что ослеплен, он сознавал это, но сопротивляться не мог.
- Мне нравится, как вы работаете. У вас чутье на факты, вы реально оцениваете обстановку, судите о происходящем, - продолжал президент. - Одна из причин, почему я счел для себя возможным занять должность президента, заключается в том, что я тоже способен на трезвый анализ происходящего, потому-то я и считаю, что вы справитесь с заданием, которое собираюсь поручить вам. Вопрос в том, согласны вы или нет?

- На что именно?

- Прибыв на место, вы останетесь там в течение нескольких дней и будете докладывать обо всем непосредственно мне, минуя официальные каналы. Обещаю, вам будет оказана всяческая поддержка. Я приму меры.

Райан молчал. По распоряжению президента ему предстояло стать шпионом. И что того хуже - шпионить за своими.

- Вам не по душе докладывать о поведении своих, верно? Но этого от вас и не требуется. Мне всего лишь нужна независимая точка зрения штатского эксперта. Мы предпочли бы послать вместо вас опытного разведчика, но необходимо максимально ограничить число людей, вовлеченных в операцию. Назначь я Риттера или Грира, это будет выглядеть слишком очевидным, тогда как вы являетесь относительным...

- Дилетантом? - спросил Джек.

- С их точки зрения - да, - ответил Мур. - У Советов на тебя заведено досье. Мне довелось видеть выдержки из него. Тебя считают великосветским дилетантом, Джек.

Значит, я дилетант, подумал Райан, однако не почувствовал себя

уязвленным. В такой компании я на самом деле дилетант.

- Согласен, господин президент. Извините, что заколебался, прежде чем дать ответ. Мне еще не приходилось выступать в роли агента-оперативника.

- Понимаю. - Одержав победу, президент мог проявить великодушие. - И еще одно. Насколько я могу судить о действиях подводных лодок, Рамиус мог бы просто уйти, не сказав никому ни слова о своих намерениях. Почему он этого не сделал? Почему сообщил, написал письмо? Тем самым он ведь усложнил себе задачу.

Теперь уже улыбнулся Райан.

- Вам приходилось встречаться с командирами подлодок, сэр? Нет? А с астронавтами?

- Да, с группой пилотов космического шаттла.

- Это люди одной породы, господин президент. А вот письмо он мог написать по двум причинам. Во-первых, Рамиус, скорее всего, отчего-то испытывает чувство ярости. От чего именно, мы узнаем при встрече. Во-вторых, он убежден, что сумеет уйти, невзирая ни на какие попытки остановить его, - и ему хочется, чтобы они знали об этом. Господин президент, командиры подлодок - настойчивые, уверенные в себе и исключительно умные люди. Для них высшее удовольствие заставить других - тех же командиров надводных кораблей - выглядеть идиотами.

- Ты только что заработал еще одно очко, Джек. Астронавты, с которыми мне довелось встречаться, обычно ведут себя тихо и скромно, но пока речь не заходит о полетах. Тут они ощущают себя богами. Я запомню, что ты мне сказал. Джефф, принимайся за работу. А ты, Джек, держи меня в курсе событий.

Райан еще раз пожал руку президенту.

После того как президент и его старший советник покинули зал, Райан повернулся к Муру.

- Что это вы наговорили ему обо мне, судья?

- Ничего, кроме правды. - На самом деле Мур предпочел бы назначить для участия в операции одного из старших сотрудников ЦРУ. Назначение Райана совсем не входило в его планы, но президенты на то и президенты, что способны нарушать даже самые тщательно разработанные планы. Впрочем, судья отнесся к случившемуся философски. - В случае успеха, Джек, ты сделаешь большой шаг вперед в этом мире. Черт побери, тебе это даже может понравиться.

Райан не сомневался, что участие в операции ему не понравится, и оказался прав.

Штаб-квартира ЦРУ

По пути в Лэнгли он молчал. Автомобиль директора ЦРУ въехал в подземный гараж, они вышли из машины и поднялись прямо в кабинет Мура в его личном лифте. Двери лифта, словно тайник, сливались с деревянными панелями, которыми был обшит кабинет - удобно, но, по мнению Райана, слишком театрально. Директор подошел к столу и поднял трубку.

- Боб, заходи ко мне прямо сейчас. - Мур посмотрел на Райана, который остановился посреди кабинета. - Предвкушаешь удовольствие, Джек?

- Конечно, судья. - В голосе Райана не прозвучало энтузиазма.

- Мне понятно твое отношение к этой затее со шпионажем, однако ситуация может стать крайне опасной. Тебе следовало бы гордиться столь высоким доверием.

Райан едва успел постичь скрытый смысл фразы, когда в кабинет вошел Риттер.

- В чем дело, судья?

- Принимаемся за операцию. Райан вылетает на "Кеннеди" с Чарли Давенпортом. Они проинструктируют командование флота по поводу "Красного Октября". Президент согласился с нами.

- Я так и думал. Грир уехал на базу Эндрюз незадолго до вашего возвращения в Лэнгли. Значит, Райан вылетает?

- Да. Джек, вот в чем суть: посвятить в подробности операции можешь только командующего флотом и Давенпорта, больше никого. То же самое относится к англичанам - говоришь исключительно с командующим британской эскадрой и все. Если Бобу удастся подтвердить сведения, полученные от "ИВЫ", число людей, допущенных к информации, слегка расширим, однако лишь в тех случаях, когда это будет абсолютно необходимо. Тебе все ясно?

- Да, сэр. Полагаю, кто-то должен объяснить президенту, что трудно добиться решения поставленной задачи, если никто не имеет представления о том, что происходит в действительности. Особенно это относится к парням, непосредственно занятым этим решением.

- Совершенно согласен, Джек. Нам предстоит изменить его точку зрения в этом вопросе. Мы займемся этим, но пока не забывай - только он принимает решения. Боб, нужно срочно достать что-то для Райана, чтобы своим внешним видом он не выделялся среди моряков.

- Мундир морского офицера? Ладно, сделаем его капитаном третьего ранга - три полосы на рукаве, обычные нашивки. - Риттер смерил Райана взглядом. - Размер, скажем, понятно... Через час будет готово. У операции есть кодовое название?

- Сейчас займемся этим. - Мур снова поднял телефонную трубку и нажал пять кнопок. - Мне нужно два слова, - произнес он. - Ага.., спасибо. - Он положил трубку и что-то записал. - Господа, название операции - "МАНДОЛИНА". Твоя кодовая кличка, Джек, - "Маг". Запомнить нетрудно, особенно учитывая время года. На основе этих названий, пока тебя одевают, отработаем серию кодовых слов. Боб, займись этим лично. А я позвоню Давенпорту и поручу ему позаботиться о самолете.

Райан последовал к лифту за Риттером. События развивались слишком быстро, все казалось излишне усложненным. Операция "МАНДОЛИНА" уже начала разворачиваться, в то время как они еще не поняли, что им предстоит сделать, черт побери, и тем более как. А выбор кодовой клички для него самого показался Райану в высшей степени неудачным. И кому только пришло в голову сделать его магом? Уж лучше подошло бы "Хэллоуин".

День седьмой

Четверг, 9 декабря

Северная Атлантика

Когда английский писатель прошлого века Самьюэл Джонсон сравнивал плаванье на корабле с "пребыванием в тюрьме, где еще и рискуешь утонуть", по крайней мере у него было утешение, что до этого самого корабля он доберется в безопасной карете, думал Райан. Ему же мало того что пришлось отправиться в море, так еще до прибытия на корабль он мог насмерть разбиться в авиакатастрофе. Джек сидел, согнувшись в кресле, на левой стороне транспортного самолета "грумман грейхаунд", который на флоте пренебрежительно называли "треской" <Этот тип самолета носит название "Carrier onboard delivery", сокращенно COD, что в переводе с английского означает "треска">.

Этот летающий аппарат больше всего походил на грузовик с крыльями. Сиденья, обращенные в сторону хвоста, были установлены так тесно, что Райану пришлось упереться коленями в подбородок. Самолет был куда более приспособлен для перевозки грузов, чем людей. В его хвостовой части лежало в ящиках три тонны запчастей для разного рода приборов и электронного оборудования - место в хвосте было выбрано, без сомнения, потому, что в случае авиакатастрофы тела четырех пассажиров, сидящих в кабине, смягчив удар, помогут ценному оборудованию уцелеть. Кабина не обогревалась. Иллюминаторов не было. Тонкая алюминиевая обшивка отделяла Райана от ледяного ветра, который со свистом проносился за бортом самолета, завывая в унисон реву турбовинтовых двигателей. Хуже всего было то, что они летели на высоте пять тысяч футов сквозь бушующий шторм, и "треску" без конца то подбрасывало вверх, то швыряло вниз, в стофутовые воздушные ямы, словно на обезумевших американских горках. Единственное, что утешало, так это отсутствие освещения в кабине. По крайней мере никто не видит, думал Райан, какого зеленого цвета мое лицо. Прямо за спиной сидели два летчика, они разговаривали так громко, что их голоса перекрывали рев двигателей. Подумать только, эти мерзавцы еще и получают удовольствие от полета!

Шум чуть стих, или по крайней мере так показалось Райану. Перед вылетом ему дали наушники из пенопласта, желтый надувной жилет, а также прочли лекцию, как вести себя в случае катастрофы. Лекция была прочитана так небрежно, что не требовалось особого ума, чтобы понять, насколько ничтожны шансы на спасение, если самолет ухнет среди ночи в бушующее море. Райан ненавидел полеты. Он был когда-то лейтенантом морской пехоты, и его офицерская карьера не продлилась и трех месяцев, - его вертолет со взводом пехотинцев разбился на Крите во время учений НАТО. Райан получил серьезную травму позвоночника и едва не остался инвалидом на всю жизнь. С тех пор он всячески старался избегать полетов. "Треску", показалось Райану, стало бросать вниз больше, чем вверх. Возможно, это означало, что они приближаются к "Кеннеди". Альтернатива была слишком пугающей, и ему не хотелось думать о ней. Самолет вылетел с воздушной базы ВМС Оушеана под Виргиния-Бич всего девяносто минут назад, а ему казалось, что прошел целый месяц. Райан поклялся себе, что впредь никогда не станет бояться полетов на гражданских авиалайнерах - там куда больше шансов уцелеть.

Нос опустился на двадцать градусов, было такое впечатление, что самолет устремился прямо на что-то. Они заходили на посадку - самый опасный момент при операциях на авианосцах. Райан вспомнил исследование, проведенное в период вьетнамской войны: морских летчиков, базирующихся на авианосцах, снабдили портативными электрокардиографами для контроля за стрессами, и медики были поражены тем, что наибольший стресс пилоты испытывают не во время вражеского обстрела, а при посадке на палубу авианосца, особенно ночью.

Господи, что за веселые мысли приходят в голову! - подумал Райан. Он закрыл глаза. При любом исходе все кончится через несколько секунд.

Палубу авианосца, скользкую от дождя, бросало вверх-вниз. Она казалась черной дырой, окруженной по периметру огнями. Посадка самолета на авианосец по существу была управляемой аварией. Ломающий кости удар смягчали мощные амортизаторы и массивные посадочные шасси. Самолет коснулся палубы, устремился вперед и тут же замер, захваченный тросом аэрофинишера. Посадка совершилась. Они в безопасности. Наверно, в безопасности. Через несколько мгновений "треска" покатилась дальше. Райан услышал какой-то странный шум и понял, что это складываются крылья. Он, оказывается, даже и не подозревал, что летит на самолете, крылья которого могут сложиться в любую минуту. Ну что ж, ничего не поделаешь, подумал Райан. Наконец самолет встал и открылся задний люк.

Райан отстегнул пристежные ремни и поспешно поднялся, ударившись головой о низкий потолок кабины. Он не стал дожидаться Давенпорта, а, прижав к груди брезентовую сумку, выскочил через задний люк. Оказавшись на палубе, он огляделся по сторонам, и стоящий рядом матрос палубной команды в желтой рубашке показал ему, как пройти к надстройке авианосца. Шел проливной дождь, и Райан скорее почувствовал, чем увидел, как "Кеннеди" действительно подбрасывает на пятнадцатифутовых волнах. Он побежал к освещенному люку в надстройке и там подождал, когда подойдет Давенпорт. Адмирал не спешил. Он шел размеренным шагом, полный достоинства, как и подобает адмиралу, и Райан подумал, что Давенпорт испытывает, наверно, раздражение из-за того, что секретность их прибытия лишает его положенной церемонии встречи - со звуками боцманской дудки и выстроившимся почетным эскортом. В надстройке, за открытым люком, их приветствовал морской пехотинец, капрал в ослепительной парадной форме: в рубашке цвета хаки, при галстуке и в синих в полоску брюках, фигуру его перечеркивал ослепительно белый пояс с пистолетной кобурой. Капрал вытянулся и отсалютовал, приветствуя их на борту авианосца.

- Капрал, я хочу видеть адмирала Пойнтера.

- Адмирал у себя в каюте, сэр. Вам нужен сопровождающий?

- Нет, сынок. Когда-то я командовал этим кораблем. Пошли, Джек.

Райану пришлось нести обе сумки.

- Господи, сэр, вы действительно зарабатывали этим себе на жизнь? - спросил Райан.

- Чем? Ночными посадками на авианосец? Разумеется, садился раз двести. А что в том особенного? - Казалось, Давенпорт не заметил благоговейного изумления Райана, но Джек решил, что адмирал не совсем искренен.

Изнутри "Кеннеди" почти ничем не отличался от "Гуама", десантного

вертолетоносца, на котором Райан плавал во время своей недолгой службы в корпусе морской пехоты. Обычный для военного корабля лабиринт стальных переборок и труб, окрашенных в стандартный пещерно-серый цвет. На трубах виднелись разноцветные полосы и буквы, нанесенные по трафарету, и какие-то еще обозначения, по-видимому, для обслуживающего персонала. Райану все это говорило не больше, чем наскальные рисунки эпохи неолита. Давенпорт провел его по коридору, они повернули за угол, спустились по стальному трапу, такому крутому, что Райан едва не свалился, миновали еще один коридор, снова свернули. К этому времени Райан почувствовал, что уже заблудился окончательно. Наконец они подошли к двери, у которой стоял морской пехотинец. Сержант щегольски отсалютовал и распахнул перед ними дверь.

Райан последовал за адмиралом и.., замер от удивления. Адмиральская каюта командира авианосца "Кеннеди", казалось, перенеслась сюда из роскошного особняка на Бикон-Хилл <Бикон-Хилл (Beacon Hill) - фешенебельный район Бостона.>.

Всю ее правую стену скрывала огромная шпалера, которая могла бы украсить большую гостиную. На остальных стенах, обшитых панелями, висели картины маслом, судя по всему дорогие, в том числе портрет человека, в честь которого был назван авианосец, - президента Джона Фитцджералда Кеннеди. На палубе лежал толстый малиновый ковер, а мебель была сугубо гражданской, во французском провинциальном стиле - дуб, обитый парчой. Если бы не низкий потолок с обычным многообразием окрашенных в казенный серый цвет труб, резко контрастирующий со всем этим великолепием, можно было подумать, что это совсем не корабельная каюта.

- Привет, Чарли! - Контр-адмирал Джошуа Пейнтер вышел из соседней комнаты, вытирая руки полотенцем. - Как перелет?

- Чуть побросало, - признался Давенпорт, пожимая руку командиру авианосца. - Познакомься, это Джек Райан.

Райан никогда раньше не встречал Пойнтера и знал его только по рассказам. Много лет назад адмирал служил во Вьетнаме, летал на "фантомах" и написал книгу "Полеты над рисовыми полями", описав в ней ход воздушной войны. Это была правдивая книга, а потому не добавила ему друзей. Подвижный и задиристый Пейнтер был небольшого роста и весил не больше ста тридцати фунтов. Адмирал славился как талантливый тактик и обладал поистине пуританской честностью.

- Один из твоих парней, Чарли?

- Нет, адмирал, я служу у Джеймса Грира. Я не морской офицер и не любитель маскарадов. Примите мои извинения за офицерскую форму. Мундир - идея ЦРУ.

Адмирал нахмурился.

- Вот как? Полагаю, это означает, что вы расскажете мне о намерениях русских. Надеюсь, черт побери, кому-то известно об этом. Вы впервые на авианосце? Посадка понравилась?

- Как метод допроса военнопленных, - ответил Райан как можно небрежнее. Адмиралы дружно посмеялись над страхами новичка, и Пейнтер распорядился принести еду.

Через несколько минут двойные двери из коридора распахнулись и два

стюарда - "спеца по питанию" - вошли в каюту. У одного в руках был поднос с едой, другой нес два кофейника. Обслуживание соответствовало высокому рангу офицеров. Пища, поданная на тарелках с серебряной каймой, была простой, но вкусной, по крайней мере для Райана, который не ел двенадцать часов. Он положил на тарелку щедрую порцию капусты, картофельного салата и выбрал пару ломтей солонины на гренках.

- Спасибо. Можете идти, - сказал Пейнтер. Стюарды вытянулись, перед тем как выйти из каюты, и закрыли за собой дверь.

- А теперь перейдем к делу. - Командир авианосца посмотрел на Райана.

Тот поспешно проглотил кусок мяса.

- Адмирал, эта информация получена всего двадцать часов назад. - Он достал папки, роздал их адмиралам и начал говорить. Рассказ занял двадцать минут. За это время Райан ухитрился съесть два куска мяса, порцию капусты и пролить чашку кофе на свои записи. Адмиралы оказались идеальными слушателями. Они молча, ни разу не прервав, выслушали Райана, и только время от времени обменивались недоверчивыми взглядами.

- Боже милостивый, - произнес Пейнтер, когда Райан кончил говорить. Давенпорт сидел с непроницаемым лицом игрока в покер, молча глядя перед собой, словно решал, с чего начать осмотр советского подводного ракетоносца. Джек заключил, что он, должно быть, очень опасный противник и не только при игре в покер.

- Вы действительно верите в это? - спросил Пейнтер.

- Да, сэр, верю. - Райан налил себе еще чашку кофе. Он предпочел бы бутылку пива. Солонина здесь была отличной, а за время пребывания в Лондоне ему так и не удалось отыскать магазин, где бы можно было купить приличную говяжью солонину.

Пейнтер откинулся на спинку кресла и посмотрел на Давенпорта.

- Чарли, скажи Гриру, чтобы старик преподал парню несколько уроков осторожности - в частности, что хороший чиновник не должен с таким риском подставлять свою шею. Тебе не кажется, что кое-что в этой истории несколько надуманно?

- Джош, прошлым летом Райан составил доклад о том, как проходит патрулирование советских ракетоносцев.

- Так это был он? Отличная работа. Там подтверждается кое-что из того, о чем я твержу уже не первый год. - Пейнтер встал, подошел к иллюминатору в углу каюты и посмотрел на бушующее море. - Так что же нам нужно предпринять в связи с этим?

- В деталях операция еще не разработана. Думаю, вы получите приказ обнаружить "Красный Октябрь" и попытаться установить контакт с его шкипером. Что будет дальше? Следует придумать способ доставить подлодку в безопасное место. Видите ли, по мнению президента, мы не сможем удерживать ее у себя длительное время после того, как она окажется у нас, - если такое вообще произойдет.

- Что? - стремительно повернулся Пейнтер. Оба адмирала не скрывали негодования. Дав им высказаться, Райан в считанные минуты объяснил ситуацию.

- Господи! Сначала вы ставите передо мной неразрешимую задачу, а потом говорите, что, если все-таки нам удастся добиться своего, придется вернуть

русским их проклятую подлодку!

- Адмирал, когда президент поинтересовался моим мнением, я посоветовал оставить "Красный Октябрь" у нас, не возвращать его русским. Члены Объединенного комитета начальников штабов тоже на нашей стороне, вместе с ЦРУ - если это может послужить каким-то утешением. Но возникнет ситуация, при которой нам придется вернуть домой тех членов команды, которые захотят этого, и тогда Советы узнают, что подлодка у нас, в этом можно не сомневаться. Впрочем, я понимаю и практические трудности, заставившие тех, кто возражает против нашей точки зрения, отстаивать свою позицию. Лодка стоит колоссальных денег и принадлежит Советам. Да и как спрятать ракетоносец водоизмещением в тридцать тысяч тонн?

- Подлодку нетрудно спрятать, достаточно ее всего лишь потопить! - разъяренно выкрикнул Пейнтер. - На то они и предназначены, понимаете? Скажите, пожалуйста, - она принадлежит русским! Речь идет не о каком-то пассажирском лайнере, черт побери! Лодка построена для того, чтобы убивать людей - наших людей!

- Адмирал, я на вашей стороне. - Райан старался охладить пыл собеседника. - Но вы сказали, сэр, что перед вами поставлена неразрешимая задача. Почему вы так считаете?

- Райан, нелегко найти подводный ракетоносец, если он не хочет этого. Мы прилагаем массу усилий, практикуя с нашими подлодками, - и то почти всегда все они коту под хвост. А вы говорите, что "Красный Октябрь" уже сумел пересечь незамеченным все северо-восточные линии СГАН. Атлантика - большой океан, а шумовой отпечаток подводного ракетоносца очень тихий.

- Понимаю вас, сэр, - кивнул Райан и молча выругал себя за то, что проявил слишком большой оптимизм, рассчитывая на успех.

- Твои парни в хорошей форме, Джош? - спросил Давенпорт.

- В очень приличной. Только что успешно прошли учения "Ловкий дельфин". Мы во всяком случае были на высоте, - поправился Пейнтер. - На противной стороне очень здорово проявил себя "Даллас". Мои противолодочные экипажи действуют отлично. Нам окажут помощь?

- Когда я покидал Пентагон, командующий морскими операциями выяснял, можно ли отозвать с Тихого океана часть "локхидов", так что в одиночестве тебя не оставят. Все средства, имеющиеся в нашем распоряжении, выйдут в море. Ты командуешь единственным авианосцем в Северной Атлантике, так что тебе придется возглавить тактическую боевую группу. Кончай прибедняться, Джош, в твоем распоряжении наши лучшие противолодочные силы, и ты знаешь, как распорядиться ими.

Пейнтер налил себе кофе.

- Ну хорошо, у нас одна авианосная палуба. "Америка" и "Нимиц" все еще в доброй неделе хода отсюда. Райан, вы сказали, что летите сейчас на "Инвинсибл". Нам отдадут и его?

- Президент занимается этим. Авианосец вам действительно нужен?

- Конечно. У адмирала Уайта отличное чутье при ведении противолодочной войны, и его парням здорово повезло во время учений "Ловкий дельфин". Они "потопили" две наших ударных подлодки, так что Вине Галлери метал громы и молнии. Везение - существенная часть этой игры. Тогда у нас будет две

авианосных палубы вместо одной. Может быть, нам дадут еще S-3? - Пейнтер имел в виду противолодочные самолеты "локхид-викинг", способные базироваться на авианосцах.

- Зачем они тебе? - спросил Давенпорт.

- В этом случае я переброшу свои F-18 на береговые аэродромы, и это позволит нам разместить на "Кеннеди" еще двадцать "викингов". Мне не хочется терять ударную мощь, но сейчас нам нужны противолодочные самолеты, а это значит - больше S-3. Знаете, Джек, если вы ошибаетесь в намерениях русских, без F-18 нам трудно будет справиться с их надводными кораблями. Вы отдаете себе отчет в том, каким количеством ракет класса "корабль-корабль" они располагают?

- Нет, сэр. - Райан действительно не знал, но не сомневался, что у русских таких ракет больше чем достаточно.

- Мы - единственный авианосец в этом тактическом соединении, и это превращает нас в главную цель русских. Если они возьмут нас на прицел, сначала мы почувствуем себя очень одиноко, а затем ситуация станет весьма неуютной. - Зазвонил телефон, и командир авианосца поднял трубку. - Пойнтер слушает. Да. Спасибо. Ну что ж, "Инвинсибл" только что развернулся и идет к нам в сопровождении двух эскадренных миноносцев. Нам выделили авианосец и два эсминца. Остальные эскортные корабли и три ударные подлодки по-прежнему на пути домой, в Англию. - Он нахмурился. - Не могу их тут винить. Выходит, нам придется выделить надежный эскорт английскому авианосцу, но все-таки они заметно усилят наше соединение. Вторая авианосная палуба нужна нам позарез.

- А мы не сможем перебросить Райана к англичанам на вертушке? - Неужели Давенпорту известно о сути поручения, полученного мной от президента? - подумал Райан. Что-то уж слишком адмирал заинтересован побыстрее сбыть меня с "Кеннеди".

- Для вертушки это слишком далеко, - покачал головой Пейнтер. - Может, попросить англичан выслать за ним "харриер" <"Харриер" - английский истребитель с вертикальным взлетом и посадкой.>?

- Но ведь "харриер" - истребитель, сэр, - возразил Райан.

- У англичан есть экспериментальный вариант двухместного "харриера". Он предназначен для обнаружения подводных лодок. Говорят, действует достаточно успешно за пределами дальности вертолета. Именно с его помощью они и "прикончили" одну из наших ударных подлодок, прямо-таки застигли ее врасплох. - Пойнтер допил кофе.

- О'кей, господа, спустимся в центр противолодочной обороны и попытаемся придумать что-нибудь. Полагаю, мне придется принять решение. Кроме того, свяжемся с "Инвинсиблом" и попросим их выслать за тобой птичку, Джек.

Адмиралы вышли из каюты, и Райан последовал за ними. Он провел в центре ПЛО два часа, наблюдая за тем, как Пейнтер перемещает свои корабли в море, словно гроссмейстер шахматные фигуры на доске.

Ударная подлодка "Даллас"

Барт Манкузо дежурил в центре управления огнем уже больше двадцати

часов. Всего несколько часов сна отделяло эту вахту от предыдущей. За это время он съел сандвичи, выпил кофе и коки для разнообразия заставили своего командира выпить две чашки бульона из сублимированных кубиков. Сейчас Манкузо без особого энтузиазма в раздумье уставился на третью.

- Командир? - вывел его из задумчивости голос Роджера Томпсона, начальника гидроакустической службы.

- Да. В чем дело? - Манкузо оторвался от тактического дисплея, занимавшего все его внимание на протяжении нескольких суток. За Томпсоном, который стоял у входа в помещение, виднелась фигура Джоунза с блокнотом и чем-то, похожим на магнитофон.

- Сэр, Джоунзи обнаружил что-то. Мне кажется вам следует с этим ознакомиться.

Манкузо не любил, когда его беспокоили во время вахты, - его терпение и без того за долгие часы подвергалось испытанию. Однако Джоунз выглядел более чем взволнованным.

- Хорошо, подойдите к прокладочному столику. Прокладочный столик "Далласа" был новым прибором, подключенным к компьютеру ВС-10, и выдавал изображение на дисплей размером четыре на четыре фута. По мере движения подлодки двигалось и изображение. Это делало лишними бумажные карты, хотя их по-прежнему держали на борту благодаря единственному преимуществу - они не бьются.

- Спасибо, шкипер, - произнес Джоунз мягче обычного. - Я знаю, вы чертовски заняты, но мне, кажется, удалось кое-что выяснить. Меня все время беспокоил тот аномальный контакт, который мы обнаружили несколько дней назад. Пришлось бросить его, пока мы занимались шумом, поднятым русскими лодками, но мне удалось еще трижды вернуться к нему, чтобы убедиться, что этот контакт никуда не исчез. В четвертый раз он исчез, словно угас. Я хочу показать вам, что мне удалось придумать. Вы не могли бы переключить это устройство на тот курс, по которому мы шли в то время, сэр?

Прокладочный столик совмещался через компьютер ВС-10 с инерциальной навигационной системой корабля. Манкузо сам ввел необходимую команду. Дошло уже до того, что скоро без помощи компьютера и дерьмо в гальюне не смоешь, подумал он. Курс "Далласа" на экране имел вид извилистой красной линии, пересеченной через каждые пятнадцать минут временными знаками.

- Отлично! - отозвался Джоунз. - Такого я еще не видел. Все в порядке. О'кей. - Акустик извлек из заднего кармана пригоршню карандашей. - Так вот, впервые я обнаружил контакт примерно в 9.15 на пеленге два-шесть-девять. - Джоунз положил карандаш таким образом, что ластик на его конце указывал на позицию "Далласа", а острие было направлено на запад, в сторону цели. - Затем в 9.30 пеленг был два-шесть-ноль. В 9.48 пеленг изменился на два-пять-ноль. Здесь, разумеется, нужно принимать во внимание определенную ошибку, капитан. Замкнуться на контакт было непросто, он прослушивался с трудом, однако в итоге ошибки усредняются. Примерно в этот момент начался весь шум, и мне пришлось отвлечься от контакта, однако около 10.00 я вернулся к нему, и пеленг был два-четыре-два. - Джоунз положил еще один карандаш на линию на восток, проведенную в то время, когда "Даллас" удалялся от побережья Исландии. - В 10.15 пеленг стал два-три-четыре, а в 10.30 -

два-два-семь. Два последних пеленга не слишком точные, сэр. Сигнал стал тогда совсем слабым, и мне не удалось надежно замкнуться на него. - Джоунз поднял голову и посмотрел на Манкузо, он явно нервничал.

- Пока все в порядке. Успокойся, Джоунзи. Кури, если хочешь.

- Спасибо, капитан. - Джоунз извлек сигарету и прикурил от бутановой зажигалки. Еще никогда ему не доводилось обращаться к шкиперу вот так, запросто. Акустик знал, что капитан пользуется репутацией терпимого и спокойного командира - если у тебя есть что сказать, он всегда готов выслушать. Однако он не любил понапрасну тратить время, а уж сейчас тем более. - Так вот, капитан, похоже, что контакт поблизости от нас, верно? Я хочу сказать, что он где-то между нами и побережьем Исландии. Предположим, что он на полпути. Тогда его курс должен быть вот таким. - Джоунз положил на прокладочный столик еще несколько карандашей.

- Одну минуту, Джоунзи. Откуда ты взял этот курс?

- Ах, да. - Акустик раскрыл блокнот. - Вчера утром - или ночью, когда я сменился с вахты, - у меня все это не шло из головы. Тогда я принял расстояние, пройденное нами у берега, в качестве исходной базы, и проложил небольшой отрезок курса, поставив себя на место контакта. Я знаю, как это делается, шкипер, прочитал в наставлении. Все очень просто, мы проделывали такие штуки в Калифорнийском технологическом, когда рассчитывали движение звезд. На втором курсе я посещал лекции по астрономии.

Манкузо с трудом удержался от стона. Впервые в жизни он слышал, чтобы кто-то назвал подобные расчеты простыми, но капитан, глядя на цифры и диаграммы Джоунза, видел, что матрос проделал все правильно.

- Продолжай, Джоунзи, - попросил он.

Акустик достал из кармана калькулятор "Хьюлетт Паккард" и что-то похожее на карту из журнала "Нэшнл джиографик", обильно испещренную карандашными пометками.

- Вы не хотите проверить мои расчеты, сэр? - спросил он.

- Проверим позже, пока я полагаюсь на твои. Что это за карта?

- Шкипер, я знаю, что это противоречит правилам и все такое, но я храню эту карту вроде как для регистрации маневров, сделанных лодками противника. Честное слово, сэр, она не покинет корабль, обещаю. Может быть, я немного ошибаюсь, но напрашивается вывод, что этот контакт движется курсом примерно два-два-ноль со скоростью десять узлов. И направляется прямо ко входу в Первую красную дорогу.

- Продолжай. - Манкузо уже понял, что Джоунз до чего-то додумался.

- Так вот, после этого я не мог уснуть, вернулся в гидропост и записал на магнитофон звуки, издаваемые контактом. Пришлось несколько раз пропустить запись через компьютер, чтобы отфильтровать все посторонние шумы - звуки моря, других подлодок, ну, вы меня понимаете, - а затем я сделал запись, ускоренную в десять раз. - Акустик поставил свой кассетник на прокладочный столик. - Вот, шкипер, послушайте.

Запись оказалась плохой, скрипучей, но было слышно, как каждые несколько секунд раздавался какой-то странный звук, похожий на вздох. Через две минуты тщательного прослушивания Манкузо пришел к выводу, что "вздохи" раздаются примерно через пять секунд. Теперь уже лейтенант Манньон из-за

спины Томпсона прислушивался к магнитофонной записи, задумчиво кивая головой.

- Шкипер, это искусственный звук. Другого объяснения быть не может. Он раздается через слишком равные промежутки времени. При нормальной скорости протяжки ничего понять невозможно, но после того как я ускорил ее в десять раз, сразу все стало ясно. Мне удалось накрыть этого сукиного сына!

- О'кей, Джоунзи, вывод, - поторопил Манкузо.

- Капитан, вы только что слышали акустический почерк русской подлодки. Она направляется ко входу в Первую дорогу, двигаясь вдоль исландского берега. Готов биться об заклад, шкипер.

- Как твое мнение, Роджер?

- Он убедил меня, шкипер, - ответил Томпсон. Манкузо еще раз посмотрел на проложенный курс, пытаясь найти альтернативное объяснение. Его не было.

- И меня тоже. Роджер, с сегодняшнего дня Джоунзи становится акустиком первого класса. Прими меры, чтобы оформление было закончено к началу следующей вахты, а также подготовь мне на подпись приказ с благодарностью. Рон, - он хлопнул акустика по плечу, - ты молодец. Здорово!

- Спасибо, шкипер. - По лицу матроса расплылась широкая улыбка.

- Пэт, прошу пригласить сюда лейтенанта Батлера. Манньон подошел к телефону и вызвал старшего механика подлодки.

- Скажи, Джоунзи, что это за звуки? - Манкузо снова повернулся к акустику.

Джоунз покачал головой.

- Это не шум гребных винтов. Раньше я никогда не слышал ничего подобного. - Он нажал на кнопку возврата пленки и снова прослушал запись.

Через две минуты в центр управления огнем вошел лейтенант Эрл Батлер.

- Звали, шкипер? - спросил старший механик.

- Послушай-ка вот это, Эрл. - Манкузо перемотал пленку и нажал на кнопку воспроизведения звука.

Батлер был выпускником Техасского университета и прошел через все учебные заведения ВМС для подводников и специалистов, обслуживающих механизмы на субмаринах.

- Чем это может быть? - недоуменно спросил стармех.

- Джоунзи утверждает, что это русская подлодка. По-моему, он прав.

- Расскажите мне о записи, - Батлер повернулся к акустику.

- Сэр, эта магнитофонная запись, ускоренная в десять раз по сравнению с нормальной скоростью протяжки. Я пропустил ее через ВС-10 пять раз, чтобы отфильтровать посторонние звуки. При нормальной скорости этот шум ни о чем не говорит. - С несвойственной для него скромностью Джоунз ничего не сказал о том, что и тогда сумел распознать шум.

- Какая-то гармоника? Я хочу сказать, что, если это шум гребного винта, то винт должен быть не меньше сотни футов диаметром, и мы слышали бы каждую лопасть по отдельности. Но судя по регулярности интервалов, это все-таки гармоническая составляющая. - Батлер задумался, наморщив лоб. - Но гармоническая составляющая чего?

- Что бы это ни было, оно направляется прямо сюда. - Манкузо постучал карандашом по месту, где были нанесены Близнецы Тора.

- Тогда это русская подлодка, можно не сомневаться, - согласился Батлер. - Причем какая-то новая. Опять.

- Мистер Батлер прав, - сказал Джоунз. - Эти звуки и впрямь походят на гармонические колебания. И вот что еще кажется мне странным: какой-то посторонний шум, что-то вроде воды, переливающейся сквозь трубу. Не знаю, я не смог записать его. Думаю, компьютер просто отфильтровал этот шум. С самого начала он был едва уловим - впрочем, это уже выходит за пределы моей подготовки.

- Все в порядке, Джоунзи. Для одного дня ты потрудился достаточно. Как себя чувствуешь?

- Немного устал, шкипер. Я занимался этим довольно долго.

- Если мы снова приблизимся к той подлодке, думаешь, сможешь выследить ее? - Манкузо знал, каким будет ответ.

- Можете не сомневаться, капитан! Теперь, когда мы знаем, к чему прислушиваться, готов поспорить, что я накрою этого сукиного сына!

Манкузо посмотрел на прокладочный столик.

- О'кей, если он направляется к Близнецам и пройдет маршрут на скорости, скажем, в двадцать восемь или тридцать узлов, а затем перейдет на основной курс и сбавит ход узлов до десяти.., то окажется примерно вот здесь. Далеко отсюда. Итак, если мы будем идти полным ходом.., через сорок восемь часов окажемся вот тут, а значит, впереди него. Пэт?

- Да, именно так, сэр, - согласился лейтенант Манньон. - Вы исходите из того, что он пройдет через хребет полным ходом, а после этого сбавит скорость. Разумное предположение. В этом проклятом лабиринте ему не нужен бесшумный движитель, так что на протяжении четырехсот или пятисот миль он может гнать на полную катушку. А почему бы и нет? По крайней мере я поступил бы именно так.

- Тогда мы поступим следующим образом. Запросим по радио разрешения покинуть "Таможню" и проследим за этим типом. Джоунзи, если мы пойдем полным ходом, это означает, что ты и твои акустики некоторое время останетесь без работы. Установи сделанную тобой запись на тренажер и прими меры, чтобы каждый из них познакомился с его акустическим почерком, потом отдыхайте. Все. Когда мы снова установим контакт с этим парнем, вы понадобитесь мне стопроцентно свежими и готовыми действовать. Прими душ - можешь даже голливудский, из свежей воды, ты заслужил это. И отправляйся спать. После того как мы начнем преследование этого парня, нам предстоит длительная, тяжелая охота.

- Не беспокойтесь, капитан. Мы отыщем его для вас. Готов поспорить. Вам нужен оригинал моей записи, сэр?

- Непременно. - Манкузо нажал на кнопку выброса и с удивлением посмотрел на кассету. - Ради этой записи ты пожертвовал Бахом?

- Это было не лучшее исполнение концерта Баха, сэр. У меня осталась запись оркестра Кристофера Хогвуда, которая намного лучше.

- Можешь идти, Джоунзи. Молодец. - Манкузо сунул кассету в карман.

- Да я сам получил немалое удовольствие, капитан. - Джоунз вышел из центра управления огнем, подсчитывая по пути, насколько вырастет его жалованье после столь внезапного повышения через одну ступень.

- Роджер, прими меры, чтобы твои люди как следует отдохнули в течение двух предстоящих дней. Когда снова установим контакт с этим сукиным сыном, придется изрядно потрудиться.

- Слушаюсь, капитан.

- Пэт, всплывай на перископную глубину. Необходимо немедленно передать в Норфолк полученные сведения. Эрл, а ты начинай думать над тем, что может быть источником такого шума.

- Будет исполнено, капитан.

Пока Манкузо готовил радиограмму, лейтенант Манньон поднял "Даллас" на перископную глубину с помощью измененного угла горизонтальных рулей. Потребовалось пять минут, чтобы всплыть с пятисот футов под самую поверхность бушующего океана. Теперь подлодка раскачивалась от океанских волн, и хотя по меркам надводных кораблей качка была незначительной, команда почувствовала ее. Манньон поднял перископ и антенну СЭН (средств электронного наблюдения), которая использовалась для приемника широкого диапазона, регистрировавшего излучение радиолокаторов. Лейтенант ничего не увидел в объективе перископа, предел видимости которого ограничивался пятью милями, а приборы СЭН не зарегистрировали излучения радиолокаторов, если не считать воздушных, которые в любом случае находились слишком далеко. Далее Манньон приказал поднять еще две мачты. Одна из них была хлыстообразной приемной антенной УВЧ, а другая - от лазерного передатчика. Его диск повернулся и принял сигнал несущей волны ССПЛ - спутника связи, используемого исключительно подводными лодками. С помощью лазерного луча можно было посылать радиограммы высокой плотности, исключающие риск обнаружения подводной лодки.

- Готово, сэр, - доложил вахтенный радист.

- Начинайте передачу.

Радист нажал на кнопку. Радиограмму с текстом, сжатым в доли секунды, приняли фотогальванические элементы, считали ее для передатчика УВЧ и переслали обратно на параболическую антенну в центр связи штаба Атлантического флота. В Норфолке другой радист принял радиограмму и тоже нажал на кнопку, пославшую этот же текст вверх на спутник и обратно на антенну "Далласа". Это был простой и надежный способ избежать искажения радиограммы.

Радист "Далласа" принял радиограмму и сравнил ее текст с только что посланным.

- Текст верен, сэр, - доложил он. Манкузо приказал Манньону опустить все антенны, кроме антенн УВЧ и СЭН.

Центр связи Атлантического флота

Первая строчка донесения, принятого в Норфолке, указывала на страницу и строчку шифра одноразового пользования, который был занесен в память компьютера, находившегося в особо секретном отделении центра связи. Офицер набрал соответствующие цифры на терминале своего компьютера, и через мгновение машина выдала чистый расшифрованный текст. Офицер еще раз проверил его, чтобы избежать искажений. Убедившись в правильности текста, он отнес

донесение на противоположную половину комнаты старшине, который сидел у телекса, и вручил ему листок.

Старшина набрал имя адресата и передал полученное донесение по особой наземной линии связи в оперативный центр КОМПОДАНТа, расположенный в полумиле отсюда. Наземная линия связи представляла собой заключенный в стальную оболочку световод, проложенный под мостовой. Из соображений безопасности его проверяли трижды в неделю. Ничто, даже секретные тактико-технические характеристики ядерного оружия, не охранялось так бдительно, как ежедневная связь с подводными лодками.

Оперативный центр Командования подводными силами Атлантики

В оперативном центре прозвенел звонок, извещающий о том, что по "горячей линии" на принтер прибыло донесение. Перед ним шел упреждающий знак "Z", что означало высшую категорию срочности - "МОЛНИЯ".

20904142ДЕК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТЕО

ОТ: ПОДЛОДКИ США "ДАЛЛАС"

КОМУ: КОМПОДАНТУ

ИНФОРМ: ГЛАВКОМАТФЛОТУ

//NOOOOO//

ОПЕРАЦИИ ПОДВОДНЫХ СИЛ КРАСНОГО ФЛОТА
1. ДОКЛАДЫВАЕМ ОБ АНОМАЛЬНОМ ЗВУКОВОМ КОНТАКТЕ ПРИМЕРНО 0900 ГРИНВИЧУ 7
ДЕКАБРЯ УТЕРЯННОМ ПОСЛЕ РОСТА АКТИВНОСТИ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК КРАСНОГО ФЛОТА тчк
ПОЗДНЕЕ КОНТАКТ ОПРЕДЕЛЕН КАК ПОДВОДНАЯ ЛОДКА КРАСНОГО ФЛОТА ИДУЩАЯ ВБЛИЗИ
ПОБЕРЕЖЬЯ ИСЛАНДИИ НАПРАВЛЕНИЕМ К ДОРОГЕ ОДИН тчк КУРС ЮГО-ЗАПАД СКОРОСТЬ
ДЕСЯТЬ УЗЛОВ ГЛУБИНА НЕИЗВЕСТНА тчк 2. КОНТАКТ ПРОЯВИЛ НЕОБЫЧНЫЕ ПОВТОРЯЮ
НЕОБЫЧНЫЕ АКУСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ тчк ПОЧЕРК НЕ ПОХОЖ НИ НА ОДНУ ПОДЛОДКУ КРАСНОГО ФЛОТА тчк 3. ПРОСИМ РАЗРЕШЕНИЯ ПОКИНУТЬ РАЙОН "ТАМОЖНИ"
ЧТОБЫ ВЕСТИ СЛЕЖЕНИЕ И ВЫЯСНИТЬ СИТУАЦИЮ тчк СЧИТАЕМ ЭТА ПОДЛОДКА ПОЛЬЗУЕТСЯ
НОВОЙ ДВИЖИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ С НЕОБЫЧНЫМИ ЗВУКОВЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ тчк
ИМЕЕМ ВЫСОКУЮ ВЕРОЯТНОСТЬ ОБНАРУЖЕНИЯ И ОПОЗНАНИЯ тчк

Младший лейтенант доставил донесение в штаб вице-адмирала Винсента Галлери. КОМПОДАНТ был на службе с момента начала движения советских подводных лодок.

- Поступила "МОЛНИЯ" с "Далласа", сэр.

- Давайте. - Галлери взял желтый листок и дважды прочитал донесение. - Что, по-вашему, это могло бы значить?

- Не могу знать, сэр. Похоже, он услышал что-то, не спешил с оценкой и теперь хочет сделать новую попытку. Наверно, считает, что обнаружил что-то необычное.

- Ну хорошо, что же ему ответить? Давайте, мистер, не тяните. Когда-нибудь вы можете стать адмиралом и вам самому придется принимать решения. - Маловероятно, судя по всему, подумал Галлери.

- Сэр, "Даллас" находится в идеальном положении для слежения за русскими надводными кораблями, после того как они подойдут к Исландии. Он нужен нам именно там.

- Отличный ответ, прямо по учебнику. - Галлери улыбнулся молодому офицеру, готовясь устроить ему хорошую взбучку. - С другой стороны, "Далласом" командует знающий офицер, который не стал бы беспокоить нас, не будучи уверенным в том, что обнаружил что-то необычное. Он не вдается в подробности, по-видимому, считая их слишком сложными для тактического донесения по категории "МОЛНИЯ", а также потому что знает, что мы верим ему и поэтому положимся на его суждение. Так что он там говорит? Новая движительная система с необычными звуковыми характеристиками. Скорее всего, какая-то чепуха, но он находится на месте и ему нужен ответ. Пусть действует.

- Слушаюсь, сэр, - вытянулся лейтенант, будучи уверенным в том, что этот старый тощий сукин сын принимает решения наугад, просто подбрасывая монету.

Ударная подлодка "Даллас"

Z090432ZДЕК

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ОТ: КОМПОДАНТА

КОМУ: ПОДЛОДКЕ США "ДАЛЛАС"

А.ПОДЛОДКА США "ДАЛЛАС" Z090414ZДЕК

Б.ИНСТРУКЦЙИ КОМПОДАНТА 2000.5

ПРЕДПИСАНИЯ ПО ОПЕРАТИВНОМУ РАЙОНУ

//N04220//

1. ЗАПРОС ОТНОСИТЕЛЬНО "А" РАЗРЕШЕН 2. РАЙОНЫ "БРАВО", "ЭХО", "ГОЛЬФ" В ОТНОШЕНИИ "В" ВЫДЕЛЕНЫ ДЛЯ НЕОГРАНИЧЕННЫХ ОПЕРАЦИЙ С 090500 ПО ГРИНВИЧУ ДО
140001 ПО ГРИНВИЧУ тчк ДОКЛАДЫВАЙТЕ ПО МЕРЕ НЕОБХОДИМОСТИ тчк АДМ ГАЛЛЕРИ

- Черт побери! - усмехнулся Манкузо. Что ни говори, приятно работать с Галлери. Стоит задать ему вопрос, и, можно поклясться Господом, сразу получишь ответ - да или нет, еще до того как успеешь поднять антенну. Разумеется, подумал капитан, если окажется, что Джоунзи напутал и все это поиски ветра в поле, ему придется немало потрудиться, чтобы выпутаться. Галлери имел репутацию адмирала, который не одному провинившемуся командиру подлодки снял голову, отправив его на берег.

Впрочем, Манкузо знал, что все равно рано или поздно туда попадет. После первого курса в Аннаполисе его мечтой было командовать собственной ударной подлодкой. Теперь его мечта осуществилась, и отныне карьера покатится под гору. На военно-морском флоте твой первый корабль всегда остается первым, даже если ты продвинешься по служебной лестнице и в конце концов станешь командующим флотом - если, конечно, повезет и ты наделен нужными способностями. Но все это не относится к подводникам. Отличным ли, плохим ли командиром проявит он себя на "Далласе", все равно скоро его переведут отсюда. Ему выпал один-единственный шанс. А что потом? Лучшее, на что мог рассчитывать Манкузо, - это стать командиром подводного ракетоносца. Ему довелось служить на них и раньше, и капитан не сомневался, что командовать одним из этих кораблей, даже новым "огайо", столь же увлекательное занятие, как и наблюдать за тем, как сохнет краска на стене. Задача ракетоносца заключалась в том, чтобы его никто не видел, тогда как Манкузо привлекало быть охотником. Вот что, по его мнению, было самым интересным. А после командования ракетоносцем? Он может получить "высокую должность на поверхности" - ну, дадут ему хороший танкер. Это же все равно что пересесть со знаменитой скаковой лошади Секретариат на корову Элзи. А то станет командиром соединения и будет восседать в кабинете за письменным столом, перекладывая бумаги с одного места на другое. На такой должности он станет выходить в море в лучшем случае раз в месяц, причиняя неприятности шкиперам подлодок, у которых будет одно желание - как можно скорее избавиться от него. Или его переведут в Пентагон - это уже просто веселуха! Манкузо понимал, почему у некоторых астронавтов поехала крыша после возвращения с Луны. Столько лет подготовки, прежде чем получил свою подводную лодку, а через год ее отберут. Придется передать "Даллас" кому-то другому. Но пока лодка принадлежит ему.

- Пэт, опусти мачты и скомандуй погружение на тысячу двести футов.

- Слушаюсь, сэр. Опустить мачты, - приказал Манньон. Старшина потянул за рычаги гидравлики.

- Мачты УВЧ и СЭН опущены, сэр, - доложил вахтенный электрик.

- Отлично. Боцман, погружение на тысячу двести футов.

- Погружение на тысячу двести футов, слушаюсь, сэр, - отрепетовал боцман, стоящий у горизонтальных рулей. - Плоскости рулей вниз на пятнадцать

градусов.

- Плоскости на пятнадцать градусов вниз.

- Действуй, Пэт.

- Слушаюсь, шкипер. Полный вперед!

- Есть полный вперед. - Рулевой протянул руку к машинному телеграфу.

Манкузо наблюдал за работой команды. Все исполняли свои обязанности с точностью отлаженных механизмов. Но они не были машинами, нет. Это были люди. Его люди.

В кормовом реакторном отсеке лейтенант Батлер приказал механикам отрепетовать команду и дал необходимые распоряжения. Охладительные насосы реактора заработали быстрее. Возросший объем горячей воды, находящейся под давлением, начал поступать в теплообменник, превращая в пар воду внешнего контура. Когда охлаждающая жидкость возвращалась в реактор, ее температура заметно снижалась, и потому плотность возрастала. Благодаря возросшей плотности она поглощала большее количество нейтронов в реакторе, увеличивая интенсивность ядерной реакции и производя еще больше тепла. Дальше в стороне кормы перегретый пар в "наружном", или нерадиоактивном, цикле теплообменной системы через несколько клапанов попадал на лопасти паротурбины. Огромный бронзовый винт "Далласа" стал вращаться быстрее, погнав подлодку вперед и вниз.

Механики выполняли свои обязанности спокойно и уверенно. По мере того как возрастала мощность, шум внутри машинного отделения увеличивался, и механики, следившие за этим, не отрывали глаз от приборов. Привычная работа шла гладко и без заминок. Никаких лишних разговоров, ничего, что могло бы отвлечь от дела. Рядом с реакторным отсеком подлодки больничная операционная показалась бы олицетворением хаоса.

В передней части лодки Манньон, наблюдавший за указателем глубины, увидел, что стрелка перевалила за шестьсот футов. Боцман, самый опытный специалист на борту лодки, подождет, пока она достигнет глубины девятьсот футов, прежде чем приступить к выравниванию подводного корабля. Цель маневра заключалась в том, чтобы погружение полностью прекратилось в тот момент, когда датчик глубины покажет тысячу двести футов. Капитан третьего ранга Манкузо хотел, чтобы "Даллас" оказался под термоклином, границей между слоями воды различной температуры. Вода в море делится на изотермальные слои, где температура примерно одинакова. Относительно плоская граница, проходящая там, где более теплая вода поверхностного слоя встречается с холодной водой морских глубин, представляет собой полупроницаемый барьер, отражающий звуковые волны. Те волны, которые все-таки проникают через него, оказываются по большей части в ловушке под слоем термоклина. Таким образом, хотя "Даллас" и двигался сейчас ниже этого слоя со скоростью свыше тридцати узлов, производя немалый шум, поверхностные гидроакустические датчики не могли обнаружить подлодку. С другой стороны, сейчас она двигалась почти вслепую, но на такой глубине вряд ли есть препятствия, на которые можно натолкнуться.

Манкузо снял микрофон внутренней корабельной радиотрансляции.

- Говорит капитан. Мы только что начали скоростной переход, который будет продолжаться сорок восемь часов. Сейчас мы направляемся к месту, где

надеемся обнаружить русскую подлодку, прошедшую мимо нас двое суток назад. Судя по всему, русские пользуются новой, относительно бесшумной движительной системой, которая пока никому еще не встречалась. Мы попытаемся обогнать их и начать преследование, после того как русская подлодка снова пройдет мимо нас. Теперь мы знаем характер звуков, издаваемых этой лодкой, и сможем легко обнаружить ее. А пока я хочу, чтобы все на борту "Далласа" как следует отдохнули. После того как мы прибудем в намеченную точку, нам предстоит длительное и трудное преследование. Мне нужно, чтобы все были в форме. Надеюсь, работа окажется интересной.

Манкузо выключил микрофон и повернулся к боцману.

- Какой у нас сегодня фильм? - спросил командир. Боцман, следивший за стрелкой указателя глубины, увидел, что она замерла на отметке тысяча двести футов, и только после этого ответил на вопрос командира. Являясь старшим среди матросского и старшинского состава лодки, он одновременно заведывал бортовым кабельным телевидением. В телевизионную систему входили три видеомагнитофона в старшинской кают-компании, откуда шли кабели к телевизорам в кубриках и других местах размещения команды.

- Шкипер, у нас есть выбор. Можно поставить "Возвращение Джеди" или две кассеты с записями футбольных матчей: Оклахома - Небраска и Майами - Даллас. Оба состоялись, когда мы были на учениях, сэр, так что это будет походить на прямую трансляцию. - Он засмеялся. - Прямо с рекламой и всем остальным. Коки уже готовят попкорн.

- Отлично. Я хочу, чтобы все расслабились, приободрились. - Непонятно, почему мы никогда не получаем записей с играми команд военно-морских сил? - подумал Манкузо. Правда, в этом году армейские команды разнесли их в пух и прах...

- Доброе утро, шкипер. - В центр управления огнем вошел Уолли Чеймберз, старший помощник. - Я слышал, будто что-то случилось?

- Пошли в кают-компанию, Уолли. Хочу, чтобы ты кое-что прослушал. - Манкузо достал кассету из кармана рубашки и повел Чеймберза в сторону кормы.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

В двухстах милях к северо-востоку от "Далласа", в Норвежском море, советская подводная лодка "Коновалов" мчалась на юго-запад со скоростью сорок один узел. Капитан Туполев сидел в кают-компании один и в который раз перечитывая депешу, полученную им два дня назад. Она вызывала у него смешанные чувства, от горя до ярости. - Чтобы Учитель пошел на такое? Туполев был ошеломлен случившимся.

Но у него не оставалось выхода. Приказ, переданный капитану, был недвусмысленным, особенно если принять во внимание, как напомнил ему замполит, что сам Туполев - бывший ученик предателя Рамиуса. Туполев тоже может оказаться в тяжелом положении, если "Красный Октябрь" с его новой движительной установкой сумеет ускользнуть от преследователей.

Значит, Марк провел за нос всех, не только его. Он как идиот шнырял по Баренцеву морю, в то время как Рамиус направлялся совсем в другую сторону. Причем явно посмеиваясь, в этом Туполев не сомневался. Такая измена, такая дьявольская опасность для Родины. Это непостижимо - и в то же время понятно. Рамиус с жиру бесится. У него было все. И четырехкомнатная квартира, и дача,

и собственные "жигули". Не то что у него, у Туполева, машины и той нет. Как он пробивался в командиры атомной подлодки, и теперь все его усилия могут пойти прахом! Если удастся сохранить за собой должность командира, можно считать, что ему повезло.

Придется убить друга, подумал он. Друга? Да, признался Туполев, Марк был хорошим другом и отличным учителем. Почему он решился на измену?

Из-за жены, из-за Натальи Богдановны.

Да, конечно. Именно в этом дело. Случившееся вызвало шумный скандал. Сколько раз он, Туполев, бывал у них в доме, ужинал с ними, сколько раз Наталья смеялась вместе со своими любимыми, сильными, мужественными сыновьями. Он покачал головой. Такую женщину погубить! И все этот проклятый идиот-хирург. И против убийцы ничего не предпринять - сын члена Центрального комитета партии. Конечно, это возмутительно, когда в стране, где уже на протяжении трех поколений строится социализм, происходят подобные вещи. И все-таки такому безумию нет оправданий.

Туполев склонился над картой, которую захватил с собой. Через пять суток он выйдет в свой район, даже быстрее, если выдержит двигательная установка, а Рамиус не будет особенно спешить. Не будет: он - лиса, а не бык, он постарается действовать хитростью и не станет без оглядки мчаться вперед. Туполев знал, что остальные "альфы" придут на место раньше его, но это не имело значения. Он должен сделать все собственными руками. Он обгонит Рамиуса и станет ждать. Тот попробует проскользнуть мимо, и вот тут-то "Коновалов" преградит ему путь. И тогда "Красному Октябрю" конец.

Северная Атлантика

Британский истребитель "си-харриер" FRS-4 появился минутой раньше расчетного времени. На мгновение он завис над левым бортом "Кеннеди", пока пилот осматривал место предстоящей посадки и состояние моря. Поддерживая постоянную скорость в тридцать узлов, чтобы уравнять скорость истребителя со скоростью авианосца, он аккуратно скользнул вправо, затем мягко опустил самолет точно в середине летной палубы авианосца, почти перед островом. Матросы палубной команды мгновенно бросились к истребителю - у троих в руках были тяжелые металлические башмаки, которые они вставили под колеса, четвертый подставил металлическую лестницу к кокпиту, фонарь которого уже поднимался. Еще четверо матросов подтащили заправочный шланг, стараясь продемонстрировать выучку и быстроту, с какой могут действовать американские военные моряки. Английский пилот был в оранжевом комбинезоне и желтом спасательном жилете. Он положил шлем на спинку переднего сиденья, спустился по приставной лестнице, посмотрел на истребитель, чтобы убедиться, что он в надежных руках, и побежал к острову <Островом на авианосцах называют палубную надстройку.>. У открытого люка его встретил Райан.

- Вы Райан? Я - Тони Паркер. Где здесь гальюн? Джек показал дорогу, и пилот бросился в нужном направлении, оставив Райана, который был уже в летном костюме, с сумкой в руке и смущенной улыбкой на лице. В другой руке он держал белый пластиковый шлем и наблюдал за тем, как палубная команда заправляет "харриер", надеясь, что они знают, что делают. Паркер вернулся

через три минуты.

- Капитан, - заметил он мимоходом, - это как раз то, что они никогда не устанавливают на истребителях, - чертов гальюн. Накачают тебя чаем и кофе, посадят в кокпит и - в воздух, а там куда отольешь.

- Понимаю, что за ощущения. Вам нужно еще что-нибудь?

- Нет, сэр. Ваш адмирал говорил со мной по радио, когда я подлетал. Похоже, ваши парни уже заправили мою птичку. Полетели?

- Куда положить вот это? - Райан поднял сумку, полагая, что ее придется держать на коленях. Заметки для инструктажа он сунул за пазуху летного комбинезона.

- В багажник, конечно. Пошли, сэр.

Паркер бодрым шагом направился к истребителю. Едва начинало светать. Над головой в тысяче, а то и двух тысячах футов висели плотные облака. Дождя не было, хотя казалось, что он вот-вот начнется. Морская поверхность с все еще восьмифутовыми волнами походила на серую равнину, испещренную белыми гребешками. Райан чувствовал движение "Кеннеди", испытывая удивление, что такую громадину вообще можно заставить двигаться. Когда они подошли к "харриеру", Паркер взял у Райана сумку и потянул за рычаг, утопленный в нижней части корпуса истребителя. За скрытым люком открылась небольшая емкость размером с маленький холодильник. Пилот сунул туда сумку, захлопнул люк и проверил, надежно ли тот закрылся. Матрос, судя по его желтой рубашке, - из палубной команды, о чем-то заговорил с Паркером. На корме ревели двигатели вертолета, к центральной катапульте выруливал истребитель "томкэт". Вдобавок ко всему ветер был узлов тридцать. Прямо скажем, место не из тихих.

Паркер махнул в сторону приставной лестницы и сделал знак Райану, чтобы тот поднимался в кокпит. Джек, отношение которого к лестницам мало чем отличалось от его отвращения к полетам, поднялся в кабину и почти свалился в кресло. Он постарался устроиться поудобнее, пока матрос палубной команды пристегивал четырехточечную систему ремней, затем надел на голову Райана шлем и показал на разъем внутренней связи. Пожалуй, американские матросы действительно разбираются в "харриерах", подумал он. Рядом с разъемом Райан увидел переключатель и щелкнул им.

- Вы слышите меня, Паркер?

- Да, капитан. У вас все в порядке?

- Вроде бы.

- Отлично. - Пилот повернул голову в сторону отверстий воздухозаборников. - Включаю двигатель.

Фонари кабины оставались поднятыми. Рядом с истребителем стояли три матроса с большими углекислотными огнетушителями в руках - по-видимому, на случай взрыва двигателя, подумал Райан. Еще несколько человек смотрели на незнакомый самолет, стоя у острова. Мощная машина взревела тысячами лошадиных сил, и плексигласовые фонари опустились.

- Вы готовы, капитан?

- Как и вы.

"Харриер" был небольшим, но, без сомнения, самым шумным истребителем. Пока Паркер регулировал ручки управления тягой и вектором, Райан чувствовал,

как рев двигателя волнами проносится сквозь его тело. Самолет задрожал, нос его накренился, и машина неуверенно поднялась в воздух. Райан увидел, как какой-то человек у надстройки машет им и показывает куда-то. "Харриер" скользнул влево, двигаясь в сторону от острова и одновременно набирая высоту.

- Взлетели неплохо, - послышался голос Паркера. Он снова отрегулировал направление тяги, и "харриер" начал набирать горизонтальную скорость. Ускорения Райан почти не чувствовал, но заметил, что "Кеннеди" быстро исчезает позади. Через несколько секунд истребитель оказался за пределами кольца эскортных кораблей.

- Давайте уйдем от этой мерзости, - произнес Паркер. Он потянул рычаг на себя и направил самолет к облакам. Через считанные секунды они оказались внутри них, и поле зрения Райана мгновенно сократилось с пяти миль до пяти футов.

Джек огляделся: посмотрел на приборы, на ручки управления. Указатель горизонтальной скорости показывал сто пятьдесят узлов, и скорость увеличивалась, альтиметр - четыреста футов. Раньше этот "харриер" был, по-видимому, тренировочным самолетом, но контрольную панель переделали, и теперь на ней были установлены приборы от обтекаемого контейнера с датчиками, закрепленного, наверно, под брюхом истребителя. Изобретение от бедности, но, по словам адмирала Пойнтера, самолет был неплохим. Райан понял, что на экран, который походил на телевизионный, поступает информация от направленного вперед датчика инфракрасного теплового излучения. Указатель скорости показывал теперь триста узлов, а угол набора высоты составлял двадцать градусов. Странно - ему показалось, что взлетают, они куда круче.

- Скоро выйдем из этого дерьма, - заметил Паркер. - Вот! На альтиметре было двадцать шесть тысяч футов, когда глаза залил поток ослепительного солнечного света. Это неизменно поражало Райана при полетах, и привыкнуть к этому он так и не сумел: какой бы мерзостной ни была погода на земле, а стоит подняться достаточно высоко, и тебя всегда ждет там солнечное сияние. Потоки яркого света заливали истребитель, но цвет неба был заметно темнее, чем мягкая синева при взгляде с земли. Полет стал таким же плавным, как на авиалайнере, едва "харриер" преодолел нижние турбулентные слои атмосферы. Райан опустил козырек шлема, чтобы защитить глаза от ослепительного света.

- Теперь лучше, сэр?

- Все в порядке, лейтенант. Оказывается, лететь на таком истребителе намного приятнее, чем я ожидал.

- Что вы имеете в виду, сэр? - с любопытством спросил Паркер.

- Думаю, это куда лучше, чем на коммерческом авиалайнере. Видишь все вокруг. Так намного спокойнее.

- Жаль, что у нас нет лишнего топлива, а то я показал бы вам настоящую аэробатику. "Харриер" способен проделывать практически любые фигуры.

- Ничего, мне и так нравится.

- А ваш адмирал, - доверительно заметил Паркер, - сказал, что вы не любите летать.

Райан вцепился руками в подлокотники кресла, когда истребитель внезапно сделал три полных оборота вокруг своей оси и тут же продолжил обычный полет.

К собственному изумлению, он засмеялся.

- Это и есть британское чувство юмора? - спросил он.

- Таким был приказ вашего адмирала, - извинился Паркер. - Чтобы вы не думали, будто "харриер" - обычное такси.

Интересно, который из них это придумал, усмехнулся про себя Райан, - Пейнтер или Давенпорт? Скорее всего оба. Проносящиеся под истребителем облака походили сверху на волнующееся хлопковое поле. Никогда раньше, глядя в иллюминатор размером в квадратный фут, он не представлял себе, что это зрелище может быть таким красивым. Даже с заднего сиденья ему казалось, будто он находится снаружи.

- Разрешите задать вопрос, сэр?

- Конечно.

- Почему такая спешка?

- Что вы имеете в виду?

- Видите ли, сэр, наш корабль развернулся и пошел обратно. Затем мне приказали переправить одного высокопоставленного офицера с "Кеннеди" на "Инвинсибл".

- А-а, понятно. Не могу ответить на ваш вопрос, Паркер. Мне поручили доставить кое-какие бумаги вашему боссу. Я - всего лишь почтальон. - солгал Райан.

- Вы уж извините меня, капитан, но мы с женой вскоре после Рождества ожидаем нашего первенца. Надеюсь вернуться к родам, сэр.

- Где вы живете?

- В Чэтеме. Это район, который...

- Я знаю. Сам пока живу в Англии. Наш дом в Марлоу, вверх по Темзе. Там у нас появился второй ребенок.

- Он там родился?

- Нет, просто в Англии мы его сработали. Моя жена утверждает, что виной всему эти непривычные кровати в отелях, всякий раз так получается. Будь я любитель поспорить, побился бы с вами об заклад, что ваш ребенок не будет спешить с рождением. Первенцы всегда не спешат появиться на свет.

- Вы говорите, что живете в Марлоу?

- Совершенно верно, в начале года мы построили там дом.

- Так вы Джек Райан... Джон Райан? Тот самый, который...

- Да. Только держите это при себе, лейтенант.

- Понял, сэр. Я и не знал, что вы - морской офицер.

- Вот потому-то и не говорите никому об этом.

- Конечно, сэр. Извините за глупую выходку с тремя оборотами.

- Ничего страшного. Адмиралам тоже надо немного позабавиться. Насколько я знаю, вы только что проводили учения с нашими парнями.

- Совершенно точно, капитан. Я "потопил" одну из ваших подлодок, "Тэллиби". То есть мой оператор электронных систем и я, сэр. Ночью мы засекли ее у самой поверхности инфракрасным датчиком и забросали шумовыми хлопушками. Видите ли, мы не хотели, чтобы кто-то знал о нашем новом оборудовании. Стараешься добиться цели теми средствами, которые у тебя есть. Потом мне стало известно, что командир вашей лодки был вне себя от ярости. Я надеялся встретиться с ним в Норфолке, но его подлодка пришла лишь в тот

день, когда мы вышли в море.

- Ну как, хорошо провели время в Норфолке?

- Да, капитан. Нам удалось поохотиться на вашем Чесапикском заливе - насколько мне известно, вы называете его Восточным берегом.

- Вот как? Мне довелось там охотиться. Успешно?

- Неплохо. Я подстрелил трех уток за полчаса. Таким было ограничение - глупо, по-моему.

- Вы просто приехали и подстрелили трех уток всего за полчаса в самом конце охотничьего сезона?

- Именно так я добываю скромный заработок, чтобы хватило на пропитание, капитан, - стрельбой, - отозвался Паркер.

- Прошлым сентябрем я охотился на куропаток с вашим адмиралом. Мне дали двустволку. Если покажешься там с ружьем вроде того, каким обычно пользуюсь я - у меня автоматический "Ремингтон", - на тебя смотрят, как на террориста. Вот мне и сунули двустволку "Пардью", будто это что-то особенное, а я едва к ней приспособился. Подстрелил пятнадцать штук. Вообще ваша охота показалась мне какой-то странной - медленной, что ли, - один парень заряжал мне ружье, а целый взвод других парней тем временем гнал на тебя птиц. У меня создалось впечатление, что с птичьим населением мы там покончили навсегда.

- У нас больше дичи в расчете на акр, чем у вас.

- Вот и адмирал сказал мне то же самое. Нам еще далеко до "Инвинсибла"?

- Сорок минут.

Райан посмотрел на указатели топлива. Стрелки свидетельствовали, что баки полупусты. Будь он за рулем машины, тут же начал бы искать заправочную. Значит, "харриер" сжег столько топлива всего за полчаса полета. Впрочем, лицо Паркера не отражало тревоги.

Посадка на палубу авианосца "Инвинсибл" ничуть не походила на прибытие "трески" на "Кеннеди". Истребитель начало бросать, когда Паркер спускался через облака, и Райан подумал, что сейчас они находятся на переднем крае того самого шторма, который ему довелось выдержать накануне. Плексиглас фонаря заливали струи дождя, и Райан слышал барабанную дробь дождевых капель, бивших по алюминиевой обшивке корпуса, - или это был град? Наблюдая за приборами, он увидел, что Паркер выровнял машину на высоте тысячи футов - пока они все еще находились в облаках - и начал медленно снижаться. Когда до поверхности моря оставалось сто футов, истребитель вырвался из облачности, и перед глазами предстал английский авианосец. Размером он едва достигал половины "Кеннеди". Джек заметил, как бросают его пятнадцатифутовые волны. Техника посадки у Паркера ничем не отличалась от той, которой он пользовался на "Кеннеди". "Харриер" на мгновение завис над левым бортом авианосца, затем скользнул вправо и с высоты двадцать футов плавно опустился в нарисованный на палубе круг. Касание было довольно жестким, но Райан сумел предугадать это мгновение. Тут же поднялся фонарь кабины.

- Вы можете выйти сейчас, - сказал Паркер. - Мне придется подрулить к лифту.

Приставная лестница уже у борта. Райан отстегнул пристежные ремни и спустился вниз. Матрос палубной команды достал из багажника его сумку, и Райан последовал за ним к острову. Там его встретил энсин - в британском

военно-морском флоте офицер такого звания назывался младшим лейтенантом.

- Добро пожаловать на борт, - произнес офицер. Юноше не больше двадцати, подумал Райан. - Позвольте помочь вам снять летный костюм.

Младший лейтенант стоял рядом, пока Райан расстегивал и снимал шлем, спасательный жилет и летный комбинезон. Затем Джек извлек из сумки свою фуражку. Переодеваясь, он несколько раз ударился о переборку. Авианосец бросало волнами, бьющими со стороны кормы. Носовой ветер и волны с кормы? Впрочем, подумал Райан, в Северной Атлантике да еще зимой случается и не такое. Офицер взял его сумку, написанные от руки заметки все время оставались у Джека при себе.

- Идите, "лефтенант" <"Лефтенант" - английское произношение воинского звания лейтенант.>, я последую за вами, - предложил Райан. Юноша помчался вверх, одолевая трап за трапом, и Джек, тяжело дыша, старался не отставать. Давало знать, что последнее время он забросил утренние пробежки. Корабельная качка вместе с некоторой дурнотой от перелета вызывала головокружение, и Райан почувствовал, что наталкивается на предметы. Почему такого не случается у профессиональных летчиков?

- Вот адмиральский мостик, сэр. - Младший лейтенант открыл перед ним дверь.

- Привет, Джек! - услышал Райан рокочущий голос вице-адмирала Джона Уайта, восьмого графа Уэстонского. Это был высокий крепкий мужчина с обветренным лицом, багровый цвет которого подчеркивал белый шарф вокруг шеи. Джек впервые встретил его в начале года, и с тех пор Кэти, жена Райана, и Антония, графиня Уэстонская, стали близкими подругами и членами узкого круга любителей музыки. Кэти Райан отлично играла на рояле, а Тони Уайт, привлекательная женщина сорока четырех лет, владела скрипкой "дель Джезу", сделанной искусными руками Гварнери. Муж ее был человеком, который на свое звание пэра смотрел, как на простую случайность. Он сделал карьеру в британском военно-морском флоте исключительно благодаря личным заслугам. Джек с удовольствием пожал ему руку.

- Добрый день, адмирал.

- Ну как долетели?

- Странное впечатление. Мне еще не приходилось летать на истребителе, не говоря уже о таком, что способен неподвижно зависать в воздухе, словно пересмешник, - улыбнулся Райан. На мостике было тепло, и он почувствовал себя лучше.

- Отлично. Давайте пройдем на корму в мою походную каюту. - Уайт отпустил младшего лейтенанта, который, прежде чем уйти, передал Райану сумку. Адмирал провел гостя по короткому коридору, и они вошли в небольшое помещение.

Каюта оказалась на удивление скромной, особенно если принять во внимание, что англичане любят комфорт и принадлежит она пэру королевства. Два иллюминатора, задернутых шторками, письменный стол и пара кресел. Оживление вносила лишь цветная фотография жены адмирала. Огромная карта Северной Атлантики закрывала всю левую переборку.

- У вас усталый вид, Джек. - Уайт сделал жест в сторону мягкого кресла.

- Я действительно устал. На ногах, черт возьми, с шести утра вчерашнего

дня. Мне трудно представить себе смену часовых поясов, но, думаю, мои часы все еще идут по европейскому времени.

- Для вас поступила радиограмма. - Уайт вытащил из кармана листок бумаги и вручил его Райану.

"Грир Райану. "ИВА" подтверждается, - прочитал Джек. - Базил шлет лучшие пожелания. Конец." - Значит, кто-то сумел проверить донесение "ИВЫ". Кто? Может быть, сэр Базил. Или Риттер. Райану не хотелось думать об этом.

- Хорошая новость, сэр. - Джек сунул листок в карман.

- Почему на вас морская форма?

- Это придумал не я, адмирал. Вы ведь знаете, на кого я работаю? Они пришли к выводу, что так буду привлекать меньше внимания.

- Ну что ж, по крайней мере сшита на вас. - Адмирал поднял телефонную трубку и распорядился, чтобы в каюту принесли что-нибудь поесть. - Как семья, Джек?

- Все хорошо, сэр, спасибо. За день до моего отъезда Кэти и Тони играли на домашнем концерте у Найджела Форда. Я не успел туда. Знаете, при таких успехах следовало бы записать их исполнение. В мире не так много скрипачей, играющих, как ваша жена.

В каюту вошел стюард с блюдом сэндвичей. Джек окинул их взглядом. Он так и не сумел понять пристрастия англичан к огурцам на хлебе.

- Итак, что произошло?

- Адмирал, значение радиограммы, которую вы только что мне передали, заключается в том, что теперь я могу рассказать об этом не только вам, но и еще трем офицерам. Сведения очень важные, так что офицеров следует отобрать с особой тщательностью.

- Уж наверняка важные, если поступил приказ развернуть мой маленький флот. - Уайт на какой-то миг задумался, затем поднял телефонную трубку и приказал трем офицерам прибыть к нему в каюту. - Пригласим капитана первого ранга Карстэрза, капитана первого ранга Хантера и капитана третьего ранга Баркли - это, соответственно, командир "Инвинсибла", начальник оперативного отдела соединения и начальник разведки.

- А начальник штаба?

- Улетел домой - у него скончался родственник. Добавить что-нибудь к кофе? - Уайт извлек из ящика стола бутылку с чем-то вроде бренди.

- Спасибо, адмирал. - Райан с удовольствием принял предложение, считая, что бодрящего действия кофе будет недостаточно. Адмирал щедрой рукой налил бренди в чашку Райана, наверно, не без задней мысли развязать ему язык, подумал Джек. В конце концов, служба Уайта на британском флоте продолжалась куда дольше дружбы с ним, Райаном.

Все три вызванных офицера появились одновременно, двое из них прихватили складные металлические стулья.

- Адмирал, - начал Райан, - предлагаю пока оставить бутылку в покое. После моего рассказа нам всем понадобится пара глотков, чтобы прийти в себя.

Райан роздал папки с материалами присутствующим, ему самому никаких бумаг уже не требовалось. Говорил он пятнадцать минут.

- Господа, - закончил он, - вынужден еще раз подчеркнуть, что информация, которую я сообщил вам строго конфиденциальна. Пока за пределами

этой каюты о ней не должен знать никто.

- Очень жаль, - покачал головой Карстэрз. - Из этого вышла бы замечательная морская история.

- В чем будет заключаться наша задача? - спросил Уайт, держа в руке фотографии. Он подлил Райану бренди, посмотрел на свет, сколько осталось, и спрятал бутылку обратно в ящик стола.

- Спасибо, адмирал. Пока задача состоит в том, чтобы найти "Красный Октябрь". Как поступать дальше, мы еще не знаем. Полагаю, обнаружить его будет непросто.

- Совершенно справедливо, капитан Райан, - согласился Хантер.

- Возможно, вас порадует, что адмирал Пейнтер попросил главнокомандующего Атлантическим флотом, чтобы он передал в ваше распоряжение несколько кораблей ВМС США - это будут, по-видимому, три фрегата типа 1052 и пара FFG "перри". У каждого из них на борту один или два вертолета.

- Что ты скажешь, Джеффри? - спросил Уайт. - Неплохо для начала, - согласился Хантер.

- Корабли прибудут через день-два. Адмирал Пейнтер просил меня передать, что не сомневается в способностях ваших парней.

- Подумать только, долбанный русский подводный ракетоносец... - еле слышно пробормотал Баркли.

- Вижу, вам нравится мысль прибрать его к рукам, капитан, - засмеялся Райан. По крайней мере кто-то уже перешел на его сторону.

- А если "Октябрь" направляется в Англию? Операция станет британской? - поставил точки над "i" Баркли.

- Полагаю, да. Но, судя по карте, если бы Рамиус направлялся в Англию, он уже прибыл бы туда. Я видел копию письма президента вашему премьер-министру. В обмен на помощь при поисках "Красного Октября" Королевский флот получит такой же доступ к имеющейся информации, как и наша сторона. Мы союзники, господа. Вопрос в другом - удастся ли нам добиться успеха?

- Ваше мнение, Хантер? - спросил адмирал.

- При условии, если разведданные верны.., я бы сказал, что у нас неплохие шансы, скажем, пятьдесят на пятьдесят. С одной стороны, перед нами подводный ракетоносец, который старается избежать обнаружения. С другой - огромное количество средств противолодочной обороны. К тому же русская подлодка направляется в одно из вполне определенных мест. Это может быть Норфолк, разумеется, а может - Ньюпорт, Гротон, Кингс-Бей, Порт-Эверглейдс, Чарлстон. Мне кажется, она вряд ли пойдет в один из гражданских портов, таких как Нью-Йорк. Проблема в другом: к вашим берегам мчится столько русских "альф", что они прибудут туда раньше "Красного Октября". Возможно, они знают, о каком конкретно порте может идти речь. Через сутки это станет ясно. Вот почему я говорю, что шансы у нас равны. Русские подлодки будут находиться достаточно далеко от ваших берегов, так что американское правительство не сможет высказать разумных, юридически обоснованных возражений против их действий в Атлантике. Более того, думаю, что у Советов есть определенное преимущество. У них более четкое представление о

возможностях своей субмарины, да и задача их куда проще. Это вполне компенсирует недостатки датчиков на русских подлодках.

- Но почему Рамиус не спешит к берегам Америки? - спросил Райан. - Вот этого я не могу понять. После того как он пересек линии СГАН у Исландии, его ракетоносец оказался в открытом океане, там большие глубины - почему бы тогда не дать полный газ и не устремиться к нашему побережью?

- На то есть по крайней мере две причины, - заметил Баркли. - Вы обладаете полным объемом оперативных разведданных, капитан?

- Нет, мне поручают отдельные задания. Это означает, что я то и дело перескакиваю от одной проблемы к другой. Например, я хорошо знаком с их подводными ракетоносцами, но мало знаю о русских ударных подлодках. - Райан избегал упоминания о том, что служит в ЦРУ.

- Так вот, вам должно быть известно, как все засекречено у русских. У них каждый офицер знает лишь то, что необходимо по долгу службы. Рамиус, возможно, не представляет, где находятся русские ударные подлодки, по крайней мере не все. Таким образом, устремившись полным ходом вперед, он рискует напороться на какого-нибудь бродячего "Виктора", и его потопят, прежде чем он сообразит, что произошло. К тому же не исключено, что Советам удалось убедить вашего президента, сказав, например, что подводный ракетоносец захвачен мятежниками, контрреволюционерами, сторонниками Мао, и вдруг корабли вашего флота обнаруживают подводный ракетоносец, мчащийся полным ходом через Северную Атлантику к берегам Соединенных Штатов. Как поступит тогда ваш президент?

- Это верно, - кивнул Райан. - Мы взорвем подлодку к чертовой матери.

- Вот и ответ на ваш вопрос. Рамиус хитер уже в силу своей профессии, и, надо думать, он будет вести себя соответственно тому, чем владеет лучше всего, - закончил Баркли. - К счастью или к несчастью для нас, он великолепно знает, как вести себя.

- Когда нам станут известны данные о работе этой бесшумной движительной системы? - поинтересовался Карстэрз.

- Мы надеемся, что через пару дней.

- Какой район выделит нам адмирал Пейнтер? - спросил Уайт.

- В соответствии с планом, представленным им в Норфолк, вам предстоит занять место на правом фланге. Он намерен разместить "Кеннеди" ближе к побережью, чтобы прикрыть Штаты от угрозы со стороны русских надводных кораблей. Ваше соединение будет находиться дальше в море. Видите ли. Пойнтер считает вероятным, что Рамиус, пройдя прямо на юг через Датский пролив в бассейн Атлантического океана, на некоторое время укроется там. Обнаружить его в этом случае будет трудно, и если Советы пошлют за ним свой флот, у Рамиуса достаточно времени и припасов, чтобы выждать, - он может скрываться дольше, чем они держать свои корабли у наших берегов как по техническим, так и по политическим причинам. Кроме того, адмирал Пейнтер хочет, чтобы ваши ударные силы находились именно там, где они могут угрожать их флангу. Этот план должен получить одобрение главнокомандующего Атлантическим флотом, и придется уладить еще множество деталей. Например, Пейнтер запросил для вашей поддержки несколько самолетов раннего радиолокационного обнаружения Е-3 "сентри".

- Месяц в центре Северной Атлантики, да еще и зимой? - Карстэрз поморщился. Он служил старпомом на "Инвинсибле" во время Фолклендской войны и провел бесчисленные недели в бушующей Южной Атлантике.

- Радуйтесь, что нам дадут эти "сентри", - улыбнулся адмирал. - Хантер, разработайте планы, как использовать все эти корабли, которые дадут нам янки, причем таким образом, чтобы покрыть максимальную площадь. Баркли, сделайте оценку всего, что может предпринять наш друг Рамиус. Исходите из того, что он все тот же хитрый и умный сукин сын, которого мы все знаем и любим.

- Слушаюсь, сэр. - Все три офицера встали и вышли из каюты.

- Джек, сколько времени вы останетесь у нас?

- Не знаю, адмирал. Пока меня не отзовут обратно на "Кеннеди", наверно. По моему мнению, эту операцию готовят слишком быстро. Никто не имеет ни малейшего представления, как могут обернуться дела.

- Ну что ж, почему бы вам пока не отдохнуть? У вас измученный вид. Поспите.

- Неплохая идея, адмирал. - Райан начал чувствовать действие бренди.

- Вон там, в шкафу, раскладушка. Я распоряжусь, чтобы ее подготовили, и вы сможете пока спать здесь. Если для вас поступит что-нибудь, вас разбудят.

- Весьма любезно с вашей стороны, сэр. - Адмирал Уайт хороший парень, подумал Джек, а его жена вообще прелесть. Через десять минут он уже спал.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Каждые два дня старпом собирал радиационные нагрудные значки-дозиметры у личного состава ракетоносца. Это было чем-то вроде полуформального осмотра команды. Убедившись, что ботинки каждого члена команды начищены, каждая койка убрана и каждый рундук обустроен в соответствии с уставом, старший помощник снимал значки, розданные двое суток назад, и вручал матросам новые. Обычно это сопровождалось суровым наставлением вести себя, как подобает новому советскому человеку. Бородин превратил эту процедуру в целую науку. Сегодня, как всегда, обход корабля от первого отсека до последнего занял у него два часа. Когда обход закончился, сумка, висящая на левом бедре старпома, оказалась наполненной значками, а сумка на правом, где перед началом обхода лежали новые значки-дозиметры, опустела. Он доставил значки корабельному врачу.

- Принес вам подарок, товарищ Петров. - Бородин положил кожаную сумку на стол врача.

- Отлично. - Врач улыбнулся старпому. - С таким количеством здоровых молодых людей мне остается только читать свои медицинские журналы.

Бородин ушел, оставив врача заниматься своими делами. Петров начал с того, что расположил значки по порядку. На каждом из них был трехзначный номер. Первая цифра означала серию дозиметров, так что при обнаружении утечки радиации сразу можно было установить время, когда это произошло. Вторая цифра говорила о рабочем месте матроса, третья - о кубрике, где он отдыхает. С такой системой работать было намного проще, чем с прежней, когда использовались номера каждого члена команды.

Процесс проявления значков был проще любого рецепта в поваренной книге. Петров довел его до полного автоматизма. Он выключил обычное освещение в медпункте и вместо него включил красный свет. Затем запер дверь, достал рамку с зажимами, вскрыл пластмассовые значки, извлек из каждого полоску пленки и закрепил все их в пружинных зажимах на рамке. Затем Петров перенес рамку с сотней полосок пленки в примыкающую к кабинету лабораторию и повесил на ручку единственного здесь металлического шкафа, а потом наполнил химикалиями три больших квадратных ванночки. Петров был квалифицированным врачом, но успел изрядно подзабыть неорганическую химию, которую изучал в институте, и потому не помнил точно состава реактивов для обработки. Но и надобности в том не было. Ванночку номер один он наполнил раствором из бутыли номер один, ванночку номер два - из бутыли номер два, а ванночка номер три наполнялась просто водой. Врач не спешил. До обеда оставалось почти два часа, а его обязанности корабельного доктора были однообразными и скучными. Последние два дня он просматривал статьи о тропических болезнях - посещение Кубы он предвкушал ничуть не меньше остальных членов команды. Глядишь, повезет, и кто-нибудь из матросов подхватит редкое заболевание. Тогда он сможет заняться чем-то интересным.

Петров поставил лабораторный таймер на семьдесят пять секунд, погрузил рамку в первую ванночку и нажал кнопку таймера. В тусклом красном свете он следил за таймером, размышляя о том, продолжают ли кубинцы гнать ром из сахарного тростника. Несколько лет назад ему довелось побывать на Кубе, и он отдал должное этому напитку. Как всякий истинный русский, он любил родную водку, но при случае не отказывался от экзотики.

Таймер прозвонил, и врач извлек рамку из ванночки, тщательно стряхнув лишнюю жидкость. Нельзя допустить, чтобы проявитель - что-то вроде нитрата серебра? - попал на лабораторный халат. Петров погрузил рамку во вторую ванночку и снова установил таймер на предписанное инструкцией время. Жаль, что приказы были такими секретными и он узнал о них слишком поздно, продолжал грезить Петров, а то можно было бы захватить с собой одежду полегче. Теперь придется париться на кубинской жаре, как поросенку. Разумеется, тамошние дикари никогда не моются. Впрочем, за пятнадцать лет они могли чему-то и научиться, а? Посмотрим.

Снова зазвонил таймер, Петров достал рамку из второй ванночки, встряхнул ее и опустил в третью, наполненную водой. Слава Богу, закончено еще одно нудное дело. Ну почему бы кому-то из матросов не свалиться с трапа и не сломать себе что-нибудь? Ему так хочется проверить новый рентгеновский аппарат, изготовленный в ГДР, на настоящем пациенте. Откровенно говоря, он не слишком доверял немцам, будь они марксистами или нет, однако их медицинское оборудование, в том числе и рентгеновский аппарат, установленный на лодке, и автоклав, и почти все лекарства были на уровне. Снова прозвенел звонок. Петров достал рамку из ванночки и приложил вместе с пленками к экрану заранее включенного рентгеновского аппарата.

- Ничего себе! - пробормотал врач. Надо подумать. Полоска первого дозиметра казалась потемневшей. Петров посмотрел на номер значка - 3-4-8: третья серия, кадр пятьдесят четыре (медпункт, камбуз), корма (каюты офицеров).

Хотя полоски были всего двухсантиметровой длины, чувствительность их варьировалась. Деление пленки на десять вертикальных колонок позволяло определить уровень облучения. Петров увидел, что его собственная полоска потемнела вплоть до четвертого деления. Пленки матросов, работающих в машинном отделении, стали темными до пятого деления, тогда как торпедистов, проводивших все время в носовой части лодки, только в первом.

- Проклятье... - пробормотал врач. Уровни чувствительности он знал наизусть. Но на всякий случай взял инструкцию, чтобы проверить себя. К счастью, деления были логарифмическими. Сам он получил двенадцать единиц, радиационное облучение у механиков составляло от пятнадцати до двадцати пяти. Итак, от двенадцати до двадцати пяти единиц за двое суток - это не представляет особой опасности. Вообще-то угрозы для жизни нет, но все-таки... Петров вернулся в медпункт, оставив пленки в лаборатории. Он поднял трубку телефона.

- Товарищ командир? Говорит Петров. Не могли бы вы зайти в медпункт?

- Иду, товарищ доктор.

Рамиус не спешил. Он знал, о чем хочет поговорить с ним врач. За день до выхода в море, пока Петров на берегу пополнял лекарствами аптечку, Бородин подверг дозиметры рентгеновскому облучению.

- В чем дело, товарищ Петров? - спросил Рамиус, войдя в медпункт и закрыв за собой дверь.

- Товарищ командир, на борту корабля происходит утечка радиации.

- Чепуха. Наши приборы сразу обнаружили бы это. Врач принес из лаборатории проявленные пленки и показал их Рамиусу.

- Убедитесь сами.

Рамиус поднял пленки к свету и просмотрел их все, с первой до последней. Лицо его нахмурилось.

- Кто знает об этом?

- Только мы с вами, товарищ командир.

- Никому ни слова, ни одна живая душа не должна об этом знать. - Рамиус задумался. - А не может случиться так, что с пленками что-то не в порядке, что вы допустили ошибку во время проявления?

Петров выразительно покачал головой.

- Нет, товарищ командир. Только вы, капитан Бородин и я имеем право доступа к ним. Как вам известно, я произвел проверку качества дозиметров за три дня до выхода в море - проявил выбранные произвольно образцы из каждой партии. - Петров никогда не признался бы, что он, как поступают обычно все, просто взял из коробки сверху несколько образцов, так что такой процесс отбора произвольным не назовешь.

- Я вижу, что максимальная доза радиации от десяти до двадцати рад. - Рамиус намеренно слегка занизил цифры. - Кому принадлежат эти дозиметры?

- Булганину и Сурпе. У торпедистов в носовой части лодки уровень радиации не превышает трех рад.

- Хорошо. Таким образом, нам удалось обнаружить незначительную - незначительную, Петров, - утечку радиации в машинном отделении. В худшем случае это какая-то утечка радиоактивных газов. Такое случалось и раньше, и никто не умер. Место утечки будет найдено и загерметизировано. Мы с вами

сохраним это в тайне. Нет смысла будоражить людей из-за подобной ерунды.

Петров кивнул, хотя ему было известно, что в 1970 году из-за утечки радиации на подлодке "Ворошилов" погибли несколько человек, а при аналогичной аварии на атомном ледоколе "Ленин" погибших было гораздо больше. Это случилось много лет назад, и врач не сомневался, что Рамиус справится с возникшей проблемой. Почему бы нет?

Пентагон

Кольцо "Е" было наружным и самым протяженным в здании Пентагона, а поскольку из его окон открывался более привлекательный вид, чем зрелище мрачных дворов, куда никогда не заглядывает солнце, здесь размещались кабинеты самых высокопоставленных служащих Министерства обороны. Один из таких кабинетов принадлежал начальнику оперативного управления Объединенного комитета начальников штабов - J-3. В настоящий момент кабинет пустовал. Его хозяин находился в полуподвальном помещении, которое обитатели Пентагона называли "танком". Его металлические стены были усеяны электронными излучателями шумов, исключавшими всякое электронное подслушивание.

Он находился там уже двадцать четыре часа, чего нельзя было сказать по его внешнему виду. Зеленые брюки начальника оперативного управления выглядели отменно отглаженными, рубашка цвета хаки сохраняла складки, воротник безукоризненную форму, а галстук аккуратно удерживала на месте золотая булавка с эмблемой корпуса морской пехоты. Генерал-лейтенант Эдвин Харрис не был дипломатом, но сейчас он выступал в роли миротворца. Странное занятие для морского пехотинца.

- Черт побери! - послышался голос адмирала Блэкборна, главнокомандующего Атлантическим флотом. Рядом с ним сидел начальник его оперативного управления контр-адмирал Пит Станфорд. - Да разве можно так вести операцию?

В помещении присутствовали также все члены Объединенного комитета начальников штабов, и все были согласны с Блэкборном.

- Послушай, Блэки, я ведь говорил, кто отдал такой приказ, - Голос генерала Хилтона, председателя Объединенного комитета начальников штабов, звучал устало.

- Я все понимаю, генерал, но это операция, проводимая главным образом подлодками, верно? Мне нужно подключить к ней Винса Галлери, а тебе с твоей стороны было бы неплохо задействовать Сэма Доджа. Мы с Дэном - летчики-истребители, а Пит - специалист по противолодочной обороне, нам нужен настоящий подводник.

- Господа, - негромко произнес Харрис, - сейчас от нас требуется лишь одно: представить президенту план борьбы с советской угрозой. Давайте отложим пока проблему сбежавшего русского ракетоносца, а?

- Согласен, - кивнул Станфорд. - У нас и без него дел выше головы, Все внимание восьми генералов и адмиралов сосредоточилось на столе с картами. Пятьдесят восемь советских подлодок и двадцать восемь надводных военных кораблей, а также множество танкеров и вспомогательных судов несомненно направлялись к берегам Северной Америки. Американский военно-морской флот

мог выставить против этой опасности всего один авианосец. Второй - британский "Инвинсибл" - намного уступал "Кеннеди" по своей ударной мощи. Таким образом, угроза была несомненной. В общей сложности советские корабли имели на борту более трехсот крылатых ракет класса "корабль-корабль". И хотя считалось, что ракеты такого класса предназначены главным образом для борьбы с вражескими кораблями, по меньшей мере треть из них несли ядерные боеголовки, а такого количества было вполне достаточно, чтобы полностью опустошить Восточное побережье Соединенных Штатов. Находись советские корабли где-то у Нью-Джерси, в сферу поражения ракет попадали американские города от Бостона до Норфолка.

- Джош Пейнтер предлагает держать "Кеннеди" у побережья, - заметил адмирал Блэкборн. - Он хочет вести противолодочные операции с авианосца, перебросив эскадрильи своих легких ударных самолетов на береговые аэродромы и заменив их S-3. Тогда он разместит "Инвинсибл" на своем правом фланге, обращенном в сторону моря.

- Мне это не нравится, - произнес генерал Харрис. Такой план был не по душе и Питу Станфорду, и они заранее договорились, что оперативное управление J-3 выдвинет свой план, отличный от замысла Пейнтера. - Господа, если в нашем распоряжении окажется только одна авианосная палуба, нам нужно полностью использовать все преимущества авианосца, а не превращать его в огромную платформу для противолодочной обороны.

- Что ты предлагаешь, Эдди? - спросил Хилтон.

- Давайте переместим "Кеннеди" вот сюда. - Он передвинул значок, обозначающий авианосец, к западу от Азорских островов. - У Джоша останутся его ударные эскадрильи. "Инвинсибл" окажется ближе к берегу и займется противолодочной обороной. Ведь англичане для этого его и готовили, верно? Говорят, что в противолодочной обороне им нет равных. "Кеннеди" - мощный наступательный авианосец, его задача заключается в том, чтобы создать угрозу русским. Если мы разместим наши силы таким образом, "Кеннеди" и составит подобную угрозу. Занимая положение вот здесь, он сможет угрожать русским надводным кораблям за пределами дальности действия их крылатых ракет "корабль-корабль"...

- А что еще лучше, - вмешался Станфорд, указывая на силуэты кораблей на карте, - составит угрозу их силам поддержки. Если русские потеряют свои танкеры, у них не хватит топлива для возвращения домой. Чтобы ликвидировать угрозу со стороны нашего авианосца, им придется произвести передислокацию своих сил. Для начала они будут вынуждены перевести авианосец "Киев" дальше от берега и таким образом в какой-то мере обеспечить вспомогательным судам прикрытие от "Кеннеди". Мы сможем использовать освободившиеся S-3 с береговых аэродромов, и они по-прежнему будут патрулировать те же самые районы. - Он провел линию в пятистах милях от берега.

- При этом, однако, "Инвинсибл" окажется оголенным, - заметил адмирал Фостер, командующий морскими операциями.

- Джош просил несколько S-3 для прикрытия англичан. - Блэкборн посмотрел на начальника штаба ВВС генерала Клэра Барнза.

- Раз просит - дадим, - сказал Барнз. - Начиная с раннего утра завтрашнего дня над "Инвинсиблом" будет барражировать самолет раннего

радиолокационного обнаружения "сентри", а если вы переместите его ближе к побережью, будем поддерживать это круглые сутки. Если хотите, могу подбросить для усиления авиакрыло "иглов".

- Что ты хочешь взамен, Макс? - спросил Фостер. Только Барнза никто не осмеливался называть по имени.

- Я вот вижу, что здесь находится авиакрыло с "Саратоги", которое бездельничает. О'кей, к субботе я размещу пятьсот тактических истребителей на базах от Дувра до Лоринга. Однако мои ребята не шибко разбираются в борьбе с кораблями. Им придется научиться этому, и как можно быстрее. Я хочу, чтобы вы послали своих парней, которые работали бы вместе с моими, и мне нужны ваши "томкэты". Мне нравится сочетание действий истребителей с ракетами. Пусть одна эскадрилья действует с Исландии, а другая - из Новой Англии. Таким образом мы сможем следить за русскими "медведями", которые направятся в нашу сторону. Пожалуй, я готов еще пойти вам навстречу - если хотите, мы пошлем несколько заправщиков в Ладжес, чтобы снабжать птички "Кеннеди" горючим и помочь им дольше оставаться в воздухе.

- Твое мнение, Блэки? - спросил Фостер.

- Согласен, - кивнул Блэкборн. - Меня беспокоит лишь то, что у "Инвинсибла" противолодочная мощь не так велика.

- Давайте усилим ее, - предложил Станфорд. - Как вы отнесетесь к тому, адмирал, если мы выведем "Тараву" из базы в Литтл-Крик и объединим ее с группой "Нью-Джерси"? Тогда у них будет дюжина противолодочных вертолетов и семь или восемь "харриеров".

- Отличная мысль, - тут же отозвался Харрис. - В этом случае два миниавианосца с внушительной ударной силой встанут прямо на пути русских соединений. Тогда "Кеннеди" займет позицию тигра в засаде к востоку от них, а к западу разместятся несколько сотен тактических истребителей. И в этом случае русские попадут в ловушку, из которой выход только в одну сторону - назад. Тогда у нас появится больше возможностей бороться с подводной угрозой, чем при любой другой ситуации.

- А сможет "Кеннеди" в одиночку справиться с задачей? - спросил Хилтон.

- Без сомнения, - ответил Блэкборн. - Мы в состоянии ликвидировать любую из этих групп, а то и две из четырех в течение одного часа. А уж те, что ближе к побережью, - твоя забота, Макс.

- Сколько времени вы вдвоем репетировали эту сцену? - спросил генерал Максуэлл, командующий корпусом морской пехоты, у начальника оперативного управления. Все засмеялись.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Прежде чем приступить к поискам источника радиации, старший механик Мелехин убрал из реакторного отсека всех матросов. Здесь остались только Рамиус и Петров, вахтенные механики и один из молодых лейтенантов, Свиядов. У всех трех офицеров в руках были счетчики Гейгера.

Реакторный отсек был огромным, так как должен был соответствовать колоссальным размерам бочкообразного стального реактора. Хотя реактор был заглушен, на ощупь он был еще теплым. Автоматические датчики радиации

находились во всех углах помещения, место размещения каждого из них было обозначено красным кругом. Датчики были установлены также на носовой и кормовой переборках. Из всех отсеков подлодки это помещение было самым чистым - его стальные палуба и переборки были белоснежными, чтобы при выходе из строя даже всех датчиков радиации малейшая утечка охлаждающей жидкости из реактора, была бы тут же видна.

Свиядов взобрался по алюминиевой лестнице, укрепленной на кожухе реактора, чтобы провести датчиком по каждому сварному шву и стыку. Громкость сигнала счетчика Гейгера была установлена на максимум, так что все, кто находились в отсеке, могли его услышать. Кроме того, Свиядов вставил в ухо крохотный наушник с еще большей чувствительностью. Лейтенанту был всего двадцать один год, и он изрядно нервничал. Только дурак чувствует себя в безопасности, занимаясь проверкой реактора. В советских ВМС бытовала шутка: "Как отличить моряка с Северного флота?" - "Он светится в темноте". Только на берегу такая шутка могла казаться смешной. Свиядов знал, что ему поручили искать место утечки, потому что он самый молодой, наименее опытный и в крайнем случае без него можно обойтись. Пытаясь дотянуться до всех стыков и швов на трубопроводах реактора, он с трудом сдерживал дрожь в коленках.

Счетчик Гейгера не молчал, и при каждом щелчке, вызванном пролетом случайной частички через трубку с ионизированным газом, что-то судорожно сжималось у лейтенанта в желудке. Свиядов постоянно поглядывал на показания счетчика. До сих пор уровень радиации оставался в допустимых пределах, излучение почти не регистрировалось. Кожух реактора был четырехслойным, а каждый слой из особопрочной нержавеющей стали имел в толщину несколько сантиметров. Пространства между этими стальными слоями были заполнены поочередно смесью бария с водой, свинцом и, наконец, полиэтиленом. Все это предназначалось для того, чтобы не допустить утечки нейтронов и гамма-частиц. Сочетание стали, бария, свинца и пластика успешно удерживало опасные элементы атомного распада, позволяя выделяться лишь небольшому количеству тепла. Цифры на счетчике Гейгера - к великому облегчению лейтенанта Свиядова - были заметно ниже, чем на солнечном пляже в Сочи. Выше всего показания оказались рядом с лампочкой накаливания, так что молодой офицер удовлетворенно улыбнулся.

- Все показания в норме, - доложил он.

- Повторите проверку еще раз, - приказал Мелехин, - с самого начала.

Через двадцать минут Свиядов, весь взмокший от жары под потолком отсека, доложил об аналогичных результатах повторного осмотра, затем неуклюже спустился вниз, с трудом передвигая затекшие руки и ноги.

- Можете курить, - разрешил Рамиус. - Вы хорошо поработали, товарищ лейтенант.

- Спасибо, товарищ командир. Там чертовски жарко от ламп и труб, охлаждающих реактор. - Лейтенант передал Мелехину счетчик Гейгера. На нижней шкале, регистрирующей суммарную дозу, цифра была заметно ниже допустимой.

- Не исключено, что к нам попали зараженные дозиметры, - недовольно проворчал старший механик. - И это не в первый раз. Какой-нибудь шутник на заводе или на складе - занятие для наших друзей из ГРУ. Вредители! За такую шутку можно схлопотать и пулю в затылок.

- Пожалуй, - усмехнулся Рамиус. - Помните случай на "Ленине"? - Командир имел в виду атомный ледокол, который два года простоял у причала - его не выпускали в море из-за повышенной радиации в реакторном отсеке. - А там все дело было в том, что какой-то чокнутый механик посоветовал коку прожарить заскорузлые от нагара сковородки на пару из реактора. Так вот, этот идиот спустился к парогенератору, открыл контрольный клапан и сунул под пар свои сковородки!

- Как же, конечно помню! - Мелехин закатил в ужасе глаза. - Я служил тогда в инженерном управлении штаба флота. Командир ледокола попросил, чтобы ему прислали кока-казаха...

- Да, командиру нравился плов с кониной, - заметил Рамиус.

- ., вот и прислали кока, который не имел ни малейшего представления о корабле. И сам погиб, и еще троих матросов загубил, и весь долбаный реакторный отсек заразил на двенадцать месяцев! Командир ледокола только в прошлом году вышел из лагеря строгого режима.

- Зато сковородки свои кок наверняка вычистил, - усмехнулся Рамиус.

- Это уж точно, Марк Александрович, - лет через пятьдесят ими даже можно будет пользоваться! - хрипло захохотал Мелехин.

Не та шутка при молодом офицере, подумал Петров. Нет ничего смешного, абсолютно ничего, в повышенной радиации. Впрочем, Мелехин славился своим черным юмором, и врач пришел к выводу, что после двадцати лет работы с реакторами старший механик и командир научились равнодушно относиться к потенциальной опасности. К тому же в рассказе было и разумное предостережение: никогда не пускайте в реакторный отсек тех, кто не имеют к нему отношения.

- Очень хорошо, - произнес Мелехин, - а теперь проверим трубы в генераторном отсеке. Пошли, Свиядов, нам все еще нужны ваши молодые ноги.

В следующем отсеке, расположенном ближе к корме, размещались теплообменник и парогенератор, турбогенераторы переменного тока и вспомогательное оборудование. Главные турбины находились в соседнем отсеке, который сейчас бездействовал, потому что гусеница работала на электроприводе. В любом случае пар, приводивший их во вращение, был чистым, поскольку радиоактивность допускалась лишь во внутреннем контуре. Хладагент, несущий в себе непродолжительную, но опасную радиоактивность, никогда не превращался в пар. Пар образовывался во внешнем цикле из незараженной воды. Две системы водоснабжения встречались, но никогда не смешивались внутри теплообменника, который являлся наиболее вероятным местом утечки хладагента из-за многочисленных стыков и клапанов.

Для проверки этой более сложной системы с множеством труб потребовалось пятьдесят минут. Эти трубы не были так хорошо изолированы, как в предыдущем отсеке. Свиядов дважды едва не обжегся, и, когда закончил первую проверку, его лицо было мокрым от пота.

- Показания и здесь в норме, - доложил он.

- Отлично, - кивнул Мелехин. - Спуститесь вниз, отдохните и затем повторите проверку.

Свиядов едва удержался от того, чтобы поблагодарить своего начальника за проявленную заботу, но это было бы ошибкой. Для молодого преданного

офицера и комсомольца никакой труд не в тягость. Он осторожно спустился на палубу, и Мелехин дал ему еще одну сигарету. Старший механик поседел на службе и требовал от своих людей максимальной бдительности, хотя и заботился об их благополучии.

- Спасибо, товарищ стармех, - поблагодарил его Свиядов. Петров подставил складной стул.

- Садитесь, товарищ лейтенант, отдохните немного. Лейтенант Свиядов опустился на подставленный стул и вытянул ноги, чтобы восстановить кровообращение. Офицеры в училище подводного плавания имени Ленинского комсомола говорили, что ему повезло с этим назначением. Рамиус и Мелехин были лучшими офицерами на флоте, способными, как никто другой, и научить молодых лейтенантов профессиональным навыкам, и позаботиться о них.

- Эти трубы действительно нуждаются в более качественной изоляции, - заметил Рамиус.

Мелехин отрицательно покачал головой.

- Тогда их проверка станет слишком сложной, - возразил он и передал командиру счетчик Гейгера.

- Никакой опасности, - заметил Рамиус, считав суммарные данные с нижней шкалы счетчика. - Можно больше облучиться, поработав на огороде.

- Совершенно верно, - согласился Мелехин. - Шахтеры и то получают большую дозу от радона, скапливающегося в шахтах. А у нас дело, скорее всего, в дефектных дозиметрах, у меня нет другого объяснения. Разве нельзя проверить всю партию?

- Можно, конечно, - ответил Петров, - но в этом случае из-за продолжительности нашего плавания придется несколько дней не пользоваться значками-дозиметрами. Боюсь, это противоречит существующим правилам.

- Вы совершенно правы, товарищ доктор, - согласился Рами-ус. - С другой стороны, нагрудные значки всего лишь подстраховывают вот эти более надежные приборы. - Он показал на датчики в отсеке.

- Вы действительно хотите еще раз проверить надежность труб? - спросил Мелехин.

- Думаю, это необходимо, - ответил Рамиус. Свиядов выругался про себя, уставясь в палубу.

- Когда речь идет о безопасности личного состава, лишних мер предосторожности не бывает, - назидательно произнес Петров. - Ничего не поделаешь, товарищ лейтенант.

До начала проверки корабельный врач испытывал глубокое чувство беспокойства, а теперь его страхи исчезли.

Час спустя вторая проверка генераторного отсека была завершена. Петров отвел Свиядова в медпункт, где дал ему соляные таблетки и напоил чаем, чтобы ликвидировать последствия обезвоживания организма. Старшие офицеры разошлись, и Мелехин приказал снова включить реактор.

Матросы вернулись в машинное отделение и заняли свои места, с беспокойством поглядывая друг на друга. Случайно ли офицеры только что провели проверку "горячих" отсеков на радиацию? Матрос, исполнявший обязанности санитара, казался бледнее обычного и не отвечал на вопросы. Многие механики тревожно ощупывали свои нагрудные значки-дозиметры и

поглядывали на часы, с нетерпением ожидая конца вахты.

День восьмой

Пятница, 10 декабря

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

Райан проснулся в темноте. Шторки на двух маленьких иллюминаторах были задернуты. Он несколько раз тряхнул головой, стараясь отогнать сон, и огляделся по сторонам, оценивая, что происходит вокруг. "Инвинсибл" раскачивался на волнах - хотя и меньше прежнего. Райан встал, подошел к иллюминатору, отодвинул шторку и увидел за кормой багряный свет заката под низко клубящимися облаками. Он посмотрел на часы и после несложных подсчетов заключил, что по местному времени сейчас шесть часов вечера. Следовательно, ему удалось проспать почти шесть часов. Райан чувствовал легкую головную боль, явно от бренди - лишний аргумент против теории, что после хорошего спиртного голова болеть не будет. Мышцы тоже одеревенели, и он сделал несколько приседаний, чтобы размяться.

Рядом с каютой находился небольшой туалет - гальюн, поправил себя Райан. Он несколько раз плеснул в лицо холодной водой и прополоскал рот, стараясь не смотреть в зеркало. Впрочем, сделать это придется, решил он. Самозванец он или нет, а форма морского офицера обязывает. Понадобилась минута, чтобы пригладить волосы и привести в порядок мундир. В ЦРУ неплохо сумели его подогнать, особенно если принять во внимание недостаток времени. Закончив, он вышел в коридор и направился к адмиральскому мостику.

- Чувствуете себя лучше, Джек? - Адмирал Уайт сделал жест в сторону подноса с чашками. В них был всего лишь чай, но для начала годилось и это.

- Благодарю вас, адмирал. Я вполне пришел в себя. Полагаю, что успел к ужину.

- К завтраку, - улыбнулся Уайт.

- Что.., извините, адмирал? - Райан недоуменно покачал головой. Он все еще не пришел в себя.

- Это восход, капитан, а не закат. Приказы изменились, и мы снова направляемся на запад. "Кеннеди" полным ходом идет на восток, а наше соединение займет позицию у побережья.

- Кто отдал такой приказ?

- ГЛАВКОМАТФЛОТ. Насколько я понял, это совсем не понравилось Джошуа. Пока вам приказали оставаться с нами, и при таких обстоятельствах мне показалось разумным не будить вас. Вам нужно было выспаться.

Значит, я проспал восемнадцать часов, подумал Райан. Не мудрено, что так затекли мышцы.

- Зато теперь выглядите вы куда лучше. - Уайт встал со своего кожаного вращающегося кресла, взял Райана под руку и повел в сторону кормы. - Пора завтракать. Я ждал вас. Капитан Хантер посвятит вас в изменившиеся планы. Мне сообщили, что через несколько дней погода улучшится. Эскортные корабли меняются местами. Теперь мы будем действовать с вашей группой "Нью-Джерси".

Через двенадцать часов начинаем противолодочные операции. Хорошо, что сумели выспаться, дружище. Поверьте, это вам весьма пригодится.

- Где можно побриться, сэр? - Райан провел ладонью по лицу.

- У нас по-прежнему разрешено носить бороды. Давайте подождем до конца завтрака.

Хотя адмиральские апартаменты на авианосце флота Ее величества "Инвинсибл" и уступали по роскоши каюте адмирала Пойнтера на "Кеннеди", но лишь немногим. У адмирала Уайта была собственная столовая. Стюард в белой ливрее умело обслужил их, приготовив третий прибор для капитана первого ранга Хантера, который появился через несколько минут. Когда между офицерами начался разговор, стюард неслышно удалился.

- Итак, через два часа у нас состоится рандеву с парой ваших фрегатов типа "нокс". Мы уже видим их на экране радиолокаторов. Еще два фрегата 1052-х, а также танкер и два "перри" присоединятся к нам в течение следующих тридцати шести часов. Они шли домой из Средиземного моря. Вместе с нашими собственными эскортными кораблями это составит девять боевых единиц. Мне кажется, достаточно внушительная эскадра. Мы займем позицию в пятистах милях от побережья, причем соединение "Тарава" - "Нью-Джерси" будет находиться в двухстах милях к западу от нас.

- "Тарава"? - недоуменно спросил Райан. - Зачем нам полк морской пехоты?

- Между прочим, не такая уж плохая мысль, - закончил краткое объяснение Хантер. - Мне представляется забавным, что теперь, когда "Кеннеди" устремился к Азорам, на нас возложена задача охранять американское побережье. - Он усмехнулся. - Пожалуй, впервые Королевский военно-морской флот занимается этим - во всяком случае с тех времен, когда побережье принадлежало нам.

- А что русские?

- Первые "альфы" достигнут ваших берегов сегодня вечером, четыре из них опережают остальные. Советский надводный флот вчера вечером прошел Исландию. Он разделен на три эскадры. Первая концентрируется вокруг авианосца "Киев", в нее входят два крейсера и четыре эсминца; вторая, по-видимому флагманская, состоит из "Кирова" с тремя крейсерами и шестью эсминцами; в состав третьей эскадры входит "Москва", сопровождаемая еще тремя крейсерами и семью эсминцами. У меня создалось впечатление, что Советы собираются использовать соединения "Киева" и "Москвы" ближе к побережью, а боевая группа "Кирова" будет прикрывать их со стороны моря. Однако передислокация "Кеннеди" может заставить русских изменить свои планы. Независимо от всего этого у советского флота большое количество ракет класса "корабль-корабль", и мы чувствуем себя потенциально в немалой опасности. Чтобы помочь нам, ваше командование ВВС выделило один Е-3 "сентри", который прибудет сюда через час для совместных учений с нашими "харриерами", а когда наше соединение перейдет дальше на запад, мы получим поддержку со стороны самолетов, базирующихся на береговых аэродромах. В целом нашему положению трудно позавидовать, но и у Ивана положение не лучше. Что касается обнаружения "Красного Октября", - Хантер пожал плечами, - организация поиска будет зависить от того, как русские разместят свои силы. Сейчас мы занимаемся

главным образом слежением. Передовая "альфа" находится в восьмидесяти милях к северо-западу от нас и мчится со скоростью больше сорока узлов. За ней следует наш вертолет - в этом и заключается слежение, - закончил начальник оперативного управления британского соединения. - Вы не хотите пройти с нами вниз?

- Как ваше мнение, адмирал? - Райану хотелось побывать в центре боевой информации "Инвинсибла".

- Да, конечно.

Через тридцать минут Райан оказался в темном тихом помещении, стены которого покрывали многочисленные электронные приборы и экраны с проецируемыми на них картами. Атлантический океан кишел русскими подводными лодками.

Белый дом

Советский посол вошел в Овальный кабинет минутой раньше назначенного срока, в 10.59. Это был невысокий полный мужчина с широким славянским лицом и непроницаемым взглядом, которым мог бы гордиться профессиональный картежник. Он был кадровым дипломатом, занимал видные посты, работал во многих Западных странах, словом, уже тридцать лет был в номенклатуре Иностранного отдела ЦК КПСС.

- Доброе утро, господин президент, доктор Пелт, - вежливо приветствовал Алексей Арбатов американцев, находившихся в кабинете. Он сразу обратил внимание на то, что президент остался сидеть за письменным столом. Раньше он всегда вставал навстречу, обменивался с ним рукопожатием и затем садился рядом.

- Если желаете, налейте себе кофе, - произнес доктор Пелт. Арбатов был хорошо знаком с помощником президента по национальной безопасности. До службы в Белом доме Джеффри Пелт являлся видным политологом и сотрудником Центра стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета - враг, но хорошо воспитанный, культурный враг. Арбатов любил хорошие манеры и культурное поведение. Сегодня Пелт стоял рядом со своим боссом, не желая слишком близко подходить к "русскому медведю". Арбатов решил воздержаться от кофе.

- Господин посол, - начал Пелт, - мы обратили внимание на заметный рост числа советских кораблей в Северной Атлантике, что немало нас тревожит.

- Вот как? - Брови Арбатова удивленно поползли на лоб, что, впрочем, никого не обмануло. Он отлично понимал это. - Я не знал этого. Как вам известно, я никогда не служил на флоте.

- Может быть, не станем морочить друг другу голову, а? - заметил президент. Подобная резкость ничуть не удивила Арбатова. Наоборот, она напомнила послу поведение советских руководителей, и рядом с американским президентом, как и в России, стояли профессионалы вроде доктора Пелта, готовые сгладить острые углы. - Почти сотня советских боевых кораблей действует сейчас в Северной Атлантике или направляется к нашим берегам. Несколько лет назад председатель Нармонов и мой предшественник договорились, что подобные операции не будут проводиться без заблаговременного

уведомления. Как вам известно, такая договоренность была достигнута для того, чтобы не допустить возникновения ситуации, которая могла бы показаться провокационной другой стороне. Эта договоренность строго выдерживалась - до сих пор.

И вот теперь мои военные советники докладывают мне, что в Северной Атлантике проводится нечто, крайне напоминающее военные маневры, более того, грозящее стать началом военных действий. Каким образом можно провести разграничительную черту между первым и вторым? Сейчас ваши корабли проходят к востоку от Исландии и скоро окажутся способными перерезать наши торговые коммуникации с Европой. Возникла ситуация, которая является по меньшей мере тревожной, более того, способной повлечь за собой серьезные и непредсказуемые последствия. Масштабы предпринятых вами действий еще не стали известны широкой публике. Но это скоро изменится, и тогда, Алекс, американский народ потребует от меня решительных действий.

Президент сделал паузу, ожидая ответной реакции от советского посла, но тот всего лишь кивнул.

- Господин посол, - теперь речь президента продолжил Пелт, - ваша страна сочла возможным нарушить соглашение, которое в течение ряда лет служило образцом сотрудничества между Востоком и Западом. Неужели вы полагаете, что мы можем отнестись к вашим действиям как-то иначе, чем как провокации?

- Господин президент, доктор Пелт, уверяю вас, я не имею ни малейшего представления о происходящем. - Арбатов лгал с предельной искренностью, достойной настоящего дипломата. - Я обещаю немедленно связаться с Москвой и запросить факты, имеющие отношение к делу. Вы не желаете передать что-нибудь от вашего имени?

- Да. И вы сами и ваши руководители в Москве не можете не понимать, что мы развернем наши корабли и самолеты для наблюдения за вашими кораблями, - заявил президент. - Этого требует элементарная осторожность. Мы не имеем ни малейшего желания вмешиваться в проводимые вашими силами законные операции. Мы отнюдь не собираемся предпринимать действия, которые могут быть истолкованы как провокационные, но в соответствии с духом и буквой соглашения между нашими странами имеем право знать, что происходит, господин посол. До тех пор пока ситуация не прояснится, мы не сможем дать своим силам определенные указания. Вашему правительству следует принять во внимание, что такое близкое соприкосновение ваших кораблей и самолетов с нашими кораблями и самолетами может привести к очень опасным последствиям. Не исключены несчастные случаи. Действия, предпринятые одной стороной и при другой ситуации истолкованные как не вызывающие опасений, могут теперь приобрести совершенно иную окраску. Вот так и начинаются войны, господин посол. - Президент откинулся на спинку кресла, давая возможность послу лучше уяснить сказанное. Когда он снова заговорил, его тон был менее резким. - Разумеется, я считаю такую возможность маловероятной, но разве не безответственно идти на подобный риск?

- Господин президент, вы, как всегда, ясно выразили свою точку зрения, но ведь вам известно, что морское пространство свободно для прохода всех кораблей, и потому...

- Господин посол, - прервал Арбатова доктор Пелт, - давайте рассмотрим простой пример. Ваш сосед начинает расхаживать по своему участку с заряженным ружьем в руках, в то время как рядом, в вашем собственном дворе, играют ваши дети. В нашей стране подобные действия не будут считаться нарушением закона - с формальной точки зрения. Но даже в этом случае, неужели это не вызовет у вас беспокойства?

- Да, конечно, доктор Пелт, но ситуация, которую вы описали, резко отличается...

В разговор снова вмешался президент.

- Вы совершенно правы, господин посол, ситуация действительно совершенно иная. Более того, сейчас она куда более опасная. Возникшая ситуация является нарушением достигнутого соглашения, и я считаю такое нарушение вызывающим особую тревогу. Я надеялся, что начинается новая эра в отношениях между Советским Союзом и Америкой. Мы урегулировали наши торговые разногласия, только что подписали договор о поставках зерна. Вы, господин посол, сыграли в этом видную роль. Америка и Советский Союз начали продвигаться вперед в своих отношениях - так неужели происходящее станет концом всему? - Президент выразительно покачал головой. - Я не верю в это, но выбор пути зависит теперь от вас. Отношения между нашими странами могут основываться только на доверии.

Господин посол, надеюсь, я не слишком встревожил вас. Вы знаете, что я предпочитаю говорить прямо. Мне не нравятся хитрые игры и изощренные уловки дипломатии. Когда возникают подобные ситуации, мы должны устранять их быстро и решительно. Мои военные крайне озабочены и мне необходимо знать - сегодня, - что замышляет ваш флот. Не позже семи вечера я жду ответа. В противном случае я свяжусь прямо с Москвой и потребую объяснений. Арбатов встал.

- Господин президент, я немедленно передам ваш запрос. Прошу вас, однако, принять во внимание разницу во времени между Москвой и Вашингтоном...

- Мне известно, что у вас уже начался уик-энд и что Советский Союз - земной рай для трудящихся, но все-таки надеюсь, что кто-то из ваших руководителей, несущих ответственность за судьбу страны, находится на рабочем месте. Короче говоря, я больше не смею задерживать вас. До свиданья.

Пелт проводил Арбатова и затем вернулся в Овальный кабинет.

- Может быть, я говорил с ним излишне резко, - заметил президент.

- Да, сэр. - По мнению Пелта, президент явно вышел за пределы разумной вежливости. Сам Пелт не испытывал к советскому послу особого расположения, но считал необходимым соблюдать тонкости дипломатического этикета. - Думаю, вам удалось дать понять ему, что нас беспокоит.

- Он знает, в чем дело.

- Знает, конечно. Но не догадывается, что и нам это известно.

- "Мы полагаем", - по лицу президента пробежала гримаса отвращения. - Какими безумными играми нам приходится заниматься! И с каким сожалением, Пелт, я вспоминаю, как безмятежно жилось мне в бытность судьей. Сажал мафиози за решетку... Ты думаешь, он проглотит приманку, которую я подкинул ему?

- Насчет "законных операций"? Еще как! Вы видели, как дернулись у него

руки, когда он услышал эту фразу? Да он накинется на нее, как щука на пескаря! - Пелт подошел к кофеварке и наполнил свою чашку. Ему нравился этот кофейный сервиз с элегантной золотой каемочкой. - Интересно, какое название для этих "законных операций" придумают русские? Скорее всего.., да, пожалуй, назовут это "спасательной операцией". Если сообщат, что это флотские учения, то признают, что нарушили протокол о заблаговременном предупреждении. А вот "спасательная операция" оправдывает резкое увеличение активности, поспешность, с которой она проводится, и скрытность действий. В советской прессе никогда не сообщают о таких мерах. Так что, думаю, русские назовут это "спасательной операцией", заявят, скажем, что пропала подводная лодка, может быть, пойдут так далеко, что сообщат об исчезновении подводного ракетоносца.

- Нет, на это они не решатся. У нас ведь заключено соглашение о том, что ракетоносцы не должны находиться у берегов обеих стран ближе, чем за пятьсот миль. Думаю, Арбатов уже получил инструкции о том, что ответить нам, но он постарается затянуть с ответом как можно дольше. Кроме того, нельзя исключить и того, что он не ознакомлен со всеми подробностями случившегося. Ты ведь знаешь, как у русских с секретностью - они скрывают друг от друга все, что возможно. Тебе не кажется, что мы преувеличиваем его способность напускать дипломатический туман?

- Не думаю, сэр. Один из принципов дипломатии, - заметил Пелт, - заключается в том, что для убедительной лжи нужно знать хотя бы часть правды.

Президент улыбнулся.

- Ну что ж, для такой игры у них было предостаточно времени. Надеюсь, моя запоздалая реакция их не разочарует.

- Нет, сэр. Алекс ожидал, наверно, что вы вышвырнете его за дверь.

- Должен заметить, что мне приходила в голову такая мысль. Его дипломатическое обаяние на меня не действует. У русских есть любопытная черта: уж очень они напоминают мне главарей мафии, с которыми мне приходилось иметь дело в суде. Такой же внешний лоск, культура и кажущаяся образованность, а под ними - полное отсутствие моральных принципов. - Президент недовольно покачал головой - он снова походил на ястреба. - Не уходи далеко, Джефф. Через несколько минут придет Джордж Фармер, но ты понадобишься мне, когда вернется наш русский друг.

Пелт вышел в коридор и направился к себе в кабинет, размышляя над последним замечанием президента. Оно было точным, признался он, хотя и слишком грубым. Нет большего оскорбления для образованного русского, чем назвать его некультурным - впрочем, перевод не передает всех оттенков значения. Скорее, человеком с низким интеллектом. Ведь те же самые люди, что сидят в позолоченных ложах Большого театра и способны прослезиться при последних тактах "Бориса Годунова", могут тут же, не моргнув глазом, отдать приказ о ликвидации сотни людей. Странные люди, еще более странные из-за их политической философии. Но президент бывает временами излишне резок, и Пелту хотелось, чтобы он научился сдерживаться. Одно дело - выступать перед ветеранами "Американского легиона" и совсем иное - беседа с послом иностранной державы.

Штаб-квартира ЦРУ

- У Кардинала неприятности, судья. - Риттер вошел в кабинет директора ЦРУ и сел.

- Ничего удивительного. - Мур снял очки и потер уставшие глаза. Когда Райан читал последнее донесение Кардинала, ему не показали сопроводительную записку от главы московской резидентуры, в которой говорилось, что Кардинал, посылая свое последнее донесение, обошел половину цепи связных, доставляющих его материалы из Кремля в посольство США. К старости этот агент становился излишне смелым. - И что говорится в донесении резидента? Дословно!

- Там сказано, что Кардинал слег в больницу с воспалением легких. Может быть, это и так, но...

- Он уже старик, там суровая зима, однако трудно верить в совпадения. - Мур посмотрел через стол на своего заместителя. - Как ты считаешь, а что будет, если русские сделают его двойным агентом и заставят работать на себя?

- Он тихо и незаметно выйдет из игры - умрет, так сказать. Все зависит от того, кто займется этим. Если КГБ, им захочется что-то получить от него, тем более что после смерти нашего друга Андропова их престиж заметно упал. Но я так не думаю. Принимая во внимание то какую должность занимает его покровитель, это вызовет слишком большой скандал. То же самое, если ту же попытку сделает ГРУ. Нет, они потратят несколько недель на допросы, затем незаметно покончат с ним. Открытый процесс принесет больше вреда, чем пользы.

Судья Мур нахмурился. Разговор напоминал беседу врачей, обсуждающих судьбу смертельно больного пациента. Мур даже не знал Кардинала в лицо. Где-то в досье хранилась его фотография, но директор ЦРУ не видел ее. Так всегда проще. Занимая должность судьи в апелляционном суде, Мур никогда не встречался с обвиняемым лицом к лицу - он всего лишь изучал приговор с точки зрения его законности. Перейдя в ЦРУ, он попытался перенести такую отрешенность и сюда. Мур знал, что его поведение могут истолковать как трусость и оно резко отличается от поведения, которого ждут от директора ЦРУ, но стареют даже шпионы, у стариков возникают сомнения и угрызения совести, что редко случается с молодыми сотрудниками. Да, пришло время покинуть ЦРУ. Почти три года на посту директора, вполне достаточно. Он достиг того, чего от него ждали.

- Передай главе резидентуры, чтобы он оставил его в покое. Никаких запросов относительно Кардинала. Если он действительно болен, то выздоровеет и снова свяжется с нами. Если нет, то и об этом нам скоро станет известно.

- Понял, сэр.

Риттеру удалось проверить достоверность донесений Кардинала. От одного агента ему стало известно, что советский флот, вышедший в море, усилен дополнительными политруками. Другой агент сообщил, что надводными кораблями командует известный адмирал, завоевавший высокую репутацию своими научными разработками, друг Горшкова. Он прилетел в Североморск и поднялся на борт "Кирова" за несколько минут до отплытия. Стало известно, что вместе с ним отправился инженер, принимавший участие в проектировании "Красного Октября".

Британский агент прислал донесение, где говорилось, что детонаторы для различных систем вооружения были поспешно доставлены на борт кораблей с военно-морских складов на берегу. Наконец, прибыл еще не подтвержденный доклад, что адмирал Коров, командующий Северным Флотом, исчез со своего командного пункта и его местонахождение установить не удалось. Все это стало достаточным подтверждением донесения "ИВЫ". В Лэнгли ожидали дальнейших докладов.

Военно-морская академия США

- Скип?

- А-а, как поживаете, адмирал? Не хотите посидеть со мной? - Тайлер указал на свободный стул у обеденного стола.

- Из Пентагона для вас сообщение. - Суперинтендант Военно-морской академии, бывший офицер-подводник, опустился на стул. - Вам назначено прибыть туда сегодня в 19.30. Это все, что передали.

- Отлично! - воскликнул Тайлер. Он только что закончил ланч. Начиная с понедельника, день ото дня он почти круглые сутки занимался разработкой программы, и теперь она была близка к завершению. Сообщение из Пентагона означало, что сегодня вечером ему предоставят компьютерное время на суперкомпьютере "Крей-2", принадлежащем ВВС.

- А в чем дело?

- Извините, сэр, не имею права рассказывать об этом. Вы ведь понимаете.

Белый дом

Советский посол прибыл в резиденцию главы исполнительной власти в четыре вечера. Чтобы избежать внимания прессы, он вошел в здание министерства финансов на противоположной стороне улицы, и оттуда по подземному туннелю - о существовании которого мало кто знал - его провели в Белый дом. Президент рассчитывал, что такая процедура встревожит Арбатова.

Пелт поспешно вошел в Овальный кабинет за несколько минут до посла.

- Господин президент, - доложил Арбатов, вытянувшись по стойке смирно. Президент не знал, что посол когда-то проходил воинскую службу. - Мне поручено передать вам сожаление нашего правительства по поводу того, что оно не сумело раньше проинформировать вас о сложившейся ситуации. Исчезла одна из наших атомных подлодок, и мы опасаемся, что с ней произошло несчастье. Сейчас проводится срочная операция по поиску подлодки и ее спасению.

Президент понимающе кивнул и пригласил посла сесть в кресло. Пелт сел рядом.

- Видите ли, господин президент, возникла неловкая ситуация. Вам хорошо известно, что служба на атомных подлодках у нас на флоте, как и у вас, исключительно ответственна и потому мы отбираем для такой службы наших самых образованных моряков, людей, на которых можно положиться. В данном случае несколько членов команды - офицеров конечно - являются сыновьями высокопоставленных партийных деятелей. Один из них - я не могу, разумеется, назвать его фамилию - сын члена Центрального комитета КПСС. Так что усилия,

предпринятые военно-морским флотом по поиску и спасению верных сынов родины, вполне объяснимы, хотя и, должен признаться, несколько беспорядочны. - Арбатов мастерски играл роль человека, смущенного создавшейся ситуацией и вынужденного открыть сокровенную семейную тайну. - Вот почему это вылилось в то, что ваши моряки называют операцией, в которой задействованы все силы. Вам известно, разумеется, что меры по спасению были приняты практически за одну ночь.

- Понимаю. - В голосе президента звучало сочувствие. - Теперь мне спокойнее, Алекс. Джефф, день подходит к концу. Не выпить ли нам чего-нибудь, а? Вам бурбон, Алекс?

- Да, сэр, благодарю.

Пелт подошел к шкафчику розового дерева у стены. В старинном шкафчике с изысканной инкрустацией находился небольшой бар с ведерком для льда, который ежедневно обновлялся. Президент порой любил пропустить стаканчик-другой перед ужином, чем напоминал Арбатову своих соотечественников. У доктора Пелта накопился немалый опыт по части исполнения обязанностей бармена при президенте. Через несколько минут он вернулся со стаканами в руках.

- Признаться, мы и сами думали, что это спасательная операция, - доверительно сказал Пелт.

- Не знаю, как бы наши парни справились со столь опасной работой, - заметил президент, делая несколько глотков. Арбатов не счел нужным сдерживать себя и осушил стакан. На здешних приемах с коктейлями он часто говорил, что предпочитает американский бурбон родной водке. Может быть, это и соответствовало истине. - Насколько я припоминаю, мы тоже в свое время потеряли две атомные подлодки. А какие потери у вас, Алекс - три или четыре?

- Не знаю, господин президент. Полагаю, ваши сведения надежнее моих, сэр. - Президент отметил, что советский посол впервые за вечер сказал правду. - Но я согласен с вами - профессия подводника весьма изнурительная и опасная.

- Сколько людей на борту пропавшей подлодки, Алекс? - спросил президент.

- Не имею представления. Думаю, человек сто, а может, и меньше. Мне ни разу не приходилось бывать на военном корабле.

- Зеленые юнцы, наверно, как в составе наших команд. Весьма печально, что взаимные подозрения вынуждают наши страны подвергать так много молодых людей подобным опасностям, когда существует риск не вернуться обратно. Но что поделаешь? - Президент замолчал и повернулся к окну.

На Южной лужайке таял снег. Пауза затягивалась, пора было произносить следующую реплику.

- А ведь мы, пожалуй, сможем прийти на помощь, - произнес президент, словно размышляя вслух. - Да, конечно, следует воспользоваться этой трагедией, чтобы хоть чуточку уменьшить взаимные подозрения. Может быть, из этого удастся извлечь какую-то пользу, продемонстрировать миру, что отношения между нашими странами улучшились.

Пелт отвернулся в поисках своей трубки. За столько лет дружбы с президентом он так и не понял, каким образом тому удается обернуть, казалось бы, самую проигрышную ситуацию в свою пользу. Они встретились еще в

Вашингтонском университете, где президент завершал юридическое образование, тогда как сам Пелт специализировался в политологии. В то время будущий президент страны был президентом любительского театрального общества. Не приходилось сомневаться, что актерские навыки немало способствовали его дальнейшей карьере. Ходили слухи, что по крайней мере один "крестный отец" был осужден и отправлен в тюрьму исключительно благодаря голой риторике прокурора. Президент любил говорить, что при исполнении своих обязанностей руководствовался только искренностью.

- Господин посол, я предлагаю вам помощь и ради поиска пропавшей подлодки и ваших соотечественников отдаю в распоряжение вашей страны все ресурсы Соединенных Штатов.

- Это весьма любезно с вашей стороны, господин президент, но...

- Никаких "но", Алекс. - Президент поднял руку. - Если мы не можем сотрудничать в столь трагический момент, как же нам рассчитывать на сотрудничество в других серьезных делах? Если мне не изменяет память, в прошлом году один из патрульных самолетов нашего флота потерпел аварию возле Алеутских островов, и ваш рыболовный траулер - на самом деле это было судно, занимающееся электронной разведкой, - взял на борт наших летчиков, спас им жизни. Алекс, мы перед вами в долгу, это долг чести, и никто не посмеет заявить, что Соединенные Штаты не платят свои долги! - Президент сделал эффектную паузу. - Только, увы, скорее всего, все они уже погибли. Не думаю, что при аварии подводной лодки у ее команды больше шансов уцелеть, чем при авиакатастрофе. Но по крайней мере семьи погибших будут знать, что случилось с их парнями. Джефф, у нас есть специальное снаряжение для спасения подводных лодок, попавших в беду?

- При тех огромных ассигнованиях, которые выделяются флоту? Наверняка есть. Я позвоню адмиралу Фостеру.

- Отлично, - кивнул президент. - Алекс, наивно рассчитывать, что наши взаимные подозрения исчезнут из-за помощи в таком пустяшном деле. И ваша история и наша красноречиво говорят об этом. Но пусть это станет первым крошечным шагом на пути к доверию между нашими странами. Если мы можем пожимать друг другу руки в космосе или за столом переговоров в Вене, может быть, это удастся нам и здесь. Я отдам необходимые распоряжения командующим родами войск, как только мы закончим нашу беседу.

- Спасибо, господин президент. - Арбатов старался скрыть беспокойство.

- И прошу вас передать мои самые глубокие соболезнования президенту Нармонову, а также семьям пропавших молодых людей. Я высоко ценю его доверие - и ваше тоже, - что нам была предоставлена эта информация.

- Непременно, господин президент. - Посол встал, обменялся с американцами рукопожатиями и покинул Овальный кабинет. Что же задумали американцы? Ведь он предостерегал Москву: стоит назвать поиски "Красного Октября" спасательной операцией, как они начнут соваться со своей помощью. Сейчас на дворе это их дурацкое Рождество, а американцы помешаны на "хэппи энде". Просто безумие не назвать поиски беглецов как-то иначе - и наплевать на дипломатический протокол.

И все-таки, несмотря ни на что, посол не мог не восхищаться американским президентом. Странный человек, такой, казалось бы,

простодушный, а полон коварства, почти всегда дружелюбный - и в то же время постоянно готов воспользоваться любой слабостью противника. Арбатов вспомнил рассказы бабушки о том, как цыгане подменивали младенцев - уж очень что-то президент походил на русского.

- Ну что ж, - заметил президент, после того как за советским послом закрылась дверь Овального кабинета, - теперь мы сможем внимательно следить за их действиями, и у русских не будет оснований на жалобы. Они лгут, и мы знаем об этом, а вот сами не подозревают, что нам это известно. Мы тоже лжем, и у них, несомненно, есть основания подозревать нас в этом, но они не могут понять, почему мы лжем. Боже милостивый! А ведь только сегодня утром я сказал ему, что опасность заключается в том, что мы не знаем причины происходящего. Так вот. Джефф, я все обдумал. Мне не нравится, что столько русских военных кораблей находится у наших берегов. Райан был прав, когда сказал, что Атлантика - это наш океан. Я хочу, чтобы наша авиация и военно-морской флот сплошь покрыли Северную Атлантику. Это действительно наш океан, и я хочу, чтобы русские поняли это, черт побери. - Президент осушил стакан. - Что касается сбежавшей лодки, пусть наши люди как следует осмотрят ее, а если кто-то из команды попросит политического убежища, мы позаботимся о них. Не поднимая шума, разумеется.

- Да, конечно. Практически заполучить русских офицеров с "Красного Октября" - достижение ничуть не меньшее, чем захват самого ракетоносца.

- Однако военно-морской флот все-таки хотел бы сохранить его.

- Не представляю, как можно сделать это без устранения всей команды, а этого делать мы не будем.

- Да, ты прав. - Президент вызвал звонком секретаря. - Соедините меня с генералом Хилтоном.

Пентагон

Вычислительный центр военно-воздушных сил находился в полуподвальном помещении Пентагона. Температура здесь была заметно ниже семидесяти градусов по Фаренгейту. Этого было достаточно, чтобы у Тайлера заныла нога - в том месте, где культя соединялась с протезом из металла и пластика. Но он уже привык к таким болям.

Тайлер сидел у пульта управления. Он только что закончил экспериментальный прогон своей программы, которую назвал "Мурена" - по имени хищного угря, населяющего океанские рифы. Скип Тайлер гордился своими способностями программиста. Он взял допотопную программу из картотеки в лаборатории Тейлора, адаптировал ее к языку, применяющемуся в министерстве обороны, АДА, названному так в честь леди Ады Лавлейс, дочери лорда Байрона, а затем сжал ее. У большинства программистов на это ушел бы месяц. Скип сделал все за четверо суток, работая почти без сна, и не только потому, что ему посулили большие деньги, но еще и по той причине, что это был профессиональный вызов. И теперь он был доволен собой: он не только сумел уложиться в практически немыслимый срок, но сделал это даже раньше. Сейчас было восемь вечера. Он только что прогнал "Мурену" через тесте одной переменной, и сбоя не произошло. Он был готов к работе.

Ему еще не приходилось видеть суперкомпьютер "Крей-2", разве что на фотографиях, и теперь Скип был доволен, что представилась возможность поработать на нем. "Крей-2" состоял из пяти блоков, - каждый с независимым электропитанием, все они имели форму пятиугольника около шести футов высотой и четырех в поперечнике. Наиболее крупный блок представлял собой универсальную вычислительную машину с процессором; остальные четыре, примыкавшие к нему в виде креста, были блоками памяти. Тайлер ввел команду загрузить набор переменных. Для каждого из главных параметров "Красного Октября" - длины, ширины и высоты - он ввел по десять дискретных цифровых величин. Затем пришла очередь шести слегка различающихся величин, касающихся формы корпуса лодки и коэффициентов преломления. Существовало пять вариантов размеров туннелей. В результате образовалось более тридцати тысяч возможных перестановок. Далее Скип ввел восемнадцать энергетических переменных, способных охватить диапазон вероятных двигательных установок. "Крей-2" принял эту информацию и разместил все числа в соответствующем порядке. Теперь он был готов к работе.

- О'кей, действуйте, - объявил Тайлер оператору, главному сержанту ВВС.

- Приступаю. - Сержант набрал на клавиатуре своего терминала команду "Выполнить". "Крей-2" приступил к работе. Тайлер подошел к пульту сержанта.

- Вы ввели неслабую программу, сэр. - Сержант выложил десятидолларовую банкноту на крышку консоли. - Держу пари, что моя крошка справится с нею за десять минут.

- Никогда в жизни. - Тайлер положил рядом с сержантской свою банкноту. - Не менее пятнадцати минут, а то и больше.

- Разницу делим пополам?

- Идет. Где здесь гальюн?

- Как выйдете отсюда, сэр, поверните направо, вдоль по коридору, и увидите дверь слева.

Тайлер направился к двери. Его раздражала неуклюжесть собственной походки, но за четыре года он притерпелся и научился справляться с собой. Главное, что он уцелел. Несчастный случай произошел холодной безоблачной ночью в Гротоне, штат Коннектикут, всего в квартале от главных ворот верфи. В три утра пятницы он ехал домой после двадцати часов работы на верфи, где готовил к выходу в море свою новую лодку. У штатского рабочего верфи позади был тоже длинный тяжелый день, и он заехал в любимый бар, где принял не один стаканчик - так потом установила полиция. Рабочий сел за руль, проехал на красный свет и врезался прямо в бок его "понтиака" на скорости пятьдесят миль. Для самого рабочего несчастный случай оказался смертельным. Скипу повезло больше. Катастрофа произошла на перекрестке, он ехал на зеленый свет и, когда заметил капот "форда" всего в футе от своей левой дверцы, было уже слишком поздно. Он не помнил, как влетел в витрину ломбарда, а вся следующая неделя, когда Скип барахтался между жизнью и смертью в больнице Нью-Хейвена, полностью стерлась из его памяти. Зато у него навсегда остался в памяти момент, когда он пришел в себя - потом ему сказали, что это произошло через восемь суток, - и увидел жену, Джин, которая сидела рядом и держала его за руку. До этого момента его семейная жизнь оставляла желать лучшего, что не было редкостью среди морских офицеров, плавающих на атомных подводных

лодках. В тот момент Джин не выглядела красавицей - красные от слез глаза, растрепанные волосы, - но еще никогда она не казалась ему такой прекрасной. Раньше ему не приходило в голову, насколько она важна для него - куда важнее, чем потерянная половина ноги.

- Скип? Скип Тайлер!

Бывший подводник нескладно повернулся и увидел морского офицера, бегущего ему навстречу.

- Джонни Коулман! Как ты поживаешь, черт побери? Теперь капитан первого ранга Коулман, заметил Тайлер. Дважды они вместе плавали на одной лодке - один год на "Текумсе", другой - на "Шарке". Коулман, специалист по вооружению, за это время командовал уже не одной атомной подлодкой.

- Как семья, Скип?

- С Джин все в порядке. У нас теперь пятеро, ждем шестого.

- Черт возьми! - Они радостно пожали друг другу руки. - Ну, ты по этой части всегда был на высоте. Слышал, ты преподаешь в Аннаполисе?

- Да, и время от времени занимаюсь техническими проектами.

- А здесь что делаешь?

- Да вот, прогоняю программу на компьютере ВВС. Надо проверить новую конфигурацию корабля для Управления морских систем. - Ответ прозвучал вполне правдоподобно. - А ты сейчас где?

- Работаю в ОР-02 начальником штаба у адмирала Доджа.

- Вот как?! - Слова друга произвели впечатление на Тайлера. Вице-адмирал Сэм Додж возглавлял в настоящее время управление ОР-02. Управление заместителя командующего морскими операциями по подводной войне контролировало все стороны деятельности подводных сил. - Наверно, работы - не продохнуть?

- Еще бы! А сейчас и вообще выше головы.

- Что ты имеешь в виду? - Тайлер не слушал новостей и не читал газет с прошлого понедельника.

- Ты что, шутишь?

- Я занимался этой компьютерной программой по двадцать часов в сутки с понедельника, да и оперативных донесений больше не получаю. - Тайлер нахмурился. На днях он слышал что-то в академии, но пропустил мимо ушей. Он принадлежал к числу людей, которые способны с головой уйти в работу.

Коулман посмотрел по сторонам. Был поздний вечер пятницы, и в коридоре было пусто.

- Пожалуй, я могу тебе рассказать. Наши русские друзья проводят какие-то крупные маневры. Весь их Северный флот, или почти весь, вышел в море. Их подлодки шныряют по всей Северной Атлантике.

- И чем занимаются?

- У нас нет точного представления. Похоже, проводят крупную поисково-спасательную операцию. Вот только вопрос, в чем она заключается? Четыре русских "альфы" несутся сейчас полным ходом к нашему побережью, а за ними следом гонится стая "викторов" и "чарли". Сначала мы беспокоились, что они собираются перерезать наши морские коммуникации, но русские промчались мимо них. Они определенно устремились к нашим берегам, и, хотя мы не знаем, что у них на уме, информацию получаем тоннами.

- Какими силами они располагают?

- Пятьдесят восемь атомных подлодок и примерно тридцать крупных надводных кораблей.

- Господи! КОМАТФЛОТ, должно быть, сходит с ума!

- Можешь не сомневаться. Весь наш флот тоже в море, все до последнего. Атомные подлодки поспешно меняют дислокацию. Все Р-3 "локхиды" или сейчас над Атлантикой, или спешат туда. - Коулман сделал паузу. - У тебя по-прежнему есть допуск?

- Разумеется, я ведь работаю с парнями из Кристалл-Сити. Принимал участие в оценке тактико-технических данных нового "Кирова".

- Мне показалось, что я узнал твой почерк. Ты всегда был отличным инженером. Знаешь, старик все еще вспоминает о том, что ты проделал для него на старом "Текумсе". Может быть, Мне удастся убедить его дать тебе возможность посмотреть на происходящее. Обязательно поговорю с ним Сразу после выпуска из инженерного училища подводников в Айдахо Тайлер получил назначение на подлодку к Доджу. Там он сумел закончить сложный ремонт вспомогательного реакторного оборудования на две недели раньше положенного благодаря технической сообразительности и дружеским каналам, с помощью которых удалось вовремя добыть запчасти. За это они с Доджем получили по благодарности и кучу цветистых похвал от начальства.

- Не сомневаюсь, старик будет рад повидаться с тобой. Ты когда здесь закончишь?

- Думаю, через полчаса.

- Знаешь, где найти меня?

- Разве ОР-02 перевели в другое помещение?

- Нет, мы находимся там же. Позвони мне, когда закончишь. Мой внутренний - 78730. Договорились? Мне пора.

- Пока. - Тайлер смотрел вслед старому другу, пока тот не скрылся, затем направился к туалету. Что же еще придумали русские? Как бы то ни было, происходит что-то важное, если вице-адмирал и капитан первого ранга, его заместитель, до ночи сидят вечером пятницы, да еще когда на носу Рождество.

- Одиннадцать минут 51.18 секунды, сэр, - доложил сержант, пряча в карман обе банкноты.

Компьютерная распечатка составила более двухсот страниц, сплошь покрытых цифрами. На верхнем листе была изображена волнистая колоколообразная кривая скоростных характеристик, а под нею кривая вероятности возможных шумов. Дальше шли решения для каждого варианта. Как и следовало ожидать, кривые выглядели довольно беспорядочно. Для кривой скорости большинство решений находится в диапазоне от десяти до двенадцати узлов, а его полная ширина охватывала величины от семи до восемнадцати узлов. Кривая шума была поразительно низкой.

- Сержант, у вас чертовски умная машина.

- - Вы совершенно правы, сэр. И очень надежная. За весь месяц у нас не было ни одного электронного сбоя.

- Можно отсюда позвонить?

- Конечно, сэр, выбирайте любой из телефонов.

- Спасибо, сержант. - Тайлер взял трубку самого ближнего. - Да, чуть не

забыл. Сотрите программу.

- О'кей. - Сержант набрал инструкции на клавиатуре терминала. - "Мурена".., стерта. Надеюсь, у вас остался второй экземпляр, сэр.

Тайлер кивнул и набрал номер.

- ОР-02А, капитан первого ранга Коулман слушает.

- Джонни, это Скип.

- Отлично! Знаешь, старик ждет тебя с нетерпением. Иди прямо к нам.

Тайлер положил распечатку в портфель и запер его. Он еще раз поблагодарил сержанта и поковылял к двери. Снова оглянувшись на "Крей-2", он подумал, что хорошо бы еще когда-нибудь поработать на этой машине.

Ему не удалось найти действующий лифт и потому пришлось тащиться вверх по пологому пандусу. Через пять минут у входа в коридор он увидел морского пехотинца.

- Вы - капитан третьего ранга Тайлер, сэр? - спросил охранник. - У вас есть удостоверение личности?

Тайлер показал капралу свой пропуск в Пентагон, одновременно пытаясь понять, сколько одноногих офицеров-подводников может проходить здесь за сутки.

- Спасибо, капитан. Идите по этому коридору. Вы знаете номер комнаты?

- Да, конечно. Спасибо, капрал.

Вице-адмирал Додж сидел на краю стола, читая донесения, отпечатанные на папиросной бумаге. Это был небольшой напористый мужчина, он завоевал репутацию боевого командира-подводника за время командования тремя различными подлодками, а затем руководил программой разработки и освоения ударной подлодки типа "лос-анджелес", длившейся продолжительное время. Теперь он был "Великим дельфином" - старшим адмиралом-подводником, воюющим с Конгрессом.

- Скип Тайлер! Хорошо выглядишь, парень. - Додж незаметно посмотрел на искалеченную ногу Тайлера, встал и подошел к нему, чтобы пожать руку. - Слышал про твои успехи в академии.

- Вроде не жалуются, сэр. Иногда даже доверяют отбор игроков для некоторых встреч.

- Гм-м, жаль, что тебе не доверили отбор игроков для армейской сборной.

Тайлер театрально покачал головой.

- Мне доверили-таки посмотреть на игры их команды, сэр, - вздохнул он. - Просто в этом году они уж очень здорово играли. Вы ведь слышали об их куотербеке?

- Нет, а кто он? - поинтересовался Додж.

- Он выбрал бронетанковые войска, и его тут же послали в Форт-Нокс - только не осваивать танки, а самому стать танком.

- Вот это да! - засмеялся Додж. - Джонни говорит, что у тебя целая куча новых детишек.

- В конце февраля ожидаем шестого, - не без гордости заметил Тайлер.

- Шестого? Но ведь ты же не мормон и не католик. Откуда такая страсть к высиживанию птенцов?

Тайлер искоса бросил взгляд на своего бывшего начальника. Ему всегда претило предубеждение против многодетных семей, бытовавшее в атомном флоте.

Начало этому, как и презрительное "высиживать птенцов", принадлежало Риковеру, который всякую семью, где больше одного ребенка, считал многодетной. Черт возьми, что плохого в том, чтобы иметь детей?

- Поскольку я больше не ныряю, надо же мне чем-то занять ночи и уик-энды. - Тайлер игриво поднял брови. - Между прочим, я слышал, что русские затевают какие-то странные игры.

На лице Доджа мгновенно появилось серьезное выражение.

- Это уж точно. Пятьдесят восемь ударных подлодок Северного флота - все до единой атомные - мчат к нашим берегам вместе с большим соединением надводных кораблей и в сопровождении почти всех своих вспомогательных судов.

- И с какой же целью?

- Может быть, ты сможешь рассказать нам об этом. Пройдем-ка в святая святых.

Додж открыл дверь, и они вошли в просторное помещение, где Скип увидел последнюю техническую новинку: обзорный экран, на котором отражалась ситуация во всей Северной Атлантике - от Тропика Рака до арктических паковых льдов. На огромном экране виднелись сотни кораблей. Торговые суда были белыми с флагами, обозначающими их национальную принадлежность; советские корабли - красными и по форме соответствовали классам судов; а американские и союзные корабли - синими. Океан в самом деле казался переполненным.

- Господи!

- Ты совершенно прав, парень, - мрачно кивнул адмирал. - У тебя какой допуск?

- Высшей степени секретности, и я допущен также к специальным проектам. Просматриваю все, что у нас есть по их технике, а также занимаюсь работой с Управлением морских систем.

- Джонни сказал, что это ты производил оценку тактико-технических характеристик нового "Кирова", только что посланного в Тихий океан, - ничего не скажешь, хорошая работа.

- Эти две "альфы" идут к Норфолку?

- Похоже на то. И сколько нейтронов сжигают по пути! - Додж указал на одну из подлодок. - Вот эта идет к Лонг-Айленду, словно собирается блокировать вход в Нью-Лондон, а эта, мне кажется, направляется к Бостону. Вот эти "Викторы" поотстали, но не очень. Русские лодки уже стоят у входа в большинство британских портов. К понедельнику у них будет по две, а то и больше у каждого из наших.

- Мне это совсем не нравится, сэр.

- И мне тоже. Как видишь, мы вывели в море почти все наши силы. И вот любопытная штука - все-таки не понятно, ради чего они все это делают. Я... - Вошел капитан Коулман.

- Минутку.

- Джеймс Грир? - За спиной Тайлера стоял Додж:

- Ты работаешь на него?

- Грир слушает. Вас зовут Скип Тайлер?

- Да, сэр.

- У вас есть для меня эти сведения?

- Да, сэр, есть.

- Где вы сейчас?

- В Пентагоне, сэр.

- О'кей, сейчас же приезжайте ко мне. Вы знаете, где мы находимся? Охрана у ворот будет вас ждать. Выезжай немедленно, сынок. - Грир положил трубку.

- Ты работаешь на ЦРУ? - спросил Додж.

- Сэр, я не могу ответить на ваш вопрос. Извините меня, сэр, но мне нужно срочно доставить информацию.

- Мою?! - рявкнул адмирал.

- Нет, сэр. Она была уже у меня с собой, когда я пришел к вам. Честное слово, адмирал. И я постараюсь, чтобы она вернулась к вам.

- Позвоните мне, - приказал Додж. - Мы останемся здесь на всю ночь.

Штаб-квартира ЦРУ

Поездка по Джордж Вашингтон-паркуэй оказалась проще, чем ожидал Тайлер. Старое шоссе было забито машинами, владельцы которых совершали рождественские покупки, но двигались автомобили довольно быстро и почти без остановок. Он свернул с шоссе на нужной развилке и подъехал к посту охранника перед главным въездом в Лэнгли. Шлагбаум был опущен.

- Ваше имя Тайлер, Оливер У.? - спросил охранник. - Удостоверение, пожалуйста.

Тайлер передал ему свой пропуск в Пентагон.

- О'кей, капитан. Подъезжайте прямо к главным воротам. Там вас встретят.

Понадобилось две минуты, чтобы проехать к главному входу через почти пустые автостоянки, покрытые льдом после вчерашней оттепели. Вооруженный охранник, ожидавший его, попытался помочь Тайлеру выйти из машины. Скип не любил, когда ему помогали, и отстранил руку охранника. Под навесом главного входа в здание его ждал еще один встречающий, и Тайлера пропустили прямо к лифту.

Адмирал Грир сидел перед камином в своем кабинете и словно дремал. Скип не знал, что заместитель директора ЦРУ по разведывательной деятельности всего несколько часов назад вернулся из Англии. Адмирал поднялся и отпустил своего офицера службы безопасности, одетого в штатское.

- Вы, должно быть, Скип Тайлер. Подойдите сюда, присаживайтесь.

- У вас отлично горит камин, сэр.

- Его не стоило разжигать. Когда я смотрю на огонь, меня клонит ко сну. Впрочем, сейчас было бы неплохо вздремнуть. Итак, что вы привезли мне?

- Можно спросить, где сейчас Джек?

- Можно. Он в отъезде.

- Понятно. - Тайлер открыл замок портфеля и достал оттуда распечатку. - Сэр, я смоделировал ходовые данные русской подлодки. Я могу узнать ее название?

- Да, заслужил это, - усмехнулся Грир. - Она называется "Красный Октябрь". Извини меня, сынок. Последние два дня я был очень занят, а когда устаю, забываю о правилах поведения. Джек сказал, что ты умен и

сообразителен. То же самое говорится в твоем досье. А теперь расскажи мне, что ты сумел выяснить. На что способна эта подлодка?

- Видите ли, адмирал, у нас обширный объем данных о ней, и...

- Покороче, капитан. Я не играю с компьютерами. Для этого у меня есть специалисты.

- Ее скорость от семи до восемнадцати узлов, наиболее оптимальная - от десяти до двенадцати. При такой скорости ее шум примерно такой же, как и у "янки" <По классификации НАТО "янки" - советский подводный ракетоносец, имеющий на вооружении 20 баллистических ракет.> при шести узлах, но там следует принять во внимание и шум реакторной установки. Более того, характер шума резко отличается от того, к которому мы привыкли. Эти модели с несколькими импеллерами не издают нормального шума при движении, как подлодки с гребными винтами. У них образуется нечто похожее на грохот с неравномерными гармониками. Джек говорил вам об этом? Такой шум объясняется тем, что в туннелях создается обратная волна, создающая сопротивление потоку воды, отчего и возникает грохот. По-видимому, избежать этого невозможно. Наши парни потратили два года, пытаясь как-то отделаться от такого шума, и вместо этого открыли новый закон гидродинамики. Вода ведет себя почти как воздух в турбореактивном двигателе на холостом ходу или при малых оборотах, если не считать того, что она не поддается сжатию, как это происходит с воздухом. Таким образом, наши парни сумеют обнаружить какой-то шум, но его характер будет иным. Им придется привыкнуть к совершенно иному акустическому почерку. К этому нужно прибавить более низкую интенсивность издаваемого звукового сигнала, и перед вами подводная лодка, которую труднее обнаружить, чем любую другую, имеющуюся сейчас в распоряжении русских.

- Значит, все это объясняется вот здесь. - Грир перелистал страницы распечатки.

- Совершенно верно, сэр. Вам следует показать распечатку своим специалистам. Модель - то есть программу - можно было" бы немного улучшить, но меня поджимало время. Джек сказал, что результаты нужны срочно. Разрешите задать вопрос, сэр?

- Попробуйте. - Грир откинулся на спинку кресла, потирая уставшие глаза.

- Этот, э-э, "Красный Октябрь" сейчас в море? В этом все дело, правда? Они пытаются обнаружить его? - спросил Тайлер невинным голосом.

- Ага, что-то вроде того. Мы не могли понять назначение этих люков. Райан сказал, что вы сможете разгадать эту тайну, и, я думаю, он был прав. Вы заработали свои деньги, капитан. Эти данные могут помочь нам обнаружить лодку.

- Адмирал, мне кажется, что "Красный Октябрь" что-то затевает, может быть, даже пытается перейти на нашу сторону, чтобы сдаться Соединенным Штатам.

Грир резко повернул голову и посмотрел на Тайлера.

- Почему вы так считаете?

- Русские проводят сейчас крупную флотскую операцию. Их подлодки шныряют по всей Атлантике и, похоже, намерены заблокировать наше Восточное побережье. Они объясняют это поисками пропавшей подводной лодки. Я мог бы

согласиться с этим, но в понедельник ко мне приехал Джек с фотографиями нового подводного ракетоносца, а сегодня мне стало известно, что все остальные русские ракетоносцы отозваны в порты. - Тайлер улыбнулся. - Странное совпадение, сэр.

Грир повернулся к камину и посмотрел на яркое пламя. Он только поступил на службу в РУМО, Разведывательное управление Министерства обороны, когда армия и военно-воздушные силы провели дерзкий рейд на концентрационный лагерь в Сонг-Тей, расположенный в двадцати милях к западу от Ханоя. Рейд оказался неудачным, потому что за несколько недель до этого вьетнамцы вывезли из лагеря всех захваченных в плен американских летчиков, что определить с помощью аэрофотосъемки было невозможно. Однако сама операция прошла идеально. Проникнув на сотни миль внутрь вражеской территории, группа захвата появилась перед лагерем совершенно неожиданно и в буквальном смысле застала охранников со спущенными штанами. "Зеленые береты" действовали в точном соответствии с полученными инструкциями. Они ворвались в лагерь и затем столь же успешно ушли из него. Во время операции было уничтожено несколько сотен солдат противника, а единственным пострадавшим среди американцев стал десантник, сломавший лодыжку. Наиболее впечатляющей частью рейда, однако, была полная секретность при его подготовке. Операция "Кингпин" готовилась несколько месяцев, и все это время ее цель и метод проведения оставались в тайне, так что никто - ни противник, ни американские войска - не могли узнать об этом. Не могли до самого последнего дня, когда молодой капитан из разведслужбы ВВС вошел в кабинет своего генерала и задал вопрос о готовящемся рейде в глубь Северного Вьетнама с целью освобождения американских летчиков из лагеря военнопленных близ Сонг-Тея. Пораженный генерал принялся допрашивать капитана и узнал, что умный и проницательный офицер сумел составить из множества разрозненных слухов четкую картину готовящейся операции. Вот из-за таких-то случаев и возникает язва желудка у сотрудников разведывательных служб.

- "Красный Октябрь" намерен просить у нас политического убежища, не правда ли? - повторил свой вопрос Тайлер.

Если бы адмирал больше спал предыдущие сутки, он, может быть, и сумел бы как-то выкрутиться, но Грир слишком устал, и ответ выдал его.

- Вы узнали об этом от Райана?

- Сэр, я не говорил с Джеком с понедельника. Это абсолютная правда, сэр.

- Тогда откуда у вас вся эта информация? - резко бросил Грир.

- Адмирал, когда-то я сам был офицером-подводником. Многие мои друзья все еще служат на флоте. До меня дошли слухи, - уклончиво заметил Тайлер. - А час назад картина прояснилась. Русские еще никогда не отзывали в порты все свои подводные ракетоносцы. Я знаю это, потому что охотился за ними.

- Джек придерживается такой же точки зрения, - вздохнул Грир. - Сейчас он в море, на одном из кораблей. Капитан, если вы кому-нибудь пикнете об этом, я установлю у себя на каминной доске вашу вторую ногу. Вы меня поняли?

- Так точно, сэр. Как мы собираемся поступить с этой лодкой? - Тайлер внутренне улыбнулся, уж он-то как старший консультант Управления морских систем получит возможность осмотреть настоящую русскую подлодку.

- Вернем ее обратно? После того как внимательно изучим, разумеется. Но слишком многое может произойти, чтобы помешать этому.

Скипу потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что сказал адмирал Грир.

- Вернем ее? Но почему, ради всего святого?

- Капитан, как вы оцениваете происходящее? Неужели вы считаете, что вся команда русской подлодки, до единого человека, вот так, сразу, захотела обратиться к нам с просьбой о политическом убежище? - Грир покачал головой. - Разумнее всего предположить, что такое решение приняли одни офицеры, да и то не все, скорее всего, и сейчас они пытаются довести подводную лодку до наших берегов, скрывая свои намерения от остальной команды.

- А-а... - Тайлер задумался. - Полагаю, вы правы. Но зачем отдавать ее обратно? Мы ведь не Япония. Если кто-то посадит у нас МиГ-25, мы не вернем его русским.

- В данном случае речь идет не о том, чтобы оставить себе сбежавший истребитель. Подводный ракетоносец стоит миллиард долларов, а то и гораздо больше, если прибавить ракеты и ядерные боеголовки. К тому же президент считает, что, с юридической точки зрения, лодка принадлежит русским. Таким образом, если они узнают, что она у нас, то потребуют вернуть ее, и нам придется удовлетворить это требование. Вы можете спросить - как русские узнают, что лодка у нас? Те члены команды, которые не пожелают остаться в Америке, захотят вернуться домой. Всех, кто изъявят такое желание, мы отправим на родину.

- Вы не можете не знать, сэр, что всякий, кто вернется в Россию, тут же окажется по горло в дерьме - извините меня, сэр.

- Не по горло, а с головой. - Тайлер не знал, что Грир прошел всю служебную лестницу и мог ругаться не хуже любого матроса. - Некоторые захотят остаться, но большинство потребуют, чтобы их послали домой. У них семьи. Догадываюсь, что сейчас вы зададите мне вопрос: а почему бы не организовать исчезновение команды?

- Я в самом деле подумал об этом, - признался Тайлер.

- Как и мы. Но это не путь. Убить сотню людей? Даже если бы мы и решились на это, в наше время скрыть подобное невозможно. Черт возьми, сомневаюсь, что даже Советы способны на это. К тому же в мирное время так просто-напросто не поступают. В этом разница между нами и русскими. Можете рассматривать указанные причины в любом порядке.

- Значит, если бы не команда, мы оставили бы "Красный Октябрь" у себя...

- Да, вот только нужно найти способ спрятать его. Будь у свиньи крылья, она бы полетела.

- Существует масса мест, где можно укрыть подлодку, адмирал. Мне известно несколько прямо в Чесапикском заливе, а если переправить ее вокруг мыса Горн, в Тихом океане миллион годных на то маленьких атоллов - и все принадлежат нам.

- Но команда узнает об этом, и, когда мы вернем их домой, они расскажут своему начальству, - терпеливо объяснил Грир. - И тогда Москва потребует вернуть ракетоносец. Да, конечно, у нас будет около недели для проверки,

скажем, годности лодки к плаванию, карантина, осмотра, чтобы убедиться, не пытаются ли члены команды тайно переправить к нам кокаин. - Грир засмеялся. - Один британский адмирал предложил сослаться на старый закон о работорговле. Это сделали однажды во время второй мировой войны, чтобы захватить немецкий корабль, нарушивший блокаду, за несколько дней до того, как мы выступили на стороне союзников. Таким образом, вернем ли мы лодку или нет, в нашем распоряжении окажутся горы ценной информации.

- Было бы куда лучше оставить лодку у себя, поработать над ней, разобрать на части... - Тайлер мечтательно уставился на оранжевые языки пламени, которые плясали на дубовых поленьях в камине. Но как удержать ее? - Адмирал, что если мы сможем снять команду с "Красного Октября", а они и не заподозрят, что лодка у нас?

- Ваше полное имя Оливер Уэнделл Тайлер? Видите ли, дорогой, если бы вас назвали в честь Гарри Гудини <Гарри Гудини (1874-1926) - американский иллюзионист, показывал трюки с высвобождением из оков. Обычно его именем называют человека редких физических способностей, граничащих с мастерством фокусника.>, а не в честь члена Верховного суда, я бы... - Грир посмотрел в лицо морского инженера. - У вас есть конкретное предложение?

Грир внимательно выслушал Тайлера.

- Чтобы осуществить это, необходимо немедленно привлечь военно-морской флот. И в особенности нам понадобится помощь адмирала Доджа. Если я не ошибаюсь в своих расчетах относительно скорости лодки, следует действовать быстро.

Грир встал и несколько раз обошел вокруг дивана, разминая ноги.

- Интересная мысль, - произнес он. - Правда, потребуется практически нереальное совпадение по времени.

- Я и не говорил, сэр, что осуществить это будет легко. Просто сказал, что такое возможно.

- Позвоните домой, Тайлер. Скажите жене, что не сможете вернуться, заняты на работе. Если мне не придется спать сегодня, то не придется и вам. Вон позади стола кофеварка, налейте себе кофе. Сначала мне нужно позвонить судье, потом мы поговорим с Сэмом Доджем.

Ударная подлодка "Поги"

- "Поги", это "Черная Чайка-4". У нас кончается топливо. Возвращаемся на базу, - сообщил координатор тактических действий "Ориона", потягиваясь после десяти часов, проведенных у обзорного экрана. - Вам что-нибудь доставить? Прием.

- Да, пусть пришлют пару ящиков пива, - ответил капитан третьего ранга Вуд. Это была обычная шутка, которой обменивались экипажи патрульных самолетов Р-3 и подводных лодок. - Спасибо за поддержку. Теперь будем действовать самостоятельно. Конец связи.

Высоко в небе "локхид-орион" увеличил скорость и повернул на юго-запад. Сегодня за ужином каждый член его экипажа в дополнение к обычному рациону выпьет кружку-другую пива за своих друзей на подлодке.

- Мистер Дайсон, глубина двести футов. Скорость - одна треть.

Вахтенный офицер отдал соответствующие распоряжения, а капитан Вуд подошел к прокладочному столику.

Подводная лодка ВМС США "Поги" находилась сейчас в трехстах милях к северо-востоку от Норфолка, ожидая появления двух советских подлодок типа "альфа", за которыми, сменяя друг друга, следили несколько противолодочных патрульных самолетов от самой Исландии. Подлодка "Поги" получила свое название в честь знаменитой подводной лодки американского флота, отличившейся во время второй мировой войны, которая, в свою очередь, была названа по имени ничем не примечательной морской рыбы. "Поги" находилась в море в течение восемнадцати часов, она только что вышла из капитального ремонта на верфях Ньюпорт-Ньюз. Почти все ее оборудование либо только что было доставлено с заводов-изготовителей, либо прошло через умелые руки кораблестроителей с Джеймс-Ривер. Впрочем, это не означало, что все работало идеально. Кое-какие приборы так или иначе "подгуляли" во время пробных испытаний на прошлой неделе, что было не столько необычным, сколько достойным сожаления, по мнению капитана Вуда. Команда на "Поги" тоже сменилась. Для самого Вуда это было первым назначением на должность командира подлодки после года, проведенного на штабной работе в Вашингтоне. Многие матросы на борту были недавними выпускниками школы подводного плавания в Нью-Лондоне и все еще обвыкались в своем первом походе. Для людей, привыкших к синему небу над головой и свежему воздуху, не так просто научиться жить внутри стальной трубы диаметром тридцать два фута. Даже опытным подводникам приходилось заново привыкать к своей новой лодке и другим офицерам.

"Поги" сумела показать свою предельную скорость в тридцать три узла на ходовых испытаниях сразу после капитального ремонта. Для подлодки такого типа это была достаточно высокая скорость, но тут она уступала русским "альфам", которых прослушивала. Подобно всем американским подлодкам, ее козырем была способность двигаться незаметно, украдкой. "Альфы" не имели представления, где находится "Поги", а потому станут легкой целью для американских торпед, особенно если принять во внимание, что "орионы", патрулировавшие над русскими подлодками, передавали на "Поги" точные координаты и расстояние до целей. При обычных условиях эти данные приходилось рассчитывать на прокладочном столике с помощью пассивной гидролокации.

Капитан-лейтенант Том Рейнолдс, помощник командира, координирующий боевые действия, склонился над столиком.

- Тридцать шесть миль до ближайшей "альфы" и сорок до дальней. - На огневом дисплее русские подлодки были обозначены, как "наживка 1 Поги" и "наживка 2 Поги", - вместе с названием самой подлодки эти обозначения казались особенно забавными.

- Скорость сорок два узла? - спросил Вуд.

- Да, капитан. - Рейнолдс вел радиопереговоры до тех пор, пока "Черная Чайка-4" не сообщила о своем намерении вернуться на базу. - Они гонят свои лодки полным ходом и прямо на нас. У нас готовы огневые решения для обеих. Как вы думаете, что они замышляют?

- Из штаба командующего передали, будто их посол сообщил, что это

поисково-спасательная операция - у них пропала подлодка. - По тону командира нетрудно было догадаться, какого мнения он об этом заявлении советского посла.

- Поисково-спасательная операция? - Рейнолдс пожал плечами. - Ну что ж, может быть, они думают, что лодка потонула у мыса Пойнт-Комфорт, потому что если в ближайшее время не сбавят скорость, то окажутся именно там же. Никогда не слышал, чтобы русские "альфы" действовали так близко у нашего побережья. А вы, сэр?

- Нет. - Вуд нахмурился. Характерными особенностями "альф" были большая скорость и шумы. Согласно советской военной доктрине их якобы предполагалось использовать главным образом в оборонительных целях: как "подлодки-перехватчики" они могли защищать собственные ракетоносцы, а при большой скорости атаковать ударные американские подлодки и затем уходить от ответного удара. Вуд не считал, что это разумно, но его такая тактика устраивала.

- Может быть, они собираются блокировать Норфолк, - предположил Рейнолдс.

- Не исключено, - согласился Вуд. - Как бы то ни было, мы останемся на этой позиции, сохраняя полную тишину. Дадим русским промчаться мимо. После пересечения линии континентального шельфа им придется сбавить скорость, и мы последуем за ними, незаметно и тихо.

- Слушаюсь, капитан, - ответил Рейнолдс.

Оба офицера подумали о том, что если дойдет до стрельбы, то они смогут убедиться в прочности корпусов этих "альф". Ходили слухи, что они из титана, и офицерам хотелось узнать, действительно ли они способны выдержать силу взрыва в несколько сотен фунтов взрывчатки при прямом попадании. Новая боеголовка кумулятивного типа <Боеголовка кумулятивного типа несет заряд с выемкой на конце, создающей узконаправленную струю, прожигающую металл.> торпеды "Марк-48" была разработана именно для этой цели и для борьбы с не менее прочными ракетоносцами типа "тайфун". Офицеры тут же отмахнулись от этих мыслей. Их задача заключалась в том, чтобы вести наблюдение.

Ударная подлодка "Е. С. Политовский"

Лодка, обозначенная американцами как "наживка-2 Поги", в советском военно-морском флоте носила название "Е. С. Политовский" в честь начальника инженерного управления Российского флота, который обошел вокруг света и погиб в Цусимском сражении. Евгений Сигизмундович Политовский верой и правдой служил императору, как и подобало русскому морскому офицеру. Однако в своем дневнике, обнаруженном много лет спустя в Ленинграде, блестящий морской офицер страстно обличал коррупцию и разложение царского режима, что явилось резким контрастом тому беззаветному патриотизму, с которым он сознательно пошел на явную смерть от артиллерии адмирала Того. Это сделало его настоящим героем в глазах советских моряков, стремящихся походить на него. И советское государство назвало в его честь свою самую совершенную подлодку. Однако, к сожалению, подводную лодку "Политовский" преследовали такие же неудачи, как и человека, в честь которого она была названа.

По акустическому почерку подлодку "Политовский" американцы отнесли к категории "альфа-3". Это было неверно - среди ударных лодок такого типа она была первой. Небольшая, веретенообразная ударная подлодка достигла скорости сорок три узла через три часа после начала ходовые испытаний. И уже через минуту после этого испытания пришлось прекратить из-за невероятного происшествия: каким-то образом на пути лодки оказался пятидесятитонный кит, и "Политовский" врезался прямо в бок несчастного животного. При столкновении было смято десять квадратных метров носовой обшивки, уничтожен купол гидролокатора, перекошена торпедная труба и почти залит торпедный отсек. Список этих повреждений не учитывает ущерба, нанесенного почти всем внутренним системам подлодки от электронного оборудования до плиты на камбузе. По мнению многих подводников, если бы командиром лодки был любой другой офицер, а не знаменитый вильнюсский мастер, она непременно погибла бы. С тех пор двухметровое китовье ребро украшает офицерский клуб в Североморске, наглядно демонстрируя прочность советских подводных лодок. На устранение полученных повреждений потребовалось больше года, и когда "Политовский" снова вошел в строй, уже спустили на воду две другие "альфы". Через два дня ходовых испытаний с подлодкой случилось очередное крупное несчастье: на этот раз вышла из строя турбина высокого давления, и на ее замену потребовалось шесть месяцев. Далее с лодкой произошли три аварии, правда, не столь значительные, и за "Политовским" прочно укрепилась репутация неудачника.

Старший механик подлодки Владимир Печкосов был правоверным членом партии и убежденным атеистом, но, будучи моряком, не мог не быть суеверным человеком. В старое доброе время его лодку освятили бы при спуске на воду и всякий раз окропляли бы святой водой перед выходом в море. Это был впечатляющий обряд - с бородатым батюшкой, кадилом и молитвами. Но.., времена те прошли, и ему пришлось выйти в море без всего этого, о чем он искренне сожалел. Везения не помешало бы. Дело в том, что у Печкосова возникли проблемы с реактором.

Реактор "альфы" невелик из-за относительно маленького корпуса самой подлодки. Однако несмотря на небольшие размеры, он обладает значительной мощностью, а у "Политовского" он работал на полной мощности уже более четырех суток. Они мчались к побережью Америки со скоростью больше сорока двух узлов. Это была предельная скорость, которую мог развить реактор, построенный восемь лет назад. "Политовского" планировалось поставить на капитальный ремонт, чтобы установить новое гидролокационное оборудование, компьютеры нового поколения и новую систему управления реактором. Печкосов считал безответственным - даже безумным - гнать лодку на пределе возможностей, хотя пока все на ней функционировало должным образом. Еще никогда ни на одной "альфе" реактор не доводили до такого предела, даже новый, а на "Политовском" он дышал на ладан, а теперь стармех заметил первые тревожные признаки.

Начать с того, что в основном насосе высокого давления, прокачивающем хладагент по первичному контуру охлаждения, появилась вибрация, а это зловещий признак. Можно было включить вместо основного насоса запасной, но мощность его была пониже, и это означало, что скорость упадет узлов на

восемь. "Альфа" обладала такой высокой мощностью не благодаря натриевой системе охлаждения, как считали американцы, а просто из-за намного более высокого давления, чем у любого корабельного реактора, и применения принципиально новой системы теплообмена, увеличивающей общую тепловую эффективность до сорока одного процента, что намного превышало соответствующую величину у любой другой подводной лодки. Но за все надо платить - и при работе на полной мощности стрелки на всех приборах дрожали у красной черты, и это не было символическим пределом, а означало подлинную опасность.

Это обстоятельство вместе с вибрирующим насосом серьезно беспокоило Печкосова; час назад он обратился к командиру лодки с настоятельной просьбой разрешить на несколько часов сбавить скорость, чтобы дать возможность высококвалифицированным механикам БЧ-5 <БЧ-5 - механический отсек на советских боевых кораблях (боевая часть-5).>, настоящим мастерам своего дела, провести ремонт. В конце концов, не исключено, что дело всего лишь в подшипнике, а у механиков имелись запасные. Насос был сконструирован таким образом, что легко поддавался ремонту. Капитан заколебался, хотел было согласиться, но вмешался политрук, указав на то, что полученный ими приказ недвусмысленно требует занять выделенную позицию как можно быстрее, так что любое отступление "политически неоправданно". И это решило вопрос.

Печкосов с горечью вспомнил затравленный взгляд капитана. Какой смысл иметь командира на борту корабля, если каждый его приказ должен быть одобрен партийным подхалимом, умеющим всего лишь твердить как попугай предписания партийных боссов. Печкосов был преданным коммунистом и всегда следовал партийной линии, как говорится, с октябрятского возраста, но - черт побери! - зачем тогда специалисты и механики? Неужели партия считает, что физические законы природы можно перекроить по капризу аппаратчика только потому, что у того кабинет с письменным столом и дача в Подмосковье? Старший механик выругался про себя.

Он стоял один у главного пульта управления, который размещался в машинном отделении, в сторону кормы от реакторного отсека. Здесь же размещались теплообменник и паротурбина, которая была установлена прямо по центру тяжести подлодки. Давление в реакторе достигало 2800 фунтов на квадратный дюйм - больше 170 килограммов на квадратный сантиметр. Только часть этого давления была результатом работы насоса. С повышением давления повышалась температура кипения. В данном случае вода нагревалась до температуры выше 900 градусов по Цельсию и образовывала пар, собирающийся в верхней части реактора; сформировавшийся там паровой пузырь давил на воду внизу и препятствовал образованию большего количества пара. Пар и вода удерживали друг друга в неустойчивом равновесии. Причем в результате реакций распада в урановых стержнях радиоактивность воды была опасно высокой. Назначение управляющих стержней состояло в том, чтобы регулировать ход атомной реакции. И здесь равновесие было неустойчивым. В лучшем случае стержни могли поглотить чуть меньше одного процента потока нейтронов, но этого было достаточно, чтобы начать или прекратить реакцию.

Разбуди Печкосова среди ночи, он наизусть отчеканил бы все эти данные. Он мог по памяти начертить схему всей двигательной установки и мгновенно

схватывал малейшие отклонения в показаниях приборов. Сейчас он замер у пульта управления, перебегая взглядом от прибора к прибору, и не спускал руки с аварийного выключателя реактора. Вторая его рука лежала на кнопке системы охлаждения.

Вибрация не прекращалась. Не иначе это неисправный подшипник. Судя по неравномерности стука, он вот-вот должен окончательно развалиться. Тогда насос заест и его придется немедленно остановить. При такой аварии, хотя и не опасной для живучести лодки, на ремонт - если вообще насос можно будет отремонтировать - потребуется несколько суток. Однако ситуация была намного хуже, чем предполагал Печкосов, - от вибрации происходили перепады давления в хладагенте.

Чтобы эффективно использовать новейший теплообменник, вода в двигательной установке "альфы" должна быстро проходить через многочисленные контуры и клапаны. Для этого требовался мощный насос, обеспечивающий давление 150 фунтов на квадратный дюйм - почти в десять раз больше, чем считалось безопасным на реакторах западного типа. При таком мощном насосе, когда лодка шла на высокой скорости, в машинном отделении стоял невероятный шум, как в сборочном цехе, где производилась клепка, и вибрация насоса нарушала показания контрольных приборов. Печкосов заметил, что стрелки приборов вздрагивают. Старший механик был прав и одновременно ошибался. Стрелки приборов, регистрирующих давление, действительно колебались из-за тридцатифунтовых волн перегрузки, проносящихся по системе охлаждения. Печкосов не сумел распознать причину колебаний стрелок. Он слишком долго оставался на вахте.

Внутри кожуха реактора эти перепады приближались к резонансной частоте оборудования. Примерно в середине на внутренней поверхности кожуха находился титановый фитинг, составляющий часть запасной системы охлаждения. В случае утечки охлаждающей жидкости и после успешного аварийного заглушения реактора откроются клапаны внутри и снаружи кожуха, охлаждая реактор либо смесью воды с барием, либо в крайнем случае морской водой, которая может быть введена в кожух и выведена из него ценой разрушения самого реактора. Однажды такое решение было принято, и хотя обошлось весьма дорого, действия молодого механика спасли ударную подлодку типа "виктор", иначе бы реактор расплавился.

Сегодня внутренний клапан был закрыт вместе с фитингом, проходящим через корпус лодки. Клапаны были изготовлены из титана, так как только титан гарантировал надежность после продолжительного воздействия высоких температур. Кроме того, титан устойчив к коррозии, а коррелирующее действие воды при высокой температуре особенно губительно. Однако конструкторы не приняли во внимание, что после многих лет непрерывного интенсивного радиоактивного облучения титановый сплав становится хрупким. И вот, когда частота вибрации насоса стала приближаться к той частоте, с которой волны гидравлического давления били по створке клапана, створка все сильнее и сильнее била по запорному кольцу. По краям металла пошли трещины.

Первым этот низкий звук, проносящийся по переборкам, услышал мичман, который находился в передней части отсека. Он подумал, что это гул от системы внутренней корабельной трансляции, и медлил проверить его

происхождение. А когда створка клапана вылетела из выпускного отверстия, проверять было уже поздно. Отверстие было небольшим - всего десять сантиметров в диаметре при толщине металла пять миллиметров. Такой тип фитинга носит название клапан-бабочка, и створка действительно походила на бабочку, когда стала кувыркаться в потоке воды. Будь она из нержавеющей стали, оказалась бы достаточно тяжелой и упала бы на дно кожуха. Но титан, хотя и прочнее стали, намного легче ее. И поток хладагента понес створку вверх, к выпускной трубе.

Поток воды затащил створку в трубу с внутренним диаметром пятнадцать сантиметров. Труба была из нержавеющей стали, из сваренных двухметровых отрезков, чтобы их легче заменять в тесном помещении при ремонте. Створку быстро понесло к теплообменнику. Здесь труба изгибалась под углом сорок пять градусов, и створка мгновенно застряла. Это наполовину заблокировало трубу, и прежде чем напор сдвинул застрявшую створку, успело произойти слишком многое. Движущаяся вода, обладая значительной инерцией, столкнувшись с препятствием, образовала внутри трубы обратную волну. Общее давление моментально подскочило до 3400 фунтов на квадратный дюйм, и труба сдвинулась на несколько миллиметров. Возросшее давление, боковое смещение сварного шва и накопившееся воздействие высокотемпературной эрозии стали разрушили шов. Образовалось отверстие диаметром с карандашное острие. Вырвавшаяся через него вода моментально превратилась в пар, и тут же сработали датчики тревоги в реакторном отсеке и соседних с ним помещениях. Вода быстро разрушала шов, стремительно увеличивая отверстие, пока хладагент реактора не начал фонтаном вырываться наружу. Струя пара вывела "из строя кабели системы управления реактором. Произошло самое страшное, что могло с ним случиться, - потеря охлаждающей жидкости (ПОЖ).

В течение трех секунд давление внутри реактора упало до нуля. Многие галлоны хладагента превратились в пар, наполнивший соседние отсеки. Аварийные датчики на главном щите тут же сработали, сигнализируя о катастрофе, и в мгновение ока Владимир Печкосов воочию столкнулся с кошмаром, постоянно преследующим каждого механика, управляющего атомным реактором. Его первой автоматической реакцией было нажать на кнопку системы аварийного отключения реактора и заглушить его, однако пар в кожухе вывел из строя систему управления стержнями, и на решение проблемы не было времени. Печкосов мгновенно понял, что его корабль обречен. Он тут же открыл аварийные клапаны охлаждения реактора, впустив в него морскую воду. И тут же автоматически включились сигналы тревоги по всей лодке.

Капитан, находившийся в центральном посту, мгновенно понял характер аварии. Они были на глубине ста пятидесяти метров. Следовало немедленно поднять лодку на поверхность. Капитан отдал приказ сбросить балласт и поднять вверх до предела рули глубины.

Авария подчинялась теперь физическим законам. Поскольку внутри реактора не осталось хладагента, способного поглощать тепло, выделяемое урановыми стержнями, атомная реакция практически прекратилась - в реакторе не было воды, которая приняла бы поток нейтронов. Это, однако, не решило проблемы, потому что остаточного тепла распада хватило для того, чтобы расплавить все, что находилось в реакторном отсеке. Холодная вода, хлынувшая в реактор,

понизила температуру, но при этом задержала слишком большое количество нейтронов внутри реактора. Это вызвало самопроизвольную атомную реакцию, в результате которой образовалось еще большее количество тепла, которое не мог контролировать никакой охладитель. То, что началось с потери хладагента, превратилось в нечто гораздо худшее: аварию с холодной водой. Оставались считанные минуты до того, как расплавится весь реактор, а до поверхности "Политовскому" было еще далеко.

Печкосов оставался на своем посту в машинном отделении и делал все возможное. Он знал, что наверняка погибнет, но хотел дать капитану время вывести лодку на поверхность. Механики часто проводили учения, принимая во внимание именно такую ситуацию, и старший механик отдал приказ прибегнуть к аварийным правилам. Однако это только ухудшило положение.

Дежурный электрик побежал вдоль линии электрических щитов, переключая электрическую сеть лодки с основной на аварийную, потому что пар, еще оставшийся в турбогенераторах, вот-вот кончится и тогда управление лодкой будет полностью зависеть от аккумуляторных батарей.

Подача электричества на триммеры, расположенные на задних плоскостях рулей глубины, прекратилась, и произошло автоматическое переключение на электрогидравлическое управление, контролирующее не только маленькие триммеры, но и рули глубины целиком. Системы управления тут же переключились на угол подъема в пятнадцать градусов - а ведь лодка продолжала идти со скоростью тридцать девять узлов. Поскольку сжатый воздух, действующий в аварийном режиме, полностью выбросил воду из балластных цистерн, подлодка стала очень легкой и помчалась вверх, как самолет, набирающий высоту. Через несколько секунд подводники, находившиеся в центральном посту, с изумлением почувствовали, что лодка поднимается уже под углом сорок пять градусов и этот угол все увеличивается. Еще через мгновение их единственной заботой было удержаться на ногах. Теперь "альфа" поднималась почти вертикально вверх со скоростью тридцать миль в час. Всех членов экипажа и незакрепленные предметы понесло в сторону кормы.

В кормовом моторном отсеке матрос упал на главный распределительный щит, замкнув телом все его контакты, и подача электричества полностью прекратилась. Кок, который в момент аварии проводил осмотр спасательного снаряжения в носовом торпедном отсеке, успел натянуть гидрокостюм и забраться в спасательный цилиндр. Имея за плечами всего год плавания на подводных лодках, он все-таки догадался, что значат ревущие сигналы тревоги и странное поведение подлодки. Кок задраил люк и нажал на рычаг выброса, как его учили в школе подводников.

"Политовский", словно гигантский кит, взмыл над поверхностью Атлантики на три четверти своей длины и тут же рухнул обратно.

Ударная подлодка "Поги"

- Капитан, вызывает гидропост.

- Слушаю, гидропост. Это капитан.

- Шкипер, вам нужно бы послушать это. С "наживкой 2" что-то стряслось, - доложил старший акустик.

Вуд через несколько секунд был уже в гидропосту. Он надел наушники, подключенные к магнитофону, действующему с опозданием на две минуты, и услышал рев воды, врывающейся в корпус лодки. Шум двигателя смолк. Через несколько секунд послышался взрыв сжатого воздуха и потрескивание корпуса лодки, быстро меняющей глубину.

- Что там происходив? - с недоумением спросил Вуд.

Ударная подлодка "Е. С. Политовский"

В реакторе "Политовского" самопроизвольная атомная реакция практически уничтожила как поступающую сюда морскую воду, так и топливные урановые стержни. Их остатки скопились в кормовой части кожуха реактора. Через минуту образовалась метровая лужа радиоактивного расплава, достаточно большая, чтобы там в свою очередь образовалась своя критическая масса. Атомная реакция продолжалась, ничуть не ослабевая. На этот раз она была направлена непосредственно против прочной брони кожуха, сделанного из нержавеющей стали. Ничто созданное руками человека не в состоянии выдержать температуру в пять тысяч градусов. Через десять секунд стенки кожуха реактора не выдержали. Расплавленная масса урана прорвалась через образовавшееся отверстие на кормовую переборку.

Теперь у Печкосова не было сомнений, что он погиб. Старший механик увидел, как почернела краска на переборке перед ним, и последнее, что предстало его взору, - это появление окруженной голубым сиянием темной массы. Через мгновение тело стармеха превратилось в пар, и радиоактивная масса набросилась на следующую кормовую переборку.

Почти вертикальное положение лодки стало меняться. Сжатый воздух вырвался из нижних балластных цистерн, и они наполнились водой, снижая угол подъема лодки и погружая ее в воду. Из носового отсека доносились панические крики. С трудом поднявшись и не обращая внимания на сломанную ногу, капитан как-то пытался овладеть положением и помочь команде выбраться из подводной лодки, прежде чем станет слишком поздно. Однако рок Евгения Сигизмундовича Политовского продолжал преследовать лодку. Спасся всего один человек. Кок сумел открыть спасательный люк и выбраться наружу. Следуя наставлениям, полученным в школе подводников, он попытался закрепить крышку люка, чтобы остальные члены команды могли последовать за ним, однако, когда лодка скользнула вниз, водой его отшвырнуло от корпуса.

Когда угол подлодки изменился, расплав урана выбросило на палубу машинного отделения. Сначала он прожег стальную палубу, а затем титан корпуса. Через пять секунд в машинном отделении образовалось отверстие, и самый крупный отсек "Политовского" быстро наполнился водой. В результате это уничтожило тот небольшой запас плавучести, который еще оставался у подлодки, и она начала свое последнее погружение.

Корма опустилась вниз как раз в тот момент, когда капитан сумел заставить матросов снова подчиняться приказам, но тут его швырнуло головой о щит управления. Со смертью капитана погибли и те слабые надежды на спасение, которые еще оставались у команды. "Политовский" устремился вниз, к морскому дну, и его винт под потоком мчащейся навстречу воды вращался в обратную

сторону.

Ударная подлодка "Поги"

- Шкипер, я служил на "Чоппере" в шестьдесят девятом, - сказал старший механик, имея в виду ужасную катастрофу этой дизельной подводной лодки.

- Да, похоже на то, - согласился капитан, прислушиваясь к отдаленным звукам в акустической установке. Ошибиться в этом невозможно. Было слышно, как заполнялись балластные цистерны; это могло означать только одно: во внутренние отсеки ворвалась вода. Будь они ближе, услышали бы еще и крики людей, обреченных на смерть в металлической ловушке. Слава Богу, что они этого не слышали. Рев воды, врывающейся в корпус гибнущей лодки, был страшен и без этого. Там, в морской глубине, гибли люди. Это были русские, враги его, Вуда, страны, но это тоже были люди, мало чем отличающиеся от него самого, а он был бессилен им помочь.

Капитан Вуд отметил, что вторая "альфа", "наживка I", продолжала мчаться вперед, не заметив гибели своей спутницы.

Ударная подлодка "Е. С. Политовский"

Понадобилось девять минут, чтобы "Политовский" опустился на две тысячи футов к морскому дну. Падение было столь стремительным, что подлодка со страшной силой ударилась о твердый песок континентального шельфа. К чести ее строителей внутренние переборки выдержали удар. Все отсеки от реакторного и до кормовых были затоплены, и в них погибла половина команды, однако носовые отсеки остались герметичными. Но даже это было, скорее, проклятием, чем благом. Поскольку воспользоваться резервным запасом воздуха, который находился в кормовых цилиндрах, оказалось невозможно, а сложные системы очистки работали только от аварийных аккумуляторных батарей, у сорока подводников остался всего лишь ограниченный запас воздуха. Они спаслись от мгновенной смерти в ледяных водах Северной Атлантики лишь для того, чтобы принять медленную смерть от удушья.

День девятый

Суббота, 11 декабря

Пентагон

Женщина в форме старшины первой статьи придержала дверь перед Тайлером. Он вошел в кабинет и увидел генерала Харриса, который стоял перед огромным столом с разложенными на нем картами, изучая расположение крошечных фигурок кораблей.

- Вы, должно быть, Скип Тайлер, - поднял голову Харрис.

- Да, сэр. - Тайлер замер по стойке смирно, насколько это позволял его протез. Харрис быстро подошел к нему и пожал руку.

- Грир говорит, вы в прошлом футболист.

- Так точно, генерал. Был правым защитником, играл за Аннаполис. Хорошее было время. - Тайлер улыбнулся, разминая пальцы - у Харриса была медвежья хватка.

- О'кей, раз вы играли в футбол, называйте меня Эдом. - Харрис дружески ткнул его в грудь. - У вас был номер семьдесят восемь, и вас включили в сборную "все звезды", верно?

- Второй состав, сэр. Приятно, что кто-то еще помнит об этом.

- Я находился тогда несколько месяцев на временной службе в академии и побывал на паре матчей. Никогда не забываю хорошо атакующего защитника. Когда-то я и сам играл в Монтане, в тамошней сборной. Впрочем, это было так давно. Что у вас с ногой?

- В мою машину врезался пьяный водитель. Мне еще повезло, а вот сам он погиб.

- Так ему и надо, сукину сыну.

Тайлер согласно кивнул, но почти тут же вспомнил, что у пьяного рабочего с верфи осталась семья, о чем ему сообщили позже в полиции.

- Куда делись все остальные? - спросил он.

- Члены Объединенного комитета начальников штабов принимают участие в обычном - обычном для рабочих дней недели, не для субботы, - брифинге по разведке. Вернутся через несколько минут. Значит, теперь вы преподаете на инженерном факультете в Аннаполисе, верно?

- Да, сэр. Я имею степень доктора.

- Меня зовут Эд. Итак, сегодня утром вы намерены рассказать нам, как мы сумеем сохранить у себя сбежавшую русскую подлодку?

- Да, сэр, - то есть, Эд.

- Расскажите мне, но сначала давайте выпьем кофе. Они подошли к угловому столику, где их ждали чашки с кофе и тарелки с пончиками. Минут пять Харрис молча слушал объяснения молодого человека, поглощая один пончик за другим и запивая их кофе. Не просто насытить человека такой комплекции, подумал Тайлер.

- Черт возьми, - заметил начальник управления J-3, когда Тайлер закончил свой рассказ, и подошел к карте. - Весьма интересно. Правда, успех вашей идеи требует ловкости рук. Однако держать их придется подальше от того места, где мы собираемся все это провернуть. Примерно вот здесь, а? - Харрис постучал ногтем по карте.

- Да, генерал. Судя по ходу их операции, мы сможем сделать это мористее от них...

- И провести за нос обоих. Мне нравится эта мысль. Точно, нравится, но Дэн Фостер не придет в восторг, когда узнает, что ему предстоит потерять одну из собственных подлодок.

- Я бы сказал, что такой обмен - в нашу пользу.

- Я тоже, - согласился Харрис. - Но это не мои лодки. А где после этого мы спрячем ракетоносец - если сумеем заполучить его?

- Генерал, есть несколько отличных мест прямо здесь, в Чесапикском заливе. Одно глубокое место в реке Йорк и еще одно в реке Патьюксент, причем оба принадлежат ВМС и обозначены на картах, как запрещенные для мореплавания. У подлодок есть одно хорошее свойство - они считаются

невидимыми. Надо только найти достаточно глубокое место и заполнить балластные цистерны. Разумеется, я предлагаю всего лишь временное решение проблемы. Для постоянной стоянки можно выбрать атоллы Трук или Квадженлейн в Тихом океане. Славные местечки и далекие отовсюду.

- И вы полагаете, что Советы не обратят внимания, что там неожиданно появился тендер для обслуживания подлодки и три сотни инженеров-подводников? К тому же вы не забыли, что эти острова больше нам не принадлежат, а?

Тайлер и не рассчитывал, что генерал окажется тупицей.

- Ну и что случится, если русские узнают об этом через несколько месяцев? Что они сделают, заявят об этом на весь мир? Не думаю. К тому времени вся нужная нам информация будет у нас в руках, а для офицеров, попросивших политического убежища, мы устроим впечатляющую пресс-конференцию. Как им это понравится? К тому же через некоторое время мы разберем ракетоносец. Реактор отправим для испытаний в Айдахо. Ракеты и боеголовки снимем. Электронное снаряжение отправим в Калифорнию для исследования, а ЦРУ, АНБ и морская разведка кинутся на шифровальное оборудование. Опустевший корпус отведем на место поглубже и затопим. Никаких улик. Нам ведь не нужно вечно хранить это в тайне, достаточно нескольких месяцев.

- Извините, что я выступаю в роли адвоката дьявола. - Генерал поставил на стол пустую чашку. - Вижу, вы все продумали. Отлично, мне представляется, что этим можно заняться всерьез. Понадобится координация действий, но это не станет помехой тому, чем мы занимаемся сейчас. О'кей, вы убедили меня.

Через несколько минут прибыли члены Объединенного комитета начальников штабов. Тайлер еще никогда не видел такого скопления генеральских и адмиральских звезд.

- Ты хотел встретиться с нами, Эдди? - спросил Хилтон.

- Да, генерал. Познакомьтесь, это доктор Скип Тайлер. Адмирал Фостер подошел к нему первым и пожал руку.

- Значит, это вы расщелкали нам технические характеристики "Красного Октября", о которых мы только что слышали на брифинге. Отличная работа, капитан.

- Доктор Тайлер считает, что нам следует оставить этот ракетоносец у себя, если, конечно, удастся заполучить его. - Лицо Харриса было непроницаемым. - И, по его мнению, есть способ осуществить это.

- Была мысль ликвидировать всю команду... - сказал командующий корпусом морской пехоты генерал Максуэлл, - однако президент не пожелал и слышать об этом.

- Господа, а если я скажу вам, что есть способ отправить членов команды домой и они не будут даже подозревать, что подлодка осталась у нас? Ведь в это упирается вся проблема, правда? Необходимо вернуть членов команды в Россию-матушку. И я утверждаю, что существует способ сделать это, остается лишь вопрос, где спрятать ракетоносец.

- Слушаем вас. - В голосе Хилтона звучало недоверие.

- Так вот, сэр, следует действовать чрезвычайно быстро. Нужно срочно перевести "Авалон" с Западного побережья. "Мистик" <"Авалон", "Мистик" - подводные устройства для спасения экипажей потонувших подлодок>. уже на

борту "Пиджина" в Чарлстоне. Нам понадобятся оба и еще какой-нибудь наш старый ракетоносец, без которого мы можем обойтись. Это материальная часть. Однако самое трудное заключается в точном расчете времени - и нам нужно найти "Красный Октябрь". Это может оказаться самым сложным.

- Может быть, и нет, - покачал головой Фостер. - Сегодня утром адмирал Галлери доложил, что "Даллас" вроде бы обнаружил его. Доклад адмирала почти полностью совпадает с вашей компьютерной моделью. Через несколько дней будем иметь более точные данные. Продолжайте.

Тайлер начал объяснять. Ему потребовалось десять минут, поскольку пришлось отвечать на вопросы и изобразить на диаграмме ограничения по времени и месту. Когда он кончил, генерал Барнз уже стоя у телефона, говорил с командующим военно-транспортной авиации, Фостер вышел из комнаты, чтобы связаться с Норфолком, а Хилтон поехал в Белый дом.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

В кают-компании собрались все офицеры, за исключением тех, кто находились на вахте. Дверь снова была заперта на замок, на столе стояло несколько чайников, к которым никто не прикоснулся.

- Товарищи, - доложил доктор Петров, - зараженным оказался и второй комплект радиационных значков.

Рамиус заметил, что Петров выглядел потрясенным. Зараженными оказались не первый и не второй комплект, а третий и четвертый после выхода в море. Он правильно выбрал судового врача.

- Надо же, испорченные дозиметры... - проворчал Мелехин. - Какой-то мерзавец или шутник в Североморске, - а может, и шпион, играющий в свои империалистические игры... Пусть только поймают этого подонка, я лично пристрелю его, кем бы он не оказался! Это же самая настоящая измена!

- В соответствии с инструкцией я обязан был доложить об этом, - заметил Петров. - Несмотря на то что стационарные датчики не показывают повышенный уровень радиации.

- Вы правильно поступили, товарищ доктор. Объявляю вам за это благодарность, - произнес Рамиус. - Инструкции требуют, чтобы мы провели дальнейшую проверку. Мелехин, вы и товарищ Бородин лично займетесь этим. Сначала проверьте сами стационарные датчики - убедитесь, насколько правильно они измеряют уровень радиации внутри подлодки. Если они функционируют нормально, тогда портативные дозиметры - нагрудные значки, которые носит каждый из нас, - либо имели дефекты, либо кто-то намеренно их испортил. Если ситуация обстоит именно так, я в своем отчете о случившемся потребую принятия соответствующих мер. - Были известны случаи, когда пьяных рабочих судовой верфи отправляли в лагеря на исправительные работы. - Товарищи, я считаю, что пока у нас нет оснований для беспокойства. Если бы действительно происходила утечка радиации, товарищ Мелехин обнаружил бы ее несколько суток назад. Так что возвращайтесь к работе.

Спустя полчаса все офицеры снова собрались в кают-компании. Проходящие мимо матросы заметили это, и по лодке поползли слухи.

- Товарищи, у нас возникла серьезная проблема, - сообщил старший

механик.

Офицеры, особенно молодые, казались бледнее обычного. На столе лежал разобранный на части счетчик Гейгера. Рядом находился датчик радиации, снятый с переборки реакторного отсека. С него была снята крышка.

- Мы стали жертвой вредительства, - яростно прошипел Мелехин. - Это было страшное слово, от которого бросало в дрожь всякого советского гражданина. В кают-компании воцарилась мертвая тишина, и Рамиус заметил, что Свиядов с трудом сохраняет самообладание, - Товарищи, с технической точки зрения эти приборы очень простые. Как вы знаете, у счетчика Гейгера десять различных степений установки. Мы можем выбрать десять разных уровней чувствительности и с помощью этого прибора обнаружить крошечную утечку радиации или измерить значительную. Это делается с помощью набора вот этого селектора, который включает один из электрических резисторов с возрастающим уровнем внутреннего сопротивления. Даже ребенок может справиться с этим, испортить его или отремонтировать. - Старший механик постучал пальцем по нижней стороне циферблата селектора. - В данном случае кто-то снял обычные резисторы и впаял на их место новые. Резисторы от первого до восьмого имеют одинаковое сопротивление. За три дня до выхода в море все наши счетчики радиации подверглись осмотру одним и тем же техником на верфи. Вот документ, подтверждающий проведенную им инспекцию. - Мелехин с презрением бросил на стол листок бумаги.

- Или он, или другой вражеский агент вывел из строя этот и все остальные счетчики, которые я осмотрел. Квалифицированному специалисту на это нужно не более часа. Теперь относительно вот этого прибора. - Старший механик перевернул стационарный датчик. - Вы видите, что его электрическая схема, кроме испытательного контура, который был перемонтирован, отсоединена. Мы с товарищем Бородиным сняли этот прибор с передней переборки. Все сделано весьма профессионально, дилетанту с этим не справиться. Я пришел к выводу, что враг провел на нашем корабле акт вредительства. Сначала он вывел из строя приборы контроля за радиацией, затем, скорее всего, устроил небольшую утечку радиоактивных газов на трубах горячего контура. Мне представляется, товарищи, что доктор Петров был прав. Где-то, по-видимому, происходит утечка радиации. Приношу нашему врачу свои извинения.

Петров нервно кивнул. Он вполне мог бы обойтись без таких комплиментов.

- Доза радиации, товарищ Петров?

- Самая высокая у матросов в машинном отделении, конечно. Больше всего - по пятьдесят рад - у товарищей Мелехина и Свиядова. У остальных механиков - от двадцати до сорока пяти; накопленная радиация быстро уменьшается по мере удаления от кормы. У торпедистов - примерно пять рад, а то и меньше. У офицеров - за исключением тех, кто работают в машинном отделении, - от десяти до двадцати пяти. - Петров сделал паузу, стараясь говорить как можно убедительнее. - Товарищи, это не смертельные дозы. Человек способен выдержать дозу до сотни рад без отрицательных последствий для своего здоровья и выжить при нескольких сотнях. Мы столкнулись с серьезной проблемой, но для наших жизней угрозы еще нет.

- Что скажете, Мелехин? - спросил командир.

- Это моя реакторная установка, и я несу за нее ответственность. Мы еще не знаем, существует ли на самом деле утечка радиации. Нагрудные дозиметры могут быть дефектными или выведенными из строя. Все это может оказаться злобным психологическим трюком со стороны нашего главного противника, направленным на то, чтобы деморализовать нас. Бородин поможет мне. Мы собственными руками отремонтируем эти приборы и проведем тщательный осмотр всех реакторных систем. Я слишком стар, чтобы заводить детей. А пока вношу предложение заглушить реактор и продолжать движение на аккумуляторных батареях. Осмотр потребует не больше четырех часов. Кроме того, я посоветовал бы сократить продолжительность смен у матросов машинного отделения до двух часов. Вы согласны со мной, командир?

- Конечно, товарищ старший механик. Я знаю, что вы способны отремонтировать что угодно.

- Извините меня, товарищ командир, - послышался голос Иванова. - Разве нам не следует сообщить о случившемся в штаб флота?

- У нас приказ - сохранять полное радиомолчание, - ответил Рамиус.

- Зная заранее о приказах, враг вывел из строя наши приборы.., чтобы вынудить нас воспользоваться радиопередатчиком, и тем самым обнаружить себя? - спросил Бородин.

- Да, это не исключено, - ответил Рамиус. - Сначала мы определим, существует ли эта проблема, потом решим, насколько она серьезна. Товарищи, у нас отличная команда и лучшие на флоте офицеры. Мы решим наши проблемы и продолжим выполнение задания. Мы доберемся до Кубы, черт возьми, вопреки всем происка м империалистов!

- Хорошо сказано, - кивнул Мелехин.

- Товарищи, давайте сохраним это в тайне. Не следует будоражить команду из-за того, что вполне может оказаться пустяком, а в крайнем случае мы и сами решим эту проблему, - закончил собрание Рамиус.

Петров был настроен менее оптимистично, а Свиядов всеми силами старался сдержать охватившую его дрожь. Дома его ждала невеста, и он надеялся, что когда-нибудь у них будут дети. Молодой лейтенант был отлично подготовлен, он понимал все, что происходит в реакторе, и знал, как следует поступать в случае нарушений в его работе. Свиядова несколько утешала мысль, что решение проблем, возникающих в реакторе, по большей части можно отыскать в учебнике, кое-кто из авторов которого присутствовали сейчас в кают-компании. Но несмотря на все это, он не мог отделаться от ощущения, будто что-то невидимое и неощутимое вторглось в его тело, и это не могло не вызвать страха у всякого нормального человека.

Совещание закончилось. Мелехин и Бородин прошли на корму, где находился технический склад. Вместе с ними прошел и электрик-мичман, чтобы помочь выбрать необходимые детали. Он обратил внимание на то, что офицеры читают инструкцию по обслуживанию радиационного датчика. Через час мичман сменился с вахты, и вся команда уже знала, что реактор снова заглушили. Мичман посовещался со своим соседом по койке, техником, обслуживающим ракетные установки. Они обсудили причины переборки полудюжины счетчиков Гейгера и других приборов, измеряющих радиацию, вывод был очевиден.

Боцман подлодки услышал их разговор и пришел к собственному выводу.

Хотя боцман служил на атомных подлодках уже добрый десяток лет, он был человеком достаточно невежественным и ко всему, что происходило в реакторном отсеке, относился, как к нечистой силе. Оттуда она приводила в действие корабль, а вот каким образом - этого он постичь не мог и не сомневался, что не без участия бесовского отродья. И сейчас в его представлении эта нечистая сила вырвалась из стального барабана. Не прошло и двух часов, как вся команда знала, что произошло что-то необычное и офицеры еще не придумали, как с этим справиться.

Коки, разнося пишу из камбуза в носовые кубрики, теперь задерживались там как можно дольше. Матросы, которые несли вахту в центральном отсеке, заметил Рамиус, беспокойно переминались с ноги на ногу и после смены тут же спешили в носовые отсеки.

Линейный корабль "Нью-Джерси"

К этому нужно привыкнуть, размышлял коммодор Захари Итон. Когда его флагманский корабль был спущен на воду, он сам еще пускал кораблики в ванне <"Нью-Джерси" - самый крупный в мире линейный корабль, был построен в 1944 году. Он вооружен орудиями калибра 406 мм (16 дюймов)>. В то время русские были союзниками, но союзниками по необходимости - их объединял с американцами общий враг, а не общая цель. Подобно китайцам сегодня, подумал он. В то время врагами были немцы и японцы. За двадцать шесть лет своей службы он часто бывал в обеих странах, а первый корабль, которым он командовал, эскадренный миноносец, вообще базировался в порту Йокосука. Действительно, странный этот мир...

У его флагманского корабля было немало достоинств. Несмотря на огромные размеры, легкое покачивание на десятифутовых волнах напоминало, что он находится в море, а не за столом у себя в квартире. Видимость была около десяти миль, и где-то там, далеко, за ее пределами, милях в восьмистах, находился русский флот. К встрече с ним, как и в старые времена, словно авианосцы так и не появились на свет, готовился его линейный корабль. Эсминцы "Кэрон" и "Стамп" находились в пяти милях от него по каждому борту. Чуть дальше по носу держались крейсеры "Биддл" и "Уэйнрайт", которые обшаривали горизонт своими радарами. Боевая группа надводных кораблей просто крейсировала на месте, вместо того чтобы направиться вперед, как бы хотелось коммодору. От побережья Нью-Джерси в сопровождении двух фрегатов к ним спешил десантный вертолетоносец "Тарава" <"Тарава" - американский универсальный десантный корабль. Несет 1900 солдат морской пехоты, вертолеты и самолеты вертикального взлета и посадки. Водоизмещение 24 тысячи тонн>. На его палубе находились десять ударных истребителей AV-8B "харриер" и четырнадцать противолодочных вертолетов, предназначенных для усиления воздушной мощи боевой группы "Нью-Джерси". Это было нелишним, но не особенно волновало Итона. С баз ВВС в штате Мэн действовало авиакрыло "Саратога" и значительное количество самолетов наземного базирования ВВС, прилагающих немало усилий, чтобы освоить искусство нанесения морских ударов. Авианосец Королевского флота "Инвинсибл" находился в двухстах милях к востоку и занимался противолодочным патрулированием, а в восьмистах милях от этой

боевой группы плыл "Кеннеди", скрывающийся под атмосферным фронтом недалеко от Азорских островов. Итона несколько раздражала помощь британцев. С каких это пор американский военно-морской флот нуждался в чьей-то помощи при защите своих берегов? Впрочем, мы оказали англичанам немало услуг в прошлом.

Русские разделились на три соединения, причем авианосец "Киев" находился на восточном фланге против боевой группы "Кеннеди". Группа "Нью-Джерси" отвечала за соединение, где флагманом была "Москва", тогда как британскому авианосцу "Инвинсибл" противостояло соединение во главе с "Кировым". Данные по всем трем русским соединениям постоянно поступали в центр управления огнем линкора, и оперативный штаб непрерывно перерабатывал их, составляя флагманский план. И все-таки коммодор не мог понять, что замышляют русские.

Итону сообщили, что якобы они ищут пропавшую подлодку, но он верил этому ничуть не больше, чем, например, известию о продаже Бруклинского моста.

Скорее всего, подумал он, они хотят продемонстрировать, что обладают мощным океанским флотом и могут в любой момент подойти к нашим берегам, создав тем самым прецедент.

Это не нравилось Итону.

От собственной роли в операции он тоже не был в восторге. Поставленные перед ним задачи не сочетались друг с другом." Следить за действиями русских подводных лодок было достаточно трудно само по себе. "Викинги" из авиакрыла "Саратога" не действовали в выделенном ему районе, несмотря на посланный запрос, да и большинство "орионов" находилось мористее, ближе к "Инвинсиблу". Его собственные противолодочные силы были едва достаточными для защиты от вражеских подводных лодок и не могли принять участия в преследовании русских субмарин. С прибытием "Таравы" ситуация изменится, но одновременно расширится и район его действий. Вторая задача Итона заключалась в том, чтобы установить и поддерживать контакт с группой "Москва" и немедленно докладывать о любой необычной активности кораблей этой группы главнокомандующему Атлантическим флотом. Вот это имело смысл - по крайней мере до некоторой степени. Если русские надводные корабли предпримут агрессивные действия, в распоряжении Итона достаточно средств справиться с этим. Сейчас принималось решение, на каком расстоянии будет осуществляться слежение за ними.

Проблема заключалась в том, находиться ли поблизости или сохранять дистанцию. Поблизости означало расстояние в двадцать миль - дальность артиллерийской стрельбы. У "Москвы" было десять эскортных кораблей, ни один из них не выдержит двух попаданий его шестнадцатидюймовых снарядов, чтобы остаться наплаву. На расстоянии двадцати миль коммодор мог выбирать: использовать обычные полнокалиберные или подкалиберные снаряды, причем последние наводились на цель с помощью лазерного прицела, установленного на вершине главной мачты линкора. Испытания, проведенные в прошлом году, показали, что он может вести непрерывный артиллерийский огонь со скоростью три снаряда в минуту, причем лазерное наведение будет переключаться с одной цели на другую до тех пор, пока их больше не останется. Однако при этом и сам линкор и сопровождающие его корабли станут уязвимыми для торпедного и

ракетного огня русских кораблей.

Отойдя подальше, Итон по-прежнему мог вести огонь подкалиберными снарядами с расстояния в пятьдесят миль, но при этом снаряды будут направляться на цель лазерным прицелом, находящимся на вертолете линкора. При этом вертушка окажется уязвимой для обстрела ракетами "земля-воздух" и для атак советских вертолетов, вооруженных по имеющимся сведениям, ракетами "воздух-воздух". Для решения этой проблемы "Тарава" доставит сюда два ударных вертолета типа "апачи", вооруженных лазерами, ракетами типа "воздух-воздух" и собственными ракетами типа "воздух-земля" - это были противотанковые ракеты, и предполагалось, что они окажутся эффективными против небольших кораблей.

В этом случае корабли его боевой группы окажутся уязвимыми для ракетного огня, но за свой флагманский корабль Итон не боялся. Если только у русских нет ракет с ядерными боеголовками, их противокорабельные ракеты не смогут нанести серьезного ущерба линкору - он был покрыт бронированными плитами толщиной более фута. Разумеется, русские ракеты могут вывести из строя его радиолокационное снаряжение и средства связи и, что того хуже, потопить эскортные корабли боевой группы, у которых тонкая броня. На его кораблях находились свои противокорабельные ракеты - "гарпуны" <"Гарпун" - американская противокорабельная ракета, дальность полета до 120 км, боеголовка - 225 кг> и "томагавки" <"Томагавк" - американская морская крылатая ракета с высокой точностью наведения> - хотя их было не так много, как хотелось бы коммодору.

А что если за ними охотится русская подводная лодка? Итона не информировали об этом, но ведь никогда не знаешь, где скрывается вражеская субмарина. Ну да ладно - нет смысла беспокоиться обо всем сразу. Подводная лодка может потопить "Нью-Джерси", но для этого ей придется изрядно потрудиться. Если русские действительно готовы на агрессивные действия, они успеют выстрелить первыми, но Итон будет предупрежден об опасности, успеет выпустить свои ракеты и открыть артиллерийский огонь, одновременно вызвав воздушную поддержку. Впрочем, ничего этого не случится, он не сомневался.

Он пришел к выводу, что русские решили провести что-то вроде разведывательной операции и что его задача продемонстрировать им всю опасность подобных действий.

Авиабаза ВМС США, Норт-Айленд, Калифорния

Огромный трактор с прицепом медленно вползал в грузовой отсек транспортного самолета С-5А "гэлэкси". С него не сводили глаз сержант, ответственный за погрузку, два офицеров ВВС и шесть морских офицеров. Как ни странно, только последние, хотя и не имели знаков принадлежности к авиации, хорошо разбирались в процедуре погрузки. На тракторе был точно помечен центр тяжести, и морские офицеры наблюдали за тем, как отметка приближается к определенной цифре, выгравированной на полу грузового отсека гигантского самолета. Погрузка должна быть выполнена с максимальной точностью. Любая ошибка роковым образом нарушит дифферент самолета и подвергнет смертельной опасности жизни экипажа и сопровождающих груз пассажиров.

- О'кей, стоп! - скомандовал старший офицер. Водитель был только рад этому приказу. Он оставил ключи в замке зажигания, затянул тормоза и, поставив рычаг переключения передачи на скорость, спустился из кабины. Кто-то другой выведет трактор с прицепом из самолета на противоположном побережье страны. Сержант и шестеро солдат тут же принялись за работу, прикрепляя стальные тросы к рым-болтам на тракторе и прицепе, чтобы накрепко застопорить тяжелый груз. При смещении груза самолет редко удавалось спасти, а С-5А не был оснащен катапультируемыми креслами.

Убедившись, что его подчиненные работают должным образом, сержант подошел к пилоту. Ему было двадцать пять лет, и он любил этих летающих гигантов, несмотря на их несколько подмоченную репутацию.

- Капитан, а что это за штуковина?

- Это ГСУ - глубоководное спасательное устройство, сержант.

- А сзади написано "Авалон", сэр, - не успокоился сержант.

- Значит, у него есть имя. Это что-то вроде спасательной шлюпки для подводников. Спускается на большую глубину, чтобы вызволить команду, когда с подлодкой что-то случается.

- А-а. - Сержант задумался. Ему приходилось перевозить танки, вертолеты, другие грузы, однажды целый батальон на своем - он считал самолет своим - "Гэлэкси". Но впервые доводилось перевозить корабль. Если у него есть название, решил сержант, значит, это корабль. Черт побери, выходит, "Гэлэкси" на все способен! - А куда мы должны доставить его, сэр?

- На базу ВМС в Норфолке, я сам там ни разу не был. - Пилот внимательно наблюдал, как укрепляют груз. Дюжину тросов уже протянули, после того как протянут еще двенадцать, их закрепят, чтобы не допустить ни малейшего смещения груза. - По нашим расчетам на перелет потребуется пять часов сорок минут - полностью на топливе внутренних баков. Струйное течение сегодня попутное. Погоду обещают приличную до самого Восточного побережья. Там сутки отдохнем, вернемся в понедельник утром.

- Парни ваши быстро работают. - Старший из флотских офицеров, лейтенант Эймс, подошел к летчику.

- Да, лейтенант, еще двадцать минут, и все будет готово. - Пилот посмотрел на часы. - Вылетим вовремя.

- Не спешите, капитан. Если эта хреновина сдвинется во время полета, у нас пропадет весь день. Где мне разместить людей?

- Впереди, в носовом отсеке верхней палубы. Там хватит места человек для пятнадцати.

Лейтенант Эймс знал об этом и сам, но промолчал. Ему не раз доводилось летать со своим ГСУ через Атлантику, а однажды и через Тихий океан, и всякий раз на С-5, но каждый раз на другом.

- Вы не знаете, из-за чего такая спешка? - поинтересовался пилот.

- Представления не имею, - ответил Эймс. - Приказали, чтобы я со своей крошкой прибыл в Норфолк.

- А вы на самом деле опускаетесь на глубину в этой красотке? - не успокаивался сержант.

- За это мне и платят. Однажды я опускался в ней на глубину четыре тысячи восемьсот футов, почти на милю. - Эймс с гордостью посмотрел на свой

подводный корабль.

- На целую милю под водой? Боже милостивый! Э-э, извините меня, сэр, и вам не страшно? Давление воды и все такое?

- Не так чтобы очень. Я опускался на двадцать тысяч футов в "Триесте" <"Триест" - один из самых глубоководных в мире батискафов>. На такой глубине очень интересно. Столько необыкновенных рыб. - Хотя Эймс являлся кадровым подводником, его призванием были научные исследования. Он имел ученую степень по океанографии и опускался в морские глубины или командовал всеми глубоководными устройствами военно-морского флота, за исключением атомного NR-1. - Разумеется, давление воды превратит тебя в лепешку, если что-то случится, но все произойдет так быстро, что ничего не успеешь заметить. Если вы, парни, хотите побывать со мной под водой, может быть, мне удастся договориться об этом. Поверьте, там, внизу, совершенно другой мир.

- Спасибо, сэр, не стоит. - Сержант отправился поторопить своих ребят.

- Вы ведь несерьезно? - поинтересовался пилот.

- Почему же? Ничего страшного. Мы все время опускаемся со штатскими пассажирами, и, поверьте, это куда менее опасно, чем управлять вот этим огромным белым китом во время дозаправки в воздухе.

- Пожалуй, - с сомнением кивнул пилот. Он осуществлял дозаправку в воздухе сотни раз. Для него это была самая обычная работа, и пилота удивило, что кто-то считает ее опасной. Конечно, нужна осторожность, но ведь, черт возьми, она не лишняя и на шоссе, когда утром едешь на службу. Пилот был уверен, что в случае катастрофы с этой карманной подлодкой от человека останется так мало, что и креветкам на завтрак не хватит. В конце концов, каждому свое, решил летчик.

- Но ведь вы не выходите в море на этой штуке сами по себе?

- Нет, обычно мы работаем с борта спасательного судна "Пиджин" или "Ортолан". Можем действовать также и с обычной подлодки. Это приспособление, которое вы видите вон там, на прицепе, называется соединительной манжетой. Мы опускаемся на кормовую часть подводной лодки у ее спасательного люка, закрепляемся там, и подводная лодка доставляет нас, куда нужно.

- Это как-то связано с шумихой на Восточном побережье?

- Весьма вероятно, но официально никто ничего нам не говорил. В газетах пишут, что у русских пропала подлодка. Если это так, мы опустимся вниз, осмотрим ее, может быть, спасем тех членов команды, которые остались в живых. За один раз мы можем поднять от двадцати до двадцати пяти человек. Наша соединительная манжета спроектирована таким образом, что годится как для русских, так и для наших подлодок.

- Тот же размер?

- Почти. - Эймс многозначительно поднял брови. - Стараемся предусмотреть все нештатные ситуации.

- Интересно.

Северная Атлантика

Истребитель Як-36 взлетел с палубы "Киева" полчаса назад. Сначала его курс определял гирокомпас, а затем локатор на коротком стабилизаторе руля.

Задача у старшего лейтенанта Виктора Шаврова была непростой. Ему предстояло приблизиться к американскому самолету раннего электронного обнаружения Е-3А "сентри" - последние трое суток один из них постоянно следовал за его соединением. Американский самолет типа АВАКС проявлял осторожность и всегда барражировал за пределами дальности действия ракет типа "корабль-воздух", но держался достаточно близко к советской эскадре и докладывал на базу о каждом ее маневре. Он походил на грабителя, следящего за чьей-то квартирой на глазах владельца, который не в силах что-либо предпринять.

Задача Шаврова состояла в том, чтобы что-то предпринять. Разумеется, он не имел права открывать огонь. Приказ адмирала Штралбо на авианосце "Киров" был недвусмысленным. И все-таки у Шаврова висели под крыльями две ракеты теплового наведения типа "атолл", и уж, будьте уверены, буржуи их увидят. Летчик, как и его адмирал, полагал, что таким образом американцам будет преподан урок: советский военно-морской флот не любит, чтобы вокруг крутились империалистические ищейки, и не ровен час... Его миссия заслуживала затраченных усилий.

А усилия требовались весьма значительные. Чтобы избежать обнаружения радаром, Шаврову пришлось лететь так медленно и низко, как только позволяли возможности самолета - всего в двадцати метрах над бушующей Атлантикой. Таким образом он надеялся затеряться в бликах, отражающихся от морских волн на экране радара. Его скорость составляла двести узлов. Это способствовало экономии горючего, чтобы запаса хватило на продолжительный полет. Но из-за малой высоты истребитель резко бросало в неспокойном над бушующими волнами воздухе. Над самой морской поверхностью висел туман, ограничивающий видимость несколькими километрами. Тем лучше, подумал Шавров. Из-за характера операции выбор не случайно пал на него. Шавров был одним из немногих советских летчиков, имевших опыт полетов на малой высоте. Он стал морским летчиком не сразу. Сначала он летал на штурмовых вертолетах фронтовой авиации в Афганистане, и после года кровавых боев его повысили и перевели в штурмовую авиацию. Шавров стал мастером бреющих полетов по необходимости - преследовал бандитов и контрреволюционеров, которые бежали в горы, словно крысы от воды. Этот опыт был ценным для морской авиации, и лейтенанта перевели на авианосцы, даже не поинтересовавшись его согласием. За несколько месяцев Шавров освоился с новой службой, тем более что дополнительные блага и более высокое жалование выгодно отличали ее от прежней на авиабазе у китайской границы. Шавров был причислен к нескольким сотням советских летчиков, получивших право летать с авианосцев, и это смягчило горечь того, что теперь он не, мог попробовать новый МиГ-27, хотя, если повезет и будет наконец закончено строительство первого полноразмерного советского авианосца, у него появится шанс полетать на морском варианте этой замечательной птички. Ради этого можно было и подождать, а после нескольких успешных вылетов вроде нынешнего ему могут дать и эскадрилью.

Однако в сторону мечтания. Операция требует особой сосредоточенности. Вот это дело для настоящего летчика! Шавров никогда не мерялся силами с американцами, только изучал оружие, которым они снабжали афганских бандитов. Немало его друзей погибли от этого оружия, а несколько сбитых, но уцелевших, встретили кровавую смерть от рук бандитов, причем по сравнению с их

жестокостью даже немецкие изуверства казались детскими шалостями. Неплохо бы преподать урок империалистам!

Радиолокационный сигнал становился все сильнее. Магнитофон под его катапультируемым креслом непрерывно записывал характеристики радиолокационных сигналов, излучаемых американским АВАКСом, чтобы затем советские ученые нашли способы, как глушить и ставить в тупик этот хваленый американский летающий глаз. Их воздушный радар представлял собой всего лишь переоборудованный Боинг-707, знаменитый гражданский извозчик, вряд ли являющийся достойным противником для такого аса, как он. Шавров сверился с картой. Нужно побыстрее обнаружить противника. Затем он проверил запас топлива. Последний подвесной бак он сбросил несколько минут назад, и теперь летел на горючем во внутренних баках. Турбовентиляторный двигатель прямо-таки жрал топливо, и с датчика горючего нельзя спускать глаз. Обычно он так рассчитывал запас топлива, чтобы при посадке на авианосец его оставалось на пять или десять минут летного времени. Это его не беспокоило: он совершил уже больше сотни посадок.

Наконец-то! Острый глаз Шаврова заметил солнечный блик, отразившийся от металла в направлении на час. Он плавно потянул рычаг на себя и несколько увеличил мощность двигателя, набирая высоту. Через минуту он достиг высоты две тысячи метров. Теперь он отчетливо видел "сентри", голубая окраска которого сливалась с цветом темнеющего неба. Шавров заходил ему под хвост, и в случае удачи хвостовое оперение американского самолета заслонит его от вращающейся радиолокационной антенны. Просто блеск! Он промчится несколько раз мимо "сентри", даст возможность экипажу увидеть висящие под крыльями "атоллы" и затем...

Шаврову понадобилось несколько мгновений, чтобы заметить летящий рядом истребитель.

Два истребителя.

В пятидесяти метрах слева и справа летела пара американских "иглов". Прямо на него из-под темной маски смотрели глаза американского летчика.

- Як-106, Як-106, отвечайте на вызов. - Голос по каналу единой полосы радиочастот говорил по-русски безупречно, без малейшего акцента.

Шавров не отозвался. Они прочли номер его самолета на кожухе двигателя еще до того, как он успел их заметить.

- Сто шестой, сто шестой, вы приближаетесь к самолету "сентри". Просим назвать себя и сообщить о намерениях. Нам не нравится, когда к нам приближается истребитель, поэтому последние сто километров за вами следуют три наших перехватчика.

Три? Шавров повернул голову и посмотрел назад. Третий "игл" с четырьмя ракетами "спэрроу" под крыльями висел в пятидесяти метрах от его хвоста, в направлении точно на шесть часов.

- Сто шестой! Наши парни просят передать вам свое восхищение вашим умением летать так медленно и низко.

Лейтенант Шавров буквально дрожал от ярости. Он уже миновал отметку четыре тысячи метров, но все еще находился на восемь тысяч ниже американского АВАКСа. Как так, ведь при подлете к цели он проверял свой хвост каждые тридцать секунд! Американцы, по-видимому, сначала поотстали,

спрятались в тумане, а потом направились к нему по сигналу с "сентри". Шавров выругался про себя, продолжая лететь к цели. Он проучит этот АВАКС!

- Немедленно отверните, сто шестой. - Голос звучал холодно, без всяких эмоций, разве что с оттенком иронии. - Сто шестой, если вы немедленно не отвернете, мы будем считать ваши намерения враждебными. Подумайте об этом, сто шестой. Вы уже за пределами дальности действия радиолокаторов своих кораблей и еще не вошли в сферу действия наших ракет.

Шавров посмотрел направо. "Игл" отворачивал в сторону, и левый истребитель делал то же самое. Что это значит? Жест доброй воли? Они отпускают его, ожидая, что и он ответит тем же? Или дают возможность открыть огонь истребителю, находящемуся сзади? Черт знает, что придет в голову этим гадам империалистам! Он по-прежнему находился по крайней мере в минуте от дальности действия их ракет. Шавров был далеко не трусом. При этом, однако, он не был и дураком. Он наклонил ручку и отвернул на несколько градусов вправо.

- Спасибо, сто шестой, - отозвался голос. - Тут на борту нашего АВАКСа несколько стажеров, и двое из них - женщины. Нам бы не хотелось расстраивать их при первом же вылете.

Это было уже слишком. Шавров не выдержал и нажал на кнопку радиопередатчика.

- Сказать, что тебе делать с твоими бабами, янки?

- Вы грубиян, сто шестой, - укоризненно упрекнул американец. - По-видимому, ваши нервы пострадали от продолжительного полета над волнами. У вас на пределе запас горючего, сто шестой. И погода не шепчет... Вам не нужна проверка координат?

- Проваливай, янки!

- Как нехорошо, сто шестой. Обратный курс к "Киеву" - сто восемьдесят пять градусов по гирокомпасу. Знаете, в таких высоких широтах пользоваться магнитным компасом следует с большой осторожностью. Расстояние до "Киева" - 318,6 километра. Предупреждаю - с юго-запада быстро надвигается холодный фронт, так что через пару часов летать будет еще хуже. Вам не нужен эскорт до "Киева"?

Вот свинья! - мысленно выругался Шавров. Он выключил радио, кляня себя за несдержанность - допустить, чтобы американцы так задели его самолюбие! Как и у большинства летчиков-истребителей, у него было больное самолюбие.

- Сто шестой, мы не приняли вашей последней передачи. Два моих "игла" летят в сторону вашего авианосца и проследят за тем, чтобы вы благополучно вернулись домой. Желаю удачи, товарищ. Это был "сентри-новембер", конец связи.

Американский лейтенант повернулся к своему полковнику, его распирало от смеха.

- Господи, я думал, лопну от такого разговорчика! - Он отпил из пластмассового стаканчика кока-колы. - Подумать только, он всерьез был уверен, что сумел подкрасться к нам незамеченным.

- Надо думать, ты обратил внимание, что ему удалось подлететь почти на дальность своего "атолла" - оставалось меньше мили, а у нас не было разрешения открывать огонь, если он не выпустит ракету первым в одного из

нас. Это испортило бы нам весь день, - проворчал полковник. - А ты здорово накрутил ему хвост, лейтенант.

- Получил огромное удовольствие, полковник. - Оператор посмотрел на экран. - Ну что ж, он возвращается к мамочке, а "Кобра-3" и "Кобра-4" висят у него на хвосте. Не завидую этому русскому, когда он вернется домой. Если вернется. Даже с подвесными баками он был на пределе дальности полета. - Лейтенант задумался. - Как вы считаете, полковник, если они снова выкинут такую штуку, не предложить ли парню перелететь к нам?

- Из-за Яка? Зачем он нам? Если только морская авиация не прочь заполучить самолет, чтобы поиграть с ним. У них мало русских самолетов, но ведь этот Як только на металлолом и годен.

Шавров с трудом преодолел искушение включить двигатель на форсаж. Для одного дня он и так уже проявил достаточную слабость. К тому же его Як может превысить скорость звука только при крутом пике, тогда как американские "иглы" в состоянии сделать это при наборе высоты и у них много топлива. Он видел у них дополнительные баки, прикрепленные вдоль бортов. Да с ними они смогут пересечь океан! Черт бы побрал этих американцев с их высокомерием! Черт бы побрал офицера разведотдела авианосца, который сказал, что Шавров сможет незаметно подкрасться к "сен-три"! Пусть туда летают Ту-22М <Ту-22М, или по принятой НАТО номенклатуре "бэкфайер", - советский сверхзвуковой бомбардировщик с изменяемой геометрией крыла> с ракетами "воздух-воздух". Вот они справятся с этим хваленым пассажирским автобусом, собьют быстрее, чем успеют отреагировать охраняющие его истребители.

Шавров заметил, что американцы не лгали насчет погоды. В сторону северо-востока нес облака холодный шквальный ветер, и он увидел их на горизонте в тот момент, когда приблизился к "Киеву". При виде русского соединения американские истребители развернулись и разошлись. Один истребитель, пролетев рядом, покачал крыльями. В ответ на прощальный жест Шаврова американец кивнул. "Иглы" выстроились в пару и повернули на север.

Через пять минут после этого его Як совершил посадку на палубу авианосца. Как только под колеса подставили тормозные башмаки, Шавров, все еще бледный от едва сдерживаемой ярости, спрыгнул на палубу и направился к командиру эскадрильи.

Кремль

Москва по праву славится своим метрополитеном. Буквально за гроши люди могут проехать практически в любое место гигантского города в сверкающих вагонах современной и удобной электрической подземки. В случае войны подземные туннели могут миллионам москвичей послужить бомбоубежищем. Этим горожане обязаны Никите Хрущеву. Когда в середине тридцатых годов началось строительство метро, он высказал Сталину мысль, что закладывать туннели следует поглубже. Сталин одобрил эту идею. Строительство туннелей глубокого залегания на десятилетия опередило время: деление атомного ядра было тогда еще только теорией, а о термоядерной реакции даже и не думали.

От ветки, соединяющей площадь Свердлова со старым аэропортом, проходящей рядом с Кремлем, проложили туннель, который впоследствии закрыли

десятиметровыми железобетонными плитами. Это стометровое подземное помещение соединялось с правительственными зданиями Кремля двумя шахтными лифтами. С течением времени помещение превратилось в аварийный центр управления страной, откуда Политбюро могло руководить жизнью гигантской империи. Туннель позволял также тайно добраться до маленького аэродрома, с которого члены Политбюро могли перелететь в тайное убежище, расположенное под гранитным монолитом в Жигулях. Ни один из этих центров управления не представлял собой тайны для Запада - оба существовали для этого слишком долго, - но КГБ уверенно заявляло, что в западных арсеналах нет оружия, способного проникнуть сквозь сотни метров скального грунта, отделявшего эти убежища от поверхности.

Такого рода предосторожности мало трогали адмирала Юрия Ильича Падорина. Он сидел на дальнем конце длинного стола и смотрел на мрачные лица десяти членов Политбюро. Это был узкий круг руководителей, принимавших стратегические решения, определяющие судьбу всей страны. Ни один из них не был военным. Кадровые военные лишь отчитывались перед ними. Слева от Падорина сидел адмирал Сергей Горшков, который сумел искусно отмежеваться от неприятного инцидента - он даже раздобыл письмо, где возражал против назначения Рамиуса на должность командира "Красного Октября". Падорин, занимавший должность начальника Главного политического управления ВМФ, воспротивился тогда переводу Рамиуса на новую должность, сославшись на то, что подводник, выдвинутый Горшковым на пост командира "Красного Октября", порой запаздывал с уплатой членских взносов и слишком редко для офицера, являющегося кандидатом на столь важный пост, выступал на партийных собраниях. На самом же деле офицер, предложенный Горшковым на должность командира ракетоносца, был более слабым специалистом, чем Рамиус, которого Горшков хотел включить в состав своего оперативного управления и отчего Рамиусу до сих пор удавалось успешно увертываться.

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза и президент СССР Андрей Нармонов перевел взгляд на Падорина. Лицо его, как всегда, было непроницаемым. По его выражению никто никогда ничего не мог определить, если только Нармонов сам не хотел продемонстрировать это окружающим. Нармонов. - занял пост генерального секретаря после Андропова, когда тот скончался от инфаркта. О смерти Андропова ходило много слухов, но в Советском Союзе все окружено слухами. Еще никогда со времени Лаврентия Берии глава Комитета госбезопасности не оказывался так близко к вершине власти - старейшие члены Политбюро позволили себе забыть о прошлом. Теперь об этом не забывал никто. Понадобился целый год, чтобы снова подчинить КГБ партийной власти. Это явилось первоочередной мерой по защите привилегий партийной элиты от предполагаемых андроповских реформ.

Как аппаратчик Нармонов не имел себе равных. Он стал известен, будучи директором завода, за которым установилась репутация человека, способного выполнять и перевыполнять планы, любой ценой добиваться результатов. Потом он постепенно поднимался по служебной лестнице, используя собственные незаурядные способностями и прибегая в случае необходимости к помощи других, награждая тех, кто были нужны, и пренебрегая теми, без кого можно было обойтись. Власть генерального секретаря КПСС еще не перешла полностью в руки

Нармонова. Он все еще относился к числу "молодых" партийных деятелей и был вынужден искать поддержку со стороны постоянно меняющейся коалиции других членов Политбюро, которые не были его друзьями, поскольку у таких людей не бывает друзей. Взлет на должность генерального секретаря явился результатом, скорее, связей внутри партийного аппарата, чем личных способностей, и его положение в течение нескольких следующих лет будет зависеть от коллективного мнения остальных членов Политбюро, пока не наступит момент, когда он сам сможет диктовать политическую линию партии.

Падорин заметил, что темные глаза Нармонова покраснели от табачного дыма. Вентиляционная система в этом подземном бункере никогда не работала должным образом. Генеральный секретарь с прищуром смотрел на Падорина с противоположного конца стола, решая, что сказать, что может понравиться членам этой дворцовой камарильи, этим десяти равнодушным ко всему старикам.

- Товарищ адмирал, - начал он холодно, - мы уже знаем от товарища Горшкова, каковы шансы найти и уничтожить мятежную подводную лодку, прежде чем она завершит свое безумное преступление. Мы не удовлетворены его сообщением, равно как и возмущены невероятной ошибкой, совершенной вами при оценке людей, в результате которой командование лучшей стратегической подлодкой советского военно-морского флота попало в руки этого мозгляка и предателя. Мне хотелось бы узнать от вас, товарищ адмирал, что случилось с замполитом "Красного Октября" и какие меры приняты вами для того, чтобы подобное преступление не повторилось.

В голосе Нармонова не было страха, но Падорин знал, что генеральный секретарь напуган. В конечном итоге именно его могут обвинить в этой "невероятной ошибке" те, кто давно стараются посадить в кресло главы партии своего человека, если только Нармонову не удастся переложить вину на кого-то другого, найти козла отпущения. Лучше всего для этой роли подходил он, адмирал Падорин. А для Нармонова было обычным делом спустить шкуру с подчиненного.

Падорин несколько дней готовил себя к этой экзекуции. Он прошел в свое время через пекло непрерывных боев, ему чудом удалось не раз спастись с гибнущих кораблей. И хотя с годами сил не прибавилось, но ум его не оскудел. Каким бы не было наказание, он встретит свою судьбу с достоинством. Если они увидят во мне дурака, то пусть помнят, что это был мужественный дурак. В любом случае у него почти не осталось того, ради чего стоило жить.

- Товарищ генеральный секретарь, - начал он, - замполит на борту "Красного Октября" - капитан второго ранга Иван Юрьевич Путин, преданный член партии, несгибаемый коммунист. Я не могу представить себе...

- Товарищ Падорин, - прервал его министр обороны Устинов, - мы исходим из того, что вы также не могли представить себе неслыханное предательство этого Рамиуса. Неужели вы считаете, что мы сможем положиться на ваше суждение о высоких моральных качествах замполита?

- Нас больше всего беспокоит то обстоятельство, - добавил Михаил Александров, главный теоретик партии, сменивший на этом посту умершего Михаила Суслова и стремящийся теперь доказать, что он защищает чистоту партийной доктрины даже лучше, чем скончавшийся партийный идеолог, - с какой терпимостью относилось Главное политическое управление к этому ренегату. Это

кажется тем более невероятным, что предатель даже не скрывал своих усилий, создавая собственный культ среди офицеров-подводников, причем, судя по всему, даже среди политработников. Ваше преступное стремление не обращать внимания на это очевидное отклонение от политики партии еще более ослабляет наше доверие к тому, как вы оцениваете политические качества людей.

- Товарищи, вы совершенно правильно указываете на то, что я совершил грубую ошибку, поддержав кандидатура Рамиуса на должность командира "Красного Октября", и что мы позволили ему лично выбрать большинство старших офицеров при комплектовании команды ракетоносца. В то же самое время я хочу обратить ваше внимание на то, что несколько лет назад мы приняли решение придерживаться именно такой политики при комплектовании команд подлодок, стараться, чтобы офицеры подольше оставались на одной и той же подлодке, предоставив ее командиру самостоятельно решать вопросы, касающиеся службы этих офицеров. Это оперативная проблема, а не политическая.

- Мы уже обсуждали это, - ответил Нармонов. - Действительно, в данной ошибке нельзя винить только одного человека.

Горшков продолжал сидеть словно высеченный из камня, однако слова генерального секретаря ясно показывали, что его усилия выйти сухим из воды оказались тщетными. Нармонову было наплевать, сколько голов понадобится для того, чтобы укрепить его пошатнувшийся трон.

- Товарищ генеральный секретарь, - возразил Горшков, - эффективность нашего флота...

- Эффективность? - перебил Александров. - Значит, речь идет об эффективности. Этот литовский полукровка эффективно дурачит весь флот вместе с отобранными им офицерами, пока наши остальные корабли носятся по океану, как только что кастрированные быки. - Александров тем самым намекнул на то, что начинал свой трудовой путь в совхозе. Нельзя придумать более подходящего начала для идеолога партии, считали многие, поскольку его ненавидели как чуму, но в Политбюро такой человек был необходим. Именно он определял идеологическую политику партии, был "серым кардиналом", делом его рук был выбор "королей", и от него во многом зависело, кто займет пост генерального секретаря. На чьей стороне он теперь - кроме собственной, разумеется?

- Вероятнее всего, Путин убит, - продолжил Падорин. - У него единственного остались дома жена и дети.

- Вот это мой второй вопрос, - вставил Нармонов, заметив слабое место противника. - Почему никто из офицеров "Красного Октября" не имеет семей? Разве это о чем-то не говорит? Неужели мы, члены Политбюро, должны следить даже за такой ерундой? Вы что, не можете думать самостоятельно?

Как будто вы разрешите нам это, подумал Падорин.

- Товарищ генеральный секретарь, большинство командиров наших подлодок предпочитают, чтобы у них служили молодые неженатые офицеры. Морская служба требует от человека всех сил, а мысли одиноких мужчин меньше отвлекаются на проблемы, не связанные с морем. Более того, каждый старший офицер подводного ракетоносца "Красный Октябрь" является достойным членом партии и отлично проявил себя в прошлом. Я не отрицаю, что Рамиус оказался предателем, и я с радостью придушил бы этого мерзавца собственными руками, но он обманул больше умных людей, чем находится сейчас в этом помещении.

- Вот как? - заметил Александров. - Раз мы оказались теперь по горло в дерьме, как нам выбраться из него?

Падорин сделал глубокий вдох. Это был вопрос, которого он ждал.

- Товарищи, на борту "Красного Октября" есть еще один агент главного политического управления, о существовании которого не известно ни Путину, ни Рамиусу.

- Что?! - воскликнул Горшков. - Почему мне не известно об этом?

- Это первые разумные слова, которые мы услышали сегодня, - улыбнулся Александров. - Продолжайте.

- Этот человек входит в состав команды в качестве рядового матроса. Он связан непосредственно с центральным аппаратом ГПУ, минуя все оперативные и политические каналы. Его зовут Игорь Логинов. Ему двадцать четыре года...

- Двадцать четыре! - негодующе воскликнул Нармонов. - Как вы могли доверить мальчишке столь ответственное поручение?

- Товарищ генеральный секретарь, задача Логинова в том, чтобы ничем не выделяться среди остальных матросов, слушать их разговоры и искать возможных предателей, шпионов и саботажников. На самом деле он выглядит еще моложе. Логинов служит с молодыми людьми призывного возраста и потому сам должен быть молодым. В действительности же он закончил Высшее военно-морское политическое училище в Киеве и Разведывательную академию ГРУ. Он сын Аркадия Ивановича Логинова, директора казанского сталелитейного завода имени Ленина. Многие из вас знакомы с его отцом. - Сидевшие за столом закивали, вместе с ними кивнул и Нармонов. В глазах его промелькнула искорка интереса. - Для выполнения такого задания выбираются самые надежные и проверенные люди. Я сам встретился и побеседовал с этим молодым человеком. У него безупречное прошлое, и он советский патриот до мозга костей.

- Я знаком с его отцом, - подтвердил Нармонов. - Аркадий Иванович - отличный человек и воспитал достойных сыновей. Какие поручения даны этому юноше?

- Как я уже сказал, товарищ генеральный секретарь, при обычных обстоятельствах он должен прислушиваться к разговорам членов команды, присматриваться к ним и докладывать о том, что ему удалось выяснить. Логинов занимался этим два года и отлично проявил себя. Он не связан с замполитом подлодки и посылает свои донесения прямо в Москву или встречается с одним из моих представителей. С замполитом ему приказано связаться в крайнем случае. Если Путин жив - а я сомневаюсь в этом, - он должен быть одним из предателей, и тогда Логинов не обратится к нему. В случае самой крайней необходимости он получил приказ взорвать корабль и спастись.

- Это действительно возможно? - спросил Нармонов. - Что скажете. Горшков?

- Товарищи, на всех наших кораблях, особенно на подводных лодках, установлены мощные подрывные заряды, способные быстро затопить судно.

- К сожалению, - покачал головой Падорин, - они, как правило, лишены взрывателей и установить их может только капитан. После случая со "Сторожевым" нам в Главном политическом управлении пришлось признать, что подобное может повториться и наиболее опасная ситуация создастся в том случае, если это произойдет с подводной лодкой, вооруженной ядерными

ракетами стратегического назначения.

- А-а, - не выдержал Нармонов, - этот юноша служит техником и обслуживает ракетные установки?

- Нет, товарищ генеральный секретарь, он корабельный кок, - ответил Падорин.

- Великолепно! Весь день варит картошку! - Нармонов вскинул вверх руки. Он почувствовал, что его надежды рассыпались в прах и перестал сдерживать ярость. - Вы понимаете, Падорин, что вам угрожает расстрел?

- Товарищ генеральный секретарь, будучи коком, он вне всяких подозрений. - Падорин говорил спокойно и хладнокровно, стараясь показать этим людям, что не боится смерти. - На "Красном Октябре" камбуз и офицерская кают-компания находятся на корме. Кубрики команды - в носовой части, и матросы едят там, потому что у них нет общего помещения. Между камбузом на корме и матросскими кубриками в носу расположен ракетный отсек, и кок вынужден проходить через него десятки раз в день, так что его присутствие в ракетном отсеке не является чем-то необычным. Корабельный морозильник расположен на нижней передней ракетной палубе. Наш план принимает во внимание то обстоятельство, что командир ракетоносца может извлечь взрыватели из подрывных зарядов и спрятать. Прошу принять во внимание, товарищи, что мы тщательно продумали все детали нашего плана.

- Продолжайте, - пробурчал Нармонов.

- Как объяснил раньше товарищ Горшков, на борту "Красного Октября" находятся двадцать шесть баллистических ракет класса "морской ястреб". Они работают на твердом топливе, и на одной ракете находится предохранительное взрывное устройство, срабатывающее на расстоянии.

- Взрывное устройство, срабатывающее на расстоянии? - В голосе Нармонова прозвучало недоумение.

До этого момента остальные военные, приглашенные на заседание, сидели молча. Падорина удивило, когда тишину нарушил генерал В. М. Вышенков, командующий Ракетными войсками стратегического назначения.

- Эти детали прорабатывались нашими исследовательскими бюро несколько лет назад. Как вам известно, при испытании ракет на них устанавливают предохранительные взрывные устройства, действующие на расстоянии. Они предназначены для того, чтобы взорвать ракету, если она отклонится от заданной траектории. В противном случае ракета может упасть на один из наших городов. С баллистических ракет, состоящих на боевом дежурстве, эти устройства обычно сняты - по очевидной причине, иначе империалисты могут найти способ взрывать их в полете.

- Значит, наш юный товарищ из ГРУ взорвет ракету. А что случится с боеголовками? - спросил Нармонов. Будучи инженером по образованию, он всегда интересовался техническими подробностями, и умные идеи привлекали его.

- Товарищ генеральный секретарь, - продолжал Вышенков, - боеголовки на баллистических ракетах приводятся в боевую готовность с помощью акселерометров. Таким образом, взрывные механизмы не будут взведены до тех пор, пока ракеты не достигнут расчетной скорости. Американцы пользуются аналогичной системой и по той же причине, чтобы избежать вредительства. Эти системы абсолютно надежны. Вы можете сбросить такую боеголовку с вершины

московской телевизионной башни на стальную плиту, и она не взорвется. - Генерал имел в виду огромную телевизионную башню в Останкино, строительством которой руководил лично Нармонов в бытность министром связи. Вышенков неплохо разбирался в политике.

- На ракете с твердым топливом, - добавил Падорин, понимая, что теперь он в долгу у Вышенкова, и надеясь, что сумеет прожить достаточно долго, чтобы вернуть долг, - предохранительное устройство воспламеняет одновременно все три ступени ракеты.

- Значит, ракета взлетает? - спросил Александров.

- Нет, товарищ академик. Третья ступень может взлететь, если сумеет пробить крышку ракетной установки. При этом ракетный отсек будет затоплен, и субмарина пойдет ко дну. Но даже если этого не произойдет, первые две ступени содержат столько тепловой энергии, что вся подводная лодка превратится в массу расплавленного металла, а это в двадцать раз больше, чем требуется, чтобы потопить ее. Логинов знает, как обойти предохранительную систему на ракете, подготовить к взрыву дистанционный механизм, установить таймер и выброситься из подлодки с помощью спасательной капсулы.

- Значит, его задача заключается не только в том, чтобы просто уничтожить корабль? - спросил Нармонов.

- Товарищ генеральный секретарь, - ответил Падорин, - нельзя требовать от молодого человека, чтобы он исполнил свой долг, зная, что при этом его ждет неминуемая смерть. Было бы нереально требовать от него такого самопожертвования. У него должна остаться хоть какая-то надежда на спасение, в противном случае человеческая слабость может помешать ему выполнить поставленную задачу.

- Это разумно, - кивнул Александров. - Молодежь питает надежда, а не страх. В случае успеха Логинов может рассчитывать на высокую награду.

- И он получит ее, - согласился Нармонов. - Мы должны принять все меры, чтобы спасти этого молодого человека, Горшков.

- Если только на него действительно можно положиться, - добавил Александров.

- Я знаю, товарищ академик, что от этого зависит моя жизнь. - Падорин выпрямился, глядя прямо перед собой. Он не услышал ответа, только увидел, как почти одновременно кивнули сидевшие за столом. Он не раз смотрел в глаза смерти и сейчас был в том возрасте, когда для мужчины главное - сохранить достоинство.

Белый дом

Арбатов вошел в Овальный кабинет в конце дня, когда часы показывали без десяти пять. Президент и доктор Пелт сидели в креслах у письменного стола.

- Заходите, Алекс. Хотите кофе? - Президент указал в сторону подноса на краю стола. Арбатов заметил, что сегодня нигде не видно стакана с виски.

- Нет, господин президент, спасибо. Могу я спросить...

- Нам кажется, что мы нашли вашу подлодку, господин посол, - ответил Пелт. - Нам только что принесли вот эти донесения, и мы просматриваем их. - Советник по национальной безопасности поднял кверху толстую папку с бланками

радиотелеграмм, - Где ее обнаружили, разрешите спросить? - Лицо советского посла было непроницаемым.

- Примерно в трехстах милях к северо-востоку от Норфолка. Точные координаты еще не определены. Один из наших кораблей зарегистрировал подводный взрыв в этом районе - впрочем, нет, все было по-другому. Взрыв был записан на пленку и обнаружен спустя несколько часов при проверке пленки. По мнению подводников, в результате этого взрыва лодка затонула. Извините, господин посол, - виновато покачал головой Пелт, - мне не следовало брать на себя столь сложные объяснения без помощи переводчика. Скажите, на вашем флоте тоже принято говорить на своем, морском языке?

- Военным не хочется, чтобы их понимали штатские, - улыбнулся Арбатов. - Так повелось с тех пор, как доисторический человек впервые поднял камень.

- Короче говоря, сейчас район предполагаемой катастрофы прочесывают корабли и патрульные самолеты. Президент поднял голову.

- Алекс, несколько минут назад я говорил с командующим морскими операциями, Дэном Фостером. По его мнению вряд ли следует надеяться, что удастся спасти кого-нибудь. Глубина там больше тысячи футов, и вы знаете, какой бушует шторм. Мне сказали, что это на самой границе континентального шельфа.

- Норфолкский каньон, сэр, - добавил Пелт.

- Мы ведем самые тщательные поиски, - продолжал президент. - Флот перебрасывает туда специальное спасательное снаряжение, поисковое оборудование и тому подобное. Если удастся обнаружить субмарину, мы опустим на нее спасательное устройство - может быть, кто-то остался в живых. Командующий морскими операциями считает возможным, что внутренние стенки - он назвал их переборками, по-моему, - могли уцелеть. Немаловажная проблема, по его мнению, заключается в запасе воздуха. Боюсь, что это вопрос времени. Подумать только, мы закупаем для них спасательное снаряжение по фантастическим ценам, а они не могут обнаружить утонувшую подлодку прямо у нашего побережья.

Арбатов постарался запомнить слова президента. Фразу о недостаточной эффективности в действиях американских подводников стоит упомянуть в донесении. Случается, что иногда президент допускает...

- Между прочим, господин посол, чем занималась там ваша подводная лодка?

- Не имею представления, доктор Пелт.

- Надеюсь, это не был подводный ракетоносец, - заметил Пелт. - Между нашими странами заключено соглашение, что подлодки этого класса не будут приближаться к берегам каждой из стран меньше чем на пятьсот миль. Разумеется, обломки подвергнутся осмотру нашим спасательным батискафом. Если мы узнаем, что это действительно подводный ракетоносец...

- Ваше замечание принято к сведению. И все-таки это международные воды.

- В такой же степени, как Финский залив и, насколько я помню, Черное море, - подчеркнул президент. - Я искренне надеюсь, что мы не хотим возврата к прежнему противостоянию. Скажите, Алекс, это подводный ракетоносец?

- Честное слово, господин президент, не имею представления. Разумеется, надеюсь, что это не ракетоносец.

Президент обратил внимание на то, как искусно сформулирована эта ложь. Интересно, подумал он, признают ли русские, что лодкой командовал офицер, отказавшийся повиноваться приказам. Нет, скорее, будут ссылаться на ошибку в навигации.

- Хорошо. В любом случае мы сами будем вести операции по поискам лодки и спасению уцелевших моряков. Скоро узнаем, что это за подлодка. - Внезапно лицо президента приняло озабоченное выражение. - Тут вот Фостер упомянул еще об одном. Если мы обнаружим тела - извините, что приходится говорить о таких трагических вещах, особенно вечером субботы, - полагаю, вы захотите, чтобы их отправили на родину?

- По этому поводу я не получил никаких указаний, - честно ответил посол, которого вопрос президента застал врасплох.

- Мне объяснили, и даже слишком подробно, что происходит с человеческими телами при подобной смерти. Попросту говоря, давление воды сплющивает их, и мало кто в состоянии выдержать подобное зрелище. Но это люди, и они заслуживают, чтобы им были отданы последние почести.

- Если это возможно, - согласился Арбатов, - то советский народ, разумеется, оценит столь гуманный жест со стороны Америки.

- Мы сделаем все, что в наших силах.

Все, что в силах Америки, вспомнил Арбатов, включая корабль под названием "Гломар эксплорер". Это знаменитое исследовательское судно было построено по заказу ЦРУ с единственной целью: поднять со дна Тихого океана советский подводный ракетоносец типа "гольф". Затем исследовательскую подлодку поставили где-то в доке, без сомнения, в ожидании следующей благоприятной возможности. И Советский Союз оказался бессилен помешать этой операции, проведенной в нескольких сотнях миль от американского побережья, в трехстах милях от самой крупной базы американских ВМС.

- Надеюсь, правительство Соединенных Штатов сочтет необходимым соблюдать все принципы международного права, господа. Я имею в виду тела погибших и то, что осталось от затонувшего корабля.

- Разумеется, Алекс. - Президент улыбнулся и показал на документ, лежащий на столе. Арбатову пришлось приложить немало усилий, чтобы сохранить самообладание. Его обвели вокруг пальца, как мальчишку, подумал он. Посол упустил из виду, что американский президент - искусный юрист, в совершенстве владеющий тактикой ведения судебных дел, тогда как жизнь в Советском Союзе не готовит людей к подобному. Ну почему он всякий раз так недооценивает этого мерзавца?

Президент тоже прилагал немалые усилия, чтобы держать себя в руках. Ему редко приходилось видеть Арбатова таким расстроенным. Советский посол - достойный противник, его непросто сбить с толку. Если он сейчас улыбнется, подумал президент, испортит этим все дело.

Меморандум доставили от министра юстиции только сегодня утром. Он гласил:

Господин президент,

В соответствии с вашими указаниями я попросил начальника отдела адмиралтейского права изучить вопросы международного права, касающиеся

владения затонувшими или найденными на морском дне судами, а также те параграфы закона, где говорится о подъеме затонувших кораблей. В этой области применяется, как правило, закон предыдущих прецедентов. Наглядным примером является дело Далмаса против Статоса (84 F Suff. 828, 1949 A.M.C. 770 (S.D.N.Y. 1949)):

В данном случае неприменимы положения законов других стран, потому что убедительно установлено, что "спасение - это вопрос, основывающийся т jus gentium, и обычно не зависит от законодательства отдельных стран".

Международной основой этого является Конвенция о спасении 1910 года (Брюссель), которая кодифицирует транснациональный характер адмиралтейского закона и закона о спасении. Эта Конвенция была ратифицирована Соединенными Штатами в Акте о спасении в 1912 году, 37 Stat. 242, (1912), U.S.C.A, параграфы 727 - 731, а также в 37 Stat. 1658(1913).

- Мы гарантируем полное соблюдение международного права, Алекс, - пообещал президент, - во всех его деталях. - И все, поднятое нами с морского дна, подумал он, доставят в ближайший порт, Норфолк, где это будет передано приемщику затонувших кораблей, федеральному чиновнику, до предела загруженному работой. Если Советский Союз захочет получить что-нибудь обратно, ему придется обратиться в адмиралтейский суд, роль которого в Норфолке исполняет федеральный окружной суд, и в случае, если Советский Союз выиграет иск, после того как будет определена ценность имущества, поднятого со дна, и после того как ВМС США будут оплачены расходы, связанные с подъемом остатков корабля, там же, в Норфолке, эти остатки будут переданы законному владельцу. Разумеется, следует принять во внимание, что при недавней проверке выяснилось, что этот федеральный окружной суд завален неотложными делами и сможет начать рассмотрение иска о возвращении остатков советской подлодки не раньше, чем через одиннадцать месяцев.

Арбатов решил послать в Москву телеграмму о создавшемся положении, хотя и знал, что это не окажет ни малейшего влияния на решение проблемы. Он не сомневался, что президент не упустит возможности получить изощренное удовольствие от того, что якобы не может воздействовать на абсурдную американскую судебную систему, подчеркивая при этом, что он, как глава исполнительной власти, в соответствии с конституцией не имеет права вмешиваться в деятельность судов.

Пелт посмотрел на часы. Настало время огорошить советского посла очередным сюрпризом. Советник по национальной безопасности не мог не восхищаться президентом. Для человека, всего несколько лет назад владевшего ограниченным опытом в международных делах, президент освоился на удивление быстро. Этот внешне простой и даже заурядный человек лучше всего проявлял себя в сложных ситуациях, и после многих лет работы прокурором все еще любил изощренные игры, связанные с переговорами и хитроумными уловками. Создавалось впечатление, что он способен манипулировать людьми с пугающей легкостью. Зазвонил телефон, и доктор Пелт поднял трубку.

- Пелт слушает. Да, адмирал, - где? Когда? Только одного? Понятно... В Норфолк? Спасибо, адмирал, это очень хорошая новость. Я немедленно сообщу президенту. Прошу держать нас в курсе. - Пелт повернулся к президенту. - Нам

удалось подобрать одного матроса, и его жизнь, слава Богу, можно спасти!

- Подобрали матроса с погибшей подлодки? - Президент встал.

- По крайней мере это русский моряк. Вертолет обнаружил его час назад, и матроса скоро доставят в госпиталь военно-морской базы в Норфолке. Его подобрали в двухстах девяноста милях к северо-востоку от Норфолка, так что, похоже, он спасся с затонувшей подлодки. На корабле говорят, что состояние его тяжелое, но в госпитале готовы немедленно принять спасенного.

Президент подошел к своему письменному столу и снял трубку.

- Грейс, немедленно соедини меня с Дэном Фостером... Адмирал, это президент. Когда доставят в Норфолк спасенного русского? Через два часа? - На его лице появилось озабоченное выражение. - Адмирал, лично позвоните в госпиталь и передайте мое распоряжение сделать для подобранного в море русского все возможное. Я хочу, чтобы к нему отнеслись, как к моему собственному сыну, понятно? Отлично. Докладывайте мне о его состоянии каждый час. Пусть им займутся наши лучшие врачи, самые лучшие. Спасибо, адмирал. - Он положил трубку. - Ну вот, будем надеяться на выздоровление спасенного моряка.

- Может быть, мы проявили излишний пессимизм при оценке ситуации, господин посол, - согласился доктор Пелт.

- Да, пожалуй, - кивнул президент. - Алекс, у вас ведь есть врач в посольстве?

- Есть, господин президент.

- Пусть тоже едет в госпиталь. Ему во всем пойдут навстречу. Я позабочусь об этом. Джефф, поиски других спасшихся в том районе продолжаются?

- Продолжаются, господин президент. Сейчас там дюжина самолетов и вертолетов, еще два спасательных судна подходят к месту катастрофы.

- Отлично! - Президент с энтузиазмом хлопнул в ладоши, улыбаясь, словно школьник в магазине игрушек. - Если нам удастся отыскать еще нескольких уцелевших членов команды, может быть, это станет неплохим рождественским подарком для вашей страны, Алекс. Мы сделаем все возможное, даю слово.

- Это очень любезно с вашей стороны, господин президент. Я немедленно передам в Москву, что есть и хорошие новости.

- Не спешите, Алекс. - Президент поднял руку. - Думаю, за это можно и выпить.

День десятый

Воскресенье, 12 декабря

Центр управления СТАН.

В центре управления Системы гидроакустического наблюдения, размещенном в Норфолке, картина становилась все более запутанной. У Соединенных Штатов просто не было достаточно совершенной техники, чтобы следить за подводными лодками, которые находились в районах больших глубин. Датчики СГАН располагались главным образом на относительно мелководных участках,

ограниченных берегами, на дне подводных хребтов и равнин. Стратегия стран НАТО строилась, исходя из этих технических возможностей. В случае серьезной войны с Советским Союзом НАТО использует барьер СГАН, Систему гидроакустического наблюдения, протянувшийся от Гренландии к Исландии и затем к Великобритании, в качестве гигантской сигнальной растяжки, вроде устройства для обнаружения грабителей. Подводные лодки союзников и патрульные самолеты противолодочной обороны примутся за поиски, обнаружение и уничтожение советских подводных лодок, которые будут приближаться к линии гидроакустического наблюдения еще до того, как они пересекут ее.

Никогда и не предполагалось, однако, что этот барьер сможет остановить больше половины прорывающихся подлодок, так что с теми из них, которым удастся пересечь барьер, будут поступать по-другому. Глубоководные районы океана просто слишком обширны и невероятно глубоки - средняя глубина превышает две мили, - чтобы усыпать их акустическими датчиками, как это делалось на мелководных, сравнительно узких участках моря. Это обстоятельство создавало трудности для обеих сторон. И если задача НАТО будет заключаться в том, чтобы поддерживать Атлантический мост и продолжать трансокеанские перевозки, то вполне очевидно, что задачей советских подлодок будет перерезать эти коммуникации. Им придется рассыпаться по всему огромному океану в поисках судов, движущихся по многочисленным торговым путям. Таким образом, стратегия НАТО за пределами барьера СГАН будет состоять в том, чтобы сформировать крупные конвои, окружив каждый из них эскортом из эсминцев, вертолетов и самолетов. Эскортные силы постараются создать защитный зонт диаметром около ста миль. Вражеские подлодки не смогут находиться внутри этого круга - там их будут преследовать и уничтожать или просто отгонять в сторону, чтобы конвой мог следовать дальше. Таким образом, хотя линия СГАН была предназначена для того, чтобы нейтрализовать огромное океанское пространство, стратегия активной защиты жизненно важных морских перевозок по глубоководному океану основывалась на подвижных, хорошо охраняемых зонах, перемещающихся по морскому пространству северной Атлантики.

Это была весьма разумная стратегия, но ее нельзя было подвергнуть испытанию в реальных условиях, и, к сожалению, в настоящий момент она стала большей частью бесполезной. Поскольку все советские "альфы" и "Викторы" уже находились у американского побережья, а последние "чарли", "эхо" и "новемберы" уже приближались к выделенным для них районам патрулирования, огромный экран, на который смотрел капитан третьего ранга Квентин, повсеместно был заполнен не столько маленькими красными точками, сколько обширными кругами. Каждая точка или круг обозначали положение советской подлодки. Круг представлял собой предполагаемую позицию, рассчитанную на основании скорости, с которой подлодка могла двигаться, не издавая излишнего шума, который могли засечь многочисленные донные датчики. Некоторые круги составляли десять миль в диаметре, некоторые - пятьдесят, что образовывало участки площадью от семидесяти двух квадратных миль до двух тысяч, которые придется тщательно обследовать, если понадобится снова определить точные координаты подводной лодки. А этих проклятых лодок было слишком уж много.

Охотой за подводными лодками занимались главным образом патрульные

самолеты Р-3С "Орион". Каждый из них нес сбрасываемые акустические буи, активные и пассивные акустические датчики. Обнаружив что-либо, акустический буй передавал сведения на свой самолет-матку и затем автоматически шел ко дну, чтобы не попасть в руки врага. У акустических буев был ограниченный запас электроэнергии, а потому и ограниченный радиус действия. Но что было того хуже, запас самих буев был небольшим. Их количество уменьшалось с тревожной быстротой, так что скоро придется сократить их применение. Помимо акустических буев, каждый Р-3С был оборудован инфракрасными сканирующими приборами, направленными вперед, ИСПНВ, которые могли опознать тепловой почерк атомной подлодки, и детекторами магнитных аномалий, ДМА, определяющими нарушения в магнитном поле Земли, вызванные большими массами железа, которые собственно и представляли собой подводные лодки. Детекторы способны были обнаружить нарушение в магнитном поле только на расстоянии не более шестисот ярдов слева и справа от курса самолета, что заставляло его лететь на небольшой высоте, пожирая бешеное количество горючего и сокращая визуальный обзор для экипажа. Сканирующие устройства обладали теми же недостатками.

Таким образом, техника, применяемая для обнаружения цели, засеченной датчиками линии СГАН, и затем для того, чтобы "обезопасить" определенный участок моря перед проходом конвоя, просто не могла использоваться для произвольного обследования огромных просторов глубоководного океана.

Квентин наклонился вперед. Один кружок сжался в точку. Патрульный самолет Р-3С сбросил взрывной резонирующий заряд и определил точные координаты ударной подлодки типа "эхо" в пятистах милях к югу от Гранд-Бэнкс. Около часа у экипажа самолета было почти гарантированное огневое решение для этой подлодки, ее название прямо-таки значилось на противолодочных торпедах Марк-46 "Ориона".

Капитан сделал глоток кофе. Его желудок бунтовал против дополнительного кофеина после тех мук, которые Квентин претерпел за время четырехмесячного адского курса химиотерапии. Если бы это была война, то происходящее вполне могло быть одним из вариантов ее начала, русские подводные лодки разом все остановятся, как могли бы сделать это сейчас. Они не станут красться за конвоями, чтобы топить суда посреди океана, а примутся нападать на них ближе к берегу, как делали это немцы и.., тогда окажется, что все американские датчики установлены не там, где следует. Остановившиеся точки превратятся в круги, которые станут расширяться, чрезвычайно затрудняя обнаружение лодки. Со своими едва слышными двигателями подлодки превратятся в невидимые ловушки для проходящих мимо грузовых судов и военных кораблей, направляющихся с грузами жизненно необходимых припасов для армий в Европе. Подводные лодки чем-то напоминают возбудителей рака, болезни, которую он только что с таким трудом одолел. Невидимые зловещие субмарины будут искать уязвимое место, чтобы внедриться, и на этом огромном экране злокачественные образования будут разрастаться до тех пор, пока их не атакуют самолеты, действиями которых он управляет из этого помещения. Но пока ему не позволено атаковать их. Он может лишь следить за развитием событий.

Квентин ввел в компьютер команду:

ВП РАСЧЕТЫ 1 ЧАС - РАБОТА.

23, - тут же появился ответ на экране компьютера.

Квентин покачал головой. Двадцать четыре часа назад ВП, вероятность поражения, равнялась сорока - сорок потопленных подлодок в первый час после разрешения на атаку. Теперь это число уменьшилось почти вдвое, да и эту цифру нужно воспринимать с большой долей сомнения, поскольку в расчетах исходят из того, что все будет действовать надлежащим образом - счастливая ситуация, возможная только в книгах. Скоро, пришел к выводу Квентин, ВП снизится до десяти. Сюда не входили успешные атаки американских подводных лодок, преследующих советские субмарины со строжайшим приказом не обнаруживать себя. Его бывшие союзники с ударных подлодок типа "стерджен", "пермитс" и "лос-анджелес" играли в свои противолодочные игры по собственным правилам. Другая порода, подумал он. Квентин пытался думать о них, как о друзьях, но из этого ничего не получалось. За двадцать лет службы на флоте подводные лодки всегда были для него врагами. В случае войны они превратятся в полезных врагов, однако во время войны все исходили из того, что дружеских подводных лодок не бывает.

Бомбардировщик Б-52

Экипаж бомбардировщика точно знал, где находятся русские. "Орионы" морской авиации и "сентри" ВВС следовали за ними уже несколько суток, а накануне, сообщили командиру бомбардировщика, Советы послали вооруженный ракетами истребитель с авианосца "Киев" к ближайшему "сентри". Возможно, с целью нападения, возможно - нет, но в любом случае истолковать это можно только как провокацию.

Четыре часа назад в 03.30 с аэродрома в Плэттсбурге, штат Нью-Йорк, вылетела эскадрилья в составе четырнадцати бомбардировщиков, оставляя позади черные струи выхлопных газов, невидимых в предрассветной мгле. Каждый самолет нес полный запас горючего и двенадцать ракет, общий вес которых значительно уступал бомбовой нагрузке, на которую был рассчитан стратегический бомбардировщик Б-52, что намного увеличивало радиус полета.

Именно это и требовалось. Мало знать, где находятся русские. Не менее важно нанести по ним удар. План операции был прост по замыслу, хотя достаточно сложен в осуществлении. Из опыта бомбардировок Ханоя, в которых участвовали "боинги", понесшие урон от вражеских ракет типа "земля-воздух", стало ясно, что лучший метод нападения на сильно укрепленную цель заключается в том, чтобы напасть на нее со всех сторон одновременно, "охватывая ее лапами, подобно разъяренному медведю", заявил во время инструктажа командир эскадрильи, продемонстрировав тем самым свою поэтическую натуру. Таким образом, половина эскадрильи полетела практически прямо к цели, тогда как другой половине пришлось обогнуть ее, стараясь все время оставаться за пределами радиолокационного обнаружения. Затем по сигналу все бомбардировщики повернули и пошли на цель.

Б-52 совершили поворот десять минут назад по команде с "сен-три", направляющего действия бомбардировщиков. Пилот, однако, прибавил к маневру кое-что от себя. Курс бомбардировщика к советскому соединению проходил вдоль воздушного коридора, отведенного для гражданских самолетов. Совершив

поворот, пилот переключил свой транспондер с нормального режима на международный. Его бомбардировщик следовал в пятидесяти милях позади летящего перед ним коммерческого Боинга-747 и на тридцать опережал другой. На экране советского радиолокатора все три самолета, выпущенные на заводах "Боинга", будут выглядеть совершенно одинаково - обычные безвредные авиалайнеры.

Внизу, на поверхности моря, все еще царила темнота. Ничто не указывало на то, что русские что-то заподозрили. Полагали, что их истребители взлетают и садятся под визуальным контролем, и пилот подумал о том, что в темноте взлет с авианосца и посадка на него будут весьма рискованными, особенно при такой плохой погоде.

- Шкипер, - послышался по системе внутренней связи голос офицера службы электронного противодействия, - мы принимаем сигналы по каналам в длинноволновом и коротковолновом диапазонах. Они поступают именно оттуда, где и должны находиться по нашим данным русские корабли.

- Понятно. Интенсивность достаточная, чтобы они приняли отраженные от нас сигналы?

- Да, но они, вероятно, принимают нас за один из авиалайнеров "Пан Американ". Пока идет рутинный поиск, я не зарегистрировал радиолокационного управления огнем.

- Расстояние до цели?

- Один-три-ноль миль.

Время начала операции почти наступило. В соответствии с планом все бомбардировщики должны одновременно оказаться на круге с расстоянием от цели в сто двадцать пять миль.

- Все готово?

- Подтверждаю готовность.

Пилот расслабился еще на минуту, ожидая сигнала на вход в круг. "ВСПЫШКА, ВСПЫШКА, ВСПЫШКА". Сигнал прозвучал по цифровому радиоканалу.

- За дело, парни! Покажем им, что мы здесь, - приказал командир бомбардировщика.

- Начинаем.

Офицер службы электронного противодействия нажал на кнопку и снял прозрачную пластмассовую крышку со своего пульта с многочисленными тумблерами и циферблатами, контролирующими системы подавления сигналов противника. Сначала он подал питание в свои системы. На это потребовалось несколько секунд. Электронное оборудование на Б-52 было устаревшим, выпущенным в семидесятые годы. Эскадрилья была учебным подразделением, и молодым летчикам на них можно было многому научиться, прежде чем перевестись на новые бомбардировщики Б-1Б, которые уже начали сходить со сборочного конвейера на заводе в Рокуэлле, штат Калифорния. В течение последних десяти минут записывающие устройства в носу бомбардировщика и на концах его крыльев фиксировали радиолокационные сигналы советских радаров, классифицировали их точные частоты, ритм повторения импульсов, мощность сигналов и индивидуальные характеристики почерка передатчиков. Лейтенант был зеленым новичком в такой игре. Совсем недавно он закончил школу специалистов-электронщиков, где был лучшим на курсе. Он обдумал, что сделать

сначала, затем выбрал режим глушения, не самый лучший из запомнившихся ему вариантов.

Крейсер "Николаев"

В ста двадцати пяти милях от "боингов" на крейсере "Николаев" радист-мичман наблюдал за выбросами сигналов на экране радиолокатора, которые, казалось, окружали его соединение. На мгновение экран покрылся двадцатью призрачными пятнами, беспорядочно разбегающимися в разных направлениях. Мичман подал сигнал тревоги, и через мгновение такой же сигнал повторил второй оператор. Вахтенный офицер поспешил к ним, чтобы взглянуть на экран.

К тому моменту, когда он подбежал к экрану, система глушения изменилась, и шесть линий, похожих на спицы колеса, стали медленно вращаться вокруг центральной оси.

- Проложить строб-импульсы, - приказал офицер. Теперь на экране появились пятна, линии и вспышки.

- Там больше одного самолета, товарищ лейтенант. - Мичман попытался пройти через свой диапазон частот.

- Предупреждение о нападении! - выкрикнул другой мичман. Его приемник электронных сигналов доложил о появлении сигналов воздушных радиолокаторов, используемых для наведения на цель ракет типа "воздух-земля".

Бомбардировщик Б-52

- Отчетливо вижу цели, - доложил офицер управления огнем. - Веду трех первых птичек.

- Понял, - ответил пилот. - Держи их еще десять секунд.

- Ясно, десять секунд, - ответил офицер. - Включаю.., готово.

- О'кей, конец глушения.

- Системы электронных помех выключены.

Крейсер "Николаев"

- Действие радаров наведения ракет прекратилось, - доложил офицер центра боевой информации командиру крейсера, только что спустившемуся с мостика. По всему кораблю гремели колокола громкого боя, и матросы разбегались по боевым постам. - Прекратились и электронные помехи.

- Что это там такое? - спросил командир. Прямо средь бела дня его красавцу-крейсеру с носовыми обводами скоростного клиппера что-то угрожает, а потом все прекращается?

- Нас окружают по крайней мере восемь вражеских самолетов.

Командир посмотрел на экран обычного поискового радиолокатора. На нем виднелись многочисленные отраженные сигналы - главным образом это были гражданские авиалайнеры. Правда, половину круга должны составлять вражеские самолеты.

- Они могли осуществить пуск ракет?

- Никак нет, товарищ командир, мы обнаружили бы это. Они заглушили наши поисковые радары на тридцать секунд и осветили нас своими поисковыми системами на двадцать. Затем все прекратилось.

- Значит, они провоцируют нас и теперь делают вид, что ничего не случилось? - проворчал командир. - Когда они окажутся в пределах дальности действия наших зенитных ракет?

- Вот тот и два этих будут в пределах досягаемости через четыре минуты - если не изменят курс.

- Осветите их нашими радарами наведения ракет. Дадим мерзавцам урок.

Офицер отдал необходимые распоряжения, стараясь понять, кто кому дает урок и в чем он заключается. В двух тысячах футов над одним из бомбардировщиков летел ЕС-135 <ЕС-135 - американский самолет электронной разведки.>, компьютерные электронные сенсоры которого регистрировали сигналы, исходящие от советского крейсера, и анализировали их для будущего более эффективного глушения. Впервые американцам удалось присмотреться к новой системе наведения ракет СА-Н-8.

Звено "томкэтов"

Два нуля на фюзеляже обозначали, что этот F-14 "томкэт" - личная птичка командира
эскадрильи; черный туз пик на двойном вертикальном оперении говорил, что это его эскадрилья номер 41 - "Черные тузы". Летчиком истребителя был капитан третьего ранга Робби Джексон, а его радиопозывными - "Пика-1".

Джексон вел звено из двух истребителей, руководствуясь указаниями одного из Е-2С "хокай", уменьшенного варианта самолета раннего радиолокационного обнаружения ВВС АВАКС, используемого на флоте, и родного брата "трески". Этот двухмоторный турбовинтовой самолет с установленной над ним параболической радиолокационной антенной, которая походила на напавший на него НЛО, недавно взлетел с палубы авианосца "Кеннеди". Погода была мерзкой, что обычно для Северной Атлантики в декабре, но по мере перемещения истребителей на запад ожидалось, что она улучшится. Джексон и его ведомый, младший лейтенант Бад Санчес, летели сквозь плотные облака и потому из-за ограниченной видимости чуть отошли друг от друга: оба пилота помнили, что каждый экипаж состоит из двух человек, а каждый "томкэт" обходится в тридцать миллионов долларов.

Сейчас они занимались тем, в чем "томкэтам" не было равных. Этот всепогодный перехватчик был способен совершать трансокеанские перелеты и развивал скорость в два Маха, к тому же на нем была установлена радиолокационная компьютеризованная система управления огнем, которая способна была замыкаться на шести различных целях и вести по ним огонь дальнобойными ракетами "феникс" класса "воздух-воздух". Сейчас каждый истребитель нес две такие ракеты вместе с парой ракет теплового наведения AIM-9M "сайдуайндер". Целью этих двух перехватчиков была эскадрилья советских Як-36, которых они называли "форджерами", истребителей с коротким взлетом и посадкой, действующих с авианосца "Киев". После того как один из этих истребителей накануне попытался подкрасться к американскому "сентри",

русские решили сблизиться с боевой группой "Кеннеди", направляемые, без сомнения, данными, полученными с разведывательного спутника. Советским самолетам удалось подлететь совсем близко, на пятьдесят миль ближе, чем требовалось, чтобы увидеть "Кеннеди". Вашингтон заключил, что Советы ведут себя на американской половине океана слишком нагло. Адмиралу Пойнтеру разрешили нанести ответный визит, не слишком увлекаясь.

Джексон пришел к выводу, что они с Санчесом смогут решить эту задачу, даже числом уступая русским. Никакой советский самолет, а уж тем более "форджер", не сможет справиться с "томкэтом", считал Джексон, особенно если за его штурвалом сидит он сам.

- "Пика-1", ваша цель в направлении на двенадцать часов, на одной высоте с вами, расстояние сейчас двадцать миль, - послышался голос с "Хаммера-1" - "хокая", находящегося за сто миль сзади. Джексон решил не нарушать радиомолчание.

- Ты что-нибудь видишь, Крис? - спросил он своего специалиста по радиолокационному перехвату, капитан-лейтенанта Кристиансена.

- Редкие вспышки, но ориентироваться по ним не могу. - Они следили за "форджерами" только в пассивном режиме, в данном случае пользуясь системами инфракрасного облучения.

Джексон подумал, не осветить ли цели своим мощным радаром наведения ракет. Электронные системы Яков сразу зарегистрируют это и предупредят своих пилотов, что их смертные приговоры уже готовы, но еще не подписаны.

- Как относительно "Киева"?

- Абсолютно ничего. Со стороны его соединения никаких электронных излучений.

- Разумно, - заметил Джексон.

Он пришел к выводу, что рейд стратегических бомбардировщиков на соединения "Киева" и "Николаева" сделал русских более осторожными. Мало кто знал, что боевые корабли часто совсем не пользуются своими радиолокационными системами, прибегая к защитной мере под названием КОНЭМ - контроль за эмиссиями, что означает полный запрет на электронное излучение всеми корабельными системами. Дело в том, что луч радиолокатора может быть обнаружен на расстоянии, в несколько раз превышающем то, что необходимо для получения отраженного сигнала, излучаемого передатчиком радиолокатора, то есть он может оказаться более полезным для противника, чем для корабля с радарной системой, действующей в активном режиме.

- Ты считаешь, что эти парни смогут найти путь домой без посторонней помощи? - спросил Джексон.

- Если не смогут, ты знаешь, кого им нужно винить в этом, - усмехнулся Кристиансен.

- Это точно, - согласился Джексон.

- О'кей, внимание, вижу цель в инфракрасном диапазоне. Похоже, облака расходятся. - Кристиансен сосредоточил внимание на приборах, не глядя на воздушное пространство вокруг фонаря кабины.

- "Пика-1", это "Хаммер-1", ваша цель в направлении на двенадцать часов, на вашей высоте, расстояние сейчас десять миль. - Донесение поступило по кодированному радиоканалу.

А ведь совсем неплохо обнаружить тепловой почерк "форджеров" сквозь это сплошное молоко, особенно при том, что у русских истребителей такие маленькие слабые двигатели, подумал Джексон.

- Вижу включенный радиолокатор, шкипер, - заметил Кристиансен. - "Киев" только что включил свой радар в коротковолновом поисковом диапазоне. Теперь мы обнаружены, можно не сомневаться.

- Понял. - Джексон включил микрофон. - "Пика-2", освети цели - немедленно.

- Слушаюсь, ведущий, - отозвался Санчес. Действительно, больше прятаться ни к чему.

Оба истребителя включили свои мощные радиолокаторы AN/AWG-9. До перехвата оставалось две минуты.

Радиолокационные сигналы, принятые анализаторами тревоги на хвостовом оперении "форджеров", прозвучали музыкальной нотой в наушниках пилотов. Их пришлось отключить вручную, и одновременно загорелись красные предупредительные огоньки на каждой панели управления.

Звено "зимородков"

- "Зимородки", "зимородки", это "Киев", - послышался голос офицера, руководившего воздушными операциями с авианосца "Киев". - Видим два американских истребителя, приближаются к вам сзади на большой скорости.

- Принято. - Командир русского звена посмотрел в зеркало заднего обзора. Он надеялся уклониться от этого, хотя и не рассчитывал на успех. Он получил приказ не открывать огня, если только по его самолетам не откроют огонь первыми. Истребители только что вырвались из облаков. Жаль, в облаках он чувствовал себя в большей безопасности.

Летчик, сидевший за штурвалом "Зимородка-3", лейтенант Шавров, протянул руку вниз и снял предохранители со своих четырех "атоллов". Нет, янки, теперь это вам не пройдет, подумал он.

Звено "томкэтов"

- Минуту, "Пика-1", вы вот-вот увидите их, - послышался голос с "Хаммера-1".

- Понял... Ага! Вот они! - Джексон и Санчес вырвались из облаков. "Форджеры" виднелись в нескольких милях впереди и преимущество "томкэтов" в скорости, достигающее двухсот пятидесяти узлов, стремительно сокращало это расстояние. Русские летчики отлично держат строй, летят рядом друг с другом, подумал Джексон, но не надо большого ума, чтобы водить автобус.

- "Пика-2", перейдем на форсаж по моей команде. Три, два, один - вперед!

Оба пилота передвинули вперед рычаги газа и включили форсаж, при котором топливо впрыскивалось прямо в хвостовые дюзы их новых двигателей F-110. Истребители рванулись вперед с внезапным двойным ускорением и быстро миновали звуковой барьер.

Звено "зимородков"

- "Зимородок", срочное предупреждение, срочное предупреждение, американцы увеличили скорость, - донеслось с "Киева".

"Зимородок-4" повернулся в своем кресле. Он увидел "томкэты" в миле позади, двойные стреловидные силуэты мчались вперед, оставляя за собой черные струи. Солнечный свет отразился от одного из фонарей, и на мгновение пилоту показалось, что он видит вспышку...

- Нас атакуют!

- Что?! - Командир звена снова посмотрел в зеркало. - Нет, нет, сохраняйте строй!

"Томкэты" с ревом промчались в пятидесяти футах над головами русских пилотов, опережая звук, летящий следом и подобный взрыву. Шавров отреагировал совершенно инстинктивно, как его учили действовать во время боя. Услышав грохот взрыва, он потянул на себя рычаг управления и послал вслед удаляющимся американским истребителям свои четыре ракеты.

- "Третий", что ты сделал? - потребовал ответа командир звена.

- Они атаковали нас, разве вы не слышали? - возразил Шавров.

Звено "томкэтов"

- Проклятье! "Томкэты", за вами гонятся четыре "атолла", - предупредил летчиков оператор "хокая".

- "Второй", отворачивай вправо, - приказал Джексон. - Крис, включи меры противодействия. - Джексон бросил истребитель в крутой маневр уклонения влево. Санчес отвернул в противоположную сторону.

Офицер-наблюдатель, который сидел позади Джексона, щелкнул переключателями, приводящими в действие защитные системы истребителя. В тот момент, когда "томкэт" швырнуло в сторону, из его хвостового отсека вылетела струя сигнальных ракет и шаров, каждый из которых представлял собой инфракрасную или радиолокационную приманку, отвлекающую ракеты. Все четыре ракеты оказались нацеленными на "томкэт" Джексона.

- "Пика-2" в безопасности, "Пика-2" в безопасности, - донесся голос с "хокая". - "Пика-1", "Пика-1", вас по-прежнему преследуют четыре птички.

- Принято. - Джексон был изумлен собственным спокойствием. Его "томкэт" мчался со скоростью больше восьмисот миль в час и продолжал ускорение. Он не знал, какова дальность полета "атоллов". Сигнальный огонек предостережения об атаке сзади вспыхнул на панели управления.

- "Второй", атакуй их! - приказал Джексон.

- Понял, ведущий. - Санчес взвился вверх, развернулся в мертвой точке, на мгновение замер на месте и нырнул вниз, пикируя вслед удаляющимся советским истребителям.

Когда Джексон бросил истребитель в сторону, две ракеты потеряли цель и устремились в пустое пространство. Третья, отвлеченная приманкой, взорвалась в воздухе. Четвертая, замкнувшись тепловой головкой наведения на раскаленные дюзы "томкэта", мчалась прямо за ним, пока не попала "Пике-1" в основание хвостового оперения.

Мощный взрыв потряс истребитель. Почти вся сила взрыва была потрачена впустую, так как ракета, пробив хвостовое оперение, вылетела наружу. Киль отлетел в сторону вместе с правым стабилизатором. Левый был сильно поврежден осколками, которые пробили заднюю часть фонаря и попали в шлем Кристиансена. И тут же вспыхнули лампочки предупреждения о пожаре в правом двигателе.

Джексон услышал звук вспышки по системе внутренней связи. Он тут же щелкнул переключателем правого двигателя, прервав подачу в него горючего, и включил систему пожаротушения на правой стороне корпуса. Затем уменьшил тягу левого двигателя, который все еще работал в форсажном режиме. К этому моменту "томкэт" начал кувыркаться. Его крылья с меняющейся геометрией автоматически приняли форму, необходимую при низкой скорости полета. Это позволило Джексону контролировать полет с помощью элеронов, и он быстрыми действиями вернул истребитель в нормальное положение. Высота была четыре тысячи футов.

- О'кей, бэби, выручай, - умоляюще просил летчик свою машину. Благодаря непродолжительному увеличению мощности он снова обрел аэродинамический контроль над самолетом. Бывший летчик-испытатель, он выровнял истребитель, но слишком резко, и "томкэт" дважды перевернулся, прежде чем обрел нормальное положение.

- Вот так! Как ты, Крис?

Молчание. Джексон не мог оглянуться - позади все еще летели четыре истребителя противника.

- "Пика-2", это ведущий.

- Слышу, ведущий. - Все четыре "форджера" были сейчас на прицеле Санчеса. Они только что осмелились напасть на его командира.

"Хаммер-1"

На борту "Хаммера-1" <"Хаммер" - морской вариант самолета раннего радиолокационного наблюдения.> старший оператор лихорадочно думал, стараясь принять правильное решение. "Форджеры" летели, не нарушая строя, и по радиоканалу слышались оживленные переговоры на русском языке.

- "Пика-2", это "Хаммер-1". Отворачивайте в сторону, повторяю, отворачивайте в сторону, не открывайте огонь, повторяю, не открывайте огонь. Сообщите, как поняли. "Пика-2", "Пика-1" летит в двух тысячах футов ниже вас, в направлении на девять часов. - Офицер выругался и посмотрел на одного из сержантов, находящихся в самолете вместе с ним.

- Все произошло слишком быстро, сэр, чертовски быстро. У нас есть записи переговоров русских. Я не понимаю, о чем они говорят, но создается впечатление, что на "Киеве" очень недовольны.

- И не только там, - заметил оператор, пытаясь понять, правильно ли он поступил, отозвав "Пику-2". Внутреннее чувство говорило, что он чертовски не прав.

Звено "томкэтов"

Голова Санчеса дернулась от изумления.

- Понял, отворачиваю. - Он убрал палец с кнопки пуска ракет. - Черт бы их всех побрал! - Он потянул на себя ручку управления и бросил "томкэт" в крутую петлю. - Где ты, ведущий?

Санчес подлетел под истребитель Джексона и описал вокруг него петлю, стараясь оценить серьезность повреждений.

- Огонь погашен, шкипер. Оперение и стабилизатор с правой стороны исчезли. Оперение с левой стороны - черт, я могу смотреть сквозь него, так оно продырявлено, но, похоже, пока действует. Минутку. Крис наклонился вперед, шкипер. Вы можете поговорить с ним?

- Нет. Я пытался. Давай возвращаться.

Ничто не доставило бы Санчесу такого удовольствия, как сбить русских, очистить от них небо, и он легко сделал бы это четырьмя ракетами. Но, подобно большинству летчиков, он строго соблюдал дисциплину.

- Понял, ведущий.

- "Пика-1", я "Хаммер-1", сообщите о своем состоянии, прием.

- "Хаммер-1", надеемся долететь, если больше ничего не отвалится. Сообщите врачам, чтобы были наготове. Крис ранен. Не знаю, насколько серьезно, Понадобился час, чтобы долететь до "Кеннеди". Истребитель Джексона плохо повиновался управлению и с трудом летел по курсу на заданной высоте. Джексону постоянно приходилось следить за дифферентом и регулировать его. Санчес сообщил, что Кристиансен шевелится на заднем кресле. Может, просто перебита проводка системы внутренней связи, с надеждой подумал Джексон.

Первым приказали садиться Санчесу, чтобы освободить палубу для капитана Джексона. При заходе на посадку "томкэт" начал терять управление. Летчик прилагал все усилия, чтобы удержать истребитель на курсе, сильно ударил его при посадке и захватил крюком первый аэрофинишер. Правое колесо шасси сразу подломилось, и перехватчик стоимостью в тридцать миллионов долларов заскользил к установленному барьеру. Сотня людей с огнетушителями кинулись к нему со всех сторон.

Аварийный гидравлический механизм открыл фонарь кабины. Джексон отстегнул ремни, перелез через спинку кресла и попытался поднять Кристиансена. Они были друзьями, и много лет.

Крис оказался жив. Его летный костюм был весь в крови, и когда первый санитар снял с него шлем, Джексон увидел, что кровотечение продолжается. Второй санитар отстранил Джексона и надел на раненного летчика фиксирующий шейный воротник. Кристиансена осторожно вытащили из кокпита и положили на носилки, с которыми тут же побежали к острову авианосца. Джексон мгновение колебался, а затем последовал за ним.

Медицинский центр ВМС в Норфолке

Капитан первого ранга Рендл Тейт из медицинского корпуса ВМС шел по коридору, чтобы встретиться с русскими. Он выглядел моложе своих сорока пяти лет, в его густых черных волосах только-только начали пробиваться первые признаки седины. Тейт был мормоном, получил образование в университете Бригэма Янга и на медицинском факультете Стэнфордского университета. Он поступил на флот, потому что ему хотелось увидеть мир, по крайней мере

больше того, что видно из окна кабинета у подножия Скалистых гор. Он добился своего, и до сегодняшнего дня ему удавалось избегать всего, что в какой-то степени походило на дипломатические обязанности. Недавно заняв должность директора медицинского департамента в медицинском центре ВМС в Бетесде, он сразу понял, что долго так продолжаться не может. Несколько часов назад его перебросили на вертолете в Норфолк для участия в лечении русского моряка.

Русские ехали сюда на автомобиле и, по-видимому, не слишком торопились.

- Доброе утро, господа. Меня зовут доктор Тейт. Они обменялись рукопожатиями, и лейтенант, который привез русских, повернулся и пошел обратно к лифту.

- Доктор Иванов, - представился тот, что был поменьше ростом. - Я - врач советского посольства.

- Капитан Смирнов, - произнес второй русский. Тейт знал, что Смирнов занимает должность заместителя военно-морского атташе и является кадровым разведчиком. Во время перелета в Норфолк доктора Тейта проинструктировал по поводу русских офицер морской разведки из Пентагона, который сейчас пил кофе в буфете госпиталя.

- Я - Василий Пешкин, доктор, второй секретарь посольства. - Это был старший офицер КГБ, "легальный" разведчик с дипломатическим прикрытием. - Мы хотели бы посмотреть на нашего соотечественника.

- Разумеется. Прошу следовать за мной. - Тейт повел их обратно по коридору. Он был на ногах уже двадцать часов. Это не противоречило его обязанностям начальника медицинского департамента в Бетесде. Все самые трудные случаи выпадали на его долю. Первое, чему учится врач, - это как обходиться без сна.

Весь нижний этаж был отведен под отделение реанимации, потому что Медицинский центр ВМС в Норфолке строили, исходя из необходимости лечения раненых во время военных действий.

Палата номер три реанимационного отделения представляла собой помещение размером двадцать пять футов на двадцать пять. Окна ее выходили только в коридор, и на них были раздвинуты занавески, позволяющие смотреть внутрь. В палате стояли четыре кровати, но занята была лишь одна. Молодой человек на ней был почти полностью скрыт простыней. Видна была лишь кислородная маска, закрывающая его лицо, и растрепанные светлые волосы на подушке. Рядом с кроватью стояла капельница для внутривенного вливания, и трубки от двух бутылей с жидкостями соединялись в одну, исчезающую под одеялом. Медсестра в хирургическом зеленом халате, как и у доктора Тейта, стояла в ногах кровати. Ее зеленые глаза сосредоточенно смотрели на экран электрокардиографа над головой пациента. Время от времени она на мгновение опускала взгляд и делала пометки на листке. На кровати находился какой-то аппарат, назначение которого было не известно для непосвященных. Пациент был без сознания.

- Его состояние? - спросил Иванов.

- Критическое, - лаконично ответил Тейт. - Невероятно, что он вообще выжил. У него глубокий шок. Он провел в воде по крайней мере двенадцать часов, если не двадцать. И хотя на нем был резиновый спасательный костюм, принимая во внимание температуру воды и воздуха, трудно представить, как он мог выжить. Когда его доставили в госпиталь, температура тела была 23.8

градусов по Цельсию. - Тейт покачал головой. - Мне приходилось читать в медицинской литературе о случаях переохлаждения, но не такого сильного.

- Ваш прогноз? - Иванов заглянул в палату.

- Трудно сказать. - Тейт пожал плечами. - Может быть, пятьдесят на пятьдесят или чуть хуже. Глубокий шок. Вообще-то он очень здоровый человек. Отсюда не видно, но он в великолепной физической форме, прямо легкоатлет. У него удивительно сильное сердце; по-видимому, именно благодаря этому ему удалось выжить до того момента, когда его нашли и доставили сюда. Сейчас нам удалось справиться с гипотермией. Беда, однако, заключается в том, что гипотермия вызывает массу побочных осложнений, которые могут проявиться одновременно. Нам приходится вести систематическую борьбу с целым рядом различных, но связанных между собой явлений, чтобы не допустить ослабления естественных защитных функций его организма. Если ему суждено умереть, причиной будет шок. Мы лечим его электролитами, это обычный метод, но в течение по крайней мере нескольких дней он будет находиться между жизнью и смертью. Я...

Тейт поднял голову. По коридору к ним приближался молодой человек. Он был моложе Тейта, выше, в белом лабораторном халате поверх зеленого хирургического. В руке он держал папку с историей болезни.

- Позвольте познакомить вас, господа. Это доктор - лейтенант Джеймисон. Он непосредственно занимается лечением вашего соотечественника, он и принял его в госпиталь. Что у тебя, Джейми?

- Анализ мокроты показал воспаление легких. Это плохая новость. Но еще хуже то, что нарушен состав крови и пока не улучшается.

- Только этого и не хватало. - Тейт оперся плечом о раму окна и выругался про себя.

- Вот распечатка из анализатора крови. - Джеймисон передал Тейту лист бумаги.

- Можно посмотреть? - подошел Иванов.

- Конечно. - Тейт откинул металлическую обложку истории болезни и повернул лист таким образом, чтобы он был виден всем. Иванову никогда не приходилось работать с компьютерным анализатором крови, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы сориентироваться.

- Да, нехорошо.

- Мягко говоря, - согласился Тейт.

- Сначала нужно принять самые серьезные меры против воспаления легких, - заявил Джеймисон. - У парня слишком много осложнений. Если воспаление легких начнет развиваться по-настоящему... - Он покачал головой.

- Может быть, кефлин? - спросил Тейт.

- Да. - Джеймисон достал из кармана пузырек. - И как можно больше, сколько он сможет выдержать. Думаю, он был немного болен еще до того, как оказался в воде, и я слышал, что в России начали появляться штаммы, не поддающиеся воздействию пенициллина. Вы ведь пользуетесь у себя главным образом пенициллином? - Джеймисон, склонив голову, посмотрел на Иванова.

- Конечно. Что за препарат кефлин?

- Это мощный синтетический антибиотик, действенный препарат против штаммов, устойчивых к пенициллину.

- Тогда действуй немедленно, Джейми, - распорядился Тейт.

Джеймисон обогнул угол и оказался в палате. Там он впрыснул антибиотик в пузырек объемом сто кубических сантиметров для внутривенного вливания и повесил его на стойку.

- Этот ваш врач очень молод, - заметил Иванов. - Значит, он изначально занимался нашим матросом?

- Это Алберт Джеймисон. Мы зовем его Джейми. Ему двадцать девять лет, он закончил Гарвардский университет, был третьим на своем курсе и с тех пор работает у нас. Департаментом здравоохранения ему разрешена медицинская практика в терапии и вирусологии. Лучшего молодого врача я не встречал.

Тейт внезапно понял, как непросто иметь дело с русскими. Образование и годы службы на флоте учили его, что эти люди - враги. Но какое значение это имело сейчас? Много лет назад Тейт дал клятву лечить людей независимо от обстоятельств. Неужели они могут подумать, что он даст умереть их соотечественнику только потому, что он русский?

- Господа, я хочу, чтобы вы поняли, что мы обеспечиваем вашему матросу наилучший уход, применяем самые современные методы лечения, имеющиеся в нашем распоряжении. Мы ничего не скрываем. Если существует хоть какая-то возможность вернуть его вам живым и здоровым, мы найдем ее. Но я ничего не могу обещать.

Русские понимали это. Ожидая инструкций из Москвы, Пешкин поинтересовался прошлым Тейта и узнал, что при всем своем религиозном фанатизме он весьма опытный и честный врач, принадлежит к числу лучших медицинских светил, состоящих на государственной службе.

- Он говорил что-нибудь? - спросил Пешкин, скрывая интерес за маской равнодушия.

- При мне - нет. Джейми говорит, что сразу как только матроса начали согревать, он немного что-то бормотал в полусознательном состоянии. Разумеется, мы записали это на пленку и дали прослушать запись офицеру, владеющему русским языком. Что-то о девушке с карими глазами, но очень невнятно. Возможно, это его любимая - он привлекательный юноша, у него, наверно, осталась дома девушка. Впрочем, слова были совершенно неразборчивыми. Человек в его состоянии не имеет представления о том, что происходит.

- Можно прослушать эту магнитофонную запись? - спросил Пешкин.

- Да, конечно. Я пришлю ее вам. Из-за угла появился Джеймисон.

- Все в порядке. По кубику кефлина каждые шесть часов. Надеюсь, это поможет.

- А что с его руками и ногами? - спросил Смирнов. Капитан знал про опасность обморожения.

- Это нас не беспокоит, - ответил Джеймисон. - Его пальцы обложены ватой, чтобы предупредить мацерацию <Мацерация - процесс разъединения животных клеток, первоначально плотно соединенных в ткани.>. Если он переживет ближайшие несколько дней, у него появятся волдыри и, возможно, произойдет потеря кожного покрова, но сейчас нас это заботит меньше остального. Вы не знаете, как его зовут? - Пешкин резко повернул голову. - Когда его привезли к нам, на нем не было ничего, что позволило бы произвести

опознание. Не было ни названия корабля на одежде, ни личного знака, ни бумажника, ни даже монет в карманах. На начальном этапе лечения это значения не имеет, но хорошо бы отыскать его медицинские документы. Всегда полезно знать, подвержен ли он аллергии, лечили ли его от каких-то болезней. Не хотелось бы, чтобы он впал в кому из-за аллергической реакции на какие-нибудь лекарственные препараты.

- Во что он был одет? - спросил Смирнов.

- На нем был резиновый спасательный костюм, - ответил Джеймисон. - У парней, которые нашли его, слава Богу, хватило здравого смысла оставить все, как есть. Я разрезал костюм и снял его. Под костюмом были брюки, рубашка и носовой платок. Разве матросы у вас не носят личных опознавательных знаков?

- Как же, носят, - кивнул Смирнов. - Как его обнаружили?

- Насколько мне известно, это произошло по чистой случайности. Патрульный вертолет с фрегата заметил его в воде. У них на борту не было спасательного снаряжения, так что они пометили место пятном краски и вернулись на корабль. Боцман вызвался лететь с ними. На вертолет погрузили боцмана и надувной плот, и он полетел обратно. Следом шел фрегат. Боцман надул плот, выбросил его из вертолета, а потом спрыгнул и сам. Ему чертовски не повезло. Он неудачно приземлился и сломал обе ноги, но все-таки сумел втащить вашего матроса на плот. Тут подошел фрегат, так что через час их подобрали. Затем обоих доставили прямо сюда.

- А как сейчас боцман?

- С ним все будет в порядке. Левая нога не очень пострадала, а вот на правой сложный перелом берцовой кости, - пояснил Джеймисон. - Через пару месяцев он поправится. Впрочем, на некоторое время ему придется воздержаться от танцев.

Русские считали, что американцы намеренно сняли со спасенного матроса все средства опознания, а вот Джеймисон и Тейт полатали, что русский моряк сам выбросил личный опознавательный знак, надеясь попросить политического убежища в Америке. На шее осталась красная полоса, свидетельствующая о том, что цепочка, на которой был знак, сорвана с силой.

- Если позволите, - произнес Смирнов, - мне хотелось бы повидать вашего боцмана.

- У нас нет возражений, капитан, - кивнул Тейт. - Это очень любезно с вашей стороны.

- Он, должно быть, мужественный человек.

- Просто моряк, исполняющий свой долг. Ваши люди в аналогичных условиях наверняка сделали бы то же самое. - Тейт не был в этом уверен. - Между нами могут возникать разногласия, господа, но для моря мы все равны. Море готово погубить всех, независимо от флага страны, которую мы представляем.

Пешкин снова подошел к окну палаты, пытаясь разглядеть лицо лежащего.

- Можно посмотреть на его одежду и личные вещи? - спросил он.

- Конечно, но это почти ничего вам не даст. Он кок. Это все, что мы о нем знаем, - ответил Джеймисон.

- Кок? - Пешкин повернулся к лейтенанту.

- Офицер, который прослушивал магнитофонную запись - он, разумеется, сотрудник спецслужб, - так вот этот офицер посмотрел на номер, нашитый на

его рубашке, и сказал, что такой номер бывает только у кока.

Личный номер из трех цифр указывал на то, что пациент принадлежал к вахте левого борта и что по боевому расписанию его место было в группе борьбы за живучесть. Джеймисон не мог понять, почему у русских номера носили все рядовые матросы. Может быть, это имеет какое-то отношение к нарушениям дисциплины? Он заметил, что лоб Пешкина почти упирается в стекло.

- Доктор Иванов, вы хотите принять участие в лечении пациента? - спросил Тейт.

- Это разрешается?

- Да.

- Когда его выпишут? - поинтересовался Пешкин. - Когда с ним можно будет поговорить?

- Выпишут? - Джеймисон не скрывал изумления. - Сэр, единственный вариант, при котором он сможет покинуть эти стены раньше месяца, это в гробу. А вот что касается вопроса, когда он придет в сознание, - на это ответить трудно. Больной в критическом состоянии.

- Но ведь нам нужно поговорить с ним! - запротестовал сотрудник КГБ.

- Господин Пешкин. - Тейт повернулся и посмотрел на него. - Я понимаю ваше желание как можно быстрее побеседовать со своим матросом, однако сейчас это мой пациент. Мы не сделаем ничего, повторяю, абсолютно ничего, что может отрицательно сказаться на его лечении и выздоровлении. Мне приказали прилететь сюда и заняться им. Насколько мне известно, приказ исходит из Белого дома. Итак, дело обстоит следующим образом. Доктора Джеймисон и Иванов будут помогать мне, но сейчас всю ответственность за жизнь пациента несу я, и моя задача заключается в том, чтобы он вышел из госпиталя живым и здоровым. Все остальное подчинено этой цели. Вам пойдут навстречу во всем, уверяю вас. Однако распоряжаюсь здесь я один. - Тейт помолчал. Дипломатия не была его призванием. - Если вы пожелаете посменно дежурить здесь, я не буду возражать. Но вам придется следовать правилам, установленным в госпитале. Это означает, что вам придется тщательно мыть руки, носить стерильную одежду и выполнять указания дежурной медсестры. Согласны?

Пешкин кивнул. Американские врачи в своем самомнении равняют себя чуть ли не с Господом Богом, подумал он.

Джеймисон, углубившийся в изучение распечатки анализа крови, не обратил внимания на разговор.

- Вы можете сказать мне, на какой подлодке он служил? - спросил лейтенант.

- Нет, - поспешно ответил Пешкин. , - Что ты имеешь в виду, Джейми?

- Падение лейкоцитов и некоторые другие симптомы указываю на радиационное заражение. Основные симптомы могут быть скрыты за общей картиной гипотермии. - Джеймисон посмотрел на русских. - Господа, нам необходимо знать правду. Он служил на атомной подлодке?

- Да, - ответил Смирнов, - он служил на лодке с атомным двигателем.

- Джейми, отнеси его одежду в отделение радиологии. Пусть проверят пуговицы, молнию и все металлические части на радиацию.

- Хорошо. - Джеймисон отправился за одеждой пациента.

- Нам можно принять участие в этом? - спросил Смирнов.

- Да, сэр, - отозвался Тейт, силясь понять, что же это все-таки за люди. Матрос чудом спасся с атомной подлодки, почему же они не сказали об этом сразу? Неужели они не хотят его выздоровления?

Пешкин думал о своем. Выходит, американцы не знали, что матрос служил на атомной подлодке? Конечно, они пытались выудить у Смирнова, что парень спасся с подводного ракетоносца. Старались запутать ситуацию этими разговорами об атомном заражении. Пациенту от этого ни тепло, ни холодно, зато собьет с толку классового врага. Ловкий маневр. Сам он никогда не сомневался, что американцы не дураки. А ведь через час надо докладывать в посольство - о чем? Откуда ему знать, что это за матрос?

Верфи ВМФ в Норфолке

Американский подводный ракетоносец "Итан Аллен" доживал свой век. Спущенный на воду в 1961 году, он честью и правдой служил своим командам и своей стране больше двадцати лет, занимаясь патрулированием морских глубин, которые никогда не видели солнца. На борту его были баллистические ядерные ракеты "Полярис", запускаемые из подводного положения. Теперь, когда ракетоносец, будь он человеком, мог бы получить право голоса, он стал слишком старым для того, чтобы и дальше исполнять свои обязанности. Несколько месяцев назад его ракетные шахты были заполнены балластом и заварены. Пока в Пентагоне решали дальнейшую судьбу старого служаки, на борту его оставалась чисто символическая команда, которая обслуживала едва дышащие механизмы. Подумывали о том, чтобы превратить "Аллена" в подводный ракетоносец, похожий на последние советские "оскары", модернизировав и снабдив сложной системой запуска крылатых ракет. Однако это оказалось слишком дорогостоящим. На "Аллене" вся техника была прошлого поколения, да и сам он был построен на основе устаревшей технологии. Исключалось и дальнейшее использование его атомного реактора S5W. Под воздействием многолетней радиации, бомбардировки корпуса и внутреннего оборудования мириардами нейтронов, металл их стал слишком хрупким, подвергая опасности весь корпус лодки. А поскольку лодку можно было эксплуатировать не больше трех лет, устанавливать на ней новый реактор оказалось нерентабельным. "Аллен" был обречен.

Оставшаяся на борту команда состояла главным образом из ветеранов, которые служили на "Аллене" во время последнего плавания и теперь ожидали увольнения в запас, и нескольких молодых матросов, обучавшихся на ремонте вышедших из строя механизмов. Как учебная база, особенно для ремонтников, он пока годился.

Адмирал Галлери прибыл на борт старого ракетоносца ранним утром. Старшины сочли это особенно зловещим, потому что Галлери был первым командиром этой подлодки, а считается, что адмиралы всегда навещают свои первые корабли, прежде чем пустить их на металлолом. Галлери узнал кое-кого из ветеранов, поздоровался с ними и спросил, остался ли порох в пороховницах у бывшей красавицы. Старшины, как один, ответили утвердительно. Для членов команды подводная лодка становится чем-то большим, чем просто машина. Каждый из сотни кораблей, построенных одними и теми же людьми на одних и тех же

верфях по одинаковым чертежам, приобретает собственные характеристики - честно говоря, главным образом дурные, однако после того как команда свыкается с ними, о них начинают говорить с любовью, особенно вспоминая о прошлом.

Адмирал облазил "Итана Аллена" от носа до кормы, остановился у перископа и погладил его своими скрюченными артритом пальцами. Сколько раз он пользовался им, чтобы убедиться, что за пределами стального корпуса существует внешний мир, спланировать "атаку" на корабль, который охотился за его лодкой, или на случайно проходящий танкер просто для практики. Он был командиром "Итана Аллена" в течение трех лет, чередуя свою "золотую" команду с "синей" командой <На американских ракетоносцах "золотая" и "синяя" команды - это сменные экипажи, они сменяют один другой, чередуя продолжительное пребывание в море.> другого капитана. Базой ракетоносца был тогда Холи-Лох в Шотландии. Да, это были хорошие годы, подумал он, куда лучше, чем те, что пришлось сидеть за письменном столом и слушать влетающих в кабинет молодых энергичных адъютантов. Старая морская игра: вверх и вниз, стоит только добиться чего-то, в чем ты разбираешься по-настоящему хорошо, как приходит конец. В этом есть смысл, конечно. Нужно уступать место молодым офицерам, которые делают свою карьеру - но, Господи Боже мой, чего не отдашь за то, чтобы снова быть молодым и стать командиром одной из этих новых субмарин, на которых ему, старому тощему козлу из Норфолка, разрешают плавать всего несколько часов и то в виде одолжения.

Да, ракетоносец словно приготовлен для этого, решил Галлери. Конечно, он предпочел бы другой конец для своего первого корабля, но, раз уж речь зашла об этом, почетный конец для боевого корабля - редкая честь. "Виктори" Нельсона, "Конститьюшен" в гавани Бостона, иногда переход названия от одного боевого корабля к другому - это почетный конец. Большинство боевых кораблей используют в качестве мишеней при учебных стрельбах или пускают на бритвенные лезвия. А вот "Итан Аллен" погибнет ради дела. Безумного дела, это верно, но, возможно, достаточно безумного, чтобы из этого получилось что-то полезное, думал Галлери, возвращаясь в свою штаб-квартиру.

Через два часа к причалу, где мирно дремал "Итан Аллен", подъехал грузовик. Главный старшина, находившийся в то время на палубе ракетоносца, заметил, что грузовик этот с базы морской авиации Оушиэна. Странно, подумал он. Еще более странным было то, что у офицера, вышедшего из кабины, не было на груди ни силуэта дельфина, ни крылышек летчика. Значит, он не моряк и не авиатор, подумал главный старшина. Офицер отсалютовал сначала флагу подлодки, затем несущему вахту старшине, так как оба офицера, входившие в состав команды, руководили ремонтными работами в машинном отделении. Под контролем офицера, приехавшего с базы морской авиации, рабочие погрузили на лодку четыре овальных предмета. Они были так велики, что едва прошли через палубные люки, предназначенные для погрузки торпед. Понадобилось немало потрудиться, чтобы загадочные предметы оказались внутри подлодки. Затем последовали пластиковые поддоны, на которые поместили предметы, и металлические тросы, надежно закрепившие их на месте. Похоже на бомбы, подумал старший электрик, наблюдавший за погрузкой. Однако вряд ли; судя по всему, они были слишком легкими и сварены из обычной листовой стали. Час

спустя подъехал еще один грузовик с цилиндром в кузове. Из лодки удалили весь личный состав и тщательно проветрили ее. Затем три техника подтащили к каждому из четырех предметов по шлангу. Закончив работу, они снова проветрили подводную лодку и оставили рядом с каждым овальным предметом газовые датчики. К этому времени, заметили члены команды, их причал и тот, что находился рядом, уже охраняли вооруженные морские пехотинцы, так что никто не мог подойти и посмотреть, что делается на "Итане Аллене".

Когда погрузка, или наполнение, овальных предметов, или чего там еще, было закончено, старшина спустился вниз, чтобы осмотреть их более внимательно. Он достал блокнот и списал с предметов нанесенную на них аббревиатуру: "PPB76A/J6713". Старший писарь достал каталог, и тут выяснилось, что ему совсем не нравится то, что он там обнаружил: маркировка PPB76 означала бомбу и на борту "Итана Аллена" их было четыре. Бомбы были далеко не такие мощные, как те, что когда-то несла подлодка, но куда более зловещие, признали члены команды. С общего согласия горящую лампу, предназначенную для курильщиков, решили погасить еще до того, как последует по этому поводу какой-нибудь приказ.

Вскоре на лодку вернулся Галлери и провел с каждым из старшин отдельную беседу. Молодых матросов отослали на берег вместе с их личными вещами и строгим указанием забыть, что они видели, слышали или заметили необычное на борту "Итана Аллена". Ракетоносец будет затоплен в море, вот и все. Какое-то политическое решение, принятое в Вашингтоне, и если вы расскажете кому-нибудь о том, что происходило на лодке, лучше подумайте о двадцатилетнем сроке в тюремных казематах Мардо-Саунд, объяснил кто-то.

К чести Винсента Галлери все старослужащие старшины остались на борту ракетоносца. Отчасти ради того, чтобы последний раз выйти в море на старушке, проститься с нею. Но главной причиной было то, что Галлери подчеркнул особую важность операции, а ветераны помнили, что он всегда говорил им только правду.

Офицеры прибыли на ракетоносец к заходу солнца. Самым младшим из них по званию был капитан-лейтенант. Два капитана первого ранга вместе с тремя главными старшинами займутся реактором. Еще два капитана первого ранга возьмут на себя навигационное обеспечение, а пара капитанов третьего ранга - электронику. Остальные офицеры рассредоточатся по лодке и будут выполнять специальные работы, необходимые для успешного функционирования столь крупного и сложного военного корабля. Общий состав, по числу не достигающий и четверти обычной команды, мог вызвать, по-видимому, иронические замечания со стороны главных старшин, не ведающих, каким опытом обладают эти офицеры.

Главный боцман с изумлением узнал, что один из офицеров будет управлять вертикальными рулями глубины. Старший электрик, с которым боцман обсудил эту проблему, не усмотрел в этом ничего странного. В конце концов, заметил он, самое интересное заключается в управлении лодками, а офицеры получают такую возможность только в Нью-Лондоне. После этого им остается только слоняться без дела, сохраняя важный вид. Это верно, согласился боцман, но справятся ли они с этими обязанностями? Ничего страшного, ответил электрик, если не справятся, то дело возьмут в свои руки старшины - для чего еще существуют старшины, как не для того, чтобы присматривать за офицерами и исправлять их

ошибки? Затем они принялись спорить о том, кто из них возьмет на себя командование лодкой. У обоих был почти одинаковый стаж и опыт.

В 23.45 ракетоносец "Итан Аллен" вышел из гавани в последний раз. Он самостоятельно, без помощи портового буксира, отошел от причала. Шкипер осторожно отвел лодку от пирса. Команды его в машинное отделение были такими спокойными и швартовы он отдал с таким умением, что заслужил восхищение боцмана. Ему довелось служить с этим шкипером и раньше, на "Блэкджеке" и "Уилле Роджерсе".

- Представляешь, без буксиров и без всякой посторонней помощи, - говорил он позднее соседу по койке. - Старик знает свое дело.

Через час подлодка миновала Виргиния-Кейпс и приготовилась к погружению. Прошло десять минут, и "Итан Аллен" исчез из виду. Погрузившись, на курсе один-один-ноль маленькая команда из одних старшин и офицеров взялась за сложное дело управления старым ракетоносцем, что при столь небольшом составе было непросто. "Итан Аллен" повиновался командам беспрекословно, двигаясь со скоростью двенадцать узлов. Его старые механизмы работали почти бесшумно.

День одиннадцатый

Понедельник, 13 декабря

Истребитель-штурмовик А-10 "тандерболт"

Летать на нем было куда интереснее, чем управлять авиалайнером DC-9. Майор Энди Ричардсон налетал больше десяти тысяч часов на авиалайнерах и всего шестьсот на своем штурмовике А-10 "тандерболт-II", но явно предпочитал полеты на меньшем из этих двухмоторных самолетов. Ричардсон был приписан к 175-й тактической эскадрилье истребителей Мэрилендской национальной гвардии. Обычно его эскадрилья базировалась на небольшом военном аэродроме к востоку от Балтимора, но два дня назад, перед самым началом переподготовки, 175-ю и шесть других кадровых и резервных эскадрилий перебросили на и без того загруженную авиабазу стратегической авиации в Лоринге, штат Мэн. Они вылетели оттуда в полночь и дозаправились в воздухе всего полчаса назад, в тысяче миль над Северной Атлантикой. Теперь Ричардсон и его звено из четырех штурмовиков летели на высоте всего сто футов, скользя над черной поверхностью океана со скоростью четыреста узлов.

В ста милях за четырьмя штурмовиками на высоте тридцати тысяч футов следовали девяносто самолетов, что для русских очень походило на "атаку альфа" - мощную ударную операцию вооруженных тактических истребителей. Это действительно было так, хотя операция была ложной, цель ее заключалась в том, чтобы отвлечь внимание от четырех штурмовиков, летящих на бреющем полете - именно они играли ключевую роль.

Ричардсон не скрывал любви к своему А-10. Пилоты, летающие на этом штурмовике называли его с насмешливым уважением "африканский кабан" или просто - "кабан". Почти все самолеты тактической авиации имели изящную обтекаемую форму, обусловленную необходимостью скорости и маневренности в

бою. "Кабан" составлял исключение и являлся, пожалуй, самым безобразным из боевых самолетов, когда-либо построенных для военно-воздушных сил. Казалось, два его турбореактивных двигателя, подвешенные у хвостового оперения с двойными стабилизаторами, которые сами по себе принадлежали к эпохе тридцатых годов, просто вовремя забыли поставить и кое-как приляпали в последнюю минуту. Массивные короткие крылья торчали из корпуса перпендикулярно в отличие от стреловидных несущих плоскостей современных истребителей. Более того, в середине они были изогнуты, для того чтобы поместить под ними неуклюжее шасси. На нижней поверхности крыльев имелись многочисленные крепления для подвески боезапаса, а сам фюзеляж словно был построен вокруг главного оружия штурмовика - тридцатимиллиметровой вращающейся пушки GAU-8, предназначенной для уничтожения советских танков.

Для сегодняшней операции пушки звена Ричардсона снарядили полным боекомплектом снарядов из обедненного урана <Для борьбы с танками используют снаряды из обедненного урана практически утратившего радиоактивность, которые обладают большим удельным весом - 19,05 г/см[3].>, а под крыльями у каждого штурмовика висело по паре бомбовых канистр, наполненных крохотными бомбочками "рокай" - еще одним видом противотанкового оружия. Прямо под фюзеляжем находился подвесной обтекаемый контейнер, в котором была размещена система низковысотной навигации и ночного наведения на цель; ко всем остальным гнездам крепления были подвешены топливные баки.

175-я эскадрилья национальной гвардии была первой, оснащенной такими системами. Эти системы представляли собой сочетание электронных и оптических устройств, которые позволяли "кабану" искать цели ночью, совершая полет на минимальной высоте. Датчики этой системы выдавали изображение местности на лобовое стекло штурмовика, фактически превращая ночь в день, что снижало опасность ночных операций. Рядом с каждым контейнером находился небольшой предмет, который в отличие от пушечных снарядов и бомбочек "рокай" был предназначен для применения именно этой ночью.

Ричардсона не беспокоила - скорее даже наоборот, привлекала - опасность предстоящей операции. Два из трех его компаньонов служили, как и он, на гражданских авиалиниях, третий занимался опрыскиванием с воздуха полей. Все трое были опытными пилотами, с большой практикой полетов на малой высоте. А сейчас им предстояла интересная операция.

Инструктаж, проведенный летчиком морской авиации, занял больше часа. Они нанесут визит советскому флоту. Ричардсон читал в газетах, что русские затеяли что-то, а когда во время инструктажа ему сообщили, что они послали свой флот к самому американскому побережью, Ричардсона потрясла их наглость. Его привело в ярость сообщение о том, что один из паршивых советских дневных истребителей осмелился подбить "томкэт" морской авиации, так что летчик едва не погиб. Ричардсона удивило, что морской авиации не позволили ответить на это должным образом. Он видел, что большинство самолетов авиакрыла "Саратога" замерли на бетонных площадках в Лоринге рядом с Б-52, А-6 "интрудерами" и F-18 "хорнетами", причем тележки, загруженные боезапасом для этих самолетов, стоят всего в нескольких футах от них. Ричардсон пришел к выводу, что его операция - всего лишь первый шаг, деликатное прощупывание противника. Пока советские радары будут следить за самолетами, участвующими

в "атаке альфа", которые барражируют на самом пределе досягаемости их ракет "корабль-воздух", его звено из четырех штурмовиков прорвется под радиолокационной завесой к флагману советского флота, атомному линейному крейсеру "Киров", и даст русским понять, с кем они имеют дело.

Странно, что для такой операции выбрали резервистов. На Восточном побережье сосредоточена сейчас почти тысяча самолетов тактической авиации, из них около трети пилотируют летчики национального резерва, и Ричардсон пришел к заключению, что это является частью плана. Очень сложная тактическая операция возложена именно на резервистов, тогда как эскадрильи с кадровыми летчиками стоят на взлетных дорожках Лоринга, Макгуайра, Дувра, Пизы и нескольких других авиабаз от Виргинии до Мэна, заправленные, проинструктированные, в полной боевой готовности. Почти тысяча самолетов! Ричардсон улыбнулся. Для них просто не хватит целей!

- Ведущий "Лайнбэкер", это "Сентри-дельта". Пеленг на цель - ноль-четыре-восемь, расстояние пятьдесят миль. Курс цели - один-восемь-пять, скорость двадцать узлов.

Ричардсон не подтвердил получение координат даже по кодированному каналу радиосвязи. В соответствии с полученным приказом полет проходил в условиях, исключающих всякое электронное излучение. Любые радиопередачи могли выдать его звено русским. У него был выключен даже радар наведения на цель, действовали только пассивные инфракрасные и телевизионные датчики, способные работать при слабом освещении. Майор быстро огляделся по сторонам. Какие они резервисты? Что за ерунда! - подумал он. Каждый из них налетал не меньше четырех тысяч часов, больше многих кадровых пилотов или большинства астронавтов, а уж ухаживали за птичками национальной гвардии техники, которым эта работа нравилась. По сути дела у его эскадрильи было больше готовых к вылету самолетов, чем у любой кадровой, и у летчиков национальной гвардии происходило меньше несчастных случаев, чем у сопливых мальчишек, летавших на "кабанах" в Англии и в Корее. Они еще покажут русским!

Ричардсон улыбнулся. Летать вот так куда интереснее, чем совершать регулярные рейсы на DC-9 для компании "Ю-Эс эйр" из Вашингтона в Провидено и Хартфорд, а затем обратно, и так каждый божий день. Раньше майор был летчиком-истребителем ВВС и ушел с военной службы, потому что его привлекало более высокое жалованье и престиж пилота коммерческих авиалиний. По этой причине он не воевал во Вьетнаме, а гражданские рейсы не требуют особого мастерства; во всяком случае там не надо носиться над самыми верхушками деревьев.

Насколько ему было известно, никогда раньше "кабанов" не использовали для боевых операций в море - это еще одна новая часть операции. Вряд ли следует удивляться, что они отлично проявят себя и здесь. Противотанковое вооружение "кабанов" будет весьма эффективным против кораблей. Бронебойные снаряды и канистры "рокай" способны разносить в куски мощную броню боевых танков, и Ричардсон не сомневался, что тонкий стальной лист на кораблях не сможет противостоять им. Как жаль, что этот вылет не боевой. Стоило бы преподать Ивану хороший урок.

На его распознавателе опасности замигала лампочка радиолокационного датчика; скорее всего, это был коротковолновой радар, предназначенный для

поиска на поверхности и еще недостаточно мощный, чтобы отразиться от его самолета. У Советов не было воздушных радиолокационных платформ, а действие их радаров, установленных на кораблях, ограничивалось дальностью прямой видимости. Луч корабельного радиолокатора прошел прямо над головой Ричардсона; распознаватель опасности сработал лишь потому, что задел его край. Пожалуй, реальнее избежать обнаружения, если снизиться до высоты пятидесяти футов вместо сотни, однако приказ запрещал это.

- Звено "Лайнбэкеров", это "Сентри-дельта". Рассредоточьтесь и приступайте, - поступила команда с АВАКСа.

Четыре А-10 разошлись с расстояния в несколько футов и вытянулись в линию атаки, при которой интервал между самолетами измерялся милями. В приказе говорилось, что рассредоточение должно произойти в тридцати милях от цели; четыре минуты лета. Ричардсон взглянул на часы; звено "лайнбэкеров" шло к цели в соответствии с графиком. Летящие позади них "фантомы" и "корсары", имитирующие "атаку альфа", повернут сейчас в сторону советских кораблей, чтобы привлечь их внимание. Скоро он увидит корабли русских...

В изображении на лобовом стекле появились неровности на горизонте - это внешнее кольцо охранения, эсминцы типа "удалой" и "современный". Во время инструктажа офицер показал им силуэты и фотографии кораблей.

Бип!.. Это защелкал распознаватель опасности. По штурмовику только что скользнул луч радиолокационного прицела, потерял его из виду и теперь пытался восстановить контакт. Ричардсон щелкнул переключателем и включил систему электронных помех - глушение радаров противника. Эсминцы внешнего охранения находились сейчас всего в пяти милях. Сорок секунд. Потерпите, товарищи...

Майор начал резко маневрировать, беспорядочно бросая свой штурмовик вверх, вниз, в стороны. Всего лишь игра, но не следует слишком уж облегчать задачу Ивану. Если бы это была настоящая боевая операция, "кабаны" мчались бы на предельной скорости вслед за тучей антирадарных ракет, и за ними неслись бы "дикие ласки" <Истребители-бомбардировщики F-105G "тандерчиф">, старающиеся вывести из строя советскую систему управления ракетным огнем. Теперь все происходило очень быстро. Прикрывающий флагман эсминец появился прямо по курсу, и Ричардсон чуть отвернул в сторону, чтобы миновать его. Две мили до "Кирова" - восемнадцать секунд.

На лобовом стекле появилась более четкая картинка. Огромный силуэт "Кирова" (мачта - мостик - радар) заполнял все стекло. Он видел мигающие огни по всему корпусу линейного крейсера. Ричардсон повернул вправо. Они должны пролететь ровно в трехстах ярдах от крейсера - ни больше ни меньше. Его "кабан" промчится мимо носа, остальные штурмовики рядом с кормой и по бортам. Он не хотел слишком уж приближаться. Майор проверил и убедился, что противотанковая пушка и бомбосбрасыватели стоят на предохранителях. Нет смысла увлекаться. При настоящей атаке вот сейчас, он нажал бы на спуск, и поток бронебойных снарядов устремился бы к "Кирову", пробивая тонкую броню его носовых ракетных установок. Их зенитные и крылатые ракеты обратились бы в гигантский огненный шар, и сверхпрочный крейсер кончил бы свои дни, словно бумажный кораблик.

В пятистах ярдах от крейсера Ричардсон опустил руку и снял

предохранитель с небольшого контейнера, установленного под фюзеляжем самолета.

Пора! Майор щелкнул переключателем, и вперед вылетели полдюжины магниевых осветительных ракет, которые вспыхнули ослепительным пламенем и стали медленно опускаться на парашютах. Все четыре самолета проделали это в пределах одной секунды. Внезапно "Киров" оказался внутри бело-голубой сияющей сферы. Ричардсон потянул на себя ручку управления и отвернул в сторону от линейного крейсера, одновременно стремительно набирая высоту. Яркий свет ослепил его, но он успел заметить изящные очертания советского флагманского корабля, резко разворачивающегося среди бушующего моря. Матросы, увидел он, бежали по палубе, как встревоженные муравьи.

Будь это все всерьез, всех вас сейчас уже не было бы в живых - поняли, что мы хотим вам сказать?

Ричардсон нажал на кнопку радиопередатчика.

- Ведущий "лайнбэкер" вызывает "Сентри-дельту", - произнес он открытым текстом. - Робин Гуд, повторяю, Робин Гуд. Звено "лайнбэкеров", говорит ведущий, всем собраться вместе. Летим домой!

- Звено "лайнбэкеров", это "Сентри-дельта". Великолепно! - отозвался старший оператор с АВАКСа. - Имейте в виду, что у "Киева" в воздухе два "форджера", расстояние тридцать миль на восток, летят к вам. Им придется поторопиться, если они хотят перехватить вас. Будем держать в курсе. Конец связи.

Ричардсон быстро прикинул. Русские истребители вряд ли успеют перехватить его звено. Но даже если и успеют, двенадцать "фантомов" из 107-й эскадрильи истребителей-перехватчиков уже наготове.

- Черт побери, ведущий! - осторожно произнес на его частоте "Лайнбэкер-4", тот, что занимался опрыскиванием полей на гражданской службе. - Ты видел, как эти индюки указывали на нас? Здорово мы потрясли их клетку, а?

- Внимание, всем быть наготове к появлению "форджеров", - предостерег Ричардсон, от уха до уха улыбаясь под своей кислородной маской. Вот вам и летчики национального резерва!

- Пусть только появятся, - донесся голос "Лайнбэкера-4". - Стоит любому из этих козлов подлететь ко мне, это будет последняя ошибка в его жизни!

По мнению Ричардсона, четвертый проявляет излишнюю агрессивность, зато водит своего "кабана" неплохо.

- Звено "лайнбэкеров", это "Сентри-дельта". "Форджеры" повернули обратно. Вам ничто не угрожает. Конец связи.

- Понял вас, конец связи. О'кей, звено, всем успокоиться и выстроиться вокруг меня. Летим домой. Думаю, мы заработали месячное жалованье. - Ричардсон посмотрел на радиопередатчик и убедился, что говорит открытым текстом. - Дамы и господа, говорит ваш капитан Барри Дружелюбный, - произнес он шутку, принятую в авиакомпании "Ю-Эс айр", которая стала теперь своей и в 175-й эскадрилье. - Надеюсь, вы остались довольны полетом и будете всегда летать на авиалайнерах нашей компании "Летающий кабан".

Крейсер "Киров"

Адмирал Штральбо бросился из боевого информационного центра к флагманскому мостику, но опоздал. Самолеты, атаковавшие крейсер на бреющем полете, меньше минуты оставались на краю радиолокационного экрана. Пучок осветительных ракет уже опускался позади линейного крейсера, несколько ракет догорало в воде. Адмирал видел, что вахтенные офицеры потрясены случившимся.

- За шестьдесят или семьдесят секунд до того, как они атаковали нас, товарищ адмирал, - доложил командир крейсера, - мы следили за большой группой приближающихся издалека самолетов, и тут эти четыре - мы думаем, что четыре, - истребителя подкрались к нам ниже нашего радиолокационного прикрытия. Несмотря на то что они глушили наши радары мерами электронного противодействия, мы успели навести ракеты на два из них.

Штральбо нахмурился. Все произошло совсем не так, как он ожидал. Если бы атака была настоящей, "Киров" в лучшем случае получил бы серьезные повреждения. Американцы с радостью обменяли бы пару своих истребителей на атомный крейсер. Если все американские самолеты способны на подобные удары...

- Фантастическое высокомерие у этих американцев! - послышался голос замполита соединения.

- Мы сделали ошибку, провоцируя их, - недовольно произнес адмирал. - Я ожидал чего-то подобного, но полагал, что налет последует со стороны "Кеннеди".

- Но ведь это была ошибка, ну, наш летчик напутал, - заметил замполит.

- В самом деле! Зато этот налет не был ошибкой! Они только дали нам понять, Василий, что им не нравится наше присутствие в полутора тысячах километров от их побережья без надежного прикрытия с воздуха и что у них наготове более пятисот истребителей-бомбардировщиков, готовых атаковать нас с запада по первому сигналу. Тем временем "Кеннеди" готовится напасть на нас как бешеный волк с востока. Нашему положению не позавидуешь.

- Американцы не осмелятся на такой шаг.

- Вы уверены в этом, товарищ замполит? Твердо уверены? А что, если один из американских летчиков совершит такую же ошибку? И потопит один из наших эсминцев? И что, если американский президент свяжется с Москвой по "горячей линии" и принесет извинения до того, как мы успеем доложить о случившемся? Они заверят наше руководство, что это был несчастный случай, и пообещают строго наказать виновного - тогда что? Вы считаете, что действия империалистов у их собственного побережья так легко предсказать? Я так не считаю. Мне кажется, что они ждут не дождутся малейшего предлога, чтобы напасть на нас. Давайте пройдем ко мне в каюту. Нам нужно обсудить это.

Адмирал и начальник политотдела флота прошли на корму. Каюта адмирала Штральбо была обставлена по-спартански. Единственным украшением была литография на стене, где Ленин обращался к красногвардейцам.

- В чем цель нашей операции, Василий? - спросил Штральбо.

- Поддерживать наши подлодки, помогать им в поиске...

- Совершенно верно. Наша задача заключается в том, чтобы оказывать поддержку, а не вести наступательные операции. Мы не нужны здесь американцам. Объективно говоря, я понимаю их. С таким количеством ракет на

борту мы представляем для них немалую опасность.

- Но наши приказы и не заключаются в том, чтобы угрожать им, - возразил замполит. - Зачем нам наносить удар по их территории?

- А империалисты верят, разумеется, что мы боремся за мир и социалистический путь развития? Брось, Василий, это наши враги! Разумеется, они не доверяют нам. И, конечно, готовятся напасть на нас, если мы дадим им хоть малейший повод. Они уже мешают нашей основной операции, делая вид, что помогают нам. Им хочется выпроводить нас отсюда - а позволяя провоцировать себя агрессивными действиями, мы сами попадаем в эту ловушку. - Адмирал опустил глаза на свой письменный стол. - Так вот, отныне мы изменим наше поведение. Я отдам приказ флоту прекратить все операции, которые могут хоть как-то показаться агрессивными. Мы прекратим все полеты - за исключением обычного патрулирования. Мы не будем вызывающе вести себя по отношению к их флотским соединениям, находящимся поблизости. Наконец, мы будет пользоваться отныне только обычными навигационными радиолокаторами.

- И тогда?

- Смирим свою гордыню и будем кроткими, как овечки. Как бы нас ни провоцировали, не поддадимся на это.

- Некоторые могут счесть это трусостью, товарищ адмирал, - предупредил замполит.

Штрадьбо был готов к такому повороту разговора.

- Василий, неужели ты не понимаешь? Уже одной такой мнимой атакой они превращают нас в жертву. Заставляют включать новейшие и самые секретные средства обороны, что позволяет им получать информацию о характеристиках наших радаров и систем управления огнем. Они собирают сведения о наших истребителях и вертолетах, о маневренности наших кораблей и, самое главное, о наших методах руководства боевыми действиями. С этим следует покончить. Слишком важна наша главная задача. Если американцы будут и дальше нас провоцировать, мы будем вести себя так, словно наша задача сугубо мирная - именно такой мы представили ее американской стороне и такой она является в действительности. Тем самым они превращаются в агрессоров. Если же американцы не прекратят провоцировать нас и после этого, мы будем просто следить за тем, какова их тактика, ничего не давая взамен. Или ты предпочитаешь, чтобы они не дали нам выполнить поставленную перед нами задачу?

Замполит пробормотал, что согласен с решением командующего. Если им не удастся справиться с поставленной задачей, обвинение в трусости вряд ли будет иметь какое-то значение. А если они найдут ракетоносец с предателями, то станут героями, независимо от того, как развивались события.

Ударная подлодка "Даллас"

Джоунз уже потерял счет часам, проведенным на вахте. Это можно было бы легко узнать, нажав кнопку на часах, но акустику не хотелось этого. Так он еще больше испортит себе настроение.

Все мой проклятый язык, ругал себя Джоунз. Можете не сомневаться, командир, найдем русских, командир. Черт бы меня побрал! В прошлый раз ему

удалось обнаружить русскую подлодку на расстоянии миль двадцати, да и то с трудом, а ведь долбаный Атлантический океан от берега до берега - три тысячи миль. Тут одного везения мало.

Правда, ему все-таки повезло с голливудским душем. При обычных обстоятельствах душ на корабле, где на учете каждая капля пресной воды, означает, что тебе разрешат несколько секунд постоять под струей, потом можешь с минуту намыливаться, а затем провести еще несколько секунд под душем, чтобы смыть мыльную пену. Такая процедура обеспечивала гигиену, но не приносила никакого удовлетворения. Это намного лучше, чем в прежние времена, любили говорить ветераны. Но ведь в прежние времена, нередко отвечал им Джоунз, и матросам приходилось наваливаться на весла или запускать дизели и аккумуляторы. Матросы начинают мечтать о голливудском душе уже после нескольких суток пребывания в море. Включаешь душ и стоишь под струей удивительно приятной теплой воды. Такое удовольствие у капитана третьего ранга Манкузо было наградой за особенно четкую работу, заметно лучше той, что ожидают от члена команды. Ради этого стоило потрудиться. На подлодке негде потратить лишние деньги, к тому же здесь нет ни пива, ни женщин.

Чего было в избытке, так это старых фильмов. Фильмотека "Далласа" была достаточно обширной, особенно если у тебя оставалось время покопаться в ней. Еще на подлодке стояла пара компьютеров "Эппл" с несколькими дюжинами игровых программ для развлечения. Джоунз был чемпионом лодки по "Чоплифтеру" и "Зорку". Компьютеры использовали, разумеется, и для тренировок, для сдачи экзаменов и запрограммированных тестов, на что уходило почти все компьютерное время.

"Даллас" прочесывал район к востоку от Большой отмели. Любая подлодка, прошедшая по Первой дороге, должна была появиться здесь. Они плыли на скорости пять узлов с буксируемой акустической антенной BQR-15 позади. За последнее время им удалось засечь массу контактов. Сначала на большой скорости мимо промчалась половина подводного флота русских, причем за многими советскими подлодками следовали американские. Меньше чем в трех тысячах ярдов прошмыгнула "альфа". Вот с такой было бы просто иметь дело, подумал тогда Джоунз. На скорости больше сорока узлов "альфа" издавала такой шум, что ее можно было услышать, прижав стакан к металлическому корпусу "Далласа", и акустику пришлось до предела уменьшить уровень громкости усилителей, чтобы не оглохнуть от рева. Как жаль, что им запрещено открывать огонь. Обстановка была такой простой, огневое решение столь несложным, что с этим справился бы школьник, знающий, что такое логарифмическая линейка. "Альфа" шла прямо в руки. Затем промчались "Викторы", а после них "чарли" и "новемберы", замыкающие гонку. Джоунз прослушивал и надводные корабли далеко на западе, многие шли на скорости узлов двадцать, пробиваясь сквозь бушующие волны. Они находились далеко от "Далласа" и не интересовали Джоунза.

Акустик уже больше двух суток пытался отыскать нужную цель, и за все время ему удалось прихватить всего считанные часы сна. Ничего не поделаешь, за это мне и платят, мрачно подумал Джоунз. Тут не было ничего необычного, такое случалось и раньше, но всегда хочется, чтобы все закончилось поскорее.

Буксируемая антенна широкой направленности находилась на конце троса длиной в тысячу футов. Джоунз называл ее "китовым тралом". Помимо того что

она была весьма чувствительным акустическим устройством, она защищала "Даллас" от попыток других подлодок следовать за ним. Обычно акустическое оборудование подлодки прослушивает все пространство вокруг нее, кроме кормы - этот участок называют конусом тишины или дефлектором. Буксируемая антенна BQR-15 резко изменила положение. Благодаря ей Джоунз все время слышал самые разные шумы, включая надводные и подводные корабли, а иногда даже самолеты, летящие на малой высоте. Однажды во время учений у берегов Флориды окончательно запутал его шум ныряющих пеликанов, пока командир не поднял перископ и не посмотрел вокруг. Затем у Бермуд им попались спаривающиеся киты-горбачи - вот где был шум! Джоунз записал его на случай увольнений на берег - находились такие шальные дамочки, которым звуки нравились. Молодой акустик улыбнулся.

С поверхности доносился громкий шум. Компьютеры, обрабатывавшие сигналы, отфильтровали его былую часть, однако каждые несколько минут Джоунз отключал процессоры, чтобы убедиться, что те не отфильтровывают лишнее. Механические устройства не обладают воображением, и Джоунз опасался, что часть аномальных сигналов, которые он искал, исчезает в системе алгоритмов обратной связи компьютера. Это серьезная проблема с ЭВМ, скорее даже с их программным обеспечением: ты отдаешь машине команду что-то сделать, и она начинает исполнять задачу с таким рвением, что конечный результат теряет всякий смысл. Джоунз нередко сам развлекался составлением программ. Он был знаком с несколькими парнями из одного колледжа, составлявшими игровые программы для персональных компьютеров; один из них получал неплохие деньги в компании "Сьерра он-лайн системз"...

Опять отвлекся, упрекнул он себя. Очень трудно прислушиваться часами, ничего не слыша. Было бы неплохо разрешить акустикам читать на вахте. Впрочем, решил он по зрелом размышлении, предлагать этого не стоит. Мистер Томпсон может согласиться, а вот шкипер и все старшие офицеры когда-то работали на реакторах и следовали железному правилу: вахтенный обязан следить за приборами и полностью концентрировать свое внимание на порученном задании. Джоунз не относил это правило к числу особенно хороших. Для акустиков ситуация иная. Они слишком легко сгорают на работе. Для борьбы с этим Джоунз пользовался музыкальными записями и компьютерными играми. Он умел целиком погружаться во что угодно, лишь бы это отвлекало его от работы. Особенно эффективным был "Чоплифтер". Человеку нужно отвлекаться чем-нибудь, рассуждал он, хотя бы раз в день. В некоторых случаях и на вахте. Даже водители большегрузных автомашин, представители далеко не самой интеллектуальной профессии, пользуются радиоприемниками и плейерами, чтобы не впасть в гипнотический транс. А вот матросам на атомной подлодке, обходящейся налогоплательщикам в добрый миллиард...

Джоунз наклонился вперед, прижал наушники к вискам, оторвал исчерканную страницу блокнота и записал время на новой странице. Затем чуть отрегулировал усиление, которое и без того находилось почти на пределе, и снова отключил процессоры. Какофония шумов, доносящихся с морской поверхности, едва не оглушила его. В течение минуты Джоунз терпел, регулируя глушение вручную, чтобы отфильтровать самые громкие шумы высокой частоты. Ага! - удовлетворенно заметил он наконец. Может быть, мне мешает система

алгоритмов - обратной связи обрабатываемых сигналов, но пока говорить об этом слишком рано.

Когда Джоунз впервые овладел этой аппаратурой в школе акустиков, его охватило страстное желание показать ее брату, который имел ученую степень магистра по электронике и работал в качестве консультанта в фирме, занимающейся музыкальными записями. У него уже было зарегистрировано одиннадцать патентов. У брата глаза бы полезли на лоб от изумления при виде акустического оборудования на "Далласе". Системы цифрового преобразования на военно-морском флоте опережали коммерческие системы на много лет. Жаль, что все это засекречено вместе с атомными тайнами...

- Мистер Томпсон, - негромко произнес Джоунз не оборачиваясь, - вы не могли бы попросить шкипера немного повернуть к востоку и сбросить скорость на один-два узла?

Томпсон тут же вышел в коридор, чтобы передать просьбу Джоунза. Через пятнадцать секунд подлодка легла на новый курс и чуть сбавила скорость. Еще через десять секунд Манкузо вошел в гидроакустический пост.

Он ожидал этого с нетерпением и изрядно беспокоился. Еще пару суток назад было очевидно, что их прошлый контакт ведет себя не так, как они ожидали. Он не вышел на Первую дорогу и ни разу не сбавил скорости. Он, капитан третьего ранга Манкузо, где-то допустил ошибку - может, он ошибся в определении курса русской подлодки? И что может означать, что их друг не последовал принятым курсом? Джоунз понял это раньше всех: значит, решил он, это ракетоносец. Их капитаны никогда не торопятся.

Джоунз сидел в своей обычной позе, склонившись над столом, он поднял левую руку, призывая тем самым соблюдать тишину, и ждал, пока буксируемая антенна на конце троса не выйдет на точный азимут с востока на запад. Забытая им сигарета догорала в пепельнице. В гидроакустическом посту непрерывно вращались катушки магнитофона, их меняли каждый час и хранили для последующего анализа после возвращения на базу. Рядом находился второй магнитофон, записями которого пользовались на "Далласе" для повторного изучения контактов. Джоунз протянул руку и включил его, затем повернулся к командиру и увидел, что тот смотрит на него. На лице Джоунза появилась усталая улыбка.

- Вот он, - прошептал акустик. Манкузо показал на динамик. Джоунз отрицательно покачал головой.

- Сигнал слишком слабый, шкипер. Я сейчас едва его слышу. Думаю, он примерно к северу от нас, но мне потребуется время.

Манкузо посмотрел на стрелку громкости, на которую указывал Джоунз. Она была почти на нуле. Примерно каждые пятьдесят секунд стрелка чуть-чуть вздрагивала. Джоунз быстро писал.

"Проклятые фильтры заглушают часть шумов! Нужны более качественные усилители и хорошие ручные регуляторы фильтров!" - было написано на странице блокнота.

Манкузо сказал себе, что все это выглядит довольно нелепо. Он наблюдает за Джоунзом, как наблюдал за женой, когда она рожала Доминика, и регистрирует движения стрелки, как тогда регистрировал родовые схватки. Но тогда он не испытывал такого волнения. Как говорил он своему отцу, не было

оно и таким, какое охватывает тебя в первый день охотничьего сезона, когда ты слышишь шорох листьев и понимаешь, что это не шаги человека. Сейчас его волнение было намного большим. Он охотился за людьми, которые походили на него и находились в подлодке, такой же подлодке, как и эта...

- Становится громче, шкипер. - Джоунз откинулся на спинку кресла и закурил сигарету. - Идет в нашу сторону. Считаю, его курс три-пять-ноль, даже, скорее, три-пять-три. Все еще едва слышно, но это точно наша цель. Мы нашли его. - Джоунз решился на дерзкий поступок. В конце концов, он заслужил определенную скидку. - Будем ждать или начнем преследование?

- Будем ждать. Иначе можем спугнуть. Дадим ему подойти как можно ближе, а сами устроим нашу знаменитую имитацию черной дыры в воде. Затем поплывем за ним, намылим ему хвост. Мне нужно, чтобы поставили новую пленку на записывающее устройство, и пусть компьютер ВС-10 проведет сканирование алгоритмов обратной связи. Прочитайте инструкцию, чтобы обойтись без уже обработанных алгоритмов. Этот контакт необходимо подвергнуть анализу, а не интерпретации. Прогоняйте запись каждые две минуты. Мне нужен его акустический почерк - записанный, просчитанный, разобранный по косточкам. Мне нужно узнать о нем все, что только возможно: шум движителя, почерк силовой установки и все остальное. Я хочу точно знать, кто это.

- Это русская подлодка, сэр, - заметил Джоунз.

- Да, но какая? - улыбнулся Манкузо.

- Слушаюсь, капитан. - Джоунз понял, что нужно Манкузо. Он останется на вахте еще два часа, но конец был близок. Почти. Манкузо сел рядом, надел запасную пару наушников и взял сигарету из пачки Джоунза. Капитан пытался покончить с курением уже месяц, но лучше начать это на берегу.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

Теперь на Райане была форма офицера Королевского флота. Впрочем, только временно. Очередным доказательством стремительности развивающихся событий было то, что у него оказался только мундир и две рубашки. Весь этот его гардероб находился сейчас в чистке, а тем временем он облачился в брюки, изготовленные в Англии, и в свитер. Ничего удивительного, подумал он, никто даже не знает, где я нахожусь. Обо мне просто забыли. От президента ничего не поступало - впрочем, Райан и не рассчитывал на это, - а Пейнтер и Давенпорт просто выбросили из головы, что он когда-то был на "Кеннеди". Грир и судья занимаются своими делами и время от времени посмеиваются про себя, думая о том, что Райан наслаждается приятным круизом за казенный счет.

Однако круиз не был приятным. Оказывается, Джек так и не сумел избавиться от морской болезни. "Инвинсибл" находился сейчас у побережья Массачусетса, ожидая появления русского надводного флота и энергично разыскивая советские подлодки в отведенном англичанам районе. Авианосец описывал круги в океане, волны которого никак не успокаивались. Все, кроме него, были заняты делом. Летчики взлетали дважды в день - а то и чаще, - совершая совместные полеты с американскими летчиками с береговых авиабаз. Корабли практиковались в тактике надводных морских боев. Как сказал за завтраком адмирал Уайт, все это походило на продолжение учений "Ловкий

дельфин". Райану не нравилось бездельничать. Конечно, все относились к нему предупредительно. Более того, гостеприимство казалось даже чрезмерным. У него был доступ в командный центр, и когда он наблюдал за тем, как англичане преследуют подводные лодки, ему объясняли все настолько подробно, что он действительно понимал никак не меньше половины.

Сейчас он сидел один в походной каюте Уайта, ставшей его постоянным местом проживания на борту авианосца. В свое время Риттер предложил ему исследование ЦРУ под названием "Потерявшиеся дети: психологический портрет перебежчиков из стран Восточного блока", и Райан предусмотрительно сунул его в свою сумку. Это была толстая брошюра в триста страниц, составленная комиссией психологов и психиатров, работающих на ЦРУ и другие специальные ведомства, с целью помочь перебежчикам адаптироваться к жизни в Америке и, Райан в этом не сомневался, направленная на то, чтобы выявить слабые места ЦРУ, угрожавшие его безопасности. Нельзя сказать, что таких мест было много, но управление всегда работало так, что левая рука там не знала, что делает правая.

Райан не мог не признать, что документ был очень интересным. Раньше он никогда не задумывался над тем, почему люди обращаются за политическим убежищем. Ему казалось, что по другую сторону железного занавеса происходит столько неприятных событий, что всякий разумный человек готов воспользоваться первой же возможностью, чтобы скрыться на Западе. Все, однако, оказалось не так просто, совсем непросто. Каждый выбравший свободу был индивидуальностью, и все они имели различную мотивацию. Тогда как одни, сознавая недостатки строя, стремились к справедливости, свободе вероисповедания, возможности развиться как личности, другие просто хотели разбогатеть, начитавшись о том, как алчные капиталисты эксплуатируют народные массы, и решив, что вовсе неплохо стать эксплуататором. Райан нашел эту точку зрения интересной, хотя и циничной.

Еще был тип перебежчика, который выдавал себя не за того, кем он был на самом деле, его стремились внедрить в ЦРУ с целью получения информации. Такого рода перебежчики оказывались двоякого рода. Случалось, в эту категорию попадали и настоящие перебежчики. Америка, с улыбкой подумал Райан, слишком привлекательная страна для человека, который всю свою жизнь провел в условиях серой советской действительности. В большинстве же своем люди, которых внедряли, были опасными врагами. По этой причине перебежчики никогда не пользовались доверием. Никогда. Человек, решившийся на такой шаг однажды, может сделать это снова. Даже идеалисты, покинув родину, испытывают сомнения и угрызения совести. Один из психологов заметил, что самым тяжелым наказанием для Александра Солженицына было то, что он оказался в изгнании. Для патриота, вынужденного жить вдали от дома, страдания были мучительнее тех, которые он пережил в ГУЛАГе. Это показалось Райану странным, но достаточно убедительным.

Остальная часть брошюры касалась проблемы адаптации перебежчиков. Не один советский перебежчик совершил самоубийство после нескольких лет жизни в Америке. Некоторые оказались просто не способны жить в условиях свободы, подобно тому как заключенные, проведя много лет в тюрьме, часто не могут жить без строго регламентированного контроля за ними и совершают новые

преступления, чтобы вернуться в привычную обстановку. За многие годы ЦРУ накопило немалый опыт и разработало способы решения этой проблемы, и в приложении указывалось на то, что заметна тенденция к резкому сокращению таких случаев. Райан продолжал читать. Готовясь к защите докторской диссертации в Джорджтаунском университете, он тратил то немногое свободное время, что у него оставалось, на посещение лекций по психологии. И он вынес серьезное подозрение, что психологи вообще-то мало разбираются в том, что происходит в душе человека. Они собираются на разного рода конференции, вырабатывают какие-то единые мнения по различным вопросам и потом ими пользуются... Райан покачал головой. Его жена нередко тоже говорила нечто подобное. Хирург-офтальмолог, она работала по программе обмена в одной из лондонских больниц. В силу своей профессии Кэролайн Райан видела все проблемы только в черном и белом цвете. Если у кого-то возникали проблемы со зрением, то она либо могла помочь, либо не могла. А с человеческой психикой все обстоит гораздо сложнее, подумал Райан, перечитав брошюру, и каждый перебежчик требует индивидуального подхода, потому что в каждом случае это особая личность, и с ним должен работать человек, имеющий достаточно времени, чтобы понять его и дать совет. Интересно, гожусь ли я для такой работы? - подумал он.

- Скучаете, Джек? - спросил адмирал Уайт, входя в каюту.

- Не то чтобы очень, адмирал. Когда у нас намечается контакт с Советами?

- Сегодня вечером. Ваши парни задали им жару из-за этого инцидента с "томкэтом".

- И правильно сделали. Может быть, они опомнятся, прежде чем дело зайдет слишком далеко.

- Вы считаете, что есть такая опасность? - Уайт сел.

- Видите ли, адмирал, если русские действительно преследуют пропавшую лодку, то нельзя исключить такую возможность. Если же нет, то они находятся здесь по совершенно иной причине, и я допустил ошибку в оценке их намерений. Что того хуже, мне придется и дальше жить с этой ошибкой на совести - или умереть с ней.

Медицинский центр ВМС в Норфолке

Тейт приободрился. Доктор Джеймисон сменил его, и он поспал пять часов на кушетке в комнате отдыха для врачей. Еще никогда ему не удавалось проспать не шелохнувшись так долго, так что даже пяти часов было достаточно, чтобы он выглядел неприлично бодрым среди остального медицинского персонала. Он позвонил, и ему принесли стакан молока. Поскольку доктор Тейт был мормоном, он избегал всех напитков, содержащих кофеин, - кофе, чая, даже кока-колы, - и хотя такая самодисциплина была необычна для врача, не говоря уж о кадровом офицере, он редко задумывался об этом за исключением случаев, когда указывал на нее в беседах с другими врачами, как на средство продления жизни. Тейт выпил молоко, побрился в туалете и вышел оттуда свежим, готовым встретить новый день.

- Что там с радиационным заражением, Джейми?

- Радиологическая лаборатория не смогла сообщить ничего определенного, - признался Джеймисон. - Они съездили за офицером-радиологом на базу подводных лодок, и он обследовал одежду. Было обнаружено радиационное заражение около двадцати рад, недостаточное для явного физиологического воздействия на организм. Думаю, это потому, что медсестра брала мазок с тыльной стороны кисти, а в конечностях все еще, должно быть, сохраняется сужение сосудов, что и могло объяснить низкий уровень лейкоцитов. По-видимому, это наиболее вероятно.

- А как он в остальном?

- Уже лучше. Не намного, но лучше. Думаю, кефлин уже оказал свое действие. - Доктор открыл историю болезни. - Растет число лейкоцитов. Два часа назад я сделал ему переливание крови. Химический состав крови приближается к норме. Кровяное давление - сто на шестьдесят пять, пульс - девяносто четыре. Десять минут назад температура была 38,2 - она колеблется уже несколько часов. У него отличное сердце. Думаю, он поправится, если не произойдет чего-то неожиданного. - Джеймисон напомнил себе, что в случаях крайнего переохлаждения неожиданности могут проявиться спустя месяц или даже больше.

Тейт перелистал историю болезни. Ему вспомнилось, каким он сам был много лет назад. Способный молодой врач, очень похожий на Джеймисона, уверенный в том, что может всех исцелить. Да, это было приятное чувство. Как жаль, что с жизненным опытом (в его случае это два года в Дананге) это проходит. Впрочем, Джейми и вправду не ошибался; в состоянии русского произошли такие изменения к лучшему, что шансы его на выздоровление заметно выросли.

- Чем занимаются русские? - спросил Тейт.

- Пешкин сейчас дежурит в палате. Когда пришла его очередь и он переоделся во все стерильное, представляете, передал свои тряпки капитану Смирнову, словно боится, что их здесь украдут.

Тейт объяснил Джеймисону, что Пешкин - агент КГБ.

- Неужели? Может быть, у него там спрятан пистолет, - усмехнулся молодой врач. - Если это так, пусть поостережется. У нас здесь три морских пехотинца.

- Морские пехотинцы? Зачем?

- Забыл сказать вам. Какой-то репортер узнал, что у нас в больнице русский моряк и попытался обманным путем пробраться сюда. Его остановила медсестра. Об этом узнал адмирал Блэкборн и пришел в такую ярость, что приказал изолировать весь этаж. Неужели тут какая-то тайна, сэр?

- Представления не имею, но этим распоряжаемся не мы. Что ты думаешь об этом Пешкине?

- Не знаю. Мне еще не приходилось встречаться с русскими. Они редко улыбаются и так внимательно следят за пациентом, словно боятся, что мы намереваемся похитить его.

- Или, скорее, опасаются, что он скажет что-то, не предназначенное для наших ушей? - задумчиво произнес Тейт. - У тебя не возникло впечатления, будто им не хочется, чтобы он выздоровел? Я имею в виду, что они хотели бы скрыть от нас, с какой подлодки он спасся?

Джеймисон на мгновение задумался.

- Нет. Русские из всего делают секреты, правда? Как бы то ни было, Смирнов ведь проговорился.

- Ладно. Иди поспи, Джейми.

- Слушаюсь, капитан. - Джеймисон направился в сторону комнаты отдыха.

Когда мы спросили их о подлодке, подумал Тейт, то имели в виду атомная она или нет. А может, они решили, что нас интересует, ударная это лодка или ракетоносец? Тогда все становится ясно, правда? Да, конечно. Советский подводный ракетоносец у нашего побережья, и такая лихорадочная активность русского флота в Северной Атлантике. Во время Рождества. Боже мой! Если бы они собирались сделать это, то сделали бы прямо сейчас, верно? Из палаты вышла медсестра - она несла кровь, только что взятую у пациента, на анализ в лабораторию. Это делалось каждый час, и Пешкин на несколько минут оставался наедине с русским матросом.

Тейт повернул за угол и увидел в окно Пешкина, который сидел у края кровати, наблюдая за своим соотечественником, который так и не пришел в сознание. На нем была зеленая одежда хирурга. Чтобы надевать ее как можно быстрее, карманы на ней находились на обеих сторонах - внешней и внутренней, так что хирургу не приходилось проверять, надевает он одежду наизнанку или нет. И тут на глазах у Тейта Пешкин сунул руку в нижний карман и что-то оттуда достал.

- Боже милосердный! - Тейт рванулся вперед и вбежал в палату. Удивление на лице Пешкина сменилось оцепенением, когда врач выбил из его рук сигарету и зажигалку, а затем уступило место ярости, после того как Тейт молниеносным рывком поднял русского дипломата со стула и отбросил в сторону двери. Американец был меньше ростом, но его действия были столь быстрыми и неожиданными, что ему удалось вышвырнуть Пешкина в коридор.

- Охрана! - крикнул Тейт.

- Что это значит? - возмутился Пешкин. Тейт крепко держал его. И тут же от вестибюля послышался топот бегущих ног.

- Что случилось, сэр? - Запыхавшийся капрал морской пехоты с кольтом 45-го калибра в правой руке резко остановился перед ними, поскользнувшись на кафельном полу.

- Этот человек только что пытался убить моего пациента!

- Что?! - Лицо русского дипломата побагровело.

- Капрал, отныне вы будете неотлучно дежурить у входа в палату. Если этот человек попытается войти туда, вы обязаны любым способом остановить его. Это понятно?

- Так точно, сэр! - Капрал посмотрел на Пешкина. - Прошу вас отойти от двери, сэр.

- Это возмутительно! - воскликнул русский дипломат.

- Сэр, прошу вас немедленно отойти от двери. - Капрал сунул пистолет в кобуру.

- Что здесь происходит? - послышался голос Иванова, у которого хватило выдержки говорить спокойно, хотя он был еще почти в конце коридора.

- Доктор, вы хотите, чтобы ваш матрос выжил или нет? - спросил Тейт, стараясь взять себя в руки.

- Что.., ну конечно, мы хотим, чтобы он выжил. Странный вопрос.

- Тогда почему товарищ Пешкин только что пытался убить его?

- Ничего подобного! - выкрикнул Пешкин.

- Так что же именно он сделал? - спросил Иванов. Прежде чем Тейт успел ответить, Пешкин быстро заговорил по-русски, затем перешел на английский.

- Я достал сигарету, вот и все. У меня нет оружия. Я не собираюсь никого убивать. Я всего лишь хотел закурить.

- Повсюду на этом этаже на стенах надписи "Не курить", за исключением вестибюля, - вы что, читать не умеете? Вы находились в палате интенсивной терапии, где пациент подключен к чистому кислороду, где в воздухе повышенное содержание кислорода, где даже постельное белье пропитано им, а вы собирались чиркнуть своим проклятым "Биком"! - Доктор редко прибегал к столь резким выражениям. - Да, конечно, вас тоже немного обожгло бы и все выглядело бы как несчастный случай, но парень-то погиб бы! Мне известно, кто вы на самом деле, Пешкин, и не думаю, что вы настолько глупы, чтобы поднимать шум. Прочь с моего этажа!

Медсестра, наблюдавшая за происходящим, вошла в палату и вернулась с пачкой сигарет, двумя сигаретами, выпавшими из нее, и бутановой зажигалкой. На лице у нее было написано изумление.

Пешкин был пепельно-бледным.

- Доктор Тейт, уверяю вас, у меня не было такого намерения. Что случилось бы, если бы я закурил?

- Товарищ Пешкин, - медленно произнес Иванов по-английски, - произошел бы взрыв и пожар. Открытый огонь рядом с кислородом смертельно опасен.

- Боже мой! - Пешкин наконец понял, что мог натворить. Он ждал, когда уйдет сестра, - медицинский персонал запрещает курить, когда бы вы их не спросили. Пешкин не имел представления о правилах поведения в больницах и, будучи агентом КГБ, привык поступать так, как ему заблагорассудится. Он заговорил с Ивановым по-русски. Советский врач слушал его, как слушает отец ребенка, разбившего стакан, и что-то резко сказал в ответ.

К этому времени Тейт немного успокоился. Возможно, я и переборщил, подумал он, - начать с того, что всякий курильщик - уже заведомый идиот.

- Доктор Тейт, - произнес наконец Пешкин, - клянусь, я не имел представления об опасности курения рядом с кислородом. Наверно, я вел себя по-дурацки.

- Сестра, - Тейт повернулся к девушке, - начиная с этого момента мы ни на секунду, повторяю, - ни на секунду, не должны оставлять этого пациента без постоянного наблюдения. Для того чтобы отнести кровь на анализ в лабораторию или сделать что-нибудь еще, вызывайте санитара. А если вам понадобится выйти в туалет, пусть вас сменят на это время.

- Хорошо, доктор.

- И больше никаких фокусов, господин Пешкин. Стоит вам еще раз нарушить правила, я удалю вас отсюда. Вы поняли меня?

- Все будет так, как вы сказали, доктор, и позвольте мне еще раз извиниться перед вами.

- А вы останетесь здесь, - приказал Тейт морскому пехотинцу и пошел прочь, сердито качая головой. Он был зол на русского, смущен собственным

поведением, ему хотелось снова оказаться в Бетесде, там, где он привык работать, и он был недоволен тем, что даже ругаться не умеет как следует. Тейт спустился на первый этаж и потратил пять минут на поиски офицера разведки, прилетевшего сюда вместе с ним. В конце концов он нашел его в игровой комнате, где тот коротал время за компьютерными играми. Они прошли в пустой кабинет администратора госпиталя.

- Вы действительно думаете, что он пытался убить парня? - изумленно спросил капитан.

- А что я должен думать, по-вашему? - резко бросил Тейт. - Как вы сами считаете?

- Мне кажется, он просто сделал глупость. Им нужен этот матрос живым - нет, сначала они хотят поговорить с ним - больше чем вам.

- Откуда вы знаете это?

- Пешкин звонит в посольство каждый час. Здесь установлена аппаратура прослушивания, разумеется.

- Что, если он вас дурачит?

- Если он такой талантливый актер, его место в кино, а не в КГБ. Постарайтесь поставить парня на ноги, доктор, а мы позаботимся обо всем остальном. Между прочим, вы правильно сделали, поставив у палаты морского пехотинца. Это припугнет их. В моей профессии нельзя упускать ни малейшего шанса припугнуть противника. Значит, когда он придет в сознание?

- Не знаю. У него не проходит лихорадка, и он очень слаб. Почему они так стремятся поговорить с ним? - спросил Тейт.

- Им нужно узнать, с какой подлодки он спасся. Коллега Пешкина по КГБ сболтнул об этом по телефону - кретин! Настоящий кретин! Они, должно быть, очень обеспокоены.

- А мы знаем, с какой он подлодки?

- Конечно, - лукаво улыбнулся офицер.

- Тогда что здесь происходит, Боже милосердный?

- Не могу этого сказать, доктор. - Капитан многозначительно улыбнулся, словно ему все было известно. На самом деле он тоже ничего не знал, как и все остальные.

Верфи ВМФ в Норфолке

Подводная лодка "Скэмп" стояла в доке, пока огромный кран устанавливал "Авалон" на специальном устройстве у кормового люка. Капитан нетерпеливо следил за происходящим с вершины паруса. Его лодку оторвали от преследования двух "Викторов", и это раздражало капитана. Всего несколько недель назад он провел учения с использованием глубоководного спасательного устройства, а сейчас были дела и поважнее и ему ничуть не улыбалось играть роль матки-кита для этой дурацкой бесполезной игрушки. Вдобавок миниподлодка, закрепленная над кормовым спасательным люком, снизит его скорость по меньшей мере на десять узлов. А ведь нужно еще разместить и кормить четырех лишних человек. "Скэмп" совсем не так уж велик.

Правда, зато они прихватят свежих продуктов. "Скэмп" находился в плавании пять недель, когда пришел приказ о возвращении на базу. У них

истощился запас свежих овощей, и они воспользовались представившейся возможностью, чтобы взять на борт новые припасы. Команде быстро надоедают бобовые блюда. А вот сегодня у них будет настоящий салат-латук, помидоры, свежая кукуруза вместо консервированной. Но все это никак не компенсирует того, что где-то в море шныряют русские подлодки, о которых следовало побеспокоиться в первую очередь.

- Все надежно закреплено? - Капитан склонился в сторону кормовой палубы.

- Так точно, капитан. Мы готовы, очередь за вами, - ответил лейтенант Эймс.

- Машинное отделение, - вызвал капитан старшего механика по внутренней связи. - Приготовьтесь к выходу в море через десять минут.

- Мы уже готовы, шкипер.

Портовый буксир стоял рядом, чтобы помочь лодке выйти из дока. Эймс получил свои указания, которые не понравились капитану. Уж теперь они точно не смогут преследовать русские подлодки, пока на корме закреплена эта проклятая лодчонка.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Вот смотрите, Свиядов, - кивнул Мелехин, - я покажу вам, что придумал вредитель.

Лейтенант подошел ближе. Старший механик ткнул пальцем в контрольный клапан на корпусе теплообменника. Прежде чем приступить к объяснению, Мелехин снял телефонную трубку.

- Товарищ командир, говорит Мелехин. Я нашел место повреждения. Мне нужно на час заглушить реактор. Гусеница может работать на аккумуляторах?

- Конечно, товарищ стармех, - ответил Рамиус. - Действуйте.

Мелехин повернулся к своему заместителю.

- Заглушить реактор и переключить аккумуляторные батареи на моторы гусеницы.

- Слушаюсь, товарищ капитан. - Офицер повернулся к пульту управления.

Время, которое потребовалось на то, чтобы найти место утечки радиации, оказалось тяжелым испытанием для команды. После того как обнаружили, что счетчики Гейгера выведены из строя, Мелехин и Бородин исправили их и приступили к тщательной проверке реактора, что было очень непросто. О значительной утечке радиоактивного пара речи не шло, иначе Свиядову пришлось бы соблюдать крайние меры предосторожности - даже крошечная струйка вполне могла оторвать руку. Они рассудили, что причиной радиационного заражения является незначительная утечка в системе низкого давления. Так ли это было или нет, больше всего команду будоражила неизвестность - никто не знал точно, что происходит.

На проверку, которую проводили старший механик и старпом, потребовалось не меньше восьми часов, и на это время реактор пришлось снова заглушить. В связи с этим во всем корабле отключили электричество, осталось лишь аварийное освещение. Пришлось даже уменьшить питание системы очистки воздуха. Встревоженные матросы тихо переговаривались между собой. Беда в

том, что Мелехин не мог обнаружить места утечки, а ведь накануне на значках-дозиметрах ничего не было! Это выглядело очень странно.

- Давайте, Свиядов, говорите, что вы там видите. - Мелехин подошел к лейтенанту и показал на клапан.

- Клапан проверки качества воды. - Этот клапан открывали только в порту, на холодном реакторе, для промывки системы охлаждения и проверки зараженности содержащейся в ней воды. Клапан выглядел совершенно обыкновенным, рассчитанный на высокое давление, он был с большим запирающим колесом. Выпускная трубка ниже его, под той частью, которая находилась под давлением, была не приварена, а сидела на резьбе.

- Попрошу вас принести большой гаечный ключ, товарищ лейтенант. - Мелехин не торопится со своим уроком, подумал Свиядов. Когда старший механик намерен был объяснить что-то серьезное, он делал это очень медленно и обстоятельно. Свиядов вернулся с гаечным ключом длиной в добрый метр. Старший механик подождал, пока не заглушили реактор, потом тщательно проверил приборы, чтобы убедиться, что трубы находятся не под давлением. Он был осторожным человеком. Захватив ключом фитинг, Мелехин повернул его. Это не потребовало больших усилий.

- Как видите, товарищ лейтенант, труба на самом деле врезана в корпус клапана. Почему, как вы думаете?

- Врезка сделана во внешней части, товарищ старший механик. Давление держит сам клапан. Выпускная труба всего лишь играет роль направляющего крана. Конструкция соединения не влияет на его герметичность.

- Совершенно верно. Навинченный фитинг недостаточно прочен для высокого давления внутри установки. - Мелехин отвернул фитинг до конца голыми руками. Фитинг был отлично обработан, нарезка все еще сверкала как новенькая. - Вот где был совершен акт вредительства.

- Не понимаю, товарищ стармех.

- Кто-то все это очень тщательно обдумал, товарищ лейтенант. - В голосе Мелехина звучала не только ярость, но и восхищение. - В обычном режиме, то есть на крейсерской скорости, давление внутри контура охлаждения равно восьми килограммам на квадратный сантиметр, правильно?

- Да, товарищ стармех, и на предельной скорости давление увеличивается на девяносто процентов. - Свиядов знал все это наизусть.

- Но мы редко ходим на полной скорости. Перед нами тупиковая часть контура охлаждения пара. Смотрите, здесь просверлено маленькое отверстие, диаметром меньше миллиметра. Вот глядите. - Мелехин наклонился, чтобы поближе разглядеть отверстие. Свиядов не спешил наклоняться к нему. - Даже меньше миллиметра, заметно меньше. Вредитель вывинтил фитинг, просверлил отверстие и затем поставил фитинг обратно. Крошечное отверстие позволяет выходить наружу лишь небольшому количеству пара и к тому же очень медленно. Пар не может подниматься вверх, потому что фитинг установлен напротив вот этого фланца. Посмотрите, как тщательно все продумано! Идеально, просто идеально. Итак, пар не может подниматься вверх. Он может всего лишь просачиваться вниз по нарезке и в конце концов выходить наружу через выпускную трубку. Этого достаточно. Вполне достаточно, чтобы создать в отсеке небольшое радиационное заражение. - Мелехин поднял голову. - Кто-то

продумал все до малейших деталей. Продумал очень тщательно, потому что знает, как работает эта система. Когда мы снизили давление в поисках места утечки, давление в контуре тоже упало, и пар перестал проникать наружу по нарезке, так что мы не смогли найти места утечки. Пар начинает просачиваться лишь при нормальном уровне давления, но если возникает подозрение о радиационном заражении и начинаются поиски утечки, давление приходится снизить. Однако стоит довести давление до максимума, и кто знает, что может случиться? - Мелехин восхищенно покачал головой. - Кто-то все тщательно обдумал, очень тщательно. Надеюсь, у меня будет возможность встретиться с этим мастером, очень надеюсь. Потому что, когда мне представится такая возможность, я возьму большие стальные плоскогубцы, - Мелехин перешел на шепот, - и раздавлю ему яйца! Дайте мне вон тот маленький ящичек, товарищ лейтенант. Я сам исправлю все это за несколько минут.

Капитан первого ранга Мелехин не бросал слов на ветер. Он никому не позволит сделать такую работу вместо него. Это было его машинное отделение, его реактор, и он нес ответственность за все происходящее здесь. Впрочем, Свиядова это устраивало. В крошечное отверстие Мелехин вставил стерженек из нержавеющей стали и заполировал его заподлицо надфилем, похожим на ювелирный, чтобы не пострадала нарезка. Затем он смазал нарезку резиновым уплотнителем и аккуратно завернул фитинг на место. По часам Свиядова на всю процедуру ушло двадцать восемь минут. Недаром ему говорили в Ленинграде, что Мелехин - лучший механик на подводном флоте.

- Статическое испытание давления, восемь атмосфер, - скомандовал он своему заместителю.

Реактор снова включили. Через пять минут давление достигло нормального уровня. В течение десяти минут старший механик держал счетчик Гейгера под выпускной трубкой - и счетчик оставался на нулевой отметке, стрелка ни разу не дрогнула, даже при установке на второе деление. Он подошел к телефону и сообщил командиру, что авария ликвидирована.

Мелехин впустил в отсек матросов и приказал убрать инструменты в отведенные для них места.

- Теперь вы видите, как это делается, товарищ лейтенант?

- Да, товарищ стармех. Вы считаете, что одного отверстия было достаточно для заражения всего реакторного отсека?

- По-видимому.

Слова Мелехина не убедили молодого лейтенанта. Реакторный отсек - это лабиринт труб и фитингов, а чтобы просверлить такую дырочку много времени не надо. Что, если где-то еще скрыты такие же бомбы замедленного действия?

- Полагаю, товарищ лейтенант, вы чересчур беспокоитесь, - заметил Мелехин. - Да, я тоже не могу не думать об этом. Когда мы придем на Кубу, я проведу статические испытания при полном давлении для проверки всей системы, но сейчас это не представляется возможным. Мы будем продолжать нести двухчасовые вахты. Не исключено, что вредитель скрывается среди матросов. Если дело обстоит именно так, я не хочу, чтобы ему хватило времени для какой-то новой пакости. Не сводите глаз с команды.

День двенадцатый

Вторник, 14 декабря

Ударная подлодка "Даллас"

- "Сумасшедший Иван"! - Вопль Джоунза был таким громким, что его услышали в центральном посту. - Поворачивает направо!

- Шкипер! - воскликнул следом за ним Томпсон.

- Стоп машина! - тут же приказал Манкузо. - Подготовить корабль для абсолютной тишины!

В тысяче ярдов перед "Далласом" контакт, за которым следовала американская подлодка, только что начал резкий поворот направо. Русские проделывали это каждые два часа, после того как американцы снова обнаружили их, хотя не с такими регулярными промежутками, чтобы "Даллас" мог следовать сколько-нибудь определенному графику. Командир этого ракетоносца знает свое дело, подумал Манкузо. Советская подлодка описывала полный круг, чтобы убедиться с помощью своего гидролокатора, установленного на носу, что никто не скрывается в ее кормовом конусе тишины.

Уклоняться от такого маневра было не только трудно, но и опасно, особенно так, как это проделывал Манкузо. Когда "Красный Октябрь" менял курс, его корма, как у всех кораблей, двигалась в направлении, противоположном повороту. Ракетоносец становился стальной преградой прямо перед "Далласом", пока не завершалась первая часть поворота, а ударной подлодке водоизмещением семь тысяч тонн требуется пройти немалое расстояние, прежде чем остановиться.

Точное число столкновений советских и американских субмарин держится в строжайшей тайне, но все знают, что такие столкновения происходят. Характерным тактическим приемом русских, направленным на то, чтобы не позволять американцам подходить слишком близко, был крутой поворот, получивший в американском флоте название "сумасшедший Иван".

Первые несколько часов слежения за контактом Манкузо стремился сохранять дистанцию. Он понял, что русский ракетоносец разворачивается медленно, маневрирует как-то лениво и при этом всплывает примерно на пятьдесят-восемьдесят футов, накренясь почти как самолет. Он подозревал, что русский шкипер не использует до предела маневренные способности лодки - разумный шаг, направленный на то, чтобы скрывать от всех характеристики своего корабля, придерживая кое-что прозапас. Это позволило "Далласу" держаться совсем близко за советским ракетоносцем, причем Манкузо сбавил скорость до предела, время от времени выключал силовую установку и просто дрейфовал за "Красным Октябрем", едва не касаясь его кормы. У него это хорошо получалось - судя по шепоту офицеров, даже слишком хорошо. В прошлый раз они прошли всего в ста пятидесяти ярдах от гребных винтов русской подлодки. Радиус поворота у ракетоносца был таким большим, что он описывал круг вокруг затаившегося "Далласа".

Избегать столкновения было самой опасной частью маневра, но сам маневр этим не ограничивался. "Далласу" нужно было еще и остаться невидимым для пассивных акустических систем своего контакта. С этой целью механикам

приходилось снижать мощность реактора S6G до минимума. К счастью, конструкция реактора позволяла ему функционировать без помощи циркуляционного насоса, прогоняющего хладагент по охладительной системе, поскольку в реакторе этого типа жидкость циркулировала с помощью обычной конвекции - перемешивания в результате разницы температур в разных частях охлаждающего контура. Кроме того, был отдан приказ соблюдать полную тишину. Запрещалось всякое движение, которое могло бы выдать "Даллас" противнику, и члены команды соблюдали этот приказ настолько серьезно, что даже говорили шепотом.

- Скорость падает, - послышался голос лейтенанта Гудмана. Манкузо решил, что на этот раз "Даллас" не протаранит русский ракетоносец, и пошел к гидроакустикам.

- Цель продолжает поворачивать направо, - тихо докладывал Джоунз. - Наверно, отходит от нас. Расстояние до кормы ярдов двести, может, чуть меньше... Да, он отходит от нас, пеленг меняется все быстрее, а скорость и шум двигателей не меняются. Медленный поворот направо. - Джоунз уголком глаза заметил капитана и рискнул высказать собственное заключение:

- Шкипер, этот парень очень уверен в себе. Я хочу сказать, предельно уверен.

- Объясни, - сказал Манкузо, уже догадываясь, каким будет ответ.

- Капитан, он не сбавляет ход, как делаем это мы, да и поворачиваем мы намного круче. Такое впечатление, будто он делает это по привычке, что ли, понимаете? Будто спешит куда-то и уверен, что никто не сможет его обнаружить - одну минуту... Да, вот, он только что лег на обратный курс, пеленг на правую скулу, где-то в полумиле от нас... Продолжает медленный разворот. Он снова пройдет вокруг нас. Сэр, если он знает, что кто-то позади него, то ведет себя поразительно хладнокровно. Как ты считаешь, Френчи?

Старший акустик Лаваль покачал головой.

- Он не знает, что мы поблизости.

Старшина ничего больше не добавил. Он был убежден, что следовать так близко за лодкой противника, по меньшей мере безрассудно. Капитан - отважный человек, требуется немалая смелость, чтобы играть вот так с лодкой типа 688, но стоит чуть промахнуться, и остаток службы он проведет на берегу за письменным столом.

- Проходит мимо нас по правому борту. Его гидролокаторы в пассивном режиме. - Джоунз достал свой калькулятор и нажал несколько кнопок. - Сэр, при таком угле на его скорости радиус разворота составляет примерно тысячу ярдов. Вам не кажется, что эта странная движительная система мешает работе рулей?

- Может быть. - Манкузо надел запасную пару наушников и прислушался.

Шум оставался прежним. Шуршание, и каждые сорок или пятьдесят секунд странный рокот на низкой частоте. На таком расстоянии были слышны также бульканье жидкости и работа насоса реактора. Послышался резкий звук, будто кок передвинул сковородку по металлической плите. На этой подлодке тишины не соблюдают, с улыбкой подумал Манкузо. Сейчас он, словно воришка, находится так близко от подлодки противника - ну, может, не совсем противника - и слышит все. Правда, недостаточно хорошо, чтобы понять каждый звук, такое

впечатление, что он присутствует на вечеринке и слышит, как галдит одновременно дюжина пар.

- Проходит за кормой, продолжает кружить. Радиус разворота у него не меньше тысячи ярдов, - заметил Манкузо.

- Да, капитан, примерно так, - согласился Джоунз.

- По-видимому, он не пользуется своей рулевой системой на полную мощность. И ты прав, Джоунзи, русский шкипер ведет себя чертовски хладнокровно. Гм-м, странно, обычно русские в этом отношении настоящие параноики, однако этот парень - исключение.

Ну что ж, тем лучше, подумал Манкузо.

Если он способен услышать "Даллас", это произойдет именно, сейчас, когда его гидролокатор, установленный на носу, направлен почти прямо на американскую подлодку. Манкузо снял наушники и прислушался к шуму своей лодки. В "Далласе" было тихо, как в могиле. Как только прозвучали слова "сумасшедший Иван", команда мгновенно отреагировала. Как лучше наградить их всех? - пронеслось в голове Манкузо. Он знал, что заставлял их напряженно работать, иногда даже слишком напряженно, зато, черт побери, какой результат!

- Он проходит по левому борту, - доложил Джоунз. - Сейчас точно на траверзе, прежняя скорость, меняет курс и, наверно, удаляется от нас. Расстояние, по-моему, тысяча сто. - Акустик достал из заднего кармана носовой платок и вытер потные руки.

Ему действительно нелегко, подумал капитан, но этого не скажешь, глядя на парня. Все в команде вели себя, как настоящие профессионалы.

- Он прошел мимо нас по правому борту и, мне кажется, закончил разворот. Наверняка снова ляжет на курс один-девять-ноль. - Джоунз улыбнулся, глядя на капитана. - Мы снова вывернулись, шкипер.

- О'кей, парни. Молодцы. - Манкузо вернулся в центр управления боевыми действиями. Все смотрели на него, ожидая приказа. "Даллас" замер на месте, а потом стал медленно дрейфовать вперед и чуть вниз при отрицательно наклоненных триммерах.

- Включаем силовую установку. Постепенно увеличиваем скорость до тринадцати узлов.

Через несколько секунд раздался едва слышный шум - это реактор начал наращивать мощность. И тут же стрелка указателя скорости медленно поползла вверх. "Даллас" снова пошел вперед.

- Внимание, говорит капитан, - произнес Манкузо по системе внутренней связи. Динамики, действующие от бортового электропитания, были выключены, и его слова будут передаваться вахтенными матросами из отсека в отсек. - Русские обошли вокруг нас и не сумели обнаружить. Вы отлично справились с работой, парни. Можете снова свободно дышать. - Он повесил микрофон на крючок. - Мистер Гудман, следуйте за ним.

- Слушаюсь, шкипер. Рулевой, лево руля пять градусов.

- Есть лево руля пять градусов, - отрепетовал рулевой, по команде поворачивая руль. Через десять минут "Даллас" снова следовал за кормой русского ракетоносца.

На системе управления огнем было установлено огневое решение. У торпед

"Марк-48" едва хватит времени, чтобы их взрыватели перешли в боевое положение, перед тем как попасть в цель через двадцать девять секунд.

Министерство обороны, Москва

- Как самочувствие, Миша?

Михаил Семенович Филитов поднял голову от лежащей перед ним груды документов. Выглядел он неважно - лицо все еще было красным и температура так и не спала. Дмитрия Устинова, министра обороны СССР, беспокоило состояние старого друга. Филатову следовало бы еще несколько дней провести в госпитале, как и советовали врачи. Но старый офицер никогда не прислушивался к советам, он только исполнял приказы.

- Со мной все в порядке, Дмитрий. Всякий раз, когда выходишь из госпиталя, чувствуешь себя хорошо - даже если уже умер, - улыбнулся Филитов.

- Ты все еще неважно выглядишь, - заметил Устинов.

- Ну и что? В нашем возрасте все хорошо не выглядят. Хлопнем по стаканчику, товарищ министр? - Филитов достал из ящика стола бутылку "Столичной".

- Пьешь слишком много, дружище, - упрекнул его Устинов.

- Как раз наоборот, слишком мало. Выпей я чуть больше антифриза, и не простудился бы на прошлой неделе. - Он налил до половины два стакана и передал один гостю. - Давай, Дмитрий, сегодня холодно на дворе.

Они сделали по глотку прозрачной жидкости и с шумом выдохнули.

- Мне уже лучше, - хрипло засмеялся Филитов. - Скажи, что там с этим литовским предателем?

- Толком не знаем, - ответил Устинов.

- Все еще? Ты можешь рассказать, что там было в его письме? Устинов сделал еще глоток и начал рассказ. Когда он кончил, потрясенный Филитов смотрел на него, наклонившись вперед.

- Господи! И его по-прежнему не могут найти? Сколько голов уже слетело?

- Адмирал Коров умер. Его арестовали офицеры КГБ, конечно, и вскоре после этого он умер от кровоизлияния в мозг.

- Наверняка кровоизлияние было девятимиллиметрового калибра, - сухо заметил Филитов. - Сколько раз я твердил, что этот долбаный флот нам не нужен? Какая от него польза, черт возьми? Можно использовать его против китайцев? Или против армий НАТО, которые нам угрожают? Нет, нельзя! Сколько миллиардов рублей уходит на то, чтобы строить и снабжать топливом эти красивые баржи для Горшкова, а что получаем взамен? Да ничего! Теперь у него пропала подводная лодка и весь гребаный флот не может найти ее. Хорошо, Сталин умер, - он бы им показал.

Устинов кивнул. В свои годы он помнил судьбу тех, кто не могли доложить Сталину о полном успехе.

- Как бы то ни было, Падорину, похоже, удалось выкрутиться. На подлодке оказался дополнительный контроль за командиром.

- Падорин! - Филитов поднес стакан к губам. - Этот евнух! Я встречался с ним всего раза три, не больше. Сухарь, даже для политработника. Никогда не улыбнется, даже если пьет с тобой. Тоже мне русский! Скажи мне, Дмитрий,

почему Горшков держит у себя столько старых пердунов вроде него?

Устинов поднял стакан и улыбнулся.

- По той же причине, что и я. - Оба засмеялись.

- Ну и как товарищ Падорин собирается защитить наши тайны и спасти свою шкуру? С помощью машины времени?

Устинов объяснил все старому другу. Мало с кем был так откровенен министр обороны, с кем он мог поделиться государственными секретами. Филитов был на пенсии, но по-прежнему оставался полковником бронетанковых войск и с гордостью носил военный мундир. Он впервые вступил в бой на четвертый день после начала Великой Отечественной войны, когда фашистские оккупанты рвались на восток. Лейтенант Филитов со своей танковой ротой, укомплектованной танками Т-34/76, встал на их пути юго-восточнее Брест-Литовска. Он отлично проявил себя, уцелел в схватке с танками Гудериана, отступил вместе с остальными войсками и вел непрерывные бои, пока не попал в огромный "котел" возле Минска. Ему удалось вырваться из окружения, затем он вырвался и из второго окружения, под Вязьмой, после чего командовал танковым батальоном во время контрнаступления Жукова под Москвой. В 1942 году он участвовал в броске на Харьков, который закончился весьма печально, но снова уцелел и сумел выйти из битвы, на этот раз выпрыгнув из горящего танка и оставив позади разгромленные остатки полка в "котле" на берегу Днепра. В том же году, уже в составе другого танкового полка, он возглавил наступление, в котором были разгромлены итальянские части под Сталинградом и завершено окружение немцев. В этой битве он был дважды ранен. За Филитовым закрепилась слава отличного командира, к тому же везучего. Его везение кончилось у Курска, где он вступил в бой с дивизией СС "Рейх". Возглавив атаку, Филитов на своем танке попал под жестокий перекрестный огонь 88-миллиметровых орудий немецких танков, находившихся в засаде. Просто чудо, что ему и здесь удалось уцелеть. У него на груди так и остались шрамы от ожогов, полученных, когда он вылезал из горящего танка, а его правая рука оказалась практически парализованной. Раненого бесстрашного командира, удостоенного трех "Золотых Звезд" Героя Советского Союза и множества других наград, отправили в тыл.

После многомесячного лечения, переводов из одного госпиталя в другой, он стал приемщиком на военных заводах, отправленных на Урал, к востоку от Москвы. Там он включился в новую работу с такой же настойчивостью и жаром, которые проявлял на поле боя, где стал настоящим боевым командиром. Здесь, на военных заводах, он служил стране еще лучше, чем на фронте. Прирожденный организатор, Филитов быстро научился подгонять директоров, заставляя их улучшать производство, и убедил конструкторов вносить небольшие, но часто принципиально важные изменения в конструкцию танков, что спасло немало жизней и помогло выигрывать бои.

Филитов и Устинов впервые встретились на одном из оборонных заводов. Израненный, весь в шрамах боевой ветеран и грубоватый аппаратчик, посланный Сталиным "выбивать" как можно больше военной техники, оружия и боеприпасов. После нескольких споров молодой Устинов понял, что Филитов никого не боится и никогда не уступает в вопросах, касающихся качества вооружения. В одном из таких споров Филитов буквально затащил Устинова в башню танка и на практике доказал ему свою правоту. Устинов принадлежал к числу людей, которые все

схватывают на лету, и не нуждался в повторных объяснениях. Он не мог не оценить мужества офицера, который умел говорить "нет" народному комиссару вооружения, и они стали друзьями. К середине 44-го года Филитов был уже его правой рукой, специальным инспектором при наркоме, ему поручались самые трудные и самые неприятные дела. Если на каком-нибудь заводе возникали сбои, Филитов наводил там порядок - быстро и решительно. Три Звезды Героя и лицо в шрамах обычно помогали убедить директора завода исправить дело, а если он упорствовал, громовой голос полковника и выражения, способные вогнать в краску даже бывалого солдата, быстро решали проблему.

Филитов никогда не занимал видного положения в партии, и для своего "хозяина" был источником ценнейших сведений, собранных во время поездок по стране. Он по-прежнему сотрудничал с конструкторскими бюро, разрабатывавшими новые модели танков, и нередко сам выводил на полигон прототип новой модели или выбранный наугад танк из только что выпущенных заводом и вместе с такими же как он ветеранами подвергал машины испытаниям. Несмотря на искалеченную руку, Филитов считался одним из лучших башенных стрелков в стране. И он не кичился этим. В 1965 году Устинов решил сделать своему другу сюрприз и преподнес ему генеральские погоны. Реакция Филитова удивила и даже разозлила маршала - тот заявил, что не завоевал их на поле боя, а получить звание генерала можно только на войне. Такой аргумент прозвучал довольно бестактно, поскольку сам Устинов стал маршалом в награду за заслуги в руководстве оборонной промышленностью и активную партийную деятельность, но, тем не менее, отказ Филитова свидетельствовал, что это образец нового советского человека, гордого собой и знающего себе цену.

Устинов с горечью подумал о том, какое несчастье постигло его друга в семейной жизни. Он был женат на прелестной женщине. Елена выступала на сцене Кировского театра, когда молодой лейтенант впервые познакомился с ней. Устинов вспоминал о ней с оттенком зависти - Елена была идеальной женой. Она родила двух прекрасных сыновей, но оба погибли. Старший, курсант военного училища, был убит в 1956 году в Венгрии, проявив себя стойким приверженцем партии. Ему не исполнилось и семнадцати лет. Что ж, он был солдатом и выполнял свой воинский долг. А вот младший сын погиб в 1959 году в результате несчастного случая на полигоне - его разнесло на части при разрыве дефектного затвора пушки новенького Т-55. Нелепая смерть. Вскоре после этого умерла и Елена - больше от горя, чем от болезней. Трагическая история.

Несмотря на постигшие его несчастья, Филитов мало изменился. Как и многие старые военные, он пил, но пил незаметно, втихую. Где-то в 60-е годы, припомнил Устинов, Филитов пристрастился к лыжам. Это и для здоровья полезно и выматывало до предела, к чему Филитов, по-видимому, и стремился, если не считать одиночества.

Однако Филитов по-прежнему умел слушать собеседника. Когда у Устинова появлялась какая-то новая идея, которую он собирался высказать на Политбюро, маршал пробовал ее сначала на Филитове, чтобы узнать, что тот о ней думает. Не лишенный простоты, полковник обладал весьма острым умом и природным инстинктом солдата, что позволяло ему видеть слабые и сильные стороны во всякой проблеме. Да и как личный представитель министра он был незаменим.

Людей, заслуживших в годы войны три Звезды Героя, осталось совсем мало, он сразу привлекал к себе внимание, и офицеры, намного выше его по званию, прислушивались к нему.

- Ты считаешь, Дмитрий Федорович, что это возможно? Разве одному человеку под силу уничтожить подводную лодку? - спросил Филитов. - Ты ведь разбираешься в ракетах куда лучше меня.

- Конечно. Дело заключается только в точном математическом расчете. В пусковых ступенях ракеты достаточно энергии, чтобы расплавить подлодку.

- А что будет с ним потом? Каким образом спасется этот наш человек? - Подобные вопросы всегда мучили Филитова. Он был и оставался солдатом, и его не могла не беспокоить судьба храбрецов, оказавшихся в одиночестве среди врагов.

- Мы, разумеется, сделаем все возможное, но трудно надеяться на успех.

- Его нужно спасти, Дмитрий! Обязательно спасти! Не забывай, что такие молодые люди особенно ценны. Это не просто автоматы, выполняющие свой долг. Они служат образцом для молодых офицеров и стоят больше сотни новых танков или кораблей. Это подобно сражению, дорогой товарищ. Мы забыли об этом - а теперь видишь, что делается в Афганистане!

- Ты прав, дружище, - но лодка всего в нескольких сотнях километров от побережья Америки, даже меньше.

- Горшков постоянно говорит о могуществе своего флота - вот ему и карты в руки! - Филитов подлил водки в стакан. - Пожалуй, еще немного.

- Миша, ты больше не будешь ходить на лыжах. - Устинов знал, что его друг частенько прикладывается к бутылке, перед тем как ехать на своей машине в подмосковный лес. - Я запрещаю тебе.

- Сегодня не поеду, Дмитрий, честное слово, хотя считаю, что это пошло бы мне только на пользу. Сегодня я пойду в баню, попарюсь и выгоню остатки яда из своего старого тела. Пошли вместе, а?

- Мне сегодня сидеть допоздна.

- Баня пойдет тебе на пользу, - настаивал Филитов. Оба знали, что это пустые разговоры. Устинов принадлежал к высшей номенклатуре и не опускался до обычных парных бань. Филитов же был без претензий.

Ударная подлодка "Даллас"

Ровно через двадцать четыре часа после повторного обнаружения "Красного Октября" Манкузо созвал старших офицеров в кают-компании на совещание. Жизнь постепенно приходила в норму. Ему даже дважды удалось поспать - по четыре часа, - и теперь он снова начинал походить на человека. У них было достаточно времени, чтобы создать точный акустический портрет русского ракетоносца, и компьютер работал сейчас над совершенствованием классификации его почерка, чтобы передать другим ударным подлодкам. За время, пока они находились так близко от кормы русской подлодки, удалось разработать очень точную модель характеристик шума движительной системы, а благодаря тому, что "Красный Октябрь" каждые два часа описывал круги вокруг "Далласа", получить размеры ракетоносца и характеристики его силовой установки.

Старший помощник Уолли Чеймберз крутил в пальцах карандаш.

- Джоунзи прав, - проговорил он. - Это такая же силовая установка, как и на "оскарах" и "тайфунах". Им удалось уменьшить издаваемый ею шум, но в остальном характеристики акустического почерка точно такие же. Вопрос только в том, что она вращает. Похоже, гребной винт расположен в каких-то туннелях или кожухах. Что-то вроде направленного винта с муфтой вокруг, а может быть, какой-то туннельный движитель. Помнится, мы пробовали разработать что-то похожее, правда?

- Это было давно, - заметил лейтенант Батлер из машинного отделения. - Я слышал разговоры об этом, когда работал в Арко. Что-то там у них не получалось, но не скажу, что именно. Как бы то ни было, шум резко уменьшался. Вот этот рокот.., это действительно какая-то гармоника - но гармоника чего? Знаете, если бы не это, мы никогда не сумели бы его обнаружить.

- Может быть, - согласился Манкузо. - Джоунзи считает, что сигнальные процессоры склонны отфильтровывать этот шум, словно в Советском Союзе знали, на что способны наши процессоры, и создали систему, чтобы перехитрить их. Но в это трудно поверить.

С таким мнением все согласились. Все знали принцип работы процессоров, но во всей стране не было и полусотни человек, толком разбиравшихся в них.

- Но все согласны, что это ракетоносец? - спросил Манкузо.

- Такая силовая установка не поместится в корпусе ударной подлодки, - кивнул Батлер. - Но еще важнее, что эта лодка ведет себя как ракетоносец.

- Это может быть "оскар", - высказал предположение Чеймберз.

- Нет. Зачем посылать "оскара" так далеко на юг? "Оскар" - противокорабельная лодка. Считаю, этот парень ведет стратегический ракетоносец. Он прошел весь путь на одной и той же скорости, что характерно для ракетоносца, - заметил лейтенант Манньон. - Только какова цель таких действий? Вот в чем главный вопрос. Может быть, они пытаются незаметно подкрасться к нашему побережью просто для того, чтобы убедиться, что способны на это. Они поступали так и раньше, а вся остальная гонка - просто для отвода глаз.

Они все не исключали такой возможности. Подобный трюк предпринимался и раньше, причем обеими сторонами. Последний раз в 1978 году советский ракетоносец типа "янки" приблизился к самому краю континентального шельфа у побережья Новой Англии. Очевидно, перед ним была задача выяснить, сумеет ли американский флот обнаружить подлодку. Флот справился со своей задачей, и тогда встал вопрос, как отреагировать на это, ставить ли Советы в известность, что их ракетоносец обнаружен.

- Ну ладно, мне кажется, что вопросы большой стратегии следует оставить тем, кто находятся на берегу. А мы давайте сообщим о том, что нам стало известно. Лейтенант Манньон, передайте вахтенному офицеру мой приказ через двадцать минут подвсплыть на перископную глубину. Попытаемся подняться к поверхности и снова погрузиться так, чтобы он не заметил этого. - Манкузо нахмурился. Задача была не из легких.

Через полчаса "Даллас" передал по радио свое донесение.

14 ДЕК. 09.25 ГРИНВИЧ

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТЕО
ОТ: ДАЛЛАСА
КОМУ: КОМПОДАНТУ
ИНФОРМАТИВНО: КОМАТФЛОТУ
А. ДАЛЛАС 14 ДЕК 0904 ГРИНВИЧ

1. ВОССТАНОВЛЕН КОНТАКТ АНОМАЛЬНОЙ ЦЕЛЬЮ В 0538 ГРИНВИЧУ 13 ДЕК НАСТОЯЩИЕ КООРДИНАТЫ ШИРОТА 42 35 ДОЛГОТА 49 12 тчк КУРС 194 СКОРОСТЬ 13 ГЛУБИНА 600 тчк СЛЕДИЛИ 24 ЧАСА БЕЗ ОБНАРУЖЕНИЯ КОНТАКТОМ тчк КОНТАКТ ОЦЕНИВАЕМ КАК РАКЕТОНОСЕЦ КРАСНОГО ФЛОТА SSBN БОЛЬШОГО РАЗМЕРА тчк ХАРАКТЕРИСТИКИ ДВИГАТЕЛЬНОЙ УСТАНОВКИ СХОЖИ ТИПОМ ТАЙФУН тчк ОДНАКО КОНТАКТ
ПОЛЬЗУЕТСЯ НОВОЙ ДВИЖИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ НЕ ПОВТОРЯЮ НЕ ГРЕБНЫМИ ВИНТАМИ тчк
УСТАНОВИЛИ ПОДРОБНЫЙ ПРОФИЛЬ ХАРАКТЕРИСТИК тчк 2. СНОВА ПРИНИМАЕМСЯ ЗА
ОПЕРАЦИЮ ПО СЛЕЖЕНИЮ тчк ПРОСИМ СООБЩИТЬ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ РАЙОН ОПЕРАЦИЙ тчк
ЖДЕМ ОТВЕТА 1030 ГРИНВИЧ

Оперативный центр Командования подводными силами Атлантики

- Наконец-то! - невольно воскликнул Галлери. Он вернулся в свой кабинет, не забыв закрыть дверь, прежде чем поднял трубку скремблера, связывающего его с Вашингтоном.

- Сэм, это Вине. Слушай: "Даллас" сообщает, что он следует за русским ракетоносцем с новой бесшумной движительной системой примерно в шестистах милях к юго-западу от Большой отмели, курс один-девять-четыре, скорость тринадцать узлов.

- Отлично! Это Манкузо? - спросил Додж.

- Бартоломео Вито Манкузо, мой любимый макаронник, - подтвердил Галлери. Выбить для Манкузо назначение на должность командира подлодки было непросто из-за его молодости. Галлери потратил на это немало сил. - Я ведь говорил тебе, Сэм, этот парень - прекрасный подводник.

- Боже, ты видишь, как близко они от группы "Киев"? - Додж посмотрел на свой тактический дисплей.

- Пожалуй, даже слишком близко, - согласился Галлери. - Правда, неподалеку находится "Инвинсибл", да и "Поги" я перебросил туда же. Мы сняли ее с шельфа, когда отозвали домой "Скэмп". Думаю, "Далласу" понадобится помощь. Вопрос в том, насколько открыто мы станем действовать.

- Не думаю, чтобы очень. Послушай, Вине, мне нужно посоветоваться об этом с Дэном Фостером.

- О'кей. Только учти, мне нужно дать ответ "Далласу" через - черт возьми! - уже через пятьдесят пять минут. Ты ведь знаешь, как поступают в таких случаях. Ему пришлось оторваться от контакта, чтобы вступить в связь с нами, затем придется снова искать цель. Поторопись, Сэм.

- Ладно, Вине. - Додж набрал номер на своем телефоне. - Это адмирал

Додж. Мне нужно немедленно поговорить с адмиралом Фостером.

Пентагон

- Вот это да! Между "Киевом" и "Кировым". - Генерал-лейтенант Харрис достал из кармана закладку, которая должна была олицетворять собой "Красный Октябрь". Это была крохотная подлодка с прикрепленным к ней пиратским "Веселым Роджером" <"Веселый Роджер" - черный пиратский флаг.>. У Харриса было странное чувство юмора. - Президент знает, что мы попробуем оставить его у себя? - спросил он.

- Если только нам удастся привести его в нужное нам место и в нужное нам время, - ответил генерал Хилтон. - А "Даллас" может связаться с "Красным Октябрем"?

- Хороший вопрос, генерал. - Фостер покачал головой. - Но все по порядку. Сначала давайте перебросим туда "Поги" и "Инвинсибл", а уж потом попытаемся придумать, как предупредить русский ракетоносец. Боже милостивый, судя по его курсу, он идет прямо на Норфолк. Представляешь наглость этого парня? Если дело зайдет слишком далеко, мы можем попытаться провести его под эскортом.

- Тогда нам придется вернуть лодку русским, - возразил адмирал Додж.

- Нужно разработать запасную позицию, Сэм. Если нам не удастся предупредить его, надо послать группу кораблей, которые будут идти рядом и не дадут Ивану потопить "Красный Октябрь".

- Законы моря - это ваша епархия, а не моя, - заметил генерал Барнз, начальник штаба ВВС. - Однако мне представляется, что такой поступок может быть истолкован как угодно - от пиратства до прямого нападения на русский корабль, а это объявление войны. Разве операция и без того не достаточно запутана?

- Разумное замечание, генерал, - согласился Фостер.

- Господа, нам потребуется время, чтобы обдумать ситуацию, О'кей, у нас еще немного его есть, а пока давайте передадим на "Даллас", чтобы он набрался терпения и продолжал следовать за русским ракетоносцем, - предложил Харрис. - И пусть постоянно сообщает нам об изменениях в его курсе и скорости. Думаю, у нас осталось для этого пятнадцать минут. А дальше поставим "Поги" и "Инвинсибл" на его пути.

- Верно, Эдди. - Хилтон повернулся к адмиралу Фостеру. - Если ты не возражаешь, давай так и сделаем, прямо сейчас.

- Посылай радиограмму, Сэм, - распорядился Фостер.

- Слушаюсь. - Додж подошел к телефону и приказал адмиралу Галлери дать ответ на "Даллас".

14 ДЕК 1030 ГРИНВИЧ
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ОТ: КОМПОДАНТА
КОМУ: "ДАЛЛАСУ"
А. ПОДЛОДКА "ДАЛЛАС" 14 ДЕК 0925 ГРИНВИЧ

1. ПРОДОЛЖАЙТЕ СЛЕЖЕНИЕ тчк ИНФОРМИРУЙТЕ ОБ ИЗМЕНЕНИЯХ КУРСА ИЛИ СКОРОСТИ тчк ВАМ ВЫСЛАНА ПОДДЕРЖКА тчк 2. КОМАНДА "ДЖИ" ПО КАНАЛУ СНЧ ОПРЕДЕЛИТ ДЛЯ ВАС СРОЧНЫЕ ОПЕРАТИВНЫЕ УКАЗАНИЯ тчк 3. РАЙОН ВАШИХ ОПЕРАЦИЙ
НЕ ОГРАНИЧИВАЕТСЯ, ДЕЙСТВУЙТЕ ОТ "БРАВО" ДО "ЗУЛУ" ПРОДОЛЖАЙТЕ В ТОМ ЖЕ ДУХЕ
"ДАЛЛАС" МОЛОДЦЫ тчк ПОСЛАНО ВИЦЕ-АДМИРАЛОМ ГАЛЛЕРИ

- О'кей, давай посмотрим на это, - сказал Харрис. - Пока никому не известно, что задумали русские, верно?

- Что ты имеешь в виду, Эдди? - спросил Хилтон.

- Начать с того, какие корабли входят в состав их флота, находящегося в Северной Атлантике. Половина их надводных кораблей предназначена для противовоздушной и противокорабельной обороны, борьба с подводными лодками не является их основной целью. И зачем им вообще понадобился "Киров"? Согласен, это прекрасный флагманский корабль, но "Киев" мог вполне сыграть такую же роль.

- Мы уже говорили об этом, - заметил Фостер. - Они собрали все корабли, способные пройти такое расстояние с высокой скоростью, и послали их в Атлантику. То же самое относится и к подлодкам. Половина из них оснащена крылатыми ракетами и предназначена для борьбы с надводными кораблями, у них есть средства борьбы с подводными лодками, но это их второстепенная задача. Причина, Эдди, заключается в том, что Горшков послал сюда все корабли, способные найти и уничтожить "Красный Октябрь". Корабль, только отчасти предназначенный для этой цели, все-таки лучше чем ничего. Даже один из старых "эхо" может случайно наткнуться на сбежавшую подлодку и потопить ее. Горшков, наверно, каждый вечер на коленях молит Бога, чтобы Он ниспослал ему чудо.

- Хорошо, пусть так, но русские составили из своих надводных кораблей три боевые группы, в каждой есть противовоздушное и противокорабельное вооружение, а вот противолодочных кораблей в них маловато. К тому же они не послали свои самолеты, предназначенные для борьбы с подводными лодками, на Кубу. Это кажется мне несколько странным, - высказал свою точку зрения Харрис.

- Такие действия противоречили бы их собственной легенде. Никто не разыскивает потонувшую подлодку с самолетов - в принципе это возможно, но, если русские перебросят на Кубу авиакрыло своих "медведей" и начнут использовать их для поисковых операций, это приведет в ярость президента, - заметил Фостер. - Мы будем преследовать их повсюду, всеми способами, имеющимися в нашем распоряжении, так что русские вообще ничего не добьются. Для нас это будет всего лишь техническая операция, тогда как русские во всем видят политику.

- Пусть так, но это все равно не объясняет, почему их корабли и вертолеты противолодочной обороны ведут гидролокацию в активном режиме, причем делают это настолько энергично, что у меня возникает множество вопросов. Например, с помощью гидролокации в активном режиме можно искать погибшую подлодку, но ведь "Красный Октябрь" не потонул, правда?

- Не понимаю, Эдди, что ты хочешь этим сказать?

- Если тебе нужно отыскать пропавшую подлодку, как бы ты поступил при существующих обстоятельствах?

- Совсем не так, как это делают русские, - произнес Фостер после непродолжительного раздумья. - Использование надводной гидролокации в активном режиме предупредит подлодку о том, что ее разыскивают, задолго до того, как удастся определить ее местоположение. Подводные ракетоносцы оборудованы первоклассными пассивными гидролокаторами. "Красный Октябрь" тут же услышит сигналы активной гидролокации и отвернет в сторону. Ты прав, Эдди. Это какая-то мистификация.

- Тогда какого черта они привели сюда свои надводные корабли? - озадачено спросил Барнз.

- Советская морская доктрина предусматривает надводные корабли для поддержки операций подводных лодок, - объяснил Харрис. - Горшков - блестящий теоретик и время от времени проявляет проблески гениального новаторства. Много лет назад он заявил, что подводные лодки могут эффективно действовать при поддержке либо с воздуха, либо со стороны надводных кораблей. Однако пользоваться поддержкой с воздуха на таком огромном расстоянии от своих баз, не размещая самолеты на Кубе, они не могут, а обнаружить подводную лодку в открытом океане, особенно если она не хочет, чтобы ее обнаружили, не самая простая задача. С другой стороны, им известно, куда она направляется, и они знают, что существует ограниченное число гаваней, способных ее принять, так что русские разместили свои пятьдесят восемь подлодок на пути к ним. Таким образом, задача надводных сил заключается не в том, чтобы участвовать в поисках "Красного Октября" - хотя если они случайно натолкнутся на него, то разберутся с ним сами. Задача надводных кораблей состоит в том, чтобы помешать нам вмешиваться в действия русских подводных лодок. Для этого они размещают группы надводных кораблей в тех местах, где мы предполагаем расположить наши боевые группы, и ведут наблюдение за тем, что делаем мы. - Харрис помолчал. - А поскольку они проводят "спасательную операцию", нам приходится заниматься примерно тем же, чем занимаются русские, - вести гидролокацию в активном режиме, а они пользуются нашим опытом в области противолодочной обороны для своих целей, против нас же. Мы играем им на руку.

- Но почему? - снова спросил Барнз.

- Мы обещали помочь русским в поисках пропавшей подлодки. Если мы найдем эту подлодку, они окажутся рядом с нами, обнаружат ее и уничтожат, а мы будем бессильны помешать им. Как я уже говорил, они намерены обнаружить и потопить "Красный Октябрь" собственными подлодками. Обнаружить его с поверхности будет чистой случайностью, а русские не рассчитывают на случайность. Таким образом, главная задача надводных кораблей заключается в том, чтобы охранять подводные лодки и отвлекать от них наши силы. Во-вторых, надводные корабли могут действовать в качестве загонщиков и гнать добычу подальше от себя, в сторону подводных лодок. И в этом случае мы играем им на руку, потому что наши гидролокаторы работают в активном режиме, и действуем, подобно русским надводным силам. - Харрис покачал головой, выражая этим скупую похвалу хитрости русских. - Ловко придумано, правда? "Красный

Октябрь" слышит их приближение и старается побыстрее скрыться в гавани, выбранной его шкипером в качестве убежища, попадая в заранее подготовленную ловушку. Как ты считаешь, Дэн, насколько велики их шансы перехватить "Красный Октябрь" по пути в Норфолк?

Фостер посмотрел на карту. Русские субмарины расположились у входа в каждый порт восточного побережья от Мэна до Флориды.

- У них больше подводных лодок, чем у нас гаваней. Теперь мы знаем, что этого парня могут перехватить, для чего требуется перекрыть достаточно ограниченный район перед каждым портом, даже за пределами территориальных вод... Ты прав, Эдди. Шансы обнаружить ракетоносец и потопить его у них очень велики. Наши надводные силы находятся слишком далеко, чтобы помешать этому. Наши подлодки не знают, что происходит, нам приказали ничего не говорить им, и даже если бы мы проинформировали их, что они смогли бы предпринять? Открыть огонь по русским подлодкам до того, как те станут стрелять сами, и начать войну? - Фостер шумно вздохнул. - Нужно предупредить его.

- Но как? - спросил Хилтон.

- Гидролокатором.., или передать по подводному телефону? - предположил Харрис.

- Это будет слышно через корпус, - покачал головой адмирал Додж. - Если мы исходим из того, что бегство организовано одними офицерами, то команда может догадаться, что происходит, и тогда будет трудно предсказать последствия. Может быть, задействовать "Нимиц" и "Америку", чтобы оттеснить русских от побережья? Оба авианосца скоро окажутся совсем близко и смогут принять участие в операции. Черт возьми, мне совсем не хочется, чтобы этого парня потопили в тот момент, когда он сумел подойти так близко к цели.

- Нет, это не выход, - сказал Харрис. - После рейда на "Киров" русские ведут себя весьма пассивно. Между прочим, это тоже ловкий маневр. Готов поспорить, что они все обдумали и выбрали единственно правильный путь. Русские знают, что появление такого большого количества надводных кораблей у нашего побережья придется нам не по вкусу, поэтому они первыми делают агрессивный шаг, мы отвечаем на это еще более убедительно, и они демонстративно отступают. Теперь, если мы начнем давить на них, вина за это падет на нас. В конце концов они всего лишь проводят спасательную операцию и никому не угрожают. В газете "Вашингтон пост" сегодня утром напечатана информация о том, что в морском госпитале в Норфолке находится русский матрос, которому удалось спастись. Впрочем, есть и хорошая новость - русские ошиблись при расчете скорости "Красного Октября". Две группы их надводных кораблей обгонят ракетоносец слева и справа, потому что движутся на семь узлов быстрее его.

- Может быть, стоит совсем не обращать внимания на их надводные корабли? - спросил Максуэлл.

- Нет, - отрицательно покачал головой Хилтон, - в этом случае они поймут, что мы разгадали их замысел. Они сразу начнут искать причину, а нам нужно по-прежнему следить за их надводными соединениями. Они все равно представляют угрозу для нас, независимо от того, ведут себя пассивно или нет. Но мы можем пойти вот на какой шаг: сделаем вид, что отпускаем

"Инвинсибл". Поскольку на подходе "Нимиц" и "Америка", можно отправить "Инвинсибл" домой. Раз русские надводные корабли обгоняют "Красный Октябрь", можно обратить это себе на пользу. Мы расположим "Инвинсибл" мористее их надводных соединений, словно авианосец направляется в Англию, а он окажется на пути "Красного Октября". Правда, нужно все равно придумать способ, как связаться с ракетоносцем. Я представляю себе, как расположить наши корабли, но это препятствие по-прежнему остается. А пока вы согласны с тем, чтобы выслать "Поги" и "Инвинсибл" навстречу ракетоносцу?

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- На каком расстоянии он от нас? - спросил Райан.

- В двухстах милях. Мы прибудем туда через десять часов. - Капитан Хантер пометил позицию на карте. - Ударная подлодка "Поги" идет на восток, и ее свидание с "Далласом" может состояться примерно через час после нашего прибытия в тот район. Таким образом, когда появится "Красный Октябрь", мы будем в сотне миль к востоку от этой группы надводных кораблей. Черт возьми, "Киев" и "Киров" находятся в ста милях к западу и востоку от ракетоносца.

- Вы полагаете, что командир "Красного Октября" знает об этом? - Райан посмотрел на карту, прикидывая на глаз расстояние между главными действующими лицами развертывающейся операции.

- Это маловероятно. "Красный Октябрь" идет на большой глубине, и его пассивные гидролокаторы по чувствительности уступают нашим. Да и состояние моря против него. Ветер в двадцать узлов на поверхности может значительно помешать пассивному гидролокатору, даже если лодка находится так глубоко.

- Его необходимо предупредить. - Адмирал Уайт посмотрел на полученное им оперативное донесение. - Причем не прибегая к акустическому оборудованию.

- Каким образом, черт побери? Даже мне известно, что невозможно связаться по радио с лодкой на такой глубине, - заметил Райан. - Боже мой, этот парень прошел четыре тысячи миль, и теперь ему суждено погибнуть у самой цели.

- Каким образом можно установить связь с подводной лодкой?

Капитан третьего ранга Баркли выпрямился.

- Господа, нам нужно установить связь не с подводной лодкой, а с находящимся в ней человеком, - заметил он.

- Что вы предлагаете? - спросил Хантер.

- Насколько хорошо мы знаем Марка Рамиуса? - прищурившись, спросил Баркли.

- Нам известно, что он рисковый парень, типичный капитан-подводник, и считает, что способен ходить пешком по воде, - отозвался капитан Карстэрз.

- И почти все время плавал на ударных подлодках, - добавил Баркли. - Рамиус готов поставить на карту свою жизнь и убежден, что сможет пробраться в американский порт никем не замеченным. Чтобы предупредить его, нужно поколебать эту уверенность.

- Но прежде необходимо связаться с ним, - резко бросил Райан.

- Мы так и поступим, - улыбнулся Баркли. Пришедшая ему в голову мысль окончательно оформилась. - Он раньше командовал ударными подлодками и будет

по-прежнему думать о том, как напасть на противника. А как делает это командир подлодки?

- Как? - вскинул голову Райан.

Предложение Баркли оказалось достаточно простым. Они обсуждали его еще час, Райан послал в Вашингтон радиограмму, чтобы получить одобрение. Затем последовал интенсивный обмен технической информацией. Встреча должна произойти в дневное время, а сейчас было уже поздно, поэтому начало операции перенесли на двенадцать часов. Подошел "Поги" и встал на акустическую вахту в двадцати милях к востоку от "Инвинсибла". За час до полуночи передатчик СНЧ, расположенный в северном Мичигане, передал приказ, состоявший из одной буквы - <Джи". Через двадцать минут "Даллас" всплыл на поверхность, чтобы получить указания.

День тринадцатый

Среда, 15 декабря

Ударная подлодка "Даллас"

- "Сумасшедший Иван"! - снова крикнул Джоунз. - Поворачивает влево!

- О'кей, стоп машина, - приказал Манкузо, держа в руке лист бумаги с полученным приказом, который он перечитывал уже несколько часов. Полученные указания ему не нравились.

- Стоп машина, - отрепетовал рулевой.

- Полный назад.

- Есть полный назад, сэр. - Рулевой перевел ручку машинного телеграфа и повернулся к командиру, удивленно глядя на него.

По всему "Далласу" разнесся громкий шум, - это открылись тарельчатые клапаны и пар устремился на лопасти заднего хода турбины, силясь вращать гребной винт в противоположную сторону. В результате корпус лодки начал вибрировать, а со стороны кормы послышался кавитационный шум.

- Право на борт.

- Есть право на борт!

- Мостик, это гидропост. Слышен шум кавитации, - доложил Джоунз по системе внутренней связи.

- Очень хорошо, гидропост! - резко бросил Манкузо. Он не понял полученного им приказа, а все непонятное его раздражало.

- Скорость снизилась до четырех узлов, - сообщил лейтенант Гудман.

- Прямо руля, стоп машина.

- Есть прямо руля, стоп машина, - мгновенно отозвался рулевой. Ему не хотелось, чтобы командир рявкал на него. - Сэр, руль прямо.

- Господи! - пробормотал Джоунз в гидролокационном посту. - Надеюсь, шкипер понимает, что делает.

Через секунду в гидропост вошел Манкузо.

- Он по-прежнему поворачивает налево, капитан. Сейчас, после того как мы повернули, он оказался у нас за кормой, - сообщил Джоунз, стараясь говорить как можно равнодушнее. Манкузо заметил, что слова акустика походят

на обвинение.

- Мы вспугиваем дичь, Джоунзи, - спокойно пояснил Манкузо.

Вы здесь хозяин, подумал Джоунз, но промолчал, стараясь не сболтнуть лишнего. На лице капитана было выражение, свидетельствующее, что он только ждет предлога, чтобы выместить на ком-то переполнявшую его ярость, а Джоунз только что использовал весь отведенный ему месячный запас терпения. Он переключил наушники на пассивные датчики буксируемой антенны.

- Шум уменьшается, сэр. Он сбавляет скорость. - Джоунз сделал паузу. Он знал, что обязан сообщить об этом. - Сэр, он заметил нас.

- Этого мы и добивались, - ответил Манкузо.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Товарищ капитан, слышу вражескую подводную лодку, - выпалил мичман.

- Вражескую? - спросил Рамиус.

- Американскую. Должно быть, она следовала за нами, а теперь ей пришлось дать задний ход, чтобы избежать столкновения, когда мы начали поворот. Определенно американская подлодка, на левой скуле, расстояние меньше километра, по-моему. - Он передал Рамиусу наушники.

- Ударная лодка, тип 688, - заметил Рамиус, обращаясь к Бородину. - Проклятье! Должно быть, он случайно наткнулся на нас в течение последних двух часов. Не повезло.

Ударная подлодка "Даллас"

- О'кей, Джоунзи, начинай локаторный поиск. - Манкузо лично отдал приказ о поиске в активном режиме. "Даллас" развернулся еще больше, прежде чем почти остановиться.

Джоунз мгновение колебался, все еще прослушивая шумы реактора на пассивных датчиках буксируемой антенны, потом дал питание на активные датчики, скрытые под куполом BQQ-5 в носовой части лодки.

Пинг! Звуковая волна рванулась к цели.

Понг! Волна отразилась от стального корпуса "Красного Октября" и вернулась к "Далласу".

- Расстояние до цели 1050 ярдов, - сказал Джоунз. Возвратившийся импульс прошел обработку с помощью компьютера BC-10 и позволил получить некоторые первичные детали. - Форма корпуса соответствует ракетоносцу типа "тайфун". Носовой угол примерно семьдесят градусов. Эффект Допплера отсутствует. Он остановился. - Следующие шесть импульсов подтвердили полученную информацию.

- Прекратить активную гидролокацию, - приказал Манкузо. Он испытывал некоторое удовлетворение при мысли о том, что правильно определил тип контакта. Впрочем, всего лишь некоторое.

Джоунз отключил питание от гидролокатора. Зачем все это нужно? - подумал он. Что нового мы узнали? Он уже собрал всю необходимую информацию о русской подлодке, разве только не прочитал номер на корме.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Все члены команды "Красного Октября" поняли теперь, что их обнаружили. Акустические волны, которыми "Даллас" хлестал русский ракетоносец, эхом проносились по корпусу. Подводники ненавидят этот звук. И это вдобавок к неисправному реактору, подумал Рамиус. Возможно, и это обстоятельство удастся обернуть в свою пользу...

Ударная подлодка "Даллас"

- Кто-то на поверхности, - внезапно произнес Джоунз. - Откуда они взялись, черт побери? Шкипер, минуту назад там не было ничего, абсолютно ничего, а теперь я слышу шум двигателей. Два эсминца, а может быть, и больше.., будем считать два эсминца.., и какой-то более крупный корабль. Будто ждали тут нашего появления. Минуту назад они сидели неподвижно, затаившись. Проклятье! Я не слышал ни звука.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Мы рассчитали весьма точно, - заметил адмирал Уайт.

- Нам повезло, - сказал Райан.

- Везение - важная штука, Джек.

Эсминец "Бристоль" первым услышал шум двух подводных лодок и звуки, издаваемые "Красным Октябрем" при повороте. Даже на расстоянии всего в пять миль шумы были едва слышны. Маневр "сумасшедший Иван" закончился в трех милях от английских кораблей, которые сумели точно определить местоположение подводных лодок на основании активных гидролокационных импульсов "Далласа".

- Сюда летят два вертолета, сэр, - доложил капитан Хантер. - Через минуту они займут позицию.

- Просигнальте "Бристолю" и "пятому" чтобы встали с наветренной стороны от нас. Я хочу, чтобы "Инвинсибл" находился между ними и контактом.

- Слушаюсь, сэр. - Хантер передал приказ в радиорубку. Морякам на эсминцах такой приказ покажется странным - авианосец заслоняет собой эскортные корабли.

Через несколько секунд два вертолета "си-кинг" подлетели и зависли в пятидесяти футах над поверхностью моря, опуская вниз погружные гидролокаторы и одновременно стараясь остаться на отведенной позиции. Их гидролокаторы были гораздо слабее корабельных и обладали характерными особенностями. Собранные ими сведения поступали в командный центр "Инвинсибла" по цифровому каналу.

Ударная подлодка "Даллас"

- Англичане, - тотчас доложил Джоунз. - Пара вертолетов, стодевяностопятые, по-моему. Это означает, что крупный корабль к югу от нас - один из их маленьких авианосцев, сэр, с эскортом из двух эсминцев.

- Корабль Ее королевского величества "Инвинсибл", - кивнул Манкузо. -

Он принимал участие в маневрах "Ловкий Дельфин" на нашей стороне пруда. Это лучший британский корабль, на нем самые опытные гидроакустики.

- Большой корабль движется в нашу сторону, сэр. Судя по числу оборотов винтов, его скорость десять узлов. Обе вертушки уже нашли нас обоих. Других подлодок поблизости не слышу.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Положительный акустический контакт, - донесся из динамика металлический голос. - Две подводные лодки, расстояние от "Инвинсибла" две мили, пеленг ноль-два-ноль.

- Теперь приступаем к самому трудному, - произнес адмирал Уйат.

Райан и четыре офицера королевского флота, которых посвятили в смысл операции, находились на флагманском мостике, а офицер-акустик противолодочной обороны занял место в командном центре внизу. "Инвинсибл" медленно шел на север, чуть влево от прямого курса на контакты. Все пятеро на флагманском мостике осматривали в мощные бинокли морскую поверхность.

- Ну давайте же, капитан Рамиус, - негромко пробормотал Райан. - Говорят, вы блестящий подводник. Докажите это.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Вернувшись в рубку, Рамиус нахмурившись смотрел на карту. Бродивший в морских глубинах "лос-анджелес", случайно натолкнувшийся на него, - это одно, однако они встретили целое флотское соединение. К тому же состоящее из английских кораблей. Скорее всего, маневры. Американцы и англичане часто работают вместе, и по чистой случайности "Красный Октябрь" напоролся прямо на них. Ну что ж, придется уклониться, прежде чем продолжить движение туда, куда он хотел прийти. Все очень просто. Но так ли просто? Его преследуют ударная подводная лодка, авианосец и два эсминца. Что еще? Надо выяснить, если он хочет уйти от них ото всех. На это придется потратить почти весь день. Но сейчас нужно прежде всего убедиться в том, кто противостоит ему. К тому же тем самым он продемонстрирует им, что уверен в себе, что это он сможет охотиться за ними, если пожелает.

- Бородин, всплываем на перископную глубину. Боевая тревога!

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Ну давай же, Марк, - шептал Баркли. - У нас есть кое-что для тебя, старина.

- Вертолет номер три докладывает: контакт всплывает, - донеслось из динамика.

- Отлично! - Райан от радости стукнул кулаком по поручню.

- Отозвать один из вертолетов, - произнес адмирал Уайт в телефонную трубку.

Расстояние до "Красного Октября" составляло теперь полторы мили. Один из вертолетов "си-кинг" набрал высоту и полетел в сторону, сматывая трос, на

котором висел погружной гидролокатор.

- Контакт на глубине пятьсот футов, медленно всплывает.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Бородин осторожно выкачивал воду из триммерных цистерн подлодки. Ракетоносец увеличил скорость до четырех узлов, и основная подъемная сила, необходимая для всплытия, исходила от горизонтальных рулей. Старпом поднимал подлодку очень медленно, и Рамиус направил ее прямо на "Инвинсибл".

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Хантер, как у вас с азбукой Морзе? - спросил адмирал Уайт.

- По-моему неплохо, - ответил Хантер. Все испытывали волнение. Какой выдался шанс!

Райан с трудом сглотнул слюну. За последние несколько часов, пока авианосец неподвижно раскачивался на волнах бушующего моря, желудок у него тоже разбушевался вовсю. Таблетки, которые дал ему судовой врач, сначала помогали, но теперь от волнения он снова почувствовал себя хуже. С флагманского мостика до морской поверхности было восемьдесят футов. По крайней мере если стошнит, не страшно. Ну и черт с ними, пусть смотрят.

Ударная подлодка "Даллас"

- Слышу потрескивание, сэр, - доложил Джоунз. - Думаю, он всплывает.

- Всплывает? - Манкузо на мгновение задумался. - Да, пожалуй, это в его стиле. Он рисковый парень, захочет сначала убедиться, кто противостоит ему, прежде чем начать маневр уклонения. Готов поспорить, он и не подозревает, что мы следуем за ним уже несколько дней. - Капитан прошел в центр управления боевыми действиями.

- Похоже, он всплывает, шкипер, - сказал Манньон, глядя на огневой пульт. - Глупо с его стороны. - У Манньона была своя точка зрения на действия командиров подлодок, которая основывалась на том, как они пользуются перископами. Слишком много командиров проводят время, глядя через них на мир. Интересно, подумал он, может быть, это инстинктивная реакция на вынужденную замкнутость пространства внутри подлодки, желание убедиться, что там, наверху, действительно существует мир, что приборы не обманывают его. Как это свойственно человеку, хотя и ставит тебя в уязвимое положение...

- Мы тоже всплываем, шкипер?

- Да, медленно и осторожно.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

Небо было наполовину задернуто белыми перистыми облаками, серыми снизу, что предвещало дождь. С юго-запада ветер в двадцать узлов гнал по морю темные шестифутовые волны, увенчанные белыми барашками. Райан увидел, что эсминцы "Бристоль" и "Пятый" занимают позицию с наветренной стороны. Их

командиры, несомненно, бормотали ругательства по поводу расположения кораблей, выбранного адмиралом. Американские эскортные корабли, отпущенные накануне, шли теперь на встречу с линкором "Нью-Джерси".

- Капитан, прошу немедленно сообщить мне, как только радар заметит что-то в районе цели, - снова говорил по телефону Уайт. - Направьте все радиолокаторы в ту сторону. Сообщайте мне также о каждом, повторяю, каждом акустическом сигнале из района цели... Совершенно верно. Глубина цели? Очень хорошо. Отзовите второй вертолет. Пусть оба займут позицию с наветренного борта авианосца.

Было принято решение, что лучше всего связаться с ракетоносцем с помощью сигнального прожектора. Прочитать содержание смогут только те, кто находятся в прямой видимости. Держа в руке лист бумаги, переданный ему Райаном, Хантер подошел к прожектору. Сигнальщикам, обычно находящимся рядом, было приказано уйти вниз.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Тридцать метров, товарищ командир, - доложил Бородин. В рубке находилась группа управления огнем.

- Поднять перископ, - спокойно произнес Рамиус. Металлическая труба, поблескивающая смазкой, скользнула вверх под давлением гидравлики. Капитан передал фуражку младшему вахтенному офицеру и наклонился к объективу.

- Вижу три корабля империалистов. Авианосец Королевского флота "Инвинсибл". Надо же придумать такое название для корабля - "Непобедимый"! - Он ухмыльнулся, играя на свою аудиторию. - Два эскортных эсминца, "Бристоль" и "Пятый".

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Перископ на правой скуле! - донеслось из динамика.

- Вижу его! - Баркли вытянул руку в направлении цели. - Вон там!

- Я тоже, - через мгновение произнес Райан, напрягая зрение. Перископ напоминал тонкую палку, вертикально торчащую из воды. Он находился примерно в миле от авианосца. Когда по перископу прокатилась волна, обнажилась даже нижняя часть.

- Действуйте, Хантер, - негромко скомандовал Уайт. Слева от Райана капитан начал нажимать на рычаг, управляющий заслонками сигнального прожектора.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Сначала Рамиус ничего не увидел. Он поворачивал перископ по всему горизонту, проверяя, нет ли поблизости других кораблей или самолетов. Когда перископ описал полный круг и вернулся в прежнее положение, он заметил световые вспышки, и тут же начал расшифровывать сообщение. Прошло несколько мгновений, прежде чем Рамиус понял, что прожектор направлен прямо на него.

ААА ААА ААА КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ ВЫ ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ ВЫ ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ ПОШЛИТЕ ОДИН АКУСТИЧЕСКИЙ СИГНАЛ В АКТИВНОМ РЕЖИМЕ ЕСЛИ
ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ ПРОШУ ПОСЛАТЬ ОДИН АКУСТИЧЕСКИЙ СИГНАЛ В АКТИВНОМ
РЕЖИМЕ ЕСЛИ ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ ААА ААА ААА КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ
ВЫ ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ ВЫ ЧИТАЕТЕ МОЮ ПЕРЕДАЧУ

Световые сигналы повторялись снова и снова. Передача велась прерывисто и неумело, но Рамиус не обращал на это внимания. Он перевел содержание передачи с английского на русский, подумав сначала, что она адресована американской подлодке. Его пальцы, сжимающие ручки перископа, побелели от напряжения.

- Бородин, - скомандовал он наконец, прочитав передачу в четвертый раз, - мы установили пробное огневое решение для авианосца. Но, черт побери, дальномер в перископе не работает. Пошлите активный акустический сигнал для проверки расстояния, только один.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Принят один акустический сигнал из района цели, сэр, похоже, с советской подлодки, - послышалось из динамика.

- Спасибо. Продолжайте слежение, - произнес в трубку адмирал и положил ее. - Ну, господа...

- Он понял нас! - выкрикнул Райан, не скрывая восторга. - Посылайте весь текст, ради Бога!

- Начинаю. - На лице Хантера появилась довольная улыбка.

КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ КРАСНЫЙ ОКТЯБРЬ ЗА ВАМИ ОХОТИТСЯ ВЕСЬ ВАШ ФЛОТ ЗА ВАМИ ОХОТИТСЯ ВЕСЬ ВАШ ФЛОТ ВАШ КУРС ПЕРЕКРЫТ МНОГОЧИСЛЕННЫМИ КОРАБЛЯМИ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ УДАРНЫЕ ПОДЛОДКИ ЖДУТ ВОЗМОЖНОСТИ ПОТОПИТЬ ВАС ПОВТОРЯЮ
МНОГОЧИСЛЕННЫЕ УДАРНЫЕ ПОДЛОДКИ ЖДУТ ВОЗМОЖНОСТИ ПОТОПИТЬ ВАС ДВИГАЙТЕСЬ НА
ВСТРЕЧУ КООРДИНАТЫ 33 СЕВЕРНОЙ 75 ЗАПАДНОЙ ТАМ ВАС ЖДУТ НАШИ КОРАБЛИ ПОВТОРЯЮ ДВИГАЙТЕСЬ НА ВСТРЕЧУ КООРДИНАТЫ 33 СЕВЕРНОЙ 75 ЗАПАДНОЙ ТАМ ВАС
ЖДУТ НАШИ КОРАБЛИ ЕСЛИ ВЫ ПОНЯЛИ МЕНЯ И СОГЛАСНЫ ПРОШУ ДАТЬ ЕЩЕ ОДИН
АКУСТИЧЕСКИЙ СИГНАЛ

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Расстояние до цели, Бородин? - спросил Рамиус, жалея, что у него мало времени. Передача повторялась снова и снова.

- Две тысячи метров, товарищ командир. Отличная большая цель для нас, если мы... - Старпом осекся, увидев выражение лица капитана.

Они знают название нашего ракетоносца, тем временем думал Рамиус. Они знают название. Но каким образом? Они точно знали, где найти нас, - совершенно точно! Как? Что известно американцам? Сколько времени следил за нами этот "лос-анджелес"? Решай - ты должен принять решение!

- Бородин, еще один акустический импульс по цели.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

- Принят еще один акустический сигнал со стороны цели, адмирал.

- Спасибо. - Уайт посмотрел на Райана. - Ну что ж, Джек, выходит, оценка ситуации, сделанная вашей разведкой, была правильной. Очень хорошо.

- Очень хорошо, черт бы меня побрал, дорогой лорд! Я был прав! - Райан вскинул вверх руки, забыв о морской болезни, но тут же одернул себя. В такой обстановке следует проявить больше достоинства. - Извините, адмирал. Нужно браться за дело.

Ударная подлодка "Даллас"

"Весь флот охотится за вами... Двигайтесь на встречу, координаты 33 северной и 75 западной". Что это значит, черт побери? - подумал Манкузо, успев прочитать только заключительную часть второго сообщения.

- Мостик, это гидропост. Со стороны цели слышно потрескивание корпуса. Он погружается. Усиливается шум двигательной установки.

- Опустить перископ, - скомандовал Манкузо. - Отлично, акустик. Что-нибудь еще, Джоунз?

- Нет, сэр. Вертолеты улетели, а от надводных кораблей ничего не слышно. Что происходит, сэр?

- Представления не имею. - Манкузо недоуменно качал головой, в то время как Манньон повел "Даллас" следом за "Красным Октябрем".

На самом деле что за чертовщина? - думал капитан. Почему британский авианосец сигналил русской подлодке и почему ее послали на встречу у Каролинских островов? Чьи подлодки перекрыли ей путь? Не может быть. Такого не может быть. Никак не может...

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

Райан вошел в радиорубку авианосца.

МАГ ОЛИМПУ, - набрал он на клавиатуре специального шифровального устройства, которое привез с собой из ЦРУ. - СЕГОДНЯ ИГРАЛ НА СВОЕЙ МАНДОЛИНЕ. ЗВУЧИТ ОЧЕНЬ ХОРОШО. ПРЕДПОЛАГАЮ ПРОВЕСТИ НЕБОЛЬШОЙ КОНЦЕРТ В
ОБЫЧНОМ МЕСТЕ. НАДЕЮСЬ НА ХОРОШИЕ ОТЗЫВЫ. ЖДУ УКАЗАНИЙ.

Раньше, когда Райан познакомился с кодовыми фразами, которыми ему надлежало пользоваться, он смеялся. Смеялся он и сейчас, но по другой причине.

Белый дом

- Значит, - заметил Пелт, - Райан полагает, что операция закончится успешно. Все идет в соответствии с планом, но он не воспользовался кодовой фразой, говорящей о полном успехе.

- Он честный парень, - сказал президент, удобнее устраиваясь в кресле. - Не ровен час - все может случиться. Ты должен признать, впрочем, пока операция идет хорошо.

- План, разработанный членами Объединенного комитета начальников штабов - безумие, сэр.

- Может быть, но ты все время пытаешься найти в нем слабые места, и пока тебе этого не удалось. Скоро все станет ясно.

Президент играет роль всезнающего мудреца, понял Пелт. Это ему нравится.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

ОЛИМП МАГУ. МНЕ НРАВИТСЯ СТАРОМОДНАЯ ИГРА НА МАНДОЛИНЕ. КОНЦЕРТ ОДОБРЕН, - говорилось в шифрограмме.

Райан откинулся на спинку кресла и отпил немного бренди. - Интересно, в чем суть второй части плана, - задумчиво произнес он.

- Полагаю, нам сообщат об этом из Вашингтона, - заметил адмирал Уайт. - А пока нужно поспешить на запад, чтобы встать между "Красным Октябрем" и советским флотом.

Глубоководное спасательное устройство "Авалон"

Лейтенант Эймс смотрел на страшную картину через крошечный иллюминатор в носу "Авалона". Советская "альфа" лежала на левом борту. Было очевидно, что она сильно ударилась о дно кормой. Одна лопасть гребного винта откололась, нижняя часть руля была смята. Возможно, вся кормовая часть отогнулась в сторону; при такой плохой видимости трудно сказать определеннее.

- Тихий вперед, - произнес Эймс, передвигая рычаги управления. Позади него энсин и главный старшина следили за приборами и готовились выпустить руку манипулятора с телевизионной камерой и прожекторами, присоединенную к "Авалону" перед погружением. Это обеспечит более широкий угол обзора, чем иллюминаторы. Глубоководное спасательное устройство ползло вперед на скорости в один узел. Видимость не превышала двадцати ярдов, несмотря на прожекторы мощностью в миллион ватт, помещавшиеся на носу.

Морское дно в этом месте представляло собой предательский склон из наносных илистых отложений. Тут и там виднелись валуны. Судя по всему, "альфа" не соскользнула глубже лишь потому, что ее парус подобно клину вонзился в илистое дно.

- Боже милостивый! - Первым заметил это главный старшина. В корпусе "альфы" виднелась трещина - или..?

- Авария с реактором, - пояснил Эймс бесстрастно. - Что-то прожгло корпус насквозь. Господи, а ведь он сделан из титана! Что-то прожгло все переборки и внешнюю оболочку изнутри. И даже не в одном месте, а в двух. Второе отверстие больше, диаметром в добрый ярд. Теперь понятно, в чем причина ее гибели, парни. Нарушена герметичность двух отсеков, вода хлынула через пробоины. - Эймс посмотрел на глубиномер - 1880 футов. - Вы записываете все это на пленку?

- Так точно, шкипер, - отозвался главный старшина, электрик первого класса. - Какая страшная смерть. Бедные парни!

- Это в зависимости от того, к чему они стремились. - Эймс направил "Авалон" вокруг носа "альфы", осторожно маневрируя направляющим винтом и регулируя дифферент, чтобы проплыть с другой стороны подлодки, которая практически представляла собой ее верхнюю часть. - Не заметили никаких следов перелома корпуса?

- Нет, - ответил энсин. - Только два прожженных отверстия. Интересно, что у них произошло?

- Китайский синдром наяву <Выражение "китайский синдром" вошло в обиход после появления книги (а позже и снятого по ней фильма) "Гибель "Прометея"" американских писателей Т. Скортиа и Ф. Робинсона, где речь идет об аварии на атомной станции, при которой начинается неуправляемая ядерная реакция, в результате чего расплавляется реактор и раскаленные продукты прожигают его основание и все, что находится под ним. Один из геров в шутку говорит, что такой дыре не будет конца, она протянется сквозь весь земной шар и появится на противоположной стороне, в Китае.>. Наконец-то я увидел это собственными глазами. - Эймс покачал головой. А ведь командование постоянно убеждает моряков атомных подлодок в полной безопасности реакторов. - Прижмите акустический датчик к корпусу лодки. Нужно убедиться, не осталось ли там кого-нибудь в живых.

- Слушаюсь. - Электрик сунул руки в перчатки, управляющие движениями механической руки, в то время как Эймс пытался удерживать "Авалон" в полной неподвижности. Ни то ни другое не было легким делом. "Авалон" завис над погибшей лодкой, почти касаясь ее паруса. Если внутри кто-то и уцелел, то только в центральном посту или носовых отсеках. В корме никто не мог остаться в живых.

- О'кей, есть контакт, - доложил наконец старшина. Все трое внимательно слушали, надеясь на что-то. Поиск и спасение были их работой, а они сами, будучи подводниками, относились к ней очень серьезно.

- Может быть, потеряли сознание. - Энсин включил мощный гидролокатор. Высокочастотные волны сотрясали оба корабля. От такого звука проснулись бы даже мертвые, но ответа изнутри советской подлодки не последовало - запас воздуха иссяк на "Политовском" еще накануне.

- Ну вот и все, - негромко произнес Эймс. Он подвсплыл, позволяя электрику повернуть механическую руку, чтобы установить где-нибудь на корпусе "альфы" акустический датчик. Они снова вернутся сюда, когда на поверхности улучшатся погодные условия. Флот не хотел упускать возможности осмотреть "альфу", а "Гломар эксплорер" стоял без дела где-то на западном побережье. Может быть, решат им воспользоваться? Эймс считал это вполне

вероятным.

- "Авалон", "Авалон", это "Скэмп", - голос по подводному телефону - "гертруде" - звучал искаженно, но разборчиво, - немедленно возвращайтесь. Сообщите, как поняли.

- "Скэмп", это "Авалон". Понял вас. Возвращаемся. "Скэмп" только что получил вызов по каналу СНЧ и всплыл на несколько минут на перископную глубину, чтобы принять приказ с шифром "молния". Он гласил: НАПРАВЛЯЙТЕСЬ С МАКСИМАЛЬНОЙ СКОРОСТЬЮ В МЕСТО С КООРДИНАТАМИ 33 СЕВЕРНОЙ И 75 ЗАПАДНОЙ.

Никаких объяснений в приказе не было.

Штаб-квартира ЦРУ

- Кардинал продолжает работать, - сообщил Мур Риттеру.

- Слава Богу. - Риттер сел.

- Посланное им донесение в пути. На этот раз он не рисковал собой, посылая его. Может быть, его отрезвило время, проведенное в госпитале. И я принял решение снова предложить вывезти его сюда.

- Еще раз?

- Боб, мы обязаны послать ему такое предложение.

- Я знаю. Сам посылал подобное предложение несколько лет назад. Старый козел отказывается покинуть Россию. Понимаешь, случается, люди не могут жить, не рискуя жизнью. Или он считает, что еще не истратил весь заряд своей ярости... Мне только что звонил сенатор Доналдсон. - Доналдсон занимал должность председателя Специального комитета по разведке.

- Вот как?

- Его интересует, что нам известно о происходящем. Он не верит в легенду насчет спасательной операции и считает, что мы знаем подлинную причину.

- Интересно, кто подал ему эту мысль? - Судья Мур откинулся на спинку кресла.

- В самом деле, кто. У меня на этот счет есть идея, которую стоит проверить. Мне кажется, пришло на то время, да и случай просто превосходный.

Два руководителя ЦРУ обсуждали подробности операции в течение часа. Прежде чем Риттер выехал на Капитолийский холм, они получили одобрение президента.

Вашингтон, округ Колумбия

Доналдсон заставил Риттера прождать пятнадцать минут в приемной, пока сам читал газету. Сенатор сделал это намеренно: ему хотелось поставить заместителя директора ЦРУ на место. Некоторые замечания Риттера относительно утечки секретной информации из Капитолия задели за живое сенатора, представлявшего Коннектикут. Кроме того, было важно показать, что существует разница между назначенными правительственными чиновниками и избранниками народа.

- Извините, что заставил вас ждать, мистер Риттер. - Доналдсон не встал

и не подал руку гостю.

- Ничего страшного, сэр. Выдалась возможность почитать журнал. Обычно редко удается найти время для этого.

С первой же минуты началось враждебное противостояние.

- Итак, что затевают Советы?

- Сенатор, прежде чем обсуждать этот вопрос, я должен сказать "следующее: мне пришлось просить разрешение на беседу с вами у президента. Информация предназначена для вас одного, больше никто не должен узнать о ней. Никто. Это распоряжение поступило из Белого дома.

- В состав нашего комитета входят и другие сенаторы, мистер Риттер.

- Сэр, если бы вы не дали мне слова джентльмена, - Риттер улыбнулся, - я не смог бы сообщить вам эти сведения. Такой приказ я получил. Я служу исполнительной власти, сенатор, и получаю указания от президента. - Риттер надеялся, что спрятанный у него минирекордер записывает все, что он говорит.

- Согласен, - неохотно произнес Доналдсон. Все эти глупые ограничения приводили его в ярость, но он был польщен, что ему доверили столь секретную информацию. - Продолжайте.

- Откровенно говоря, сэр, у нас нет абсолютной уверенности в том, что мы понимаем, что происходит.

- Вот как? Вы потребовали, чтобы я хранил в тайне и не рассказывал никому, что ЦРУ снова не имеет представления, что происходит в мире?

- Я сказал, что мы не имеем абсолютной уверенности. Но кое-что нам известно. Источником нашей информации является главным образом Израиль и отчасти французы. Из этих двух каналов мы узнали, что в советском флоте происходят весьма неприятные события.

- Это мне известно. Они потеряли подлодку.

- По крайней мере одну, но не в этом главное. Кто-то выкинул неприятный трюк, направленный против оперативного командования Северного флота. Я не знаю точно, но, по-моему, это поляки.

- Почему поляки?

- Подробности мне не известны, но французы и израильтяне поддерживают прочные связи с поляками, а у поляков давние счеты с Советами. Мне известно - по крайней мере я так думаю, - что в это дело не замешаны западные спецслужбы.

- Так что же случилось? - продолжал нажимать Доналдсон.

- Насколько нам стало известно, кто-то подделал документы - по крайней мере один, а может, и три, - направленные на то, чтобы устроить грандиозный скандал в советском флоте, - но дело вышло из-под всякого контроля. Многие видные военачальники в СССР прилагают сейчас массу усилий, чтобы прикрыть задницы - так утверждают израильтяне. Можно только гадать, но есть предположение, что были подделаны документы, искажающие оперативную задачу, поставленную перед подводным ракетоносцем, а затем послано письмо с поддельной подписью его капитана, угрожающего пуском баллистических ракет. Самое поразительное, что Советы поддались на провокацию. - Риттер нахмурился. - Впрочем, не исключена возможность, что все эти сведения перепутаны. Нам точно известно лишь то, что кто-то, скорее всего поляки, сыграл фантастически грязную шутку с русскими.

- Но не мы? - спросил Доналдсон, не скрывая подозрения.

- Нет, сэр, ни в коем случае не мы. Если бы мы попробовали такой трюк - даже если бы нам это удалось, что маловероятно, - русские могли бы попытаться устроить что-нибудь подобное с нами. Вот так начинаются войны, и вы знаете, что президент никогда не даст своего разрешения на подобную операцию.

- Но кому-нибудь в ЦРУ может оказаться безразличным мнение президента.

- Только не в моем управлении! С меня снимут голову. Неужели вы думаете, что мы сможем провести такую операцию и затем успешно скрыть ее? Черт побери, сенатор, мне хотелось бы, чтобы у нас были такие огромные возможности.

- Но почему именно поляки и почему им удалось это?

- В течение некоторого времени до нас доходили слухи о том, что в их разведывательном сообществе существует группа инакомыслящих, которые испытывают чувство вражды по отношению к Советскому Союзу. У них может быть сколько угодно на то причин. Между поляками и русскими издавна существует глубокая ненависть, а русские склонны забывать о том, что поляки - прежде всего поляки, а уже потом коммунисты. Лично я считаю, что все это связано не столько с введением военного положения, сколько с тем, что произошло с папой. Нам известно, что наш старый друг Андропов разработал план, повторяющий дело Генриха Второго и Бекета <Томас Бекет (1118 - 1170) - архиепископ Кентерберийский, который ограничил королевскую юрисдикцию в пользу церкви, и был убит по приказу короля Генриха II в Кентерберийском соборе.>. Избрание польского кардинала папой чрезвычайно повысило престиж Польши, даже члены партии испытывают удовлетворение от этого. А Иван взял и наплевал на всю их страну, когда Войтыла стал папой, - возникает вопрос, у русских поехала крыша или что-то еще? Что касается способностей польской разведывательной службы, не следует забывать, какой высокой репутацией она всегда пользовалась. Именно поляки сумели раскрыть тайну "Энигмы" <"Энигма" - немецкое шифровальное устройство. Раскрытие его секрета позволило союзникам длительное время читать тайные донесения германских агентов.> в 1939 году - поляки, а не англичане. У них исключительно эффективный разведывательный аппарат, причем по той же причине, что и у Израиля. У поляков враги на западе и враги на востоке. В такой обстановке и появляются прекрасные агенты. Нам точно известно, что у них масса своих людей в России, рабочих - "гастарбайтеров", - которыми Польша расплачивается с Нармоновым за экономическую помощь. Мы также хорошо знаем, что на советских верфях трудится немало польских инженеров. Согласен, это может показаться забавным - ни у одной из этих стран нет морских традиций, - но поляки построили много торговых судов для Советского Союза. Их верфи производительней русских, а за последнее время они стали оказывать техническую помощь - главным образом в области контроля за качеством - и на верфях, строящих боевые корабли для военно-морского флота.

- Таким образом, польские спецслужбы подложили Советам свинью, - подвел итог Доналдсон. - Горшков был одним из тех, кто решительно выступали за военное вмешательство в события, происходившие в Польше?

- Это верно, однако в данном случае он оказался, скорее всего,

случайной жертвой. Дело в том, что вмешательство поляков в деятельность советского военно-морского флота само по себе не имеет особого значения. Цель операции заключалась, по-видимому, в том, чтобы вызвать панику в высших военных кругах, а все они сосредоточены в Москве. Боже, как бы мне хотелось знать, что там происходит в действительности! Из тех пяти процентов информации, которые нам известны, эта операция является настоящим шедевром, именно о таких операциях потом рассказывают легенды. Мы работаем над этим, стараемся узнать как можно больше. Этим же занимаются англичане, французы, израильтяне - Бенни Херцог из Моссада, говорят, прямо из кожи вон лезет. Израильтяне любят устраивать подобные фокусы соседним странам, причем довольно часто. Официально они заявляют, что им ничего не известно, кроме тех сведений, которыми они поделились с нами. Может быть. Впрочем, вполне возможно, что они оказали полякам техническую помощь. Трудно сказать. Можно не сомневаться, что советский флот представляет стратегическую угрозу для Израиля. Однако нам требуется время, чтобы разобраться во всем. Информация, которую нам подсовывают израильтяне, кажется полученной слишком уж своевременно.

- Значит, вы не знаете, что происходит, только как и почему.

- Сенатор, все не так просто. Дайте нам время. В настоящий момент мы, может быть, даже и знать ничего не хотим. Если подвести итог, то кто-то подсунул русскому флоту колоссальную дезинформацию. Возможно, ее целью является просто расшатать его, но ситуация явно вышла из-под контроля. Как или почему это произошло, мы не знаем. Можете не сомневаться, однако, что тот, кто затеял эту операцию, прилагает теперь массу усилий, чтобы замести следы. - Риттеру хотелось, чтобы сенатор правильно его понял. - Если Советы узнают, кто сделал это, их реакция будет крайне резкой - можете мне поверить. Не исключено, что через несколько недель нам будет известно что-то еще. Израильтяне у нас в долгу и в конце концов передадут нам информацию, которая имеется в их распоряжении.

- За пару истребителей-бомбардировщиков F-15 и десяток танков, - заметил Доналдсон.

- За такие сведения это дешево.

- Но если мы не имеем к этому отношения, к чему такая секретность?

- Вы дали мне слово, сенатор, - напомнил ему Риттер. - Начать с того, что, если сведения об этом просочатся, разве русские поверят, что мы не имеем никакого отношения к этой операции? Никогда! Мы пытаемся сделать разведывательную деятельность более цивилизованной. То есть, я хочу сказать, мы остаемся врагами, но при конфликтах между различными разведывательными службами приходится задействовать слишком много агентов, да и опасность для обеих сторон слишком велика. С другой стороны, если нам когда-нибудь удастся выяснить, как все это произошло, мы, может быть, сами захотим воспользоваться таким методом.

- Но эти причины противоречат друг другу.

- Разведывательная деятельность в этом и заключается, - улыбнулся Риттер. - Если мы узнаем, кто сделал это, то сможем использовать информацию в собственных интересах. Как бы то ни было, сенатор, вы дали мне слово, и я сообщу об этом президенту сразу по возвращении в Лэнгли.

- Хорошо. - Сенатор встал. Беседа закончилась. - Надеюсь, вы будете держать нас в курсе событий.

- Это наш долг, сэр. - Риттер тоже встал.

- Вот именно. Спасибо, что приехали сюда. - Расставаясь, они не пожали друг другу руки и на этот раз.

Риттер вышел в коридор, не заходя в приемную. Он остановился, чтобы посмотреть на крытый портик здания Харта. Это напомнило ему о местном отеле "Хайат". Вопреки привычке пользоваться лифтом, он спустился на первый этаж по лестнице. В случае удачи ему удастся одержать крупную победу. У входа ждал автомобиль, и Риттер попросил отвезти его в здание ФБР.

- Значит, это не операция ЦРУ? - спросил Питер Хендерсон, старший помощник сенатора.

- Нет, я верю ему, - ответил Доналдсон. - У него не хватит сообразительности придумать что-то похожее на это.

- Не понимаю, почему президент не хочет избавиться от него, - пожал плечами Хендерсон. - Разумеется, на такой должности лучше иметь некомпетентного человека. - Сенатор согласно кивнул.

Вернувшись в свой кабинет, Хендерсон опустил жалюзи, хотя солнце было с противоположной стороны. Через час водитель проезжавшего мимо такси фирмы "Блэк энд уайт" посмотрел на окно и обратил внимание на опущенные жалюзи.

Этим вечером Хендерсон работал допоздна. Здание Харта было почти пустым, поскольку большинство сенаторов покинули город. Доналдсон остался в Вашингтоне только из-за личных дел и потому, что кто-то должен следить за развитием событий. В качестве председателя Специального комитета по разведке ему приходилось исполнять больше обязанностей, чем хотелось бы в это время года. Хендерсон спустился на лифте в главный вестибюль. При выходе из здания он выглядел именно так, как должен выглядеть старший помощник сенатора: серая тройка, дорогой кожаный атташе-кейс, аккуратно приглаженные волосы и решительная походка. Из-за угла выехало такси "Блэк энд уайт" и остановилось, чтобы подобрать пассажира.

- Уотергейт, - назвал он адрес и заговорил лишь после того, как такси проехало несколько кварталов.

У Хендерсона была скромная двухкомнатная квартирка в жилом комплексе Уотергейт - ирония судьбы, о которой он не раз задумывался. Приехав к месту назначения, он не дал шоферу чаевых. Когда Хендерсон вышел из машины и направился к главному входу, в такси села женщина. Ранним вечером поймать такси в Вашингтоне непросто.

- Джорджтаунский университет, пожалуйста, - сказала прелестная молодая женщина с рыжеватыми волосами и пачкой книг в руках.

- Вечерние занятия? - спросил шофер, глядя в зеркало заднего обзора.

- Экзамены, - ответила девушка с легким беспокойством. - По психологии.

- Перед экзаменами самое лучшее - это расслабиться, - посоветовал таксист.

Специальный агент Хейзел Лумис неловко переложила книги из одной руки в другую. При этом она уронила на пол сумочку. Наклонившись за нею, она достала из-под сидения крошечный магнитофон, оставленный там другим агентом ФБР.

Через пятнадцать минут они подъехали к университету.

Плата за проезд составила три доллара восемьдесят пять центов. Лумис дала водителю пятерку и сказала, что сдачи не надо. Она прошла насквозь через университетский городок и села в поджидавший ее "форд", который отвез ее прямо к зданию Дж. Эдгара Гувера. Понадобилось потратить столько усилий - и все оказалось так просто!

- Это всегда просто, когда медведь появляется в поле зрения, - сказал инспектор, руководивший операцией, сворачивая на Пенсильвания-авеню. - Проблема, однако, заключается в том, чтобы сначала найти этого проклятого медведя.

Пентагон

- Господа, вас пригласили сюда потому, что все вы кадровые разведчики, хорошо знакомы с подводными лодками и свободно говорите по-русски, - обратился генерал Давенпорт к сидящим перед ним четырем офицерам. - Мне нужны офицеры именно с такими данными. Но этого недостаточно, для операции требуются добровольцы. Не исключено, что она может оказаться весьма опасной - пока мы не знаем, как она будет развиваться дальше. Скажу лишь одно: подобная операция - мечта каждого разведчика. Однако после ее реализации вы никогда не сможете никому рассказать об этом. Но разве нам привыкать? - Налицо Давенпорта появилась редкая для него улыбка. - Как говорят в кино, если вы хотите принять участие, отлично; если нет, можете сейчас же покинуть кабинет, и никто не обвинит вас за это. Трудно просить человека идти на заведомо опасное задание с завязанными глазами.

Разумеется, ни один из офицеров не вышел; все они принадлежали к числу тех, кого так просто не напугаешь. Кроме того, заявление о том, что никто не обвинит ушедшего в трусости, выглядело весьма сомнительным, тем более что у Давенпорта отличная память. За преимущество носить офицерскую форму получаешь меньше денег, чем при тех же способностях в гражданской жизни, зато имеешь шанс оказаться убитым.

- Спасибо, господа. Думаю, вам понравится задание. - Давенпорт встал и вручил каждому конверт из плотной бумаги. - Скоро вам представится возможность осмотреть советский подводный ракетоносец - изнутри. - Четыре пары глаз одновременно моргнули.

Северная Атлантика, 33° с.ш. и 75° в.д.

Уже более тридцати часов подводная лодка "Итан Аллен" кружила в районе с этими координатами. Она крейсировала по пятимильному кругу на глубине двести футов. Спешить было некуда. Лодка поддерживала минимальную для управления скорость, а ее реактор работал всего лишь на десятую своей мощности. Главный старшина помогал в камбузе.

- Первый раз занимаюсь этим на подводной лодке, - заметил один из офицеров "Аллена", взбалтывая омлет. Пришлось исполнять обязанности кока.

Главный старшина подавил вздох. Следовало бы взять с собой настоящего кока, но тот, что служил здесь прежде, был зеленым мальчишкой, а все

остальные на борту "Аллена" отслужили уже больше двадцати лет. Все старшины были техниками, за исключением главного старшины, который мог в удачный для него день справиться с тостером.

- Вы часто стряпаете дома, сэр?

- Случается. У моих родителей ресторан в Пасс-Кристиане. Сейчас я готовлю мамин омлет по рецепту креолов из Нового Орлеана. Жаль, что у нас не осталось окуня. Я умею неплохо готовить окуня с лимонным соусом. Вы любите ловить рыбу, старшина?

- Нет, сэр. - В небольшой команде из офицеров и старшин-ветеранов сразу сложились неформальные отношения, но главный старшина был человеком, привыкшим к дисциплине и чинопочитанию. - Капитан, вы не знаете, чем мы здесь занимаемся, черт побери?

- Очень жаль, но это мне неизвестно, старшина. Главным образом ждем чего-то.

- Но чего, сэр?

- Не имею представления. Не передадите ли мне нарезанную ветчину? И гляньте на хлеб в духовке. Уже готов, наверно.

Линейный корабль "Нью-Джерси"

Капитан Итон был озадачен. Его боевая группа находилась в двадцати милях от русских. Если бы не темнота, он мог бы увидеть со своего кресла на мостике линкора надстройку "Кирова" на горизонте. Эскортные корабли вытянулись в одну широкую линию впереди огромного корабля, ведя гидролокацию в активном режиме и разыскивая подводные лодки.

После того как самолеты американских ВВС имитировали нападение на советский флагманский корабль, русские вели себя кротко, как овечки. Такое поведение, говоря мягко, было для них совсем не типичным. "Нью-Джерси" со своими эскортными кораблями, а также пара самолетов раннего радиолокационного обнаружения "сентри" держали советскую эскадру под постоянным наблюдением. Передислокация русских кораблей привела к тому, что внимание Итона переключилось на группу "Киров". Это вполне устраивало капитана. Его главные орудийные башни были направлены на цель, орудия заряжены восьмидюймовыми управляемыми снарядами, группы управления огнем полностью укомплектованы и готовы к стрельбе. "Тарава" находилась в тридцати милях к югу, ее ударная группа из "харриеров" была готова к вылету через пять минут после подачи сигнала. Советы не могли не знать этого, несмотря на то что их противолодочные вертолеты не приближались к американскому кораблю ближе, чем на пять миль вот уже двое суток. Русские бомбардировщики "бэкфайеры" и "беары", которые совершали над головой челночные полеты на Кубу и обратно - их было всего несколько, да и те тут же возвращались, едва успев заправиться на острове, - не могли не доложить о том, что видели. Американские корабли расположились в, растянутом боевом порядке, информация о целях для управляемых снарядов на "Нью-Джерси" и эскортных кораблях постоянно уточнялась с помощью корабельных датчиков. А русские не обращали на них никакого внимания. Единственным источником электронного излучения от них были навигационные радиолокаторы. Странно.

"Нимиц" находился сейчас в пределах досягаемости базирующихся на нем кораблей после броска из Южной Атлантики протяженностью в пять тысяч миль; авианосец и его атомные эскортные корабли - "Калифорния", "Бейнбридж" и "Такстон" - были на расстоянии всего лишь четырехсот миль к югу, а боевая группа "Америка" отставала от них только на половину суток. Авианосец "Кеннеди" расположился в пятистах милях к востоку. Советам придется принять во внимание опасность, угрожающую им от трех авианосных авиакрыльев за своей спиной и от сотен птичек ВВС на береговых аэродромах, постепенно перемещающихся с юга к северу, перелетая с одной авиабазы на другую. Может быть, этим и объяснялась их покорность.

Пролетающие бомбардировщики "бэкфайэр" постоянно сопровождались от Исландии сменяющими друг друга американскими истребителями - сначала "томкэтами" авиакрыла "Саратога", затем "фантомами" ВВС, действующими с береговых аэродромов Мэна, передавая далее советские бомбардировщики "иглам" и "файтинг-фэлконам", ведущим их вдоль побережья почти до самой Кубы. Все это, несомненно, свидетельствовало о том, что Соединенные Штаты всерьез воспринимают происходящее, хотя американские самолеты больше не проявляли никакой агрессивности. Это нравилось Итону. Агрессивностью ничего не добьешься, да и в случае надобности его боевая группа могла перейти к военным действиям за две минуты.

Жилой комплекс Уотергейт

- Извините меня. Я только что сняла квартиру дальше по коридору, и мне еще не успели подключить телефон. Вы позволите воспользоваться вашим?

Хендерсон не раздумывал. Рост - пять футов три дюйма, рыжеватые волосы, серые глаза, ладная фигурка, ослепительная улыбка, модно одета.

- Конечно. Добро пожаловать в Уотергейт. Заходите.

- Спасибо. Я - Хейзел Лумис. Друзья зовут меня Сисси. - Она протянула ему руку.

- Питер Хендерсон. Телефон на кухне. Я провожу вас. - Все развивалось весьма многообещающе. У Питера только что закончился длительный роман с одной из секретарш сенатора. Расставание оказалось тяжелым для обоих.

- Я вас не беспокою? У вас никого нет?

- Нет, в квартире только я и телевизор. Вы недавно в округе Колумбия? Ночная жизнь здесь совсем не такая, как о ней думают. По крайней мере когда вам завтра снова нужно идти на службу. Где вы работаете - вы ведь, наверно, не замужем?

- Совершенно верно. Я работаю программисткой в специальной правительственной службе. Боюсь, не могу рассказать об этом подробнее.

Все складывается как нельзя лучше, подумал Хендерсон.

- Вот телефон, - открыл он дверь в кухню.

Лумис быстро огляделась вокруг, словно оценивая отделку интерьера, сунула руку в сумочку, достала монету в десять центов и протянула ее Хендерсону. Тот засмеялся.

- Первый звонок бесплатный, и прошу всегда пользоваться моим телефоном в случае надобности.

- Я даже не сомневалась, что жить здесь приятнее, чем в Лореле, - заметила девушка, нажимая кнопки на телефоне. - Алло, Кэти? Это Сисси. Я только переехала, и у меня даже телефон еще не подключен... А, звоню от соседа по коридору, он любезно разрешил позвонить... О'кей, увидимся завтра за ланчем. До свидания, Кэти.

- Кто занимался оформлением вашей квартиры? - Лумис посмотрела по сторонам.

- Я сам. В Гарварде посещал курсы по искусству и знаю несколько хороших магазинов в Джорджтауне. Если знаешь, где искать, всегда можно найти отличные товары и недорого.

- Мне так хочется, чтобы моя квартира походила на вашу! Вы не позволите посмотреть остальные комнаты?

- Разумеется. Начнем со спальни? - Хендерсон засмеялся, чтобы показать, что у него нет никаких дурных намерений - которые на самом деле, конечно, были, хотя в таких делах он проявлял терпение.

Осмотр, продолжавшийся несколько минут, убедил Лумис, что в квартире действительно больше никого нет. Через минуту в дверь постучали. Хендерсон что-то добродушно проворчал, направляясь к двери.

- Пит Хендерсон? - В коридоре стоял мужчина в деловом костюме. Сам Хендерсон был в джинсах и спортивной рубашке.

- Да? - Питер отступил в глубь квартиры, понимая, что попал в ловушку. Однако то, что последовало дальше, изумило его.

- Вы арестованы, мистер Хендерсон, - сказала Сисси Лумис, показывая свое удостоверение агента ФБР. - По обвинению в шпионаже. Вы имеете право хранить молчание и связаться со своим адвокатом. Если вы добровольно откажетесь от права хранить молчание, все сказанное вами будет записано и может быть использовано против вас в суде. Если у вас нет адвоката или вы не можете позволить себе нанять его, вам назначат адвоката, который будет представлять вас. Вам понятны ваши права, мистер Хендерсон? - Это было первое дело Сисси Лумис, связанное со шпионажем. В течение пяти лет ее специальностью была борьба с грабителями банков - часто ей приходилось работать в качестве кассира, пряча в ящике с деньгами "магнум" 357-го калибра. - Вы готовы отказаться от своих прав?

- Нет. - Голос Хендерсона звучал хрипло.

- Ошибаетесь, придется, - заметил инспектор. - Непременно придется. - Он повернулся к трем агентам ФБР, сопровождавшим его. - Тщательно обыщите эту квартиру. Аккуратно и не поднимая шума. Мы не хотим никого будить. Вы пройдете с нами, мистер Хендерсон. Сначала переоденьтесь. Советую идти добровольно, иначе придется применить силу. Если пообещаете вести себя тихо, вам не наденут наручники. Но если попытаетесь бежать - поверьте мне, это может плохо кончиться.

Инспектор служил в ФБР уже двадцать лет и еще ни разу не прибегал к оружию, тогда как на счету у Лумис уже были два убитых преступника. Он относился к старой школе агентов ФБР и не мог не подумать о том, как отнесся бы к случившемуся мистер Гувер, не говоря уже о новом директоре ФБР, еврее по национальности.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

В течение нескольких минут Рамиус и Комаров, глядя на карту, обсуждали курс. Матросы не обращали внимания на работу офицеров - команду никогда не ставили в известность о маршруте. Капитан подошел к кормовой переборке и снял телефонную трубку.

- Позовите товарища Мелехина, - приказал он и подождал несколько секунд. - Товарищ стармех, это говорит командир. У вас больше нет трудностей с реактором?

- Никак нет, товарищ командир.

- Отлично. Продержитесь еще двое суток. - Рамиус повесил трубку. Оставалось тридцать минут до начала новой вахты.

Мелехин и его заместитель Кирилл Сурцев несли вахту в машинном отделении. Мелехин следил на работой турбин, а Сурцев наблюдал за реактором. Каждому помогали мичман и трое матросов. Плаванье для механиков оказалось очень трудным. Казалось, осмотру подвергся каждый прибор и каждый датчик в машинном отделении, а многие были полностью отремонтированы двумя старшими офицерами, которым помогал Валентин Бугаев, офицер-электронщик и судовой гений, который также вел политзанятия с командой. Те, кто несли службу в машинном отделении, были потрясены происшедшим больше всех остальных. Все знали о предполагаемом радиационном заражении - на подводной лодке трудно хранить секреты. Чтобы облегчить работу вахтенных матросов в машинном отделении, им в помощь были выделены матросы из других боевых частей. Капитан назвал это отличной возможностью овладеть смежной специальностью, что он считал необходимым. Команда же считала это хорошим способом получить дополнительную дозу радиационного облучения. Но, разумеется, дисциплина соблюдалась строго. Отчасти это объяснялось верой матросов в командира корабля, отчасти их подготовкой, но главным образом пониманием того, что случится с ними, если они перестанут должным образом, немедленно и точно, выполнять свои обязанности.

- Товарищ старпом, - обратился к Мелехину Сурцев, - мной замечены колебания в уровне давления главного контура, датчик номер шесть.

- Иду. - Мелехин поспешил к месту происшествия, оттолкнул мичмана в сторону и встал перед главной панелью управления.

- Опять неисправный прибор! На остальных давление нормальное. Все в порядке, - невозмутимо заметил старший механик, предварительно убедившись, что его слова услышаны. Все вахтенные в отсеке заметили, что старший механик прошептал что-то своему заместителю. Тот покачал головой, и оба принялись за регулировку приборов.

В следующее мгновение послышался громкий двухтональный рев сирены и загорелся вращающийся красный фонарь радиационной тревоги.

- Заглушить реактор! - приказал Мелехин.

- Есть заглушить реактор. - Сурцев ткнул пальцем в кнопку и отключил реактор.

- Всем пройти в носовые отсеки! - распорядился далее Мелехин. Никто из матросов не колебался. - Нет, вот вы подождите, переключите аккумуляторы на моторы гусеницы, быстро!

Старшина поспешил назад, перебросил соответствующие рубильники, молча проклиная полученный приказ. На это ему потребовалось сорок секунд.

- Приказ исполнен, товарищ стармех!

- Быстро из отсека!

Старшина был последним, выскочившим оттуда. Он плотно закрыл за собой тяжелую стальную дверь и задраил ее, затем помчался в центральный пост.

- Что случилось? - спросил Рамиус нарочито бесстрастно.

- Радиационная тревога в отсеке теплообменника!

- Очень хорошо. Отправляйтесь в носовой отсек и примите дезактивационный душ вместе с остальной вахтой. И перестаньте волноваться. - Рамиус похлопал старшину по плечу. - Такие проблемы возникали у нас и раньше. Вы отлично подготовленный специалист. Матросы ждут от вас спокойствия и выдержки.

Рамиус снял телефонную трубку. Прошло несколько секунд, прежде чем ему ответили.

- В чем дело, товарищ Мелехин? - спросил он. Все, кто находились в центральном посту, видели, что их капитан выслушал ответ. Они не могли не восхищаться его самообладанием, ведь рев сирены радиационной тревоги разнесся по всему ракетоносцу. - Понятно, товарищ стармех. Аккумуляторные батареи уже почти истощились. Придется подняться ближе к поверхности и идти на глубине шноркеля. Приготовьтесь включить дизельные двигатели. Да. - Рамиус повесил трубку.

- Слушайте меня, товарищи. - Голос капитана был совершенно спокойным. - В системе управления реактором произошла небольшая авария. Сигнал тревоги, который вы слышали, не означает значительной утечки радиации, дело всего лишь в нарушении действия стержней, управляющих работой реактора. Товарищи Мелехин и Сурцев успешно произвели аварийное отключение реактора, однако управлять им без соответствующей системы мы не можем. Поэтому завершим наш переход на дизельном двигателе. Чтобы избежать возможного облучения, реакторный отсек изолирован, а все остальные отсеки, начиная с машинного отделения, будут проветриваться свежим воздухом, как только мы всплывем на шноркельную глубину. Комаров, отправляйтесь на корму и займитесь системами жизнеобеспечения. Я беру на себя управление кораблем.

- Слушаюсь, товарищ командир! - Комаров повернулся и вышел из центрального поста.

Рамиус снял микрофон и обратился к команде, сообщив ей о случившемся. Все ждали чего-то. В носовых отсеках матросы ворчали, что слово "небольшая авария" звучит слишком уж часто, что атомные подводные лодки не ходят на дизелях и не вентилируются без особой причины атмосферным воздухом.

Закончив свое краткое обращение к команде, Рамиус приказал всплывать.

Ударная подлодка "Даллас"

- Представления не имею, шкипер. - Джоунз недоуменно покачал головой. - Шум реактора прекратился, насосы смолкли, но идет он с той же скоростью, что и раньше. На аккумуляторах, по-видимому.

- У него, должно быть, чертовски мощная аккумуляторная батарея, чтобы

тащить такую махину и с такой скоростью, - заметил Манкузо.

- Несколько часов назад я сделал кое-какие расчеты по этому поводу. - Джоунз поднял блокнот. - Они основываются на размерах корпуса "тайфуна" с его плавными обтекаемыми очертаниями, так что оценка является, наверно, очень приблизительной.

- Где ты научился этому, Джоунзи?

- Гидродинамические данные получил от мистера Томпсона. Расчеты, касающиеся электрической части, достаточно просты. У него, должно быть, что-то необычное вместо стандартных аккумуляторных батарей - может быть, топливные элементы. А если он работав на обычных аккумуляторах, то на лодке запасено столько электроэнергии, что ее хватит завести все автомобили Лос-Анджелеса.

- Этого достанет не надолго, - покачал головой Манкузо.

- Потрескивание корпуса... - поднял руку Джоунз. - Похоже, она немного всплывает.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Поднять шноркель, - скомандовал Рамиус. Глядя в перископ, он убедился, что шноркель поднялся над поверхностью. - Очень хорошо, других кораблей в пределах видимости нет. Это отличная новость. Значит, нам удалось оторваться от наших империалистических преследователей. Поднять высокочастотную антенну. Нужно убедиться, что поблизости нет вражеских самолетов с радиолокаторами.

- Кругом чисто, товарищ командир. - У пульта высокочастотной антенны сидел Бугаев. - Никого не видно, нет даже следов от авиалайнеров.

- Значит, мы и впрямь ускользнули от этой крысиной стаи. - Рамиус снова снял трубку телефона. - Мелехин, можете открыть главный впускной клапан и начать вентиляцию машинного отделения, затем включайте дизель. - Через минуту все почувствовали вибрацию, когда мощный дизель "Красного Октября" начал проворачиваться от аккумуляторов. При этом вытеснялся воздух из реакторных отсеков и на его место поступал свежий морской воздух, а воздух, "отравленный радиацией", выбрасывался наружу.

Дизель проворачивался в течение двух минут, и по всей лодке команда ждала момента, когда послышится рев, означающий, что двигатель заработал и в системы энергопитания начало поступать электричество. Но двигатель не включался. Еще через тридцать секунд старший механик прекратил попытки включить дизель. Зазвонил телефон из машинного отделения. Рамиус поднял трубку.

- Что случилось с дизелем, товарищ Мелехин? - резко спросил капитан. - Понятно. Хорошо, я пошлю матросов обратно - а-а, вот как. Подождите. - Рамиус оглянулся. Его губы сжались в тонкую бескровную линию. Младший механик Свиядов стоял в глубине отсека. - Мне нужен человек, разбирающийся в дизельных двигателях, который помог бы товарищу Мелехину.

- Я вырос в совхозе, товарищ командир, - произнес Бугаев, - и еще мальчишкой возился с тракторными дизелями.

- Здесь существует определенное препятствие...

- Я знаю, товарищ командир, - кивнул Бугаев. - Но ведь нам не обойтись без дизеля, правда?

, - Я не забуду вашего мужественного поступка, Бугаев, - негромко произнес Рамиус.

- Тогда вы поставите мне бутылку рома на Кубе, товарищ командир. - Бугаев улыбнулся. - Хотелось бы распить с кубинским товарищем, желательно длинноволосой.

- Мне можно сопровождать товарища Бугаева? - с беспокойством спросил Свиядов. Он как раз заступал на вахту и подходил к люку реакторного отсека, когда его сбила толпа матросов, выбежавших из машинного отделения.

- Позвольте мне сначала оценить серьезность возникшей проблемы, - сказал Бугаев, глядя на Рамиуса в поисках поддержки.

- Да, у нас масса времени. Бугаев, подойдите ко мне через десять минут.

- Слушаюсь, товарищ командир.

- А вы, Свиядов, займите место лейтенанта у контрольного пульта. - Рамиус указал на пульт управления высокочастотной антенной. - Используйте эту возможность, чтобы овладеть новой специальностью.

Лейтенант Свиядов выполнил приказ. Капитан выглядел чем-то весьма озабоченным. Свиядов никогда не видел его таким.

День четырнадцатый

Четверг, 16 декабря

Вертолет "суперстэллион"

Они летели со скоростью сто пятьдесят узлов в двух тысячах футов над темным морем. Вертолет "суперстэллион" был не первой молодости. Он был построен в конце вьетнамской войны и сразу направлен на очистку от мин гавани Хайфона. Это была его первая задача - тащить за собой морской трал, иначе говоря, действовать в качестве летающего тральщика. Теперь огромный "Сикорский" использовался для других целей, главным образом для , переброски тяжелых грузов на большие расстояния. Три турбинных двигателя, расположенных на верхней части фюзеляжа, обладали значительной мощностью и могли перебросить на большое расстояние целый взвод вооруженных солдат.

Сегодня вдобавок к обычному экипажу из трех человек вертолет нес четырех пассажиров и полный объем топлива в наружных баках. Пассажиры собрались в кормовом углу грузового отсека, разговаривая между собой или пытаясь разговаривать, несмотря на рев турбин. Их разговор был очень оживленным. Офицеры-разведчики не заостряли внимание на опасности своей операции - не имеет смысла рассуждать об этом - и говорили о том, что могут обнаружить на борту настоящего русского ракетоносца. Каждый задумывался над тем, какие истории станут результатом этого, и как жаль, что они никогда не смогут рассказать их. Впрочем, никто не сознавался в этом вслух. В лучшем случае с предстоящей операцией познакомится горстка людей; остальные узнают лишь отрывочные сведения, которые могут стать частью других операций. Любой советский агент, пытающийся определить, в чем заключается операция,

натолкнется на лабиринт глухих стен.

Операция была спланирована очень четко. Вертолет летел сейчас по специально проложенному курсу на английский авианосец "Инвинсибл", оттуда уже вертолет Королевского флота "си-кинг" перебросит офицеров на спасательное судно ВМФ США "Пиджен". Исчезновение "стэллиона" всего на несколько часов с базы морской авиации Оушиэна будет рассматриваться как самое обычное дело.

При полете на максимальной крейсерской скорости турбинные двигатели вертолета пожирали массу топлива. Сейчас вертолет находился в четырех сотнях миль от американского побережья и ему оставалось пролететь еще восемьдесят. Маршрут, проложенный к "Инвинсиблу", не был прямым; "стэллион" намеренно летел кружным путем, чтобы сбить с толку тех, кто могли заметить его взлет на экране радиолокатора. Пилоты устали. Четыре часа в тесном кокпите вертолета - долгое время, а военные летательные аппараты не отличаются особыми удобствами. Приборы на контрольной панели светились тусклым красным светом. Оба пилота особенно внимательно следили за искусственным горизонтом <Искусственный горизонт - прибор на самолетах и вертолетах, демонстрирующий плоскую горизонтальную поверхность при отсутствии видимого естественного горизонта.>; из-за сплошной облачности они были лишены ориентиров, а ночной полет над морем вообще действует завораживающе. Впрочем, в этой операции не было ничего необычного. Пилотам совершать подобный полет было не впервой, и потому они вели себя в полете, как опытный водитель на скользком шоссе. Полет опасный, это верно, но дело житейское.

- Джулиет-6, пеленг на вашу цель ноль-восемь-ноль, расстояние семьдесят пять миль, - сообщили с "сентри", барражирующего высоко в воздухе.

- Они что же, думают, мы заблудились? - не без иронии поинтересовался по системе внутренней связи капитан третьего ранга Джон Маркс.

- Это же ВВС, - ответил второй пилот. - Они мало смыслят в полетах над морем. Считают, что без дорог, по которым ты можешь ориентироваться, легко заблудиться.

- Вот именно, - фыркнул Маркс. - Сегодня играют "Орлы", на кого ты ставишь?

- На "Ойлерз", три с половиной.

- Предлагаю шесть с половиной. Центральный защитник Филадельфии еще не оправился от травмы.

- Тогда пять.

- О'кей, пять баксов. Не хочу отнимать у тебя деньги, - ухмыльнулся Маркс. Он обожал пари. Через день после захвата Аргентиной Фолклендских островов он вызывал на спор всех пилотов эскадрильи, ставя семь очков на Аргентину.

В нескольких футах над головами и чуть позади пилотов турбины развивали тысячи оборотов в минуту, вращая через систему шестерней несущий винт с семью огромными лопастями. Пилоты никак не подозревали, что в коробке передач, возле клапана замера масла, образовалась и продолжала расти трещина.

- Джулиет-6, цель выслала навстречу вам истребитель, который проводит вас к месту посадки. Он подлетит через восемь минут с направления на

одиннадцать часов.

- Весьма любезно с их стороны, - отозвался Маркс.

"Харриер 2-0"

За штурвалом "харриера", который должен был проводить американский вертолет к авианосцу, сидел лейтенант Паркер. Позади него, на заднем сиденье, находился младший лейтенант. Задача "харриера" заключалась вообще-то не в том, чтобы проводить "суперстэллион" до места посадки, а чтобы еще раз проверить, нет ли поблизости советской подводной лодки, которая могла увидеть летящий американский вертолет и заподозрить что-то неладное.

- Ты видишь что-нибудь на поверхности? - спросил Паркер.

- Нет, все чисто. - Младший лейтенант следил за экраном локатора инфракрасного излучения, ощупывающего водное пространство по обе стороны от истребителя. Ни один из офицеров не имел представления о том, что происходит, хотя оба уже подробно обсудили причины, по которым их авианосец гоняют по всему проклятому океану, и пришли к определенному выводу, однако он был не правильным.

- Попытайся отыскать этот долбаный вертолет, - сказал Паркер.

- Одну минуту... Вот он. К югу от нашего курса. Младший лейтенант нажал на кнопку, и на экране перед пилотом появилось изображение. Поскольку аппаратура фиксировала инфракрасное излучение, изображение состояло главным образом из турбин, размещенных на вертолете сверху, и тускло мерцающих темно-зеленых концов разогретого винта.

- "Харриер 2-0", это "сентри-Эхо". Ваша цель в направлении на час от вас, расстояние двадцать миль. Прием.

- Понял. Видим их на экране инфракрасного локатора. Спасибо. Конец связи, - ответил Паркер. - Чертовски полезные самолеты, эти "сентри".

- Ты только посмотри, как гонит этот "Сикорский". Какой инфракрасный почерк у двигателей!

"Суперстэллион"

В этот момент корпус коробки передач треснул, мгновение - и галлоны смазочного масла превратились в жирное облако позади втулки несущего винта, а находящиеся внутри шестерни начали разносить друг друга. На панели управления вспыхнул сигнал тревоги. Пилоты тут же отключили силовую передачу, вращающую винт, но было уже поздно. Силовая передача от трех мощных турбин разнесла коробку передач на части. Дальнейшее напоминало взрыв. Острые куски металла пробили предохранительную обшивку передней части вертолета. Инерция несущего винта резко развернула "стэллион", и он начал падать вниз. Двух офицеров, которые сидели сзади, ослабив пристежные ремни, выбросило из кресел, и они покатились вперед.

- Mayday, Mayday, Mayday , это Джулиет-6, - кричал в микрофон второй пилот. Тело капитана Маркса, отброшенное на панель управления, безжизненно осело, на его шее расплывалось темное пятно. - Мы падаем, мы падаем. Mayday,

Mayday...

Второй пилот пытался что-то предпринять. От встречного потока воздуха винт начал вращаться в обратную сторону, но вращался медленно - слишком медленно. Дело в том, что автоматический разделитель, отключающий винт от коробки передач, вышел из строя и тем самым не позволил включиться режиму авторотации, способному сохранять хоть какой-то контроль над вертолетом. Ручки управления почти не действовали, и второй пилот видел, как вертолет тупым копьем несется к черной океанской поверхности. Все попытки пилота справиться с управлением с помощью коротких боковых крыльев и хвостового винта, чтобы развернуть падающую машину, не удались, было слишком поздно... Через двадцать секунд вертолет врезался в воду.

"Харриер 2-0"

Паркеру не раз доводилось видеть, как гибнут люди. Он и сам убил человека, послав ракету "сайдуайндер" в выхлопную трубу аргентинского одэггера". Зрелище не из приятных. Однако происходящее сейчас было куда ужасней. Он видел, как взорвались турбины на "горбу" вертолета, разметав обломки далеко вокруг. Пожара не было, но это уже не имело значения. Паркер смотрел на гибнущий "суперстэллион", пытаясь усилием воли поднять нос падающей вниз машины. И на какое-то мгновение это ему удалось - нос чуть приподнялся, но не больше. Вертолет рухнул в воду. Фюзеляж его раскололся. Передняя часть затонула сразу, а задняя несколько секунд качалась на волнах, прежде чем наполниться водой. По изображению на экране инфракрасного локатора летчики видели, что выбраться из нее никому не удалось.

- "Сентри", "сентри", ты видел это? Прием.

- Видел, "харриер". Вызываем спасательный вертолет. Можете остаться на месте катастрофы? Прием.

- Можем. - Паркер посмотрел на указатель топлива в баках. - Горючего хватит на девяносто минут. Я.., одну минуту. - Паркер резко спустился вниз и осветил место гибели вертолета посадочными прожекторами. В результате заработала телевизионная система, действующая при слабом освещении.

- Ты заметил, Йан? - спросил он у офицера-наблюдателя, сидящего сзади.

- Похоже, в воде что-то движется.

- "Сентри", "сентри", мы считаем, что кому-то удалось спастись. Передайте на "Инвинсибл", чтобы немедленно высылал сюда "си-кинга". Спускаюсь, чтобы проверить. Сообщу результаты.

- Понял тебя, "харриер 2-0". Ваш капитан передает, что вертолет взлетает. Конец связи.

Вертолет "си-кинг" королевского флота прилетел через двадцать пять минут. Санитар в резиновом спасательном костюме спрыгнул в воду, чтобы прицепить трос к единственному человеку, уцелевшему при катастрофе. Больше не только никого, но и ничего не обнаружили, только по морской поверхности все шире расплывалось масляное пятно, медленно испаряющееся в холодном воздухе. Тем временем второй вертолет начал прочесывать район катастрофы, пока первый мчался со спасенным к авианосцу.

Авианосец Королевского флота "Инвинсибл"

Райан смотрел с мостика, как санитары внесли носилки внутрь острова. Через несколько секунд на мостике появился офицер с планшетом в руках.

- Это было у него, сэр. Капитан-лейтенант Дуайер. Сломана нога и несколько ребер. Состояние тяжелое, адмирал.

- Спасибо. - Адмирал Уайт взял портфель. - Есть шансы обнаружить кого-нибудь еще?

- Маловероятно, сэр. "Сикорский", должно быть, камнем пошел ко дну. - Он посмотрел на Райана. - Мне очень жаль, сэр.

- Спасибо, - кивнул Райан.

- Вас вызывает Норфолк, адмирал. - На мостике появился офицер-связист.

- Пошли, Джек. - Адмирал Уайт передал планшет Райану и повел его в радиорубку.

- Вертушка погибла. Есть один спасенный, сейчас им занимаются врачи, - сообщил по радио Райан. Наступило короткое молчание.

- Фамилия?

- Дуайер. Его доставили сразу в медпункт, адмирал. Если и выздоровеет, то не скоро. Передайте в Вашингтон. Как бы то ни было, операцию следует немедленно изменить.

- Понял. Конец связи, - сказал адмирал Блэкборн.

- Независимо от принятого решения, - заметил адмирал Уайт, - действовать надо очень быстро. Вертолет должен вылететь на "Пиджен" через два часа, чтобы успеть вернуться до рассвета.

Райан отлично понимал, что последует дальше. Всего четыре человека, знакомые со всеми подробностями операции, находились в море достаточно близко, чтобы успеть осуществить ее. Среди них он был единственным американцем. "Кеннеди" - слишком далеко. "Нимиц" гораздо ближе, но, чтобы привлечь этот авианосец к операции, придется воспользоваться радиосвязью, что не нравилось Вашингтону. Единственная альтернатива заключалась в том, чтобы собрать, подготовить и выслать новую группу сотрудников спецслужб. А на это не было времени.

- Давайте откроем планшет, адмирал. Мне нужно познакомиться с содержанием плана.

По пути в каюту Уайта они захватили с собой механика. Он оказался прекрасным слесарем и мгновенно вскрыл замок планшета.

- Господи! - выдохнул Райан, проглядев содержимое папки, хранившейся внутри. - Прочитайте-ка это сами, адмирал.

- Ну что ж, - произнес Уайт через несколько минут. - Умно придумано.

- Действительно умно, - криво улыбнулся Райан. - Интересно, что за гений додумался до этого? Боюсь, что исполнение поручат теперь мне. Придется запросить у Вашингтона разрешение взять с собой нескольких офицеров.

Через десять минут они снова вошли в радиорубку. Уайт распорядился, чтобы все покинули помещение. Джек вышел на шифрованный канал связи. Оба надеялись, что скремблер функционирует исправно.

- Слышу вас хорошо, господин президент. Вам уже известно, что случилось с вертолетом?

- Да, Джек. Очень некстати. Тебе придется взять все на себя.

- Да, сэр, я так и думал.

- Не могу приказать тебе, но ты знаешь, как высоки ставки. Итак, ты согласен?

- Да. - Райан закрыл глаза.

- Я благодарен тебе, Джек. Еще бы!

- Сэр, мне нужно ваше разрешение на то, чтобы взять с собой нескольких английских офицеров.

- Одного.

- Сэр, этого недостаточно.

- Одного.

- Понял, сэр. Мы отправляемся через час.

- Тебе известно, что должно произойти?

- Да, сэр. У офицера, которого удалось спасти, оказались с собой оперативные документы. Я уже прочитал их.

- Желаю удачи, Джек.

- Спасибо, сэр. Конец связи. - Райан отключил спутниковый канал и повернулся к адмиралу Уайту. - Стоит вызваться один раз - всего лишь один, - и видите, что происходит дальше.

- Боитесь? - Уайт воспринимал все очень серьезно.

- Еще бы. Мне нужен офицер из ваших подчиненных, адмирал. Если можно, знающий русский язык. Вы понимаете, что может произойти с ним.

- Сейчас посмотрим. Пошли.

Пять минут спустя они вернулись в каюту Уайта и стали ждать прихода офицеров. Их оказалось четверо, все - лейтенанты и все моложе тридцати.

- Господа, - начал адмирал. - Перед вами капитан третьего ранга Райан. Ему нужна помощь добровольца для участия в важной операции. Она является секретной и может оказаться опасной. Вас пригласили потому, что вы владеете русским языком. Это все, что я могу вам сказать.

- Собираетесь говорить с советской подводной лодкой? - улыбнулся старший из лейтенантов. - Тогда выберите меня. Я имею степень бакалавра по славяноведению и моим первым кораблем был дредноут <Игра слов: дредноутами называют крупные броненосцы с дальнобойной артиллерией, а буквально "дредноут" (dreadnought) - бесстрашный (англ.).>.

Райан задумался. Насколько этично вовлекать в операцию человека, ничего не знающего о ней? Он кивнул, и Уайт отпустил остальных офицеров.

- Меня зовут Джек Райан. - Он протянул руку лейтенанту.

- Меня - Оуэн Уилльямз. Итак, чем мне предстоит заняться?

- Подводная лодка под названием, - Райан произнес его по-английски:

- "Red October"...

- "Красный Октябрь", - с улыбкой перевел Уилльямз.

- Она пытается найти убежище в Соединенных Штатах. Во главе мятежа стоит ее командир.

- Поэтому-то мы здесь и болтаемся? Весьма любезно со стороны русского командира. Насколько мы уверены в его намерениях?

Райану понадобилось несколько минут, чтобы посвятить английского лейтенанта в суть собранных разведданных.

- Мы передали ему с помощью сигнального прожектора инструкции, как вести себя дальше, и он, похоже, согласился следовать им. Но полностью мы будем уверены лишь после того, как окажемся на борту подлодки. Перебежчики нередко меняют свои намерения, и это случается гораздо чаще, чем принято думать. Ну как? Согласны идти со мной?

- Разве можно упустить такую возможность? А как мы попадем на эту лодку, капитан?

- Зовите меня Джек. Я из ЦРУ, а не из военно-морского флота. - Райан начал объяснять подробности операции.

- Отлично. У меня есть время взять с собой кое-что?

- Возвращайтесь через десять минут, - приказал Уайт.

- Слушаюсь, сэр. - Уилльямз отсалютовал адмиралу и вышел.

- Пришлите ко мне лейтенанта Синклера, - произнес Уайт в телефонную трубку и, повернувшись к Райану, объяснил, что Синклер - командир подразделения морской пехоты на авианосце. - Может быть, стоит прихватить с собой еще одного друга, - улыбнулся он.

"Другом" оказался девятимиллиметровый автоматический пистолет FN с запасной обоймой и наплечной кобурой, который прекрасно разместился под пиджаком. Прежде чем выйти из каюты, они разорвали и сожгли оперативные инструкции.

Адмирал Уайт проводил Райана с Уилльямзом на летную палубу. Они остановились у выхода, глядя на то, как "си-кинг" проворачивает несущий винт.

- Желаю удачи, Оуэн. - Уайт пожал руку молодому офицеру, и тот направился к вертолету.

- Передайте мои лучшие пожелания своей жене, сэр Джон. - Райан пожал руку адмирала.

- До Англии нам пять с половиной суток хода. Вы, наверно, увидите ее раньше. Будьте осторожны, Джек.

- В конце концов это я составил разведывательную сводку по "Красному Октябрю". - По лицу Райана скользнула грустная улыбка. - Если я прав, нам предстоит приятный круиз - разумеется, если еще и вертолет не рухнет в море вместе с нами.

- Вам идет форма морского офицера, Джек. Райан не ожидал такого замечания. Он вытянулся и отсалютовал адмиралу, как его учили в школе морской пехоты в Куантико.

- Спасибо, адмирал. До встречи.

Уайт смотрел ему вслед, пока Райан не скрылся внутри вертолета. Сержант задвинул дверь, и через мгновение двигатели "си-кинга" взревели на полную мощь. Вертолет, покачиваясь, оторвался от палубы, взлетел на несколько футов, его нос накренился влево, и он начал поворот к югу, одновременно набирая высоту. Не прошло и минуты, как его темный силуэт с выключенными огнями скрылся в ночи.

Северная Атлантика, 33° с.ш. и 75° з.д.

"Скэмп" пришел на встречу с "Итаном Алленом" за несколько минут до

полуночи. Ударная подлодка заняла позицию в тысяче ярдов за кормой старого ракетоносца, и обе лодки стали медленно крейсировать, описывая круги, пока их акустики прослушивали морские глубины в ожидании дизельного спасательного судна "Пиджен". Три участника операции прибыли на место. Оставалось подождать прибытия еще трех.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- У нас нет выбора, - покачал головой Мелехин. - Я должен отремонтировать дизельную установку.

- Разрешите мне помочь вам, - попросил Свиядов.

- Что вы понимаете в дизельных топливных насосах? - спросил Мелехин усталым, но добрым голосом. - Нет, товарищ лейтенант. Сурцев, Бугаев и я справимся с этим без вас. Кроме того, нет смысла подвергать вас опасности радиационного облучения. Я доложу вам о результатах, товарищ командир, через час.

- Спасибо, товарищ старший механик. - Рамиус выключил переговорное устройство. - Наше плаванье оказалось очень трудным. Такого еще никогда со мной не случалось! Если нам не удастся исправить дизель... В аккумуляторных батареях энергии осталось всего на несколько часов, а перед пуском реактора потребуется провести его полный ремонт и осмотр, проверить безопасность. Клянусь, товарищи, если только я найду подлеца, ответственного за все это...

- Может быть, стоит обратиться за помощью? - спросил Иванов.

- У самого американского побережья и с подлодкой империалистов на хвосте? Знаете, какую "помощь" мы получим? Происшедшее, товарищи, не является случайностью. Вы подумали об этом? А вдруг мы оказались пешками в смертельной игре? - Он покачал головой. - Нет, мы не имеем права на такой риск. Американцам не достанется наш ракетоносец!

Штаб-квартира ЦРУ

- Спасибо, что вы согласились незамедлительно приехать, сенатор. Извините за ранний звонок. - Судья Мур встретил Доналдсона у двери и проводил в свой просторный кабинет. - Вы знакомы с директором ФБР Джейкобсом?

- Да, конечно. Что заставило директоров ФБР и ЦРУ собраться вместе на рассвете? - улыбнулся Доналдсон. Как все это интересно! Должность председателя Специального комитета по разведке - это не просто работа, нет, она доставляет удовольствие. Приятно чувствовать, что ты принадлежишь к числу избранных, которых посвящают в государственные тайны.

Третьим в кабинете был Риттер. Он помог встать четвертому человеку, сидевшему в кресле с высокой спинкой, которая заслоняла его от сенатора. К своему удивлению Доналдсон узнал в нем Питера Хендерсона. Костюм его помощника был помят, словно он провалялся в нем всю ночь. И тут благодушное настроение сенатора как рукой сняло.

- Вы, конечно, знакомы с мистером Хендерсоном? - заботливо поинтересовался судья Мур.

- Что все это значит? - Голос Доналдсона был скорее упавшим, чем возмущенным.

- Вы солгали мне, сенатор, - сказал Риттер. - Обещали, что никому не расскажете о тех сведениях, которые я сообщил вам вчера, и в то же время знали, что познакомите с ними этого человека...

- Ничего подобного!

- ., который является агентом КГБ, - закончил Риттер. - Эмиль?

- Мы долгое время подозревали мистера Хендерсона, но никак не могли выйти на его связного. Есть вещи, которые слишком очевидны. Очень у многих в Вашингтоне есть свой таксист, который регулярно их подвозит. Так вот именно таксист и оказался связным Хендерсона. Наконец нам удалось разобраться во всем.

- Мы узнали, что Хендерсон является агентом КГБ благодаря вам, сенатор, - объяснил Мур. - Несколько лет назад у нас был в Москве отличный агент, полковник советских ракетных войск стратегического назначения. В течение пяти лет мы получали от него ценную информацию и уже готовы были вывезти его вместе с семьей из России. Мы всегда стараемся это делать; ведь нельзя вечно пользоваться услугами одного агента, а этому полковнику мы были обязаны очень многим. Но я допустил ошибку, назвав его имя на заседании вашего комитета. Через неделю он бесследно исчез - исчез, как будто его и не бывало. Разумеется, в конце концов его расстреляли. Жену и трех дочерей сослали в Сибирь. По нашим сведениям, они живут теперь в деревне к востоку от Урала. Типичное место для ссыльных - никакой канализации, плохое питание, о медицинском обслуживании и говорить не приходится, а поскольку это семья расстрелянного предателя, можете представить, в каких адских условиях они находятся, как с ними обращаются. Погиб честный человек и уничтожена семья. Подумайте об этом, сенатор. Это подлинная история, происшедшая с реальными людьми.

Сначала мы не знали, каким образом эти сведения просочились в Москву. Это могли сделать вы или один из двух других членов комитета, поэтому мы стали снабжать каждого из вас различной информацией. Нам понадобилось шесть месяцев, и в трех случаях всплывало ваше имя. После этого мы попросили директора Джейкобса проверить всех ваших помощников. Что произошло дальше, Эмиль?

- Когда Хендерсон был заместителем редактора гарвардского "Кримсона" в семидесятом году, его послали в Кент, чтобы он написал статью о расстреле студентов колледжа. Помните, "Дни гнева" после вторжения наших войск в Камбоджу и эти страшные события, когда национальная гвардия открыла огонь по безоружным студентам. Кстати, меня тоже послали туда для расследования случившегося - повезло, нечего сказать. Очевидно, события эти потрясли Хендерсона. Его можно понять. А вот реакцию на них объяснить трудно. Когда Хендерсон закончил университет и оказался в штате ваших помощников, он связался с прежними активистами студенческого движения. В результате на него вышли русские и попросили представить им кое-какие сведения. Все это произошло во время рождественских бомбардировок Вьетнама, которые возмутили Хендерсона. Вот он и передал им эту информацию. Сначала сведения, которые передавал русским Хендерсон, были малозначащими, через пару дней их можно

было уже прочитать в "Вашингтон пост". Но именно так и вербуют агентов. Ему предложили приманку на крючке, и он начал крутиться вокруг нее. По прошествии времени русские, конечно, дернули за леску, и крючок прочно впился в Хендерсона. Это известная игра, с которой все мы хорошо знакомы.

Вчера наш агент подложил магнитофон в его такси. Вас, наверно, изумит, как просто все происходит. Агенты, как и все люди, начинают лениться, теряют бдительность. Короче говоря, у нас есть пленка с вашим обещанием не разглашать сведения, полученные от заместителя директора ЦРУ, и вторая пленка с записью того, как Хендерсон пересказывает эти сведения агенту КГБ меньше чем через три часа после вашего разговора с Риттером. Вы не нарушили закона, сенатор, а вот мистер Хендерсон нарушил. Его арестовали вчера в девять вечера по обвинению в шпионаже, и мы располагаем неопровержимыми доказательствами.

- Я не имел об этом ни малейшего представления, - сказал Доналдсон.

- Вас ни в чем и не подозревают, - ответил Риттер.

- Вы можете сказать что-нибудь в свое оправдание? - спросил Доналдсон у помощника.

Хендерсон молчал. Он подумал было, что, может быть, стоило бы извиниться, сказать, что он сожалеет, но как объяснить свои ощущения, свои чувства, толкнувшие его на такой поступок? Ведь будучи агентом иностранной державы, ты испытываешь восхитительное ощущение от того, что водишь за нос целый легион контрразведчиков, призванных правительством твоей страны преследовать тебя, хранить ее тайны. Когда его арестовали, эти эмоции сменились страхом за то, что теперь случится с ним, и чувством облегчения, что все наконец позади.

- Мистер Хендерсон согласился работать на нас, - пришел на помощь Джейкобс, - как только вы уйдете из сената, разумеется.

- Что вы хотите этим сказать? - насторожился Доналдсон.

- Сколько лет вы заседаете в сенате? - задал вопрос Мур. - Тринадцать, верно? Сначала вас назначили на освободившуюся должность до конца срока деятельности вашего предшественника, если мне не изменяет память.

- Почему бы вам не поинтересоваться моим отношением к шантажу, - заметил сенатор.

- О каком шантаже вы можете говорить?! - Мур негодующе всплеснул руками. - Боже милостивый, директор Джейкобс уже сказал, что вы не нарушили закона, и я даю слово, что ЦРУ будет хранить молчание по поводу случившегося. А вот захочет ли или нет Министерство юстиции передать в суд дело мистера Хендерсона по обвинению в шпионаже - за это мы не ручаемся. Представьте себе заголовки в газетах: "ПОМОЩНИК СЕНАТОРА ДОНАЛДСОНА ОБВИНЯЕТСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ. САМ СЕНАТОР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕ ЗНАЛ О
ДЕЙСТВИЯХ СВОЕГО ПОМОЩНИКА".

- Сенатор, университет Коннектикута в течение нескольких лет предлагал вам пост профессора на факультете государственного права. Почему бы вам не воспользоваться этим предложением? - заметил Джейкобс.

- А если я не соглашусь, Хендерсон попадет в тюрьму. Вы хотите, чтобы это было на моей совести?

- Конечно, он не сможет продолжать работать с вами, и вам также надо иметь в виду, что увольнение мистера Хендерсона после столь длительный образцовой работы у вас в штате вызовет толки. Если же, с другой стороны, вы примете решение покинуть политику, не будет ничего удивительного в том, что ему не удастся занять аналогичную должность у другого сенатора. Тогда мы найдем ему хорошую работу в Центральном счетном управлении, где он по-прежнему будет иметь доступ к разного рода секретным документам. Вот только с этого момента, - заметил Риттер, - мы будем решать, какие из них он передаст русским.

- По обвинению в шпионаже срока давности не существует, - напомнил Джейкобс.

- Если Советы узнают об этом... - начал Доналдсон и замолчал. Какое ему до этого дело, правда? Какое ему дело до Хендерсона или до какого-то русского связного? Главное - сохранить репутацию и свести до минимума потери.

- Ваша взяла, судья.

- Не сомневался, что вы поймете нашу правоту. Я сообщу президенту. Спасибо, что согласились приехать, сенатор. Мистер Хендерсон немного опоздает на работу сегодня утром. Не стоит испытывать угрызений совести по этому поводу, сенатор. В случае безусловного повиновения через несколько лет мы сможем отпустить его. Такое случалось и раньше, но ему придется заслужить это право. Всего доброго, сэр.

Ни у кого из присутствующих не было сомнений в образцовом поведении Хендерсона, поскольку альтернативой было пожизненное заключение. Прослушав пленку с записью своего разговора в такси, он сделал полное признание в присутствии судебного стенографиста и перед телевизионной камерой.

Спасательное судно "Пиджен"

К счастью, перелет на "Пиджен" прошел без происшествий. На спасательном судне, состоящем из двух корпусов и внешне напоминающем огромный катамаран, на корме была оборудована вертолетная площадка. Вертолет Королевского флота завис над ней на высоте двух футов, позволив Райану и Уилльямзу спрыгнуть на палубу. Их немедленно отвели на мостик, а вертолет тут же полетел на северо-восток, домой, на "Инвинсибл".

- Добро пожаловать на борт, господа, - гостеприимно приветствовал их капитан "Пиджена". - Из Вашингтона передали, что о дальнейших действиях вы мне сообщите. Кофе?

- А чай у вас есть? - спросил Уилльямз.

- Постараемся отыскать.

- Давайте найдем место, где можно было бы поговорить наедине, - сказал Райан.

Ударная подлодка "Даллас"

Теперь и "Даллас" ознакомили с предстоящей операцией. Получив предупреждение по каналу СНЧ, Манкузо всплыл на несколько минут ночью на

антенную глубину. Ему пришлось лично, вручную, у себя в каюте расшифровать длинную шифрограмму, предваренную грифом "Только для командира". Манкузо не был силен в шифровальном деле и бился над ней целый час, передав Чеймберзу управление лодкой и преследование контакта. Матрос, проходивший мимо двери капитанской каюты, услышал, как оттуда донеслось приглушенное "Черт побери!". Когда Манкузо вышел в коридор, он не мог скрыть улыбки. Капитан не был силен и в карточной игре.

Спасательное судно "Пиджен"

"Пиджен" был одним из двух современных спасательных судов американского флота, предназначенных для скорейшего обнаружения затонувших атомных подлодок и спасения их команд. Он был оборудован по последнему слову техники, но главным на нем было глубоководное спасательное устройство, ГСУ, которое носило название "Мистик" и висело сейчас на кранах между двумя корпусами огромного катамарана. У "Пиджена" была также трехмерная акустическая аппаратура, действующая на малой мощности, главным образом как маяк. Спаса-, тельное судно крейсировало в нескольких милях к югу от "Скэмпа" и "Итана Аллена", описывая плавные круги. В двадцати милях к северу расположились два фрегата типа "перри", поддерживающие радиосвязь с тремя патрульными самолетами "Орион" и вместе с ними охраняющие район от нежелательных посетителей.

- "Пиджен", это "Даллас", проверка связи. Прием.

- "Даллас", это "Пиджен". Слышу вас хорошо, прием, - ответил капитан спасательного судна по кодированному радиоканалу.

- Посылка на месте. Конец связи.

- Капитан, офицер на авианосце "Инвинсибл" передал сообщение сигнальным прожектором. Вы можете обращаться с сигнальным прожектором? - спросил Райан.

- И принять участие в вашей операции? Думаете, откажусь? План был достаточно простым, хотя на первый взгляд мог показаться и несколько мудреным. Было ясно, что "Красный Октябрь" хочет перейти к американцам. Не исключалась даже возможность того, что вся команда попросит политического убежища, хотя это казалось маловероятным. Предстояло снять с ракетоносца всех, кто могли потребовать возвращения домой, затем сделать вид, что "Красный Октябрь" затоплен командиром с помощью тех мощных зарядов, которые, как известно, находятся на русских военных кораблях. Тем временем оставшиеся на ракетоносце члены команды направят свой корабль на северо-запад, в пролив Памлико, где и будут ждать, пока русский флот не вернется на свои базы, убедившись, что "Красный Октябрь" потоплен, о чем засвидетельствуют еще и спасенные с него моряки. План был достаточно надежным. Что могло помешать его осуществлению? Тысяча неожиданностей.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Рамиус смотрел в перископ. Единственным кораблем в поле его зрения был "Пиджен", хотя, судя по сигналам, принятым высокочастотной антенной, на севере за горизонтом находилась пара фрегатов с действующими

радиолокаторами, несущих охрану. Итак, таков план американцев. Рамиус смотрел на сигнальный прожектор, направленный прямо на него, и переводил мигающие сигналы с английского на русский.

Медицинский центр ВМС в Норфолке

- Спасибо, что пришли, док. - Офицер разведывательной службы занял кабинет заместителя администратора госпиталя. - Значит, ваш пациент проснулся.

- Да, час назад, - подтвердил Тейт. - Он был в сознании около двадцати минут. Сейчас снова спит.

- Это означает, что он выживет?

- То, что он пришел в сознание, является положительным симптомом. Вел он себя достаточно осмысленно, так что явных нарушений деятельности мозга незаметно. Я немного беспокоился по этому поводу, капитан. Думаю, сейчас вероятность выздоровления заметно возросла, хотя при гипотермии осложнения могут наступить совершенно неожиданно. Он по-прежнему в тяжелом состоянии, тут уж ничего не попишешь. - Тейт сделал паузу. - У меня вопрос, капитан: почему русские так недовольны?

- Откуда вы взяли?

- Это бросается в глаза. К тому же Джейми нашел врача, понимающего по-русски, среди персонала госпиталя и поручил ему лечение матроса.

- Почему вы не сказали мне об этом?

- Русские ничего не подозревают. Решение принято по медицинским соображениям, капитан. Для лечения больного полезно иметь при нем врача, способного говорить на его родном языке. - Тейт улыбнулся, довольный собой, потому что ему удалось придумать свою разведывательную операцию, при которой медицинская этика не противоречит правилам военно-морского флота. Он достал из кармана листок бумаги. - Как бы то ни было, имя пациента - Андрей Катышкин. Он действительно кок, живет в Ленинграде. Название его подлодки - "Политовский".

- Примите мои комплименты, доктор. - Офицер признал разумным замысел Тейта, хотя и не мог понять, почему дилетанты так чертовски умны в вопросах, которые их совершенно не касаются.

- Итак, почему русские так недовольны? - Ответа на вопрос Тейта не последовало. - И почему у вас нет своего человека рядом с пациентом? Вы ведь знали все это и без меня, правда? Знали, с какого корабля он спасся, и знали, почему затонула подлодка... Таким образом, если русским больше всего хотелось выяснить, с какого корабля спасся матрос, и теперь им не нравятся полученные новости - выходит, у них пропала еще одна подводная лодка?

Штаб-квартира ЦРУ

- Джеймс, немедленно зайди ко мне вместе с Бобом! - произнес Мур в трубку телефона.

- В чем дело, Артур? - спросил Грир через минуту.

- От Кардинала только что прибыло донесение. - Мур передал каждому из

своих заместителей по ксерокопии. - Насколько быстро можно сообщить об этом?

- На таком расстоянии? Придется воспользоваться вертолетом - выходит, не меньше двух часов. Действовать следует как можно быстрее. - В голосе Грира ощущалась тревога.

- Мы не можем подвергать Кардинала опасности - точка. Подготовьте текст сообщения, и пусть ВМС или ВВС передадут его из рук в руки. - Муру самому не нравилось это, но выбора не было.

- Для этого потребуется слишком много времени! - громко возразил Грир.

- Мне тоже нравится твой парень, Джеймс. Разговоры тут не помогут. Принимайтесь за дело.

Грир вышел из кабинета директора, ругаясь, как может только старый морской волк. Впрочем, им он и был.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Товарищи матросы, старшины и офицеры "Красного Октября". С вами говорит ваш командир. - Голос Рамиуса был подавленным. Паника, возникшая на ракетоносце несколько часов назад, едва не кончилась настоящим мятежом. - Мы не сумели отремонтировать двигатель. Наши аккумуляторные батареи разряжены. Мы слишком далеко от Кубы, чтобы рассчитывать на помощь, как не можем рассчитывать и на помощь Родины. Системы жизнеобеспечения могут проработать всего несколько часов. У нас нет другого выхода. Придется покинуть корабль.

Американский корабль оказался так близко от нас, предлагая то, что они называют помощью, совсем не случайно. Позвольте объяснить вам, товарищи, что произошло на самом деле. Вражеский агент совершил диверсию на нашем корабле, и каким-то образом американцам стало известно содержание наших приказов. Они ждали нас, товарищи, ждали нашего появления, надеясь захватить корабль в свои грязные лапы. Но это им не удастся! Команда будет снята с корабля, но наш славный "Красный Октябрь" американцам не достанется! Старшие офицеры вместе со мной останутся на корабле, и мы взорвем его. Глубина здесь пять тысяч метров. Наша подлодка не достанется врагу. Всей команде за исключением вахтенных собраться в кубриках. Это все. - Рамиус обвел взглядом присутствующих в центральном посту. - Мы проиграли, товарищи. Бугаев, передайте соответствующие радиограммы в Москву и на американский корабль. Затем опустимся на сто метров. Я не хочу, чтобы у противника появилась возможность захватить нашу лодку. Всю ответственность за этот позор я беру на себя. Запомните это, товарищи. Один я виновен в случившемся - и никто более.

Спасательное судно "Пиджен"

- Получен сигнал SOS, - доложил радист.

- Вам приходилось бывать на подводной лодке, Райан? - спросил Кук.

- Нет. Надеюсь, это не так опасно, как полеты на самолете. - Райан пытался шутить, но на самом деле это его страшно пугало.

- Ну что ж, размещайтесь в "Мистике".

Глубоководное спасательное устройство "Мистик"

ГСУ "Мистик" представляло собой всего лишь три металлические сферы, сваренные вместе, с гребным винтом позади. Мощная обшивка из толстых стальных листов, герметически закрывающая весь корпус, предохраняла его от давления воды. Первым через люк спустился Райан, за ним последовал Уилльямз. Они уселись в ожидании отправки. Команда ГСУ из трех человек уже работала.

"Мистик" был готов к погружению. По команде Кука лебедки "Пиджена" опустили его в воду между двумя корпусами катамарана, и он сразу начал погружаться. Электрические двигатели устройства работали почти бесшумно. Его акустическая система малой мощности тут же обнаружила русскую подлодку, находящуюся в полумиле, на глубине девяносто футов. Команде "Мистика" сообщили, что это простая спасательная операция. Все трое были профессионалами. Через десять минут "Мистик" завис над носовым спасательным люком русского ракетоносца.

Медленно вращающиеся винты осторожно подвели ГСУ к люку, и старшина убедился, что манжета сопряжения надежно закрепилась на выступе. Вода, оказавшаяся между манжетой и люком, устремилась в камеру низкого давления, откуда была выкачана насосами ГСУ. В результате между "Мистиком" и подлодкой образовалось герметичное соединение - ГСУ словно присосалось к ракетоносцу.

- Теперь ваша очередь. - Лейтенант показал Райану на люк в палубе среднего отсека.

- Пожалуй. - Райан опустился на колени рядом с люком и несколько раз постучал по нему кулаком. Ответа не последовало. Тогда он взял гаечный ключ и постучал им. Через мгновение послышались три ответных удара, и Райан повернул запорное колесо в центре люка. Подняв люк "Мистика", он увидел, что наружный люк подлодки уже открыт. Глубоко вздохнув, Райан начал спускаться по трапу, приваренному к стенке металлического цилиндра, окрашенного в белый цвет. За ним последовал Уилльямз. Спустившись вниз, Райан постучал по нижнему люку.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Люк тут же открылся.

- Господа, я капитан третьего ранга Райан, Военно-морской флот США. Мы приняли ваш SOS и пришли на помощь.

Офицер, с которым говорил Райан, был ниже его ростом и шире в плечах. Три звезды на погонах, множество нашивок на груди, по широкой золотой полосе на каждом рукаве кителя. Значит, это и есть Марк Рамиус...

- Вы говорите по-русски?

- Нет, сэр. Почему вы запросили о помощи?

- В нашей реакторной системе обнаружена серьезная утечка радиоактивного хладагента. Лодка заражена от центрального поста по направлению к корме. Необходимо спасти команду.

При словах "утечка радиоактивного хладагента" и "реакторная система" у Райана мороз пробежал по коже. Он вспомнил, как был уверен в правильности своих расчетов. Так легко рассуждать на суше, за девятьсот миль отсюда, в

удобном теплом кабинете, когда вокруг друзья - ну, если не друзья, то по крайней мере не враги.

Двадцать человек, собравшиеся в отсеке, смотрели на Райана с нескрываемой враждебностью.

- Боже! Нужно немедленно спасать людей. За один раз можно забрать двадцать пять человек, сэр.

- Не спешите, капитан Райан. Какой будет судьба моих подчиненных? - громко спросил Рамиус.

- С ними будут обращаться, как с гостями, разумеется. Если им понадобится медицинская помощь, она будет оказана. Их вернут в Советский Союз при первой возможности. Неужели вы думаете, что их отправят в тюрьму?

Рамиус что-то проворчал и, повернувшись к присутствующим отсеке, заговорил по-русски. Во время перелета с "Инвинсибла" Райан договорился с Уилльямзом сохранить в тайне то, что англичанин владеет русским языком. Лейтенант был в форме американского офицера, и оба считали, что русские не обратят внимания на различие в произношении.

- Доктор Петров, - произнес Рамиус, - с вами отправится первая группа из двадцати пяти человек. Не спускайте с них глаз! Не позволяйте американцам говорить с каждым по отдельности, и пусть они никуда не ходят по одиночке. Ведите себя корректно, но не более того.

- Понял, товарищ командир.

Райан наблюдал за тем, как Петров считал матросов, когда те пролезали в люк и поднимались по трапу. Затем Уилльямз задраил сначала люк "Мистика", а потом люк на спасательном отсеке "Красного Октября". Рамиус поручил мичману проверить их герметичность. Они услышали, как ГСУ отделилось от корпуса ракетоносца и начало всплывать.

Наступившая тишина была неловкой и продолжительной. Райан и Уилльямз стояли в одном углу отсека, Рамиус со своими людьми - напротив. Почему-то Райану пришли на память танцы в школьном зале, когда мальчики и девочки собирались отдельными группами, а в середине зала была нейтральная полоса. Когда один из русских офицеров достал сигарету, он решил нарушить молчание.

- Не дадите ли закурить, сэр?

Бородин щелкнул ногтем по пачке, и сигарета наполовину выскочила наружу. Райан взял ее, и Бородин чиркнул спичкой.

- Спасибо. Вообще-то я бросил курить, но под водой, на подлодке с неисправным реактором, курение вряд ли самое опасное занятие?

Вкус первой русской сигареты показался Райану отвратительным. От дыма черного грубого табака у него закружилась голова, и эта едкая вонь смешалась со спертым воздухом подлодки, где и без того стоял запах пота, машинного масла и капусты.

- Почему вы оказались здесь? - спросил Рамиус.

- Мы направлялись к побережью Виргинии, капитан. На прошлой неделе там затонула советская подлодка.

- Вот как? - Рамиусу понравилась легенда, придуманная американцами. - Советская подлодка?

- Да, капитан. Она относилась к тому типу ударных подлодок, который мы называем "альфа". Это все, что мне известно. Перед тем как лодка пошла ко

дну, с нее удалось спасти одного матроса, сейчас он в морском госпитале в Норфолке. Как вас зовут, сэр?

- Марк Александрович Рамиус.

- А меня - Джек Райан. А мой напарник - Оуэн Уилльямз. Они обменялись рукопожатиями.

- У вас есть семья, капитан Райан? - спросил Рамиус.

- Да, сэр. Жена, сын и дочь. А у вас, сэр?

- Нет, у меня нет семьи. - Он повернулся и обратился по-русски к младшему офицеру. - Возглавите следующую группу. Вы слышали, что я говорил врачу?

- Так точно, товарищ командир, - ответил молодой офицер. Послышалось жужжание моторов "Мистика". Через мгновение металлический щелчок возвестил о том, что ГСУ состыковалось со спасательным люком подлодки. Все заняло сорок минут, но казалось, что прошла целая неделя. Господи, а вдруг у них и впрямь авария реактора? - подумал Райан.

Ударная подлодка "Скэмп"

В двух милях от "Красного Октября" находились "Скэмп" с "Итаном Алленом". Подлодки вели переговоры по подводному телефону. Акустики "Скэмпа" заметили, что час назад поблизости прошли три подводные лодки. "Поги" и "Даллас" находились теперь между "Красным Октябрем" и двумя другими американскими подлодками. Их акустики напряженно прислушивались к подводным шумам, стараясь убедиться, что поблизости нет других кораблей. Район, где проходила операция, находился достаточно далеко от берега, так что движения каботажных судов и танкеров не было слышно, но это не исключало вероятности того, что здесь мог появиться корабль, следующий из другого порта.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Когда "Мистик" забрал третью группу моряков во главе с лейтенантом Свиядовым, кок, стоявший последним, объяснил, что ему нужно забрать свой кассетник, на покупку которого он копил деньги несколько месяцев, и ушел. Никто, включая Рамиуса, не заметил, что кок так и не вернулся. Члены команды, даже опытные мичманы, спешили покинуть ракетоносец. Оставалась последняя группа.

Спасательное судно "Пиджен"

Советских моряков, доставленных на "Пиджен", отвели в кают-компанию рядового состава. Американские матросы с любопытством смотрели на русских, но не вступали в разговор. На столах русские увидели кофе, бекон, яйца и тосты. Это обрадовало Петрова. Проще следить за матросами, которые с волчьим аппетитом набросились на еду. Через младшего офицера, исполнявшего роль переводчика, они передали, что не хватило бекона. Коки "Пиджена" получили указание давать русским столько пищи, сколько те попросят. Вот почему все были заняты в кают-компании, когда на судно совершил посадку вертолет,

доставивший с берега двадцать человек. Один из вновь прибывших тут же устремился на мостик.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Последняя группа, - пробормотал Райан, когда "Мистик" снова состыковался с подводной лодкой. На переброску предыдущей группы потребовался час. Когда люки открылись, из ГСУ по трапу спустился лейтенант.

- На этот раз придется подождать, господа. У нас разряжены батареи. Потребуется девяносто минут, чтобы снова зарядить их. Вы не возражаете?

- Сделаем так, как вы считаете нужным, - ответил Рамиус. Он перевел своим людям слова лейтенанта и поручил Иванову возглавить следующую группу. - Старшие офицеры останутся на "Красном Октябре". Нам нужно кое-что сделать. - Рамиус взял лейтенанта за руку. - В случае чего передайте в Москве, что мы исполнили свой долг.

- Слушаюсь, товарищ командир. - Лейтенант Иванов с трудом сдерживал рыдания.

Рамиус наблюдал за тем, как последняя группа русских моряков поднялась по трапу. Закрылся спасательный люк "Красного Октября", затем задраили люк на "Мистике". Через минуту послышался щелчок, и спасательная лодка начала подъем. Шум электромоторов стих вдали. Райан почувствовал, как смыкаются и давят на него зеленые переборки. Полеты на самолетах пугали Райана, но там по крайней мере не было опасности погибнуть от давления окружающего воздуха. А сейчас он находился под водой, на самой большой в мире субмарине, в трехстах милях от берега. И вместе с ним всего десять человек, знающих, как управлять лодкой.

- Капитан Райан, - торжественно произнес Рамиус, вытянувшись по стойке смирно, - мои офицеры и я просим политического убежища в Соединенных Штатах и передаем вам этот маленький подарок. - Рамиус обвел вокруг рукой.

Райан уже подготовил ответ.

- Капитан, от имени президента Соединенных Штатов я имею честь удовлетворить вашу просьбу. Добро пожаловать в свободный мир, господа.

Никто не знал, что система внутренней трансляции в отсеке включена. Лампочка, указывающая на ее включение, была вывернута несколько часов назад. В носовом отсеке кок прислушивался к разговору, говоря себе, что поступил правильно, приняв решение остаться на подводной лодке и сожалея, что оказался прав в своих подозрениях. Что делать дальше? - спросил он себя. Выполнить свой долг, конечно. Решение казалось достаточно простым, но не забыл ли он, как осуществить его?

- Не знаю, что и сказать вам, парни. - Райан пожал руки всем офицерам. - Вы сумели добиться своего. Подумать только, сумели добиться своего!

- Извините меня, капитан, - сказал Комаров. - Вы говорите по-русски?

- Мне очень жаль, но я не говорю по-русски - в отличие от лейтенанта Уилльямза. Предполагалось, что вместо меня сюда прибудет группа офицеров, владеющих русским языком, но прошлой ночью их вертолет упал в море и они погибли. - Уилльямз перевел слова Райана. Четверо русских офицеров не говорили по-английски.

- Что мы будем делать дальше?

- Через несколько минут в двух милях отсюда взорвется подводный ракетоносец. Это один из наших кораблей, старый, отслуживший свое. Полагаю, вы сказали своим людям, что собираетесь взорвать и затопить свою подлодку, - Господи, надеюсь, вы не поставили их в известность о своих подлинных намерениях?

- Чтобы на моем корабле разразились военные действия? - улыбнулся Рамиус. - Нет, капитан Райан. Так что делать дальше?

- Когда все убедятся, что "Красный Октябрь" действительно затонул, мы направимся на северо-запад к заливу Окракок и будем там ждать. Нас будут сопровождать подводные лодки "Поги" и "Даллас". Ваши офицеры смогут вести свой корабль?

- Мои офицеры способны управлять любым кораблем в мире! - произнес по-русски Рамиус. Присутствующие улыбнулись. - Значит, вы считаете, что моя команда, перевезенная на спасательное судно, не узнает, что случилось с нами?

- Совершенно верно. С "Пиджена" увидят подводный взрыв. Никто не заметит, что он произошел в другом месте. Не так ли? Вы ведь знаете, что ваш военно-морской флот послал сюда множество кораблей, которые сейчас занимаются поисками "Красного Октября". Когда они убедятся в вашей гибели и уйдут отсюда, мы примем решение, как сохранить сделанный вами подарок. Я не знаю, куда поставят ваш ракетоносец. Члены вашей команды будут, разумеется, гостями Америки. С ними захотят поговорить многие американцы. А пока можете не сомневаться, что с вами будут обращаться очень хорошо - лучше, пожалуй, чем вы ожидаете. - Райан был уверен, что каждого из офицеров, попросивших политического убежища, обеспечат деньгами на всю жизнь из фондов ЦРУ. Он промолчал об этом, опасаясь оскорбить людей, проявивших такое мужество. Райана удивляло, что люди, которые просят политического убежища, редко рассчитывают получить деньги и почти никогда не просят об этом.

- Как насчет политического перевоспитания? - спросил Комаров.

- Лейтенант, когда-нибудь вам объяснят, как живут в нашей стране, вот и все, - засмеялся Райан. - На это потребуется пара часов. Затем вы сразу приметесь объяснять нам, какие ошибки мы допускаем, - весь остальной мир занимается этим, почему бы вам не поступить так же? Но сейчас я не смогу сделать это. Мне не приходилось жить в несвободной стране, и потому я вряд ли сумею должным образом оценить все достоинства Америки. Поверьте на слово, вам понравится наша жизнь, может быть, даже больше, чем мне. А пока нам нужно заняться делом.

- Правильно, - согласился Рамиус. - За работу. Пойдемте, наши новые друзья, для вас тоже найдется занятие.

Рамиус провел Райана на корму через множество водонепроницаемых отсеков. Вскоре они оказались в ракетном отсеке - огромном помещении с двадцатью шестью зелеными трубами, проходящими через две палубы, одна над другой. Это и есть тот отсек, подумал Райан, ради которого создан ракетоносец, - здесь размещены двести с лишним термоядерных боеголовок. В отсеке царила зловещая тишина, полная мрачной угрозы, и Райан почувствовал, как у него встают волосы на затылке. Перед ним были не абстрактные книжные

построения, а сама реальность. Верхняя палуба, по которой они шли, была решетчатой, а нижняя, как было видно через отверстия в ней, сплошной. Миновав еще один отсек, они оказались в центральном посту. В лодке царило призрачное безмолвие; Райан начал понимать причину суеверия моряков.

- Садитесь сюда. - Рамиус показал Райану на кресло рулевого в левой части отсека. Перед креслом виднелся штурвал, похожий на штурвал пилота, и пульт с множеством приборов.

- Что я должен делать? - спросил Райан, опускаясь в кресло.

- Управлять кораблем, капитан. Неужели раньше вам не приходилось этого делать?

- Нет, сэр. Я впервые на подводной лодке.

- Но вы - морской офицер.

- Нет, капитан, - покачал головой Райан. - Я сотрудник ЦРУ. - ЦРУ? - Рамиус произнес это слово будто хотел сплюнуть.

- Я знаю, знаю. - Райан опустил голову на штурвал. - Нас считают темными силами. Капитан, перед вами та темная сила, которая, возможно, напустит в штаны, перед тем как закончится эта операция. Я - кабинетный ученый, и поверьте вот чему, если не верите ничему остальному, - сейчас мне больше всего хотелось бы оказаться дома с семьей и детьми. Если бы я хоть немного подумал раньше, то остался бы в Аннаполисе и писал книги.

- Книги? Что вы хотите этим сказать?

- Я историк, капитан. Несколько лет назад меня уговорили поступить на службу в ЦРУ в качестве аналитика. Вы понимаете смысл этой работы? Агенты присылают информацию, и я стараюсь понять, что она означает. Я вообще попал в это дерьмо по ошибке - можете мне не верить, но это правда. Короче говоря, я пишу книги по военно-морской истории.

- Как называются ваши книги? - спросил Рамиус с подозрением.

- "Возможности и решения", "Обреченные орлы", а моя новая книга "Сражающийся моряк" - , биография адмирала Хэлси - выходит в будущем году. Первая книга, которую я написал, касалась битвы в заливе Лейте. Насколько мне известно, рецензию на нее напечатали в "Морском сборнике". Там рассматривается процедура принятия тактических решений в боевых условиях. Несколько экземпляров этой книги находятся в библиотеке Академии Фрунзе.

- Да, я знаком с этой книгой, - сказал Рамиус после короткой паузы. - Читал отрывки из нее. Вы ошибаетесь, Райан. Хэлси действовал глупо.

- Вы быстро освоитесь в моей стране, капитан Рамиус, раз уже способны на литературную критику. Капитан Бородин, не дадите еще сигарету?

Бородин бросил ему полную пачку и спички. Райан закурил. Запах был отвратительным.

Глубоководное спасательное устройство "Авалон"

Четвертое возвращение "Мистика" было сигналом для начала действий "Скэмпа" и "Итана Аллена". Глубоководное спасательное устройство "Авалон" покинуло свое ложе на корпусе "Скэмпа" и проплыло несколько сотен ярдов до старого ракетоносца. Его командир уже собрал свою малочисленную команду в торпедном отсеке. По всей лодке был открыт каждый люк, лаз и смотровое

отверстие. К собравшимся подошел офицер. За ним тащился черный провод, присоединенный к каждой из бомб, находящихся на борту. Он подсоединил концы этого провода к таймеру. - Готово, капитан.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Райан наблюдал за тем, как Рамиус расставил своих офицеров. Большинство он отправил на корму, в машинное отделение. Будучи воспитанным человеком, Рамиус отдавал приказы на английском языке и затем повторял их по-русски для тех, кто не знали своего нового языка.

- Комаров и Уилльямз, отправляйтесь в носовые отсеки и задрайте все люки. - Рамиус объяснил свой приказ Райану. - Если что-нибудь случится - не случится, разумеется, но на всякий случай, - у нас недостаточно людей для того, чтобы провести ремонт. Поэтому мы герметизируем весь корабль.

Райану такое решение показалось разумным. Он поставил пустую чашку на основание штурвала, служившего в качестве импровизированной пепельницы. В центральном посту остались только он и Рамиус.

- Когда отправляемся? - спросил русский капитан.

- Как только вы будете готовы, сэр. Нам нужно прибыть в пролив Окракок во время прилива, примерно через восемь минут после полуночи. Успеем?

Рамиус посмотрел на карту.

- Вполне.

Комаров провел Уилльямза через радиорубку, расположенную перед центром управления. Они оставили открытой водонепроницаемую дверь и вошли в ракетный отсек. Здесь они поднялись по трапу и по нижней палубе прошли вперед к передней переборке ракетного отсека, затем еще через одну дверь в помещение склада, всякий раз проверяя люки. Недалеко от носа ракетоносца они поднялись еще по одному трапу в торпедный отсек, задраили за собой люк и направились в сторону кормы через хранилище торпед и матросские кубрики. Оба офицера чувствовали, как странно идти по кораблю, покинутому командой, и не спешили. Уилльямз смотрел по сторонам и задавал вопросы Комарову. Лейтенант с готовностью отвечал на родном языке. Оба офицера были опытными профессионалами, влюбленными в романтику своего дела. "Красный Октябрь" произвел потрясающее впечатление на Уилльямза, и он несколько раз сказал об этом. При строительстве ракетоносца огромное внимание обращали на мелкие детали. Палуба, например, была устлана плитками, люки - с уплотняющими резиновыми прокладками. Шагов идущих офицеров почти не было слышно. Одну за другой они проверили водонепроницаемость переборок. Было очевидно, что потрачено немало усилий, чтобы сделать субмарину почти бесшумной.

Уилльямз переводил на русский свою любимую морскую историю, когда они открыли люк, ведущий на верхнюю палубу ракетного отсека. Пройдя вслед за Комаровым, англичанин вспомнил, что яркое освещение в отсеке оставалось включенным. Разве нет?

Райан пытался расслабиться, обрести спокойствие, но не мог. Кресло было неудобным, и он вспомнил русский анекдот о том, как партия формирует нового советского человека - с помощью кресел в авиалайнерах, где ему приходится принимать самые невероятные позы. На корме, в машинном отделении, офицеры

запустили реактор. Рамиус говорил по телефону со своим старшим механиком как раз перед тем, как усилился шум хладагента, прокачиваемого насосами через реактор, и начал образовываться пар для турбогенераторов.

Внезапно Райан поднял голову. Ему показалось, что он почувствовал звук еще до того, как услышал его. По спине его пробежала струйка холодного пота, когда он понял, что это за звук.

- Что это? - автоматически спросил он, уже заранее зная ответ.

- Что именно? - Рамиус стоял ближе к корме, где теперь начали работать двигатели гусеницы. Странный грохот разносился по корпусу лодки.

- Я слышал выстрел - нет, несколько выстрелов. На лице Рамиуса появилась улыбка, и он сделал несколько шагов вперед.

- Это, скорее всего, шум моторов гусеницы, - сказал он. - Вы впервые оказались на подводной лодке, а первое плаванье всегда действует на нервы. Даже мне оно показалось трудным.

- Может быть, капитан, вы и правы, но уж отличить выстрел я как-нибудь сумею. - Райан встал, расстегнул пиджак и достал пистолет.

- Отдайте его мне! - Рамиус протянул руку. - Я не разрешаю носить оружие на моей подлодке.

- Где Уилльямз и Комаров? - заколебался Райан.

- Они запаздывают, но это большой корабль, - пожал плечами Рамиус.

- Я пройду вперед и проверю.

- Оставайтесь на своем посту! - приказал Рамиус. - Действуйте, как я сказал!

- Капитан, я только что слышал пистолетные выстрелы и собираюсь выяснить, что произошло. В вас когда-нибудь стреляли? В меня стреляли, и шрам на плече подтверждает это. Встаньте-ка лучше за штурвал, сэр.

Рамиус поднял телефонную трубку и нажал на кнопку. Он произнес несколько слов по-русски и положил трубку.

- Я пойду с вами и докажу, что на моей подлодке нет духов - или по-английски лучше сказать призраков, да? Никаких призраков. - Он показал на пистолет. - А вы действительно не шпион?

- Капитан, вы можете верить, во что хотите. Это - длинная история, и когда-нибудь я вам ее расскажу.

Райан ждал, когда кто-то придет на смену, - очевидно, Рамиус вызвал офицера, способного встать за штурвал. От грохота туннельного движителя казалось, что они находятся внутри барабана.

В центральный пост вошел офицер, фамилии которого Райан не помнил. Рамиус сказал что-то, и офицер засмеялся, но тут же замолчал, увидев в руке Райана пистолет. Судя по всему, русским это не нравилось.

- Если позволите, капитан? - Райан сделал жест в сторону носового отсека, - Идите, Райан.

Водонепроницаемая дверь между центральным постом и следующим отсеком была открыта. Райан, осторожно озираясь, вошел в радиорубку. Никого. Он прошел вперед к двери, ведущей в ракетный отсек. Она была задраена. Дверь размером четыре фута на два намертво задраивалась с помощью запорного колеса, расположенного в центре. Райан одной рукой повернул колесо. Оно было хорошо смазано. Хорошо смазанными оказались и петли. Он медленно открыл

дверь и заглянул в ракетный отсек.

- Проклятье! - пробормотал Райан и сделал знак, подзывая к себе капитана. Ракетный отсек протянулся на добрых двести футов и был освещен только несколькими тусклыми лампами. Разве он не был залит светом совсем недавно? В конце отсека, у дальнего люка, мелькнул яркий свет, и Райан увидел две неподвижные фигуры, распростертые на решетчатой палубе. Яркий свет переместился к ракетной шахте.

- Значит, призраки, капитан? - прошептал он.

- Это Комаров. - Рамиус пробормотал что-то еще по-русски.

Райан оттянул затвор пистолета, чтобы убедиться, что патрон в стволе. Затем он сбросил ботинки.

- Будет лучше, если вы предоставите это мне, капитан. Я был когда-то лейтенантом морской пехоты. - А моя подготовка в Куантико не помощник мне в таком деле, подумал он, и вошел в ракетный отсек.

Помещение, где размещались баллистические ракеты, занимало почти треть длины субмарины и было высотой в две палубы, нижняя из сплошных металлических листов, верхняя - из металлических решеток. На американских ракетоносцах это помещение называли "Шервудским лесом". Меткое название: ракетные шахты добрых девяти футов диаметром, окрашенцые в темно-зеленый цвет, напоминали стволы огромных деревьев. Райан закрыл за собой дверь и сделал шаг вправо.

Ему казалось, что свет исходит от самой дальней шахты на правом борту верхней палубы. Райан прислушался. Там что-то происходило. Он слышал тихие шуршащие звуки, а пятно света перемещалось, словно кто-то держал в руке переносную лампу. Звук распространялся вдоль гладкой поверхности внутренней обшивки корпуса.

Но почему я? - мысленно спросил себя Райан. Ему придется пройти мимо тринадцати ракетных шахт, чтобы добраться до источника света, пересечь больше двухсот футов открытой палубы.

Он обошел первую пусковую установку, держа пистолет в правой руке на уровне поясницы, левой касаясь гладкой поверхности шахты. Его ладонь, сжимающая рубчатую рукоятку пистолета, уже стала мокрой от пота. Потому-то их и делают рубчатыми, напомнил себе Райан. Теперь он стоял между первой и второй пусковыми установками, глядя влево, чтобы убедиться, что там никого нет, и готовясь идти дальше. Нужно обогнуть еще двенадцать.

Палубная решетка была сварена из стальных двухсантиметровых прутьев. Ступни ног уже болели от ходьбы по ним. Медленно и осторожно обходя вторую шахту, он чувствовал себя словно астронавт, облетающий Луну и постоянно стремящийся к горизонту. Правда, на Луне никто не подстерегает тебя с пистолетом в руке, чтобы подстрелить.

Рука опустилась ему на плечо. Райан вздрогнул и резко обернулся. Рамиус. Он хотел сказать что-то, но Райан прижал кончики своих пальцев к губам капитана и отрицательно покачал головой. Сердце Райана билось так громко, что могло передавать телеграфные сигналы по азбуке Морзе, и он отчетливо слышал собственное дыхание - тогда почему, черт возьми, он не услышал шагов Рамиуса?

Райан жестом показал, что собирается обходить каждое пусковое

устройство со стороны борта. Рамиус дал понять, что будет делать то же с внутренней стороны корабля. Райан кивнул. Он застегнул пиджак и поднял воротник, чтобы быть менее заметной целью, - уж лучше быть темной фигурой, чем фигурой с белым треугольником на груди. Теперь следующая шахта.

Райан заметил, что на поверхности кожухов что-то написано, а некоторые слова выдавлены на металле. Буквы выведены кириллицей, и слова значат, наверно, что-нибудь вроде "Не курить" или "Да здравствует Ленин", а может, и что-нибудь еще более бесполезное. Райан все видел и слышал с поразительной четкостью, словно его органы чувств зачистили тонкой шкуркой, придав им фантастическую остроту восприятия. Он обогнул следующую шахту, нервно перебирая пальцами рукоятку пистолета, жалея, что не может смахнуть пот, заливающий глаза. Здесь тоже пусто; на левом борту никого. Теперь дальше...

Потребовалось пять минут, чтобы пройти половину ракетного отсека; теперь он находился между шестым и седьмым пусковыми устройствами. Шум из дальней части помещения слышался более отчетливо, и свет несомненно двигался. Не слишком заметно, но тень от пусковой шахты номер один слегка смещалась. Должно быть, переносная рабочая лампа, подключенная к настенной розетке или как там это называют на корабле. Чем он занимается? Работает с ракетой? Может быть, он там не один? Почему Рамиус не считал матросов во время погрузки на ГСУ?

А почему сам Райан не сделал этого? Он выругался про себя. Еще шесть пусковых устройств.

Огибая следующую шахту, он жестом показал Рамиусу, что, по его мнению, в дальней части отсека всего один человек. Рамиус коротко кивнул, уже поняв это. Только сейчас он заметил что Райан идет босиком и решил тоже последовать его примеру. Капитан остановился, поднял левую ногу и попытался снять ботинок. Затекшие пальцы никак не могли справиться со шнурком, и ботинок со стуком упал на плохо закрепленную решетку. В этот момент Райан, выйдя из-за кожуха, оказался на открытом пространстве. Он замер. Свет на дальнем конце отсека дернулся и замер. Райан бросился влево и выглянул из-за шахты. Впереди еще пять. Вдруг он увидел за ними вспышку, которая осветила часть лица. Сообразив, что это выстрел, Райан пригнулся. Пуля угодила в шпангоут и рикошетом отлетела от него. Райан спрятался за кожух ракетной шахты.

- Я перейду на другую сторону, - прошептал Рамиус.

- Подождите. - Райан схватил Рамиуса за локоть и, держа перед собой пистолет, выглянул из-за шахты справа. Он снова увидел лицо, и на этот раз выстрелил первым, зная, что промахнется. В то же самое мгновение он толкнул Рамиуса влево. Капитан перебежал на другую сторону ракетного отсека и укрылся за ракетной шахтой.

- Ты у нас в руках, - громко сказал Райан.

- Меня никто не возьмет. - Это был голос молодого человека, очень молодого и очень перепуганного.

- Чем ты там занимаешься? - спросил Райан.

- А ты как думаешь, янки? - На этот раз насмешка попала в цель.

Собирается, по-видимому, взорвать боеголовку, решил Райан. Только этого не хватало.

- Тогда и ты погибнешь, - сказал Райан. Разве полицейские не пытаются убедить загнанных в тупик преступников? - подумал он. Однажды нью-йоркский полицейский сказал по телевидению:

"Мы стараемся утомить их до смерти". Но то были преступники. А с кем он имеет дело сейчас? С матросом, оставшимся на лодке? С одним из офицеров, который передумал и решил, что судьба перебежчика его не устраивает? Агентом КГБ? Или агентом ГРУ, скрывавшимся под маской члена команды?

- Надо будет - умру, - согласился голос. Свет двигался. Чем бы он не занимался, он пытался продолжить свое дело.

Обогнув шахту, Райан сделал два выстрела. - Теперь осталось четыре пусковых устройства. Его пули бесцельно отскакивали от передней переборки. Если только рикошетом... Нет, это маловероятно. Райан посмотрел налево и увидел, что Рамиус по-прежнему находится рядом, скрываясь за ракетной шахтой на левом борту. Он безоружен. Почему не взял с собой пистолет?

Райан сделал глубокий вдох и рванулся к следующей шахте. Противник ждал этого. Райан бросился на палубу, и пуля пролетела над ним.

- Кто ты? - спросил Райан, вставая на колени и опираясь на кожух пускового устройства, чтобы перевести дыхание.

- Советский патриот! А вы - враги моей страны, и вам не достанется этот корабль!

Он слишком много разговаривает, подумал Райан. Может, это к лучшему.

- Как тебя зовут?

- Не имеет значения.

- У тебя есть семья? - спросил Райан.

- Мной будут гордиться родители.

Агент ГРУ. Райан не сомневался в этом. Не замполит. Слишком хорошо говорит по-английски. Наверно, это матрос, задача которого в случае необходимости заменить замполита. Итак, Райан столкнулся с хорошо подготовленным оперативником. Прекрасно. Опытный оперативник и, как сказал он сам, патриот. Не фанатик, всего лишь человек, исполняющий свой долг. Он перепуган, но выполнит свою задачу. И взорвет весь этот долбаный корабль - вместе со мной.

Все-таки Райан знал, что у него есть преимущество. Противнику нужно закончить дело, тогда как от Райана требуется лишь одно - остановить его или помешать. Он подошел к правому краю пускового устройства и выглянул из-за него. Дальний конец отсека был освещен - еще одно преимущество. Райан видел агента лучше, чем он мог видеть Райана.

- Зачем тебе умирать, дружище? Брось пистолет на палубу... - И что с этим русским будет потом? - подумалось Райану. Проведет жизнь в федеральной тюрьме? Скорее, просто исчезнет. Москва не должна узнать, что мы захватили их ракетоносец.

- Бросить пистолет, чтобы ЦРУ было легче убить меня? - послышался насмешливый, но дрожащий голос. - Не считай меня дураком! Если мне суждено умереть, то хотя бы с пользой для родины, дружище!

И тут свет погас. Надолго ли? - подумал Райан. А вдруг это означает, что он закончил свою работу и через мгновение будет уже поздно. Или, может быть, парень понял свое уязвимое положение. Оперативник или нет, перед

Райаном был мальчишка, испуганный парень, который также боится потерять все, как и он сам. Черта с два, решил Райан, у меня есть что терять - жена, дети, и если я не прикончу его как можно быстрей, то никогда их не увижу.

Счастливого Рождества, дети, вашего папочку только что разорвало на куски. Вы уж извините, тела не осталось, так что хоронить нечего, но видите ли... Райану захотелось произнести короткую молитву - только ради чего? Молиться, чтобы Господь помог ему убить другого человека? Видишь ли, Господи...

- Вы еще здесь, капитан? - спросил он.

- Да.

Райан задал вопрос намеренно, в надежде, что присутствие Рамиуса заставит агента ГРУ призадуматься и укрыться подальше, за шахтой слева. Он пригнулся и стремительно обежал очередное пусковое устройство. Осталось еще три шахты. Рамиус последовал его примеру по левому борту. Грохнул выстрел. Но пуля миновала капитана, Райан видел это.

Нужно остановиться и передохнуть. Голова кружилась от избытка кислорода. Но сейчас не время. Ведь он был лейтенантом морской пехоты - целых три месяца, до того как разбился вертолет. Он должен знать, как действовать дальше. Но куда легче вести в бой сорок солдат с автоматами, чем сражаться в одиночку.

Думай!

- Может быть, нам удастся договориться, - предложил Райан.

- Да, давай решим, какое ухо прострелить первым.

- Тебе понравится жизнь в Америке.

- А как насчет моих родителей, янки, что будет с ними?

- Может быть, нам удастся вывезти их из России, - сказал Райан из-за правого края шахты, двигаясь влево и ожидая ответа. Затем снова побежал вперед. Теперь всего две ракетные шахты разделяли их. Приятель из ГРУ, подумал Райан, пытается, наверно, замкнуть провода в боеголовках и превратить в плазму половину кубической мили океана.

- Давай умрем вместе, янки. Между нами всего одно пусковое устройство.

Райан принял решение. Он не помнил, сколько сделал выстрелов, но в обойме тринадцать патронов. Этого хватит. Запасная обойма не понадобится. Можно швырнуть ее в одну сторону, отвлечь этим внимание матроса и броситься в другую. Сработает ли такой маневр? Черт побери! В кино это срабатывало. А уж бездействие точно ничем не поможет.

Райан взял пистолет в левую руку, а правой достал запасную обойму из кармана пиджака и зажал в зубах, чтобы переложить пистолет назад в правую. Жалкий бандитский трюк... Он взял обойму в левую руку. О'кей. Нужно бросить обойму вправо и бежать влево. Получится или нет? Это неважно, у него не осталось времени.

В Куантико его учили читать карты, знакомиться с местностью, вызывать воздушную и артиллерийскую поддержку, умело командовать взводами и огневыми группами - а сейчас он оказался внутри проклятого стального цилиндра в девяноста ярдах под водой, стреляя из пистолета в отсеке, где размещалось двести термоядерных боеголовок!

Пора что-то предпринять. Он знал, что ему предстоит, но Рамиус опередил

его. Уголком глаза Райан увидел фигуру капитана, мотнувшегося к дальней переборке. Добежав до нее, Рамиус включил свет, и тут же матрос выстрелил в него. Райан швырнул обойму вправо и тоже бросился вперед. Противник повернулся в сторону шума, приняв действия офицеров за согласованный маневр.

Пробегая между двумя последними шахтами, Райан увидел, как упал Рамиус, и бросился на палубу рядом с пусковым устройством номер один. Он упал на левый бок, не обращая внимания на резкую боль, и прицелился. Агент уже поворачивался к нему, когда Райан выстрелил - шесть раз подряд. Грохот выстрелов заглушил его крик. Две пули попали в цель. Агента отбросило назад и полуразвернуло. Пистолет выпал из его руки, и он безжизненно рухнул на палубу.

Райана била дрожь, он не смог даже сразу встать. Все еще не опуская пистолета и тяжело дыша, он чувствовал, что сердце словно вырывается из груди. Стараясь сглотнуть пересохшим ртом, он медленно встал на колени. Агент был еще жив. Хрипло дыша, он лежал на спине. Райану пришлось опереться на руку, чтобы встать.

Две пули попали агенту в грудь, одна высоко в левую ключицу, другая ниже, туда, где находятся печень и селезенка. Из нижней раны текла кровь, и парень прижал к ней руки. Ему было чуть больше двадцати. Синие глаза парня уставились в потолок. Он пытался что-то сказать, но изо рта, искаженного болью, доносилось неразборчивое бормотание.

- Капитан, - позвал Райан. - Что с вами?

- Ранен, но не смертельно, Райан. Кто это?

Синие глаза умирающего матроса смотрели на Райана. Гримаса боли исчезла с его лица, сменившись чем-то другим.., печалью, бесконечной грустью. Он все еще пытался сказать что-то. Розовая пена появилась на губах. Прострелено легкое. Райан подошел ближе, пинком отбросил пистолет в сторону и опустился на колени рядом с умирающим.

- Мы ведь могли договориться, - негромко произнес он. Парень все еще что-то бормотал... Проклинал ли, взывал ли к матери, лепетал какие-то лозунги? Этого он, Райан, никогда не узнает. Глаза парня в последний раз расширились от невыносимой боли. Хриплый вдох через пену, покрывающую губы, - и руки, прижатые к животу, разжались. Райан проверил пульс на шее. Все.

- Мне очень жаль. - Райан протянул руку и закрыл глаза своей жертвы. Ему действительно было очень жаль - но почему? Внезапно он почувствовал, что лицо покрылось капельками пота и силы, которые двигали им при перестрелке, покинули его. Поднялась тошнота. - Боже, мне так... - Он опустился на четвереньки, и приступ рвоты сотряс его тело. Желудок неудержимо извергал содержимое, которое через решетки стекало вниз, на нижнюю палубу. Позывы не прекратились даже после того, как желудок опустел. Ему пришлось несколько раз сплюнуть, чтобы избавиться от мерзкого ощущения во рту. Превозмогая себя, Райан встал.

У него кружилась голова от напряжения последних минут и доброй кварты адреналина, попавшей в его кровеносную систему. Он тряхнул головой, глядя на мертвое тело у своих ног. Пора возвращаться в реальный мир.

Рамиус был ранен в бедро. Кровотечение не прекращалось. Он зажимал рану обеими руками, сквозь пальцы сочилась кровь, но рана не казалась опасной.

Если бы пуля попала в бедренную артерию, капитан уже истек бы кровью.

Лейтенанта Уилльямза ранило в голову и грудь. Он был без сознания, но дышал. Пуля, попавшая в голову, лишь скользнула по черепу, зато из раны в груди, рядом с сердцем, при каждом вдохе слышался хрип. Комарову повезло меньше. В него попала только одна пуля, зато прямо в лоб, чуть выше переносицы, и начисто снесла затылок, превратив его в кровавое месиво.

- Господи, почему никто не пришел на помощь! - воскликнул Райан, только сейчас подумав об этом.

- Люки в переборках задраены. Нажмите на - как вы называете это? - Райан посмотрел, куда указывал палец капитана. Он имел в виду систему внутренней связи.

- На какую кнопку нажать? - спросил он. Капитан поднял два пальца. - Центральный пост, это Райан. Нужна помощь, ваш командир ранен.

Из динамика донесся поток русских слов. Вмешался Рамиус, громким голосом он прервал говорящего. Райан посмотрел на шахту пускового устройства. Агент действительно пользовался переносным фонарем, в точности похожим на американский - лампа в металлическом цоколе, от которого протянулся провод, подключенный к розетке. Дверца кожуха была открыта. За ней виднелся люк поменьше, ведущий, очевидно, внутрь самой ракеты. Он тоже был открыт.

- Что он собирался сделать - взорвать боеголовки?

- Это невозможно, - ответил Рамиус, терпеливо перенося боль. - Боеголовки ракеты - мы называем это специальной защитой - не могут взорваться до запуска.

- Тогда что же он делал? - Райан подошел к шахте. На палубе лежал предмет, напоминающий резиновую камеру. - Что это? - Райан подкинул предмет в руке. Он был изготовлен из резины или прорезиненной ткани с металлическим или пластиковым каркасом внутри, металлическим патрубком в углу и мундштуком.

- Он делал что-то с ракетой, но заранее приготовил спасательную маску, чтобы вовремя уйти с подлодки, - понял Райан. - Господи, таймер! - Он наклонился, поднял переноску, включил ее и направил луч света в открытый люк ракеты. - Капитан, что там внутри?

- Это система наведения на цель. В ней компьютер, дающий команды, куда лететь ракете. Смотровой люк, - дыхание Рамиуса становилось все более тяжелым, - предназначен для офицера.

Райан заглянул внутрь ракеты. Там он увидел множество разноцветных проводов и монтажных плат, соединенных между собой совершенно непонятным для него образом. Райан раздвинул провода, ожидая увидеть там часовой механизм с динамитными шашками, присоединенными к нему, и ничего не обнаружил.

Как теперь поступить? Агент явно что-то готовил - но что именно? Успел ли он закончить работу? Этого Райан не знал. С одной стороны, он понимал, что должен предпринять что-то, но с другой - сознание подсказывало, что безумие копаться в этой массе электронных плат и бесчисленных проводов.

Он стиснул в зубах покрытую резиной ручку переноски, сунул обе руки внутрь ракеты, ухватил два пучка проводов и дернул их изо всех сил. Оборвались лишь немногие. Тогда Райан обеими руками уцепился за один из

пучков. Новый рывок - и у него в руках оказалась связка разноцветных пластиковых спагетти. Теперь пришла очередь второго пучка. Дернув за него, он почувствовал удар тока. Целую минуту, показавшуюся ему вечностью, Райан ждал взрыва. Однако его не последовало. Но внутри оставалось еще немало проводов. Он снова принялся за дело и поспешно вырвал все провода вместе с дюжиной небольших монтажных плат. И тут стал лупить переноской по всему, что могло разбиться, до тех пор, пока отсек не стал похож на ящик с игрушками сына - кучу бесполезных обломков.

Послышались шаги бегущих людей. Первым подбежал Бородин. Рамиус молча показал на Райана и мертвого агента.

- Судец? - недоуменно произнес Бородин. - Но это Судец. - Он посмотрел на Райана. - Кок.

Райан поднял с палубы пистолет агента.

- А это его поваренная книга, - сказал он. - Думаю, ваш кок был агентом ГРУ. Он пытался взорвать подлодку. Капитан Рамиус, может быть, стоит запустить эту ракету - понимаете, избавиться от проклятой штуки, а?

- По-моему, разумная мысль. - Рамиус говорил хриплым шепотом. - Сначала закройте смотровой люк, а затем мы.., мы можем запустить ее из центрального поста.

Райан смахнул рукой обрывки проводов и осколки плат со смотрового люка, и крышка аккуратно встала на место. Труднее оказалось справиться с дверцей кожуха пускового устройства. Она была рассчитана на высокое давление и снабжена двумя пружинными замками. Пришлось не раз хлопнуть ею, пока она защелкнулась.

Бородин с одним из офицеров несли Уилльямза в сторону кормы. Кто-то уже успел наложить жгут на ногу Рамиуса, и кровотечение прекратилось. Райан помог ему встать и повел к выходу. Рамиус скрипел зубами всякий раз, когда ступал на левую ногу.

- Вы зря пошли на риск, капитан, - заметил Райан.

- Это мой корабль - и мне не нравится темнота. Во всем виноват я сам. Нужно было считать людей, покидающих подлодку. Они подошли к водонепроницаемой двери.

- Я пройду первым. - Райан переступил через комингс и помог Рамиусу выйти из ракетного отсека. Жгут, сделанный из ремня, ослаб, и кровотечение возобновилось.

- Закройте дверь и задрайте ее, - скомандовал капитан. Дверь легко закрылась. Райан повернул запорное колесо на три оборота и снова подхватил капитана. Еще двадцать футов - и они оказались в центральном посту. Лицо лейтенанта, сидящего в кресле за штурвалом, было пепельным.

Райан усадил капитана в кресло по левому борту.

- У вас есть нож, сэр? - спросил он. Рамиус достал из кармана складной нож и что-то еще. Оба предмета он передал Райану.

- Вот, возьмите. Это ключ запуска баллистических ракет. Без него их нельзя запустить. Держите его у себя. - Он попытался засмеяться. Ведь это был ключ, который он снял с Путина.

Райан повесил ключ себе на шею, открыл нож и разрезал брючину на ноге капитана снизу доверху. Пуля навылет пробила мягкую часть бедра. Он достал

из кармана чистый носовой платок и прижал его к входной ране. Рамиус протянул ему свой платок, и Райан прижал его к выходной ране, которая имела полдюйма в диаметре, после чего как можно туже стянул поверх платков ремень.

- Жена вряд ли оценила бы мое искусство, но пока придется довольствоваться этим.

- Ваша жена? - спросил Рамиус.

- Она врач, точнее, глазной хирург. Когда меня ранили, она сделала мне точно такую же перевязку.

Кожа на ноге Рамиуса ниже места ранения начала бледнеть. Райан слишком туго затянул ремень, но решил пока не ослаблять его.

- А теперь займемся пуском ракеты, - сказал он. Рамиус отдал приказ лейтенанту у штурвала, и тот передал его по системе корабельной связи. Через две минуты в центральный пост вошли три офицера. Скорость "Красного Октября" уменьшили до пяти узлов, на что потребовалось несколько минут. Райан беспокоился о ракете и о том, удалось ли ему обезвредить взрывное устройство, установленное агентом. Каждый из вновь прибывших офицеров снял с шеи по ключу. Рамиус сделал то же самое, передав свой ключ Райану. Затем капитан показал на левый борт отсека.

- Пульт запуска ракет, - сказал он.

Райан мог бы и сам догадаться об этом. Вдоль левого борта были установлены пять панелей с двадцатью шестью лампочками, расположенными в три ряда, и под каждой - отверстие для ключа.

- Вставьте свой ключ в отверстие номер один, Райан, - приказал Рамиус. Райан вставил. Остальные офицеры сделали то же самое. Загорелся красный свет, и раздался гудок.

Пульт офицера-ракетчика был самым сложным. Он щелкнул переключателем, и ракетная шахта наполнилась водой, затем он открыл ее люк. Красные лампочки на панели замигали.

- Поверните свой ключ, Райан, - скомандовал Рамиус.

- Это пуск ракеты? - спросил Райан. Боже мой, подумал он, что если произойдет взрыв?

- Нет. Для этого офицер-ракетчик должен привести в боевую готовность боеголовки. Этот ключ взрывает вышибной газовый заряд.

Можно ли верить ему? Может, Рамиус и честный человек, но почему он, Райан, должен верить, что он говорит правду?

- Пуск! - прозвучала команда Рамиуса. Райан повернул свой ключ одновременно с остальными офицерами. Над красной лампочкой замигала желтая. Третья лампочка, под зеленым стеклом, не загорелась.

Корпус "Красного Октября" содрогнулся, когда газовый заряд выбросил вверх ракету СС-Н-20, которая значилась под первым номером. Звук походил на включение воздушного тормоза у грузовика. Три офицера выдернули свои ключи. И тут же офицер-ракетчик закрыл крышку люка.

Ударная подлодка "Даллас"

- Что это? - спросил Джоунз. - Мостик, это гидропост. Цель только что затопила шахту - ракетную шахту! Боже мой! - Уже по собственной инициативе

Джоунз включил гидролокатор и начал посылать активные импульсы в сторону русского ракетоносца.

- Что ты делаешь, черт возьми? - негодующе потребовал ответа Томпсон.

Через секунду пришел Манкузо.

- Что здесь происходит? - рявкнул он. Джоунз показал на свой дисплей.

- Он только что запустил ракету, сэр. Посмотрите, капитан, видны две цели. Но одна всего лишь зависла, ракетный двигатель не включился. Господи!

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Вдруг она всплывет? - подумал Райан.

Нет. Газовый заряд выбросил ракету "морской ястреб" вверх по правому борту. Она остановилась в пятидесяти футах над палубой ракетоносца, и "Красный Октябрь" проплыл под нею. Смотровой люк, закрытый Райаном, не обеспечил полной герметичности. Вода заполнила отсек системы наведения и оттуда проникла в отсек с боеголовками. Ракета и без того имела значительную отрицательную плавучесть, а добавившаяся в носовые отсеки масса воды перевернула ее. Дифферент на нос заставил ракету описать эксцентрическую кривую, и она начала тонуть, двигаясь по спирали подобно тому, как падают семена клена. На глубине трех тысяч футов давление воды прорвало сопла ракеты, и "морской ястреб", в остальном неповрежденный, опустился на дно.

Ударная подлодка "Итан Аллен"

Единственное, что продолжало функционировать на старом ракетоносце, это таймер. Он был установлен на тридцать минут, что давало команде время перейти на борт "Скэмпа", удаляющегося сейчас от места предстоящего взрыва со скоростью десять узлов. Реактор был полностью заглушен и совершенно остыл. Продолжало гореть всего несколько лампочек от крошечного запаса энергии, все еще остававшейся в аккумуляторных батареях. Утаймера было три детонаторных контура, дублирующих один другой в случае выхода из строя, и все три сработали практически одновременно, в пределах миллисекунды, послав команду по проводам.

На "Итане Аллене" были установлены четыре бомбы "Pave pat blue". Это были бомбы типа "ВТВ" - взрывчатка "топливо-воздух". Ее взрывная мощность примерно в пять раз превышала мощность обыкновенной химической взрывчатки. На каждой из бомб было два выпускных газовых клапана, и только один не сработал. Когда они открылись, пропан, находившийся под высоким давлением внутри шарообразных корпусов, стремительно вырвался наружу. Через мгновение атмосферное давление внутри старой подлодки увеличилось втрое, поскольку все ее отсеки наполнились взрывоопасной смесью воздуха и пропана. Четыре бомбы наполнили лодку газообразной взрывчаткой, которая равномерно распределилась по всему корпусу и была эквивалентной по своей мощности двадцати пяти тоннам тротила.

Детонаторы сработали почти одновременно, и результаты взрыва были катастрофическими: мощный стальной корпус ракетоносца лопнул, словно воздушный шарик. Единственным предметом, не уничтоженным полностью, оказался

реактор, который вывалился из обломков "Итана Аллена" и быстро опустился на дно океана. Сам корпус разнесло на десяток частей, которым сила взрыва придала сюрреалистические формы. Оборудование, находившееся внутри, образовало облако металлических обломков внутри раздробленного корпуса, и все это стало опускаться вниз, к океанскому дну, рассеявшись за время погружения на трехмильную глубину по огромной площади.

Ударная подлодка "Даллас"

- Боже милосердный! - Джоунз сорвал наушники и широко зевнул, чтобы спасти уши. Автоматические реле, вмонтированные в акустическую систему, защитили их от всей силы взрыва, но и того, что ударило по барабанным перепонкам, было достаточно, чтобы ему показалось, будто на голову обрушился сокрушительный удар молота. Взрыв услышали и почувствовали по всей лодке.

- Внимание команды, говорит капитан. То, что вы услышали, не должно вызывать у вас беспокойства. Это все.

- Господи, шкипер! - произнес Манньон.

- Совершенно верно. Давайте продолжим слежение за контактом.

- Слушаюсь, капитан. - Манньон недоумевающе посмотрел на командира.

Белый дом

- Вам удалось вовремя сообщить ему об этом? - спросил президент.

- Нет, сэр. - Мур опустился в кресло. - Вертолет опоздал на несколько минут. Может быть, нам не о чем беспокоиться - ведь у капитана должно хватить здравого смысла пересчитать всех членов команды, которых он отправит наверх, за исключением участников заговора. Разумеется, мы обеспокоены, но не в силах что-либо предпринять.

- Я сам попросил его взяться за эту операцию, судья. Сам. Добро пожаловать в реальный мир, господин президент, подумал Мур. Главе исполнительной власти повезло - ему никогда не приходилось посылать людей на смерть. Мур задумался над тем, как просто размышлять об этом заранее и насколько труднее привыкнуть к уже случившемуся. В качестве судьи апелляционного суда он не раз утверждал смертные приговоры, и это тоже было непросто - даже в тех случаях, когда приговоренные полностью заслуживали такой кары.

- Ну что ж, придется подождать. Скоро узнаем, как развивались события, господин президент. Источник полученных нами сведений важнее любой операции.

- Хорошо. Что с сенатором Доналдсоном?

- Он согласился с нашим предложением. Этот аспект операции прошел очень удачно.

- Вы действительно рассчитываете, что русские поверят в это? - спросил доктор Пелт.

- Мы оставили весьма аппетитную приманку и время от времени будем дергать за леску, чтобы привлечь их внимание. Через пару дней увидим, проявят ли они интерес к ней. Хендерсон был одним из их лучших агентов - его кодовая кличка Кассий, - и их реакция позволит нам заключить, какую именно

дезинформацию передавать через него. Он может оказаться весьма полезным, но за ним понадобится глаз да глаз. Наши коллеги из КГБ с двойными агентами расправляются не задумываясь.

- Не следует отпускать его, пока он не заслужит этого, - холодно заметил президент.

- О, заслужит, не сомневайтесь, - улыбнулся Мур. - Мистер Хендерсон принадлежит нам душой и телом.

День пятнадцатый

Пятница, 17 декабря

Бухта Окракок

Ночь была безлунной. Караван из трех кораблей вошел в бухту со скоростью пять узлов сразу после полуночи, чтобы воспользоваться особо высоким сизигийским <Сизигийские приливы получили свое название от сизигий - общего названия двух фаз Луны - новолуния и полнолуния. Вблизи сизигий наблюдаются особенно большие (сизигийские) приливы.> приливом. Первой шла "Поги", потому что у нее была наименьшая осадка, за ней следовал "Красный Октябрь", и замыкал процессию "Даллас". На постах береговой охраны по обеим сторонам бухты находились морские офицеры, сменившие "береговиков".

Райану разрешили подняться на вершину рубки - благородный жест Рамиуса, должным образом оцененный Райаном. После восемнадцати часов, проведенных внутри "Красного Октября", Джек испытывал легкий приступ клаустрофобии, и ему было приятно снова увидеть мир - даже если этот мир представлял собой всего только темное пустое пространство. На "Поги" горел лишь тусклый красный свет, который исчезал, стоило посмотреть на него дольше нескольких секунд. Райан видел перистую дымку, поднимающуюся от воды, и звезды, играющие в прятки с облаками. Резкий западный ветер, достигающий двадцати узлов, дул со стороны моря.

Бородин отдавал короткие односложные команды, ведя субмарину по каналу, который приходилось углублять каждые несколько месяцев, несмотря на огромный мол, построенный у северного берега. Вести лодку было нетрудно, поскольку беспорядочная двух-трехфутовая зыбь не оказывала ни малейшего воздействия на ракетоносец водоизмещением в тридцать тысяч тонн. Райан был благодарен судьбе за это. Черная вода успокоилась, и, когда они вошли в прикрытое берегами пространство бухты, к ракетоносцу примчалась резиновая лодка типа "зодиак" с подвесным мотором, - Эй, на "Красном Октябре"! - донесся голос из темноты. Райан с трудом различал серые ромбовидные очертания "зодиака", да и то лишь потому, что за его кормой вскипала белая пена.

- Позволите ответить, капитан Бородин? - спросил Райан и увидел ответный кивок. - Говорит Райан. У нас на борту двое раненых. Один в тяжелом состоянии. Нам немедленно нужны врач и группа хирургов. Вы поняли меня?

- Двое раненых и вам нужен врач, поняли. - Райану показалось, что он видит фигуру человека, держащего что-то у лица и слышит треск радиопередачи. Впрочем, на ветру различить это было трудно. - О'кей. Врач вылетает к вам,

"Красный Октябрь". На "Далласе" и "Поги" есть санитары. Они могут оказать помощь?

- И как можно быстрей! - тут же ответил Райан.

- Понятно. Следуйте за "Поги" еще две мили и ждите. "Зодиак" стремительно развернулся и исчез в темноте.

- Слава Богу, - выдохнул Райан.

- Вы есть - как это? - верующий? - спросил Бородин.

- Да, конечно. - Этот вопрос не должен был удивить Райана. - Черт возьми, ведь нужно верить во что-то.

- Но почему, капитан Райан? - Бородин рассматривал "Поги" в огромный ночной бинокль.

Райан задумался, прежде чем ответить.

- Видите ли, если вы ни во что не верите, то в чем смысл жизни? Это значит, что Сартр, Камю и все остальные, кто думают так же, правы - мир это хаос, жизнь бессмысленна. Я отказываюсь верить в это. Если вам нужен более разумный ответ, у меня есть пара знакомых священников, которые будут рады поговорить с вами об этом.

Бородин не ответил. Он отдал команду в микрофон на мостике, и корабль повернул на несколько градусов вправо.

Ударная подлодка "Даллас"

В полумиле за кормой "Красного Октября" Манкузо стоял на мостике, прижимая к глазам бинокль ночного видения <Бинокль ночного видения - прибор с электронным усилением собираемого им света, его не следует путать с ночным биноклем - всего лишь обычным оптическим прибором с повышенной светосилой.>, усиливающий слабый ночной свет. Рядом, пытаясь разглядеть, что происходит впереди, напрягал зрение лейтенант Манньон.

- Боже милостивый, - прошептал Манкузо.

- Вы были правы относительно этого, шкипер, - пробормотал Манньон, его била дрожь от ночного холода и напряжения. - Откровенно говоря, я тоже не уверен, что все происходит на самом деле. Вон мчится "зодиак". - Манньон передал капитану портативное радио, используемое при швартовке.

- Вы слышите меня? - донеслось по радио с "зодиака".

- Говорите, это Манкузо.

- Когда наш друг остановится, я хочу, чтобы вы переправили на него десять человек, включая своего санитара. С русской подлодки передали, что у них двое раненых и требуется медицинская помощь. Выберите хороших моряков, капитан - русским нужно помочь с управлением. Только позаботьтесь, чтобы это были люди, умеющие держать язык за зубами.

- Вас понял. Десять человек, включая санитара. Конец связи. Манкузо наблюдал за тем, как надувная лодка помчалась к "Поги".

- Хочешь отправиться на русский ракетоносец, Пэт?

- Еще бы, сэр. А вы сами? - спросил Манньон. Манкузо задумался.

- Думаю, Чеймберз справится с "Далласом", всего сутки, а? - рассудительно произнес он.

На берегу морской офицер говорил по телефону с Норфолком. Здание поста

береговой охраны было заполнено почти одними офицерами. Рядом с телефонным аппаратом стояла фиберглассовая коробка скремблера, так что можно было разговаривать с КОМАТФЛОТом по кодированному каналу, гарантированному от прослушивания. Офицеры находились на посту всего два часа и должны были скоро покинуть его. Все должно выглядеть как обычно и не привлекать внимания. Снаружи адмирал и два капитана первого ранга рассматривали темные очертания кораблей через приборы ночного видения. На их лицах застыло торжественное выражение, как у прихожан во время мессы.

Черри-Пойнт, Северная Каролина

Капитан третьего ранга Эд Нойз расположился в комнате отдыха врачей. Он служил в госпитале на авиабазе корпуса морской пехоты в Черри-Пойнт, Северная Каролина. Ему, квалифицированному хирургу по оказанию срочной помощи на месте происшествия, выпало дежурить три ночи, чтобы потом четверо суток на протяжении всего Рождества отдыхать. Ночь выдалась спокойной. Однако...

- Док?

Нойз поднял голову и увидел капитана морской пехоты в форме военной полиции. Врач был знаком с ним. Военная полиция доставляла в госпиталь немало пациентов, пострадавших при несчастных случаях. Нойз отложил медицинский журнал, который читал.

- Привет, Джерри. Сейчас кого-то привезут?

- Док, мне ведено передать вам, чтобы вы собрали все необходимое для срочной операции. На это у вас две минуты, затем я отвезу вас на аэродром.

- Что за операция? - Нойз встал.

- Этого мне не сказали, сэр, просто передали, что вы куда-то полетите, причем один. Я знаю только, что приказ поступил с самого верха.

- Черт возьми, Джерри, но я ведь должен знать, что за операция мне предстоит, чтобы собрать все необходимое!

- Заберите все, что есть, сэр. Мне нужно доставить вас к вертолету.

Нойз выругался и вошел в отделение травматологии. Там его ожидали еще два морских пехотинца. Он передал им четыре стерильных комплекта, наборы заранее упакованных инструментов. Поскольку врач не знал, какие лекарства понадобятся, то решил взять как можно больше, в том числе и две емкости плазмы. Капитан помог ему надеть плащ, и они поспешили к выходу, где их ожидал джип. Через пять минут джип подъехал к вертолету "Систэллион", двигатели которого уже ревели.

- Что происходит? - поинтересовался Нойз у полковника дивизионной разведки, стараясь понять, куда делся сержант, обычно руководящий погрузкой.

- Полетим над заливом, - объяснил полковник. - Нам нужно высадить вас на подлодке, где есть раненые. Вам будут помогать два санитара. Это все, что мне известно. О'кей?

Нойзу оставалось только согласиться - иного выбора не было. "Систэллион" взлетел сразу же, как только задвинулась дверца. Нойзу не раз приходилось летать в этих вертолетах. Он сам налетал двести часов за штурвалом вертолета и триста - самолета. Нойз относился к той категории

врачей, которые слишком поздно поняли, что профессия летчика не менее привлекательна, чем профессия врача. Он старался летать всякий раз, когда представлялась такая возможность, и часто оказывал медицинскую помощь членам семей пилотов, позволяющих ему сидеть на заднем сиденье "фантома" во время тренировочных полетов. На этот раз он заметил, что "Систэллион" летит не на крейсерской, а на предельной скорости.

Залив Памлико

"Поги" остановилась примерно в то время, когда вертолет поднялся с аэродрома Черри-Пойнт. "Красный Октябрь" повернул на правый борт и остановился рядом, к северу от нее. Их примеру последовал и "Даллас". Через минуту у борта "Далласа" вновь появился "зодиак", он медленно подошел к русскому ракетоносцу, до предела нагруженный людьми.

- Эй, на "Красном Октябре"!

На этот раз отозвался Бородин. Он говорил по-английски с акцентом, но вполне понятно.

- Кто вы?

- Я - Барт Манкузо, командир ударной подлодки "Даллас". Со мной наш санитар и несколько членов моей команды. Прошу разрешения подняться на борт, сэр.

Райан заметил гримасу на лице старпома. Бородину впервые пришлось на деле столкнуться с последствиями происшедшего, и было трудно ожидать, чтобы он не испытывал некоторых колебаний.

- Разрешаю - да, разрешаю.

"Зодиак" подошел к выпуклому борту ракетоносца. Из надувной лодки на палубу поднялся матрос и закрепил носовой фалинь <Фалинь - носовой трос крепления небольших катеров и лодок.>.

За ним последовали десять человек, причем один из них направился прямиком к рубке.

- Капитан? Я - Барт Манкузо. Мне передали, что у вас на борту есть раненые, - Да, - кивнул Бородин. - Это наш командир и английский офицер, у обоих огнестрельные ранения.

- Огнестрельные ранения? - удивился Манкузо.

- Поговорим об этом позже, - резко вмешался Райан. - Пусть ваш специалист займется ими.

- Конечно. Где люк?

Бородин что-то скомандовал в микрофон, и через несколько секунд на палубе, у основания рубки, появился свет.

- У нас не врач, а всего лишь опытный санитар. Он - прекрасный специалист. Через пару минут сюда доставят санитара с "Поги". Кстати, а вы кто такой? - Манкузо посмотрел на Райана.

- Это шпион, - ответил Бородин, не скрывая иронии.

- Джек Райан.

- А вы?

- Капитан второго ранга Василий Бородин. Я - как это называется - старший помощник, да? Заходите в боевую рубку, капитан. Извините меня, мы

все очень устали.

- Не вы одни, - улыбнулся Манкузо.

В рубке было тесно. Манкузо сел на комингс.

- Капитан, хочу сказать, что за вами было очень трудно следить. Считайте это комплиментом вашему профессиональному мастерству.

Слова Манкузо вызвали совсем не ту реакцию, которой ожидал командир американской подлодки.

- Вы следили за нами? Но каким образом?

- Я доставил сюда парня, который сумел сделать это. Можете поговорить с ним.

- Что будем делать дальше?

- Нам передали с берега приказ принять врача и затем погрузиться. Далее будем ждать дальнейших указаний. На это потребуются сутки, может быть, двое. Думаю, всем нам отдых пойдет на пользу. После этого мы доставим вас в хорошее безопасное место, и я лично угощу вас самым лучшим итальянским ужином, который вы когда-нибудь могли отведать. - Манкузо улыбнулся. - У вас в России есть итальянские рестораны?

- Нет, и если вы привыкли к хорошей пище, питание на "Красном Октябре" может вам не понравиться.

- Попробуем исправить положение. Сколько людей у вас на борту?

- Двенадцать. Десять советских офицеров, один англичанин и вот этот шпион. - Бородин с холодной улыбкой посмотрел на Райана.

- О'кей. - Манкузо сунул руку в карман и достал портативное радио. - Говорит Манкузо.

- Я на связи, шкипер, - отозвался Чеймберз.

- Приготовьте пищу для наших друзей. Двадцать пять человек, в расчете на двое суток. Пришлите хорошего кока. Уолли, я хочу как следует покормить этих парней. Понятно?

- Слушаюсь, шкипер. Конец связи.

- У нас хорошие коки, капитан. Жаль, что мы не встретились на прошлой неделе. У нас была ласанья, в точности как готовила моя мама. Не хватало только кьянти.

- У них есть водка, - заметил Райан.

- Только для шпионов, - сказал Бородин. Через два часа после перестрелки Райана начало трясти, и Бородин дал ему водки из медицинских запасов. - Нам говорили, что на ваших подлодках очень уж балуют подводников.

- Пожалуй, - кивнул Манкузо. - Но мы проводим под водой шестьдесят-семьдесят суток за один выход в море. Это ведь трудно для команды, правда?

- Давайте спустимся вниз, - предложил Райан.

Все согласились. Становилось холодно.

Бородин, Райан и Манкузо спустились вниз и увидели, что, как и раньше, американцы собрались на одной стороне центрального поста, а напротив стояла группа русских офицеров. С появлением капитана Манкузо обстановка стала более оживленной.

- Капитан Бородин, вот этот парень, который сумел найти вас. Подойди сюда, Джоунзи.

- Это оказалось совсем непросто, - возразил Джоунз. - Можно заглянуть в ваш гидролокационный отсек?

- Бугаев. - Бородин подозвал к себе корабельного офицера электронной службы. Советский капитан-лейтенант повел американского акустика на корму.

Джоунз обвел взглядом оборудование гидролокационного поста. "Каменный век", - пробормотал он. На всех приборах виднелись вентиляционные жалюзи для охлаждения. Господи, подумал Джоунз, неужели они до сих пор пользуются электровакуумными лампами? Он достал из кармана отвертку и решил убедиться в этом.

- Вы говорите по-английски, сэр? - спросил акустик.

- Да, немного.

- Можно посмотреть на коммутационные схемы вот этих приборов?

Бугаев недоуменно покачал головой. Еще ни один рядовой матрос - только однажды его мичман - не интересовался коммутационными схемами. Он снял папку со схемами с полки на передней переборке.

Джоунз сравнил кодовый номер прибора, который ему захотелось проверить, с соответствующим разделом в папке. Развернув схему, он с облегчением понял, что омы остаются омами во всем мире. Затем провел пальцем по странице и снял лицевую панель, чтобы заглянуть внутрь.

- Каменный век, мегакаменный век до предела! - Джоунз был настолько потрясен, что заговорил на профессиональном слэнге.

- Скажите, а что такой "мегакаменный век"?

- О-о, извините, сэр, это выражение, которым мы пользуемся на флоте. Я не знаю, как перевести его на русский. - Джоунз подавил улыбку и снова склонился над схемой. - Сэр, вот это маломощная установка, работающая на высокой частоте, верно? Вы используете ее для поиска мин и тому подобного?

Теперь потрясение испытал Бугаев.

- Вас обучали, как обращаться с советским оборудованием? - спросил он.

- Нет, сэр, но я много слышал о нем. - Разве это не очевидно? - подумал Джоунз. - Это установка, работающая на высокой частоте, для нее требуется мало энергии. Для чего же еще можно ее использовать, сэр? Значит, это маломощный прибор на частотной модуляции, используемый для поиска мин, работы подо льдом и при швартовке, верно?

- Верно.

- У вас есть "гертруда", сэр?

- "Гертруда"?

- Подводный телефон, сэр, для переговоров с другими лодками. - Почему этот парень ничего не знает?

- А-а, да, но он находится в центральном посту, и к тому же он не в порядке.

- Понятно. - Джоунз снова посмотрел на схему. - Мне кажется, что я смогу смонтировать на этой крошке модулятор и превратить ее в "гертруду". Может оказаться полезным. Как вы думаете, ваш шкипер разрешит это?

- Я спрошу его. - Он ожидал, что Джоунз останется в гидропосту, но молодой акустик пошел следом за ним в центральный пост. Капитан-лейтенант рассказал о предложении акустика Бородину, а Джоунз тем временем говорил с Манкузо.

- У них небольшой прибор на частотной модуляции, похожий на старые "гертруды", которыми мы пользовались в школе акустиков. У нас есть запасной модулятор, и я смогу, наверно, без труда смонтировать его минут за тридцать, - объяснил акустик.

- Вы не возражаете, капитан Бородин? - спросил Манкузо. Бородину казалось, что события развиваются слишком быстро, несмотря на то что предложение было вполне разумным.

- Да, пусть он займется этим.

- Шкипер, сколько времени мы останемся здесь? - спросил Джоунз.

- День-другой. А почему это тебя интересует?

- Видите ли, сэр, в этой лодке вроде бы недостает вещей, необходимых для удобства людей. Может быть, перевезти сюда телевизор и видеомагнитофон? Пусть русские приятно проведут время, понимаете, устроим им как бы поездку по Соединенным Штатам.

Манкузо рассмеялся. Им хотелось узнать о русском ракетоносце как можно больше, но впереди у них много времени, а предложение Джоунза могло заметно ослабить напряженность между русскими и американцами.

- Действуй, только возьми его из кают-компании.

- Понял, шкипер.

Через несколько минут "зодиак" доставил санитара с "Поги", и Джоунз отправился на "Даллас". Постепенно офицеры начали разговаривать между собой. Двое русских пытались побеседовать с Манньоном и с любопытством смотрели на его волосы. Они еще никогда не видели чернокожего.

- Капитан Бородин, мне приказано взять из центрального поста какой-нибудь предмет, который можно было бы опознать как принадлежащий вашему кораблю. - Манкузо ткнул пальцем. - Можно снять вот этот указатель глубины? Я поручу одному из своих людей поставить запасной с нашей лодки. - Он заметил на приборе отчеканенный инвентарный номер.

- Зачем?

- Не имею представления, но таков приказ.

- Валяйте, - ответил Бородин.

Манкузо приказал одному из своих старшин взяться за дело. Старшина достал из кармана разводной гаечный ключ и отвинтил гайку, удерживающую циферблат со стрелкой.

- Он чуть больше нашего, шкипер, совсем немного, так что я смогу поставить на его место наш глубиномер. По-моему, у нас есть запасной. Я поверну его в противоположную сторону и сделаю разметку в метрических единицах.

Манкузо передал ему портативный радиопередатчик.

- Свяжись с Джоунзом и передай, чтобы он прихватил его с собой.

- Слушаюсь, шкипер. - Положив прибор на стол, старшина поставил стрелку на место.

***

"Систэллион" не рискнул совершить посадку, хотя такое искушение и появилось у пилота - палуба казалась достаточно большой. Вместо этого

вертолет завис в нескольких футах над ракетной палубой, и врач спрыгнул прямо в руки двух матросов. Через мгновение сбросили медицинские сумки, которые он взял с собой. Полковник остался в хвостовой части и задвинул дверцу. Вертолет медленно развернулся и полетел обратно на юго-запад. Его массивный винт поднимал с поверхности воды брызги.

- То, что я видел, действительно было тем самым? - спросил пилот по внутренней связи.

- Тебе не показалось, что на ней все задом наперед? Я считал, что у ракетоносцев пусковые установки расположены позади паруса, а тут они перед ним, верно? И еще я заметил, что руль торчит за парусом, а значит, на корме, - недоуменно отозвался второй пилот.

- Это была русская подлодка! - сказал пилот.

- Что? - Посмотреть еще раз было уже поздно, вертолет находился в двух милях от ракетоносца. - Но парни, которые стояли на палубе, не были русскими.

- Вот ведь сукин сын! - изумленно выругался майор. - Верно! - С ума сойти, а рассказать об этом он никому не сможет. Полковник из отдела разведки объяснил все четко и ясно: "Вы ничего не видели, ничего не слышали, ни о чем не помните, и потому не вздумайте говорить с кем-нибудь".

***

- Я - доктор Нойз, - представился капитан третьего ранга. Они находились в центральном посту. Нойз впервые оказался на подводной лодке и с любопытством оглядывался вокруг. Все стены помещения занимали приборы, причем надписи на них были не на английском. - Что это за корабль?

- "Красный Октябрь", - ответил подошедший Бородин. На кокарде его фуражки сверкала красная звезда.

- Что здесь происходит, черт побери? - потребовал объяснения Нойз.

- Док, - Райан взял его за руку, - на корме два ваших пациента. Почему бы вам сначала не заняться ранеными? Нойз последовал за ним в медпункт.

- И все-таки, что все это значит? - спросил он уже спокойнее.

- Русские только что потеряли подводную лодку, - объяснил Райан, - и теперь она принадлежит нам. Но если вы вымолвите об этом хотя бы слово...

- Я слышу вас, но не могу поверить.

- Вам и не нужно верить. Я знаю, вы хирург, но в чем специализируетесь?

- Грудная хирургия.

- Отлично. - Райан вошел в медпункт. - Вот человек с огнестрельным ранением, который нуждается в срочной помощи.

На столе лежал обнаженный Уилльямз. Вошел матрос с сумками медикаментов. На "Красном Октябре" оказался запас замороженной плазмы, и два санитара уже ввели лейтенанту двойную дозу. Дренажная трубка была уже на месте.

- Ранение груди девятимиллиметровой пулей, - объяснил один из санитаров, после того как представился сам и представил своего коллегу. - Мне сказали, что дренажная трубка была введена десять часов назад. Рана в голову не столь серьезна, хотя и выглядит плохо. Правый зрачок немного

расширен, но это не опасно. А вот с грудью дело обстоит плохо. Послушайте, как он дышит, доктор.

- Показания? - Нойз искал в сумке свой стетоскоп.

- Пульс нитевидный, сто десять. Кровяное давление восемьдесят на сорок.

Нойз прослушал грудь Уилльямза стетоскопом и нахмурился.

- Рана рядом с сердцем. У него левый травматический пневмоторакс. Там скопилось не меньше кварты жидкости и, судя по его дыханию, развивается застойная недостаточность. - Нойз повернулся к Райану. - Вам лучше уйти. Понадобится вскрыть грудную клетку.

- Примите все меры, доктор. Это хороший человек.

- Все хорошие, - заметил Нойз, снимая китель. - Давайте мыть руки, парни.

Райан подумал, поможет ли молитва. Похоже, у Нойза была хватка хирурга. Райан надеялся, что так оно и есть на самом деле. Он заглянул в капитанскую каюту, где после всех введенных лекарств спал Рамиус. Рана в ноге перестала кровоточить. Судя по всему, санитары приняли меры. Нойз займется им после того, как прооперирует Уилльямза. Райан вернулся в центральный пост.

Бородин чувствовал, что он больше не командир, и это ему не нравилось, хотя он испытывал от этого какое-то облегчение. Две недели постоянного напряжения да еще перемена планов и нервное потрясение, связанное с перестрелкой, подействовали на капитана сильнее, чем он мог ожидать. Положение казалось ему не особенно приятным - американцы старались вести себя предельно корректно, но все же подавляли русских своей оперативностью. Единственное, что утешало, - офицерам "Красного Октября" больше не угрожала опасность.

Через двадцать минут вернулся "зодиак". На борт ракетоносца поднялись два матроса, чтобы разгрузить доставленные мороженые продукты и помочь Джоунзу с его электронным оборудованием. Потребовалось несколько минут, чтобы уложить все по своим местам, и матросы, которые понесли продукты в носовые отсеки, вернулись потрясенными - в морозильнике они обнаружили два мертвых тела и один труп, превратившийся в глыбу льда. Пока не было времени отправить на берег убитых в перестрелке.

- Привез все, что нужно, шкипер, - доложил Джоунз, передавая старшине глубиномер.

- А это что? - спросил Бородин.

- Это, капитан, модулятор, чтобы изготовить "гертруду". - Джоунз показал небольшую коробку. - А остальное - цветной телевизор, видеомагнитофон и несколько видеокассет. Шкипер решил, что вам всем неплохо расслабиться, познакомиться с нашей страной, понимаете?

- Видеокассеты - это фильмы? - Бородин покачал головой. - Фильмы, как в кино?

- Да-да, - улыбнулся Манкузо. - Что ты привез, Джоунзи?

- Сэр, я привез "Инопланетянина", "Звездные войны", "Большого Джейка" и "Хондо". - Джоунз был явно тенденциозен при выборе, чтобы продемонстрировать русским определенные стороны американской жизни.

- Примите мои извинения, капитан. У нашего акустика своеобразный вкус, - улыбнулся Манкузо.

Сейчас Бородин удовлетворился бы и "Броненосцем "Потемкиным"". Он с трудом стоял на ногах от усталости.

В корму поспешил кок с охапкой продуктов в руках.

- Кофе будет готов через несколько минут, сэр, - сообщил он Бородину по пути в камбуз.

- Нельзя ли чего-нибудь посущественней? - попросил Бородин. - Мы весь день ничего не ели.

- Приготовьте пищу! - крикнул Манкузо в сторону кормы.

- Слушаюсь, шкипер. Вот только разберусь с этим камбузом.

- Двадцать минут, сэр, - посмотрел на часы Манньон.

- Мы взяли на борт все, что может потребоваться?

- Да, сэр.

Джоунз подсоединил провод, накоротко обходящий регулятор импульсов в акустическом усилителе, к модулятору. Все было даже проще, чем он ожидал. Он взял с "Далласа" микрофон и теперь подключил его к акустической системе, прежде чем подать питание. Пришлось подождать несколько секунд, пока прогреется аппаратура. Джоунзу не приходилось видеть столько электровакуумных ламп с тех самых пор, как он много лет назад ездил вместе с отцом ремонтировать телевизоры.

- "Даллас", это Джоунзи, слышите меня?

- Слышим, - донеслось в ответ, нечетко, как в радиотакси, но вполне различимо.

- Спасибо. Конец связи. - Акустик выключил импровизированный подводный телефон. - Видите, как просто?

Неужели это рядовой матрос? И даже не знакомый с советскими приборами? Ни черта себе, подумал офицер-электронщик "Красного Октября". Ему и в голову не пришло, что этот прибор почти ничем не отличался от устаревшей американской системы с частотной модуляцией. - Сколько лет вы служите акустиком?

- Три с половиной, сэр. Я поступил на флот сразу после того, как меня выставили из колледжа.

- И всем этим вы овладели за три года? - недоуменно спросил капитан-лейтенант.

- Что в этом трудного? - пожал плечами Джоунз. - Я занимался радиотехникой с мальчишеских лет. Не будете возражать, если я включу музыку, сэр?

Джоунз решил проявить особое внимание к русскому. У него была единственная кассета с записью русской музыки - сюита из "Щелкунчика", и он привез ее с собой вместе с записями Баха. Молодой акустик любил слушать музыку, копаясь в электронных схемах. И вот теперь предвкушал блаженство. Перед ним были разложены схемы всех русских акустических устройств, к которым он прислушивался в течение трех лет, и масса времени, чтобы разобраться в них. Бугаев с изумлением наблюдал, как пальцы Джоунза под музыку Чайковского пробегают по страницам с интегральными схемами.

- Пора погружаться, - напомнил Манньон в центральном посту.

- Да. С вашего разрешения, капитан Бородин, я помогу вашим офицерам открыть клапаны. Проверим.., все люки и лазы задраены. - На пульте

погружения, заметил Манкузо, использовалась такая же система сигнальных и аварийных лампочек, как и на американских подлодках.

Он еще раз все проверил. Батлер и четверо его самых опытных старшин уже занимались атомным "чайником" в кормовом отсеке. Принимая во внимание обстановку, все выглядело неплохо. Только если офицеры "Красного Октября" вдруг передумают, это может коренным образом изменить положение. Однако "Даллас" будет вести непрерывное акустическое наблюдение за подводным ракетоносцем. Если "Красный Октябрь" начнет двигаться со своим преимуществом в скорости в десять узлов, "Даллас" успеет перекрыть ему выход из залива.

- Мне кажется, капитан, мы готовы к погружению, - сказал Манкузо.

Бородин кивнул и дал сигнал к погружению. Гудок оказался таким же, как и на американских подводных лодках. Манкузо, Манньон и один из русских офицеров занимались сложной системой клапанов, позволяющих заполнить цистерны. "Красный Октябрь" начал медленное погружение. Через пять минут он покоился на дне залива, под семидесятые футами воды над вершиной рубки.

Белый дом

В три часа утра Пелт позвонил в советское посольство.

- Алекс, это Джеффри Пелт.

- Как поживаете, доктор Пелт? Позвольте выразить искреннюю благодарность от имени советского народа и от себя лично за спасение нашего матроса. Несколько минут назад мне сообщили, что он пришел в сознание и врачи надеются на его полное выздоровление.

- Да, мне тоже сообщили об этом. Между прочим, как его зовут? - Пелт пытался понять, разбудил он советского посла или нет. Судя по голосу, Арбатов не спал.

- Андрей Катышкин, старшина первой статьи, повар, родом из Ленинграда.

- Да, теперь вспомнил. Алекс, мне передали, что нашему спасательному судну "Пиджен" удалось снять почти всю команду с еще одной советской субмарины недалеко от Каролинских островов. Ее название, по-видимому, "Красный Октябрь". Это хорошая новость, Алекс. А плохая заключается в том, что лодка взорвалась и затонула до того, как нам удалось спасти остальных. Погибли почти все ваши офицеры и двое наших.

- Когда это случилось?

- Вчера, ранним утром. Извини, что не сумел сообщить раньше, но на "Пиджене" вышел из строя радиопередатчик, как мне объяснили, в результате подводного взрыва. Ты ведь знаешь, как такое случается.

- Да, конечно.

Пелт не мог не восхититься самообладанием Арбатова. В его голосе не было заметно и намека на насмешку.

- Где они сейчас? - спросил посол.

- "Пиджен" плывет в Чарлстон, это в Южной Каролине. Оттуда мы отправим ваших подводников самолетом прямо в Вашингтон.

- Значит, подводная лодка взорвалась? Ты уверен в этом?

- Да, один из членов ее команды утверждает, что реактор вышел из строя и лодка подверглась радиационному заражению. Просто повезло, что рядом

находился "Пиджен". Он шел к побережью Виргинии, к той вашей подлодке, что затонула раньше. Мне кажется, Алекс, что вам следует обратить внимание на техническое состояние своего флота, - заметил Пелт.

- Я передам в Москву вашу рекомендацию, доктор, - сухо ответил Арбатов. - Вы можете сказать мне, где это случилось?

- Я могу оказать вам даже более реальную помощь. Мы высылаем туда корабль с глубоководной лодкой для осмотра обломков. Если хотите, можете послать своего офицера в Норфолк, и мы переправим его на корабль, чтобы он сам мог убедиться в случившемся. Это вас устраивает?

- Вы говорите, что потеряли двух своих офицеров? - Арбатов старался выиграть время, удивленный столь великодушным предложением.

- Да, офицеры со спасательного судна. Зато нам удалось спасти сто ваших моряков, Алекс, - произнес Пелт, словно оправдываясь. - Это что-нибудь да значит.

- Действительно, доктор Пелт. Я запрошу Москву. Как только получу ответ, сразу свяжусь с вами. Вы будете у себя в кабинете?

- Совершенно верно. До свиданья, Алекс. - Пелт положил трубку и посмотрел на президента. - Вы считаете, все прошло хорошо, босс?

- Побольше искренности. Джефф. - Президент вытянулся в кожаном кресле. Поверх пижамы на нем был халат. - Ты считаешь, они клюнут на приманку?

- Клюнут. Русские обязательно захотят убедиться в гибели своего ракетоносца. Вопрос в другом - удастся ли нам обмануть их?

- По мнению Фостера - удастся. Все кажется вполне реальным.

- Гм-м. Ну что ж, во всех случаях мы получили их ракетоносец, - заметил Пелт.

- Да. Думаю, сообщение об агенте ГРУ было ошибочным, в противном случае они отправили бы его вместе со всеми. Мне нужно увидеть капитана Рамиуса. Господи! Надо же так напугать всех аварией реактора. Немудрено, что ему удалось отправить всю команду с подлодки!

Пентагон

Скип Тайлер откинулся на спинку кресла в кабинете командующего морскими операциями, пытаясь расслабиться. Пост береговой охраны при входе в залив был оборудован телевизионной камерой, способной вести съемку при плохом освещении. Заснятую видеокассету доставили вертолетом в Черри-Пойнт и оттуда на реактивном истребителе "фантом" переправили на авиабазу Эндрюз. Теперь она была у курьера, автомобиль которого только что остановился у главного входа в Пентагон.

- У меня пакет, который я должен лично передать адмиралу Фостеру, - заявил энсин, спустя несколько минут. Секретарь показал на дверь кабинета.

- Доброе утро, сэр! Это для вас, сэр. - Энсин передал Фостеру запечатанную кассету.

- Спасибо. Можете идти.

Фостер вставил кассету в видеомагнитофон. Телевизор был уже включен, и изображение появилось на экране через несколько секунд.

Тайлер стоял рядом с командующим и ждал, пока адмирал отрегулирует

изображение.

- Ничего себе... - пробормотал он.

- Ничего себе, - согласился Фостер.

Изображение, мягко говоря, было паршивым. Телевизионная камера ночного видения не может дать четкого изображения, потому что одновременно усиливает и окружающий свет, так что многие детали кажутся размытыми. Но и того, что они увидели, было достаточно: огромный подводный ракетоносец, парус которого был сдвинут в сторону кормы значительно дальше, чем обычно у западных подлодок. Рядом с ним "Поги" и "Даллас" казались карликами. В течение пятнадцати минут оба молча смотрели на экран. Если бы изображение постоянно не дергалось, снятый фильм был бы таким же интригующим, как испытательная картинка на телевизионном экране.

- Ну вот, - произнес Фостер, когда фильм закончился, - мы заполучили русский подводный ракетоносец.

- Неужели он действительно у нас? - улыбнулся Тайлер.

- Скип, вас ведь должны были назначить командиром "лос-анджелеса"?

- Да, сэр.

- Мы в долгу перед вами, капитан, в неоплатном долгу за все это. Недавно я решил проверить и выяснил, что офицера, пострадавшего при исполнении служебных обязанностей, не обязательно увольнять в отставку, за исключением тех случаев, когда он явно не в состоянии исполнять свои обязанности. Несчастный случай при возвращении со своей лодки относится, мне кажется, именно к первой категории. У нас уже были командиры подводных лодок, у которых не хватало ноги. Я сам пойду к президенту с просьбой, сынок. Понадобится год работы, чтобы восстановить утраченные навыки, но, если вы все еще хотите стать командиром подводной лодки, клянусь Господом, я добьюсь этого.

У Тайлера подогнулись колени. Придется изготовить новый протез, о чем он и без того думал уже несколько месяцев, и затем пройдет несколько недель, прежде чем он привыкнет к нему. Затем год - целый год - работы по восстановлению навыков, необходимых для того, чтобы снова выйти в море...

- Спасибо, адмирал. - Тайлер покачал головой. - Вы не представляете, как много ваше предложение значит для меня. Но я вынужден отказаться. Все уже позади. У меня другая жизнь, другие обязанности, и я не хочу занимать чье-то место. Знаете что, разрешите мне осмотреть этот ракетоносец - и мы в расчете.

- Это я вам гарантирую. - Фостер надеялся именно на такой ответ, был почти уверен в нем. А жаль. Тайлер, подумал адмирал, мог бы стать отличным кандидатом на адмиральские звезды, если бы не нога. Ну что ж, никто не утверждает, что жизнь - справедливая штука.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Похоже, что все у вас идет как надо, - заметил Райан. - Никто не возражает, если я придавлю ухо где-нибудь?

- Придавлю ухо? - недоуменно спросил Бородин.

- Посплю.

- А-а, понятно. Займите каюту доктора Петрова, напротив медпункта.

По пути на корму Райан заглянул в каюту Бородина и нашел там бутылку водки, которую старпом в свое время "освободил" из медицинских запасов. Напиток был безвкусным, хотя и достаточно приятным. Койка Петрова была узкой и жесткой, но Райана это уже не беспокоило. Он сделал несколько глотков и лег на койку, не снимая формы, которая приобрела такой вид, что ей уже ничто не могло повредить. Через пять минут он крепко спал.

Исследовательская подлодка "Сиклифф"

Лейтенант Свен Джонсен обратил внимание, что система очистки воздуха работает недостаточно хорошо. Продлись насморк еще несколько дней, и он не заметил бы этого. "Сиклифф" только что миновал отметку в десять тысяч футов, и заниматься такими мелочами они будут уже после того, как всплывут на поверхность. Опасности в этом не было - система жизнеобеспечения имела не меньше резервных устройств, чем космический "шаттл". Это вызывало лишь легкое раздражение.

- Мне еще не доводилось опускаться на такую глубину, - небрежно заметил капитан Игорь Каганович.

Доставить его сюда оказалось не так-то просто. Сначала пришлось перебросить капитана с "Киева" на "Тараву" вертолетом "хеликс", затем флотский вертолет "си-кинг" доставил его в Норфолк. Далее он перелетел на другом вертолете на корабль ВМФ США "Остин", который со скоростью двадцать узлов шел к точке с координатами 33 градуса северной широты и 75 градусов западной долготы. "Остин" представлял собой док для десантных кораблей - большое судно, на корме которого находилась крытая камера. Обычно он использовался для десантных судов, но сегодня там находился "Сиклифф" - специальная подлодка, рассчитанная на глубоководные погружения, с экипажем из трех человек. Ее пришлось доставить самолетом из Вудс-Хола <В Вудс-Холе находится американский океанографический институт.>, штат Массачусетс.

- К этому надо привыкнуть, - согласился Джонсен, - но после тут уже глубина не имеет значения - пятьсот футов или десять тысяч. Погибнешь от трещины в корпусе одинаково быстро, только в последнем случае останется меньше обломков для следующей подлодки, которая будет пытаться обнаружить останки.

- Продолжайте в таком же радостном духе, сэр, - сказал помощник механика первого класса Джесс Овертон. - Что там на гидролокаторе?

- Пока ничего, Джесс.

Джонсен плавал с помощником механика уже два года. "Сиклифф" был их детищем - особо прочная исследовательская подводная лодка, которой обычно пользовались для океанографических работ, включая установку или ремонт датчиков СГАН. На такой подлодке с экипажем в три человека нет места строгой дисциплине. Овертон не был особенно образованным или разговорчивым человеком, а если уж разговорчивым, то не слишком вежливым. Зато в управлении миниподлодкой ему не было равных, и тут Джонсен вполне доверял Овертону. На долю лейтенанта выпало общее руководство операцией.

- Нужно поработать с системой очистки воздуха, - заметил Джонсен.

- Это верно. Фильтры нуждаются в замене. Я собирался заняться ими на будущей неделе. Мог бы заменить их сегодня утром, но решил, что запасная проводка в системе управления важнее.

- С этим я, пожалуй, согласен. Как слушается?

- Послушна, как девственница. - Улыбка Овертона отразилась в толстом лексане <Лексан - особо прочный прозрачный пластик> иллюминатора перед его креслом. Управлять "Сиклиффом" было непросто из-за его неуклюжей формы. Создавалось впечатление, что подлодка догадывается, чего от нее хотят, только не знает, как это сделать. - Какова площадь поиска?

- Очень большая. По словам капитана "Пиджена", взрыв разбросал обломки чертовски далеко.

- Это уж точно. Глубина три мили, а течение могло унести их куда угодно.

- Название лодки "Красный Октябрь", капитан? Мне, вроде, говорили, что это ударная подлодка типа "Виктор"?

- Вы действительно так называете наши подлодки этого типа, - уклончиво ответил Каганович.

- А как у вас называется этот тип лодок? - спросил Джонсен. Ответа не последовало.

Что тут за странные тайны? - подумал Джонсен. Неужели название типа подлодок имеет какое-то значение?

- Включаю экран локатора. - Джонсен перевел несколько систем в активный режим, и по "Сиклиффу" разнеслись импульсы высокочастотного гидролокатора, установленного на днище подлодки.

- Вижу дно, - произнес лейтенант. На желтом экране очертания морского дна казались белыми.

- Из дна ничего не торчит, сэр? - спросил Овертон.

- Пока нет, Джесс.

В прошлом году они вели поиск в нескольких милях от этого района и едва не напоролись на корпус корабля "Либерти", потопленного в 1942 году немецкой подлодкой. Остатки корпуса покоились на массивном валуне, и острый нос торчал кверху. Столкновение наверняка кончилось бы трагически для подлодки, и потому оба члена экипажа теперь проявляли особую осторожность.

- О'кей, начинаю принимать импульсы, отражающиеся от чего-то. Прямо по курсу, разбросаны веером. До дна еще футов пятьсот.

- Понял.

- Гм-м. Вот что-то большое, футов тридцати длиной, девять или десять шириной, в направлении на одиннадцать часов, расстояние триста ярдов. Сначала пойдем туда.

- Слева от нас, включаю прожекторы.

Вспыхнули полдюжины мощных прожекторов, и подлодка сразу оказалась внутри световой сферы. Вода рассеивала световую энергию, и свет проникал не дальше, чем на десять ярдов.

- Вот и дно, точно, как вы сказали, мистер Джонсен, - заметил Овертон. Он остановил спуск и проверил плавучесть. Почти идеально нейтральная, отлично. - Течение начнет быстро истощать аккумуляторы.

- Какова его скорость?

- Узла полтора, скорее, два, в зависимости от очертаний дна. Как и в прошлом году. Думаю, что сможем маневрировать примерно час, самое большее полтора.

Джонсен согласился с механиком. Океанографы все еще не смогли выяснить природу этих глубоководных течений, которые меняли, казалось, свое направление без всяких видимых причин. Странно. В океанских глубинах скрывается немало тайн. Поэтому-то Джонсен и решил стать океанографом, разгадать некоторые из них. Это куда интереснее, чем зарабатывать на жизнь на поверхности. Поиски на трехмильной глубине не казались Джонсену работой.

- Вижу что-то блестящее на дне прямо перед нами. Хотите, чтобы я захватил этот предмет?

- Попробуй.

Они пока не увидели блестящий предмет ни на одном из трех телевизионных мониторов "Сиклиффа", которые были направлены соответственно прямо вперед и под углом в сорок пять градусов вправо и влево.

- О'кей. - Овертон сунул правую руку в телемеханическую перчатку "уолдо" - именно в управлении механическим манипулятором никто не мог сравниться с ним.

- Видишь, что это такое? - спросил Джонсен, крутя ручки настройки телевизионной камеры.

- Какой-то прибор. Можете выключить прожектор номер один, сэр? Его свет ослепляет меня.

- Выключаю первый. - Джонсен наклонился вперед и щелкнул выключателем. Прожектор номер один, дающий освещение для носовой камеры, погас.

- О'кей, бэби, постарайся не двигаться... - Левой рукой механик управлял подлодкой, а правая скрывалась в перчатке "уолдо". Теперь только он видел цель. Улыбающееся лицо Овертона отражалось в лексане иллюминатора. Его правая рука быстро двигалась.

- Готово! - торжествующе воскликнул он. Механическая рука прижала поднятый прибор с циферблатом и стрелкой к мощному магниту, прикрепленному к носу "Сиклиффа", перед тем как подлодка начала погружение из кормовой камеры "Остина". - Можете снова включить прожектор, сэр.

Джонсен включил прожектор, и Овертон поднес свой улов к носовой телевизионной камере.

- Видно, что это?

- Похоже на глубиномер. Только не такой, как наши, - заметил Джонсен. - Узнаете, капитан?

- Да, - тут же отозвался Каганович. Он глубоко вздохнул, силясь сделать несчастное лицо. - Это один из наших приборов. Не могу рассмотреть номер, но он изготовлен в Советском Союзе.

- Положи его в корзину, Джесс.

- Одну минуту. - Механик повернул механическую руку, положил прибор в корзину, приваренную к корпусу, затем вернул манипулятор в прежнее положение. - Со дна поднимается облако ила. Давайте всплывем немного, Когда "Сиклифф" приблизился к самому дну, струя воды, отбрасываемая гребными винтами, разметала тончайший наносный ил. Овертон увеличил питание, подаваемое на моторы, и поднялся на двадцать футов над дном.

- Сейчас лучше. Видите, какое сильное течение, мистер Джонсен? Добрых два узла. Придется сократить срок пребывания у дна. - Было заметно, что течение гонит облако ила влево, причем довольно быстро. - А где большая цель?

- Прямо по курсу, в сотне ярдов. Давайте посмотрим, что это такое.

- Точно. Идем вперед... Вот еще что-то, похожее на нож мясника. Подобрать?

- Нет, пошли дальше.

- Расстояние?

- Шестьдесят ярдов. Скоро увидим ее.

Оба офицера заметили предмет на телевизионном экране в тот же момент, что и Овертон. Сначала это было спектральное изображение, которое исчезало, подобно остаточному изображению на сетчатке глаза. Но тут же оно появилось снова.

Овертон догадался первым.

- Черт возьми! - воскликнул он.

Предмет был больше тридцати футов длиной и казался похожим на идеально круглый цилиндр. Подлодка подошла к нему сзади, они увидели кольцо и внутри него четыре конусообразных сопла, выступающих примерно на фут.

- Это ракета, шкипер, целая гребаная русская атомная ракета!

- Удерживай лодку на месте, Джесс.

- Слушаюсь. - Механик снизил скорость.

- Вы сказали, что это "Виктор", - повернулся к русскому офицеру Джонсен.

- Я ошибся. - Губы Кагановича дернулись.

- Давай подойдем поближе, Джесс.

"Сиклифф" двинулся вперед, к самому корпусу ракеты. Буквы были несомненно кириллицей, хотя лодка находилась слишком далеко, чтобы рассмотреть серийный номер. Это было новое сокровище Морского царя, баллистическая ракета СС-Н-20, "морской ястреб", со своими восемью боеголовками индивидуального наведения, каждая мощностью в пятьсот килотонн.

Каганович постарался запомнить маркировку на корпусе ракеты. Его проинструктировали перед вылетом с "Киева", поскольку, являясь офицером разведки, он был лучше знаком с американским вооружением, чем с советским.

Как удачно, подумал он. Американцы позволили ему опуститься в одной из своих новейших исследовательских подлодок, и он уже запомнил расположение приборов в ней. А теперь еще они сами выполнили порученную ему задачу. "Красный Октябрь" погиб. Оставалось только передать полученную информацию адмиралу Штральбо на "Кирове", и флот сможет уйти от американского побережья. Пусть теперь американцы ходят в Норвежское море и занимаются там своими глупыми играми. Посмотрим, кто окажется там победителем!

- Пометь это место, Джесс.

- Слушаюсь. - Овертон нажал на кнопку и выпустил акустический транспондер, который будет отзываться только на кодированный акустический сигнал американского локатора. Позднее они вернутся обратно с тяжелым подъемным оборудованием, захватят тросом ракету и вытащат ее на поверхность.

- Это - собственность Советского Союза, - напомнил Каганович. - Она

находится в международных водах и принадлежит моей стране.

- Тогда забирайте свою долбаную ракету сами - если сможете! - огрызнулся американский моряк. - Извините, мистер Джонсен.

Он, должно быть, переодетый офицер, решил Каганович.

- Мы вернемся за ней, - сказал Джонсен.

- Вам не удастся поднять ее. Она слишком тяжелая, - возразил капитан.

- Пожалуй, вы правы, - улыбнулся Джонсен. Каганович был не против того, чтобы американцы считали, будто одержали победу. Все могло обернуться хуже. Намного хуже.

- Будем продолжать поиски остальных обломков? - спросил он.

- Думаю, лучше вернуться назад, - решил Джонсен.

- Но вам приказали...

- Мне приказали, капитан Каганович, вести поиски погибшей ударной подлодки типа "Виктор". Вместо этого мы нашли место гибели ракетоносца. Вы обманули нас, капитан, и наша любезность на этом заканчивается. Полагаю, вы получили, что вам нужно. Позднее мы вернемся за тем, что нужно нам.

Джонсен потянул за ручку и сбросил балласт из железных чушек. Теперь у "Сиклиффа" появилась тысяча фунтов положительной плавучести. Они больше не могли оставаться на глубине, даже если бы захотели.

- Домой, Джесс.

- Слушаюсь, шкипер.

За все время подъема к поверхности внутри подлодки никто не произнес ни звука.

Корабль ВМФ США "Остчн"

Час спустя капитан Каганович поднялся на мостик "Остина" и попросил разрешения послать радиограмму на "Киров". Это было согласовано заранее, в противном случае Каганович получил бы отказ. Скоро всем стало известно, что это за потонувшая подводная лодка. Советский офицер передал серию шифрованных фраз вместе с серийным номером глубиномера. С "Кирова" тут же поступило подтверждение, что донесение получено.

Овертон и Джонсен наблюдали за тем, как русский офицер поднялся на борт вертолета, захватив с собой якобы поднятый со дна прибор.

- Не понравился он мне, мистер Джонсен. Да и фамилия его напоминает о ком-то... Но мы ведь обвели его вокруг пальца?

- Мне надо помнить, что с тобой никогда не следует играть в карты, Джесс.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Райан проснулся, проспав шесть часов кряду. Он услышал музыку, которая показалась ему очень знакомой. С минуту он лежал на койке, пытаясь вспомнить, где ее слышал, затем надел ботинки и пошел в кают-компанию.

Это был "Инопланетянин". Райан вошел как раз в тот момент, когда по тринадцатидюймовому экрану телевизора, стоявшего на переднем краю стола, побежали титры с именами актеров и других участников съемок. В кают-компании

сидели почти все русские офицеры и трое американцев. Кое-кто из русских вытирал глаза. Джек налил себе чашку кофе и присел у края стола.

- Понравилось?

- Прекрасный фильм! - заявил Бородин.

- Мы смотрим его уже второй раз, - усмехнулся Манньон. Один из русских офицеров быстро заговорил что-то на родном языке. Бородин перевел его слова.

- Он спрашивает, все ли американские дети ведут себя так.., свободно. Я верно говорю, Бугаев?

- Раскованно, - перевел Бугаев, не совсем правильно, но достаточно близко.

- Я таким не был, - рассмеялся Райан, - но действие фильма происходит в Калифорнии, а жители там немного чокнутые. По правде говоря, дети обычно так себя не ведут, по крайней мере я никогда не видел этого, а у меня их двое. В то же самое время мы стараемся воспитывать детей более самостоятельными, чем это считают нужным делать советские родители.

Бородин перевел слова Райана, а затем сообщил ответ русского офицера.

- Значит, не все американские дети такие хулиганистые?

- Только некоторые. Америка - не идеальная страна, господа. Мы допускаем немало ошибок. - Райан решил всякий раз, когда это возможно, говорить правду.

Бородин снова перевел. На лицах присутствующих отразилось сомнение.

- Я сказал им, что фильм снят для детей и его не следует воспринимать слишком буквально. Это правильно?

- Да, сэр, - сказал Манкузо, который только что вошел в кают-компанию. - Это детский фильм, но я смотрел его пять раз. Добро пожаловать обратно, Райан.

- Спасибо, капитан. Насколько я понимаю, у вас все идет гладко.

- Да. Думаю, нам всем нужно было расслабиться и снять напряжение. Придется объявить Джоунзи еще одну благодарность. Привезти все это - отличная мысль. - Он сделал жест в сторону телевизора. - У нас масса времени для серьезных вещей.

В кают-компанию вошел Нойз.

- Как Уилльямз? - спросил Райан.

- Он выкарабкается. - Нойз наполнил свою чашку. - Пришлось оперировать на открытой грудной клетке. Три с половиной часа. Ранение в голову оказалось поверхностным. Обильное кровотечение, но таковы все головные ранения. А вот рана в груди едва не прикончила лейтенанта. Пуля прошла буквально в миллиметре от околосердечной сумки. Капитан Бородин, кто оказал первую помощь лейтенанту Уилльямзу?

Старпом показал на молодого офицера.

- Он не говорит по-английски.

- Скажите ему, что он спас Уилльямзу жизнь. Дренажная трубка дала лейтенанту шанс выжить. Без нее он умер бы.

- Вы уверены, что он останется жив? - снова спросил Райан.

- Разумеется, Райан. В конце концов я зарабатываю этим себе на жизнь. На выздоровление потребуется некоторое время, и будет лучше, если он попадет в настоящий госпиталь, но сейчас все идет нормально.

- А как капитан Рамиус? - спросил Бородин.

- С ним никаких проблем. Он все еще спит, так что я не спешил, зашивая ему рану. Спросите молодого человека, где он освоил правила первой помощи.

Бородин перевел вопрос врача.

- Он говорит, что любит читать книги по медицине.

- Сколько ему лет?

- Двадцать четыре.

- Скажите ему, что, если он захочет стать врачом, я объясню, как за это взяться. Раз он уже и так знает, что нужно делать в такой ситуации, может статься, он сумеет зарабатывать этим на жизнь.

Молодой офицер выглядел польщенным и спросил, сколько зарабатывают врачи в Америке.

- Я на военной службе, так что получаю немного. Сорок восемь тысяч долларов в год, включая летнюю надбавку. На гражданке я зарабатывал бы намного больше.

- В Советском Союзе врачи получают зарплату заводского рабочего, - заметил Бородин.

- Может быть, этим и объясняется их невысокая квалификация, - пожал плечами Нойз.

- Когда капитан будет в состоянии принять на себя командование? - спросил Бородин.

- Я продержу его в постели весь день, - ответил Нойз. - Не хочу, чтобы у него снова началось кровотечение. А вот завтра он сможет двигаться, только осторожно. Нельзя чрезмерно нагружать ногу. С ним все в порядке, господа. Капитан пока еще слаб от потери крови, но быстро оправится. - Нойз говорил с такой уверенностью, словно цитировал законы физики.

- Мы очень благодарны вам, доктор, - сказал Бородин.

- Мне платят за это, - пожал плечами Нойз. - А теперь можно задать вопрос? Что здесь происходит, черт побери?

Бородин засмеялся и перевел вопрос врача своим товарищам.

- Мы все хотим стать американскими гражданами, - ответил он.

- И привели с собой подводную лодку? Вот это да! Сначала мне казалось, что это какое-то.., не знаю, в общем что-то странное. Да, поразительная история. Впрочем, я вряд ли смогу рассказать ее кому-то.

- Совершенно верно, доктор, - улыбнулся Райан. - Вряд ли.

- А жаль, - пробормотал Нойз, возвращаясь в медпункт.

Москва

- Итак, товарищ адмирал, вы докладываете нам о полном успехе? - спросил Нармонов.

- Да, товарищ генеральный секретарь, - кивнул Горшков, обводя взглядом тех, кто собрались в подземном командном пункте. Это был узкий круг лиц, правда, к ним присоединились командующие родами войск и председатель КГБ. - Начальник разведки флота адмирала Штральбо сообщил, что капитан первого ранга Каганович получил разрешение американцев спуститься к месту взрыва на борту их глубоководной исследовательской подлодки. Американцы сумели взять

со дна один из приборов, уцелевших при взрыве, - глубиномер. Все приборы на лодке имели маркировку и номер поднятого глубиномера немедленно сообщили в Москву. Нет никаких сомнений, что он с "Красного Октября". Каганович увидел также баллистическую ракету, силой взрыва выброшенную из ракетоносца. Это несомненно СС-20. "Красный Октябрь" потоплен, так что мы выполнили поставленную перед нами задачу.

- По чистой случайности, товарищ адмирал, а не в соответствии с планом, - напомнил Михаил Александров. - Ваш флот не сумел обнаружить и уничтожить ракетоносец. Насколько я понимаю, у товарища Герасимова есть информация для нас.

Николай Герасимов был новым председателем КГБ. Он уже проинформировал членов Политбюро и теперь намерен был ошеломить этих павлинов в расшитых золотом мундирах. Ему хотелось увидеть их реакцию. У КГБ были свои счеты с ними. Герасимов вкратце изложил донесение, полученное от агента Кассия.

- Этого не может быть! - раздраженно произнес Горшков.

- Не исключаю, - вежливо согласился Герасимов. - У нас тоже есть подозрение, что это - тщательно продуманная дезинформация. Сейчас наши оперативные агенты ведут ее проверку. Тем не менее, есть любопытные подробности, подтверждающие эту гипотезу. Позвольте мне изложить их, товарищ адмирал.

Начнем с того, почему американцы допустили нашего офицера на борт одной из своих самых совершенных исследовательских субмарин? Затем, почему они вообще согласились сотрудничать с нами, спасли нашего матроса с "Политовского" и, более того, сообщили нам об этом? Они тут же допустили к нему наших людей. Почему? Почему не спрятать этого матроса, не использовать в своих целях и затем не избавиться от него? Сентиментальность? Не думаю. Третье. До того времени, когда они нашли матроса, их морские и воздушные силы мешали нашему флоту самым агрессивным и подчеркнутым образом. И вдруг все прекратилось, а через сутки они стали лезть из кожи вон, чтобы оказать помощь в этой операции по "поиску и спасению".

- Потому что Штральбо принял умное и смелое решение воздержаться от ответных мер, несмотря на их провокации, - ответил Горшков.

- Может быть, - вежливо кивнул Герасимов. - Это было действительно разумное решение адмирала. Для кадрового военного не так-то просто подавить свою гордость. С другой стороны, мне кажется вполне возможным, что примерно в это же время американцы получили информацию, переданную нам Кассием. Далее, я думаю, что американцы испугались нашей реакции, если бы мы заподозрили, что вся операция осуществлена Центральным разведывательным управлением. Теперь нам известно, что несколько спецслужб империалистических стран пытаются докопаться до причины действий нашего флота.

За последние два дня мы тоже с максимальной быстротой провели собственное расследование. Нам удалось выяснить, - Герасимов заглянул в лежащие перед ним документы, - что на верфи базы подводных лодок в Полярном работают двадцать девять польских инженеров, занятых главным образом в отделах технического контроля, что проверка переписки ведется крайне слабо и что капитан Рамиус не повел свой ракетоносец в Нью-Йорк, как он угрожал в письме, якобы написанном им товарищу Падорину, а находился в момент взрыва в

тысяче километров к югу.

- Очевидно, Рамиус хотел дезинформировать нас, - возразил Горшков. - Он одновременно бросил вызов и намеренно ввел нас в заблуждение. По этой причине мы и расположили корабли нашего флота у всех американских портов.

- И не сумели обнаружить его, - негромко бросил Александров. - Продолжайте, товарищ Герасимов.

- Независимо от того, в какой порт он якобы направлялся, - продолжил Герасимов, - в момент взрыва он находился в пятистах километрах от ближайшего, и мы уверены, что он мог добраться до любого из них, если бы отправился прямиком. Согласитесь, товарищ адмирал, вы сами проинформировали нас в своем первоначальном сообщении, что "Красный Октябрь" в состоянии достичь американского побережья за семь дней после выхода в море.

- Для этого, как я подробно объяснил на прошлой неделе, ему нужно было идти на предельной скорости. Командиры подводных ракетоносцев предпочитают поступать иначе, - сказал Горшков.

- Принимая во внимание судьбу "Политовского", я понимаю это, - заметил Александров. - Но разумнее предположить, что человек, который предал родину, бросится бежать прочь, как вор с места преступления.

- Прямо в одну из ловушек, которые мы расставили, - огрызнулся Горшков.

- Ни одна из них не принесла желаемого результата, - произнес Нармонов.

- Я не утверждаю, что все это соответствует действительности, равно как и не говорю в данный момент, что донесение Кассия не является дезинформацией, - закончил Герасимов, стараясь говорить бесстрастно и спокойно, - но у нас достаточно косвенных доказательств для того, чтобы провести тщательное расследование всех аспектов этого дела Комитетом государственной безопасности.

- Проблемой безопасности на моих верфях занимается морская разведка и ГРУ, - сказал Горшков.

- Теперь все будет по-другому. - Нармонов огласил решение, принятое два часа назад. - КГБ проведет расследование этого позорного случая по двум направлениям. Одна группа проверит информацию, полученную от нашего агента в Вашингтоне. Вторая будет исходить из того, что письмо, написанное Рамиусом - якобы написанное Рамиусом, - подлинное. Если это был заговор предателей, он мог осуществиться лишь в том случае, если Рами-ус сумел при существующих инструкциях и правилах сам выбирать офицеров для своего корабля. Комитет государственной безопасности доложит нам о желательности продолжать - или нет - подобную политику, о существующем уровне влияния командиров на карьеру своих офицеров и о влиянии командования на партийный контроль на флоте. Думаю, наши реформы нам следует начать с того, что надо чаще переводить офицеров с одного корабля на другой. Если офицер остается на одном корабле в течение длительного времени, совершенно ясно, что трудно разобраться с его лояльностью, с тем, кто на деле руководит его судьбой.

- То, что вы предлагаете, подорвет боеготовность моего флота! - стукнул кулаком по столу адмирал Горшков. И эти слова были его ошибкой.

- Речь идет о флоте советского народа, товарищ адмирал, - поправил его Александров. - Партийном флоте.

Горшков знал, как возникла эта идея. Нармонов все еще нуждался в

поддержке Александрова. Это укрепляло позицию генерального секретаря и ослабляло позиции многих, сидящих вокруг стола. Но чьи именно?

Падорина возмутило предложение председателя КГБ. Какое дело этим паршивым шпионам до военно-морского флота? Или до партии? Все они коррумпированные оппортунисты. Андропов продемонстрировал, чего хочет КГБ, и теперь этот щенок Герасимов нападает на вооруженные силы, которые защитили страну от империалистов, спасли от клики Андропова и всегда преданно стояли на страже интересов партии. Но разве такого не случалось и раньше? Подобно тому как Хрущев сместил Жукова, человека, сделавшего Хрущева генеральным секретарем, когда покончили с Берией, вот и теперь эти мерзавцы противопоставят КГБ военным, тем самым военным, что обеспечили их собственную безопасность...

- Что касается вас, товарищ Падорин... - продолжал Александров.

- Слушаю вас, товарищ академик, - встрепенулся адмирал. У Падорина не было выхода. Главное политическое управление дало окончательное согласие на назначение Рамиуса, что и решило исход дела. Если Рамиус действительно оказался предателем, то Падорин совершил грубейшую ошибку, но если Рамиус всего лишь пешка в чьих-то руках, то Падорин вместе с Горшковым виноваты в том, что предприняли поспешные и непродуманные действия.

Нармонов подхватил мысль Александрова:

- Товарищ адмирал, мы считаем, что меры, принятые вами в тайне от всех и направленные на то, чтобы обеспечить безопасность подводного ракетоносца "Красный Октябрь", были успешными - если только, разумеется, капитан Рамиус ни в чем не виновен и лично потопил корабль вместе с офицерами и теми американцами на борту, которые, несомненно, пытались похитить наш новейший ракетоносец. В любом случае, пока КГБ не проведет осмотр приборов, изъятых с места катастрофы, будем исходить из того, что подлодка не попала в руки противника.

Падорин несколько раз растерянно моргнул. Его сердце учащенно билось, и в левой половине груди он чувствовал острую боль. Неужели его оправдали? Но почему? Причину он понял лишь через несколько секунд. Он ведь политработник, в конце концов. Если партия хочет установить над флотом партийный контроль - вернее, усилить его, потому что флот всегда находился под контролем партии, - то Политбюро не может позволить себе устранить высшего представителя партии в командовании флотом. Теперь он превратится в вассала этих людей, и в особенности Александрова. Падорин решил, что с этим можно примириться.

А вот положение Горшкова станет весьма уязвимым. Пусть пройдет несколько месяцев, но Падорин не сомневался, что у советского флота появится новый главнокомандующий, человек, личная власть которого будет недостаточной, чтобы принимать важные решения и формулировать политику развития флота без одобрения Политбюро. Горшков приобрел слишком большой авторитет, стал слишком крупной фигурой, и партийные вожди не захотели, чтобы такой могущественный человек стоял во главе военно-морского флота.

Меня не тронут, подумал Падорин, пораженный таким везением.

- Товарищ Герасимов будет работать совместно с отделом политической безопасности вашего управления, проверять методы вашей работы и давать советы, направленные на ее улучшение.

Итак, он становится агентом КГБ с адмиральскими звездами? Ну что ж, ему сохранили жизнь, должность, дачу, а через два года он уйдет в отставку. Цена не столь уж высока. Падорин остался вполне доволен.

День шестнадцатый

Суббота, 18 декабря

Восточное побережье США

"Пиджен" ошвартовался у своего причала в Чарлстоне в четыре часа утра. Советские моряки, размещенные в кают-компании рядового состава, доставили всем массу хлопот. Как ни пытались русские офицеры ограничить контакты между своими подчиненными и их американскими спасителями, это оказалось невозможным. Попросту говоря, офицеры были бессильны перед физиологией. На "Пиджене" русских матросов хорошо кормили, а ближайший гальюн находился в нескольких ярдах на корме. И по пути туда и обратно моряки "Красного Октября" не могли не встречаться с американскими матросами. Некоторые из них были переодетыми офицерами и говорили по-русски, некоторые - специалистами по русскому языку, хотя и рядовыми, и прилетели сюда как раз в то время, когда на борт судна доставили последнюю группу русских. Тот факт, что русские, оказавшись на борту враждебного корабля, встретили столько дружески настроенных моряков, говорящих на их родном языке, обезоружил многих матросов, особенно новобранцев. Их разговоры записывались на скрытые магнитофоны для дальнейшего изучения в Вашингтоне. Петров и три младших офицера обратили внимание на ситуацию со значительным опозданием, а заметив, стали сопровождать матросов в гальюн посменно, подобно заботливым родителям. Тем не менее офицер разведки, переодетый боцманом, сумел сообщить некоторым, что каждому, кто пожелает остаться в Соединенных Штатах, будет предоставлено политическое убежище. Петров и остальные офицеры не смогли этого предотвратить. И десяти минут не прошло, как новость облетела всю команду.

Когда пришло время обеда, а он был совместным, русские офицеры снова оказались бессильны воспрепятствовать контактам, и в результате сами остались голодными, так как беспрестанно расхаживали между столами. К веселому изумлению офицеров "Пиджена", русские офицеры отказывались и от приглашений в офицерскую кают-компанию.

"Пиджен" ошвартовался с осторожностью. Спешить было некуда. Когда поставили трап, оркестр на причале начал играть американские и советские мелодии, отдавая дань совместному духу операции по спасению русских моряков. Советские моряки предполагали, что их прибытие пройдет тихо и незаметно, принимая во внимание ранний час. Но ошиблись. Как только первый советский офицер ступил на трап, его ослепили десятки софитов и оглушили крики репортеров, которые до света поднялись с постелей, чтобы встретить спасательное судно. У них появилась возможность оживить утренние репортажи событием в рождественском духе, и никто не преминул воспользоваться ею. Русским еще не доводилось встречаться с западными журналистами, и происходящее их просто ошарашило. Несмотря на все усилия морских пехотинцев,

репортеры оттеснили офицеров и перекрыли им путь. Офицеры, как один, прикинулись, что не знают ни слова по-английски, но тут оказалось, что один предприимчивый телерепортер привел с собой профессора русского языка из университета Южной Каролины. Петров, оказавшись перед полудюжиной телевизионных камер, пытался выдавить какие-то политически приемлемые фразы, надеясь, что все это - дурной сон. Понадобился целый час, чтобы рассадить всех русских моряков по трем автобусам и отправить в аэропорт. По пути рядом с автобусами мчались машины с фото- и телерепортерами, не давая русским покоя фотовспышками и вопросами, которые выкрикивались, хотя никто их не понимал. Картина в аэропорту мало отличалась от сцены в гавани. ВВС выделили транспортный самолет VC-135, но прежде чем подняться на борт, русским снова пришлось пробиваться через репортерское море. Посадка на самолет потребовала лишние полчаса.

Офицеры ВВС рассадили русских моряков. Им тут же предложили сигареты и миниатюрные бутылочки виски. К тому времени, когда транспортный самолет для столь важных персон достиг двадцати тысяч футов, на его борту все без исключения были в приподнятом настроении. По бортовой трансляции к русским обратился офицер, который объяснил, что по прибытии все подвергнутся медицинскому осмотру, а на следующий день из Советского Союза за ними пришлют самолет, но американцы надеются, что пребывание русских моряков продлится на день-другой, чтобы они смогли по достоинству оценить американское гостеприимство. Члены экипажа превзошли себя, рассказывая пассажирам о каждом приметном объекте вдоль летного маршрута, они старались заверить русских в стремлении всех американцев к мирным и дружеским отношениям с Советским Союзом и выражали свое восхищение мужеством советских моряков и скорбь по поводу гибели офицеров, успевших отправить на поверхность своих подчиненных. Все это являло собой шедевр двуличия, направленного на то, чтобы ошеломить русских. И это удалось.

Самолет пролетел на небольшой высоте над пригородами Вашингтона, приближаясь к авиабазе Эндрюз. Переводчик объяснил, что сейчас они пролетают над домами людей среднего достатка, которые принадлежат рядовым государственным служащим и рабочим, занятым в местной промышленности. На аэродроме русских ждали еще три автобуса, и вместо того чтобы обогнуть Вашингтон по кольцевому шоссе, автобусы поехали прямо через город. Американские офицеры, находившиеся в каждом автобусе, приносили извинения за транспортные пробки, объясняя, что практически каждая американская семья имеет автомобиль - а то и два или больше, - так что общественным транспортом пользуются лишь в исключительных случаях, не желая затруднять себя управлением собственного автомобиля. Ничего себе затруднения, изумленно думали советские моряки. Их замполиты скажут им потом, что это ложь, но зрелище тысяч автомобилей на дорогах доказывало обратное. Ведь не может же все это быть спектаклем, специально организованным для группы моряков за столь короткое время? Когда они проезжали через юго-восточную часть округа Колумбия, русские обратили внимание на то, сколько за рулем чернокожих - значит и им принадлежат автомобили, и сколько!

Автобусы проехали по длинному бульвару Мола, и переводчики выразили надежду, что гостям разрешат посетить музеи, доступные для каждого. В том

числе Музей авиации и космоса, где находится образец лунного грунта, доставленный с Луны американскими астронавтами на корабле "Аполло"... Русские моряки видели людей в спортивных костюмах, которые бежали по Молу, и многочисленных пешеходов на тротуарах. Между тем автобусы повернули к Бетесде и миновали наиболее привлекательные районы северо-западного Вашингтона.

В Бетесде их встретили съемочные телевизионные группы, которые вели прямую передачу по всем трем общенациональным каналам, и дружески улыбающиеся врачи военно-морского флота, которые тут же повели моряков в госпиталь для медицинского обследования.

Здесь же присутствовали десять сотрудников советского посольства, попавшие в крайне затруднительное положение. Они старались как-то контролировать контакты, но не решались нарушить атмосферу дружбы и гостеприимства, окружающую их соотечественников. Попытки вмешаться были бы расценены американской стороной как политическая провокация, стремление подорвать дух разрядки. Сюда собрали врачей из больницы Уолтера Рида и других государственных госпиталей. Они быстро и тщательно осмотрели каждого подводника, обращая особое внимание на симптомы радиационного облучения. При этом каждый русский моряк оказывался один на один с американским морским офицером, который вежливо спрашивал, не хочет ли он остаться в Соединенных Штатах, обращая особое внимание на то, что всякий, кто примет такое решение, обязан лично заявить о своем намерении представителю советского посольства. Но в этом случае разрешение остаться в Америке ему гарантировано. К ярости советских дипломатов четыре матроса выразили желание остаться в Соединенных Штатах, но потом один из них изменил свое решение после беседы с военно-морским атташе. Американцы предусмотрительно снимали каждую свою беседу на видеопленку, чтобы можно было предъявить ее в случае обвинений в оказании давления на матросов.

По окончании медицинского осмотра - к счастью, выяснилось, что уровень радиационного облучения невелик, - моряков ждал обед, после чего их разместили в гостинице для отдыха.

Вашингтон, округ Колумбия

- Доброе утро, господин посол, - поздоровался президент. Арбатов заметил, что доктор Пелт снова стоит рядом со своим боссом за огромным старинным столом. Посол предполагал, что на этот раз атмосфера встречи будет отнюдь не дружелюбной.

- Господин президент, я хочу выразить протест против попыток правительства Соединенных Штатов похитить наших моряков, - заявил Арбатов.

- Господин посол, - голос президента звучал резко, - для меня, как бывшего окружного прокурора, похищение людей является отвратительным, мерзким преступлением, и никто не имеет права без достаточных оснований обвинять в этом правительство Соединенных Штатов Америки - и тем более в этом кабинете! Мы никогда не похищали, не похищаем и не будем похищать людей. Вам это ясно, сэр?

- Мне хотелось бы добавить, Алекс, - произнес более мягким тоном доктор

Пелт, - что люди, о которых вы говорите, остались в живых только благодаря нам. Спасая ваших моряков, мы потеряли двух отличных офицеров. По крайней мере вам следовало бы выразить благодарность за наши усилия, направленные на спасение ваших соотечественников, и сожаление по поводу гибели американцев, поплатившихся за это жизнью.

- Советское правительство восхищено мужеством ваших офицеров и хотело бы выразить глубокую благодарность от имени всего советского народа за спасение наших подводников. Тем не менее, мне хотелось бы обратить внимание господина президента на то, что делаются попытки убедить наших матросов встать на путь предательства и не возвращаться на родину.

- Господин посол, когда в прошлом году ваш траулер спас экипаж нашего патрульного самолета, офицеры советских вооруженных сил предлагали нашим летчикам деньги, женщин и другие блага за информацию, которой располагали американские летчики, или за согласие остаться во Владивостоке. Разве это не так? Только не говорите, что вам об этом ничего не известно. Вы знаете, как ведется такая игра. Разве мы тогда выразили протест? Нет, мы были благодарны за спасение наших шестерых парней, и теперь, разумеется, все они вернулись на прежнюю службу. Мы всегда глубоко благодарны за любое проявление заботы о благополучии простых американских граждан. В данном случае каждому вашему офицеру и матросу было сказано, что он может остаться в Америке, если пожелает. Мы не прибегали к принуждению. Каждого, кто изъявил желание остаться здесь, мы попросили встретиться с представителем вашего посольства, чтобы дипломат мог объяснить желающему остаться у нас, почему тот совершает ошибку. Согласитесь, господин посол, что это справедливо. Мы не предлагали вашим людям ни денег, ни женщин. У нас не принято подкупать людей, и мы никогда - никогда! - не станем их похищать. Похитители людей попадают в тюрьму, по крайней мере я всегда принимал все меры к этому. Мне даже удалось добиться того, что один такой преступник был приговорен к смертной казни. Так что впредь никогда не обвиняйте меня в этом, - закончил президент, преисполненный праведного гнева.

- Мое правительство требует возвращения всех спасенных подводников, - продолжал настаивать Арбатов.

- Господин посол, любой человек в Соединенных Штатах, независимо от его национальности или того, каким образом он попал в нашу страну, находится под защитой закона. Наши судебные инстанции неоднократно принимали подобные решения. В соответствии с нашими законами нельзя заставить мужчину или женщину делать что-то против его - или ее - воли без соответствующего решения суда. Будем считать этот вопрос закрытым. А теперь у меня есть вопрос к вам. Что делал ваш подводный ракетоносец в трехстах милях от побережья Америки?

- Подводный ракетоносец, господин президент? Пелт взял со стола фотографию и передал Арбатову. Она была увеличена с видеорекордера "Сиклиффа", и на ней отчетливо видна была баллистическая ракета СС-Н-20 подводного запуска.

- Название подводного ракетоносца - "Красный Октябрь", - сказал Пелт. - Он взорвался и затонул в трехстах милях от берега Южной Каролины. Алекс, между нашими государствами существует договор, что корабли такого класса не

будут подходить к берегам каждой из стран ближе, чем на пятьсот миль - восемьсот километров. Мы требуем объяснений, почему эта субмарина оказалась так близко у нашего побережья. Не говорите, что это фальшивка. Даже если бы мы захотели пойти на такую глупость, у нас просто не хватило бы времени. Это одна из ваших ракет, господин посол, и на подлодке находилось еще девятнадцать таких же. - Пелт намеренно назвал ошибочное число ракет, - Таким образом, правительство Соединенных Штатов обращается к правительству Советского Союза с просьбой объяснить, как этот ракетоносец оказался здесь и почему столько других ваших кораблей находятся недалеко от наших берегов.

- Это и есть, должно быть, потонувшая субмарина, - высказал предположение Арбатов.

- Господин посол, - мягко заметил президент, - ракетоносец взорвался и затонул только в четверг, через семь дней после того, как вы сказали нам об этом. Короче говоря, господин посол, ваше объяснение, представленное нам в прошлую пятницу, не совпадает с реально установленными фактами.

- В чем заключается ваше обвинение? - возмутился Арбатов.

- Ни в чем, Алекс, - пожал плечами президент. - Если наш договор больше не действует, значит, он потерял силу. Насколько я помню, мы на прошлой неделе обсуждали и эту проблему. Сегодня к вечеру американский народ узнает обстоятельства происшедшего. Вы достаточно знакомы с нашей страной, чтобы представить реакцию американских граждан. А пока я не вижу оснований для вашего флота продолжать свое пребывание у берегов Америки. Так называемая "спасательная операция" успешно завершена, и дальнейшее присутствие советского флота может рассматриваться только как провокация. Я хочу, чтобы вы и ваше правительство подумали о том, что говорят сейчас мне командующие родами войск - или, если вам это больше нравится, что посоветовали бы советские военные генеральному секретарю Нармонову, если бы ситуация была обратной. Мне требуются объяснения. В случае их отсутствия мне придется выбирать всего одну из немногочисленных версий - и мне не хотелось бы делать такой выбор. Передайте это своему правительству и скажите, что, поскольку несколько ваших моряков предпочли остаться у нас, мы скоро, вероятно, сами узнаем, что произошло на самом деле. До свиданья.

Арбатов вышел из кабинета и повернул налево, к западному выходу. Морской пехотинец распахнул перед ним двери - жест вежливости, не зависящий от выражения глаз. Шофер посла, ожидавший его у "кадиллака", услужливо открыл дверцу лимузина. Шофер был главой отдела политической разведки КГБ в вашингтонской резидентуре.

- Итак, - произнес он, глядя на поток транспорта, несущийся по Пенсильвания-авеню, прежде чем сделать левый поворот.

- Встреча прошла в точности, как я предсказывал, и теперь можно не сомневаться, почему они похищают наших людей, - ответил Арбатов.

- Почему же, товарищ посол? - удивился шофер. Он тщательно скрывал свое раздражение. Всего несколько лет назад этот партийный чиновник не решился бы тянуть время в разговоре со старшим офицером КГБ. Просто позор, что происходит с Комитетом государственной безопасности после смерти товарища Андропова. Но скоро все наладится, в этом он не сомневался.

- Президент практически обвинил нас в том, что мы намеренно послали

подводный ракетоносец к американскому побережью, нарушив тем самым секретный протокол, подписанный нашими странами в 1979 году. Они удерживают наших людей, чтобы допросить их, дознаться, каковы были приказы, полученные командиром подлодки. Как вы думаете, сколько времени потребуется для этого сотрудникам ЦРУ? Сутки? Или двое? - Арбатов сердито покачал головой. - Не исключено, что они уже знают ответ - ведь рецепт очень прост: наркотики, женщины - вот языки этих молодых парней и развязались! Президент предложил также Москве подумать о том, что советуют ему сейчас горячие головы из Пентагона. И не только советуют, а требуют. Тут ведь нет никакой тайны, а? Они, бесспорно, утверждают, что мы проводили репетицию внезапного атомного нападения на Соединенные Штаты - может быть, даже пытались его осуществить! Как будто мы не работаем день и ночь над проблемой мирного сосуществования. Кретины, они подозревают всех, испытывают страх перед происходящим и приходят в ярость из-за этого.

- Неужели вы осуждаете их, товарищ посол? - спросил шофер, запоминая и анализируя каждое слово, готовя свое собственное донесение в московский центр.

- И еще он добавил, что не видит больше причин для дальнейшего пребывания нашего флота в непосредственной близости от берегов Америки.

- В какой форме он это сказал? В форме требования?

- Достаточно вежливо. Он говорил мягче, чем я ожидал. Это беспокоит меня. Мне кажется, что американцы что-то готовят. Бряцание сабли вызывает шум, а намерение извлечь ее из ножен не привлекает внимания. Он потребовал объяснения происшедшего. Что ответить ему? Что действительно происходит?

- Думаю, мы никогда не узнаем об этом. - Старшему офицеру резидентуры КГБ была известна причина, вызвавшая появление советского флота у берегов Америки - первоначальная причина, какой бы невероятной она не казалась. Его поразило, что морская разведка и ГРУ допустили такой фантастический промах. Донесение агента Кассия было не менее невероятным. Шофер посольского лимузина лично передал его в Москву. Неужели Соединенные Штаты и Советский Союз, эти две могущественные державы, пали жертвой какой-то третьей силы? Операция вышла из-под контроля, американцы пытаются найти виновного и выяснить, как это произошло, чтобы потом предпринять нечто подобное? Это походит на правду, но а все остальное? Шофер нахмурился, глядя на проносящиеся мимо автомобили. Полученный из московского центра приказ гласил: выяснить немедленно, является ли это операцией ЦРУ. По его мнению ЦРУ не имело отношения к происшедшему. А если имело, то на этот раз ему удалось необыкновенно удачно замести следы. Неужели существует возможность скрыть столь сложную операцию? Вряд ли. Независимо от этого ему и его сотрудникам понадобится не одна неделя неустанного труда, чтобы разгадать эту тайну и выяснить, что говорят в Лэнгли и о чем сообщают оперативники, в то время как остальные резидентуры КГБ будут заниматься тем же во всем мире. Если ЦРУ удалось внедрить своего агента в командование Северного флота, он это узнает. Тут он не сомневался. Ему даже хотелось, чтобы это было так. Тогда всю ответственность за провал понесет ГРУ и его престиж упадет точно так же, как несколькими годами раньше военной разведке удалось уронить престиж КГБ. Если он правильно оценивает ситуацию, Политбюро собирается

использовать КГБ против ГРУ и военных, позволить московскому центру провести свое независимое расследование случившегося. Каков бы ни был конечный результат, КГБ опередит всех и ослабит влияние вооруженных сил. В любом случае его организация выяснит, что произошло на самом деле, и если это подорвет позиции соперников - тем лучше...

***

Когда за советским послом закрылась дверь Овального кабинета, доктор Пелт открыл дверь в соседнюю комнату, и в кабинет вошел судья Мур.

- Господин президент, давненько я не прятался в шкафах, - улыбнулся директор ЦРУ.

- Вы действительно полагаете, что все пройдет удачно? - спросил доктор Пелт.

- Теперь я не сомневаюсь в этом, - кивнул Мур и опустился в удобное кожаное кресло.

- Вам это не кажется слишком рискованным, судья? - спросил Пелт. - Я имею в виду проведение столь сложной операции.

- В том-то и вся прелесть этого дела, доктор. Мы ничего не проводим. Советы делают это вместо нас. Да, конечно, множество наших агентов будут шнырять по Восточной Европе, задавая массу вопросов. То же самое относится и к парням сэра Базила. Французы и агенты Моссада уже там, потому что мы запросили, что им известно о пропавшей подлодке. КГБ узнает об этом очень быстро и задастся вопросом: почему это агенты четырех главных западных спецслужб пытаются выяснить одно и то же, вместо того чтобы хранить молчание - если это их совместная операция.

Тут нужно оценить дилемму, перед которой окажутся Советы, - им придется сделать выбор между двумя одинаково непривлекательными версиями. С одной стороны, они могут прийти к выводу, что один из их самых надежных морских офицеров совершил измену беспрецедентного масштаба. Вы видели наше досье на капитана Рамиуса. Он является образцовым офицером, примером для подражания, новым советским человеком. При этом нужно учесть, что в заговор, целью которого является бегство за границу, неизбежно должны быть вовлечены офицеры, которым доверяют в равной степени. У Советов существует психологический барьер - они просто не в состоянии поверить, что такие люди могут покинуть созданный в России рай для трудящихся. Согласен, это кажется парадоксальным, принимая во внимание те колоссальные усилия, которые они затрачивают на то, чтобы удержать людей в пределах своей страны, но это, тем не менее, обстоит именно так. Когда за границей остается сотрудник КГБ или балерина - это одно, но когда так поступает сын члена Политбюро, офицер, за плечами которого почти тридцать лет безупречной службы, - это совсем иное. Кроме того, следует принять во внимание, что капитан первого ранга обладает массой привилегий; его бегство можно сравнить с заявлением миллионера, сделавшего свое состояние благодаря неустанному труду и предприимчивости, что он хочет оставить Нью-Йорк и переселиться в Москву. Они просто не поверят этому.

С другой стороны, Советы могут поверить придуманной нами легенде,

которую мы передали через Хендерсона. Эта версия тоже не слишком привлекательна, зато ее поддерживает множество косвенных доказательств, особенно наши усилия, направленные на то, чтобы убедить русских моряков не возвращаться в Россию. Вы ведь заметили, в какую ярость это привело их. С точки зрения русских, такое поведение является грубым нарушением законов цивилизованного общества. Кроме того, резкое заявление президента по поводу того, что мы обнаружили взорванный ракетоносец, тоже является доказательством версии Хендерсона.

- И какой же выбор они сделают? - спросил президент.

- Это, сэр, вопрос, скорее всего психического характера. Нам трудно понять советскую психологию. Когда перед ними встанет выбор между коллективной изменой десяти офицеров и внешним заговором, мне кажется, они выберут последнее. Чтобы поверить в измену заслуженных офицеров, им придется пересмотреть всю систему своих убеждений. А кому это понравится? - Мур широко развел руками. - А вот другой вариант означает, что сделана попытка подорвать безопасность их государства внешними силами. Таким образом они сочтут себя жертвой, что для них более приемлемо, чем необходимость признать противоречия, существующие в советской политической философии. Вдобавок к этому следует принять во внимание, что расследование будет поручено КГБ.

- Почему вы так считаете? - спросил Пелт, увлеченный объяснениями судьи.

- И в том и в другом случае - в измене морских офицеров или в недостаточной бдительности, которая привела к нарушению безопасности военно-морского флота, ответственность падает на ГРУ. Безопасность вооруженных сил и военно-морского флота - сфера его компетенции, тем более что после смерти Андропова престиж КГБ резко упал. Советы не могут позволить какой-то организации вести собственное расследование - по крайней мере не в их разведывательном сообществе. Таким образом КГБ начнет копаться в делах своего соперника. С точки зрения КГБ, расследование, проводимое другой спецслужбой, является куда более привлекательной альтернативой, позволяющей провести по-настоящему широкую операцию. Если КГБ удастся подтвердить версию Хендерсона и убедить всех, что она соответствует действительности, - а можно не сомневаться, что так оно и произойдет, - он будет выглядеть подлинным стражем интересов государства, сумевшим раскрыть подлый заговор, направленный на подрыв его могущества.

- Значит, версия Хендерсона будет подтверждена?

- Несомненно! В делах разведки стоит потратить усилия на поиски чего-то, и ты непременно добьешься успеха независимо от того, существует ли это в действительности. Господи, да мы в гораздо большем долгу у этого Рамиуса, чем он когда-либо узнает. Такая возможность выпадает раз в поколение. Мы просто не можем проиграть.

- Но в результате это пойдет на пользу КГБ, - заметил Пелт. - А выиграем ли при этом мы?

- Рано или поздно это должно было произойти, - пожал плечами Мур. - Вооруженные силы обрели слишком большой вес, стали слишком влиятельными после смещения или, возможно, убийства Андропова, подобно тому как это случилось в пятидесятые годы после устранения Берии. Прочность советской

власти основывается на политическом контроле за вооруженными силами - как и у нас, только в большей степени. Разогнав высшее командование, КГБ сделает всю грязную работу и утвердит авторитет партии. Это вполне закономерно, так что, если мы сможем тут извлечь какие-то выгоды, - тем лучше. Осталось сделать совсем немного.

- А именно? - спросил президент.

- Примерно через месяц посредством нашего друга Хендерсона устроить утечку информации относительно того, что наша подводная лодка следила за "Красным Октябрем" от самой Исландии.

- Но зачем? - удивился Пелт. - Тогда они узнают, что мы обманывали их, что весь скандал из-за подводного ракетоносца был сфабрикован.

- Не совсем так, доктор, - улыбнулся Мур. - То, что подводный ракетоносец оказался так близко у нашего побережья, по-прежнему является нарушением соглашения, и, с их точки зрения, мы не знаем, почему он оказался здесь до тех пор, пока не допросим членов команды" оставшихся в Соединенных Штатах, которые вряд ли знают что-либо ценное. Советы придут к выводу, что мы не рассказали им всей правды о случившемся. Тот факт, что мы следовали за их подлодкой и могли уничтожить ее в любой момент, лишь подтверждает двуличность, в которой они нас все время подозревали. Мы также заявим, что "Даллас" стал свидетелем аварии реактора, прослушивая шумы своим гидролокатором, и это объясняет близость нашего спасательного судна. Русские знают - или подозревают, - что мы скрываем от них что-то. Это введет их в заблуждение относительно того, что мы скрываем на самом деле. У них даже есть поговорка - "подложить свинью". И тогда они пустятся во все тяжкие, стараясь выяснить подробности якобы проведенной нами операции, но ничего не обнаружат. О всех деталях в ЦРУ знают лишь Грир, Риттер и я. Нашим оперативникам дано задание выяснить, что происходит, и это все, что от них можно узнать.

- Как относительно Хендерсона, и сколько наших людей знают о ракетоносце? - спросил президент.

- Стоит Хендерсону проговориться, и он подпишет свой смертный приговор. КГБ никогда не прощает двойных агентов и никогда не поверит в то, что мы ввели его в заблуждение относительно случившегося. Он понимает это, да и мы внимательно следим за ним - так, на всякий случай. Сколько людей знает о ракетоносце? Сотня, пожалуй, и это число несколько увеличится. Но не забывайте, по мнению русских, около нашего побережья покоятся на дне две русские подлодки и потому у них нет никаких сомнений в том, что снаряжение, которое появится в наших лабораториях, было поднято нами с морского дна. Мы, разумеется, воспользуемся батискафом "Гломар эксплорер" именно для этой цели. Если мы не сделаем этого, у них возникнут подозрения. Стоит ли разочаровывать их? Рано или поздно русские все равно могут догадаться о сути дела, но к этому времени корпус их ракетоносца, с которого будет снято все, что можно снять, будет покоиться на дне моря.

- Значит, мы не сможем хранить этот секрет вечно? - спросил Пелт.

- Вечность - чертовски долгое время. Однако и это не исключено. А пока секрет будет в безопасности, раз о нем знает всего сотня людей. Через год, скорее, через два или три, русские сумеют собрать достаточно информации,

чтобы у них возникли подозрения о том, что же произошло на самом деле, но к тому времени не останется вещественных доказательств. Более того, если КГБ докопается до правды, захочет ли он докладывать об этом? Окажись на его месте ГРУ, оно, конечно, сообщит обо всем, и хаос, возникший в их разведывательном сообществе окажется нам только на руку. - Мур достал сигару из кожаного портсигара. - Как я уже сказал, Рамиус предоставил в наше распоряжение колоссальные возможности в нескольких областях. А самое лучшее заключается в том, что от нас фактически ничего не требуется. Русские займутся черновой работой, будут искать то, чего нет на самом деле.

- Как мы поступим с теми русскими, которые попросили политического убежища, судья? - спросил президент - О них позаботятся, господин президент. Мы знаем, как делать это, и к нам редко поступают жалобы на гостеприимство ЦРУ: Понадобятся месяцы, чтобы допросить их, и мы будем готовить русских к жизни в Америке. Они получат новые имена и биографии, в случае необходимости будут проведены косметические операции, а после этого им не придется работать всю оставшуюся жизнь, если они сами этого не захотят. Почти все перебежчики изъявляют такое желание. Полагаю, для них найдется работа на флоте - скажем, в роли консультантов по вопросам противолодочной обороны.

- Я хочу встретиться с ними, - внезапно сказал президент.

- Это можно устроить, сэр, только придется проявить осторожность, - предупредил судья Мур.

- Думаю, встреча в Кемп-Дэвиде пройдет достаточно незаметно. И прошу вас, судья, позаботиться о Райане.

- Понятно, сэр. Мы уже продвигаем его и очень быстро. У него блестящее будущее, можете мне верить.

Тюратам, Казахстан

Причина того, почему "Красному Октябрю" пришлось погрузиться задолго до рассвета, находилась на земной орбите на высоте восьмисот километров. Это был "Альбатрос-8", огромный спутник, специально предназначенный для радиолокационной океанской разведки. Он был выведен на околоземную орбиту одиннадцать месяцев назад тяжелой ракетой-носителем с космодрома Тюратам в Казахстане.

"Альбатрос-8" пролетел над проливом Памлико в 11.31 по местному времени. Компьютеры на его борту были запрограммированы на слежение за термическим излучением по всему видимому горизонту, на наблюдение за всем, что попадет в поле видимости, и на регистрацию любого инфракрасного излучения, соответствующего запрограммированным параметрам сбора данных. Продолжая полет по своей орбите, он пролетел над соединениями американского флота, и станция радиолокационного" подавления сигналов на линкоре "Нью-Джерси", направленная вверх, включилась для глушения его электронных импульсов. Записывающие системы спутника должным образом записали радиолокационное глушение. Импульсы подавления радиолокационных сигналов расскажут операторам об американских способах ведения радиолокационной войны. Когда "Альбатрос-8" пролетал над Северным полюсом, параболическая антенна в его передней части нацелилась на несущую частоту спутника связи

"Искра".

Как только разведывательный спутник обнаружил своего собрата, находящегося на большей высоте, по лазерному каналу связи было передано содержание банка памяти "Альбатроса". "Искра" немедленно ретранслировала полученную информацию на свою наземную станцию в Тюратаме. Сведения были также приняты пятнадцатиметровой параболической антенной, расположенной в западном районе Китая и используемой совместно Агентством национальной безопасности США и китайскими спецслужбами для своих целей. Американцы тут же передали их через свой спутник связи в штаб-квартиру АНБ в Форт-Мид, Мэриленд. Почти одновременно цифровой сигнал подвергся расшифровке двумя группами специалистов, находящихся в пяти тысячах миль одна от другой.

- Безоблачная погода, - простонал русский техник. - На кой нам их безоблачная погода!

- А что в том плохого. - Его сосед у пульта поблизости следил за информацией, поступающей через геосинхронный метеоспутник, который вел наблюдение за Западным полушарием. Сведения о погоде на территории враждебной страны имеют немалую стратегическую ценность. - К их побережью приближается очередной холодный фронт. Зима там походит на нашу. Надеюсь, им нравится такая погода.

- Им, но не нашим морякам. - Техник мысленно содрогнулся при мысли о шторме в море. Прошлым летом он отправился в круиз по Черному морю и страшно мучился от морской болезни. - Ага! Что это? Можно вас, товарищ полковник?

- В чем дело? - Старший дежурный офицер тут же подошел к нему.

- Вот посмотрите, товарищ полковник. - Техник провел пальцем по телевизионному экрану. - Это пролив Памлико, в центральной части восточного побережья Соединенных Штатов.

Видите? - Инфракрасное изображение воды на экране казалось черным, но когда техник отрегулировал дисплей, оно превратилось в зеленое с двумя белыми пятнами, причем одно было больше другого. Дважды большое изображение раздваивалось. Картинка на экране показывала поверхность воды, а часть ее была на половину градуса теплее, чем ей полагалось. Разница в температуре не была постоянной, но давала основание предположить, что что-то в заливе добавляет тепла воде.

- Может быть, солнечный свет? - спросил полковник.

- Нет, товарищ полковник, при безоблачном небе вся водная поверхность нагревается одинаково, - спокойно объяснил техник. Он всегда вел себя спокойно, когда обнаруживал что-то любопытное. - Две подводные лодки, может быть, три, на глубине тридцати метров под водой.

- Вы уверены в этом?

Техник щелкнул переключателем, и на экране появилось рубчатое изображение мелких волн на поверхности воды.

- На поверхности ничего нет, что могло бы настолько повысить температуру воды, товарищ полковник. Источник тепла находится под водой. Это время года не подходит для спаривания китов. Значит, под водой могут находиться только атомные подлодки - скорее всего две, может быть, три. Думаю, товарищ полковник, американцы так напуганы появлением нашего флота у их побережья, что скрыли свои подводные ракетоносцы. Их база находится всего

в нескольких сотнях километров от пролива. Возможно, один из американских ракетоносцев нашел здесь укрытие, а ударная подлодка охраняет его, как это принято у нас.

- В этом случае он скоро покинет укрытие. Наш флот отзывают домой.

- Жаль, было бы интересно последить за ним. Это редкая возможность, товарищ полковник.

- Действительно. Молодец.

Через десять минут информация о подводных лодках в проливе Памлико была передана в Москву.

Главный штаб ВМФ СССР, Москва

- Мы воспользуемся этой возможностью, товарищ адмирал, - решил Горшков. - Мы отзываем свой флот, но позволим нескольким ударным подлодкам остаться у американских берегов для сбора электронной информации. Во всей этой путанице американцы наверняка упустят несколько наших подлодок. Передислоцируется такое количество кораблей.

- Весьма вероятно, - согласился начальник морских операций.

- Этот ракетоносец направится на юг, скорее всего, в свою базу в Чарлстоне, или в Кингс-Бей. Или на север, в Норфолк. У Норфолка у нас находится "Коновалов", а у Чарлстона - "Шабликов". Пожалуй, пусть обе подлодки останутся на своих позициях еще несколько суток. Нужно предпринять решительные шаги, чтобы продемонстрировать нашим политическим руководителям, что у нас по-настоящему боеспособный флот. Преследование ракетоносца будет только началом.

- Соответствующие приказы будут готовы через пятнадцать минут, товарищ командующий. - Начальник морских операций тоже считал это хорошей мыслью. Ему не понравилось решение Политбюро, которое он получил от Горшкова. Правда, если Сергея снимут с поста главнокомандующего военно-морскими силами страны, его должность освободится, и начальник морских операций мог бы оказаться хорошим кандидатом...

Линкор "Нью-Джерси"

Шифровка "Красная ракета" оказалась в руках Итона несколько минут назад: из Москвы только что поступили подробные оперативные распоряжения через спутник связи, адресованные командованию советских соединений в Атлантике. Теперь русские оказались в безвыходном положении, подумал коммодор. Их окружали три американские боевые группы - "Кеннеди", "Америка" и "Нимиц" - все три под оперативным командованием Джошуа Пойнтера. Итон видел все три. Кроме того, в его оперативном подчинении находилась "Тарава", что усиливало боевую группу "Нью-Джерси". Коммодор направил бинокль на "Киров".

- Капитан, объявить боевую тревогу по кораблям группы.

- Слушаюсь. - Начальник оперативного отдела соединения поднес к губам микрофон:

- Синие мальчики, это Синий король. Янтарный свет, повторяю. Янтарный

свет. Приступайте. Конец связи.

Итон услышал, как через четыре секунды на "Нью-Джерси" загремели колокола громкого боя. Команда бежала к орудиям.

- Расстояние до "Кирова"?

- Тридцать семь тысяч шестьсот ярдов, сэр. Каждые несколько минут мы проверяли дистанцию по лазерному дальномеру.

Орудия наведены, сэр, - доложил офицер-артиллерист. - Башни главного калибра по-прежнему заряжены подкалиберными снарядами, и огневое решение корректируется каждые тридцать секунд. Рядом с командным постом Итона на адмиральском мостике зазвонил телефон.

- Итон слушает.

- Все боевые, посты готовы, коммодор, - доложил командир линкора. Итон посмотрел на секундомер.

- Отлично, капитан. Мы неплохо подготовили команду. В центре боевой информации "Нью-Джерси" на цифровых дисплеях высвечивалось точное расстояние до центральной мачты "Кирова". Всегда нужно сначала обстрелять и вывести из строя флагманский корабль противника. Вопрос заключался лишь в том, какие повреждения способен выдержать "Киров" и от чего погибнет - от артиллерийских снарядов или от противокорабельных ракет "томагавк". Самое главное, повторял главный артиллерист в течение последних нескольких дней, это потопить "Киров", прежде чем в бой вступят самолеты. "Нью-Джерси" еще ни разу не потопил вражеский корабль в бою один на один. Сорок лет - солидный возраст для ожидания столь знаменательного события.

- Они поворачивают, - доложил артиллерист.

- Вижу. Посмотрим, куда направятся.

Когда Итон получил шифровку, эскадра во главе с атомным крейсером "Киров" шла на запад, а теперь корабли эскадры совершили поворот направо "все вдруг" <Поворот "все вдруг" - морской маневр, при котором группа кораблей одновременно совершает поворот.>.

Поворот закончился, когда они вышли на курс ноль-четыре-ноль.

Итон вложил бинокль в чехол.

- Они возвращаются обратно. Сейчас мы сообщим об этом в Вашингтон. Команда останется пока на местах по боевому расписанию.

Международный аэропорт Даллеса

Советы превзошли себя, стараясь как можно быстрее вывезти своих моряков из Соединенных Штатов. Авиалайнер Ил-62 сняли с международных перевозок и послали прямо из Москвы в аэропорт Даллеса. Он приземлился на рассвете. Почти точная копия британского DC-10, советский четырехмоторный самолет вырулил для заправки в самый дальний конец аэродрома. Вместе с группой пассажиров, оставшихся в салоне и не вышедших размять ноги, на самолете прибыл запасной экипаж, чтобы авиалайнер мог немедленно вылететь обратно. От пассажирского терминала в двух милях от самолета к нему направились два автобуса. В них находились моряки "Красного Октября". Они смотрели в окна на засыпанные снегом окрестности, понимая, что видят Америку в последний раз. Все молчали. Их подняли на рассвете в Бетесде и доставили автобусами в

аэропорт всего час назад. На этот раз репортеров не было.

Четыре офицера, девять мичманов и матросы разбились на кучки. Каждую группу отвели в отдельную часть самолета. К офицерам и мичманам прикрепили по одному сотруднику КГБ, и допрос начался, как только Ил-62 начал свой разбег. К тому времени, когда авиалайнер достиг крейсерской высоты, большинство членов команды уже раскаивались в том, что не остались в Америке.

- Капитан Рамиус не вел себя как-то странно? - спросил у Петрова майор КГБ.

- Нет, разумеется! - поспешил с ответом Петров, защищая своего командира. - Разве вы не знаете, что на лодке произошла диверсия? Нам повезло, что вообще удалось спастись!

- Что за диверсия?

- Повреждение реакторной системы. Я не инженер и не могу объяснить технические детали, зато мне удалось обнаружить утечку радиации. Видите ли, на значках с пленкой, чувствительной к радиации, появились признаки радиационного заражения, а дозиметры в машинном отделении не регистрировали этого. Вредители не только вызвали аварию реактора, но и вывели из строя все приборы, регистрирующие утечку радиации. Я сам видел это. Старшему механику Мелехину пришлось самому отремонтировать несколько дозиметров, чтобы обнаружить место утечки радиации в трубах охлаждения реактора. Пусть лучше об этом расскажет Свиядов. Он сам видел это.

Офицер КГБ продолжал записывать.

- А что делала ваша подлодка так близко к американскому побережью?

- Что вы имеете в виду? Разве вы не знаете, каковы были полученные нами приказы?

- А что это за приказы, товарищ доктор? - Офицер КГБ посмотрел прямо в глаза Петрову. Врач объяснил смысл приказов.

- Я сам их видел. Они были вывешены на доске объявлений в Ленинской комнате, чтобы все могли ознакомиться с ними. Как обычно.

- Кто их подписал?

- Адмирал Коров. Кто же еще?

- Они не показались вам несколько странными? - раздраженно спросил майор.

- А вы сомневаетесь в получаемых вами приказах, товарищ майор? - собрался с мужеством Петров. - Я не сомневаюсь.

- Так что же случилось с вашим замполитом? В другом отсеке Иванов объяснял, как "Красный Октябрь" был обнаружен американскими и английскими кораблями.

- Но капитан Рамиус блестяще провел маневр уклонения! И мы сумели бы скрыться, если бы не авария этого проклятого реактора. Вы должны найти ответственного за эту диверсию, товарищ капитан. Я лично хочу присутствовать при его расстреле!

- Каковы были последние слова вашего капитана? - бесстрастно спросил офицер КГБ.

- Он приказал мне держать под контролем моих людей, не разрешать им разговаривать с американцами, больше чем это необходимо, и добавил, что наш

корабль никогда не достанется американцам. - Глаза Иванова наполнились слезами при мысли о гибели его корабля вместе с командиром. Лейтенант был гордым представителем советской молодежи и пользовался немалыми привилегиями как сын академика и видного партийного деятеля. - Товарищ капитан, вы и ваши люди должны найти мерзавцев, ответственных за это.

- Сам акт диверсии был организован исключительно умело, - объяснял Свиядов, который сидел поблизости. - Даже товарищ Мелехин сумел обнаружить место утечки лишь после третьего осмотра реакторного отсека, и он поклялся отомстить негодяям, сделавшим это. Я лично видел это место, - продолжал лейтенант, забыв , что он вообще-то не видел его. Его объяснения были очень подробными, и он даже начертил схему места утечки. - А вот об окончательной аварии, которая привела к остановке реактора, я ничего не знаю. Как раз подошло время моей вахты, но я не успел заступить на нее. Товарищи Мелехин, Сурпой и Бугаев несколько часов бились, чтобы запустить вспомогательный двигатель. - Он покачал головой. - Я хотел помочь им, но товарищ Рамиус запретил. Тогда я попробовал нарушить приказ командира и все-таки прийти на помощь, но тут вмешался товарищ Петров.

Через два часа высоко над Атлантикой офицеры КГБ собрались в кормовом отсеке и сравнили собранные ими сведения.

- Если командир подлодки все время притворялся, то делал это поразительно искусно, - подвел итог полковник, руководивший предварительным допросом. - Приказы, которые он отдавал своим подчиненным, были безукоризненно правильными. Распоряжение о предстоящей операции вывесили на доске объявлений, чтобы с ним могла ознакомиться вся команда, как обычно принято.

- Но кто из команды знаком с подписью Корова? А спросить самого адмирала мы не можем, верно? - заметил майор. Командующий Северным флотом умер от кровоизлияния в мозг через два часа после первого допроса на Лубянке, чем немало расстроил всех. - В конце концов, его подпись могли подделать. А разве у нас есть секретная база для подводных лодок на Кубе? И как объяснить смерть замполита?

- Врач убежден, что это был несчастный случай, - возразил второй майор. - По мнению командира подлодки, замполит ударился головой о край стола, - но причиной смерти был перелом шейных позвонков. Мне кажется, что им следовало запросить по радио, как поступить в такой ситуации.

- В приказе говорилось о радиомолчании, - сказал полковник. - Я проверил. Это совершенно нормально для подводных ракетоносцев. Интересно, насколько искусен был этот капитан Рамиус в приемах борьбы? Он мог убить замполита?

- Не исключено, - пробормотал майор, который допрашивал Петрова. - Рамиус не проходил специальной подготовки, но нетрудно убить ничего не подозревающего человека.

Полковник не знал, согласиться с этим или возразить.

- Кто-нибудь из членов команды знал, что готовится попытка укрыться в Америке, изменить родине? - Все отрицательно покачали головами. - Поведение командира подлодки не вызывало удивление все время плавания?

- Да, товарищ полковник, - произнес молодой капитан. - Иванов,

оставшийся в живых штурман, говорит, что уклонение от империалистических надводных и подводных кораблей командир осуществлял мастерски - в точном соответствии с установленными правилами, но с поразительным искусством - в течение двенадцати часов. Я не могу сказать, можно ли сейчас говорить об измене. Пока, во всяком случае. - Каждый из офицеров знал, что все моряки останутся на Лубянке и будут изо дня в день подвергаться там длительным допросам.

- Ну хорошо, - подвел итог полковник, - в настоящее время у нас нет доказательств измены офицеров подлодки, верно? Таково и мое мнение. Продолжайте допрашивать членов команды, товарищи, вплоть до прибытия в Москву, только более мягко. Пусть они успокоятся и почувствуют облегчение.

Обстановка в салонах самолета постепенно смягчилась. Разнесли пишу и дали по стакану водки, чтобы развязать языки и укрепить дружеские отношения с офицерами КГБ, которые пили воду. Все понимали, что какое-то время они будут находиться в заключении, и это было воспринято с фатализмом, поразительным для жителей Запада. Сотрудники КГБ будут работать несколько недель, стараясь восстановить каждое событие на борту ракетоносца с того самого момента, как отдали швартовы в Полярном, до появления последнего члена команды на "Мистике". Группы сотрудников КГБ уже действовали в разных странах мира, пытаясь выяснить, не является ли случившееся с "Красным Октябрем" заговором ЦРУ или других спецслужб. КГБ найдет ответ на этот вопрос, но полковник, руководящий расследованием, начал понимать, что, допрашивая этих моряков, путь к разгадке тайны обнаружить не удастся.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Нойз разрешил Рамиусу пройти под его наблюдением пятнадцать футов от медпункта до кают-компании. Пациент выглядел не лучшим образом, но это объяснялось главным образом тем, что ему нужно было помыться и побриться, как и всем на борту подлодки. Бородин и Манкузо помогли ему сесть в кресло во главе стола.

- Итак, Райан, как вы поживаете сегодня?

- Отлично. Спасибо, капитан Рамиус, - улыбнулся Райан, поднося к губам чашку кофе. Говоря по правде, он испытывал огромное облегчение, потому что в последние несколько часов управление ракетоносцем оставалось в руках людей, которые разбирались в этом. И хотя Райан считал часы, оставшиеся до момента, когда сможет покинуть "Красный Октябрь", впервые за последние две недели он не испытывал ни страха, ни приступов морской болезни. - А как ваша нога, сэр?

- Болит. Нужно научиться вести себя так, чтобы в тебя больше не стреляли. Не помню, сказал ли я, что обязан вам жизнью, как и все на борту "Красного Октября"?

- Я заботился и о собственной, - смущенно ответил Райан.

- Доброе утро, сэр! - Это был голос кока. - Разрешите приготовить вам завтрак, капитан Рамиус?

- Да, я очень голоден.

- Отлично! Настоящий завтрак, который готовят на американском флоте. И

позвольте принести свежий кофе. - Кок исчез в коридоре и через тридцать секунд вернулся с кофе и столовым прибором для Рамиуса. - Завтрак будет готов через десять минут, сэр.

Рамиус налил чашку кофе. На блюдечке, рядом с чашкой, лежал маленький пакетик.

- Что это? - недоуменно спросил он.

- Сливки к вашему кофе, капитан, - улыбнулся Манкузо. Рамиус оторвал уголок пакета, с подозрением заглянул внутрь, вылил содержимое в чашку и размешал.

- Когда мы уходим отсюда?

- Завтра, - ответил Манкузо. "Даллас" время от времени всплывал на перископную глубину, чтобы получить оперативные указания, которые затем передавал на "Красный Октябрь" по "гертруде". - Несколько часов назад нам сообщили, что советский флот возвращается домой северо-восточным курсом. К закату мы убедимся в этом. Наши парни внимательно следят за ним.

- И куда пойдем?

- Когда вы обращались к команде, о каком пункте назначения шла речь?" - поинтересовался Райан. - И что говорилось в вашем письме?

- Вы знаете о моем письме? Но каким образом?

- Мы знаем - точнее, я знаю о том, что вы послали письмо. Это все, что мне известно, сэр.

- Я сообщил дяде Юре, что мы направляемся в Нью-Йорк, чтобы подарить этот корабль президенту Соединенных Штатов.

- Но вы шли не в Нью-Йорк, - возразил Манкузо.

- Нет, конечно. Я намерен был идти в Норфолк. Зачем направляться в гражданский порт, когда есть военно-морская база? По-вашему, мне следовало сказать Падорину правду? - Рамиус покачал головой. - Какой смысл? Ваше побережье достаточно велико.

Дорогой адмирал Падорин, я плыву в Нью-Йорк... Неудивительно, что русские, как с цепи сорвались, подумал Райан.

- Значит, мы идем в Норфолк или Чарлстон? - спросил Рамиус.

- Думаю, в Норфолк, - ответил Манкузо.

- Неужели вы не знаете, что они послали в погоню за вами весь флот? - резко бросил Райан. - Зачем было вообще посылать это письмо?

- Чтобы сообщить им о моем решении, - ответил Рамиус. - Я хотел, чтобы они знали об этом. Я не предполагал, что кто-то сумеет обнаружить нас. Вы преподнесли нам изрядный сюрприз.

- Мы обнаружили вас у побережья Исландии, - попытался улыбнуться американский шкипер. - Вам повезло больше, чем вы думаете. Если бы мы вышли в море из Англии в соответствии с графиком, то оказались бы на пятнадцать миль ближе к берегу и тогда уж точно опознали бы вас. Извините, капитан, но у нас и гидролокаторы и акустики выше классом. Если хотите, можете чуть позже поговорить с человеком, сумевшим обнаружить вас. Сейчас он работает с вашим Бугаевым.

- Это старшина, - пояснил Бородин.

- Значит, он не офицер? - удивился Рамиус.

- Нет, просто очень хороший акустик, - ответил Манкузо. А разве

акустическую вахту должны нести офицеры? - мысленно изумился он.

В кают-компанию вернулся кок. Его представление о настоящем флотском завтраке нашло выражение в большой тарелке, где лежали прожаренный кусок бекона, яичница из двух яиц, овощи и четыре куска поджаренного хлеба. Рядом он поставил коробку с яблочным муссом.

- Скажите, если пожелаете добавки, сэр, - заметил кок.

- Это обычный завтрак? - спросил Рамиус у Манкузо.

- Самый обычный. Сам я предпочитаю вафли. Американцы любят питательные завтраки.

Рамиус тут же принялся за еду. Сказывались два дня без горячей пищи и потеря крови.

- Скажите, Райан, - Бородин закурил сигарету, - что в Америке поразит нас больше всего?

- Находясь на авианосце "Инвинсибл", я имел время прочитать доклад ЦРУ о людях, пожелавших остаться в Америке. - Райан умышленно избегал слова "перебежчик" - оно казалось ему унизительным. - По-видимому, больше всего людей из вашей части света поражают прогулки по универсамам.

- Расскажите-ка о них, - потребовал Бородин.

- Это здания размером с футбольное поле - ну, может, чуть меньше. Вы входите через главный вход, берете тележку и постепенно проходите через все отделы. Я ходил туда за свежими фруктами и овощами с тех пор, как помню себя.

- Говорите, за свежими фруктами и овощами? А как в это время года, зимой?

- Что значит зимой? - удивился Манкузо. - Цена, может, чуть выше, а так никакой разницы с летом. Вот на подлодках нам этого недостает. Запаса свежих овощей, фруктов и молока хватает только на неделю.

- А мясо?

- Все, что вы пожелаете, - сказал Райан. - Вырезка, свинина, телятина, говядина, индейки, куры. Соединенные Штаты и себя кормят, и еще для других стран продуктов хватает. Вы ведь знаете, что Советский Союз закупает у нас зерно. Черт побери, да мы платим фермерам за то, чтобы они не выращивали слишком много сельскохозяйственной продукции.

На лицах четверых русских офицеров отразилось сомнение.

- Что еще? - поинтересовался Бородин.

- Чем еще можно удивить вас? Почти у всех есть автомобили. У большинства собственные дома. Если у человека есть деньги, он может приобрести практически что угодно. Средняя семья в Америке зарабатывает, по-моему, около двадцати тысяч долларов в год. У всех наших офицеров жалованье выше. Дело в том, что у нас в стране, если у тебя голова на плечах - а у всех вас она есть - и если ты готов работать по-настоящему - а я уверен, что все вы согласны на это, - то ты будешь неплохо жить без всякой посторонней помощи. К тому же можете не сомневаться, ЦРУ позаботится о вас. Мы не хотим, чтобы кто-то жаловался на наше гостеприимство.

- Что будет с моими людьми? - спросил Рамиус.

- Этого я точно не знаю, сэр, поскольку мне никогда не приходилось заниматься подобными делами. Думаю, вас отвезут в тихое место, где вы

сможете отдохнуть и расслабиться. Сотрудники ЦРУ и военно-морского флота захотят подробно побеседовать с вами. Это вполне естественно. Я говорил об этом и раньше. Через год вы сможете поступать так, как вам захочется.

- А если вы захотите прокатиться на моей подлодке, я буду только рад, - добавил Манкузо.

Райан сомневался, что капитан говорит правду. Вряд ли военно-морской флот пустит кого-нибудь из русских офицеров на борт своих ударных подлодок типа 688. Каждый из них может получить там настолько важную информацию, что, вернувшись домой, ценой этих сведений сумеет сохранить себе жизнь.

- Почему такой располагающий к себе человек, как вы, стал шпионом ЦРУ? - не удержался от вопроса Бородин.

- Я не шпион, - в который раз повторил Райан. Он не мог винить русских за то, что они не верят ему. - Когда я заканчивал университет, то познакомился с парнем, который рассказал обо мне своему знакомому из ЦРУ - адмиралу Джеймсу Гриру. Несколько лет назад меня попросили вместе с группой ученых заняться проверкой некоторых выводов ЦРУ, сделанных на основе собранных разведданных. В то время я с удовольствием писал книги по истории военно-морского флота. Я провел летом два месяца в Лэнгли и написал там доклад о международном терроризме. Гриру понравился мой доклад, и два года назад он пригласил меня на постоянную работу в ЦРУ. Я принял его предложение. Это было ошибкой, - сказал Райан, сам не зная, правду ли он говорит. - Год назад меня перевели в Лондон, где совместно с британской Секретной службой я вел работу по анализу разведывательных данных. Работа эта заключалась в том, что я сидел за столом и анализировал сведения, собранные оперативными сотрудниками. А в настоящее дело меня втянули потому, что я сумел разгадать ваши планы, капитан Рамиус.

- Ваш отец был шпионом? - спросил Бородин.

- Нет, папа служил полицейским в Балтиморе. Они вместе с мамой погибли в авиакатастрофе десять лет назад. Бородин сочувственно покачал головой.

- А почему вы стали моряком, капитан Манкузо? - Интерес Бородина был неистощим.

- Я с детства мечтал о море. Отец у меня работает парикмахером. А в Аннаполисе я выбрал службу на подводных лодках, потому что это казалось мне увлекательным.

Райан с интересом наблюдал за разговором - ему еще никогда не доводилось присутствовать при встрече людей, принадлежащих к двум столь разным социальным системам, со столь отличными культурными традициями, пытающихся понять друг друга. Обе стороны старались отыскать сходные черты в характере и жизненном опыте, создавая тем самым основу для взаимопонимания. Это было не просто интересно - нет, а скорее, трогательно. Райан пытался понять, насколько это трудно для русских. В конце концов они сожгли за собой все мосты, отказались от своей прежней жизни, веря, что вошли в новый, более светлый мир. Райан надеялся, что им это удастся, что они сумеют успешно завершить переход от тоталитаризма к свободе. За последние два дня он понял, какого мужества потребовал от русских этот шаг.

Направленный на него пистолет в ракетном отсеке казался теперь пустяком по сравнению с тем, что совершили эти офицеры, - ведь они решили начать

жизнь заново. Странно, как легко относятся американцы к собственной свободе и насколько труднее сейчас этим людям, рисковавшим жизнью ради того, чтобы достичь цели, которую соотечественники Райана принимали как нечто само собой разумеющееся. Именно такие парни сделали реальной Американскую мечту, и они нужны, чтобы сохранить ее. Поразительно, что такие парни явились из Советского Союза. Впрочем, может быть, совсем не так и поразительно, думал Райан, прислушиваясь к оживленной беседе.

День семнадцатый

Воскресенье, 19 декабря

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Еще восемь часов, - еле слышно прошептал Райан. Так сказали ему. Восьмичасовой переход в Норфолк. По собственной просьбе Райан снова занял место за штурвалом и рулями глубины. Это было единственное, что он умел делать на лодке, и ему хотелось заняться чем-то. На "Красном Октябре" по-прежнему катастрофически не хватало людей. Почти все американцы помогали русским в реакторном отсеке и в машинном отделении на корме. В центральном посту находились только Манкузо, Рамиус и он. Бугаев и Джоунз прослушивали морские глубины с помощью акустического оборудования всего в нескольких футах от центрального поста, а медики занимались в медпункте Уилльямзом, состояние которого по-прежнему вызывало тревогу. Кок бегал взад и вперед, разнося сэндвичи и кофе, причем Райан был разочарован качеством последнего - возможно потому, что был избалован кофе Грира.

Рамиус полусидел, опираясь на поручни, окружающие основание перископа. Рана больше не кровоточила, но оставалась, по-видимому, куда болезненнее, чем это отражалось на лице капитана, потому что он доверил Манкузо управление ракетоносцем.

- Прямо руля, - скомандовал Манкузо.

- Руль прямо, - отрепетовал Райан и повернул штурвал вправо, ставя перо руля вдоль продольной оси подлодки и проверяя указатель его положения. - Руль прямо, курс один-два-ноль.

Манкузо смотрел хмурясь на карту. Он нервничал - уж очень бесцеремонно ему приходилось обращаться с такой огромной подлодкой.

- Здесь нужно быть поосторожнее. Южный прибрежный сток постоянно образует в этом районе песчаную отмель, и каждые несколько месяцев тут работают землечерпалки, углубляя канал. Да и шторма за последнее время тоже не помогли делу. - Манкузо снова склонился у перископа.

- Мне говорили, что это опасный район, - заметил Рамиус.

- Кладбище Атлантики, - подтвердил Манкузо. - Множество кораблей нашли свою гибель именно здесь, в районе Внешних отмелей. Только погоды и течения хватило на это. Я слышал, немцы здорово натерпелись тут во время войны. На ваших картах этого не видно, но здесь на дне находятся сотни затонувших судов. - Он вернулся к прокладочному столику. - Как бы то ни было, мы постараемся обойти его как можно дальше и не повернем на север, пока не

придем примерно вот в эту точку. - Манкузо провел линию на карте.

- Это ваши воды, - согласился Рамиус.

Они шли в составе рассредоточенной группы из трех кораблей. "Даллас" вел их к морю, "Поги" замыкал процессию. Все три подлодки шли в полупогруженном состоянии - палубы почти на уровне воды, так что волны перекатывались через них. Визуальная навигация велась с помощью перископов. Радары выключили. Ни одна из подлодок не излучала никаких электронных импульсов. Райан мельком взглянул на карту. Они уже вышли из самого пролива, но на карте виднелось еще несколько миль песчаных отмелей.

Движительная система "Красного Октября", гусеница, была выключена. Она оказалась почти в точности такой, как описал ее Скип Тайлер. На ракетоносце было два комплекта туннельных импеллеров - два импеллера примерно в трети корпуса от носа лодки и еще три чуть дальше ее середины в сторону кормы. Манкузо со своими механиками с большим интересом осмотрели схемы, а потом с жаром обсудили качества водометного движителя.

Самому Рамиусу не хотелось верить, что его обнаружили так быстро. В конце концов Манкузо пригласил Джоунза с его личной картой, на которой был нанесен примерный курс "Красного Октября" от берегов Исландии. Хотя курс, проложенный Джоунзом, на несколько миль отличался от курса в корабельном журнале, оба курса проходили слишком близко, чтобы быть простым совпадением.

- Должно быть, ваш гидролокатор лучше, чем мы предполагали, - проворчал Рамиус.

- Он действительно превосходный, - согласился Манкузо. - Но еще важнее, что акустиком у меня служит Джоунзи, это лучший специалист, с которым мне приходилось плавать.

- Такой молодой и такой способный.

- У нас немало парней вроде него, - улыбнулся Манкузо. - Меньше, чем нам этого хотелось бы, конечно, зато все они добровольцы. Они понимают, что им предстоит. Мы старательно отбираем их и затем чертовски тщательно готовим.

- Мостик, это гидропост, - послышался голос Джоунза. - "Даллас" погружается, сэр.

- Очень хорошо. - Манкузо закурил, направился к телефону внутренней связи и нажал кнопку, вызывая машинное отделение. - Передайте Манньону, что он нужен нам в центральном посту. Погружаемся через несколько минут. Да. - Он положил трубку и вернулся к карте.

- Значит, эти матросы служат у вас больше трех лет? - спросил Рамиус.

- Конечно. Иначе нам пришлось бы отпускать их сразу после того, как они приобретут необходимую квалификацию.

Тогда почему советский военно-морской флот не может набирать и держать у себя людей таким же образом? - подумал Рамиус. Ответ был слишком очевидным. Американцы хорошо кормили своих людей, должным образом размещали, неплохо платили, доверяли им - короче говоря, они делали то, за что он боролся в течение двадцати лет.

- Я нужен вам, чтобы управлять клапанами погружения? - спросил Манньон, входя в центральный пост.

- Да, Пэт, погружаемся через пару минут. Манньон взглянул на карту и

направился к пульту управления клапанами.

Рамиус проковылял к своему креслу.

- Нам говорили, что вы набираете своих офицеров из буржуазных слоев и они командуют рядовыми матросами, представляющими трудящихся.

Манньон провел руками по рукояткам управления клапанами. Их здесь было немало. Накануне он битых два часа старался разобраться в сложной системе управления.

- Совершенно верно, сэр, - кивнул он. - Все наши офицеры действительно принадлежат к правящему классу. Только посмотрите на меня. - Выражение лица лейтенанта было бесстрастным. Кожа Манньона походила цветом на кофейную гущу, а произношение выдавало обитателя южного Бронкса.

- Но вы - чернокожий, - возразил Рамиус, не заметивший насмешки.

- Совершенно точно, у нас на корабле настоящее этническое разнообразие. - Манкузо снова посмотрел в перископ. - Шкипер - макаронник, чернокожий штурман и чокнутый акустик.

- Да, я слышал это, сэр! - выкрикнул Джоунз, не прибегая к помощи системы внутренней связи. - Поступило сообщение с "Далласа" по "гертруде". Все идет нормально. Нас ждут. Пока связи не будет.

- Это мостик, понял. Вышли наконец в море. Можем погружаться, когда дадите команду, капитан Рамиус, - произнес Манкузо.

- Товарищ Манньон, откройте клапаны балластных цистерн, - сказал Рамиус. "Красный Октябрь" так полностью и не всплывал и был готов к погружению.

- Слушаюсь, сэр. - Лейтенант повернул верхний ряд главных переключателей гидравлических клапанов.

Райан вздрогнул. Послышался рев, напоминающий спуск воды в миллионе туалетов.

- Опустить на пять градусов рули глубины, Райан, - скомандовал Рамиус.

- Опустить на пять градусов, слушаюсь, - отрепетовал Райан, толкая вперед ручку управления. - Рули глубины опущены на пять градусов.

- Он погружается медленно, - заметил Манньон, глядя на импровизированный циферблат указателя глубины с нанесенными от руки цифрами. - Здоровенный дядя.

- Да, - кивнул Манкузо. Стрелка прошла двадцать метров.

- Рули глубины на ноль, - произнес Рамиус.

- Рули на ноль, слушаюсь. - Райан потянул на себя рычаг управления. Понадобилось тридцать секунд, чтобы лодка выровнялась Казалось, она очень медленно реагирует на команды. Раньше Райан думал, что подлодки отзываются на смену направления так же легко, как самолеты.

- Сделай ее чуть полегче, Пэт. Достаточно одного градуса на рулях глубины, чтобы держать ее на уровне, - сказал Манкузо.

- Понял, - отозвался Манньон, нахмурившись и глядя на указатель глубины. Балластные цистерны были сейчас наполнены, и выравнивание придется вести с помощью гораздо меньших триммерных цистерн. Ему понадобилось пять минут, чтобы достичь полного баланса.

- Извините, господа, - смущенно заметил лейтенант. - Она слишком велика, чтобы ожидать быстрого повиновения.

Все происходящее произвело большое впечатление на Рамиуса, но он был слишком раздражен, чтобы показать это. Русский капитан ожидал, что американцам потребуется больше времени, чтобы освоиться с управлением. Такое искусное выравнивание незнакомой подлодки с первой попытки...

- О'кей, теперь можно повернуть на север, - сказал Манкузо. Они отошли уже на две мили за последнюю отмель, нанесенную на карту. - Советую выбрать курс ноль-ноль-восемь, капитан.

- Райан, лево руля десять градусов, - скомандовал Рамиус. - Переходим на курс ноль-ноль-восемь.

- О'кей, лево руля десять градусов, - отозвался Райан, глядя то на указатель поворота руля, то на репитер гирокомпаса. - Новый курс ноль-ноль-восемь.

- Осторожно, Райан. Она поворачивается медленно, но после поворота вам придется перевести назад...

- В противоположную сторону, - вежливо поправил Манкузо.

- Да, перевести руль в противоположную сторону, чтобы выйти на нужный курс.

- Понял.

- Скажите, капитан, у вас не возникали трудности с управлением? - осведомился Манкузо. - Когда мы следили за вами, нам показалось, что радиус поворота несколько великоват.

- При работающей гусенице это действительно так. Поток воды из туннелей сильно бьет по перу руля, и он начинает вибрировать, если положить его на борт слишком резко. Во время первых ходовых испытаний мы повредили руль. Так происходит из-за - как это вы говорите? - из-за схождения двух туннелей гусеницы.

- Это не влияет на управление при работе гребных винтов? - спросил Манньон.

- Нет, только при движении на гусенице.

Манкузо это не понравилось, хотя особого значения не имело. То, что им предстояло сделать, выглядело просто. Все три подлодки устремляются прямо к Норфолку. Американские ударные подлодки будут поочередно обгонять друг друга на скорости тридцать узлов, осматривая район моря впереди, пока "Красный Октябрь" следует прямым курсом двадцатиузловым ходом.

Райан начал выравнивать руль, по мере того как нос ракетоносца приближался к заданному курсу. Оказалось, что он ждал слишком долго. Несмотря на то что перо руля было положено на пять градусов вправо, нос прошел мимо намеченного курса, и корректор гирокомпаса укоризненно щелкал каждые три градуса, пока не остановился на курсе ноль-ноль-один. Понадобилось еще две минуты, чтобы вернуть лодку на заданный курс.

- Извините. Курс ноль-ноль-восемь, - доложил наконец Райан.

- Вы быстро все схватываете, Райан, - снисходительно улыбнулся Рамиус. - Может быть, придет время, когда вы станете настоящим моряком.

- Нет уж, спасибо! За время этого плавания я понял одну важную вещь: вы, парни, честно зарабатываете свои деньги.

- Не нравятся подводные лодки? - усмехнулся Манньон.

- Здесь мало места для утренних пробежек.

- Это верно. Если можете обойтись без меня, капитан, мне лучше вернуться на корму. В машинном отделении отчаянно нужны рабочие руки, - сказал лейтенант.

Рамиус кивнул. Неужели он из правящего класса? - недоверчиво подумал капитан.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Туполев снова возвращался на запад. Приказ по флоту гласил, что все корабли - кроме его и еще одной подводной лодки - направляются домой двадцатиузловым ходом. Туполеву было приказано перемещаться на запад в течение двух с половиной часов. Теперь он плыл тем же курсом на скорости пять узлов, что является примерно максимальным ходом, при котором лодка движется почти бесшумно. Смысл операции заключался в том, что его подлодку в общей суматохе потеряют из виду. Значит, американский "огайо" направляется в Норфолк - или в Чарлстон, что более вероятно. В любом случае Туполев будет неслышно описывать круги и вести наблюдение. "Красный Октябрь" уничтожен. Это было известно ему из оперативного приказа. Туполев покачал головой. Почему Марк пошел на это? Как бы то ни было, он заплатил за измену своей жизнью.

Пентагон

- Было бы лучше, если бы мы могли ненадежнее прикрыть их с воздуха, - заметил адмирал Фостер, опершись плечом о стену.

- Согласен, сэр, но следует ли так явно выдавать себя? - отозвался генерал Харрис.

Пара патрульных самолетов Р-3В прочесывала маршрут от мыса Гаттерас до Виргиния-Кейпс под видом обычных учений. Большинство других "орионов" находились далеко в море. Советские корабли отошли уже от американского побережья на четыреста миль. Три боевых группы надводных кораблей теперь соединились и шли под охраной окружающих их подводных лодок. "Кеннеди", "Нимиц" и "Америка" были в пятистах милях к востоку, а "Нью-Джерси" постепенно отставал. За русскими будут следить по всему их пути. Боевые группы авианосцев проследуют за ними до Исландии, удерживаясь на соответствующем расстоянии и постоянно держа находящиеся в воздухе самолеты на границе радиолокационного прикрытия советского флота: пусть русские знают, что Соединенные Штаты продолжают проявлять тревогу. Затем советский флот до самого Кольского полуострова будут сопровождать самолеты с авиабаз в Исландии.

Британский авианосец "Инвинсибл" больше не участвовал в операции и был на полпути к дому. Американские ударные подлодки возвращались в заданные районы патрулирования. По поступившим донесениям все советские подлодки ушли от американского побережья, хотя эти сведения нуждались в проверке. Они шли разрозненными группами, и их шум затруднял действия патрульных "орионов", у которых недоставало акустических буев. И все-таки, пришел к выводу начальник управления J-3, операция подходила к концу.

- Вы поедете в Норфолк, адмирал? - спросил Харрис.

- Да, пожалуй, стоит встретиться с КОМАТФЛОТом для послеоперационного обсуждения, - ответил Фостер.

- Понятно, сэр, - сказал Харрис.

Линейный корабль "Нью-Джерси"

Корабль шел со скоростью двенадцать узлов. У каждого борта находилось по эсминцу, которые пополняли запас топлива. Коммодор Итон стоял на флагманском мостике. Славу Богу, все кончилось благополучно, безо всяких осложнений. Советский флот уже ушел на сто миль вперед, все еще находясь в зоне поражения ракетами "томагавк", но далеко за пределами любого другого вооружения. В общем Итон испытывал удовлетворение. Его соединение успешно взаимодействовало с "Таравой", и теперь она направлялась на юг, в Мейпорт, штат Флорида. Итон надеялся, что это не в последний раз. Давненько он, командующий линейным кораблем, не следил за действиями авианосца. Они держали "Киров" под постоянным наблюдением. И в случае начала боевых действий справились бы с Иваном, в этом Итон не сомневался. Еще более важным было то, что Иван тоже это понимал. Сейчас коммодор ожидал одного - приказа возвращаться в Норфолк. Приятно вернуться домой к Рождеству. Итон считал, что его люди заслужили это. В составе команды линкора было немало ветеранов, и почти у всех семьи.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Пинт. Джоунз пометил время получения гидролокационного сигнала в своем блокноте и сообщил по системе внутренней связи:

- Капитан, я услышал сигнал от "Поги".

"Поги" находился теперь в десяти милях впереди "Красного Октября" и "Далласа". В соответствии с планом, после того как он ушел вперед и прослушивал морские глубины в течение десяти минут, одиночный акустический сигнал в активном режиме будет означать, что пространство в десять миль до "Поги" и двадцать или даже больше миль впереди свободно от опасности. Теперь "Поги" перешел на медленный дрейф, чтобы подтвердить это, а в миле к востоку от "Октября" "Даллас" начал набирать полный ход. Теперь он обгонит вторую ударную подлодку на десять миль и будет выполнять аналогичную задачу.

Джоунз экспериментировал с русским гидролокационным оборудованием. В активном режиме, выяснил он, гидролокатор действовал вполне сносно. На пассивные системы акустик даже не обратил внимания. Когда "Красный Октябрь" неподвижно лежал на дне пролива Памлико, Джоунзу не удалось обнаружить находящиеся рядом американские ударные подлодки. Они тоже лежали неподвижно, их реакторы действовали на самой малой мощности, достаточной только для того, чтобы вращать генераторы и обеспечивать лодки электричеством, но ведь находились-то они всего в миле от русского ракетоносца. Джоунз был разочарован тем, что они оказались недосягаемыми для пассивных систем "Красного Октября".

Русский офицер Бугаев, который находился рядом с ним в гидролокационном

посту, оказался неплохим парнем. Сначала он вел себя несколько высокомерно - словно я его крепостной, подумал Джоунз, - но это продолжалось лишь до тех пор, пока капитан-лейтенант не увидел, как дружески обращается шкипер со своим акустиком. Это удивило Джоунза. Исходя из своих весьма скудных представлений о коммунизме, он считал, что со всеми людьми на русском ракетоносце должны обращаться как с равными.

По крайней мере так ему казалось на основании того, что он на втором курсе, слушая лекции по политологии, усвоил из "Капитала". Гораздо интереснее посмотреть, что же построил коммунистический режим в действительности. Дерьмо, главным образом. Подумать только, у рядовых матросов не было даже своей кают-компании, им приходилось есть у себя в кубриках!

Джоунзу понадобился час - он оторвал его от сна, - чтобы осмотреть субмарину. Вместе с лейтенантом Манньоном они отправились на экскурсию, которую начали с кубрика. Матросские шкафчики не запирались - по-видимому, чтобы офицеры могли беспрепятственно обшаривать их. Джоунз с Манньоном так и поступили. В шкафчиках не оказалось ничего интересного. Даже порнофото и те были самого низкого пошиба. Позы выбраны без капли воображения, а женщины .. - и говорить не о чем, уж тут Джоунз мог судить - он же вырос в Калифорнии. Дерьмо. Понятно, почему русские решили перебежать в Америку.

Большой интерес вызвала баллистическая ракета. Вместе с Манньоном они открыли смотровой люк и заглянули внутрь. Совсем неплохо, решили они. Не слишком аккуратная проводка, но это, наверно, сделано для того, чтобы облегчить контроль за электронными контурами. Сама ракета казалась чертовски большой. Значит, вот что нацеливали на нас эти мерзавцы, подумал он. Интересно, захотят ли флотские специалисты забрать себе несколько штук. Если понадобится запустить ракеты по Ивану, можно воспользоваться и теми, что русские сами и сделали. Не стоит даже и думать об этом, тут же решил Джоунз. Ему вовсе не хотелось, чтобы эти мерзкие штуки вообще поднялись из пусковых шахт. В одном не приходилось сомневаться: все оборудование на корабле будет демонтировано, подвергнуто испытаниям, разобрано, снова подвергнуто испытаниям, а ведь он один из ведущих флотских специалистов по русским акустическим системам. Может, его пригласят принять участие в испытаниях... Ради этого стоит задержаться на флоте еще несколько месяцев.

Джоунз закурил сигарету.

- Не хотите ли попробовать одну из моих, господин Бугаев? - Он протянул пачку офицеру-электронщику.

- Спасибо, Джоунз. Вы учились в университете? - Капитан-лейтенант взял американскую сигарету, которую ему хотелось попробовать, но он был слишком горд, чтобы попросить самому. Постепенно он начал понимать, что этот матрос ничем не уступает ему по технической подготовке. Хотя Джоунз был матросом и не мог нести самостоятельную пахту, он обращался с гидролокационным оборудованием так же умело - если не лучше, - как и русские офицеры, служившие с Бугаевым.

- Да, сэр. - Джоунз знал, что обращение "сэр" к офицерам - особенно к тупым - никогда не повредит. - В Калифорнийском технологическом. Закончил там пять семестров. Был отличником по всем предметам. Вот только не смог

завершить образование полностью.

- Почему вы ушли из университета?

- Видите ли, сэр, - улыбнулся Джоунз, - Калтех <Калтех - Калифорнийский технологический институт.> - это необычное учебное заведение. Я сыграл шутку с одним из профессоров. Он занимался исследованиями стробоскопического света для высокоскоростной фотографии, а я пристроил к стробоскопу маленький переключатель, включавший свет в лаборатории. К сожалению, в переключателе произошло короткое замыкание, и начался пожар. - Джоунз умолчал о том, что в результате сгорела лаборатория, были уничтожены данные трехмесячных опытов и погибло оборудование стоимостью в пятнадцать тысяч долларов. - В общем, я нарушил правила.

- В чем вы специализировались?

- Я намерен был защитить ученую степень по электронике, но одновременно специализировался и в кибернетике. Мне оставалось всего три семестра, затем я собирался получить звание магистра, степень доктора и вернуться на военно-морской флот уже штатским человеком.

- А почему вы стали акустиком? - Бугаев сел рядом. Ему еще никогда не доводилось разговаривать по душам с рядовым матросом.

- Черт возьми, сэр, это так интересно! Когда происходят какие-нибудь события - маневры, учения, слежение за другой подлодкой, - я чувствую себя словно шкипер! Капитану остается одно - следовать указаниям, которые поступают от меня.

- Вам нравится ваш командир?

- Еще бы! Он лучший из трех, у которых я служил. Мой шкипер - отличный парень. Только хорошо исполняй обязанности, и он к тебе не цепляется. А если хочешь что-то посоветовать, капитан выслушает тебя.

- Вы говорите, что собираетесь вернуться в университет. А кто будет платить за обучение? Нам говорили, что учеба в университетах доступна только для представителей правящего класса.

- Чепуха, сэр. В Калифорнии ты можешь учиться в любом университете, если ума хватает. Что касается меня, я коплю деньги - на что тратить их на подводной лодке? - да и флот внесет свою долю. У меня достаточно денег, чтобы закончить университет и получить степень магистра. А какая у вас специальность?

- Я закончил высшее военно-морское училище, вроде вашего Аннаполиса. Мне тоже хотелось бы получить ученую степень по электронике, - признался Бугаев в своем сокровенном.

- Никаких проблем. Могу помочь вам. Если вы обладаете достаточной подготовкой для Калифорнийского технологического, могу посоветовать, к кому обратиться. Вам понравится Калифорния. Вот место, где можно жить по-настоящему.

- Мне хотелось бы поработать на настоящем компьютере, - задумчиво произнес Бугаев.

- Так купите его, - негромко засмеялся Джоунз.

- Купить компьютер?

- Конечно, у нас есть пара портативных компьютеров фирмы "Эппл" - прямо здесь, на "Далласе". Такой обойдется вам тысячи в две - отличная штука. Это

намного меньше стоимости автомобиля.

- Компьютер за две тысячи долларов? - Задумчивое выражение на лице Бугаева сменилось подозрительным. Он не сомневался, что Джоунз морочит ему голову.

- Или даже меньше. Три косых стоит по-настоящему совершенная система. Черт возьми, сообщите на фирму "Эппл", кто вы, и они наверняка преподнесут его вам бесплатно - или, может быть, флот сделает это. Если вам не нравится "Эппл", есть и другие фирмы - "Коммодор", "TRS-80" или "Атари". Продаются самые разные компьютеры. Все зависит от того, для чего он вам нужен. Одна только фирма "Эппл" продала своих больше миллиона. Они небольшие, это верно, но самые настоящие.

- Я никогда не слышал о фирме "Эппл". Так она называется?

- Совершенно верно. "Эппл". Компанию эту основали два молодых парня, когда я еще учился в школе. С тех пор они продали, как я уже сказал, примерно миллион компьютеров - и разбогатели! У меня нет компьютера - места на подлодке немного, - а вот у моего брата есть свой персональный компьютер Ай-би-эм Пи-си. Вы все еще не верите мне?

- У рабочего - свой компьютер? В это трудно поверить. - Бугаев погасил сигарету. Американский табак показался ему слабоватым.

- Ну что ж, сэр, тогда спросите кого-нибудь еще. Я уже говорил, что на "Далласе" есть пара персональных компьютеров - это для команды, чтобы они могли практиковаться. Разумеется, для других задач - управления стрельбой, навигации, акустической системы - установлены другие компьютеры. Мы пользуемся компьютерами "Эппл" для игр - вам понравятся компьютерные игры. Особенно "Чоплифтер", да и другие не хуже, в том числе образовательные. Честное слово, мистер Бугаев, почти в любом торговом центре продаются компьютеры. Сами увидите.

- Как вы применяете компьютер для гидролокации?

- Чтобы объяснить это, сэр, понадобится время, и мне, наверно, придется получить разрешение шкипера. - Джоунз напомнил себе, что этот русский все-таки враг или что-то вроде.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Подлодка медленно дрейфовала по кромке континентального шельфа, милях в пятидесяти от Норфолка. Туполев приказал снизить мощность реактора до пяти процентов от номинальной, чего хватало только для энергопитания. При этом русская субмарина стала почти бесшумной. Приказы отдавались негромким голосом, когда члены экипажа стояли рядом. "Коновалов" соблюдал режим полной тишины. Даже приготовление пищи в камбузе было запрещено, чтобы по металлической решетке плиты не передвигать кастрюли и сковородки. До конца операции команде придется обходиться бутербродами с сыром. Если требовалось поговорить, то делали это шепотом. Всякий, кто нарушал тишину, привлекал внимание командира, и все понимали, что за этим последует.

Центр управления СТАН

Квентин просматривал информацию, поступившую по цифровому каналу с двух "орионов". Поврежденный ракетоносец "Джорджия" направлялся в Норфолк из-за неисправности в турбинном отсеке в сопровождении двух ударных подлодок. До сих пор его удерживали в море, сказал адмирал, из-за повышенной активности русских кораблей у побережья Америки, и теперь было принято решение вернуть "Джорджию" в порт, отремонтировать и как можно быстрее отправить на патрулирование. На ракетоносце были установлены двадцать четыре баллистические ракеты "трайдент", что представляло ощутимую часть общих сил сдерживания. Теперь, когда русский флот ушел, ремонт "Джорджии" стал неотложной задачей. Возвращению ракетоносца ничто не угрожало, но сначала все-таки хотелось убедиться, что в общей суматохе позади не остались советские подлодки.

Патрульный самолет Р-3В летел на высоте девятисот футов примерно в пятидесяти милях к юго-востоку от Норфолка. Экран инфракрасного локатора, направленного вперед и вниз, был пуст. На поверхности никаких источников теплового излучения, к тому же магнитоискатели не регистрировали заметного искажения магнитного поля Земли, хотя во время одного из пролетов самолет миновал "альфу", которая находилась всего в сотне ярдов. Корпус "Коновалова" был изготовлен из немагнитного титана. Акустический буй, сброшенный в семи милях к югу от подводной лодки, тоже не зарегистрировал шума ее реактора. Полученные данные непрерывно передавались в Норфолк, где операторы Квентина вводили их в свой компьютер. Проблема, однако, заключалась в том, что не удалось удостовериться в уходе всех советских подлодок.

Ну что ж, подумал капитан третьего ранга, этого следовало ожидать. Некоторые подлодки, воспользовавшись моментом, незаметно ускользнули с тех мест, где их могли засечь американцы. Он доложил командованию, что нельзя исключить вероятность того, что одна или две лодки все еще снуют где-то у американского побережья, но доказательств тому у него нет. Интересно, почему у КОМАТФЛОТа такое настроение? - подумал капитан. По какой-то причине он на удивление доволен, почти светится от счастья. Действительно, операция против советского флота прошла весьма успешно - по крайней мере та ее часть, за которой мог следить Квентин. Кроме того, где-то поблизости на дне лежит потонувшая "альфа". Сколько времени потребуется, чтобы извлечь "Гломар эксплорер" из нафталина, доставить на место катастрофы и поднять обломки русской подлодки? Хотелось бы посмотреть на них. Подумать только, какая благоприятная возможность!

К текущей операции не относились серьезно. Тем более что "Джорджия" возвращается на базу с поврежденной турбиной. Она идет медленно, а медленно плывущий ракетоносец производит не больше шума, чем самка кита, твердо решившая отстоять свою девственность. И если бы КОМАТФЛОТ проявлял беспокойство, он не поручил бы прочесывать район всего паре патрульных Р-3 с резервистами за штурвалом. Квентин поднял трубку телефона и набрал номер оперативного управления штаба Атлантического флота, чтобы снова доложить, что вражеской активности в районе не обнаружено.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Райан посмотрел на часы. Уже пять часов они находятся в пути. Слишком много, чтобы неподвижно сидеть на одном месте. Даже беглого взгляда на карту достаточно, чтобы усомниться, что можно преодолеть переход за восемь часов, иначе он чего-то не понимает. "Красный Октябрь" шел вдоль кромки континентального шельфа и скоро начнет поворачивать на запад к Виргиния-Кейпс. Пожалуй, потребуется еще четыре часа. Скорее бы. Рамиус и Манкузо казались очень усталыми. Впрочем, устали все. Наверно, больше всех те, кто находятся в машинном отделении. Нет, скорее всего кок. Он непрерывно разносил кофе и сэндвичи по отсекам ракетоносца. Русские офицеры казались особенно голодными.

Ударные подлодки "Даллас" и "Поги"

"Даллас" обогнал "Поги" на скорости в тридцать два узла, снова выдвинувшись вперед. "Октябрь" остался в нескольких милях за кормой. Командующий подлодкой, капитан-лейтенант Чеймберз, был обеспокоен тем, что все время скоростного броска, продолжающегося тридцать пять минут, "Даллас" мчался вслепую, полагаясь на заверения "Поги", что впереди все чисто.

"Поги" заметил промчавшийся мимо "Даллас" и повернулся боковой гидроакустической антенной в сторону "Красного Октября".

- Сильно шумит при двадцатиузловом ходе, - заметил старший акустик. - "Даллас" даже при тридцати шумит меньше.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Слышу шум с юга, - доложил мичман.

- Что за шум? - Туполев стоял у двери гидропоста уже несколько часов, действуя на нервы акустикам.

- Еще рано делать определенный вывод, товарищ командир. Впрочем, пеленг не меняется. Контакт направляется в нашу сторону.

Туполев вернулся в центральный пост. Там он приказал еще больше снизить мощность реактора. Сначала он решил было заглушить реактор совсем, но для его пуска требуется время, а еще не известно, каково расстояние до контакта. Капитан выкурил три сигареты, прежде чем вернулся к акустикам. Мичман будет нервничать от запаха табачного дыма. Он был лучшим акустиком Туполева.

- Один винт, товарищ командир, американская подлодка, наверно типа "лос-анджелес", идет на скорости тридцать пять узлов. За пятнадцать минут пеленг изменился всего на два градуса. Он пройдет рядом с нами и.., одну минуту. Он выключил двигатель. - Сорокалетний мичман прижал наушники к вискам. Он слышал, как затихал шум кавитации, затем полностью прекратился, словно контакт совсем исчез. - Он перешел на дрейф и слушает, товарищ командир.

- Нас он не услышит, - улыбнулся Туполев. - Значит, мчится и останавливается? Больше ничего не слышно? Может быть, он сопровождает кого-то?

Мичман еще плотнее прижал наушники и произвел регулировку на пульте.

- Может быть.., сильный шум с поверхности, товарищ командир, и я -

подождите... Такое впечатление, что слышен еще какой-то шум. Наш последний пеленг на контакт был один-семь-один, а этот новый шум доносится с пеленга.., один-семь-пять. Едва слышно, товарищ командир - а вот сигнал в активном режиме, одиночный "пинг".

- Понятно. - Туполев уперся плечом в шпангоут. - Отличная работа, товарищ мичман. Теперь необходимо набраться терпения и ждать.

Ударная подлодка "Даллас"

Старший акустик Лаваль объявил, что в районе все спокойно. Чувствительные датчики BQQ-5 ничего не обнаружили даже после особо тщательного прослушивания. Чеймберз развернул нос подлодки таким образом, что одиночный акустический сигнал "пинг" попал к "Поги", который, в свою очередь, известил своим "пингом" ракетоносец "Красный Октябрь", чтобы убедиться в получении сигнала. Район чист на протяжении ближайших десяти миль. "Поги" помчался вперед тридцатиузловым ходом, а за ним следовало новое прибавление к семье американских ракетоносцев.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Еще две подводные лодки. Одна с одним гребным винтом, другая, мне кажется, с двумя. Подлодка с одним винтом разворачивается намного быстрее. Разве у американцев есть подлодки с двумя винтами, товарищ командир?

- Да, по-моему, есть. - Туполев не был уверен в этом. Разница в акустическом почерке не была особенно заметной. Как бы то ни было, скоро проверим. "Коновалов" полз вперед двухузловым ходом на глубине полутораста метров. Какой бы не была эта подлодка, она шла прямо навстречу. Значит, он тоже может чему-то научить империалистов, подумал Туполев.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Может кто-нибудь заменить меня у штурвала? - спросил Райан.

- Хотите поразмяться? - спросил подходя Манкузо.

- Да. Неплохо и посетить гальюн. Того и гляди мочевой пузырь лопнет от этого кофе.

- Я заменяю вас, сэр. - Американский капитан опустился в кресло рулевого. Джек направился к ближайшему гальюну на корме. Через две минуты он почувствовал себя намного лучше. Вернувшись в центральный пост, Райан несколько раз присел, чтобы восстановить циркуляцию крови в ногах, затем взглянул на карту. Казалось странным, если не пугающим, что американский берег обозначен русскими буквами.

- Спасибо, капитан.

- Не за что. - Манкузо поднялся с кресла.

- Сразу видно, Райан, что вы не моряк. - Рамиус молча наблюдал за ним.

- Я и не говорил этого, капитан, - вежливо заметил Райан. - Сколько нам еще до Норфолка?

- Полагаю, не больше четырех часов, - ответил Манкузо. - Нам нужно

прибыть туда после наступления темноты. Они придумали, каким образом спрятать нас, но я не знаю, каким именно.

- Мы вышли из пролива при дневном свете. Что, если кто-то нас заметил? - спросил Райан.

- Я ничего не видел, но если кто-то увидел нас, то мог обратить внимание лишь на три рубки подлодок без номеров. - Они вышли при дневном свете, чтобы воспользоваться "окном" в пролетах советских разведывательных спутников.

Райан снова закурил. Жена выругает его, но на борту подводной лодки Джек чувствовал странное напряжение. Сидя в кресле рулевого, он видел перед собой только ряды приборов. Удерживать подлодку на постоянном курсе и глубине оказалось легче, чем он ожидал, и лишь однажды при резком повороте Райан заметил, как легко поддается лодка движениям руля. Больше тридцати тысяч тонн стали, подумал он, - удивительно.

Ударная подлодка "Поги"

"Поги" промчался мимо "Далласа" тридцатиузловым ходом и продолжал движение еще двадцать минут, остановив двигатель через одиннадцать миль от "Далласа" - и в трех милях от "Коновалова", команда которого теперь едва дышала. Хотя гидролокатор "Поги" и не был оборудован системой обработки сигналов BC-10/SAPS, но в остальном он был достаточно современным, однако невозможно услышать что-то совершенно бесшумное, а "Коновалов" никаких звуков не издавал.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

"Красный Октябрь" прошел мимо "Далласа" в 15.00, после того как получил последний сигнал об отсутствии опасности. Его команда устала и предвкушала прибытие в Норфолк через два часа после захода солнца. Райан надеялся побыстрее вылететь в Лондон, но опасался, что ЦРУ захочет самым подробным образом выяснить все детали. Манкузо и команда "Далласа" мечтали повидаться с семьями, но не слишком рассчитывали на это.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Не знаю, что это за подлодка, но она, по-моему, большая, просто огромная. Двигаясь по этому курсу, она пройдет в пяти километрах от нас.

- Из Москвы передали, что это "огайо", - заметил Туполев.

- Судя по шуму, у этой подлодки два винта, товарищ командир, - ответил мичман.

- Вы ведь знаете, что у "огайо" только один гребной винт.

- Так точно, товарищ командир. В любом случае эта подлодка приблизится к нам через двадцать минут. Вторая ударная лодка мчится вперед на скорости, превышающей тридцать узлов. Если они будут вести себя как раньше, она выключит двигатель через пятнадцать километров.

- А где другая американская подлодка?

- В нескольких километрах мористее, медленно дрейфует с выключенным двигателем, как и мы. У меня нет точного расстояния до нее. Можно проверить, включив гидролокатор в активном режиме, но...

- Последствия мне известны, - резко бросил Туполев, повернулся и вошел в центральный пост.

- Передайте в машинное отделение, чтобы там приготовились. Команда на местах по боевому расписанию?

- Так точно, товарищ командир, - ответил старпом. - У нас подготовлено прекрасное огневое решение для американской ударной подлодки - той, что идет полным ходом. Ее большая скорость облегчила нашу задачу. Вторую можем обнаружить за несколько секунд.

- Хорошо, что хоть с этим справились, - улыбнулся Туполев. - Теперь вы видите, на что мы способны при благоприятных обстоятельствах?

- Как будем действовать дальше? - спросил старпом.

- Когда мимо пройдет большая подлодка, мы приблизимся к ней сзади и включим гидролокатор в активном режиме. Американцы поиграли, теперь играми займемся мы. Передайте в машинное отделение, чтобы увеличили мощность. Скоро нам понадобится все, на что способны механики.

- Это вызовет шум, - предостерег старпом.

- Конечно, но у нас нет выбора. Передайте в машинное отделение - десять процентов мощности. "Огайо" вряд ли услышит нас, да и ближняя ударная подлодка тоже.

Ударная подлодка "Поги"

- Откуда это? - старший акустик провел тонкую настройку гидролокатора.
- Мостик, это гидропост. Слышу контакт, пеленг два-три-ноль.

- Понял, гидропост, - тут же отозвался капитан Вуд. - Есть что-то определенное?

- Нет, сэр. Шумы послышались неожиданно, от реактора и пара, едва слышные, сэр. Не могу различить акустический почерк... - Он включил предельную громкость. - Это не наша подлодка. Шкипер, мне кажется, это "альфа".

- Только этого не хватало! Немедленно сообщите на "Даллас"! Акустик попытался установить связь с другой ударной подлодкой, но "Даллас", который мчался тридцатидвухузловым ходом, не услышал пяти коротких сигналов.

"Красный Октябрь" находился сейчас в восьми милях.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Джоунз внезапно закрыл глаза.

- Господин Бугаев, передайте шкиперу, что я только что услышал пару "пингов" - кто-то работает гидролокатором в активном режиме.

- Пару?

- Больше одного, но не успел сосчитать.

Ударная подлодка Поги"

Капитан Вуд принял решение. Раньше они обменивались акустическими сигналами малой мощности и узкой направленности, опасаясь обнаружить себя, но "Даллас" не принял их.

- Пошлите сигнал предельной мощности, чиф. Ударьте по "Далласу" всем, что у нас имеется.

- Слушаюсь, сэр. - Старший акустик Палмер повернул ручку мощности акустического сигнала до предела. Потребовалось несколько секунд, чтобы аппаратура приготовилась послать акустическую волну, мощностью в сотню киловатт.

ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ!

Ударная подлодка "Даллас"

- Боже мой! - воскликнул старший акустик Лаваль. - Мостик, это гидропост. Принят сигнал предупреждения об опасности от "Поги"!

- Стоп машина! - мгновенно скомандовал Чеймберз. - Полная тишина на корабле!

- Стоп машина, - повторил лейтенант Гудмэн секундой позже. В кормовом отсеке вахтенные уменьшили подачу пара в реактор, увеличив тем самым температуру в нем. Поток нейтронов устремился из реактора, быстро замедляя реакцию распада.

- Как только скорость уменьшится до четырех узлов, перейти на треть мощности, - приказал Чеймберз вахтенному офицеру, а сам пошел в гидропост. - Френчи, мне срочно нужна информация.

- Мы все еще идем слишком быстро, сэр, - ответил Лаваль.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Капитан Рамиус, думаю, нам следует уменьшить скорость, - осторожно предложил Манкузо.

- Сигнал не повторился, - возразил Рамиус. Второй узконаправленный акустический пучок не попал в ракетоносец, а "Даллас" не передал сигнал опасности, потому что по-прежнему шел слишком быстро и не сумел найти "Красный Октябрь" и предупредить его.

Ударная подлодка "Поги"

- Все в порядке, сэр. "Даллас" остановил двигатель. Вуд задумчиво пожевал нижнюю губу.

- Хорошо. Теперь давайте найдем этого мерзавца. Широконаправленный поиск, чиф, предельная мощность. - Он вернулся в центральный пост. - Боевая тревога! - скомандовал капитан.

Через две секунды загремели колокола громкого боя. "Поги" и раньше находился в состоянии повышенной боевой готовности, так что через сорок секунд команда заняла места по боевому расписанию, а помощник командира, капитан-лейтенант Рейнолдс, приготовился к расчету огневой задачи. Его

группа, состоящая из техников и офицеров, была готова к вводу данных в компьютер управления стрельбой Мк-117.

Гидролокационный купол в носовой части "Поги" посылал мощные акустические импульсы. Спустя пятнадцать секунд первые отраженные сигналы появились на экране Палмера.

- Мостик, это гидропост. Четкий контакт, пеленг два-три-четыре, расстояние шесть тысяч ярдов. Судя по акустическому почерку реактора, это подлодка типа "альфа", - доложил Палмер.

- Приготовить решение огневой задачи! - тут же скомандовал Вуд.

- Слушаюсь. - Рейнолдс следил за вводом данных в компьютер, в то время как другая группа офицеров вела расчеты на карте с помощью линейки и карандаша. Независимо от компьютера всегда готовили резервный вариант. На экране появились цифры. Два торпедные аппарата "Поги" из четырех были заряжены противокорабельными ракетами "гарпун", а оставшиеся два - торпедами Мк-48. В данный момент пользу могли принести только они. Торпеды Мк-48 были самыми мощными из всех, имеющихся в распоряжении флота; ими можно было управлять на расстоянии, они способны были вести поиск цели и наводиться самостоятельно с помощью собственного гидролокатора, двигались со скоростью пятьдесят узлов и несли боеголовку весом в полтонны.

- Шкипер, готово огневое решение для обеих рыб. Время до цели - четыре минуты тридцать пять секунд.

- Гидропост, прекратить активную гидролокацию, - произнес Вуд.

- Слушаюсь, сэр. Активная гидролокация закончена. - Палмер отключил питание активных систем. - Угол на цель около нуля. Она на одной глубине с нами.

- Хорошо, гидропост. Продолжайте слежение. - Теперь в распоряжении Вуда были все данные о цели. Дальнейшая работа в активном режиме только выдаст противнику положение его подлодки.

Ударная подлодка "Даллас"

- "Поги" обстреливает кого-то активными импульсами. Им получен отраженный сигнал, примерный пеленг один-девять-один, - доложил главный акустик Лаваль. - Там еще одна подлодка. Не могу определить, какая именно. Слышу шум реактора и пара, но этого недостаточно, чтобы установить акустический почерк.

Ударная подлодка "Поги"

- Ракетоносец продолжает движение, сэр, - доложил главный акустик Палмер.

- Шкипер, - Рейнолдс поднял голову от карты с проложенными курсами и предполагаемым направлением торпед к цели, - он окажется между нами и целью.

- Только этого не хватало. Треть хода вперед, лево руля двадцать градусов. - Пока выполнялись его распоряжения, Вуд прошел к акустикам. - Чиф, включайте активную систему и приготовьтесь к посылке сигналов на ракетоносец при предельной мощности.

- Слушаюсь, сэр. - Палмер изменил настройку на своем пульте. - Готово, сэр.

- Ударьте по нему импульсом полной мощности. Не хочу, чтобы он упустил наш сигнал на этот раз.

Вуд наблюдал за тем, как меняется положение кораблей на экране акустиков. "Поги" быстро поворачивал, но, по мнению Вуда, все-таки недостаточно быстро. "Красный Октябрь" - на лодке только он и Рейнолдс знали, что это русский ракетоносец, хотя среди членов команды циркулировали самые невероятные слухи, - шел вперед слишком быстро.

- Гидролокатор готов, сэр.

- Давайте, в полную силу. ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ-ПИНГ!

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Шкипер! - выкрикнул Джоунз. - Сигнал опасности! Манкузо бросился к машинному телеграфу, не ожидая реакции Рамиуса, и рванул ручку, поставив ее в положение " Стоп машина". Сделав это, он повернулся и посмотрел на Рамиуса.

- Извините, сэр, - произнес Манкузо.

- Все в порядке. - Рамиус, нахмурившись, смотрел на карту. Через мгновение зазвонил телефон. Он снял трубку и несколько секунд говорил по-русски, потом положил трубку. - Я сказал им, что у нас возникли трудности, но мы пока не знаем, какие именно.

- Это верно. - Манкузо подошел к русскому капитану и тоже посмотрел на карту. Шум турбин уменьшался, хотя американцу хотелось, чтобы это происходило быстрее. "Октябрь" был бесшумной лодкой - по представлениям русских, - но, по мнению Манкузо, все-таки недостаточно тихой.

- Спросите своего акустика, не сумел ли он заметить что-нибудь, - посоветовал Рамиус.

- Да, конечно. - Манкузо сделал несколько шагов в сторону кормы. - Джоунзи, проверь, что там происходит.

- Постараюсь, шкипер, хотя на этом оборудовании работать непросто. - Он уже направил антенну с датчиками в сторону двух ударных подлодок, сопровождающих ракетоносец. Джоунз приладил наушники и принялся регулировать усилитель. Здесь нет устройства обработки сигнала, нет акустических процессоров, да и сенсоры никуда не годятся. Но сейчас не время для этого. Советской системой приходилось управлять с помощью электромеханических устройств, в отличие от управления с помощью компьютера, к которому он привык. Закрыв глаза, медленно и бережно Джоунз поворачивал группы рецепторов направления, расположенных в носовом акустическом куполе, в правой руке машинально сжимая пачку сигарет. Он не заметил, что рядом сидит Бугаев и прислушивается к тем же сигналам.

Ударная подлодка "Даллас"

- Что нам известно, чиф? - спросил Чеймберз.

- У меня есть пеленг и больше ничего. "Поги" был готов к торпедному

залпу, однако наш приятель резко сбавил ход сразу после того, как по нему ударили активные гидролокационные импульсы, и исчез с моего экрана. А вот "Поги" принял четкий отраженный сигнал от него. Думаю, он где-то совсем рядом, сэр.

Чеймберз получил назначение на должность помощника командира всего четыре месяца назад. Он был умным и опытным офицером, вероятным кандидатом на должность командира подлодки, но ему всего тридцать три года, и он вернулся на подводный флот именно эти четыре месяца назад. До того в течение полутора лет он служил преподавателем в школе механиков реакторов в Айдахо. Требовательность, являющаяся частью его обязанностей офицера, ответственного за дисциплину на корабле, которым командовал Манкузо, скрывала неуверенность в себе. И вот теперь карьера Чеймберза, все его будущее, зависели от правильности принятых им решений.

- Мы сможем найти его с помощью одного звукового сигнала?

Старший акустик на мгновение задумался.

- Этого недостаточно для огневого решения, но все-таки получим представление, где он находится.

- Тогда один "пинг". Действуйте.

- Слушаюсь. - Лаваль быстро настроил приборы на своем пульте и нажал на кнопку активной системы.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Туполев поморщился. Он слишком поторопился. Ему бы подождать, дать им пройти мимо - но в этом случае, если бы ожидание слишком затянулось, пришлось бы догонять их, а теперь все три американские подлодки дрейфуют совсем рядом.

Все четыре субмарины двигались с минимальной скоростью, при которой могли управлять рулями глубины. Нос русской подлодки был направлен на юго-восток, и четыре лодки образовали геометрическую фигуру, напоминающую трапецию, обращенную широкой стороной в сторону моря. "Поги" и "Даллас" находились к северу от "Коновалова", а "Красный Октябрь" - к юго-востоку от него.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Кто-то послал одиночный активный сигнал в сторону этой подлодки, - негромко заметил Джоунз. - Пеленг примерно на северо-восток, но она двигается слишком тихо, чтобы мы могли засечь ее. Если бы кто-то вызвал меня на пари, сэр, я сказал бы, что она совсем рядом.

- Почему ты так считаешь? - спросил Манкузо.

- Я услышал исходящий импульс - одиночный "пинг" для измерения расстояния, по-моему. Он исходил из BQQ-5. Затем пришел отраженный от цели сигнал. С помощью математики можно дать два возможных объяснения, но все-таки разумно предположить, что цель находится между нами и нашими остальными подлодками, немного к западу. Я знаю, это кажется не слишком убедительным, но более надежных данных у нас нет.

- Расстояние километров десять, может быть, меньше, - заметил Бугаев.

- И это тоже может показаться не очень убедительным, но все-таки нужно исходить из какой-то цифры. Понимаю, данных маловато. Извините, шкипер. Но это все, что у нас есть, - закончил Джоунз.

Манкузо кивнул и вернулся в центральный пост.

- Что случилось? - спросил Райан. Рычаг управления рулями глубины был отведен до предела вперед, чтобы удерживать подлодку на заданной глубине. Райан не понимал смысла происходящего.

- Где-то поблизости находится вражеская субмарина.

- У нас есть сведения о ней? - спросил Рамиус.

- Совсем немного. На северо-западе замечен контакт, расстояние до него неизвестно, но, по-видимому, он недалеко. Зато мы точно знаем, что это не одна из наших подлодок. Из Норфолка сообщили, что район чист. Это оставляет всего одну возможность. Будем дрейфовать?

- Будем дрейфовать, - эхом отозвался Рамиус, поднял телефонную трубку и отдал приказ.

Турбины "Октября" вращались, обеспечивая мощность, достаточную для того, чтобы ракетоносец плыл вперед со скоростью чуть больше двух узлов, чего едва хватало для управления кораблем, но было недостаточно для поддержания заданной глубины. Со своей небольшой положительной плавучестью "Октябрь" всплывал на несколько футов в минуту, хотя плоскости рулей глубины были до предела опущены вниз.

Ударная подлодка "Даллас"

- Давайте вернемся обратно на юг. Мне не нравится, что эта "альфа" находится ближе к нашему приятелю, чем мы. Курс один-восемь-пять, две трети мощности, - скомандовал наконец Чеймберз.

- Слушаюсь, сэр, - произнес Гудмэн. - Рулевой, право руля пятнадцать градусов, переходим на новый курс один-восемь-пять. Вперед машина, две трети мощности.

- Право руля пятнадцать градусов, - отрепетовал рулевой и повернул штурвал. - Сэр, руль положен на правый борт пятнадцать градусов, переходим на новый курс один-восемь-пять.

Торпедные аппараты "Далласа" были заряжены тремя торпедами Мк-48, а в четвертой находился дорогостоящий МЛС, мобильный лодочный симулятор. Одна из торпед "Далласа" была нацелена на "альфу", но огневое решение не было достаточно точным. Рыбе придется самой регулировать наведение. Зато обе торпеды "Поги" были наведены на цель с почти максимальной точностью.

Проблема заключалась в том, что ни одна из лодок не получала приказа открывать огонь. Обе ударные подлодки действовали, соблюдая мирные правила. Им разрешалось пускать торпеды только при самообороне, а защищать "Красный Октябрь" следовало обманом и хитростью. Вопрос заключался лишь в одном: знает ли "альфа", что представляет собой обнаруженный крупный объект.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Направляемся к "огайо", - приказал Туполев. - Скорость три узла. Нужно проявить терпение, товарищи. Теперь, когда американцам известна наша позиция, они больше не будут посылать в нас активные гидролокационные импульсы. Мы бесшумно уйдем отсюда и займем другую позицию.

Бронзовый гребной винт "Коновалова" начал вращаться быстрее. Отключив все электрические системы, не имеющие решающего значения для подлодки, механики сумели увеличить скорость, не меняя мощности реактора.

Ударная подлодка "Поги"

На "Поги", ближайшей ударной подлодке, заметили, что контакт стал менее заметен, и потому пеленг на него утратил четкость. Капитан третьего ранга Вуд подумал, а не стоит ли послать в него еще один активный импульс, чтобы уточнить направление, но решил не делать этого. Стоит включить гидролокационную систему в активном режиме, и он будет походить на полицейского, разыскивающего грабителя в темном здании с включенным фонарем в руке. Активные гидролокационные импульсы дадут противнику больше информации о положении "Поги", чем Буду о положении противника. В таких случаях приходилось полагаться на пассивные акустические системы.

Главный акустик Палмер доложил командиру о том, что "Даллас" прошел мимо "Поги" по левому борту. Вуд и Чеймберз договорились не пользоваться для связи своими подводными телефонами. Сейчас они не могли пойти на риск привлечь к себе внимание противника дополнительным шумом.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Ракетоносец медленно в течение получаса полз вперед. Райан курил, сидя в кресле, одну сигарету за другой. Ладони вспотели, но он старался сохранять самообладание. Райан не был готов к такого рода боевым действиям - вот так сидеть, сложа руки, внутри стального цилиндра, ничего не видя и ничего не слыша. Он знал, что где-то поблизости находится советская подлодка и какой приказ отдан ее командиру. Если командир советской подлодки поймет, кто они, - что он предпримет? Райан обратил внимание, что оба капитана, и русский и американский, ведут себя на удивление спокойно.

- Ваши подлодки способны защитить нас? - спросил Рамиус.

- Вы имеете в виду - могут ли они выпустить торпеды в русскую подлодку? - покачал головой Манкузо. - Только если она нападет на них первой. При нормальных условиях мы вынуждены удержаться от стрельбы.

- Что? - Райан был поражен услышанным.

- Вы хотите начать войну? - улыбнулся Манкузо, словно ситуация, в которой они оказались, была забавной. - Это и произойдет, если боевые корабли двух стран начнут обмениваться торпедными залпами. Нужно выпутаться из этого положения иным способом.

- Успокойтесь, Райан, - заметил Рамиус. - Такова наша обычная игра. Ударные подлодки пытаются найти нас, а мы делаем все, чтобы им это не удалось. Скажите, капитан Манкузо, на каком расстоянии вы обнаружили нас у берегов Исландии?

- Я не успел внимательно изучить ваши карты, капитан, - задумчиво произнес Манкузо. - Думаю, милях в двадцати - это примерно тридцать километров.

- А тогда мы шли со скоростью тринадцать узлов - шум возрастает быстрее, чем скорость. Мне кажется, нам следует направиться сейчас на восток, медленно, стараясь не обнаружить себя. Включим гусеницу и пойдем со скоростью шесть узлов. Вы ведь знаете, что советские гидролокаторы не столь чувствительны, как американские. Согласны, капитан?

- Это ваш корабль, сэр, - кивнул Манкузо. - Позвольте предложить движение в северо-восточном направлении? Таким образом мы окажемся позади наших ударных подлодок через час, может быть, даже меньше.

- Согласен. - Рамиус встал и подошел хромая к пульту управления, где открыл люки туннельных движителей, затем вернулся к телефону и отдал необходимые распоряжения. Через минуту включились моторы гусеницы, и скорость начала медленно увеличиваться.

- Право руля десять градусов, Райан, - скомандовал Рамиус. - И плавно поднимите плоскости рулей глубины.

- Право руля десять и плавно поднять рули глубины, - отрепетовал Райан, довольный тем, что они что-то предпринимают.

- Ваш курс теперь ноль-четыре-ноль, Райан, - послышался голос Манкузо от прокладочного столика.

- Курс ноль-четыре-ноль, проходим через три-пять-ноль. - Сидя в кресле рулевого, Райан слышал рокот воды, проносящейся по левому туннелю. Примерно через каждую минуту раздавался глухой рев, который длился три или четыре секунды. Стрелка на указателе скорости перед ним переползла за четыре узла.

- Боитесь, Райан? - усмехнулся Рамиус. Джек выругался про себя.

- И немного устал. - В голосе его слышалась дрожь.

- Знаю, что вам нелегко. Вы отлично проявили себя - для человека без всякой подготовки, впервые оказавшегося на подводной лодке. Мы опоздаем с прибытием в Норфолк, но придем туда, можете не сомневаться. А вам приходилось плавать на подводном ракетоносце, Манкузо?

- Да, конечно. Успокойтесь, Райан. Ракетоносцы приспособлены именно для этого. Как только нас начинают искать, мы просто исчезаем. - Американский капитан поднял голову от карты, на которой монетами отметил позиции остальных трех подлодок. Он решил было пометить их более четко, но передумал. На карте вблизи берега виднелись весьма любопытные пометки - что-то вроде заранее рассчитанных позиций для пуска ракет. Морская разведка сойдет с ума при виде этого.

Теперь "Красный Октябрь" шел на северо-восток шестиузловым ходом. "Коновалов" двигался на юго-восток со скорость три узла. "Поги" направлялся на юг двухузловым ходом, а "Даллас" - на юг, развив пятнадцать узлов. Все четыре подлодки находились сейчас внутри круга диаметром шесть миль и все сближались, направляясь к одной точке.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Туполев испытывал огромное удовлетворение. По какой-то непонятной

причине американцы выбрали тактику выжидания. Куда более разумным, думал он, было бы для одной из ударных подлодок сблизиться с ним и прогнать его, дав тем самым возможность подводному ракетоносцу, сопровождаемому другой ударной подлодкой, миновать их и уйти. Ну что ж, в море ситуация никогда не повторяется. Он отхлебнул чаю из кружки и выбрал бутерброд.

Его акустик услышал в наушниках странные звуки. Они продолжались всего несколько секунд, а затем пропадали. Видно, это какое-то отдаленное сейсмическое явление, подумал мичман.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Ракетоносец подвсплыл из-за положительной плавучести, и теперь Райан опустил рули глубины на пять градусов, чтобы снова опуститься на сто метров. Он слышал, как капитаны обсуждали отсутствие термоклина. Манкузо объяснял, что для этого района в том нет ничего необычного, особенно после свирепых штормов. Оба пришли к выводу, что это не слишком хорошо. Было бы куда лучше укрыться под слоем температурного скачка.

Джоунз стоял у кормового входа в центральный пост и потирал уши. Русские наушники были далеко не такими удобными, как американские.

- Шкипер, я слышу что-то на севере, шум то появляется, то исчезает... Мне не удалось запеленговать его.

- Чья это лодка? - спросил Манкузо.

- Не знаю, сэр. Активные акустические системы на этом ракетоносце не такие плохие, а вот пассивные никуда не годятся, шкипер. Нельзя сказать, что мы совсем слепые, но вроде того.

- Ну хорошо, если услышишь что-то, сообщи.

- Слушаюсь, капитан. У вас здесь есть кофе? Господин Бугаев послал меня за ним.

- Я скажу, чтобы вам принесли кофейник.

- Спасибо. - Джоунз вернулся на свое место.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Товарищ командир, я обнаружил контакт, но не знаю, что он собой представляет, - доложил мичман по телефону.

Туполев вернулся в гидропост, дожевывая бутерброд. Русским очень редко удавалось обнаружить "огайо" - если быть точным, всего три раза, и в каждом случае добыча исчезала через несколько минут, - так что ни у кого не было данных о характеристиках этого класса подлодок.

Мичман передал Туполеву запасную пару наушников.

- Может потребоваться несколько минут, товарищ командир. Шум то появляется, то снова исчезает.

Воды у американского побережья хотя и почти изотермические <Изотермические воды - воды с постоянной температурой.>, но их нельзя назвать идеальными для акустических систем. Небольшие течения и водовороты создавали двигающиеся препятствия, которые отражали и направляли звуковую энергию непредсказуемым образом. Туполев сел рядом с акустиком и начал

терпеливо слушать. Прошло пять минут, прежде чем сигнал вернулся.

- Вот послушайте, товарищ командир, - махнул рукой мичман.

Лицо Туполева побледнело.

- Пеленг?

- Звук слишком слабый и недостаточно продолжительный для точного пеленгования, но предположительно три градуса в каждую сторону, от ста тридцати шести до ста сорока двух.

Туполев снял наушники и прошел в носовой отсек. Там он схватил за руку замполита и быстрым шагом повел его в кают-компанию.

- Это "Красный Октябрь"!

- Не может быть. Командование флота сообщило, что его гибель была подтверждена визуальным осмотром обломков. - Замполит отрицательно покачал головой.

- Нас обманули. Акустический почерк гусеницы не спутаешь. Он захвачен американцами и находится недалеко от нас. Мы должны уничтожить его!

- Нет. Необходимо запросить указания из Москвы. Замполит - преданный коммунист, но он служил на надводных кораблях и ничего не понимает в подлодках, подумал Туполев.

- Товарищ замполит, понадобится несколько минут для всплытия, десять или пятнадцать для передачи донесения в Москву и еще тридцать, чтобы получить ответ - если он вообще поступит. И у нас потребуют подтверждения информации! Сколько времени уйдет на все это? Час, два, три? За это время "Красный Октябрь" успеет уйти. Мы получили приказ и должны выполнить его. У нас нет времени связываться с Москвой.

- А если вы ошиблись?

- Я не ошибся, товарищ замполит! - прошипел Туполев. - Мой доклад о контакте с "Красным Октябрем" будет занесен в корабельный журнал вместе с моими рекомендациями. Если вы запретите торпедную атаку, я и это запишу в журнал. Тогда вся ответственность падет на вас. Решайте!

- Вы уверены?

- Уверен!

- Ну хорошо. - Замполит словно обмяк. - Как вы собираетесь потопить его?

- Торпедой, и как можно быстрее, прежде чем у американцев появится возможность уничтожить нас. Идите к себе, товарищ замполит.

Оба офицера вернулись в центральный пост. Шесть носовых торпедных аппаратов "Коновалова" были заряжены 533-миллиметровыми торпедами Мк-С, которые наводились на цель на расстоянии с помощью проводов. Требовалось лишь одно - указать цель.

- Акустик, поиск цели в носовом секторе всеми активными системами! - скомандовал Туполев. Мичман нажал на кнопку.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Джоунз вздрогнул.

- Шкипер, по нам бьют гидролокаторными импульсами! - крикнул он. - С левого борта, по центральной части, может быть, чуть ближе к носу. И это не

наша подлодка, сэр.

Ударная подлодка "Поги"

- Мостик, это гидропост. "Альфа" засекла ракетоносец! Пеленг на "альфу" - один-девять-два.

- Вперед машина - две трети мощности, - мгновенно отреагировал Вуд.

- Слушаюсь, вперед машина, две трети. Турбины "Поги" взревели, и через несколько секунд его винт начал стремительно рассекать черную воду.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Дистанция семь тысяч шестьсот метров. Вертикальный угол равен нулю, - доложил мичман. Значит, это и есть та подводная лодка, за которой их послали, подумал он. Он только что надел наушники телефона, чтобы докладывать непосредственно командиру и офицеру-торпедисту.

Торпедной стрельбой управлял сам старпом. Он быстро ввел исходные данные в компьютер. Проблема была несложной, решаемой в одной плоскости.

- Готово огневое решение для первого и второго аппаратов, - доложил он.

- Приготовиться к пуску.

- Затопили трубы. - Старпом сам щелкнул переключателем, протянув руку через плечо старшины-торпедиста. - Наружные люки открыты.

- Проверить огневое решение! - распорядился Туполев.

Ударная подлодка "Поги"

Единственным, кто услышал кратковременный рев воды, был старший акустик "Поги".

- Мостик, это гидропост. "Альфа" только что затопила торпедные трубы, сэр! Пеленг на цель - один-семь-девять.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Огневое решение проверено, товарищ командир, - доложил старпом.

- Первый и второй - пуск! - скомандовал Туполев.

- Пошла первая.., пошла вторая. - "Коновалов" дважды содрогнулся всем корпусом, когда сжатый воздух вытолкнул из труб две торпеды с электродвигателями.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Первым услышал это Джоунз.

- Шум быстро вращающихся винтов по левому борту! - произнес он громко и отчетливо. - Торпеды в воде по левому борту!

- Лево руля! - автоматически скомандовал Рамиус по-русски.

- Что? - переспросил Райан.

- Лево руля, лево на борт! - Рамиус грохнул кулаком по ограждению.

- Лево руля, быстро! - повторил его команду Манкузо.

- Лево руля, слушаюсь, - отрепетовал Райан, повернул штурвал до предела на левый борт и продолжал держать в этом положении. Рамиус дернул ручку машинного телеграфа, переведя ее на "самый полный вперед".

Ударная подлодка "Поги"

- Слышу две рыбы, - доложил Палмер. - Пеленг меняется справа налево. Повторяю, слышу две торпеды, пеленг на обе быстро меняется справа налево. Их цель - ракетоносец.

Ударная подлодка "Даллас"

Их услышали и на "Далласе". Чеймберз приказал увеличить ход до самого полного и повернуть налево. Выпущенные торпеды разом покончили со всеми колебаниями, и он поступил так, как его учил опыт американского подводника, - уходить подальше и как можно быстрее.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Мне нужен курс! - потребовал Райан.

- Джоунзи, дай пеленг! - крикнул Манкузо.

- Три-два-ноль, сэр. На нас нацелены две торпеды, - мгновенно ответил Джоунз, регулируя приборы на пульте, чтобы как можно точнее определить пеленг. Сейчас не время для ошибок.

- Поворачивайте на курс три-два-ноль, Райан, - приказал Рамиус, - если успеете.

Весьма благодарен, сердито подумал Райан, наблюдая за тем, как на гирокомпасе появилась цифра три-пять-семь. Руль был положен до предела на левый борт, и с внезапным увеличением скорости моторов гусеницы Райан почувствовал дрожь штурвала в руках.

- К нам идут две рыбы, пеленг три-два-ноль, повторяю, пеленг не меняется, - доложил Джоунз. Его голос звучал куда хладнокровнее, чем он чувствовал себя. - Ну, парни...

Ударная подлодка "Поги"

На тактическом дисплее виднелись "Октябрь", "альфа" и две торпеды. Сам "Поги" находился в четырех милях от места действия.

- Пускаем торпеды? - спросил помощник.

- В "альфу"? - Вуд выразительно покачал головой. - Нет, черт возьми. Теперь это уже не имеет смысла.

Ударная подлодка "В. К. - Коновалов"

Две торпеды Мк-С мчались со скоростью сорок один узел - медленно для такого маленького расстояния, но так они легче управлялись гидролокатором

"Коновалова". Расчетное время прибытия к цели составляло шесть минут, и одна минута уже истекла.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Проходим через три-четыре-пять, отвожу руль, - доложил Райан.

Манкузо теперь молчал. Рамиус прибегнул к тактике, которая не удовлетворяла американского капитана. Он поворачивал носом к торпедам. При этом минимально уменьшался размер цели, но упрощалось огневое решение ее перехвата. Судя по всему, Рамиус знал характеристики русских торпед. По крайней мере Манкузо надеялся на это.

- Легли на курс три-два-ноль, капитан, - доложил Райан, не отрывая взгляда от репетира гирокомпаса, словно это имело значение. У него промелькнула мысль - как хорошо, что он успел час назад побывать в гальюне.

- Райан, до предела опустить рули глубины.

- До предела рули глубины вниз, - повторил Райан и до упора отвел траверсу от себя. Он был напуган происходящим, но еще больше его пугало, что он сам может допустить ошибку. Приходилось исходить из того, что оба капитана знают, что делают. Выбора не было. По крайней мере, подумал он, мне известно, что управляемые торпеды можно сбить с курса. Подобно радиолокационным импульсам, направленным на земную поверхность, акустические импульсы тоже можно заглушить, особенно когда подлодка, на которую нацелены торпеды, находится у морской поверхности или у дна - то есть в тех местах, от которых отражаются импульсы. Если "Октябрь" уйдет на глубину, он затеряется в темном пространстве - при условии, если сумеет нырнуть туда достаточно быстро.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Профиль цели изменился, стал меньше, товарищ командир, - доложил мичман.

Туполев был готов к этому. Он хорошо знал тактику боя советских подводных лодок, и ему было известно, что Рамиус являлся одним из ее авторов. Марк сделает то, чему он сам нас учил, подумал Туполев, - повернет навстречу нацеленной в него торпеде, чтобы уменьшить поперечное сечение лодки, а затем уйдет ко дну, надеясь затеряться в отражающихся импульсах.

- Цель сейчас попытается нырнуть в придонное пространство. Будьте наготове.

- Слушаюсь, товарищ командир. Но сумеет ли он достичь дна достаточно быстро? - спросил старпом.

Туполев быстро прикинул в уме технические характеристики "Октября".

- Нет, он не сможет нырнуть так глубоко за столь короткое время. Ему конец. - Извини, старый друг, но это мой долг, подумал он.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Райан вздрагивал всякий раз, когда акустический удар эхом отдавался в

двойном корпусе ракетоносца.

- Вы что, не можете заглушить его? Сделайте что-то! - воскликнул он.

- Терпение, Райан, - произнес Рамиус. Ему еще никогда не приходилось уклоняться от направленных в него настоящих торпед с боеголовками, зато он сотни раз отрабатывал подобную ситуацию во время учений. - Пусть сначала убедится, что поймал нас.

- У вас есть на борту торпеды-приманки? - спросил Манкузо.

- Четыре штуки, в носовом торпедном отсеке, но у нас нет торпедистов.

Оба капитана ведут себя, как ни в чем не бывало, с горечью отметил Райан, мысленно выглянув из своего перепуганного крохотного мирка. Ни один не желает показаться испуганным. Но оба, похоже, подготовлены к действиям в подобной ситуации.

- Шкипер, - послышался голос Джоунза, - две рыбы на постоянном пеленге три-два-ноль - только что заработали в активном режиме. Повторяю, рыбы ведут гидролокацию в активном режиме. Черт побери, они похожи на сорок восьмые. Шкипер, судя по акустическому почерку, это наши Мк-48.

Рамиус ждал этого.

- Да, мы украли у вас чертежи торпедного гидролокатора пять лет назад, но не сумели достать чертежи двигателя торпеды. Бугаев!

В гидролокационном посту Бугаев включил аппаратуру акустического глушения сразу после пуска торпед. Теперь он тщательно рассчитал импульсы своего глушения таким образом, чтобы они совпали с активными импульсами приближающейся торпеды. Его импульсы находились на той же несущей частоте и с теми же интервалами. Эти расчеты должны быть точными. Посылая слегка искаженные отраженные сигналы, он мог создавать ложные цели. Не слишком много и не очень далеко. Всего несколько, рядом с ракетоносцем, и тогда он сможет запутать операторов "альфы", управляющих торпедами. Бугаев осторожно нажал на кнопку пуска, не выпуская изо рта американскую сигарету.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Проклятье! Он глушит нас! - Мичман заметил две новые цели и впервые дал выход эмоциям. Рядом с исчезающим отражением от прежнего контакта появились два новых, один к северу и ближе, другой к югу и несколько дальше.
- Товарищ командир, цель пользуется советской аппаратурой глушения.

- Теперь вам понятно? - произнес Туполев, обращаясь к замполиту. - Ведите торпеды с максимальной тщательностью, - приказал он старпому.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Райан, поднять рули глубины вверх! - крикнул Рамиус.

- Рули глубины вверх до предела. - Райан потянул на себя ручку управления рулями глубины так, что она уперлась ему в живот. Он не терял надежды, что Рамиус понимает, что делает, черт возьми.

- Джоунз, время и расстояние.

- Слушаюсь.

В результате глушения на главных экранах появилось акустическое

изображение.

- Две рыбы, пеленг три-два-ноль. Расстояние до первой - две тысячи ярдов, до второй - три тысячи. Первая торпеда уклоняется вниз! Рыба номер один идет с небольшим уклоном в сторону дна, сэр. - Может быть, этот Бугаев не так уж глуп, подумал Джоунз. Но ведь на них нацелены две рыбы...

Ударная подлодка "Поги"

Шкипер подлодки был вне себя от ярости. Проклятые правила операции запрещали ему что-либо предпринять, разве что...

- Акустик, послать гидролокационные импульсы в сторону этого сукиного сына! Максимальная мощность, врежь этому мерзавцу всем, что у нас есть!

Гидролокатор BQQ-5 "Поги" послал мощные волны акустической энергии в сторону "альфы". Американская подлодка не могла открывать огонь, но, может быть, русские не знали об этом, и мощные акустические импульсы помешают действиям их гидролокатора, наводящего торпеды на цель.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Осталось совсем немного - одна из рыб замкнулась на нас, сэр. Не знаю, какая именно. - Джоунз сдвинул наушники с одного уха и поднял руку, чтобы мгновенно сбросить их со второго. Гидролокатор наведения на одной торпеде уже нашел их. Да, плохи дела. Если это торпеды Мк-48... Джоунз слишком хорошо знал, что могут натворить такие торпеды. Он почувствовал изменение эффекта Доплера <Эффект Доплера - изменение длины волны, или частоты, наблюдаемое при движении источника волн относительно их приемника. В данном случае при приближении торпеды к подлодке частота уменьшается, а при удалении возрастает.> в шуме винтов торпеды, прошедшей под ракетоносцем.

- Одна промахнулась, сэр. Первая прошла под нами. Вторая идет на нас, интервалы между акустическими импульсами сокращаются.

Джоунз протянул руку и положил ее на плечо Бугаева. Может быть, он и впрямь настоящий гений на борту "Красного Октября", как утверждают русские.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Вторая торпеда Мк-С резала воду со скоростью сорок один узел. Это означало, что цель сближалась с торпедой почти на милю за минуту. Система наведения и принятия решений была сложной. Будучи не в состоянии скопировать компьютеризованную систему наведения американской торпеды Мк-48, Советам пришлось пойти на то, что гидролокатор наведения торпеды посылал информацию на пустивший ее корабль по тонкому изолированному проводу. При наведении торпеды старпому приходилось делать выбор между акустическими данными, полученными от гидролокатора в носовом куполе подлодки, и информацией, поступившей от самих торпед. Первую рыбу ввели в заблуждение ложные цели, созданные системой глушения на акустической частоте торпеды. Для наведения второй старпом использовал низкочастотный гидролокатор, расположенный в носовом куполе подлодки. Теперь он знал, что первая торпеда прошла ниже

цели. Мичман быстро изменил частоту импульсов, и перед старпомом появилась четкая картина на те несколько секунд, которые потребовались Бугаеву, чтобы поступить так же с частотой глушения. Спокойно и уверенно старпом наводил вторую торпеду. Она двигалась точно к цели.

Ее боеголовка с зарядом в двести килограммов попала в цель скользящим ударом чуть в сторону кормы от центра ракетоносца, перед центральным постом. Через миллисекунду она взорвалась.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Сила взрыва выбросила Райана из кресла, и он ударился головой о палубу. На мгновение он потерял сознание и пришел в себя в темноте. В ушах стоял звон. Сотрясение, вызванное взрывом, привело к короткому замыканию в дюжине распределительных щитов, и прошло несколько секунд, прежде чем вспыхнул красный аварийный свет. На корме Джоунз успел вовремя сбросить наушники, а вот Бугаев, пытавшийся до последней секунды отвести в сторону приближающуюся торпеду, опоздал. Оглохший, с лопнувшей барабанной перепонкой, он корчился в отчаянных муках на палубе. В машинном отделении вставали моряки. Здесь свет продолжал гореть, и первое, что сделал Мелехин, - посмотрел на пульт регистрации повреждений.

Взрыв произошел после попадания торпеды во внешний корпус, изготовленный из тонкой стали. Между ним и прочным корпусом находились балластные цистерны, наполненные водой и разделенные двухметровыми сотами, подобными пчелиным. За цистернами хранились баллоны со сжатым воздухом под высоким давлением. Далее располагались аккумуляторные батареи и только потом начинался прочный корпус ракетоносца. Торпеда попала в центр стального листа наружной обшивки, в нескольких футах от всех сварных швов. От взрыва образовалась пробоина диаметром около четырех метров, разрушились соты балластных цистерн и лопнули с полдесятка баллонов, но это поглотило значительную часть силы взрыва. Наконец, были повреждены тридцать крупных никель-кадмиевых аккумуляторов. Советские инженеры намеренно поместили их именно в этом месте. Они понимали, что такое расположение аккумуляторных батарей усложнит их обслуживание и зарядку и, что хуже всего, подвергнет опасности воздействия соленой морской воды, но все это было принесено в жертву ради их вторичной задачи - создания дополнительного щита. Аккумуляторные батареи спасли ракетоносец. Будь они расположены в другом месте, сила взрыва повредила бы прочный корпус. А теперь сила взрыва оказалась в значительной мере рассеяна несколькими слоями защитной системы, аналогов которой не существует на подлодках западных флотов. В сварном шве прочного корпуса появилась трещина, и в радиорубку словно из шланга под огромным давлением хлестала струя воды, но в остальном прочный корпус уцелел.

В центральном посту Райан уже сидел в кресле, проверяя, работают ли приборы. Он слышал, как в переднем отсеке хлещет струя воды, и не знал, что делать дальше. Понятно было, что нельзя поддаваться панике, хотя у него была отчаянная потребность выплеснуть чувства.

- Что мне делать? - спросил Райан.

- Вы живы? - спросил Манкузо.

- Нет, черт побери, - я мертв. Так что делать?

- Рамиус? - Манкузо увидел в руке капитана фонарик, который тот снял с переборки.

- Вниз, ныряем ко дну. - Рамиус снял телефонную трубку и приказал Мелехину в машинном отделении остановить турбины. Мелехин уже отдал такой приказ.

Райан толкнул от себя траверсу погружения. Подумать только, мелькнула мысль, в этой чертовой подлодке, получившей эту чертову пробоину, ему приказывают идти ко дну!

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Точное попадание, товарищ командир, - доложил мичман. - Двигатели остановились. Слышу потрескивание корпуса, он погружается. - Акустик послал нескольких импульсов в активном режиме, но не смог принять отраженных сигналов. Волны взрыва взбудоражили воду. По всему морю расходилось эхо взрыва. Образовались мириады воздушных пузырьков, создавших зону, непроницаемую для акустических волн вокруг цели и быстро закрывших ее от окружающего мира. Активные импульсы отражались от облака пузырьков, а чувствительность пассивных датчиков резко уменьшилась из-за продолжающегося эха. Мичман мог с уверенностью сказать лишь, что одна торпеда попала в цель, скорее всего вторая. Он был достаточно опытен, чтобы отделить посторонний шум от отраженных сигналов, и ему удалось правильно истолковать почти все, что произошло.

Ударная подлодка Даллас

- Один-ноль в пользу противника, - заметил старший акустик. "Даллас" шел слишком быстро и не мог полностью использовать свое гидролокационное оборудование, но невозможно было не услышать грохот взрыва. Его через корпус лодки услышала вся команда.

В центральном посту Чеймберз определил, что находится в двух милях от того места, где только что был "Октябрь". Все остальные смотрели на свои приборы, не обнаруживая чувств. Десять их товарищей находились на корабле, в который попала торпеда, а враг скрывался за стеной шума.

- Уменьшить скорость, треть мощности, - приказал Чеймберз.

- Треть мощности, слушаюсь, - повторил вахтенный офицер.

- Акустик, сообщите данные, - произнес Чеймберз.

- Занимаюсь ими, сэр. - Старший акустик Лаваль напрягал слух, пытаясь разобраться в поступающих шумах. Ему потребовалось десять минут, и за это время ход "Далласа" уменьшился до десяти узлов.

- Мостик, докладывает гидропост. В ракетоносец попала одна торпеда. Не слышу шума двигателей.., но и звуков разрушающегося корпуса не слышно. Повторяю, сэр, не слышно звуков разрушения корпуса.

- Слышите "альфу"?

- Нет, сэр, вода слишком взбаламучена.

На лице Чеймберза появилась недовольная гримаса. Ты офицер, сказал он себе, тебе платят за то, чтобы ты думал. Во-первых, что происходит? Во-вторых, что ты собираешься предпринять? Обдумай все и начинай действовать.

- Дистанция до цели?

- Примерно девять тысяч ярдов, сэр, - ответил Гудмэн, считывая данные с последнего огневого решения на экране компьютера, управляющего стрельбой. - "Альфа" находится за пределами "глухой" зоны.

- Глубина шестьсот футов. - Офицер на рулях глубины передал команду рулевому. Чеймберз обдумал ситуацию и принял решение. Он пожалел, что на лодке нет Манкузо и Манньона. Капитан и штурман относились к числу тех, кто представляли на "Далласе" комитет тактического управления. Было бы неплохо обсудить проблему и с опытными офицерами, но их не было сейчас на подлодке.

- Прошу внимания. Мы погружаемся. Волнение в море после взрыва будет оставаться относительно постоянным. Если оно начнет успокаиваться, то сместится к поверхности, поэтому мы опустимся ниже его. Прежде всего нужно обнаружить ракетоносец. Если он не на расчетном месте, значит, опустился на дно. Глубина здесь всего девятьсот футов, так что он может лежать на дне с живой командой. Независимо от того, находится он на прежнем месте или на дне, необходимо занять позицию между ним и "альфой". - И, подумал он, если "альфа" снова пустит торпеды, я потоплю ее, и пусть будут прокляты правила поведения на море в мирных условиях. Нужно обмануть этого парня. Но как? И где сейчас "Красный Октябрь"?

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Ракетоносец опускался быстрее, чем ожидалось. Взрыв разрушил цистерну выравнивания дифферента, что прибавило отрицательной плавучести и не входило в первоначальные расчеты.

Пробоина в радиорубке оказалась значительной, однако Мелехин заметил ее на своем пульте повреждений и немедленно принял меры. В каждом отсеке находилась водоотливная помпа, работающая от электрической системы подлодки. Помпа радиорубки включилась вместе с основной помпой этой части ракетоносца, и им удалось, хотя и с трудом, откачать воду. Радиоаппаратура полностью вышла из строя, но никто и не собирался пользоваться радиосвязью.

- Райан, вверх до предела рули глубины и положите руль на правый борт, - скомандовал Рамиус.

- Руль на правый борт и вверх плоскости рулей глубины, - отрепетовал Райан. - Сейчас мы врежемся в дно?

- Постарайтесь обойтись без этого, - посоветовал Манкузо. - Пробоина может, увеличиться.

- Лучше не придумаешь... - проворчал Райан. Скорость погружения "Октября" уменьшилась, и он описал плавную дугу к востоку, заходя под "глухую" зону все еще бурлящей воды. Рамиус хотел скрыться за ней, оставив "альфу" по другую сторону. Манкузо подумал, что они смогут, пожалуй, спастись. В этом случае он решил внимательно изучить чертежи этого корабля.

Ударная подлодка "Даллас"

- Акустик, два направленных активных импульса малой мощности в сторону ракетоносца и так, чтобы никто их не заметил.

- Слушаюсь, сэр. - Главный акустик Лаваль отрегулировал приборы соответствующим образом и послал два импульса. - Здорово! Мостик, это гидропост. Я нашел его! Пеленг два-ноль-три, расстояние две тысячи ярдов. Он не на дне, повторяю, он не лежит на дне, сэр.

- Лево руля пятнадцать, курс два-ноль-три, - приказал Чеймберз.

- Лево руля пятнадцать, слушаюсь! - отрепетовал рулевой. - Ложимся на новый курс два-ноль-три. Сэр, руль на левом борту, пятнадцать градусов.

- Френчи, что там с ракетоносцем?

- Сэр, мне кажется, я слышу шум водоотливных помп.., и он медленно двигается. Пеленг сейчас два-ноль-один. Могу следить за ним пассивными системами, сэр.

- Томпсон, рассчитайте курс ракетоносца. Мистер Гудмэн, наш МЛС все еще готов к пуску?

- Так точно, сэр, - послышался ответ офицера-торпедиста.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Мы потопили его? - спросил замполит.

- Наверно, - ответил Туполев, не зная, так ли это. - Нужно подойти поближе, чтобы убедиться. Малый вперед.

- Есть малый вперед!

Ударная подлодка "Поги"

Сейчас "Поги" находился в двух тысячах ярдов от "Коновалова", продолжая безжалостно бомбардировать его мощными гидролокационными импульсами.

- Он дал ход, сэр. Достаточный, чтобы следить за ним пассивными системами, - доложил старший акустик Палмер.

- Очень хорошо, прекратить активную гидролокацию, - скомандовал Вуд.

- Слушаюсь, активные системы отключены.

- У нас есть огневое решение?

- Самое точное, - ответил Рейнолдс. - Время движения торпеды до цели - одна минута восемнадцать секунд. Обе рыбы готовы к пуску.

- Малый вперед, одна треть.

- Есть малый вперед, одна треть. - "Поги" сбавил ход. Его командир пытался найти оправдание для торпедного залпа.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Шкипер, только что услышал два импульса от одной из наших лодок, с северо-северо-востока. Низкой мощности, сэр, должна быть недалеко.

- Сможете связаться с ней по "гертруде"?

- Так точно, сэр!

- Капитан, - обратился Манкузо к Рамиусу. - Разрешите связаться с моей лодкой.

- Да.

- Джоунз, немедленно вызывай "Даллас".

- Слушаюсь. Джоунзи вызывает Френчи. Ты слышишь меня? - Акустик посмотрел нахмурившись на динамик. - Френчи, отвечай.

Ударная подлодка "Даллас"

- Мостик, это гидропост. Говорит Джоунз, по "гертруде". Капитан-лейтенант снял трубку подводного телефона в центральном посту.

- Джоунзи, это Чеймберз. В каком состоянии лодка? Манкузо взял микрофон из рук акустика.

- Уолли, говорит Барт, - сказал он. - У нас пробоина в центральной части, но она не вызывает опасений. Вы можете отвлечь от нас "альфу"?

- Так точно, сэр! Начинаю прямо сейчас. Конец связи. - Чеймберз положил трубку. - Гудмэн, затопите трубу с МЛС. Мы последуем за ним. Если "альфа" выстрелит в него торпедой, топим ее. Отрегулируйте МЛС на две тысячи ярдов прямого курса, потом пусть повернет к югу.

- Готово, сэр. Наружный люк открыт.

- Пуск!

- МЛС вышел, сэр.

Приманка пошла вперед от "Далласа" со скоростью двадцать узлов в течение двух минут, затем сбавила ход. У МЛС был корпус торпеды, в носовой части которой находился мощный акустический датчик, работающий от магнитофона, на котором были записаны шумы ударной подлодки типа 688. Каждые четыре минуты шумы замолкали на короткое время и МЛС двигался бесшумно. "Даллас" следовал в тысяче ярдов позади приманки, погрузившись на несколько сот футов глубже.

"Коновалов" осторожно подошел к облаку воздушных пузырьков. К северу от него неслышно плыл "Поги".

- Стреляй в приманку, сукин ты сын, - еле слышно пробормотал Чеймберз.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Рамиус пришел к выводу, что "глухая" зона отделяла его теперь от "альфы". Он приказал снова пустить турбины, и "Красный Октябрь" пошел на северо-восток.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Лево руля десять градусов, - негромко скомандовал Туполев. - Обойдем мертвую зону с севера и увидим, потоплен ли он, когда повернем назад. Но сначала нужно покинуть зону шума.

- Пока ничего не слышно, - доложил мичман. - Ни удара о дно, ни шума рушащихся переборок... Обнаружен новый контакт, пеленг один-семь-ноль... Это другой шум, товарищ командир, лодка с одним винтом... Похожа на

американскую.

- Пеленг?

- В направлении на юг, по-моему. Да, на юг... Звук меняется. Это американская подлодка.

- Американская подлодка отводит нас в сторону от цели. Не обращать на нее внимания.

- Не обращать внимания? - недоуменно спросил замполит.

- Товарищ замполит, если бы вы шли на север и в вас попала бы торпеда, вы что, направились бы затем к югу? Пожалуй, вы так и сделаете, но не Марк. Это шито белыми нитками. Американская подлодка уводит нас от "Октября". Не слишком разумное решение, между прочим. Марк поступил бы по-другому. И он пошел бы на север. Я знаю его, читаю его мысли. Сейчас он направляется на север, может быть, на северо-восток. Американцы не пытались бы отвлечь нас, если бы мы потопили ракетоносец. Теперь мы знаем, что "Октябрь" поврежден, но не потоплен. Мы найдем его и покончим с ним, - бесстрастно произнес Туполев. Охота за "Красным Октябрем" полностью захватила его. Он вспоминал все, чему его учили. Теперь он докажет, что стал новым гроссмейстером подводной войны. Совесть Туполева молчала. Он выполнял свой долг.

- Но американцы...

- Они не откроют огонь, товарищ замполит, - произнес Туполев с ледяной улыбкой. - Если бы они намеревались стрелять, нас потопила бы их подлодка на северном направлении. Американцы не могут открывать огонь, не получив разрешения. Они должны получить разрешение на это, так же как и мы, но нам уже отдан приказ, и потому мы обладаем преимуществом перед ними. Сейчас мы находимся в том месте, где наша торпеда попала в "Красный Октябрь", и когда обойдем взбудораженный участок воды, снова обнаружим его. И закончим дело.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Воспользоваться гусеницей они не могли. Борт одного туннеля был смят взрывом торпеды. "Октябрь" шел вперед шестиузловым ходом, подгоняемый гребными винтами, которые издавали больше шума, чем туннельная система. Происходящее походило на обычные учения по защите ракетоносца, вот только при учениях всегда исходили из того, что ударные подлодки, охраняющие ракетоносец, могут стрелять, удерживая противника на безопасном расстоянии...

- Лево руля, задний ход, - приказал Рамиус.

- Что? - изумленно спросил Манкузо.

- Пошевелите мозгами, Манкузо, - ответил Рамиус, следя за тем, как Райан выполняет приказ. Райан повиновался, не вдаваясь в его смысл.

- Пошевелите мозгами, капитан Манкузо, - повторил Рамиус. - Подумайте, что происходит? Из Москвы поступила команда оставить позади одну ударную подлодку, скорее всего, типа "политовский" - по-вашему, это "альфа". Я знаком со всеми командирами этих лодок. Все они молодые и все - как это сказать - агрессивные? Да, агрессивные. Командир этой подлодки знает теперь, что не потопил нас. А зная это, начнет преследование. Вот мы и идем назад, подобно хитрой лисе, и дадим ему обогнать нас.

Манкузо не понравилось решение русского капитана - Райан почувствовал это, даже не отрывая взгляда от приборов.

- Мы не можем стрелять. Ваши люди не могут стрелять. Нам не удастся уйти от него - он имеет преимущество в скорости. Мы не можем спрятаться - у него более совершенный гидролокатор. Он пойдет на восток, воспользуется преимуществом в скорости, чтобы не упустить нас, и обнаружит "Красный Октябрь" своим гидролокатором. Направившись на запад, мы получаем шанс на спасение. Такое решение окажется для него неожиданным.

Манкузо все еще не нравилось решение Рамиуса, но он был вынужден признать, что это неплохо придумано. Даже хорошо. Он снова посмотрел на карту. Все-таки это не его корабль.

Ударная подлодка "Даллас"

- Этот сукин сын просто прошел мимо. Он или не обратил внимания на приманку, или просто не заметил ее. Сейчас он у нас на траверзе <Траверз - положение объекта, при котором пеленг на него перпендикулярен курсу корабля.>, скоро мы окажемся в его кильватерной струе, - доложил Лаваль.

Чеймберз негромко выругался.

- Не повезло нам с этим. Право руля, пятнадцать градусов, - приказал он. По крайней мере русская подлодка не услышала "Даллас". Американская субмарина легко исполнила команду. - Пойдем следом за ним.

Ударная подлодка "Поги"

Теперь "Поги" находился в миле от левой скулы "альфы". Вуд слышал "Даллас" своим пассивным гидролокатором и заметил, что он изменил курс. Капитан просто не знал, что делать дальше. Самым простым решением был торпедный залп, но на это Вуд не решался. Он подумал, а не стоит ли забыть о приказах и взять инициативу на себя. Вуд инстинктивно чувствовал, что это самый правильный выбор. "Альфа" охотится за американцами... И все-таки чувство долга победило. Вуд переборол свой инстинкт.

Нет ничего хуже самоуверенности, с горечью подумал он. Вся операция основывалась на том, что в этом районе никого нет, и даже если кто-то окажется здесь, ударные подлодки смогут заранее предупредить ракетоносец. Это урок для них, но Вуд не хотел сейчас думать об этом.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Замечен контакт, - произнес мичман, склонившись к микрофону. - Перед нами, почти прямо перед нами. Идет малым ходом на гребных винтах. Пеленг ноль-четыре-четыре, дистанция не определена.

- Это "Красный Октябрь"? - спросил Туполев.

- Не знаю, товарищ командир. Может оказаться американской подлодкой. По-моему, он направляется к нам.

- Проклятье! - Туполев обвел взглядом центральный пост. Неужели они обогнали "Красный Октябрь"? А вдруг он действительно потоплен?

Ударная подлодка "Даллас"

- Он знает, что мы здесь. Френчи? - спросил Чеймберз, снова вернувшись в гидролокационный пост.

- Нет, этого он не знает. - Лаваль отрицательно покачал головой. - Мы позади него. Одну минуту... - Акустик нахмурился. - Еще один контакт, на дальней стороне "альфы". Это, должно быть, наш друг, сэр. Господи! Мне кажется, он направляется к нам. Движется на винтах, а не на этой странной системе.

- Расстояние до "альфы"?

- Меньше трех тысяч ярдов, сэр.

- Средний вперед, две трети! Лево руля десять градусов! - приказал Чеймберз. - Френчи, пошли активный импульс, только подледным гидролокатором. Возможно, русские не знают, что это. Пусть примут нас за ракетоносец.

- Слушаюсь, сэр!

Ударная подлодка "В. К. Коновалова

- Высокочастотные гидролокационные сигналы за кормой! - выкрикнул мичман. - Непохожи на американский локатор, товарищ командир.

Туполев внезапно растерялся. А вдруг мористее его американская подлодка? Та, что у него на левой скуле, - точно американская. Значит, позади "Октябрь". Марк - все та же хитрая лиса. Он затаился, дал им пройти, и теперь может выстрелить в них сзади!

- Полный вперед, лево руля!

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Слышу контакт! - громко произнес Джоунз. - Прямо перед нами. Подождите... Это "альфа"! Она совсем близко! Похоже, начала поворот. Кто-то посылает в нее гидролокационные импульсы с противоположной стороны. Боже мой, она рядом! Шкипер, "альфа" больше не точечный контакт. Я принимаю отдельные сигналы от двигателя и от гребного винта.

- Капитан? - произнес Манкузо. Оба командира посмотрели друг на друга и приняли одинаковое решение, словно телепаты. Рамиус кивнул.

- Дайте расстояние.

- Джоунзи, пошли импульс в сукиного сына! - скомандовал Манкузо и побежал на корму.

- Слушаюсь. - Гидролокационные системы были уже включены. Джоунз послал одиночный импульс, чтобы определить расстояние. - Дистанция - тысяча пятьсот ярдов. Нулевое возвышение. Мы на одинаковой глубине, сэр.

- Манкузо, пусть ваш акустик выдает нам расстояние и пеленг! - Рамиус с силой потянул за ручку машинного телеграфа.

- О'кей, Джоунзи, будешь руководить стрельбой. Следи за этой долбаной "альфой".

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Один гидролокационный импульс слева, расстояние неизвестно, пеленг сорок. Та цель, что мористее, только что измерила дистанцию до нас, - доложил мичман.

- Расстояние, - приказал Туполев.

- Слишком далеко от траверза в сторону кормы, товарищ командир. Я теряю его за кормой.

Одна из этих подлодок должна быть "Красным Октябрем" - но какая? Можно ли пойти на риск стрельбы по американской подлодке? Нет, нельзя!

- Огневое решение для ближней цели?

- Не очень точное, товарищ командир, - ответил старпом. - Она маневрирует и увеличивает скорость.

Мичман сконцентрировал внимание на западной цели.

- Товарищ командир, контакт перед нами не является советской подлодкой, повторяю, не является. Это американская лодка.

- Какая из подлодок американская? - раздраженно крикнул Туполев.

- Те, что на западе и на северо-западе, - обе американские. Цель на востоке я не сумел определить.

- Продолжать удерживать руль на левом борту.

- Руль положен на левый борт, - отрепетовал рулевой, удерживая повернутый до предела штурвал.

- Цель находится позади нас. Нужно замкнуться на нее и пустить торпеду во время поворота. Черт побери, мы идем слишком быстро. Сбавить ход до одной трети.

Обычно "Коновалов" поворачивался быстро, однако на этот раз замедление хода привело к тому, что гребной винт действовал как тормоз, сдерживая исполнение маневра. И все-таки Туполев действовал правильно. Ему нужно было направить торпедные аппараты вдоль пеленга на цель, и потому пришлось замедлить ход, чтобы акустик сумел представить точные данные, необходимые для стрельбы.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- О'кей, "альфа" продолжает поворот, двигается сейчас справа налево... Шум двигателя уменьшился. Она только что сбросила скорость, - докладывал Джоунз, наблюдая за экраном. Акустик лихорадочно рассчитывал в уме курс, скорость и расстояние. - До нее теперь тысяча двести ярдов. Она продолжает поворот. Мы делаем то, что следует делать?

- Похоже на то.

Джоунз установил гидролокатор на автоматическую посылку импульсов.

- Нужно следить за тем, куда приведет этот поворот, сэр. Если у нее умелый командир, она устремится на юг и уйдет первой.

- Тогда молись за то, что он неумелый, - произнес Манкузо, стоя у входа в гидропост. - Удерживать корабль на курсе.

- Слушаюсь, удерживать корабль на курсе, - повторил Райан, пытаясь решить, погибнут они от следующей торпеды или нет.

- Поворот продолжается. Сейчас мы у нее на левом траверзе, скорее на левой скуле. - Джоунз поднял голову. - Она успеет развернуться раньше нас. А вот и импульсы ее гидролокатора.

"Красный Октябрь" продолжал ускоряться. Теперь он шел вперед со скоростью восемнадцать узлов.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Я слышу его, - донесся голос мичмана. - Дистанция - тысяча метров, пеленг - сорок. Вертикальный угол нулевой.

- Приготовиться к пуску, - скомандовал Туполев своему старпому.

- Придется пускать торпеду под нулевым углом. Мы поворачиваем слишком быстро, - ответил старпом. Он поспешно рассчитал огневое решение. Субмарины сближались со скоростью больше сорока узлов. - Готов только аппарат номер пять! Труба заполнена, наружный люк открыт. Аппарат готов к стрельбе!

- Пуск!

- Пуск пятой! - Палец старпома нажал на кнопку.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Расстояние сократилось до девятисот ярдов - слышу высокоскоростные винты прямо перед нами! Перед нами торпеда. Одна торпеда, идет прямо на нас!

- Не обращай внимания на торпеду, следи за "альфой"!

- Да, понял, пеленг на "альфу" два-два-пять, поворот замедляется. Нужно немного повернуть влево, сэр.

- Райан, влево пять градусов, курс два-два-пять.

- Слушаюсь, влево пять градусов, курс два-два-пять.

- Рыба быстро приближается, сэр, - предупредил Джоунз.

- Наплевать на рыбу! Следи за "альфой".

- Слушаюсь. Пеленг все еще два-два-пять. Такой же, как и у рыбы.

Расстояние между сближающимися подлодками быстро сокращалось. Торпеда мчалась к "Октябрю" еще быстрее, но ее взрыватель стоял на предохранителе. Чтобы не допустить преждевременного взрыва, способного повредить пустившую ее лодку, взрыватели на торпедах приходили в боевое положение, лишь пройдя расстояние от пятисот до тысячи ярдов. Если "Октябрю" удастся сблизиться с "альфой" достаточно быстро, торпеда не взорвется.

Теперь "Октябрь" мчался двадцатиузловым ходом.

- Расстояние до "альфы" семьсот пятьдесят ярдов, пеленг два-два-пять. Торпеда рядом, сэр, до попадания несколько секунд. - Джоунз съежился в кресле, уставившись на экран.

Послышался глухой удар торпеды.

Торпеда попала прямо в центр полусферического носа "Октября". Предохранитель должен был отключиться еще через сто метров. От сильного удара торпеда раскололась на три части, отброшенные в сторону подводным ракетоносцем, продолжавшим набирать скорость.

- Ну и никчемные торпеды у русских! - засмеялся Джоунз. - Слава Всевышнему! Пеленг на цель по-прежнему два-два-пять, расстояние семьсот

ярдов.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

- Почему не было взрыва? - удивился Туполев.

- Предохранительное устройство! - Старпом выругался. Он слишком поспешил с пуском торпеды.

- Где цель?

- Пеленг сорок пять градусов, товарищ командир, остается неизменным, - доложил мичман. - Мы быстро сближаемся. Туполев побледнел.

- Лево на борт, самый полный вперед!

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Поворачивает, поворачивает слева направо, - доложил Джоунз. - Пеленг сейчас два-три-ноль, цель становится шире. Нужно чуть повернуть вправо, сэр.

- Райан, право руля пять градусов.

- Руль положен вправо, пять градусов, - ответил Райан.

- Нет, вправо десять! - отменил свой приказ Рамиус. Он рассчитывал курс карандашом на листке бумаги. К тому же капитан хорошо знал технические характеристики "альфы".

- Руль вправо десять градусов, - отозвался Райан.

- Эффект максимального сближения, расстояние четыреста ярдов, пеленг два-два-пять на центр цели. Цель слева и справа, главным образом слева, - быстро произнес Джоунз. - Расстояние.., триста ярдов. Вертикальный угол нулевой, мы на одном уровне с целью. Расстояние двести пятьдесят, пеленг два-два-пять на центр цели. Теперь не промахнемся, шкипер.

- Мы попадем в нее! - воскликнул Манкузо.

Туполеву следовало бы уйти на глубину, а он вместо этого положился на ускорение и маневренность своей лодки, упустив из виду, что Рамиус знает ее технические характеристики лучше его.

- Контакт вытянулся влево и вправо - мгновенный отраженный сигнал, сэр!

- Приготовиться к столкновению!

Рамиус забыл про сигнал предупреждения о столкновении. Он рванул ручку всего за несколько секунд до того момента, как подлодки столкнулись.

"Красный Октябрь" врезался в середину "Коновалова", чуть ближе к корме, под углом в тридцать градусов. От мощного удара титановый корпус "Коновалова" разломился, а нос "Октября" смялся, как банка из-под пива.

Райан не сумел приготовиться к столкновению. Его бросило вперед и он ударился лицом о приборную панель. На корме, в медпункте, Уилльямз вылетел из койки, словно выброшенный катапультой, и Нойз успел подхватить его, прежде чем английский лейтенант ударился головой о палубу. Гидролокационное оборудование Джоунза было полностью уничтожено. Подводный ракетоносец подбросило вверх, и он подмял "альфу" под себя, прорезав килем верхнюю палубу небольшой ударной подлодки. Силой инерции огромный корабль протащило вперед и ближе к поверхности.

Ударная подлодка "В. К. Коновалов"

Прочный корпус ударной подлодки был полностью герметичным, изготовленным из особо прочного титана. Однако это не спасло его при столкновении. Борта двух отсеков разрушились, и в них хлынула морская вода. Переборка между центральным постом и кормовыми отсеками рухнула через мгновение от деформации корпуса. Последнее, что увидел Туполев, - стену белой пены, ворвавшаяся внутрь лодки с правого борта. "Альфа" легла на левый борт, увлекаемая килем "Красного Октября", который тащил ее за собой, катясь по верхней палубе. Через несколько секунд подлодка перевернулась вверх дном. По всей ее длине люди и незакрепленные предметы покатились, как брошенные игральные кости. Половина команды уже тонула. В этот момент контакт "Коновалова" с "Октябрем" прекратился, потому что заполненные водой отсеки ударной подлодки потащили ее вниз, ко дну, носом вперед. Последний сознательный поступок замполита состоял в том, что он дернул за ручку аварийного буя, но и это оказалось напрасным: подлодка была перевернута вверх дном, и трос буя запутался вокруг рубки. Единственным указателем места гибели "Коновалова" стала масса воздушных пузырьков, поднимающихся к поверхности.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- Мы все еще живы? - спросил Райан. Лицо его было залито кровью.

- Вверх рули глубины, вверх! - крикнул Рамиус.

- Рули глубины подняты вверх, - ответил Райан, левой рукой потянув на себя рычаг управления рулями глубины и прижав правую к изрезанному лицу.

- Сообщить о полученных повреждениях, - скомандовал по-русски Рамиус.

- Реакторная система не пострадала, - тут же послышался ответ Мелехина. - На аварийном пульте вижу, что затоплен торпедный отсек, - мне кажется, что затоплен. Я пустил туда воздух под высоким давлением и включил помпу, которая начала откачивать воду. Советую всплыть на поверхность для оценки полученных повреждений.

- Да! - согласился Рамиус. Он встал, подошел хромая к воздушному коллектору и продул все цистерны.

Ударная подлодка "Даллас"

- Господи, - пробормотал старший акустик, - кто-то столкнулся с кем-то. Слышу шум разрушающегося корпуса, опускающегося вниз, и потрескивание корпуса всплывающей подлодки. Не знаю, которая всплывает, а которая идет ко дну. Двигатели не работают у обоих.

- Немедленно всплыть на перископную глубину! - скомандовал Чеймберз.

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

В 16.54 по местному времени "Красный Октябрь" впервые всплыл на поверхность Атлантического океана в сорока семи милях к юго-востоку от

Норфолка. Вокруг не было ни корабля.

- Гидролокатору конец, шкипер. - Джоунз выключил свою аппаратуру. - Все наружные датчики смяты. Действуют лишь бесполезные борт9вые гидрофоны. Мы не можем пользоваться акустическими системами в активном режиме. Не работает даже "гертруда".

- Иди в носовой отсек, Джоунзи. Ты отлично потрудился. Джоунз достал из пачки последнюю сигарету.

- Всегда рад, сэр, - но следующим летом мой контракт заканчивается, имейте в виду.

Бугаев пошел за американским акустиком, все еще оглушенный и потрясенный взрывом торпеды.

"Октябрь" покачивался на поверхности, погрузившись носом, с двадцатиградусным креном на левый борт от продутых балластных цистерн.

Ударная подлодка "Даллас"

- Ты только посмотри! - удивленно произнес Чеймберз. Он взял микрофон корабельной трансляции.

- Внимание, говорит капитан Чеймберз. "Красный Октябрь" потопил "альфу"! Наши парни в безопасности. Мы всплываем. Группе борьбы за живучесть приготовиться!

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

- С вами все в порядке, капитан Райан? - Джоунз осторожно повернул его голову. - Похоже, у вас на лице глубокие порезы от разбитого стекла, сэр.

- Не стоит беспокоиться - увидим, когда перестанет течь кровь, - заплетающимся языком, словно пьяный, произнес Райан.

- Пожалуй. - Джоунз прижал свой платок к окровавленному лицу Райана. - Надеюсь, обычно вы справляетесь с рулем получше, сэр.

- Капитан Рамиус, позвольте подняться на рубку, чтобы связаться со своим кораблем, - произнес Манкузо.

- Отправляйтесь, нам может понадобиться помощь при ликвидации пробоин.

Манкузо надел куртку, убедился, что маленький радиопередатчик, которым он пользовался при швартовке, все еще в кармане, и через тридцать секунд стоял на вершине паруса. Он успел обвести взглядом горизонт. Еще никогда небо не казалось ему таким красивым. И тут же увидел всплывающий "Даллас".

На расстоянии в четыреста ярдов Манкузо не мог разглядеть лицо офицера на парусе "Далласа", но это наверняка Чеймберз.

- "Даллас", это Манкузо.

- Шкипер, это Чеймберз, - донеслось из крошечного динамика. - С вами все в порядке?

- Да. Но нам нужна помощь. Нос ракетоносца смят, и в борт попала торпеда.

- Вижу, Барт. Посмотри вниз.

- Боже мой! - невольно вырвалось у Манкузо. Рваная пробоина наполовину выступала из воды, в ней плескались волны, и дифферент ракетоносца на нос

был заметен. Манкузо удивился, как они вообще остались на плаву, но сейчас не время выяснять причины.

- Перебирайся к нам, Уолли, и спускай плот.

- Идем. Группа борьбы за живучесть наготове, а я.., вот и наш второй друг, - произнес Чеймберз.

"Поги" всплыл ярдах в трехстах прямо перед "Октябрем".

- Капитан, "Поги" передает, что район чист. Здесь нет никого, кроме нас. Помнится, мы это уже слышали, - невесело засмеялся Чеймберз. - Может быть, связаться с берегом по радио?

- Нет, давай посмотрим, не справимся ли мы с этим своими силами. "Даллас" медленно подошел к "Октябрю". Через несколько минут ударная подлодка Манкузо была в семидесяти ярдах от левого борта ракетоносца, и десять моряков на плотике, преодолевая волны, уже гребли к "Октябрю". До этого момента всего несколько человек на "Далласе" знали, что происходит. Теперь это стало известно всем. Манкузо видел, как матросы, поднявшиеся на палубу, указывают на поврежденный ракетоносец и оживленно разговаривают между собой. Действительно, есть о чем.

Повреждения оказались не такими серьезными, как казалось сначала. Торпедный отсек не был затоплен - от удара сработал датчик и выдал ложный сигнал тревоги. Носовые балластные цистерны треснули, и в них плескалась морская вода, но субмарина была такой большой и ее балластные цистерны были разделены на такое число сот, что дифферент на нос не превышал восьми футов. Крен на борт был всего лишь непривычным. Через два часа заделали пробоину в радиорубке, и после длительного обсуждения, в котором принимали участие Рамиус, Мелехин и Манкузо, пришли к заключению, что ракетоносец может снова погрузиться и продолжать плыть в подводном положении, если скорость хода не будет большой, а глубина погружения не превысит тридцати метров. Правда, в Норфолк они прибудут с опозданием.

День восемнадцатый

Понедельник, 20 декабря

Подводный ракетоносец "Красный Октябрь"

Райан снова стоял на вершине рубки благодаря Рамиусу, который заявил, что американец заслужил это. В обмен на любезность Джек помог ему подняться по трапу на мостик. Рядом с ними был Манкузо. В центральном посту расположилась американская команда, а группа механиков в машинном отделении пополнилась, так что теперь реакторный и турбинный отсеки обслуживала вахта, похожая на нормальную ходовую. Течь в радиорубке полностью ликвидировать не удалось, но пробоина была сейчас выше ватерлинии. Воду из рубки откачали, и крен уменьшился до пятнадцати градусов. "Октябрь" все еще имел дифферент на нос, однако это удалось отчасти компенсировать тем, что уцелевшие балластные цистерны продули полностью. Из-за смятого носа за кормой ракетоносца тянулась неровная кильватерная струя, едва заметная под безлунным небом, затянутым облаками. "Даллас" и "Поги" по-прежнему шли под водой, за кормой

"Октября", прикрывая его от возможного нападения. Процессия приближалась к Кейп-Генри и Кейп-Чарльз.

Где-то далеко за кормой к проливу шел танкер, наполненный сжиженным природным газом. Береговая охрана временно закрыла вход в пролив для всего надводного транспорта, чтобы дать возможность этой плавающей бомбе - по крайней мере так было объявлено на радиочастоте береговой охраны - беспрепятственно пройти к разгрузочному топливному терминалу в Коув-Пойнте, штат Мэриленд. Интересно, подумал Райан, каким образом военно-морскому флоту удалось убедить капитана танкера сделать вид, что у него возникли трудности в машинном отделении или еще каким-то образом отложить время его прибытия. Подводные лодки шли с опозданием на шесть часов. Флот наверняка чертовски нервничал до тех пор, пока они не всплыли сорок минут назад и тут же не были замечены "Орионом", барражирующим у побережья.

Красные и зеленые фонари буев подмигивали им, приплясывая на волнах. Впереди Райан увидел огни моста-туннеля через Чесапикский залив, но движущихся автомобильных фар на нем не было. Судя по всему, ЦРУ удалось инсценировать серьезную катастрофу и перекрыть движение транспорта - поставить поперек шоссе пару трейлеров с прицепами, наполненными яйцами или бензином. Они уж наверняка постарались придумать что-нибудь необычное.

- Вы ведь никогда не были в Америке, - заметил Райан, стараясь поддержать разговор с Рамиусом.

- Нет, я не бывал в западных странах. Только однажды на Кубе, много лет назад.

Райан посмотрел сначала на север, потом на юг. Наверно, они уже миновали мысы у входа.

- Ну что ж, добро пожаловать домой, капитан Рамиус. Лично я, сэр, чертовски рад, что вы здесь.

- Я еще больше рад тому, что вы вернулись домой, - заметил Рамиус, - Это уж точно, можете не сомневаться, - громко рассмеялся Райан. - Благодарю вас еще раз за то, что вы позволили мне стоять на мостике.

- Вы это заслужили, Райан.

- Зовите меня Джек, сэр.

- Это ведь то же самое, что и Джон, верно? - спросил Рамиус. - А Джон по-русски - Иван, нет?

- Да, сэр, пожалуй, что так. - Райан не понял, почему лицо Рамиуса расплылось в широкой улыбке.

- К нам подходит буксир. - Манкузо показал на приближающийся корабль.

У американского капитана было на редкость острое зрение. Райан еще минуту не видел буксира даже в бинокль. Всего лишь тень, чуть темнее ночи, на расстоянии около мили.

- "Скептр", это буксир "Падука". Вы слышите меня? Прием. Манкузо достал из кармана портативную рацию.

- "Падука", это "Скептр". Доброе утро, сэр. - Он говорил с английским акцентом.

- Следуйте за нами, капитан.

- Очень хорошо, "Падука". Исполняем. Конец связи. "Скептр" было названием ударной подлодки британского королевского флота. Она находится

сейчас, наверно, где-то далеко, подумал Райан, патрулирует у Фолклендских островов или в другом отдаленном районе мира. Таким образом, ее прибытие в Норфолк будет обычным рядовым случаем, который трудно опровергнуть. По-видимому, кто-то думал о том, что какой-нибудь русский агент сочтет подозрительным прибытие незнакомой подлодки.

Буксир приблизился на расстояние нескольких сотен ярдов, развернулся и повел их за собой пятиузловым ходом. На корме горел один красный фонарь.

- Надеюсь, нам не попадется какое-нибудь гражданское судно, - заметил Манкузо.

- Но вы сказали, что вход в гавань закрыт, - удивился Рамиус.

- Может показаться какой-нибудь яхтсмен на своей маленькой яхте. Для гражданского водного транспорта открыт свободный проход через гавань к каналу Дизмэл-Суомп, и увидеть яхты на экране радиолокатора практически невозможно. Они шныряют тут все время.

- Но это безумие!

- Мы живем в свободной стране, капитан, - негромко произнес Райан. - Вам понадобится время, чтобы понять, что означает настоящая свобода. Это слово часто используют не по назначению, но со временем вы поймете, что приняли верное решение.

- Вы живете здесь, капитан Манкузо? - спросил Рамиус.

- Да, моя флотилия базируется в Норфолке. У меня дом вон там, на Вирджиния-Бич. Думаю, что не скоро вернусь домой. Нас собираются сразу отправить обратно в морс. Это для них единственный выход. Жаль, что я не смогу провести это Рождество дома. Ничего не поделаешь, служба.

- У вас есть семья?

- Да, капитан. Жена и два сына - Майклу восемь, а Доминику четыре. Они привыкли, что папа редко бывает с ними.

- А у вас, Райан?

- Мальчик и девочка. Думаю, успею вернуться к ним на Рождество. Мне жаль, капитан, что вам это не удастся. Видите ли, какое-то время у меня были сомнения. После того как все утихнет, мне хотелось бы собрать всех участвовавших в этой операции и организовать для них что-нибудь особенное.

- Такой ужин влетит в копеечку, - усмехнулся Манкузо.

- Я предъявлю счет ЦРУ.

- А как поступит ЦРУ с нами? - спросил Рамиус.

- Как я уже говорил, капитан, пройдет год, и вы будете вести свободную жизнь, сможете жить, где и как вам захочется.

- Вот так?

- Да, вот так. Мы гордимся нашим гостеприимством, сэр, и когда меня переведут из Лондона обратно в Вашингтон, вы и ваши офицеры будете желанными гостями в моем доме в любое время.

- Буксир поворачивает налево, - показал Манкузо. Разговор начал казаться ему излишне скучным.

- Командуйте, капитан, - сказал Рамиус. В конце концов это порт Манкузо.

- Лево руля пять градусов, - произнес в микрофон Манкузо.

- Лево руля пять, слушаюсь, - отрепетовал рулевой. - Сэр, руль положен

влево.

- Хорошо.

"Падука" повернул в главный канал, мимо авианосца "Саратога", который по-прежнему стоял под огромным подъемным краном, и направился к длинной шеренге пирсов длиной в милю, представляющей собой норфолкские верфи Военно-морского флота США. Канал был совершенно пуст, по нему шли только буксир и "Красный Октябрь". Интересно, подумал Райан, команда "Падуки" обычная, из рядовых моряков, или из одних адмиралов? Он решил, что вероятность того или другого примерно одинакова.

Норфолк, Виргиния

Через двадцать минут они прибыли к месту назначения. Док "Восемь-десять" был новым сухим доком, построенным для обслуживания флота подводных ракетоносцев типа "огайо", вооруженных баллистическими ракетами. Он представлял собой огромную бетонную коробку длиной больше восьмисот футов, что превышало обычные размеры, и был закрыт стальной крышей, так что разведывательные спутники не могли определить, занят док или нет. Он находился в той части базы, где безопасность обеспечивалась особенно строго и, чтобы подойти к доку, не говоря уже о том, чтобы войти в него, требовалось миновать несколько контрольно-пропускных пунктов с вооруженными охранниками - морскими пехотинцами, а не обычными штатскими.

- Стоп машины, - приказал Манкузо.

- Слушаюсь, стоп машины.

"Красный Октябрь" уже в течение нескольких минут сбавлял ход и полностью остановился только через двести ярдов. "Падука" подошел к правому борту ракетоносца, чтобы развернуть его. Оба капитана - русский и американец - предпочли бы сделать это самостоятельно, маневрируя собственными двигателями, но поврежденная носовая часть затрудняла разворот. Буксиру с дизельной силовой установкой понадобилось пять минут, чтобы точно выровнять нос подлодки прямо перед огромной коробкой дока, заполненной водой. Рамиус сам передал команду в машинное отделение - свою последнюю команду на этой субмарине. Лодка медленно поползла вперед по черной воде под широкую крышу. Манкузо вызвал на палубу своих людей, чтобы они закрепили швартовы, брошенные им горсткой моряков, стоящих на краю дока, и ракетоносец замер точно в его середине. Ворота, через которые только что вошел "Красный Октябрь", уже закрывались, и по ним ползло брезентовое полотно размером с главный парус клипера. Только после того как брезент встал на место, в доке включили освещение. И тут человек тридцать офицеров внезапно издали радостный крик, словно были на футбольном матче. Недоставало только оркестра.

- Стоп машины, заглушить реактор, - произнес по-русски Рамиус, обращаясь к офицерам в машинном отделении, затем перешел на английский:

- Вот и все.

Подвижный мостовой кран поехал к ним, остановился, поднял трап и осторожно установил его на ракетной палубе перед рубкой. Едва трап оказался на месте, как по нему начали спускаться - вернее, побежали - два офицера с

золотыми нашивками на рукавах, доходившими чуть ли не до локтей. Райан узнал того, что был впереди, - адмирала Дэна Фостера.

Командующий морскими операциями отсалютовал флагу, остановился на краю трапа и поднял голову к рубке.

- Прошу разрешения войти на борт, сэр.

- Разрешение...

- Разрешаю, - подсказал Манкузо.

- Разрешаю войти на борт, - громко произнес Рамиус. Фостер спрыгнул на палубу и по внешнему трапу вскарабкался на вершину рубки. Это оказалось непросто, потому что у ракетоносца все еще был заметный крен на левый борт. Адмирал тяжело дышал, когда появился на верхнем мостике.

- Капитан Рамиус, меня зовут Дэн Фостер, - произнес он. Манкузо помог командующему морскими операциями перешагнуть через комингс <Комингс - окаймление отверстия в палубе корабля, например грузового или сходного люка.>. На мостике стало тесно. Американский адмирал и русский капитан первого ранга пожали друг другу руки, затем Фостер пожал руку Манкузо. Джек оказался последним.

- Похоже, мундир надо привести в порядок, Райан. Да и лицо тоже.

- Видите ли, у нас возникли небольшие осложнения.

- Оно и заметно. Что случилось?

Райан не стал ждать конца объяснений. Не спрашивая разрешения, он спустился вниз. Там, на мостике, у офицеров были свои интересы, которые уже не входили в сферу его деятельности. В центральном посту стояли улыбающиеся моряки, но все молчали, словно опасаясь, что магия этой волшебной минуты исчезнет слишком быстро. Для Райана она уже исчезла. Он огляделся по сторонам, увидел люк, ведущий на палубу, и пролез через него, прихватив с собой все, что принес на борт "Красного Октября". Затем поднялся по трапу навстречу потоку офицеров, спускавшихся на борт ракетоносца. Никто не обратил на него внимания. Два санитара несли носилки, и Райан решил подождать на краю дока, пока сюда поднимут Уилльямза. Британский офицер пропустил все происшедшие события, потому что пришел в сознание только три часа назад. Ожидая его, Райан выкурил последнюю русскую сигарету. Наконец на краю дока появились носилки с пристегнутым к ним Уилльямзом. Следом шли Нойз и оба санитара с подводных лодок.

- Как вы себя чувствуете? - спросил Райан, идя рядом с носилками к машине "Скорой помощи".

- Я жив... - прошептал Уилльямз. Его бледное лицо осунулось. - А вы?

- Слава Богу! Наконец-то я почувствовал твердь под ногами. - А лейтенант скоро почувствует под собой больничную койку. Мне было приятно познакомиться с вами, Райан, - коротко произнес врач. - Побыстрее, парни. - Санитары вкатили носилки в машину, стоящую у широких дверей. Через минуту она уехала.

- Вы - капитан Райан, сэр? - спросил сержант морской пехоты, салютуя ему.

- Да, - ответил Райан, приложив руку к фуражке в ответном салюте.

- Вас ждет машина, сэр. Прошу следовать за мной.

- Идите, сержант.

Автомобиль, серо-голубой "шевроле", привез их на базу морской авиации. Здесь Райан поднялся на борт вертолета. К этому времени он так устал, что сел бы и в сани с оленьей упряжкой. Во время перелета на авиабазу Эндрюз, продолжавшегося тридцать пять минут, Райан сидел в салоне один, глядя в пустоту. На авиабазе ждал другой автомобиль, который отвез его прямо в Лэнгли.

Штаб-квартира ЦРУ

Когда Райан наконец вошел в кабинет Грира, было четыре часа утра. Вместе с адмиралом в кабинете сидели Мур и Риттер. Грир протянул ему стакан, но в нем был не кофе, а настоящий американский бурбон - "Уайлд Терки". Все три руководителя ЦРУ пожали ему руку.

- Садись, парень, - сказал Мур.

- Ты чертовски здорово поработал, - улыбнулся Грир.

- Спасибо. - Райан сделал большой глоток. - Что дальше?

- Теперь мы ждем от тебя подробного рассказа, - ответил Грир.

- Нет, сэр. Теперь я улетаю домой, черт побери. Усмехнувшись, адмирал достал из кармана пиджака конверт и бросил его на колени Райана.

- Тебе забронировано место на первом самолете, вылетающем в Лондон из Международного аэропорта Даллеса в 7.05. Не забудь помыться, сменить наряд и прихвати Барби-лыжницу.

Райан допил остаток бурбона. От крепкого виски заслезились глаза, но он сумел удержаться от кашля.

- Похоже, вашей форме морского офицера изрядно досталось, - заметил Риттер.

- Мне тоже. - Райан сунул руку под куртку и достал автоматический пистолет. - Да и он не лежал без дела.

- Агент ГРУ? Разве его не сняли с ракетоносца вместе с остальной командой? - спросил Мур.

- Так вы знали о нем? Знали и не предупредили меня! Господи!

- Успокойся, сынок, - мягко сказал Мур. - Мы опоздали на полчаса. Не повезло, но ты справился с ним. Вот что главное.

Райан слишком устал, чтобы закричать от ярости, вообще слишком устал. Грир поставил на стол магнитофон и достал блокнот, страницы которого были исписаны вопросами.

- Уилльямз, британский офицер, в тяжелом состоянии, - сказал Райан через два часа. - Правда, врач говорит, что он выкарабкается. Подлодка уже не способна идти куда-нибудь. У нее смят нос, а в борту огромная пробоина от торпеды. Между прочим, адмирал, они были правы относительно "тайфуна". Русские построили эту крошку на совесть, слава Богу. Знаете, на этой "альфе" кто-то мог остаться в живых...

- Очень жаль, - произнес Мур.

- Я так и подумал, сэр, - медленно кивнул Райан. - Не уверен, сэр, что можно оставить людей умирать такой смертью.

- Мы тоже так считаем, - согласился Мур, - но если удастся спасти кого-нибудь с "альфы", тогда, понимаешь, все, через что мы прошли - через

что ты прошел, - окажется напрасным. Тебе этого хочется?

- К тому же вероятность, что кто-то жив, - один к тысяче, - добавил Грир.

- Не знаю, - пробормотал Райан, допивая третью порцию бурбона и начиная чувствовать его действие. Он предполагал, что Мур не проявит интереса к тому, остался ли кто-нибудь живой на "альфе" или нет. А вот реакция Грира удивила его. Значит, старый моряк поддался развращающему влиянию этой операции - или это стало результатом службы в ЦРУ - и забыл о кодексе морской чести. А что тогда сказать о самом Райане? - Не знаю, - повторил он.

- Это война, - заметил Риттер мягче обычного, - настоящая война. Ты хорошо справился со своей работой, парень.

- Главное на войне - это вернуться домой живым. - Райан встал. - И это, господа, я и собираюсь сделать, прямо сейчас.

- Твои вещи в ванной. - Грир посмотрел на часы. - Если хочешь, успеешь побриться.

- Ах да, едва не забыл. - Райан сунул руку под воротник и снял с шеи цепочку с ключом. Он передал его Гриру. - Вроде ничего особенного, правда? Однако этим можно убить пятьдесят миллионов людей. "Имя мое Озамандус, я король королей, взгляни на труды мои, Всемогущий, и приди в отчаяние!". - Райан направился к ванной, понимая, что пьян, иначе он не стал бы цитировать Шелли.

Они смотрели ему вслед. Грир выключил магнитофон и посмотрел на ключ у себя в руке.

- Все еще хочешь представить его президенту? - спросил он.

- Нет, пожалуй, не стоит, - покачал головой Мур. - Парень опьянел, и я ничуть не виню его. Проследи, чтобы он попал в аэропорт, Джеймс, и не опоздал на рейс. Завтра или послезавтра пошлем в Лондон группу специалистов, которые выжмут из него все остальное.

- Отлично. - Грир посмотрел в свой пустой стакан. - Не слишком ли рано для этого, а? Мур осушил свой третий бокал.

- Пожалуй, - согласился он. - Но это был относительно удачный день, а солнце еще не взошло. Пошли, Боб. Нужно заканчивать операцию.

Верфи ВМС в Норфолке

Манкузо и его люди поднялись на борт буксира "Падука", который доставил их обратно на "Даллас". Ударная подлодка типа 688 немедленно вышла в море и погрузилась еще до восхода солнца. "Поги", который так и не входил в порт, предстояло закончить патрулирование без своего санитара. Обе подлодки получили приказ оставаться в море еще тридцать суток. В течение этого времени членов их команд будут убеждать, что они ничего не видели, не слышали и ничем не интересовались.

"Красный Октябрь" одиноко стоял в сухом доке, из которого откачивали воду. Его охраняли двадцать вооруженных морских пехотинцев. Для дока "Восемь-десять" в этом не было ничего необычного. Группа из специально отобранных инженеров и техников уже принялись за осмотр русского ракетоносца. Первыми забрали с подлодки шифровальные книги и кодирующие

устройства. Еще до полудня их доставят в штаб-квартиру Агентства национальной безопасности в Форт-Миде.

Рамиуса и его офицеров с личными вещами отвезли на тот самый аэродром, с которого вылетел Райан. Через час они оказались в "безопасном" доме ЦРУ, расположенном среди живописных холмов к югу от Шарлотсвилла в штате Виргиния. Все они сразу отправились спать - за исключением двух офицеров, которые остались смотреть кабельное телевидение, уже изумленные увиденным ими в Соединенных Штатах.

Международный аэропорт Даллеса

Райан не видел восхода солнца. Он поднялся на борт авиалайнера "Боинг-747", который вылетел в 7.05, точно по расписанию. Небо было затянуто облаками, и когда самолет пробил густую облачность и его залили лучи солнца, Райан уже спал. Впервые в жизни он заснул во время перелета.

Обращений с начала месяца: 186, Last-modified: Thu, 23 May 2002 04:49:53 GMT
Оцените этот текст:Не читал10987654321